

2026 № 2



ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН



2(36)
2026

ВЕСТНИК Института востоковедения РАН

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2026

2 (36)



**Журнал выходит четыре раза в год
Основан в феврале 2018 года**

Москва

ISSN 2618-7302

Периодическое издание

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2

Рецензируемый научный академический журнал

Учрежден Ученым советом Института востоковедения Российской академии наук

Зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-79902 от 18.12.2020

Главный редактор

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН
Е. Ю. Ванина

Редакционная коллегия

А. В. Акимов
А. К. Аликберов
В. М. Алпатов
С. Э. Бабкин
А. Г. Белова
В. Я. Белокреницкий
С. А. Бурлак
А. В. Воронцов
А. В. Демченко
А. Ю. Другов

Д. В. Дубровская
А. О. Захаров
Т. А. Карасова
Е. Л. Катасонова
А. И. Кобзев
В. А. Кузнецов
Ю. В. Любимов
Н. М. Мамедова
С. Е. Малых
Д. В. Микульский

Д. В. Мосяков
В. Н. Настич
В. В. Наумкин
К. В. Орлова
Н. Г. Романова
А. В. Сарабьев
В. Н. Саутов
Т. Л. Шаумян

На обложке: Памятник Хеттскому солнечному диску (Hitit Güneş Kursu Anıtı), Анкара, Турция. Фото И. А. Свистуновой, 2010 г.

© ФГБУН ИВ РАН, 2026

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала. Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12

FEDERAL STATE BUDGET INSTITUTION OF SCIENCE
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS
2026
2 (36)



Published quarterly
Founded in February, 2018

Moscow

ISSN 2618-7302

Peer-reviewed academic journal

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation: ISSN 2618-7302

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media
(Roskomnadzor) Certificate of mass media registration: ПИИ № ФС 77-79902 dated 18.12.2020

Editor-in-Chief

Dr Eugenia Vanina

Editorial Board

A. V. Akimov

A. K. Alikberov

V. M. Alpatov

S. E. Babkin

A. G. Belova

V. Y. Belokrenitsky

S. A. Burlak

A. V. Vorontsov

A. V. Demchenko

A. Y. Drugov

D. V. Dubrovskaya

A. O. Zakharov

T. A. Karasova

E. L. Katasonova

A. I. Kobzev

V.A. Kuznetsov

Y. V. Lyubimov

N. M. Mamedova

S. E. Malykh

D. V. Mikulskiy

D. V. Mosyakov

V. N. Nastich

V. V. Naumkin

K. V. Orlova

N. G. Romanova

A. V. Sarabyev

V. N. Sautov

T. L. Shaumian

On the cover: The Hittite Sun Disc Monument (Hitit Güneş Kursu Anıtı), Ankara, Türkiye. Photo by I. Svistunova, 2010

© Editorial Board, Journal of the Institute of Oriental Studies, 2026

The opinions of the contributors may not necessarily coincide with the views of the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences, Editor and Editorial Board of the Journal. Editorial Board bears no responsibility
for the accuracy and veracity of the information presented by the authors.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russia, 107031

Опубликованные в журнале «Вестник Института востоковедения РАН» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора.

Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

5.5. Исторические и политические науки

5.5.1. История и теория политики

5.5.4. Международные отношения

5.6. Исторические науки

5.6.2. Всеобщая история

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

5.9. Филологические науки

5.9.2. Литературы народов мира

5.9.6. Языки народов зарубежных стран

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Е. Ю. Ванина.* Жених для принцессы: семейная жизнь индийских князей под британским контролем (Бхопал, XIX в.) 10
- С. Л. Кузьмин.* Гибель Джунгарского ханства и геноцид джунгаров в XVIII в. Часть II 20
- Е. Е. Самойлова.* От личности к халифату: проект Хасана аль-Банни и его транснациональное наследие 37
- Н. З. Мосаки.* Друг Советского Союза и России: индийский историк Девендра Каушик (1934–2020) 44

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- В. П. Кашин.* Индия и Китай в соперничестве за Брахмапутру 70
- Н. Н. Миклухо-Маклай-мл.* Между наукой и дипломатией: траектории отношений России с Папуа-Новой Гвинеей. Часть I 77

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

- Т. А. Карасова.* Биньямин Нетаньяху — политик, изменивший характер политической системы Израиля 89
- Abhijeet Singh.* Shifting Political Culture in Bangladesh, Linguistic Pride to Fundamentalism: a Historical Analysis 102
- F. J. Brambila Martinez, D. E. Gribkova.* The Role of Knowledge Demand in Innovation Systems: Evidence from Japan`s State-Industry Coordination 115

ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

- О. В. Столбова.* Чадско-кушитско-омотские лексические изоглоссы и структура афразийской макросемьи 130
- Н. И. Ни.* У страданий — женское лицо. Трансформация образа Асанё в поэмах Син Донъёпа (신 동엽): от легенды к поэзии 139

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Круглый стол «Турция в мировой политике: от уроков истории к современным проблемам», 24 ноября 2025 г.

- А. Г. Гаджиев.* Круглый стол «Турция в мировой политике: от уроков истории к современным проблемам» 151
- Ф. И. Усмонов.* Отношения Бухарского эмирата и Османской империи в XIX в.: политика сближения VS геополитический прагматизм 154
- И. А. Свистунова.* Опыт нормализации отношений и развития сотрудничества между Турцией и Грецией при президенте Ататюрке 164
- А. Г. Гаджиев.* Конституционные реформы в Турции в первой четверти XXI в. 172

<i>Т. О. Караяка.</i> Россия и российско-турецкие отношения в дискурсе левых партий Турции (1990-е — 2020-е гг.)	181
<i>А. В. Болдырев.</i> К вопросу о военно-техническом сотрудничестве России и Турции в условиях специальной военной операции (2022–2025)	188
<i>И. И. Стародубцев.</i> Российско-турецкие торгово-экономические отношения: от состояния к трендам и перспективам	195
<i>А. З. Аюпов.</i> Новый этап экономического партнерства: турецкие инвестиции в Россию в 2021–2025 гг.	201
<i>С. Л. Волкова.</i> Современное турецко-башкирское инвестиционное партнерство	205
<i>Н. Ю. Ульченко.</i> Опыт использования мягкой силы в российско-турецких отношениях: проблема долгосрочной эффективности	213
<i>А. Р. Чедия.</i> Гуманитарные инициативы Турецкой Республики в странах Южного Кавказа: основные направления и цели	221
<i>В. К. Кочарян.</i> Реализация геополитических прогнозов 2021 г.: турецкий аспект на рубежах Южного Кавказа	245
<i>М. Х. Амрахов.</i> Турецкий энергетический хаб: перспективы реализации проекта	258
<i>Н. М. Давидов.</i> Отношения Турции и ЕС в условиях геополитических перемен XXI в.	267
<i>Е. А. Жаворонкова.</i> Турция и Ливан: тернистый путь двусторонних отношений в первой четверти XXI в.	274
<i>И. И. Иванова.</i> Отношения Турции с Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива	282

CONTENTS

HISTORY

- E. Yu. Vanina.* A Fiancé for the Princess: Family Life of Indian Princes Under the British Control (Bhopal, Nineteenth Century) 10
- S. L. Kuzmin.* Collapse of the Zungar khanate and genocide of the Zungars in the Eighteenth Century. Part II 20
- E. E. Samoilova.* From the Individual to the Caliphate: Hasan al-Banna's Project and Its Transnational Legacy 37
- N. Z. Mosaki.* Devendra Kaushik (1934–2020). An Indian Historian, Friend of the Soviet Union and Russia 44

INTERNATIONAL RELATIONS

- V. P. Kashin.* India and China Rivalry for the Brahmaputra 70
- N. N. Miklouho-Maclay jr.* Between Science and Diplomacy: Trajectories of Russia's Relations with Papua New Guinea. Part I. 77

POLITICS AND ECONOMY

- T. A. Karasova.* Benjamin Netanyahu, the Politician Who Changed Israel's Party System 89
- Abhijeet Singh.* Shifting Political Culture in Bangladesh, Linguistic Pride to Fundamentalism: a Historical Analysis 102
- F. J. Brambila Martinez, D. E. Gribkova.* The Role of Knowledge Demand in Innovation Systems: Evidence from Japan's State-Industry Coordination 115

LANGUAGES AND LITERATURES

- O. V. Stolbova.* Lexical Links Between Chadic, Cushitic, Omotic Languages and the Structure of the Afroasiatic Macrofamily 130
- N. I. Ni.* Suffering Has a Female Face. Transformation of the Asanyo Image in the Sin Dong-Yeop's (신 동엽) Poems: From Legend to Poetry 139

ACADEMIC LIFE

ROUND TABLE "TÜRKIYE IN GLOBAL POLITICS: FROM LESSONS OF HISTORY TO CONTEMPORARY PROBLEMS". November 24, 2025

- A. G. Gadzhiev.* Round Table "Türkiye in Global Politics: from Lessons of History to Contemporary Problems" 151
- F. I. Usmonov.* Relations between the Emirate of Bukhara and the Ottoman Empire in the 19th Century: Rapprochement VS Geopolitical Pragmatism 154
- I. A. Svistunova.* Experience of Normalization of Relations and Development of Cooperation Between Türkiye and Greece Under President Atatürk 164
- A. G. Gadzhiev.* Constitutional Reforms in Türkiye in the First Quarter of the 21st Century 172

<i>T. O. Karayaka.</i> Russia and Russian-Turkish Relations in the Turkish Left Parties' Discourse (1990s – 2020s)	181
<i>A. V. Boldyrev.</i> On the Question of Military-Technical Cooperation Between Russia and Türkiye Under the Conditions of Special Military Operation (2022–2025)	188
<i>I. I. Starodubtsev.</i> Russian-Turkish Trade and Economic Relations: From Current State to Trends and Prospects	195
<i>A. Z. Ayupov.</i> A New Stage of Economic Partnership: Turkish Investments in Russia in 2021–2025	201
<i>S. L. Volkova.</i> Recent Turkish-Bashkir Investment Partnership	205
<i>N. Yu. Ulchenko.</i> The Experience of Using Soft Power in Russian-Turkish Relations: on the Question of Long-Term Effectiveness	213
<i>A. R. Chedia.</i> Humanitarian Initiatives of the Republic of Türkiye in the South Caucasian Countries: Main Directions and Perspectives	221
<i>V. K. Kocharian.</i> Realization of Geopolitical Prognoses in 2021: the Turkish Aspect of the Borders of South Caucasus	245
<i>M. Kh. Amrakhov.</i> Türkiye's Energy Hub: Prospects for Project Implementation	258
<i>N. M. Davidov.</i> Türkiye—EU Relations in the Context of Geopolitical Changes in the 21st Century	267
<i>E. A. Zhavoronkova.</i> Türkiye and Lebanon: the Thorny Path of Bilateral Relationships in the First Quarter of the 21st Century	274
<i>I. I. Ivanova.</i> Türkiye's Relations with the Gulf Arab States Cooperation Council	282

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-010-019

ЖЕНИХ ДЛЯ ПРИНЦЕССЫ: СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ИНДИЙСКИХ КНЯЗЕЙ ПОД БРИТАНСКИМ КОНТРОЛЕМ (БХОПАЛ, XIX в.)

© 2026

Е. Ю. Ванина¹

На примере княжества Бхопал статья рассматривает всепроникающий контроль британских колониальных властей над «туземными государствами» и их правящими семьями. Причем, как свидетельствуют исследуемые автором материалы из Национального архива Индии, такой контроль в ряде случаев инициировался самими князьями. Эти материалы демонстрируют, что колониализм, обычно трактуемый как экономическая эксплуатация подвластных территорий и военно-политическое доминирование над ними, имел весьма мощный ментальный аспект, создавая у туземной элиты представление о невозможности решать даже семейные проблемы без одобрения белых сахибов. Поэтому правительница Бхопала Шах-Джахан-бегам не просто направила британскому правительству своеобразный «каталог» возможных женихов для своей дочери и наследницы с подробным обоснованием сделанного выбора, но и, не получив ответа сразу, настойчиво просила вице-короля Индии как можно скорее утвердить избранную кандидатуру и санкционировать бракосочетание. Со своей стороны, вице-король дал свое согласие лишь после командировки в Бхопал особого чиновника с поручением разведать отношение княжеской семьи и самой принцессы к предполагаемому браку, и лишь только получив подтверждение согласия семьи и невесты на брак, одобрил предполагаемого жениха. С британской стороны такая осторожность объяснялась стремлением любой ценой избежать конфликтов внутри княжеских семей, а с бхопальской — намертво вбитой в сознание князей уверенностью в собственной, без участия британского правительства, неспособностью решить даже семейную проблему и страхом разгневать сюзерена неверным решением.

Ключевые слова: Бхопал, Шах-Джахан-бегам, Султан-Джахан-бегам, лорд Нортбрук, колониализм, «туземные государства»

Для цитирования: Ванина Е. Ю. Жених для принцессы: семейная жизнь индийских князей под британским контролем (Бхопал, XIX в.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 2. С. 10–19. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-010-019

A FIANCÉ FOR THE PRINCESS: FAMILY LIFE OF INDIAN PRINCES UNDER THE BRITISH CONTROL (BHOPAL, NINETEENTH CENTURY)

Eugenia Yu. Vanina

Bhopal princely state in Central India and its search for a fiancé for the heiress apparent is a case study of the all-pervasive control of the British colonial authorities over the ‘native states’ and their ruling families.

¹ Ванина Евгения Юрьевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; eug.vanina@gmail.com

Eugenia Yu. Vanina, DSc (Hist.), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; eug.vanina@gmail.com
ORCID: 0000-0002-7992-3013

As demonstrated by the materials from the National Archives of India, such control was in more than one case initiated by the princes themselves. Those documents prove demonstrate that colonialism, usually understood as economic exploitation of the subjugated peoples and military-political domination over them, had also a powerful mental aspect, making the local elites feel it impossible to solve even the family problems without the approval of the Sahibs. Therefore, Shah Jahan Begum, the ruler of Bhopal, not just dispatched to the British government a 'catalogue' of the possible matches for her daughter and heiress, with a detailed explanation of the made choice, but, as the request of approval was delayed, persistently asked the Viceroy of India to approve the chosen youth and to sanction the wedding.

From his side, the Viceroy approved of the choice only after sending to Bhopal an officer with a mission to investigate the attitude of the ruling family and the princess herself to the selected fiancé, and only after getting the acceptance of the family and the girl, the match was approved by the Viceroy. From the British side, such caution was explained by the British aspiration to avoid princely family feuds by all means, while from the Bhopali side, it was the confidence, totally ingrained into the minds of the native elites, in their full incapability to solve even a family problem without the British government, as well as fear to anger the suzerain by a wrong choice.

Keywords: Bhopal, Shah Jahan Begum, Sultan Jahan Begum, lord Northbrook, colonialism, princely states

For citation: Vanina E. Yu. A Fiancé for the Princess: Family Life of Indian Princes Under the British Control (Bhopal, Nineteenth Century). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 2. Pp. 10–19. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-010-019

Расположенное в Центральной Индии княжество Бхопал отличалось от прочих «туземных государств» — вассалов Британской империи² тем, что там на протяжении века правили 4 поколения женщин-мусульманок: Кудсия-бегам (1819–1837), Сикандар-бегам (1847–1868), Шах-Джахан-бегам (1868–1901) и Султан-Джахан-бегам (1901–1926)³. Из четырех княгинь три были замужем (одна, Шах-Джахан-бегам, даже дважды), но власть принадлежала именно им, а не мужьям, за исключением периода с 1872 по 1885 г., когда Шах-Джахан-бегам уступила власть супругу Сиддику Хасан-хану, который был отстранен от власти британцами за поддержку ваххабизма. Все правительницы Бхопала строго исполняли предписания ислама, но при этом обладали широтой взглядов и открытостью к новым идеям, прежде всего западным. При этом они отличались исключительной лояльностью к британскому сюзерену, за что нередко удостоивались похвал и наград со стороны колониальных властей⁴.

Тема княжеств или «туземных государств» колониальной Индии в последнее время приобрела научную актуальность. Среди различных ее аспектов особый интерес исследователей вызывает вопрос о взаимоотношениях индийских князей с британским сюзереном (см. подробнее: [Ванина, 2024, с. 153–209]). Так называемые субсидиарные договоры, регулировавшие эти взаимоотношения, однозначно закрепляли суверенную власть князей и невмешательство британских властей во внутренние дела княжеств, одновременно провозглашая, что правители «будут действовать в подчиненном сотрудничестве (subordinate cooperation) с британским правительством, признавать его верховенство (supremacy)» [Aitchison, 1893, pp. 297–298]. Что касается непосредственно Бхопала, то подписанный в 1818 г. в Раисене договор между ним и Ост-Индской компанией гарантировал, что «наваб (правитель Бхопала — Е. В.) и его наследники останутся абсолютными правителями

² К концу колониальной эпохи (1947) в Южной Азии таких государств насчитывалось около 600.

³ Указаны даты правления.

⁴ История княжества Бхопал и его правящей династии, политика правителей и их мировоззрение, а также взаимоотношения с колониальными властями были исследованы мной в [Ванина, 2024]. В данной статье я представляю архивные материалы, которые не вошли в книгу.

своей страны, и юрисдикция британского правительства ни в коем случае не будет распространяться на данное княжество» [Там же, с. 298].

Таким образом, за навабом признавалось суверенное право управлять подвластной территорией без британского вмешательства. Однако на самом деле, как свидетельствуют материалы Национального архива Индии, правительство Бхопала было обязано ежегодно направлять колониальным властям полный отчет о своей деятельности. Он включал в себя данные о сельском хозяйстве, урожаях, сборе налогов, строительстве дорог, открытии школ и больниц, прочих проектах, осуществлявшихся за счет казны, положении в армии и полиции княжества, развитии образования и медицинской службы. В отчетах также шла речь об инспекционных объездах территории Бхопала, которые княгини совершали регулярно, на ходу разрешая споры, отвечая на жалобы и просьбы подданных, а также демонстрируя им самих себя во всем царственном блеске. Непременно упоминались и наиболее значимые события в правящей семье: браки, рождения и смерти.

«Обеспечить согласие и санкцию Вашего превосходительства»

Последнее, казалось бы, и вовсе не должно было интересовать британские власти, ведь речь шла о сугубо семейных делах. Однако и эта сфера не ускользала от внимания сахибов, о чем свидетельствует обнаруженная мною в Национальном архиве Индии папка с документами, датированная 1872–1873 гг. и озаглавленная «Выбор Ахмада Али-хана из Джелалабада в качестве супруга для Султан-Джахана-бегам, 1872–1872)» [Selection, 1872]. В 1872 г. правившая Бхопалом Шах-Джахана-бегам озабочилась поисками жениха для своей 14-летней дочери и наследницы Султан-Джахана-бегам. Несмотря на всю широту взглядов и «западничество», снискавшее им у англичан репутацию «прогрессивных», правители Бхопала в своей семье практиковали ранние браки. Впоследствии Султан-Джахана-бегам женила своего 11-летнего сына на 5-летней девочке, в 12 лет ставшей матерью. В данной же папке содержатся документы о поиске жениха для нее самой.

Шах-Джахана-бегам никогда не испытывала к дочери материнской любви и нежности. Даже когда принцесса была ребенком, ее общение с матерью сводилось к обмену сухими, официальными письмами. Единственным искренне любившим ее человеком была бабушка, Сикандар-бегам [Ванина, 2021, с. 392–398]. Архивная папка открывается переводом письма, которое Сикандар-бегам в 1868 г., незадолго до смерти, адресовала полковнику Уиллоуби Осборну, политическому агенту⁵ в Бхопале. В письме сообщалось о том, что княгиня составила список возможных претендентов на руку ее внучки и снабдила его соответствующими комментариями о происхождении потенциального жениха, его семье и чертах характера [Selection, 1872, pp. 2–3].

Далее [Ibid, p. 3] в папку подклеен перевод письма: престарелая Кудсия-бегам, первая из княгинь Бхопала, направила его своей внучке, Шах-Джахана-бегам. Более подробный текст этого письма приведен в биографии Кудсии-бегам, составленной ее правнучкой, той самой наследницей престола, для которой искали жениха [Sultan Jahan, 1918, p. 46]. Письмо относится ко времени, когда вопрос о женихе был решен, и Кудсию-бегам, уже давно под английским нажимом отказавшуюся от власти и уединившуюся в своем поместье, просто поставили в известность о готовящейся свадьбе правнучки. Шах-Джахана-бегам, относившаяся к бабушке с нескрываемой враждебностью, пренебрегла обычаем, требовавшим хотя бы формально посоветоваться со старшей родственницей о важном семейном

⁵ Политический агент — английский чиновник, надзиравший за положением в княжестве и подотчетный агенту генерал-губернатора (AGG), отвечавшему за княжество, расположенные в определенном регионе (в данном случае — Центральной Индии).

события, и Кудсия-бегам в письме, холодно-официальный тон коего плохо скрывал обиду, просто подтвердила получение и пожелала новобрачным счастья⁶.

За этим письмом в папке следует послание Шах-Джахан-бегам полковнику Осборну (октябрь 1872 г.) о том, что «проконсультировавшись с ее высочеством Султан-Джахан-бегам о ее предпочтениях», она избрала ей в женихи «некоего Ахмада Али-хана из афганского племени мирази-кхел⁷, жителя Джалалабада». Этот кандидат, сообщала далее княгиня, был одобрен всеми старшими членами правящей семьи. И далее, «для того, чтобы этот брак получил санкцию генерал-губернатора Индии⁸, я здесь же направляю письмо его превосходительству вице-королю с приложением копии документа (оригинал Вы уже видели) с обоснованием данного выбора, с подписями и печатями ее высочества Султан-Джахан-бегам и членов семьи, подтверждающими их согласие с вышеупомянутым брачным предложением... Я буду крайне признательна, если Вы окажете мне честь и передадите данное письмо его превосходительству вице-королю» [Ibid, pp. 7–8].

Следующий документ — послание Шах-Джахан-бегам вице-королю лорду Нортбруку, датированное 21 октября 1872 г. Вначале княгиня извещает о том, что, поскольку ее наследнице минуло 14 лет, ее брак «является делом чрезвычайной важности, но с сожалением утверждаю, что не смогла найти достойного кандидата. Единственный юноша, который может стать достойным супругом для ее высочества, — тот, кого выбрала моя мать во время поездки в Агру в 1866 г., Ахмад Али-хан, сын покойного Баки Мухаммад-хана из Джалалабада, дистрикт Музаффарнагар... Его с согласия семьи привезли в Бхопал и поселили во дворце, дабы дать ему соответствующее образование, чтобы он смог выполнить свою будущую миссию достойно». Далее следуют сведения о происхождении жениха, в момент написания письма достигшего 16 лет, о его «привлекательной» внешности, принадлежности к «уважаемой семье», о матери, которая «живет вместе с дочерью в Джалалабаде и иногда посещает Бхопал». Юноша «уже освоил Коран и в настоящее время изучает английский и персидский языки». А затем снова: «он происходит из старинной и уважаемой джалалабадской семьи» [Ibid, pp. 11–12]. Княгиня также известила, что составленный по ее приказу список претендентов был представлен как членам семьи, так и самой принцессе, а также «главным чиновникам» княжества: они остановили свой выбор на Ахмаде Али-хане и удостоверили его подписями и личными печатями; правительница выразила удовлетворение тем, что предпочтение ее дочери и родственников совпало с ее собственным.

И далее: «Я осмелилась обратиться к Вашему превосходительству по данному вопросу, дабы обеспечить согласие и санкцию Вашего превосходительства на данный брак. Я надеюсь на счастье получить ответ Вашего превосходительства, который избавит мой разум от беспокойства, испытываемого в связи с данным вопросом» [Ibid, pp. 14–15]. Затем следует незаконченный, местами оборванный черновик списка претендентов и еще одно письмо от прабабушки невесты, Кудсии-бегам, адресованное княгине и датированное 17 декабря 1872 г., т. е. через несколько месяцев после первого. В нем звучит та же обида: «Я не имею никакого голоса в данном вопросе, кроме выражения наилучших пожеланий членам семьи», а за этим следует предостережение: «выбор жениха не из членов княжеской семьи может вызвать вопросы о наследовании власти, дабы государство, как и прежде, могло пребывать в мире и спокойствии» [Ibid, pp. 29–30].

За этим следует многостраничная таблица с данными обо всех претендентах [Ibid, pp. 31–49], составленная по большей части еще Сикандар-бегам в 1868 г. и впоследствии дополненная по приказу ее дочери. Построена она так: имя отца, имя самого юноши, его возраст, имя деда, клан отца,

⁶ См. подробнее: [Ванина, 2021, с. 392–393].

⁷ На самом деле мирази-кхел были одним из кланов пуштунского племени оракзай. К этому племени принадлежал основатель княжества Бхопал Дост Мухаммад-хан.

⁸ После того, как Индия в 1858 г. перешла под власть британской короны, существовавшая с 1833 г. должность генерал-губернатора Индии стала называться «вице-король и генерал-губернатор в совете».

клан матери и «комментарии». Все рассматривавшиеся кандидатуры были афганского происхождения, многие из того же клана мирази-кхел, к которому принадлежал правящий дом Бхопала. Но наибольший интерес, разумеется, представляют «комментарии»: в них речь идет о внешности, характере, образовании и, снова, происхождении кандидата. Так, у Мияна Фазил Мухаммад-хана мать была «дочерью сипая», а внешность оказалась «непривлекательной». У Нура Мухаммад-хана «бабушка с материнской стороны была проституткой». Такие темные пятна обнаружились у нескольких претендентов. Кстати, наиболее прославленные и богатые гетеры — певицы и танцовщицы — не обслуживали всех подряд клиентов, а становились содержанками аристократов, нередко из княжеских семей. Если гетере удавалось заключить с «покровителем» дозволяемый мусульманским правом «временный брак (*мута*)» на несколько заранее оговоренных лет, дети от подобных браков считались законными [Суворова, 1995, с. 187–188], но, разумеется, непригодными для союзов с высокопоставленными особами. У одного из претендентов, кстати, помимо «непривлекательной внешности», оказалось «незаконное происхождение матери» [Selection, 1872, p. 32].

Некоторые были отвергнуты из-за пусть законного, но скромного (*humble*) происхождения матери. О части кандидатов в «комментариях» указано как о «безобразных», в нескольких случаях добавлено «рожден от рабыни», часто комментарий гласит: «уродливый, но законнорожденный» (у одного из таких юношей еще и «бабушка по матери была проституткой»). Один претендент перенес венерическое заболевание, другой был дважды женат, и жены были живы [Ibid, p. 18]. Кто-то нажил детей от наложницы. Имел значение и уровень образования кандидата: один «сносно» владел персидским, но не знал арабского, что было необходимым для высокородного мусульманина, другой был и вовсе неграмотен, третий «не умел даже написать свое имя». Один претендент был отвергнут как «тупой и ленивый», двое других — из-за того, что родственники живут в Бхопале и занимают низкие посты в армии и администрации [Ibid, pp. 19–20]. Таких кандидатов, кстати, было несколько, и их отвергали, даже если их родственники занимали в княжестве высокие посты: негоже было выдавать принцессу за сына (племянника, кузена и т. п.) служащего, даже высокопоставленного. Нашелся среди юношей и «красивый, рожденный от грузинки (очевидно, рабыни)⁹» [Ibid, p. 33]. Есть тот, кто «красив, но содержит проститутку» [Ibid, p. 38]. У Вакила Мухаммад-хана «отец был повешен во время мятежа¹⁰, джагир¹¹ конфискован, есть сын, живущий в Лахоре». [Ibid, p. 45]. Эти «комментарии» дают понять, какими критериями руководствовалась княгиня (вернее, две княгини, ибо составление списка начала еще Сикандар-бегам): претендент должен был быть молод, хорош собой, здоров, образован, обязательно знатен, причем рассматривались происхождение и благонадежность не только родителей, но и более отдаленной родни, не иметь родственников среди служащих княжества, жен и детей, а также «связей, порочащих его». Важно, что, вопреки традициям, правительница поинтересовалась мнением самой невесты — возможно, потому, что знала о твердом характере девушки: она никогда не вышла бы замуж против воли.

После списка потенциальных кандидатов в папку включены два письма, оба незаконченных (или до конца не сохранившихся). По довольно неряшливому виду обоих можно предположить, что это черновики. Первое является ответом вице-короля на послание Шах-Джахан-бегам, переданное, по ее просьбе, политическим агентом и содержавшее все изложенные выше сведения. Оно начинается, как требовала принятая формула обращения вице-короля к правителям 19-салютных княжеств, со слов «мой досточтимый друг»¹². Далее следуют извинения за задержку с ответом,

⁹ См. подробнее: [Ванина, 2024, с. 140–148].

¹⁰ Имеется в виду Сипайское восстание 1857–1859 гг.

¹¹ *Джагир* — военный лен.

¹² «Гуземные государства» делились британским правительством на «салютные» категории, указывавшие, сколькими артиллерийскими выстрелами надлежало приветствовать данного князя на британской территории. К высшей

и документ обрывается на фразе: «Есть соображения, которые заставляют меня считать, что для государства Бхопал будет огромным преимуществом, если возможно будет организовать...» [Selection, 1872, p. 30].

Что имел в виду вице-король, можно легко выяснить из мемуаров самой невесты, Султан-Джахан-бегам, опубликованных в 1912 г., через сорок лет после описываемых событий. Лорда Нортбрука тревожило то, что избранный кандидат не принадлежал к правящей семье Бхопала, и это, по мнению вице-короля, могло вызвать конфликт (хотя, как свидетельствует история княжества, главным очагом конфликтов была сама правящая семья). Вице-король, согласно мемуарам, поручил полковнику Уотсону, исполнявшему обязанности агента генерал-губернатора в Центральной Индии, посетить Бхопал и убедиться, что избранная кандидатура действительно согласована с членами княжеской семьи и самой принцессой. Именно эти инструкции и содержит второй черновик, также оборванный. Их подписи и печати, которыми, как сообщила княгиня в письме вице-королю, они подтвердили свое согласие, видимо, не удовлетворили английских чиновников, привыкших не верить «лживым туземцам». Полковник Уотсон посетил Бхопал с разрешения правительницы, встретился с принцессой, и она из-за *парды*¹³ ответила на его вопрос о добровольном желании вступить в брак с Ахмадом Али-ханом кратким «да». В мемуарах также сообщается, что со времени переезда юноши в Бхопал, в течение четырех лет, они с наследницей постоянно общались, учились, играли и ели вместе, так что между ними возникла если не любовь, то дружеская симпатия, и согласие девушки на самом деле было добровольным.

В конце концов официальное согласие вице-короля было получено, хотя по его тону ощущалось, что данный брак, поскольку жених не принадлежал к правящей семье, был не вполне желательным, но поскольку выбор был сделан и опирался на согласие самой невесты, оставалось надеяться, писал вице-король, «что Ахмад Али-хан своей мудростью, образованностью, манерами и привычками покажет себя достойным того высокого положения, которое он будет занимать как супруг наследницы престола государства Бхопал, и поведет себя так, чтобы обеспечить ее привязанность и уважение, ибо мое согласие обусловлено исключительно тем, что столь важный шаг ею полностью одобрен» [Sultan-Jahan, 1912, pp. 45–53]. 12 октября состоялась помолвка, но свадьба, согласно приказу княгини, могла быть назначена только на следующий год, «дабы проверить и взвесить» характер избранного кандидата.

Это было явно инициировано Сиддиком Хасан-ханом, коему мемуаристка приписывает враждебные замыслы, и позволило ему, по сути дела, посадить молодого человека под домашний арест. Его апартаменты были взяты под охрану, никто не имел права посещать его, равно как и сам он не мог покидать дворец без особого разрешения. По мнению Султан Джахан-бегам, целью ее ненавистного отчима было спровоцировать жениха, вызвать у него вспышку гнева и возмущения, что могло бы расстроить брак. Однако Ахмад Али-хан не поддался и перенес оскорбительную изоляцию, согласно мемуарам, «с таким невероятным терпением, что даже враги не могли найти ни одного пятнышка в его поведении. Все возможное было сделано, чтобы обидеть и спровоцировать его, но он ни разу не потерял самообладания и за время испытания проявил гораздо больше такта и мудрости, чем предполагал его возраст. Судьба предназначила Ахмада Али-хана мне в мужья, и все махинации Сиддика Хасан-хана и его друзей не могли изменить ее воли» [Ibid, p. 53]. Наконец 1 февраля 1874 г. свадьба была сыграна со всей княжеской пышностью. Вице-король, находившийся

категории относились 21-салютные княжества (Хайдарабад, Майсур, Джамму и Кашмир, Барода и Гвалиор). Бхопал принадлежал ко второй категории — 19-салютным княжествам. Этому же соответствовала иерархия обращений к князьям вице-короля в официальной переписке. См. подробнее: [Ванина, 2024, с. 84–85, 191].

¹³ *Парда* — занавес, разделяющий женскую и мужскую половины мусульманского дома. Могла быть переносной рамой с тканью или ширмой. Только из-за *парды* мусульманка могла общаться с посторонними мужчинами. Термин также употребляется для обозначений традиции женского затворничества в целом.

«в поездке», не смог присутствовать, но политический агент с супругой стали почетными гостями и даже прибыли в Бхопал заранее, «чтобы помочь с приемом европейских гостей».

Брак оказался счастливым; Султан-Джахан-бегам родила трех сыновей и двух дочерей. В 1901 г., после смерти матери, она взошла на престол, а через 6 месяцев после коронации ее супруг скоропостижно скончался из-за сердечного тромба. Княгиня тяжело перенесла потерю человека, всегда бывшего для нее опорой и верным другом [Ibid, pp. 223–237]. Один из княжеских дворцов в Бхопале был переименован по ее приказу в «Ахмадабад» в честь покойного супруга.

«С ведома и одобрения правительства Индии»

Документы, представленные в данной архивной папке, не являются ни единственным, ни первым по времени случаем вмешательства британских властей в семейные дела правителей Бхопала. Еще в 1819 г., после трагической гибели мужа, Кудсия-бегам стала правительницей-регентшей при малолетней дочери Сикандар, которую предполагалось выдать замуж за кузена, чтобы примирить две враждующие ветви княжеской семьи. Брак не состоялся: жених с отцом, смертельно ненавидевшие семью невесты, подняли в 1827 г. мятеж, с трудом подавленный правительницей. Тогда Сикандар была объявлена невестой его младшего брата Джахангира. Кудсия-бегам была категорически против, но английский резидент в княжестве, Л. Уилкинсон, грубым давлением и шантажом заставил ее согласиться на брак и отречься от престола в пользу зятя. Такая позиция резидента была вызвана, во-первых, его неприятием самой возможности женского правления, а во-вторых — «дружбой» с семьей жениха, скрепленной дорогими подарками, роскошными пирами и охотами¹⁴.

Далее, в 1871 г., Шах-Джахан-бегам, взошедшая на престол вдовой после смерти матери (1868), пожелала выйти замуж за своего давнего фаворита, Сиддика Хасан-хана. Для этого ей также понадобилось согласие британских властей, и в отчете индийскому правительству она даже написала, что идея данного союза была подсказана ей полковником Томпсоном, политическим агентом в Бхопале, а также полковником Мидом, агентом генерал-губернатора. Княгиня в данном случае, видимо, лукавила, потому что британские чиновники согласились на брак лишь после того, как Сиддик Хасан-хан распустил слух (ложный) о ее беременности¹⁵. В 1880 г. английским властям пришлось предпринимать усилия для разрешения конфликта между Шах-Джахан-бегам и ее престарелой бабушкой, Кудсией-бегам, которая относилась враждебно к новому браку внучки, и княгиня жаловалась британским властям на «плохое управление» престарелой дамой ее поместьями явно по наущению Сиддика Хасана, мечтавшего прибрать к рукам богатые земли. Ответом было письмо вице-короля лорда Рипона: он посоветовал княгине оставить 80-летнюю родственницу в покое, но покой экс-княгиня обрела только после смерти, последовавшей вскоре после описываемых событий. За этим случился еще один семейный конфликт, и его колониальная администрация безуспешно пыталась уладить: на этот раз между Шах-Джахан-бегам и ее дочерью, той самой принцессой, для которой княгиня искала жениха. Султан-Джахан-бегам и ее супруг, Ахмад Али-хан, также не приняли отчима, и правительница обвинила дочь с зятем в интригах против ее мужа, приведших к лишению Сиддика Хасан-хана власти. Занимавший в то время пост AGG сэр Лепел Гриффин встречался с принцессой и ее мужем вопреки запрету княгини и не только не пытался погасить семейный конфликт, но и активно провоцировал его. Гриффин вмешивался в жизнь княжеской семьи Бхопала столь беспардонно, что это вызвало специальный запрос в британском парламенте, но на карьеру чиновника никак не повлияло¹⁶.

¹⁴ См. подробнее: [Ванина, 2024, с. 51–54].

¹⁵ Там же, с. 59–60.

¹⁶ См. подробнее: [Там же, с. 60–65].

В 1924 г. Султан-Джахан-бегам лишилась старшего и среднего сына, скончавшихся от разных болезней один за другим. Тяжело пережившая утрату правительница решила объявить наследником младшего сына, Хамидуллу, и отречься от престола в его пользу. Вопрос о престолонаследии, несомненно, относился к внутренним делам княжества и правившей им семьи. Однако британское правительство снова пренебрегло этим и заявило, что поскольку средний сын, Обайдулла-хан, скончался в ранге наследника, престол должен перейти не к его младшему брату, как желала княгиня, а к сыну. Султан-Джахан-бегам пришлось лично отправиться в Лондон и решать вопрос на высшем уровне, включая премьер-министра и короля, что после долгих усилий и принесло желанный результат: в 1926 г. Хамидулла-хан вступил на престол, став последним правителем Бхопала.

Что заставляло британскую администрацию контролировать семейную жизнь князей и постоянно вмешиваться в нее? Прежде всего, конечно, вполне понятное стремление избежать внутрисемейных конфликтов, особенно борьбы за престол. Подобные случаи были не редкостью во всех «туземных государствах», включая и сам Бхопал. Не менее важным было то, что подобное вмешательство вполне вписывалось в концепцию «цивилизаторской миссии» англичан в Индии, и в своем кругу британские колониальные чиновники часто сравнивали индийских князей со школьниками, нуждающимися в постоянном контроле, а себя — с учителями, которые обязаны научить детей приличному поведению, при необходимости наказывая их или награждая [Ванина, 2024, с. 168–169]. Однако не менее, а может быть, и более интересен другой вопрос: что заставило правительницу Бхопала обращаться к английским чиновникам по чисто семейному делу? Причем не только просить разрешения на брак дочери с Ахмадом Али-ханом, но еще и направлять сведения о других претендентах, поясняя, почему эти кандидаты оказались неприемлемыми. И с огромным напряжением ждать ответа вице-короля, а поскольку он задерживался (и пришел только через три месяца, что лорд Нортбрук объяснил «занятостью»), направлять политическому агенту тревожное письмо: «Мое нетерпение в ожидании ответа его превосходительства генерал-губернатора по поводу брака моей дочери... должно послужить извинением за то, что я снова беспокою Вас по этому вопросу. Пожалуйста, дайте мне знать, было ли мое письмо отослано и когда, и если оно все еще у Вас, умоляю, отправьте его как можно скорее и сообщите мне об этом в тот же день» [Sultan-Jahan, 1912, p. 39].

Повествуя о бракосочетании своих родителей, Султан-Джахан-бегам сочла необходимым указать, что оно состоялось «с ведома и одобрения правительства Индии» [Sultan Jahan, 1912, p. 34]. Таким образом, создается впечатление, что традиция британского вмешательства во внутренние дела бхопальской княжеской семьи была укоренена прочно. Но что особо важно в данном контексте, инициатива обращения к британским властям за одобрением матримониальных планов в данном случае принадлежала самой правительнице Бхопала, ибо в документах нигде нет ни малейшей ссылки на то, что письмо и «каталог женихов» были направлены лорду Нортбруку по его распоряжению или по запросу (устно или письменно выраженному) кого-то из его подчиненных. Если обращение княжеской семьи к британским властям за разрешением на брак было установившейся практикой, то, насколько известно, никто не посвящал сахибов в «кухню» выбора жениха, не обрушивал на них информацию о происхождении, характере и особенностях каждого претендента, не обосновывал таким образом свое решение отвергнуть ту или иную кандидатуру.

Обсуждать эти детали, согласно общей для князей и простолюдинов традиции, Шах Джахан-бегам должна была с членами семьи (что и было сделано, причем у каждого были взяты подпись и печать, удостоверяющие согласие с кандидатурой Ахмада Али-хана), но прежде всего — со старшей в роде, восьмидесятилетней бабушкой матери и прабабушкой дочери Кудсией-бегам. В том, что княгиня пренебрегла данной традицией, привлекает внимание не только явно выраженная враждебность к матриарху, но и контраст: в детали семейного дела правительница посвятила не старейшину

рода, а британскую администрацию, которую попросила не только одобрить брак, но и изучить каталог для подтверждения правильности выбора.

Колониализм традиционно воспринимают как систему экономической эксплуатации и военно-политического подчинения западными державами восточных обществ, что не вызывает сомнения. Но гораздо реже предметом изучения становится специфическая колониальная ментальность, вырабатывавшаяся как у белых господ, так и у туземцев. В первом случае это было намертво вбитое в сознание представление о цивилизационном и нравственном превосходстве европейцев над извечно отсталыми, дикими и аморальными туземцами, об абсолютном, санкционированном самим Богом праве колонизаторов извлекать из покоренного народа доход, управлять им, «улучшать» его жизнь в соответствии с европейскими представлениями, «школить» и воспитывать его как малых детей. Во втором — не менее прочно утвержденное в мировоззрении туземцев отношение к белым господам как к недостижимо высокой по статусу расе или касте, как к представителям высшей цивилизации, построившей для себя рай на земле и теперь милосердно пытающейся подтянуть к райским высотам местный народ, зачастую неблагодарный и не способный оценить своего счастья.

Князья, воплощавшие индийскую аристократию и наделенные, в соответствии с субсидиарными договорами, всеми правами суверенных монархов (за исключением права войны и заключения союзов с другими державами), боялись белых сахибов, пожалуй, не меньше, а больше простолудинов, многие из которых проживали жизнь, так и не встретившись с англичанином. С неудобными князьями британские власти не церемонились, лишая их трона по любому поводу, реальному или надуманному, что подробно исследовано австралийским индологом Фионой Гроенхаут [Groenhaut, 2010]. В этом случае конфликты в правящих семьях оказывались британцам на руку: они всегда могли найти и посадить на трон вместо провинившегося князя кого-либо из его родичей-соперников. Противоречие подобной практики духу и букве субсидиарных договоров не беспокоило не только британцев, но и самих князей, привыкших поколениями жить под сенью английской короны и не мысливших себя сколько-нибудь самостоятельными.

Система взаимоотношений Британской империи и «туземных государств» парадоксальным образом строилась, как мне уже довелось писать¹⁷, на типично феодальной системе вассалитета, во многом заимствованной британцами у предшественников — империи Великих Моголов. Согласно средневековой традиции сюзерен был для вассала не просто государем, но и чем-то вроде старейшины рода, наделенного правом решать судьбы членов семьи. Это же распространялось на взаимоотношения простого народа и правящих кругов вообще. Не случайно возникла традиция, которую ряд исследователей возводят еще к могольским временам (хотя мне в могольских источниках она не встречалась), обращаться к британским чиновникам, даже не самого высокого ранга, а также к начальству из числа индийцев — «мать и отец» (*māibāp*) [Ghosh and Ray, 2020, p. 153]. Это позиционировало власть имущих как «родителей», строгих, но справедливых, наказывающих и награждающих по заслугам, а главное — всегда заботящихся о благе детей, т. е. народа.

С британской стороны колониальные власти, похоже, не слишком стремились придавать своим отношениям с «туземными князьями» семейно-патриархальный характер, поскольку в обязанности патриарха входило не только судить, решать, награждать и наказывать, но и жалеть, помогать, прощать ошибки. Индийские князья были для англичан не членами семьи, но представителями низшей расы, и расизм, как известно, был важнейшей составляющей английской колониальной политики и идеологии. Поэтому эмоциональный фон англо-индийских отношений в колониальные времена включал в свою политику холодную официальность переписки, заученные комплименты публичных речей, формульные, четко расписанные по рангам адресатов приветствия типа «мой

¹⁷ См. подробнее: [Ванина, 2024, с. 153–209].

досточтимый друг» и лишь изредка допускал выражение столь же официальной скорби в соболезнованиях по случаю кончины того или иного правителя. Что касается князей, и это очень хорошо видно по документам из Бхопала, они исключительно высоко ценили каждое подобное проявление «родительских» или «дружеских» чувств со стороны сахибов и рассматривали последних, прежде всего вице-короля, как отца; сравнение же королевы Виктории с матерью было общим местом. Увы, они не понимали или не хотели понимать, что родственник, пусть младший, подчиненный, и распоряжающийся им старейшина — несмотря на различия в статусе, все же принадлежит к одной семье, чего британский расизм в отношении индийцев не допускал, и, читая в архивных материалах, сколь пренебрежительным и порой издевательским было отношение сахибов к туземным князьям, как британцы хвалили их за роскошный прием, а потом высмеивали его в переписке с себе подобными, я нередко жалею, что эти наполненные ядовитой иронией строки не были прочитаны индийскими правителями, видевшими в сахибах «мать и отца».

Обращаясь к лорду Нортбруку с обоснованием своего решения и просьбой санкционировать брак дочери, Шах-Джахан-бегам не просто докладывала сюзерену — она выполняла роль младшего родственника перед старшим, и вице-король, как прямой представитель британской королевы, заменил старейшину ее собственного рода, матриарха, которого она сочла нужным поставить в известность о женихе для правнучки лишь постфактум. Здесь четко отражается не только личный конфликт, но и колониальная ментальность, привычка решать даже семейные дела с одобрения британской власти, подспудный страх навлечь ее гнев ошибочным выбором, стремление узаконить и даже «освятить» брак принцессы волей вице-короля, возносимого на пьедестал «отца и матери», главы рода, благоволение коего выше всех семейных уз.

Литература / References

Ванина Е. Ю. Дворцовые страсти и дамы у власти (бхопальский этюд). И. П. Глушкова (рук. проекта, отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Стыд и гордость. Введение в стандарты и практики эмоций*. М.: ИДВ РАН — Восточная литература, 2021. С. 379–406 [E. Yu. Vanina. Palace Passions and Empowered Ladies (a Bhopal Etude). I. P. Glushkova (head of the project, volume editor). *Under the Skies of South Asia. Shame and Pride. The Preliminaries of Emotional Standards and Practices*. Moscow: IDV RAN, Vostochnaya literatura, 2021. Pp. 379–406 (in Russian)].

Ванина Е. Ю. *Бхопал: «туземное государство» в колониальной Индии*. М.: ИВ РАН, 2024 [Vanina E. Yu. *Bhopal: a 'Native State' in Colonial India*. Moscow: IV RAN, 2024 (in Russian)].

Суворова А. А. *Ностальгия по Лакхнау*. М.: ИВ РАН, 1995 [Suvorova A. A. *The Lucknow Nostalgia*. Moscow: IV RAN, 1995 (in Russian)].

Aitchison C. U. *A Collection of Treaties, Engagements and Sanads Related to India and Neighbouring Countries*. Vol. IV. Calcutta: Office of the Superintendent of Government Printing, India, 1893.

Ghosh P. and Ray Debraj. Mai Baap Sarkaar (Māim Bāp Sarkār). *Keywords for India. A Conceptual Lexicon for the 21st Century*. Ed. by Rukmini Bhaya Nair and Peter Ronald DeSouza. London — New York: Bloomsbury Academic, 2020. Pp. 153–154.

Groenhout Fiona. Loyal Feudatories or Depraved Despots? The Deposition of Princes in the Central Indian Agency, c. 1880–1947. Ernst Waltraud and Pati Bishwamoy. (eds.). *India's Princely States: People, Princes and Colonialism*. London: Routledge, 2010. Pp. 99–117.

Selection of Ahmad Ali Khan of Jalalabad as Consort for the Sultan Jehan Begam 1872–1873. National Archives of India. Bhopal Agency. Branch General. File no. Progs. Nos. 1, 1872.

[Sultan Jahan Begum]. *An Account of My Life (Gohur-i-Ikbal)*. Vol. I. Tr. H. C. Paine. London: Murray, 1912.

[Sultan Jahan Begum]. *Hayat-i Qudsi. Life of the Nawab Gauhar Begum Alias The Nawab Begum Qudsia*. Tr. by W. S. Davis. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1918.

ГИБЕЛЬ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА И ГЕНОЦИД ДЖУНГАРОВ В XVIII в. ЧАСТЬ II

© 2026

С.Л. Кузьмин¹

В статье дан аналитический обзор данных по целям и действиям цинского императора Хунли (Цяньлуна) и его войск при уничтожении Джунгарского ханства, а также по восстанию джунгарского нойона Амарсаны. Этот нойон, поднявший восстание против цинского господства, считается героем национально-освободительной борьбы монголов. Однако перед тем, как восстать, он участвовал в распрях между джунгарами (ведших к коллапсу их государства) и в борьбе за ханский престол, в надежде на который он принял цинское подданство и сыграл важную роль в ликвидации Джунгарского ханства империей Цин. Затем, поняв, что Хунли не даст ему ханского титула над всей Джунгарией (при котором он все равно оставался бы его подданным), поднял плохо подготовленное восстание, подавление которого сопровождалось геноцидом джунгаров. Массовое истребление джунгаров продолжалось и позже — в то время, когда Амарсана, бежав за границу, нашел убежище в России. Так мечта о единоличной ханской власти стала одной из причин массовой гибели джунгарского населения. Показано, что цели и действия Хунли и его войск в отношении джунгаров соответствуют современному международно-правовому понятию геноцида. Эти и другие репрессивные действия буддиста Хунли противоречат канонам его веры и распространявшимся в империи Цин представлениям о Хунли как бодхисаттве, чакравартине или каком-либо другом сакральном лице буддизма.

Ключевые слова: Монголия, империя Цин, Россия, Джунгарское ханство, геноцид

Для цитирования: Кузьмин С. Л. Гибель Джунгарского ханства и геноцид джунгаров в XVIII в. Часть II. Вестник Института востоковедения РАН. 2026. № 2. С. 20–36. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-020-036

COLLAPSE OF THE ZUNGAR KHANATE AND GENOCIDE OF THE ZUNGARS IN THE EIGHTEENTH CENTURY.

PART II

Sergius L. Kuzmin

Analytical review of data on the goals and actions of the Qing Emperor Hongli (Qianlong) and his troops during the destruction of the Zungar Khanate, as well as on the uprising of the Zungar noble Amarsana, is given. Many Mongols considered Amarsana, who rebelled against the Qing rule, a hero of the national liberation struggle. However, before he rebelled, he participated in the feud between the Zungars (which led to the collapse of their state) and in the struggle for the throne of the khan of whole Zungaria, in the hope of which he accepted subjection to the Qing and played an important role in the annexation of the Zungar Khanate by the Qing. Then, realizing

¹ Кузьмин Сергей Львович, доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Кореи и Монголии Института востоковедения РАН, Москва; ipe51@yahoo.com

Sergius L. Kuzmin, DSc (Hist.), PhD (Biol.), Principal Research Associate, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; ipe51@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-9544-1359

that Hongli would not grant him this khan's title (under which he would also remain his subject), he raised a poorly prepared uprising, the suppression of which was accompanied by the genocide of the Zungars. The mass extermination of the Dzungars continued later, when Amarsana fled abroad to find refuge in Russia. Thus, the dream of the personal khan's power became one of the causes of extremely high mortality of the Zungar population. It is shown that the goals and actions of Hongli and his troops against the Zungars correspond to the modern international legal concept of genocide. These and other repressive actions of the Buddhist Hongli contradict the canons of his religion and the ideas that spread in the Qing Empire about him as a Bodhisattva, Chakravartin or any other sacred person of Buddhism.

Keywords: Mongolia, Qing Empire, Russia, Zungar Khanate, genocide

For citation: Collapse of the Zungar Khanate and Genocide of the Zungars in the Eighteenth Century. Part II. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 2. Pp. 20–36. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-020-036

В предыдущей статье [Кузьмин, 2026] я рассмотрел коллапс Джунгарского ханства и массовую гибель его населения в результате агрессии войск империи Цин в царствование императора Хунли (Цяньлуна), а также деятельность джунгарского нойона Амарсаны. Теперь следует проанализировать приказы и мнения самого Хунли и его чиновников об «умиротворении» Джунгарии, как это согласовалось с мироустроительной концепцией и религиозностью Хунли, а также вопрос о том, был ли геноцид причиной массовой гибели джунгаров.

Хунли и его чиновники об «умиротворении» Джунгарии

Согласно документам Палаты по внешним территориям (Лифаньюань) от 18 июня 1763 г., цинское правительство официально признает, что до 1757 г. ойратское государство было независимым от империи Цин — соседним с ним государством [Каморная, 2014, с. 147]. Хунли так обосновывал планируемое им вторжение в это государство в своем указе от 13 июня 1754 г.: «По своей природе джунгарские варвары злобны и коварны. И эти их качества трудно изменить. В будущем они непременно затеют ссору и вовлекут нас в раздоры. Поэтому надо принять меры предосторожности. У них уособицы и столкновения с казаками — это надо использовать. В будущем году я намерен отправить две армии, достичь Или и разместить там войска. Это раздробит их силы» [Международные отношения..., 1989, с. 20–21]. По словам Хунли, его дед и отец неоднократно пытались захватить Джунгарию, но не смогли до конца разрешить этот вопрос, а сейчас возникли хорошие возможности, которые нельзя упускать [Чимитдоржиев, 2002, с. 105].

Следовательно, захват Джунгарии был изначальной целью Хунли. При этом джунгары обозначены как «варвары» согласно традиционному китайскому мировоззрению — хотя остается открытым вопрос, кем в таком случае были маньчжуры, по крайней мере, до завоевания Китая...

«Характерно, что официальной целью похода “великой армии умиротворения”, как именовалась в китайских источниках цинская армия, вторгшаяся в Джунгарию, провозглашалось “установление спокойствия для людей”, наказание “узурпатора, насильника” Давачи, “защита желтой веры”» [Чимитдоржиев, 2002, с. 108–109] — то есть тибетского буддизма школы Гэлуг, который исповедовали почти все монголы, маньчжуры и сам Хунли. Вместе с тем, согласно официальным цинским документам, целью похода в марте 1755 г. на Джунгарию было «истребление джунгаров-варваров» [Кузнецов, 1983, с. 19]. Но джунгары в 1755 г. покорились почти добровольно, и истребления не произошло.

Восстание Амарсаны было для Хунли неожиданностью и разгневало его. В приказе Хунли ойратскому зайсану Сикэснэргэ от 6 января 1756 г. сказано: «...ради спасения (пострадавших)

даже усмирил Или, сделал добро. В голову не могло прийти, что//Амуэрсана станет неблагодарным изменником и будет провоцировать народ поднять бунт. Поэтому приходится снова объявить священную войну и ознакомить (бунтовщиков) с законами империи» [Китайские документы..., 1994, с. 89].

«“Фанлюэ” показывает джунгаров как мятежников, подлежащих уничтожению (цзяоми) — термин, который все чаще использовался ближе к концу кампаний. Несмотря на предвзятый подход, он дает прекрасное представление о повседневной неопределенности, показывая, что исход ни в коем случае не был предопределен. Цяньлун неоднократно обвинял своих генералов в трусости и в недостаточно быстром наступлении, чтобы уничтожить всех мятежников» [Perdue, 2005, p. 481].

Хунли «объявил всех жителей Джунгарии разбойниками, подлежащими истреблению. Войскам было приказано не только подавить восстание Амарсаны и ликвидировать ойратское государство, но и физически уничтожить ойратов как народ. <...> Маньчжурские военачальники доносили богдо-хану об успешном уничтожении “разбойников” и обещали довести его до конца. <...> Цяньлун хвастался, что “тех, кого можно было, убили, многие умерли от болезней”» [Чимитдоржиев, 2002, с. 133]. С этим можно согласиться частично — ведь последовательных приказов не было.

Например, в 1757 г. он приказал относительно хойтов в Улангоме: «Хойты не являются хорошими людьми. Вы должны подготовиться к тому, что может случиться. Сейчас войск в Кобдо мало, и хойты еще не изменили. Но в будущем вместо переселения их в Хулунбуир или Цицикар нужно вырезать их под корень. Провести подробное исследование. И если возникнет хотя бы малейшее подозрение в измене, вырезать их всех. Если все будет спокойно, оставить их ожидать дальнейшего решения» [Оюунжаргал, 2015, с. 106]. Так что санкционировалось уничтожение не только самих повстанцев. Например, в указе 1758 г. Хунли подтвердил, что сочувствовавшие восставшим ойраты уничтожены [Ходжаев, 1984, с. 163].

Хунли неоднократно требовал истреблять джунгаров, но был непоследователен, когда говорил о том, кому можно сохранить жизнь. В одном указе он говорил, что надо сохранять жизнь только старикам и больным, в другом требовал истреблять всех последователей главарей восставших, кто отказался преклониться перед китайцами и сдаться. Позже он требовал истребить всех мужчин джунгаров, оставляя выживших женщин как рабов для своих войск. В результате царила неразбериха. Но, поскольку император награждал тех, кто захватывал территорию, было благоразумнее ошибиться в сторону резни [Pilkington, 2005, pp. 1183–1184].

Так, в апреле 1757 г. цинский командующий Чжаохуэй предложил уничтожить ойратов поголовно. Хунли назвал его предложение «очень правильным». Однако Цзюньцзичу (Управление по военным и секретным делам) по указу Хунли предписало: «Подобных воров ни в коем случае нельзя щадить, можно оставлять в живых только старых, малолетних и устроить их в разных местах. В прошлом, когда [мы] дважды отправляли в Джунгарию войска, отнеслись к ним очень гуманно. Если и теперь поступим как раньше, они снова поднимут бунт, как только мы возвратим (свои) войска... на этот раз во время военного похода...покарать всех, кто вызывает малейшее подозрение, доставить в столицу или оставлять в живых только оказавших нам услугу и достойных высочайшей милости» [Ходжаев, 1991, с. 62]. Семьи предводителей восстания можно было истреблять полностью — на усмотрение военачальников [Пастухов, 2022б, с. 69]. Исключение было сделано только для старых и малолетних, но не для женщин — их можно было уничтожать. Подданные мятежных феодалов если не уничтожались, то обращались в рабство независимо от их реального участия.

В другом приказе Хунли распорядился сохранить жизнь 900 мужчинам и 1700 женщинам, которых отправили в Баркуль, а оттуда в Сучжоу, «чтобы там решать их вопрос в соответствии с предписаниями». «Поскольку они не бежали и не поднимали бунт, их можно пожалеть...

Помиловать их и отправить во внутренний Китай. Затем предводителей доставить в Пекин с женами и родственниками, остальных раздать чиновникам и воинам соседней провинции, разбросать по разным местам» [Китайские документы..., 1994, с. 92]. Участь предводителей «с женами и родственниками» неизвестна, но остальные были розданы в рабство. Судя по указам Хунли, подданных восставших ойратов первоначально раздавали как рабов другим ойратам и халхасцам, а с 1757 г. стали раздавать солдатам из трех восточных провинций империи Цин [Оюунжаргал, 2015, с. 120].

Цинские командиры детально отчитывались перед Хунли. Несмотря на официальное предписание карать только повстанцев, эти командиры «порой обходили запреты, ссылаясь на неосведомленность или незнание». Например, был уничтожен улус хошутского нойона Шагдар-Манжи (4 тыс. чел.), лояльного цинскому правительству. Мотивом была возможность безнаказанно захватить имущество «мятежников». Позже это выяснилось во время следствия по делу организатора резни. Последний был казнен, а Хунли выразил сожаление по поводу случившегося [Пастухов, 2009, с. 25; 2022б, с. 70–71].

Несмотря на свои безжалостные указы, Хунли никогда лично не отправлял отряды на охоту на джунгаров [Chayet, 2004, p. 37]. На заключительных этапах подавления восстания в разоренной стране действовали не большие отряды джунгаров, а разрозненные группы, ушедшие в горные леса. Для них в цинской среде появился термин «махачин» (от монг. махчин — мясник, мясоед, людоед). Цинские чиновники обвиняли «махачинов» в том числе в каннибализме.

«Ойратские “махачины” были лишены всякой поддержки от местного населения ввиду его отсутствия». Нападали они на цинские отряды, а также на казахов, тоже вторгшихся в Джунгарию [Кукеев, 2018, с. 18, 20]. Это была и партизанская война, и добывание средств к существованию в условиях, когда эти средства было трудно добыть — ведь цинские войска уничтожали скот и имущество джунгаров.

«Начиная с 1757 г. цинские карательные отряды предприняли безжалостную кампанию по выслеживанию и убийству практически всех джунгар по происхождению. С этого времени по 1762 г. джунгары именуются как “махачин”». Эти люди выживали благодаря скоту, так и не истребленному цинскими войсками, охоте или разбоем [Кукеев, 2019, с. 339–340].

Цинские командиры хвастались в официальных донесениях трону о немалом числе “махачинов”, которых они истребили. Награды и почести присуждались командирам, сообщившим о массовых убийствах, а те, кто проводил эту политику с недостаточным усердием, подвергались порицанию. Массовые убийства не ограничивались лишь теми джунгарами, которые совершали угон скота или атаковали цинские отряды. Охота велась также на женщин и детей, их тоже убивали. Известен пример цинского рапорта, как после пыток «махачин» привел карательный отряд туда, где были семьи и друзья. Всех перебили, невзирая на пол и возраст. Двух «махачинов» пытали, чтобы узнать, где другие. Поскольку они этого не знали, один умер под пытками, а другой был убит после пыток. Приводится и другой рапорт со сведениями, сколько именно мужчин, женщин и детей убили цинские каратели в нескольких эпизодах борьбы с «махачинами». Такие инциденты не были единичными. «Цинские войска предпринимали многочисленные вылазки в горы между 1756 и 1762 гг. с конкретной целью вырезать ойратов» [Кукеев, 2019, с. 340–341].

В то самое время, когда истребление джунгаров цинскими войсками достигло кульминации, Хунли оправдывал это так: «С тех пор как умер Галдан-Цэрен, в Джунгарии народ убивает друг друга и не знает мирной жизни. Я, единый владыка вселенной, который как в самом Китае, так и за его пределами навел спокойствие, не мог быть равнодушен к беспорядкам у них и специально послал великую армию покорить Или, схватить Даваца, умиротворить все ойратские племена и заставить их вернуться на (прежние) места. Однако джунгары послушали мятежника Амурсану,

вновь взбунтовались и были разбиты великой армией. <...> Проступки (джунгар) столь тяжки, что ничего не остается, как только истребить (их), чтобы водворить спокойствие в пограничной окраине» (из обращения Хунли к казахам 25 февраля 1758 г. — цит. по: [Международные отношения..., 1989, с. 91]).

Захват Джунгарии и Восточного Туркестана официально праздновали в Цинской империи (см., например, описание того, как Хунли чествовал полководца Чжаохуэя: [Newby, 2005, p. 1]). «Умиротворение» джунгаров и мусульман прославлялось как величайшая победа Хунли. Прославлялась она также в различных произведениях искусства. Был построен специальный павильон в честь нее [Newby, 1996, с. 69].

Дж. Р. Крюгер описал две стелы Хунли, где в надписях на ойратском языке он объясняет войну в Джунгарии в 1755–1758 гг. В стеле 1755 г. (еще до восстания Амарсаны), в частности, говорится: джунгары «были далеки и отставали, и в течение нескольких поколений были враждебны (букв. еретичны) культуре, постоянно нападая, грабя, бесчинствуя. Почему большая масса людей считает (да-цинскую) нацию врагом? Особенно враждебен был Давачи». Далее говорится о вступлении в Джунгарию большой армии Хунли, и там все ему покорилось. «Я великодушно простил их проступки, когда они принесли должную жертву». Затем говорится о том, что Хунли разделил Джунгарию на четыре ханства, назначил правителей, обеспечил народу спокойную кочевую жизнь. Заканчивается документ призывом почитать старших и избегать восстаний.

Другая стела Хунли поставлена уже после подавления восстания Амарсаны. Он обращается к джунгарам: «Из поколения в поколение вы становились ворами. Могушественные люди грабили неимущих, а те, кого собралось много, угнетали тех, кого было мало, считая необходимым убивать людей и никогда не зная, (как) измениться. Хотя они и говорили, что будут почитать бодхисаттв и Будду, и будут почитать Желтую веру, их внутренние мысли (были) злыми, и, подобно демонам чудкур и шимнус, они делали людей своей пищей. Когда такие грехи и пороки, которые охватили их, достигли предела, совершенные ими преступления стали непростительными. Когда они пришли снова и расширили Четыре Ойрата, я установил множество зайсанов, четыре министра и двадцать один отдел, продлил те, которые были разделены и распались на части, и восстановил те, которые были разрушены, заявив: “Пусть они живут в счастье!” Но они сразу же начали искать смерть и разрушение, постоянно конфликтовали между собой и, наконец, дошли до точки резни и пленения, и на бесконечном протяжении страна Или стала совершенно пустой. Почему кто-то вообще должен постоянно раздувать войну, желать убивать и не прекращать ведение войны? В связи с этим причина этих невыносимых условий (заключается в следующем). Поход на западные земли был подробно и основательно разъяснен в стихотворении (то есть на памятнике 1755 г.). Без постоянной стабильности, которая длилась бы долго, страданий стало бы еще больше, и хотя в их поспешном восстании были трудности, оно все же произошло.

Таким образом, полностью подтвердилось, что да-цинский народ поддерживается Небом. Это вовсе не было силой людей. Теперь, когда Или вновь обретен, необходимо и важно проводить политику, направленную на постоянное поддержание его благосостояния в будущем. Что будет, если мы снова потеряем уже завоеванную землю?» Далее говорится, что при обработке полей в 10 тыс. ли невозможно предсказать перспективу, отмечается указание Свыше. В конце сказано, что это документ, «устанавливающий и отмечающий всеобщую стабилизацию и умиротворение Джунгарии» [Krueger, 1972, pp. 59–69].

Увековечение этого «умиротворения» нашло отражение в изобразительном искусстве. Есть ряд картин, воспевающих боевые действия против джунгаров (описание картин: [Таката, 2011, с. 279–290]). Хунли приписывают авторство около 1500 произведений, воспевающих цинские

победы в стихах и прозе. В частности, захват Джунгарского ханства он воспел в собственноручно написанном в 1792 г. эссе «Записи о Десяти свершениях» (十全记) [Каморная, 2014, с. 141–145] — как одно из этих десяти.

В честь победы над джунгарами Хунли в 1755 г. построил в Чэндэ (пров. Хэбэй) большой храм Пуни-сы (Храм повсеместного умиротворения), сочетающий китайский и тибетский стили. В нем находится стела с надписью императора о пире, который он дал в Чэндэ в честь того, что ему покорились джунгары. Кроме того, в Чэндэ есть еще две стелы 1755 г. и 1758 г. (после подавления восстания Амарсаны) — возможно, копии стел, установленных в Или [Waley-Cohen, 1996, p. 880]. Кроме того, по его же приказу в Чэндэ в 1764 г. был возведен Храм умиротворения далеких земель (Аньюань мяо 安远庙) от имени 12 тыс. джунгаров, переселенных в Жэхэ. Он был создан по образцу храма в Кульдже на р. Или [Лю Цян, 2022, с. 228].

«Творимые цинскими войсками в отношении населения Джунгарии насилия представляли собой государственную политику военного террора против непокорных... Страшные сами по себе, они лишь усугублялись произволом военачальников на местах, поскольку совершенно не контролировались центральным правительством» [Пастухов, 2022а, с. 172]. Этот вывод имеет под собой основания. Высшим руководителем этой государственной политики был Хунли, масштабно прославлявший ее результаты.

Мироустроительная концепция и религиозность Хунли

Завоеванные Джунгарию и Восточный Туркестан Хунли назвал Синьцзяном («новый край»), но, по мнению многих конфуцианских чиновников и интеллектуалов, его население не заслуживало цинского правления, а территория — защиты, некоторые вообще считали ее бесполезной [Jia, 2011, pp. 1–9]. Эти люди подчеркивали различия между «внутренним» и «внешним», где «внутреннее» означало «собственно Китай», а «внешнее» — территории снаружи от Цзяюйгуань, крайней западной заставы на Великой китайской стене. Хунли возражал: «Все племена сделаны подданными Цин, все их земли принадлежат Нам, и граница сейчас — Или. Как вы можете делить их на внутренних и внешних?» [Jia, 2011, p. 4]. Он разъяснял: «Есть взгляд на Китай (Чжунся), что не-ханьские народы не могут стать подданными Китая и их земли не могут быть интегрированы в территорию Китая. Это не представляет понимание Китая нашей династией, но вместо этого — представление более ранних династий Хань, Тан, Сун и Мин» [Zhao, 2006, pp. 4, 11–12]. Выходит, что после завоевания Джунгарии ее уцелевшее население он перестал относить к категории «варваров».

В 1755 г. Хунли подготовил памятный отчет и иллюстрированный справочник по «западным регионам». «Умиротворение» трактовалось как развитие прошлых имперских свершений там. В этих материалах нет идей превосходства одних народов над другими. Многочисленные отсылки к китайским империям Хань и Тан были призваны доказать, что главной целью кампании было восстановить старые имперские границы, а не создать новую. Отсылки к старым названиям местностей были призваны обосновать легитимность цинских претензий [Newby, 1996, с. 67–68].

«Среди различных аспектов жизни Цинской империи в XVIII в. особое место занимает вопрос о границе и приграничных народах, при изучении которого китайские ученые используют концепцию “да и тун” (Великое единение), выдвинутую в 1960-х гг. в исторической науке КНР». В ряде работ современной китайской историографии проводится та же мысль. «Китайские авторы также цитируют каноническое утверждение Мао Цзэдуна: “Наша страна — это большая и густонаселенная нация, состоящая из множества различных национальностей <...> династия Цин была

периодом, когда наша объединенная нация, состоящая из множества национальностей, становилась все более единой и развитой. Подавление Цяньлуном восстания Амурсаны говорит о том, что продолжалась политика Канси и Юнчжэна, которые защищали единство нации и вели справедливую войну... Это не только усиливало и развивало единство многонационального государства, но также совпадало с требованиями единения национальностей и их общим желанием противостоять расколу. Поэтому победа над восстанием в этой войне стала неизбежной” (цит. по: Ма Жухэн, Ма Дачжэн, 1994, с. 107)». «Что касается ойратского направления в исследовательской деятельности китайских коллег, то оно базируется на традиционном описании, выработанном еще во времена правления династии Цин. Концепция “да и тун” активно используется китайскими исследователями при изучении истории Джунгарского ханства в период его наивысшего могущества. Она лежит в основе и цинской политики XVIII в., и современной внешней политики КНР» (Кукеев, 2011, с. 7–10; 2018, с. 338–339). Это означает оправдание захвата Джунгарии и истребления ее населения.

«Историки Цяньлуна заложили основы для всех последующих исторических построений, которые изображали монголов как неизбежную, существенную и вечную часть китайской имперской и национальной сферы» [Perdue, 2005, p. 481]. Эта концепция широко представлена в китайских работах 1950-х — 1970-х гг., где заявляется, «что ойраты якобы издавна являлись одной из “народностей великого Китая”, а в период династий Мин (1368–1644 гг.) и Цин (1644–1911 гг.) такого рода связи будто бы еще более укрепились и расширились». Согласно этим утверждениям, джунгары с древних времен являлись составной частью Китая, никогда не объединялись в независимое государство, а были национальным меньшинством на северо-западе Китая [Гуревич, Моисеев, 1979, с. 43–55].

Эта традиция сохраняется и в современной КНР. Например, Си Цзиньпин в 2021 г. посетил музей в Чэндэ, где была выставка «Внутри и за пределами Великой стены надежды: свидетельства национального единства во времена династии Цин». Сообщается, что участь джунгаров на той выставке не фигурировала, а Председатель в своей речи в музее отметил, что КПК продолжает работу по «великому объединению китайской нации», в которую Цяньлун внес весомый вклад [Gurung, 2021]. Это согласуется с принятой в КНР доктриной, что «испокон веков Синьцзян находится под управлением центрального правительства Китая <...> В 1757 году династия Цин подавила джунгаров, которые на протяжении долгого времени изолировали Северо-Запад» [История и развитие...].

Под «центральным правительством Китая» в этих случаях понимаются так называемые китайские династии, в том числе Цинская. Однако в действительности это были не разные династии одного государства, а разные государства (подробнее см.: [Дмитриев, Кузьмин, 2014, с. 5–17]). По крайней мере, с началом упадка империи Тан в VIII в. вплоть до цинского покорения Синьцзян фактически не являлся частью Китайского государства. Он сохранял с ним лишь культурные и символические связи в виде дипломатических миссий и обмена дарами с императорским двором [Санин, 2017, с. 212]. Джунгарское ханство было независимым государством, что опровергает принятую в КНР концепцию истории.

Согласно принятой маньчжурами китайской мироустроительной модели император Среднего государства (в том числе Хунли) — «сын Неба», он проводит в жизнь указания Свыше. По мнению Хунли, джунгары нарушали указания Неба и заповеди буддизма, а подданные Цин поддерживаются Небом, так что разгром джунгаров был силой не людей, а Неба [Krueger, 1972, pp. 59–69]. Конфуцианские доктрины, которые давали оправдание войне, позже толковались как оправдывающие завоевания [Hui, 2011, p. 211]. Хунли заявлял, что не одобряет войну и не считает

ее добродетелью, но она оказалась неизбежной, и Небо было на цинской стороне [Perdue, 2005, pp. 62–65]. Агрессивная внешняя экспансия противоречила общекультурным ценностям конфуцианства. Чтобы подвести идеологическую основу под действия маньчжурской династии, в конце XVII в. был разработан особый вид исторических трудов — фанлюэ (方略) или цзилуэ (纪略) — «стратегические планы» или «описания войн», подлежавшие обязательному утверждению императором [Каморная, 2014, с. 141–145].

Хунли оправдывал агрессию с конфуцианскими аллюзиями, но был при этом буддистом. Начиная с Хунтайджи (Абахая), все маньчжурские императоры почитались как эманации бодхисаттвы Манджушри. Однако они «никогда официально не упоминали об этом. Это объяснялось тем, что маньчжурские правители рано решили, что их наиболее важные экономические и политические интересы связаны с Китаем и что их наиболее заметный религиозно-политический образ должен быть китайским и конфуцианским. Называть себя бодхисаттвами означало бы противопоставить их предрассудкам большинства представителей правящего класса Китая, образованных землевладельцев... Маньчжурские правители игнорировали свой статус бодхисаттв, но на самом деле тайно поощряли его, поскольку это увеличивало их политическое влияние в Монголии и Тибете» [Farquhar, 1978, pp. 5–34].

Есть ряд официальных и неофициальных изображений Хунли в образе бодхисаттвы Манджушри. Есть буддийские иконы (тханка), где он изображен в окружении представителей буддийского пантеона. Предполагается, что эти изображения не использовались для ритуальных целей, а отображали приверженность императора мудрости и силе тибетского буддизма. Гробница Хунли выполнена в стиле тибетского буддизма, в ней есть ряд буддийских изображений. Есть все основания полагать, что он почитал буддизм искренне, а не только в стратегических целях [Benard, 2004, pp. 129–132]. Цинские императоры обозначались как Манджушри и во многих тибетских трактатах XVIII в. Для них как эманаций Манджушри была составлена своя линия перевоплощений. Есть несколько типов тханка с Хунли как бодхисаттвы Манджушри и чакравартина — идеального буддийского царя. Характер художественного исполнения этих тханка согласуется с обозначением необходимости всех народов добровольно подчиниться чакравартину, а также с тем, что он является перерождением великого монгольского хана Хубилая, с символическим духовным союзом монголов, маньчжуров и тибетцев [Ishihama, 2005, p. 27].

Хунли получил от тибетских иерархов Джанджа-хутухты и Панчен-ламы тантрические посвящения Чакрасамвары и Махакалы, до конца жизни занимался соответствующими практиками. Как эманация Манджушри, Хунли мог на равных общаться с перерожденными ламами. Среди буддистов Бурятии распространились сходные идеи: что российские императоры и императрицы — эманации Белой Тары, Чингис-хан и его потомки — эманации Ваджрапани, английская королева Виктория — эманация Палден Лхамо [Кузьмин, 2016, с. 20–21, там же см. ссылки на источники]. Но эти монархи не были буддистами, а их образы не использовались в буддийской иконографии.

Вместе с тем на основании приказов Хунли было проведено массовое истребление джунгаров независимо от пола и возраста, а сам он впоследствии прославлял завоевание Джунгарии. Он же санкционировал пытки и жестокие казни не только бунтовщиков, но и членов их семей и слуг.

Например, в его приказе о подавлении нескольких взбунтовавшихся ойратских феодалов вскоре после начала восстания Амарсаны сказано: «(Их) жен и прислугу полностью казнить» [Китайские документы..., 1994, с. 85].

Сохранилось свидетельство советника канцелярии Коллегии иностранных дел России В. Братищева, в 1757 г. возвратившегося из Пекина, о казни там Шадар-вана Чингунжава (о его восстании см. в первой части моей статьи). Хунли, «...когда пойманного главного мунгалского

начальника Шадар-Вана (который российской протекции искал) пред своими очми в дворе своем предал такой тиранской казни, что с лишком три ста кусков острыми клещами из его тела распетленного и поставленного на коленях, вырывая из тех мест, кои бы жизнь не скоро прекратили, и каждой кусок показывая глазам казнимаго, бросали приведенным нарочно собакам на съедение (в то время богдыхан, остервясь, в предосудительных словах о России отзывался). С жены его, Шадар-Вана, живой пред очми же богдыхана кожа содрана» [Русско-джунгарские отношения, 2006, с. 222]. Сходные сведения о способе казни Чингунжава сохранились в монгольских легендах о нем [Потанин, 1883, с. 300–309].

Такие действия не только противоречат статусу бодхисаттвы и чакравартина, но являются грубейшими нарушениями коренных заповедей буддиста. Об этом не мог не знать Хунли, получавший высшие буддийские посвящения. Следовательно, инспирированное в Цинской империи почитание Хунли как бодхисаттвы и чакравартина противоречило основам буддизма.

Было ли истребление джунгаров геноцидом?

Так было ли истребление джунгаров геноцидом? Термин «геноцид» введен юристом Р. Лемкиным гораздо позже — в 1933 г., а юридически обязывающее его определение принято ООН в 1948 г. Так как этот термин часто используется применительно к Джунгарии, посмотрим, насколько такая оценка согласуется с данной международно-правовой категорией.

Принятая ООН «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него» содержит следующие положения.

«Статья I. Договаривающиеся стороны подтверждают, что геноцид независимо от того, совершается ли он в мирное или военное время, является преступлением, которое нарушает нормы международного права и против которого они обязуются принимать меры предупреждения и карать за его совершение.

Статья II. В настоящей Конвенции под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- a) убийство членов такой группы;
- b) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- c) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- e) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

Статья III. Наказуемы следующие деяния:

- a) геноцид;
- b) заговор с целью совершения геноцида;
- c) прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида;
- d) покушение на совершение геноцида;
- e) соучастие в геноциде.

Статья IV. Лица, совершающие геноцид или какие-либо другие из перечисленных в статье III деяний, подлежат наказанию, независимо от того, являются ли они ответственными по конституции правителями, должностными или частными лицами.

Статья V. Для введения в силу положений настоящей Конвенции договаривающиеся стороны обязуются провести необходимое законодательство, каждая в соответствии со своей конституционной процедурой, и, в частности, предусмотреть эффективные меры наказания лиц, виновных в совершении геноцида или других упомянутых в статье III преступлений.

Статья VI. Лица, обвиняемые в совершении геноцида или других перечисленных в статье III деяний, должны быть судимы компетентным судом того государства, на территории которого было совершено это деяние, или таким международным уголовным судом, который может иметь юрисдикцию в отношении сторон настоящей Конвенции, признавших юрисдикцию такого суда.

Статья VII. В отношении выдачи виновных геноцид и другие перечисленные в статье III деяния не рассматриваются как политические преступления. В таких случаях договаривающиеся стороны обязуются осуществлять выдачу в соответствии со своим законодательством и действующими договорами.

Статья VIII. Каждый участник настоящей Конвенции может обратиться к соответствующему органу Объединенных Наций с требованием принять, в соответствии с положениями Устава Организации Объединенных Наций, все необходимые, по его мнению, меры в целях предупреждения и пресечения актов геноцида или одного из других перечисленных в статье III деяний.

Статья IX. Споры между договаривающимися сторонами по вопросам толкования, применения или выполнения настоящей Конвенции, включая споры относительно ответственности того или другого государства за совершение геноцида или одного из других перечисленных в статье III деяний, передаются на рассмотрение Международного Суда по требованию любой из сторон в споре.

Статья X. Настоящая Конвенция, английский, китайский, испанский, французский и русский тексты которой являются равно аутентичными, датируется 9 декабря 1948 года.

Статья XI. Настоящая Конвенция будет открыта для подписания ее до 31 декабря 1949 года от имени любого члена Организации Объединенных Наций и любого не состоящего членом Организации государства, получившего приглашение Генеральной Ассамблеи подписать Конвенцию. Настоящая Конвенция подлежит ратификации, и акты о ратификации депонируются у Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций. Начиная с 1 января 1950 года к настоящей Конвенции могут присоединиться любой член Организации Объединенных Наций и любое не состоящее членом этой Организации государство, получившее вышеозначенное приглашение. Акты о присоединении депонируются у Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций.

Статья XII. Любая из договаривающихся сторон может в любое время путем извещения на имя Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций распространить применение настоящей Конвенции на все или некоторые территории, за ведение внешних отношений которых она ответственна.

Статья XIII. В день, когда у Генерального Секретаря будут депонированы первые двадцать актов о ратификации или присоединении, Генеральный Секретарь заготавливает Протокол, который в копиях препровождается всем государствам — членам Организации Объединенных Наций и всем не состоящим членами Организации государствам, предусмотренным в статье XI. Настоящая Конвенция вступает в силу на девяностый день, считая со дня депонирования двадцатого акта о ратификации или присоединении. Акты о ратификации и присоединении, полученные после вступления в силу настоящей Конвенции, вступают в действие на девяностый день, считая со дня их депонирования у Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций.

Статья XIV. Настоящая Конвенция действительна в течение десяти лет, начиная со дня вступления ее в силу. Она остается в силе на последующие пятилетия в отношении тех договаривающихся

сторон, которые не денонсируют ее по меньшей мере за шесть месяцев до истечения соответствующего срока ее действия. Денонсация производится путем письменного уведомления на имя Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций.

Статья XV. Если в результате денонсации число участников настоящей Конвенции станет менее шестнадцати, Конвенция прекращает свое действие в день вступления в силу последней денонсации.

Статья XVI. Требование о пересмотре настоящей Конвенции может быть представлено в любое время любой из договаривающихся сторон путем письменного сообщения на имя Генерального Секретаря. Генеральная Ассамблея решает о том, какие меры необходимо принять в отношении такого требования, если она признает необходимым принятие каких-либо мер.

Статья XVII. Генеральный Секретарь Организации Объединенных Наций извещает всех членов Организации Объединенных Наций и не состоящие членами Организации государства, предусмотренные в статье XI:

- а) о всех актах о подписании, ратификации и присоединении, полученных в соответствии со статьей XI;
- б) о всех заявлениях, полученных в соответствии со статьей XII;
- с) о дне вступления в силу настоящей Конвенции в соответствии со статьей XIII;
- д) о денонсациях, полученных в соответствии со статьей XIV;
- е) об отмене Конвенции в соответствии со статьей XV;
- ф) о заявлениях, полученных в соответствии со статьей XVI.

Статья XVIII. Подлинник настоящей Конвенции депонируется в архив Организации Объединенных Наций. <...>

Статья XIX. Настоящая Конвенция регистрируется Генеральным Секретарем Организации Объединенных Наций в день вступления ее в силу» (https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml) (дата обращения: 04.12.2025).

Я привел детально текст Конвенции в связи с тем, что термин «геноцид» в наше время используется настолько свободно, что нередко искажается его точный смысл. Итак, признаками геноцида являются действия с намерением полностью или частично уничтожить какую-либо группу по признаку национальности, этничности, расы или религии путем не только убийства, но также калечения и(или) создания условий, направленных на уничтожение этой группы. При этом наказуемо не только совершение геноцида, но и преднамеренные действия, направленные на его реализацию. Важно отметить, что в Конвенции не указаны конкретные цифры, отличающие геноцид от других преступлений. Следовательно, дискуссии о том, какую часть населения надо уничтожить, чтобы это было геноцидом, не имеют под собой юридических оснований: важно лишь соответствие или несоответствие перечисленным выше признакам. Наказанию подлежат виновные в этом — не только исполнители и частные лица, но и вышестоящие.

Применимо ли понятие геноцида к цинскому завоеванию Джунгарии?

Целью Хунли был захват Джунгарского ханства. Этот захват планировался заранее. При этом возможность истребления джунгаров не исключалась. Еще в 1731 г. цинские послы в Петербурге заявляли, что если Галдан-Цэрэн подчинится «наставлению» императора, выдаст беглеца и будет просить прощения, то, возможно, его получит, а если нет — то «без сомнения наша армия тот народ может искоренить» [Китинов, 2021, с. 381]. В 1754 г., после прибытия Амарсаны в империю Цин, Хунли заявил: «Наша династия вот уже в течение нескольких десятков лет выжидала, строила наблюдательные пункты и изучала границу, готовила войска к истреблению джунгар, но не смогла этого сделать. Теперь же складывается (для нас) подходящая обстановка, которой

нельзя не воспользоваться для решения вопроса (о Джунгарском ханстве) силою оружия» [Гуревич, 1983, с. 105–106].

Приказы Хунли выглядят ситуативно, не во всем совпадают и допускают разные трактовки. В результате истребление джунгарского населения рассматривалось, по крайней мере частью цинских командиров, как наиболее правильное решение: они не несли реальной ответственности, зато поощрялись за успешное выполнение общей задачи «умиротворения». Это означает, как минимум, соучастие Хунли в геноциде. Сам он знал методы и последствия этого «умиротворения». Например, весной 1758 г. он отмечал, что «после усмирения ойратов осталось совсем немного» [Ходжаев, 1984, с. 162]. И тем не менее восхвалял это.

В результате население Джунгарии истреблялось хотя и ситуативно, но именно по этническому признаку. Захват страны привел к ее почти полному обезлюдению. Целью было также стирание понятия «джунгары» из исторической памяти и распыление ойратов среди других этносов с перспективой их дальнейшей ассимиляции. Происходило это и с беженцами от действий карателей.

Итак, намерение, по крайней мере, частично уничтожить ойратов по этническому признаку следует из приказов Хунли, а из действий подчинявшихся ему войск — намерение их полного уничтожения. Это соответствует ст. II приведенной выше Конвенции. Соответствуют ей и методы, применявшиеся войсками Хунли: убийство, причинение серьезных телесных повреждений, преднамеренное создание условий для полного или частичного уничтожения посредством голода вследствие уничтожения скота и другой собственности ойратов. К таким условиям могла относиться и эпидемия оспы: она возникла вследствие массовых перемещений населения в зараженные места из-за действий цинских войск, которые, вероятно, сами избегали контакта с заболевшим населением и не заражались.

В наше время Хунли и его войска подлежали бы наказанию за заговор с целью геноцида, подстрекательство к нему, покушение и соучастие (ст. III), причем статус виновных не освобождал бы их от наказания (ст. IV). Это следовало бы учитывать тем, кто в наше время восхваляет деятельность этого императора.

Заключение

В целом столкновение Джунгарского ханства и империи Цин, властители которой претендовали на преемственность от Чингис-хана, было связано с экспансионистской политикой обоих государств, стремившихся подчинить своей власти монголов и доминировать в Тибете. Хотя империя Цин имела военное и экономическое превосходство над Джунгарией, последняя смогла продержаться как независимое государство до середины XVIII в.

Последним ханом независимой Джунгарии был Давачи. В то время он не был цинским подданным. Его государство стояло на грани краха в результате междоусобиц. Цинское вторжение привело к пленению Давачи, лишению его власти и доставке в Пекин, где он признал цинское подданство. В результате Джунгария перестала быть независимым государством. Амарсана как один из командующих цинскими силами вторжения к тому времени тоже принял цинское подданство. Он внес важный вклад в то, что Джунгария перестала быть независимым государством.

Данная война могла завершиться мирной аннексией Джунгарии, если бы не восстание Амарсаны. Хунли правомерно трактовал его восстание как бунт своих подданных: ведь Амарсана ранее добровольно принял цинское подданство. Правда, Хунли неправомерно трактовал как бунты и предыдущие смуты внутри Джунгарского ханства, когда оно было независимым. Себя он

рассматривал как благодетеля, который принес умиротворение и покой — замалчивая при этом массовое истребление джунгаров и искусственное стирание их из исторической памяти, проводившиеся на основе его приказов.

Согласно альтернативной точке зрения, «...у Цяньлуна не было планов по физическому истреблению ойратов... События 1755–1758 годов, сопровождавшиеся большими жертвами среди ойратского населения, являются не геноцидом ойратского народа, спланированным заранее, а реакцией Цяньлуна на восстание Амурсаны и ряда других ойратских феодалов». «Все планы Цяньлуна по покорению Джунгарии малой кровью полностью перечеркнули ожесточенные военные действия, длившиеся с начала 1756 по середину 1758 гг.» [Пастухов, 2009, с. 25–29]. «Цинская империя стремилась уничтожить Джунгарское государство, правители которого проявляли великое непокорство в отношении императора, но не ставила цель уничтожить ойратский народ» [Кузнецова, 2021, с. 33]. Аргументы в пользу этого приведены выше.

Хунли действительно не ставил изначальной целью уничтожение всех джунгаров, и его приказы не были заранее спланированной стратегией. Однако, ставя целью аннексию Джунгарского ханства, он не считался с потерями населения в нем, а командиры его войск зачастую считали полное истребление джунгаров наилучшим способом достижения этой цели. Император не мог не знать о таких методах и результатах войны, но оправдывал ее и считал одним из своих главных достижений. Действия Хунли и его войск соответствуют современному понятию геноцида.

Ряд поступков Хунли противоречат распространявшимся в Цинской империи представлениям о том, что он был выдающимся буддистом, эманацией бодхисаттвы и чакравартином. По-видимому, он странным образом сочетал в себе искреннюю веру в буддизм с грубыми нарушениями его канонов: с оправданием и развязыванием агрессивной войны, массовых убийств, пыток и казней, в том числе невинных людей.

Все это не отменяет тот факт, что эта война была реакцией Хунли на восстание его подданного Амарсаны. Нельзя отрицать отваги Амарсаны на определенных этапах восстания. Однако до того он участвовал в распрях между ойратами в борьбе за ханский престол, ведших к развалу Джунгарского государства. В результате этого последним ханом Джунгарии стал его сторонник Давачи. Чтобы свергнуть его и самому стать ханом, Амарсана принял цинское подданство, получил от Хунли титул цинь-вана и был назначен одним из командующих в походе на Джунгарию.

Амарсана сыграл важную роль в установлении цинской власти в Джунгарии, свержении и отправке в Пекин последнего джунгарского хана — Давачи, размещении в Джунгарии цинских войск — то есть в упразднении джунгарской независимости. Он тщетно ждал, что Хунли назначит его общеойратским ханом. Но если бы и дождался, то все равно бы остался цинским подданным, и Джунгарское ханство не стало бы независимым государством. Объявив себя независимым ханом, Амарсана поднял плохо подготовленное восстание против Цин, подавление которого сопровождалось геноцидом джунгаров. В это время его посланец в России предложил, что на определенных условиях (включая содействие в признании его ойратским ханом) он готов перейти в подданство России. Однако и эта попытка стать ханом, приняв новое подданство, оказалась безуспешной. А в Джунгарии продолжался геноцид — после того, как сам Амарсана бежал оттуда, найдя убежище в России, где вскоре скончался от оспы. Так его стремление к личной власти любой ценой стало одной из причин гибели его страны и геноцида ее населения.

И все-таки Амарсана считается героем национально-освободительной борьбы монголов, в Монголии есть памятник ему. Но можно согласиться с мнением известного монголоведа Б. Я. Владимирцова: «Народная память сохранила лишь немногие черты истинного Амурсаны. Ему простили многое: его вероломство, нетвердость и непостоянство во взглядах и симпатиях,

его честолюбие; народная память остановилась на одном моменте его бурной жизни — на борьбе с манджуро-китайцами, она приукрасила поступки своего героя и сделала его последним борцом за независимость, за независимое и славное существование ойратского племени. И Амурсана превратился в идеальный образ, о котором мечтали» [Владимирцов, 2002, с. 272].



Памятник Шадар-вану Чингунжаву в Улан-Баторе, Монголия (фото: С.Л. Кузьмин).

Приведено высказывание Чингунжава: «Государство и потомки мои да пребудут вечно». Слева на стене написано: «Чингунжав из Золотого рода Чингис-хана был вождем восстания 1755–1758 гг. за независимость Монголии против угнетения Цинской династией».

Впереди справа на черной табличке две надписи переводятся так. Монгольский текст: «По инициативе фонда Чингунжава, посвященной 300-летней годовщине со дня рождения хотогойтского Шадар-вана Чингунжава, воздвигнуто по проекту художника и скульптора Ш. Тэнгисболда. Высота памятника – 10 м, вес – 5 т. На памятной стеле отмечено, что потомок Чингис-хана Чингунжав возглавил вооруженную борьбу за независимость от маньчжурской оккупации в 1755–1758 гг. Офис мэра г. Улан-Батор, столичный отдел искусства и культуры, столичный отдел туризма».

Английский текст: «Бандийн Чингунжав (1710 – ок. 1758), Шадар-ван хотогойтов, был аристократом в северной Монголии, который возглавил неудачное антиманьчжурское восстание в 1755–1758 гг. В ознаменование его 300-летней годовщины эта бронзовая статуя 10 м высотой и весом 5 т воздвигнута в 2010 г. как дань уважения борцу за свободу, зверски казненному цинским двором. Создана художником и скульптором Ш. Тэнгисболдом. Расположение: проспект Чингунжава, 8-й хороо района Баян-гол. Офис мэра г. Улан-Батор, отдел искусства и культуры Улан-Батора, отдел туризма г. Улан-Батор».

Литература / Reference

- Гуревич Б. П. *Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в.* М., 1983 [Gurevich B. P. *International Relations in Central Asia in 17th — First Half of 19th Centuries*. Moscow, 1983 (in Russian)].
- Гуревич Б. П., Моисеев В. А. Взаимоотношения цинского Китая и России с джунгарским ханством в XVII–XVIII вв. и китайская историография. *История СССР*. 1979. № 3. С. 43–55 [Gurevich B. P., Moiseev V. A. 1979. Relations of the Qing China and Russia with Zungar Khanate in the 17th — 18th centuries and Chinese historiography. *Istoriya SSSR*. 1979. No. 3. Pp. 43–55 (in Russian)].
- Дмитриев С. В., Кузьмин С. Л. Империя Цин как Китай: анатомия исторического мифа. *Восток*. 2014. № 1. С. 5–17 [Dmitriev S. V., Kuzmin S. L. Qing Empire as China: an anatomy of historical myth. *Oriens*. 2014. No. 1. Pp. 5–17 (in Russian)].
- История и развитие Синьцзяна (Белая книга)* [History and Development of Xijiang (White Book). https://www.fmprc.gov.cn/rus/zt/ce_ceml_chn/zfbps/200305/t20030531_878963.html (дата обращения: 21.07.2025) (in Russian)].
- Каморная Ю. О. Завоеватели или мироустроители: проблема внешних войн в официальном историописании периода Цин. *Россия и АТР*. 2014. № 2 (84). С. 138–157 [Kamornaya Yu. O. Conquerors of world order makers: problem of outer wars in official historiography of the Qing period. *Rossiya i ATR*. 2014. No. 2 (84). Pp. 138–157 (in Russian)].
- Каримова Н. Э., Тулибаев Т. Е. Сочинение Цишии «Сиюй вэньцзяньлу»: сведения по истории народов Центральной Азии второй половины XVIII в. *Oriental Studies*. 2022. Т. 15. № 2. С. 373–382 [Karimova N. E., Tulibaev T. E. Xiyu wenjian lu by Qishi: materials on the history of Central Asian peoples in mid-to-late 18th Century revisited. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 2. Pp. 373–382 (in Russian)].
- Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX веков*. Алматы, 1994 [Chinese Documents and Materials on the History of East Turkestan, Middle Asia and Kazakhstan of the 14th — 19th Centuries. Almaty, 1994 (in Russian)].
- Китинов Б. У. Буддизм и религиозные лидеры Тибета в истории Четырех ойратов. М., 2021. Т. 2 [Kitinov B. U. *Buddhism and Religious Leaders of Tibet in the History of the Four Oirats*. Moscow, 2021. Vol. 2 (in Russian)].
- Кузнецов В. С. *Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.* Новосибирск, 1983 [Kuznetsov V. S. *Qing Empire on the Borders of Central Asia (2nd Half of the 18th — 1st Half of the 19th Centuries)*. Novosibirsk, 1983 (in Russian)].
- Кузнецова Н. В. Сакральный характер власти в Цинской империи и его проявление во внешней политике по отношению к Джунгарскому государству и казахам. *Монголоведение*. 2021. Т. 13. № 1. С. 22–40 [Kuznetsova N. V. Sacral character of power in the Qing Empire and its appearance in the external policy towards the Zungar State. *Mongolovedenie*. 2021. Vol. 13. No. 1. Pp. 22–40 (in Russian)].
- Кузьмин С. Л. *Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века*. М., 2016 [Kuzmin S. L. *Theocratic Statehood and Buddhist Church of Mongolia in the Beginning of the 20th Century*. Moscow, 2016 (in Russian)].
- Кузьмин С. Л. Гибель Джунгарского ханства и геноцид джунгаров в XVIII веке. Часть 1. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 1. С. 32–53 [Kuzmin S. L. Collapse of the Zungar khanate and genocide of the Zungars in the 18th Century. Part 1. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 1. Pp. 32–53 (in Russian)].
- Кукеев Д. Г. К вопросу о новых тенденциях в современной китайской историографии по Джунгарскому ханству. *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2011. № 2. С. 7–11 [Kukeev D. G. On new tendencies in modern Chinese historiography on the Zungar Khanate. *Vestnik Kalmytskogo Instituta Gumanitarnykh Issledovaniy RAN*. 2011. No. 2. Pp. 7–11 (in Russian)].

Кукеев Д. Г. Особенности сопротивления ойратов на заключительном этапе уничтожения Джунгарского ханства: «махачин». *Общество и государство в Китае*. 2018. Т. 48. № 1. С. 13–22 [Kukeev D. G. Peculiarities of the Oirat resistance at final stage of the destruction of the Zungar Khanate: “makhachin”. *Obshchestvo i Gosudarstvo v Kitae*. 2018. T. 48. No. 1. Pp. 13–22 (in Russian)].

Кукеев Д. Г. «Махачин» и культура насилия на цинском пограничье в Джунгарии. *Сетевое востоковедение: взаимодействие монгольских и тюркских этносов во времени и в пространстве*. Элиста, 2019. С. 338–342 [Kukeev D. G. “Makhachin” and the culture of violence at the Qing borderland of Zungaria. *Setevoe Vostokovedenie: Vzaimodeistvie Mongolskikh i Tyurkskikh Etnosov vo Vremeni i v Prostranstve*. Elista, 2019. Pp. 338–342 (in Russian)].

Лю Цян. Буддизм в джунгарско-цинских отношениях (конец XVII в. — середина XVIII в.). Дисс. канд. ист. наук. М.: ИВ РАН, 2022 [Liu Tsiang. *Buddhism in Zungar Qing Relations (End of 17th — Middle of 18th Centuries)*. Ph. D. (Hist.) Diss. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2022 (in Russian)].

Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Документы и материалы. М., 1989. Кн. 2 [International Relations in Central Asia. 17th — Middle of 18th Centuries. Documents and Materials. Moscow, 1989. Pt. 2 (in Russian)].

Оюунжаргал О. Ойраты в политике маньчжурской династии Цин. Улан-Удэ, 2015 [Oyuunjargal O. *Oirats in the policy of the Qing Manchu Dynasty*. Ulan-Ude, 2015 (in Russian)].

Пастухов А. М. Ойратская политика Цяньлуна. *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2009. № 2. С. 19–29 [Pastukhov A. M. The Qianlong Oirat policy. *Vestnik Kalmytskogo Instituta Gumanitarnykh Issledovanii RAN*. 2009. No. 2. Pp. 19–29 (in Russian)].

Пастухов А. М. Оценка событий 1755–1760 гг. в Джунгарии и Восточном Туркестане. *Parabellum novum*. 2022a. № 17 (50). С. 161–185 [Pastukhov A. M. Estimation of events in 1755–1760 in Zungaria and East Turkestan. *Parabellum novum*. 2022a. No. 17 (50). Pp. 161–185 (in Russian)].

Пастухов А. М. Цинское завоевание Джунгарии в 1755–1758 гг. *Parabellum novum*. 2022b. № 17 (50). С. 34–78 [Pastukhov A. M. Tsinskoe zavoevanie Dzhungarii v 1755–1758 gg. *Parabellum novum*. 2022b. No. 17 (50). Pp. 34–78 (in Russian)].

Потанин Г. Н. Очерки северо-западной Монголии. Вып. 4. С.-Петербург, 1883 [Potanin G. N. *Accounts of North-Western Mongolia*. Pt. 4. S.-Petersburg, 1883 (in Russian)].

Русско-джунгарские отношения (конец XVII — 60-е годы XVIII вв.). Документы и извлечения. Барнаул, 2006 [Russian–Zungar Relations (end of 17th — 60s of 18th Centuries). Documents and Excerpts. Barnaul, 2006 (in Russian)].

Санин К. А. Западный край Китая (к вопросу об истории восприятия Синьцзяна и Центральной Азии в Китае). *Общество и государство в Китае*. 2017. Т. 47. № 1. С. 207–216 [Sanin K. A. Western part of China. *Obshchestvo i Gosudarstvo v Kitae*. 2017. Vol. 47. No. 1. Pp. 207–216 (in Russian)].

Таката Т. Пояснения к картинам батальных сцен «Покорения Западного края» императора Цяньлуна. *Письменные памятники Востока*. 2011. № 2 (15). С. 279–290 [Takata T. Comments to paintings of the battle scenes of the “Subjection of the Western Region” of the Qianlong Emperor. *Pismennye Pamyatniki Vostoka*. 2011. No. 2 (15). Pp. 279–290 (in Russian)].

Хафизова К. Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан, 2019 [Khafizova K. Sh. *Steppe Rulers and Their Diplomacy in the 18th — 19th Centuries*. Nur-Sultan, 2019 (in Russian)].

Ходжаев А. О расселении ойратов после захвата Джунгарии Цинской империей. *Общество и государство в Китае*. М., 1984. С. 161–168 [Khjaev A. On the distribution of Oirats after the capture of Zungaria by Qing Empire. *Obshchestvo i Gosudarstvo v Kitae*. Moscow, 1984. Pp. 161–168 (in Russian)].

Ходжаев А. Цинская империя и Восточный Туркестан в XVIII в. Ташкент, 1991 [Khojaev A. *Qing Empire and East Turkestan in 18th Century*. Tashkent, 1991 (in Russian)].

Чимитдоржиев Ш. Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв. Улан-Удэ, 2002 [Chimitdorjiev Sh. B. *National Liberation Movement of the Mongolian People in the 17th–18th Centuries*. Ulan-Ude, 2002 (in Russian)].

- Benard E. The Qianlong emperor and Tibetan Buddhism. *New Qing Imperial History. The making of Inner Asian Empire at Qing Chengde*. London — New York, 2004. Pp. 123–135.
- Farquhar D. M. Emperor as bodhisattva in the governance of the Ch'ing Empire. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1978. Vol. 38. No. 1. Pp. 5–34.
- Gurung L. 2021. *Puning temple: why Xi Jinping celebrated a genocide*. URL: <https://bitterwinter.org/puning-temple-why-xi-jinping-celebrated-a-genocide/> (дата обращения: 21.07.2025).
- Hui V. T. Confucianism and peacemaking in Chinese history // *Peacemaking: From Practice to Theory*. 2011. Vol. 1. Pp. 211–227.
- Ishihama Y. Study of the Qianlong as Cakravartin, a manifestation of bodhisattva Manjushri, tangka. *Bulletin of Waseda Institute for Mongolian Studies*. 2005. No. 2. Pp. 19–39.
- Jia J. Whose Xinjiang? The Transition in Chinese Intellectuals' Imagination of the “New Dominion” during the Qing Dynasty. *Harvard-Yenching Institution Working Paper Ser.* 2011. URL: https://www.harvard-yenching.org/wp-content/uploads/legacy_files/featurefiles/Jia%20Jianfei_Whose%20Xinjiang.pdf (дата обращения: 21.07.2025).
- Krueger J. R. The Ch'ien-Lung inscriptions of 1755 and 1758 in Oirat-Mongolian. *Central Asiatic Journal*. 1972. Vol. 16. No. 1. Pp. 59–69.
- Newby L. *The Empire and the Khanate: a Political History of Qing Relations with Khoqand, c. 1760–1860*. Leiden — Boston, 2005.
- Perdue P. C. *China Marches West. The Qing Conquest of Central Asia*. Cambridge — London, 2005.
- Pilkington R. Zungars // *Encyclopedia of Genocide and Crimes Against Humanity*. Detroit etc., 2005. Pp. 1182–1185.
- Waley-Cohen J. Commemorating war in Eighteenth-Century China. *Modern Asian Studies*. 1996. Vol. 30. No. 4. Pp. 869–899.
- Zhao G. Reinventing China: imperial Qing ideology and the rise of modern Chinese national Identity in the early Twentieth Century. *Modern China*. 2006. Vol. 32. No. 1. Pp. 3–30.

ОТ ЛИЧНОСТИ К ХАЛИФАТУ: ПРОЕКТ ХАСАНА АЛЬ-БАННЫ И ЕГО ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

© 2026

Е. Е. Самойлова¹

В статье предпринята попытка проанализировать с разных сторон тот проект, который заложил Хасан аль-Банна (1906–1949) — основатель и идеолог движения Джам‘иат аль-ихван аль-муслимин («Братья-мусульмане»²) — как попытку системного синтеза религиозного активизма, антиколониального национализма и панисламистского универсализма в условиях идеологического и политического кризиса арабского мира в первой половине XX в. Анализ проекта аль-Банны строится на трех взаимодополняющих уровнях: историко-политическом — через призму его идеологии «исламского национализма» как ответа на распад Османской империи и доминирование западных моделей; политологическом — как создание прототипа транснационального исламистского актора в условиях формирующейся биполярной мирополитической системы; антрополого-педагогическом — через систему исламского воспитания (*тарбия*) как технологии формирования новой исламской субъектности. В статье подчеркивается, что проект аль-Банны представлял собой не столько программу захвата власти, сколько попытку построения альтернативной модели современности, основанной на исламской этике, социальной дисциплине и цивилизационном возрождении. Именно эта глубинная утопическая ориентация, а также разработанная им гибкая организационно-воспитательная технология предопределили долгосрочное влияние его наследия — несмотря на его внутренние противоречия и исторические поражения.

Ключевые слова: Хасан аль-Банна, «Братья-мусульмане», политический ислам, исламизм, панисламизм, национализм, антиколониализм, идентичность, транснациональные движения, Египет

Для цитирования: Самойлова Е. Е. От личности к халифату: проект Хасана аль-Банны и его транснациональное наследие. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 2. С. 37–43. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-037-043

FROM THE INDIVIDUAL TO THE CALIPHATE; HASAN AL-BANNA'S PROJECT AND ITS TRANSNATIONAL LEGACY

Elena E. Samoilova

This article offers a multifaceted analysis of the project initiated by Hasan al-Banna (1906–1949), founder and ideologue of the Jam‘iyyat al-Ikhwan al-Muslimin (the Muslim Brotherhood), as an attempt to synthesize

¹ Самойлова Елена Евгеньевна, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; helenaxsam@gmail.com

Elena E. Samoilova, Junior Researcher, Institute of Oriental Studies, Moscow; helenaxsam@gmail.com
ORCID: 0009-0005-4780-1440.

² В России решением Верховного суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. организация «Братья-мусульмане» признана террористической, и ее деятельность на территории Российской Федерации запрещена.

religious activism, anti-colonial nationalism, and pan-Islamic universalism amid the ideological and political crisis of the Arab world in the first half of the twentieth century. The analysis is structured along three interrelated dimensions: (1) historical-political — examining his doctrine of ‘Islamic nationalism’ as a response to the collapse of the Ottoman Empire and the dominance of Western models; (2) political — interpreting the Brotherhood as a prototype of a transnational Islamist actor within the emerging bipolar world order; and (3) anthropological-pedagogical — exploring the system of Islamic education (*tarbiyya*) as a technology for producing a new Islamic subjectivity. The article argues that al-Banna’s project was less a political program for seizing power and more an ambitious endeavor to construct an alternative modernity grounded in Islamic ethics, social discipline, and civilizational revival. It was precisely this deep utopian orientation and the flexible, reproducible educational-organizational model that ensured the long-term resilience and influence of his legacy, despite its internal contradictions and historical setbacks.

Keywords: Hasan al-Banna, Muslim Brotherhood, political Islam, Islamism, pan-Islamism, nationalism, anti-colonialism, identity, transnational movements, Egypt

For citation: Samoilova E. E. From the Individual to the Caliphate: Hasan al-Banna’s Project and Its Transnational Legacy. *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*. 2026. No. 2. Pp. 37–43. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-037-043

Введение

«Имамат (Халифат) — это обязательство в Основах религии. И аль-ихван аль-муслимун считают его одной из высочайших символик ислама и его обрядов. Они трудятся для его возвращения» [al-Banna, 1978, p. 279].

Несмотря на обширную историографию движения «Братьев-мусульман», в ней доминирует политологическая оптика: проект аль-Банни трактуется либо как программа захвата власти, либо как реакция на крах секуляризма. Такой подход систематически игнорирует антропологическое ядро проекта — систему *тарбия* как технологию конструирования исламской субъектности. В результате остается неразрешенным фундаментальное противоречие: почему движение, не достигшее ни одной из своих политических целей, сохранило транснациональное влияние на протяжении почти столетия? Рабочая гипотеза настоящей статьи состоит в том, что проект аль-Банни следует понимать не как политическую программу, а как утопический эксперимент по конструированию альтернативной современности. Именно педагогическая, а не политическая составляющая обеспечила его долгосрочную устойчивость: система *тарбия* создала воспроизводимую «технологию субъектности», способную функционировать независимо от политического успеха или поражения.

Первая половина XX века стала для арабского Машрика эпохой глубокого цивилизационного кризиса и поиска новых форм политического бытия. Распад Османской империи (1922) и упразднение халифата (1924) обозначили не только вакуум власти, но и кризис легитимности и коллективной идентичности [Krämer, 2010, p. 28]. На этом фоне сформировались две основные стратегии ответа. С одной стороны — светские националистические проекты (например, партия «Вафд»), вдохновленные западными либеральными идеями и стремившиеся к построению национального государства по европейскому образцу. С другой — религиозно-правовая традиция, представленная *алимами* Аль-Азхара, не сумевшая предложить адекватного ответа на вызовы колониализма и модернизации [Mitchell, 1993, p. 8].

Именно в этом идеологическом межвременье возник проект Хасана аль-Банни — школьного учителя из Исмаилии, основавшего в 1928 году Джам‘иат аль-ихван аль-муслимин (Ассоциация «Братья-мусульмане»). Движение аль-Банни стало первой массовой попыткой предложить

целостную альтернативу и секулярному национализму, и пассивному традиционализму [Lia, 1998, pp. 25–40]. Отказавшись от бинарного выбора между панисламизмом и национализмом, аль-Банна предпринял синтез, подчинив национально-освободительную повестку более высоким целям религиозного возрождения, а политическую борьбу — этико-педагогическому проекту пересоздания человека [Soage, 2008, pp. 21–40].

В данной статье рассматривается проект аль-Банни в трех измерениях:

- 1) идеологическом — через концепцию «исламского национализма» как адаптации панисламизма к эпохе национальных государств;
- 2) политологическом — как создание транснационального исламистского движения;
- 3) антрополого-педагогическом — через систему *тарбия* как основу формирования новой субъектности.

Историография

В изучении наследия Хасана аль-Банни выделяются три доминирующих подхода, каждый из которых фокусируется на отдельном аспекте его проекта, в то время как логичнее воспринимать их в системной взаимосвязи. Политологическая парадигма (Mitchell, 1993; Lia, 1998) рассматривает «Братьев-мусульман» преимущественно как массовое политическое движение, конкурировавшее с националистами за власть в постколониальном Египте. Такой подход продуктивен для анализа организационной структуры и тактики, но упрощает и сводит проект аль-Банни к инструментальной логике захвата государства, игнорируя его этико-утопическое измерение. Как отмечает С. Махмуд (2005), эта оптика «проецирует западную модель политической рациональности на феномен, чья логика коренится в иной онтологии субъектности».

Цивилизационная парадигма (Roy, 1994; Gerges, 2018) интерпретирует исламизм как реакцию на крах западной модернизации и секуляризма. Здесь акцент смещается с институтов на культурный конфликт, однако движение все еще воспринимается как реактивный феномен — ответ на внешний вызов, а не как активный проект конструирования альтернативы. Такая трактовка не объясняет внутреннюю динамику движения и его способность к транснациональному воспроизводству.

Антропологическая парадигма (Mahmood, 2005; Jung, El-Zalaf, 2019) представляет наиболее продуктивный сдвиг: она фокусируется на микропрактиках тела, этики и дисциплины как на ядре исламистского проекта. Однако эти исследования преимущественно анализируют исламистские движения на поздних этапах. Ни один из подходов не рассматривает проект аль-Банни как единство историко-политического контекста, транснациональной организационной логики и антрополого-педагогического ядра, где последнее выступает генерирующим уровнем. Настоящая статья восполняет этот пробел, утверждая, что политическая и историческая плоскости проекта аль-Банни подчинены антропологической — формированию новой исламской субъектности через систему *тарбия*.

«Исламский национализм» как ответ на кризис панисламизма

Интеллектуальная биография аль-Банни отражает сложный идеологический ландшафт его времени. Будучи выходцем из религиозной семьи, он получил светское педагогическое образование в Дар аль-‘улюм. На него повлияли идеи исламских реформаторов — Джамаль ад-Дина аль-Афгани, Мухаммада ‘Абдо и особенно Рашида Риды, чей журнал аль-Манар он внимательно

читал [al-Banna, 1966]. От них он унаследовал критику *таклида* (слепого следования традиции) и утверждение, что ислам совместим с разумом и наукой. Однако жизненный опыт, полученный под прямым воздействием британского колониального присутствия, сместил его фокус. Главной угрозой он стал рассматривать не консерватизм *алимов*, а культурную и политическую экспансию Запада: секуляризм, миссионерскую деятельность, моральный релятивизм и колониальную зависимость [Krämer, 2010, pp. 40–45].

В этих условиях классический панисламизм казался утопичным, а светский национализм — религиозно неприемлемым. Аль-Банна попытался преодолеть это противоречие, сформулировав доктрину, которую можно условно назвать «исламским национализмом». Он проводил четкое различие между *аль-каумийя* (этно-территориальный национализм, который он считал искусственным разделением *уммы*) и *аль-ватанийя* (патриотизм как любовь к родной земле, которую следовало «исламизировать»). Ключевым понятием стала категория *аль-ватан аль-ислами* — «исламское отечество». В такой концептуальной рамке Египет мыслился не как суверенное национальное государство, чья легитимность основывается на воле народа, а как часть транснациональной *уммы* — единой мусульманской общины. То есть национальная борьба за освобождение от колониального господства приобретала религиозное измерение: она становилась долгом перед Богом и вкладом в общее дело *уммы*.

«Ислам — это и вера, и поклонение, и отечество, и гражданство, и религия, и государство, и духовность, и действие, и книга, и меч» [al-Banna, 1978, p. 208].

Эта формула, на первый взгляд декларативная, на деле представляет собой иерархическую модель легитимности: «отечество» и «гражданство» включаются в исламский дискурс, но их автономия отрицается. Выстраивается иерархия: тактическая задача — работа на благо национального отечества; стратегическая — восстановление халифата как политического выражения единства *уммы*. На практике в 1930–1940-е годы это означало, что деятельность «Братьев» была сосредоточена на внутренних проблемах Египта, но всегда в рамках более широкой исламской повестки — включая участие в Палестинской войне 1948 года [Mitchell, 1993, pp. 55–70]. Таким образом, аль-Банна осуществил адаптацию панисламистского идеала к реалиям XX века, признав национальное государство как поле борьбы, но отрицая его конечную автономию. Отсюда и знаменитый лозунг движения: «Ислам — это решение» [Chamieh, 1995, pp. 67–70].

«Братья-мусульмане» как прототип транснационального актора

«Братья-мусульмане» не были в классическом представлении ни политической партией, ни религиозной или благотворительной организацией, представляя собой новый тип социально-политического актора, чья природа может быть осмыслена в рамках мир-системного подхода: как попытка создания альтернативы западноцентричной модели общественного устройства [Наумкин, Кузнецов, 2013, с. 85–101].

Аль-Банна апеллировал к *умме* как к основе цивилизационной субъектности исламского мира. Его критика секуляризма и вестернизации носила не только политический, но и цивилизационный характер [Chamieh, 1995, pp. 72–75].

«Вы — не благотворительное общество, не политическая партия, не местная организация... Вы — новая душа тела этой нации, оживляющая ее через Коран» [al-Banna, 1978, p. 205].

Уже при жизни аль-Банна отделения движения появились в Сирии, Палестине, Судане. Такая экспансия стала следствием идеологии, отрицавшей абсолютность национальных границ. Это можно рассматривать как один из ранних примеров появления транснациональных

негосударственных акторов, чья лояльность выходила за рамки Вестфальской системы [Gerges, 2018, pp. 50–55], хотя подобные феномены наблюдались и ранее — например, в сионистском движении XIX века. В условиях, когда Египет находился на полупериферии мир-системы [Roy, 1994, pp. 45–50], аль-Банна предложил не интеграцию в западные структуры, а построение параллельной исламской инфраструктуры: школ, больниц, кооперативов, профсоюзов, скаутских отрядов. Это было микроуровневым воплощением идеи ислама как *низам шамиль* (всеобъемлющей системы).

Однако эта стратегия неизбежно вступила в конфликт с государством. Организация, требовавшая от членов первичной лояльности (*бай‘а*) не государству, а своему духовному руководителю (*муршид*) и проекту в целом, по определению оказывалась «государством в государстве» [Mitchell, 1993, pp. 55–65]. Конфликт, завершившийся роспуском движения в 1948 году и убийством аль-Банна в 1949 году, был не просто столкновением интересов, а столкновением двух принципов легитимности: национально-государственной и транснационально-религиозной. Кроме того, проект аль-Банна натолкнулся на структурную разобщенность исламского мира — идеологические расколы, конкуренцию между центрами влияния, различия в социально-экономическом развитии. Эти факторы делали реальное восстановление халифата невозможным. Тем не менее аль-Банна предложил механизм устойчивости через воспитание личности и общины, а не через политику.

Тарбия как антропологический проект

Самый значимый уровень анализа проекта аль-Банна открывается при рассмотрении его как педагогической и антропологической программы. Современные исследования показывают, что «Братья-мусульмане» изначально были движением нравственного возрождения, а не политической партией [Jung, El-Zalaf, 2019, pp. 207–225]. Политические цели понимались как результат, а не как первичная задача.

«Аллах не изменит положения людей, пока они не изменят того, что в их душах» (Коран, 13:11). Это основа нашего метода. Мы начинаем с индивида» [al-Banna, 1978, pp. 112–115].

Центральной фигурой идеального общества становился *раббани* — термин, восходящий к Корану (3:79; 5:44) и интерпретированный аль-Банной как «тот, кто глубоко предан Аллаху и сочетает знание, воспитание и действие» [Османов, 2007]. Идеальный *раббани* сочетал, казалось бы, противоположные качества: духовную сосредоточенность («монах ночью» — практика ночных молитв, *кийам аль-лейль*, постоянный *зикр*, аскетизм); социальную активность («воин днем» — участие в *да‘ва*, социальной работе, готовность к самопожертвованию); физическую дисциплину — спорт, гигиена, военная подготовка, строгий распорядок.

«Будь сильным. Сильный верующий лучше и более любим Аллахом, чем слабый верующий. Заботься о своем здоровье, силе и внешнем виде... Пусть твоим лозунгом всегда будет: “Порядок, время, уважение”» [al-Banna, 1978, p. 15].

Такой идеал формировался под влиянием трех дискурсов:

- 1) суфийского — от отца, члена тариката Хасафия [al-Banna, 1966, pp. 42–43]; отсюда — практики самодисциплины (*риядат ан-нафс*), послушание *муршиду*, коллективные ритуалы. Однако аль-Банна переориентировал суфизм с ухода от мира на его преобразование;
- 2) реформистского ислама — от аль-Афгани, ‘Абдо и Риды: критика *таклида*, призыв к возвращению к Корану и Сунне, адаптация ислама к современности;
- 3) культурных трендов начала XX века — включая интерес к физической культуре и национальному оздоровлению. Вызывавшие тогда нездоровый интерес идеи социального дарвинизма и евгеники были инкорпорированы в систему, но обоснованы религиозно (например, через хадис о «сильном верующем»).

Этот синтез дал гибридную идеологию, представлявшую попытку выстроить альтернативную модель современности на исламских основаниях.

Идеал *раббани* воплощался в жизнь через многоуровневую систему *тарбия*: *усра* («семья» — базовая ячейка из 5–10 человек); *катиба* (букв. «фаланга» — объединение нескольких *уср* для духовных практик); выездные лагеря (*рихла/му'аскар*) для физической и идеологической подготовки; скаутское движение (*джавала*). Связующим элементом была *бай'а* — клятва верности не лично аль-Банне, а проекту как таковому. Эта практика, унаследованная от суфийской традиции, формализовала добровольное вхождение в дисциплинарное сообщество [Mahmood, 2005, pp. 80–85]. Такой механизм не следует путать с манипуляцией сознанием: он предполагал осознанное принятие авторитета как условия морального совершенствования. Программа «семи ступеней *да'ва*» (или «семи ступеней призыва») описывала органичную модель роста: от воспитания личности — к исламской семье, от семьи — к обществу, от общества — к государству, от государства — к халифату [Jung, El-Zalaf, 2019, p. 215]. Ключевой посыл — политические изменения возможны только как следствие нравственного перерождения.

«Если мы добьемся успеха в создании тридцати групп искренних братьев, подобных сподвижникам Посланника, то Аллах по своей милости завершит через них дело исламского возрождения» [al-Banna, 1966, p. 185].

Как отмечает А. В. Сарабьев, движение с самого начала было ориентировано не на сиюминутную политическую победу, а на долгосрочную стратегию культурного и идентификационного проникновения в общество, где терпение выступало не как пассивность, а как активная форма борьбы [Сарабьев, 2019, с. 183–208].

Заключение

Проект Хасана аль-Банни представлял собой многомерную и внутренне противоречивую утопию, направленную на построение альтернативной модели общественного устройства в условиях кризиса идентичности и колониального давления. Он выступил одновременно как идеолог, предложивший синтез панисламизма и национальной борьбы; как организатор, создавший прототип транснационального исламистского движения; и как педагог, разработавший систему *тарбия* как основу формирования новой исламской субъектности.

Исторический путь движения показал, что государство в условиях модерна не могло терпеть внутри себя структуру с альтернативной системой лояльности и дисциплины. Расправа с аль-Банной и последующие репрессии при Гамале Абд-ан-Насере, Анваре Садате и Хосни Мубараке подтвердили это фундаментальное противоречие. Однако именно глубина антропологического ядра проекта — система *уср*, практики самодисциплины, культ братства и порядка — обеспечила его устойчивость даже в условиях подполья. Эта технология оказалась адаптивной: от участия в парламентских выборах до формирования радикальных ответвлений (несмотря на то, что сам аль-Банна выступал против немедленного насилия).

Таким образом, научная новизна исследования состоит в смещении аналитического фокуса с политической программы аль-Банни на его педагогический эксперимент. Именно система *тарбия* как технология формирования субъектности, а не идея халифата или антиколониальная риторика, обеспечила транснациональную устойчивость его наследия. Это позволяет переосмыслить исламизм не как реакцию на модерность, а как проект альтернативной современности, зародившийся еще в 1930-е годы. При этом если проект аль-Банни и не достиг своих политических целей — восстановления халифата или построения исламского государства в Египте, — он породил устойчивую

дисциплинарную традицию, которая продолжает влиять на процессы в исламском мире и за его пределами.

Список литературы

Наумкин В. В., Кузнецов В. А. Исламский мир и исламские организации в современной мирополитической системе. *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2013. № 4. С. 85–101 [Naumkin V. V., Kuznetsov V. A. The Islamic World and Islamic Organizations in the Contemporary World-Political System. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 12: Politicheskie Nauki*. 2013. No. 4. Pp. 85–101 (in Russian)].

Сарабьев А. В. Терпение как искусство скрывать нетерпимость, или Долгосрочная стратегия Братъев-мусульман по изменению Ближнего Востока. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12. № 4. С. 183–208 [Sarabyev A. V. Patience as the Art of Concealing Intolerance, or the Long-Term Strategy of the Muslim Brotherhood to Transform the Middle East. *Konturny Global'nykh Transformatsiy: Politika, Ekonomika, Pravo*. 2019. Vol. 12. No. 4. Pp. 183–208 (in Russian)].

Al-Banna H. *Majmu'at rasa'il al-imam ash-shahid Hasan al-Banna*. Cairo: Dar al-Kitab al-'Arabi, 1978 [Al-Banna H. *The Collected Epistles of the Martyred Imam Hasan al-Banna*. Cairo: Dar al-Kitab al-'Arabi, 1978 (in Arabic)].

Al-Banna H. *Muzakkirat ad-da'wa wa-d-da'iyat*. Cairo, 1966 [Al-Banna H. *Memoirs of the Da'wa and the Preacher*. Cairo, 1966 (in Arabic)].

Chamieh J. *Traditionalists, Militants and Liberals in Present Islam*. Research and Publishing House, 1995.

Gerges F. A. *Making the Arab World: Nasser, Qutb, and the Clash That Shaped the Middle East*. Princeton: Princeton University Press, 2018.

Jung D., El-Zalaf A. The Islamic System of Ethical Education: Hasan al-Banna and the Formation of the Muslim Brotherhood. *Journal of Religious and Political Practice*. 2019. Vol. 5. No. 3. Pp. 207–225.

Krämer G. *Hasan al-Banna*. Oxford: Oneworld Publications, 2010.

Lia B. *The Society of the Muslim Brothers in Egypt: The Rise of an Islamic Mass Movement, 1928–1942*. Reading, UK: Ithaca Press, 1998.

Mahmood S. *Politics of Piety: The Islamic Revival and the Feminist Subject*. Princeton: Princeton University Press, 2005.

Mitchell R. P. *The Society of the Muslim Brothers*. New York: Oxford University Press, 1993.

Roy O. *The Failure of Political Islam*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1994.

Soage A. B. Hasan al-Banna and the Modernist Islam. *Totalitarian Movements and Political Religions*. 2008. Vol. 9. No. 1. Pp. 21–40.

**ДРУГ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И РОССИИ:
ИНДИЙСКИЙ ИСТОРИК ДЕВЕНДРА КАУШИК
(1934–2020)**

© 2026

Н. З. Мосаки¹

Статья представляет собой научную библиографию видного индийского историка-востоковеда, русиста и специалиста по Центральной Азии Девендры Каушика (1934–2020). На основе широкого круга источников, включая архивные материалы, опубликованные труды и периодику, прослеживаются основные этапы его жизни и научной карьеры: обучение в СССР, защита кандидатской диссертации в Ташкентском университете (1965), работа в Институте востоковедения АН СССР (1972–1974), многолетнее преподавание в Университете им. Джавахарлала Неру в Дели, а также активная организаторская и общественная деятельность в области индийско-российского сотрудничества. Особое внимание уделяется идеологическому контексту холодной войны, в рамках которого Каушик, будучи марксистом и последовательным сторонником просоветской позиции, активно участвовал в противоборстве с западной историографией по вопросам истории Средней Азии, национальной политики СССР и безопасности в Индийском океане. Анализируются его ключевые труды, включая монографии, изданные в СССР и Индии, а также его роль в формировании индийской школы постсоветских и евразийских исследований. Отдельно рассматриваются научные связи Каушика с советскими учеными (Н. А. Халфин, Б. Г. Гафуров), его участие в конференциях и совместных изданиях. Показано, что, несмотря на публицистическую составляющую многих его работ, Каушик сыграл значительную роль в развитии индийско-российских интеллектуальных связей и в утверждении альтернативной западной историографии Центральной Азии.

Ключевые слова: Девендра Каушик, Б. Г. Гафуров, Н. А. Халфин, Индия, Советский Союз, Средняя Азия

Для цитирования: Мосаки Н. З. Друг Советского Союза и России: индийский историк Девендра Каушик (1934–2020). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 2. С. 44–69. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-044-069

**DEVENDRA KAUSHIK (1934–2020): AN INDIAN HISTORIAN,
FRIEND OF THE SOVIET UNION AND RUSSIA**

Nodar Z. Mossaki

The article presents a scholarly biobibliography of the prominent Indian historian-orientalist, Russianist, and Central Asia specialist Devendra Kaushik (1934–2020). Based on a wide range of sources, including archival

¹ Мосаки Нодар Зейналович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; nodarmossaki@gmail.com
Nodar Z. Mossaki, PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; nodarmossaki@gmail.com
ORCID: 0000–0001–8268–006X

materials, published works, and periodicals, it traces the main stages of his life and academic career: his education in the Soviet Union, the defense of his PhD Thesis at Tashkent University (1965), his work at the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences (1972–1974), his long-term professorship at Jawaharlal Nehru University in Delhi, as well as his active organizational and public activities in the field of Indo-Russian cooperation. Special attention is paid to the ideological context of the Cold War, in which Kaushik—as a Marxist and a consistent pro-Soviet scholar – actively participated in countering Western historiography on issues related to the history of Central Asia, Soviet nationalities policy, and security in the Indian Ocean. The article analyzes his key works, including monographs published in the USSR and India, as well as his role in shaping the Indian school of post-Soviet and Eurasian studies. It also examines Kaushik’s scholarly connections with Soviet academics (N. A. Khalfin, B. G. Gafurov), his participation in conferences, and his contributions to joint publications. It is shown that, despite the publicistic element in many of his works, Kaushik played a significant role in the development of Indo-Russian intellectual ties and in establishing an approach to the study of Central Asia alternative to Western historiography.

Keywords: Devendra Kaushik, B. G. Gafurov, N. A. Khalfin, India, Soviet Union, Central Asia

For citation: Mossaki N. Z. Devendra Kaushik (1934–2020). An Indian Historian, Friend of the Soviet Union and Russia. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 2. Pp. 44–69. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-044-069

Исследуя научную биографию советского историка и востоковеда Н. А. Халфина, мне пришлось изучить различные эпизоды его сотрудничества с коллегами, в том числе и историками из других стран. Одним из них являлся видный индийский историк и специалист по международным отношениям, Советскому Союзу, России и Центральной Азии, большой друг СССР и России Девендра² Каушик, о чем я кратко упоминал в статье о Халфине [Мосаки, 2022, с. 129]. Однако, несомненно, он заслуживает отдельной публикации биографического характера, а также хотя бы краткой биобиблиографии, тем более что его кончина не была замечена в России.

Девендра Каушик являлся одним из наиболее видных представителей индийской школы русистов, к концу жизни его справедливо называли «ветераном политологии» [Лаумулин, 2020, с. 225], «ветераном» «индийской школы изучения СССР и советской Средней Азии» [Лаумулин, 2020, с. 226].

При этом, учитывая круг вопросов и проблем, которые являлись предметом его научных интересов, его идеологическую позицию, обусловленную в том числе принадлежностью к компартии, а также периодом холодной войны, во время которой ему довелось работать значительный период жизни, его деятельность включена в несколько более широкий контекст — противостояния СССР с западным блоком, особенно в аспекте чувствительного для СССР вопроса истории и тогдашнего положения республик Средней Азии, ряда крупных международных вопросов — безопасности в ареале Индийского океана, оценке роли Китая в мировой политике. Настоящая статья затрагивает и роль Индии в этом идеологическом противостоянии СССР с Западом. Несмотря на в значительной степени биографический и биобиблиографический характер статьи, она не свободна от критики в его адрес, что обусловлено не какими-либо особыми недостатками в исследовательской работе Девендры Каушика, а, во-первых, мнением, что лишь обсуждение, дискуссия и критика содействуют лучшему пониманию той или иной проблемы и, во-вторых, он являлся составной частью историографии, в которой значительное место занимала критика.

² Иногда его имя в отечественной литературе (как в советский период, так и постсоветский) писали по-русски как «Дивендра» [Ради жизни, 1974, с. 6; Белокреницкий, 2003, с. 167], исходя из правильного прочтения по-английски. Однако чаще все же использовалось «Девендра».

Девендра Каушик родился 1 марта 1934 г. в г. Сахаранпур штата Уттар-Прадеш на севере Индии в семье служащих³. Среднее образование получил в городе Мирут (Мератх) того же штата. В 1954 г. окончил Лакхнауcский университет (Lucknow University, г. Лакхнау, столица штата Уттар-Прадеш), получив диплом бакалавра права, а на следующий год стал магистром искусств/гуманитарных наук (Master of Arts) по направлению «История Запада» и начал преподавать в Мирутском университете (до 1962 г.). В 1959 г. вступил в ряды Коммунистической партии Индии (КПИ), имевшей в тот период весьма значительное влияние в стране. За два года до этого на парламентских выборах страны КПИ заняла второе место, уступив лишь Индийскому национальному конгрессу, но победила в штате Керала и возглавила его правительство. В 1959 г. Каушик впервые посетил Советский Союз, став гостем ВЛКСМ, эту поездку организовал известный индийский экономист Гулзарилал Нанда, тогда занимавший пост министра планирования в кабинете Неру, с которым Каушик состоял в одной общественной организации [Kaushik, 2015].

В 1962 г. Д. Каушик в Университете Агры (ныне — Университет Бхимрао Амбедкара, штат Уттар-Прадеш) получил степень PhD, защитив диссертацию по теме «Англо-русское соперничество в Средней Азии в XIX в.», после чего был принят в аспирантуру Ташкентского университета, окончив которую в 1965 г., защитил кандидатскую диссертацию на тему «Осуществление ленинской национальной политики в Средней Азии (1917–1937 гг.)» [Каушик, 1965a; 1965b], в которой он, кроме изучения советского опыта, рассуждал о его возможном применении в условиях Индии. В том же году он вернулся в Индию и стал работать доцентом в Университете Курукшетра (штат Харьяна), основанном в 1956 г., и проработал там с перерывами до 1972 г. Там он был избран членом исполкома индо-советской дружбы штата Харьяна.

Девендра Каушик был марксистом, коммунистом, прошел обучение в СССР, являлся убежденным просоветским деятелем, антиамериканистом, утверждая почти во всех своих трудах, что именно агрессивные действия Соединенных Штатов создают кризисную обстановку в различных регионах мира. Как писал один из современных авторов, «работы Каушика несут на себе сильный отпечаток влияния советского методологического подхода» [Лаумулин, 2015, с. 312]. Причем во многом Каушик сохранил свои убеждения, лишь несколько подкорректировав их, и после развала мировой социалистической системы и распада СССР, что говорит о его искренности.

Начиная с 1960-х гг. в Индии Каушик стал автором ряда работ на различные темы — идеологические, связанные с Лениным, историко-международные и современные международно-политические. Им были опубликованы статьи о британской политике в Центральной Азии в XIX в. [Kaushik, 1967], о Ленине в литературе и печати на языке хинди [Kaushik, 1970a], книга о политике Советского Союза в отношении Индии и Пакистана [Kaushik, 1971a], которая вышла чуть позже и в переработанном и дополненном виде [Kaushik, 1974], брошюра о советско-индийском сотрудничестве [Kaushik, 1971b]. Вместе с советским журналистом (сотрудником Агентства печати «Новости» в Индии) и индологом Леонидом Васильевичем Митрохиным (1934–2002)⁴ он стал составителем сборника документов из индийских библиотек и архивов о Ленине к его 100-летию, являвшемуся знаменательной датой для СССР, в связи с чем советскими учреждениями были организованы различные мероприятия и издания, в том числе и научные, связанные с Восходом. Указанный сборник был опубликован одновременно на английском [Kaushik, Mitrokhin, 1970⁵] и хинди. Вскоре вышла книга Л. В. Митрохина о восприятии Ленина в Индии — «Индия

³ В статье использованы биографические материалы (анкеты), составленные им во время работы в Институте востоковедения АН СССР.

⁴ О Л. В. Митрохине и его работе в Индии см. [Нестерова, Солодкова, 2018; 2020].

⁵ См. рецензию на этот сборник А. В. Райкова [Райков, 1971], который был соавтором Л. В. Митрохина по другим работам. Он же неоднократно ссылался на сборник Каушика и Митрохина (см. [Райков, 1972]). Тогда Алексей Васильевич

о Ленине: (В. И. Ленин в индийской публицистике и воспоминаниях современников-индийцев) [Митрохин, 1971], в предисловии к которой он в числе нескольких людей выражал благодарность и «преподавателю истории Университета в Курукшетре д-ру Девендра Каушику» [Там же, с. 19], а также Б. Гафурову, Г. Бондаревскому, П. Шаститко и др. [Там же].

Среди этих публикаций Каушика особо следует выделить статью о британских проектах в Средней Азии в XIX в. [Kaushik, 1967], в которой он обильно ссылаясь на труды Халфина [Kaushik, 1967, р. 235, 243; Халфин, 1958; 1960; 1965] и поддерживал его, в частности, в трактовке миссии британского офицера Ричмонда Шекспира в Средней Азии [Халфин, 1958], которую частично подверг критике известный британский историк — среднеазиавед и востоковед Джеффри Уилер. Поддержке советской позиции в важных вопросах британско-русского противоборства в Средней Азии со стороны исследователей других стран, особенно крупных региональных держав, какой являлась Индия, придавалось в Советском Союзе немалое значение.

В 1970 г. в Советском Союзе на английском языке была издана его книга, посвященная истории Средней Азии с начала XIX в. [Kaushik, 1970b]⁶ и вскоре опубликованная тоже в Москве в издательстве «Прогресс» на языке бенгали⁷ и на урду⁸, в 1977 г. — на хинди⁹. Ответственным редактором этой монографии Каушика и автором небольшого предисловия к ней, а также нескольких примечаний по тексту являлся Н. А. Халфин [Khalfin, 1970]. Примечательно, что практически во всех западных упоминаниях этой монографии (при указании выходных данных) отмечалось, что ее ответственным редактором является Н. А. Халфин, хотя о других изданных в СССР научных книгах, также традиционно имевших ответственного редактора, подобное почти не встречалось. Это обстоятельство, видимо, было обусловлено желанием западных научных кругов представить дело таким образом, что книга не просто написана просоветским индийцем, а еще и идеологически отцензурирована известным советским историком, противостоящим западным исследователям.

В предисловии к книге Каушика Халфин, которому автор выражал особую благодарность [Kaushik, 1970b, р. 11], отмечал, что, несмотря на географическую близость Индии и Средней Азии, основная часть литературы о современной истории республик этого региона, имеющаяся в Индии, написана «британскими и американскими буржуазными авторами», не заинтересованными в отражении «правды об успехах социалистического строительства» в этом крае [Khalfin, 1970, р. 5].

Публикация книги индийского автора на английском языке, очевидно, имела важное значение с точки зрения идеологического противоборства с Западом, осуществлявшим, с советской точки зрения, «фальсификацию истории Средней Азии» и представлявшим положение среднеазиатских республик в составе СССР колониальным. Похвальным Халфину, на труды которого [Халфин, 1957; 1958; 1959; 1960; 1965; Khalfin, 1963] обильно ссылаясь Каушик, виделся показ «английских интриг и усилий по коммерческому и политическому проникновению в Среднюю Азию» [Khalfin, 1970, р. 6] и «сбор фактов для разоблачения клеветнических изобретений буржуазных фальсификаторов, пытающихся исказить советскую реальность», среди которых назывались известные

Райков, названный позже «первым востоковедом Липецкой области» [Черешнева, 2019], являлся кандидатом исторических наук (впоследствии — доктор исторических наук) и доцентом кафедры истории Липецкого пединститута, автором книги «Пробуждение Индии» и ряда статей по истории индийского национально-освободительного движения. В 70–80-х гг. он тесно взаимодействовал с сотрудниками ИВ АН СССР, в том числе с «сектором Халфина», куда часто приезжал.

⁶ Тираж — 6 700 экземпляров [Khalfin, 1970; Книжная летопись, 1971, с. 11, № 18512].

⁷ Тираж — 8 300 экземпляров [Книжная летопись, 1976, с. 13, № 19708].

⁸ Тираж — 5800 экземпляров [Книжная летопись, 1977а 11, № 2519].

⁹ Тираж — 4000 экземпляров [Книжная летопись, 1977b, с. 46, № 38900]. Найдена в РГБ: (कौशिक, देवेन्द्र. आधुनिक मध्य एशिया: १६ वीं शताब्दी के आरम्भ से लेकर अब तक का इतिहास / देवेन्द्र कौशिक, सम्पादक न. खालकनि. — मास्को: प्रगति, १९७७. — 328 с.).

западные ученые Дж. Уилер, Р. Пайпс, Х. Сетон-Уотсон, А. Парк и С. Зенковский. Халфин подчеркивал опровержение Д. Каушиком утверждения Дж. Уилера о процветании Бухары до Октябрьской революции, скрывавшего ее темное средневековье и феодальную сатрапию [Khalfin, 1970, с. 7].

Дж. Уилер, подвергшийся критике в книге Д. Каушика как со стороны автора, так и его редактора (Халфина), посвятил ей рецензию, опубликованную в журнале *Asian Affairs*, в которой назвал эту работу образцом «прямой советской пропаганды», подтверждением чего считал издание ее под редакцией «известного апологета-историка Н. Халфина» [Wheeler, 1972, p. 228], и такое «покровительство», по мнению Уилера, препятствовало восприятию монографии Каушика в качестве «серьезного» исследования, что, однако, не должно было приводить к ее игнорированию, так как, несмотря на многочисленные «уничижительные» ссылки на западную литературу, многие из которых, по утверждению Уилера, были вырваны из контекста, книга показывала различные аспекты советской чувствительности в отношении темы мусульманских народов СССР [Wheeler, 1972].

Другой рецензент, индийский специалист прозападной ориентации, также подчеркивал редактирование Халфиным книги Каушика с «величайшей тщательностью», имея в виду советскую цензуру, и тоже считал работу далеко не совсем объективной [Arora, 1971].

Монография Каушика отмечалась в издаваемой в Москве для зарубежной аудитории газеты *Moscow News* в числе публикаций издательства «Прогресс» на английском языке [Books, 1971] и о Советском Союзе [Publications, 1972].

Учитывая уже приведенное небезосновательное мнение Халфина о засилье в то время в Индии англо-американской литературы о Средней Азии [Khalfin, 1970, p. 5], обусловленном хотя и объективными причинами, в том числе господством в этой стране английского языка и постколониальной ориентацией научных элит на Запад, а также идеологическое и геополитическое противостояние СССР и Запада, в том числе в обширном регионе Среднего Востока и Южной Азии, понятно, что научной деятельности Девендры Каушика как «местного» историка, к тому же члена просоветской компартии советской историографией придавалось большое значение. Поэтому неудивительно, что, хотя и Д. Каушик после защиты в СССР кандидатской диссертации вернулся преподавать в Индию, он спустя три года опять прибыл в Советский Союз на год, пробыв в 1968 г. слушателем Института общественных наук (ИОН) при ЦК КПСС (т. н. «Международной ленинской школы») — высшего партийного научно-образовательного учреждения, куда наряду с советскими партработниками высокого уровня направлялись и видные представители зарубежных компартий и близких к СССР левых движений. Для иностранных слушателей, так сказать, «обкатка» в этом очень престижном в то время учебном заведении позволяла повысить собственный авторитет в своих организациях, а также восприниматься «своим» в Советском Союзе. Каушик участвовал в различных мероприятиях, организуемых СССР в рамках идеологического противостояния западному блоку, в частности, в конференциях сторонников/защитников мира¹⁰.

Кроме публикации своих трудов Каушик откликался рецензиями на работы западных исследователей о Средней Азии. Учитывая, что советская историческая наука, как правило, подвергала их критике, западные же коллеги в целом поддерживали, просоветский подход видного индийского исследователя был важен для советской историографии.

Так, в 1970 г. вышла рецензия Каушика на изданную в том же году монографию польско-канадской исследовательницы, профессора Карлтонского университета Терезы Раковска-Хармстон о Таджикистане [Kaushik, 1970c]. Несмотря на критику этой работы, рецензия Каушика, хотя и невелика по объему, но весьма содержательна и написана по принятым на Западе стандартам.

¹⁰ О советском движении за мир и Советском комитете защиты мира см.: [Раева, 2017].

Хотя Каушик критически оценивал мнение Раковска-Хармстон об усилении напряженности в Таджикистане, наличие у националистических идей там глубоких корней и нарастающее давление для большего признания местных нужд, он будто бы в то же время желал донести до читателя рецензии верное изложение рецензируемой книги, что не всегда было характерно для советских рецензий по таким чувствительным темам. Не отрицая наличия «множества проблем» в советской национальной политике, Каушик считал, что «картина, нарисованная доктором Хармстон, слишком односторонняя, и она слишком преувеличила “напряженность” между русскими и таджиками» и «ситуация не столь плоха, как изображает доктор Хармстон и другие западные ученые, а советская система имеет встроенную устойчивость, чтобы успешно преодолевать потрясения переходного периода», в качестве аргумента ссылаясь также на свой опыт проживания в Средней Азии¹¹⁻¹².

В мае 1972 г. Каушик, незадолго до этого перешедший из Университета Курукшетры на работу во Всеиндийский совет общественных наук, созданный в 1969 г. в Дели и предусматривавший деятельность, направленную на их развитие, в том числе посредством предоставления различных возможностей для научного сотрудничества с другими странами, в рамках Плана научно-технических связей Советского Союза с зарубежными странами 20 мая 1972 г. был зачислен в штат Института востоковедения АН СССР (ИВ) для работы по теме «Индия и Средняя Азия. Общественно-культурные связи с XIX в. до наших дней». Вначале он был принят в ИВ на год — исполняющим обязанности старшего научного сотрудника в Отдел историко-культурных проблем Советского Востока, возглавляемый самим директором института академиком Б. Г. Гафуровым, в сектор истории Советского Востока, которым руководил Н. А. Халфин. Далее срок его нахождения в институте был продлен еще на год. Каушик проработал в ИВ с 20 мая 1972 г. по 11 июля 1974 г., т. е. немногим более двух лет.

В книге, посвященной 100-летию академика Б. Г. Гафурова [Академик, 2009], имеется фотография, на которой запечатлена встреча наступающего Нового 1974-го года в декабре 1973 г. «отделом Гафурова», где присутствовал директор ИВ, а также сотрудники отдела — Н. А. Халфин, Б. А. Литвинский и др., в том числе «индийский ученый Девендра Каушик» [Академик, 2009]¹³.

В этот период Каушик активно сотрудничал с советскими пропагандистами¹⁴, в частности, в 1974 г. в журнале «*Soviet Land*» в серии «*Наш среднеазиатский дневник*» вышли четыре его статьи с известным советским журналистом и индологом Л. В. Митрохиным (см. по [Нестерова, Солодкова, 2020]).

Специализируясь в том числе на проблемах советской Средней Азии, работая в ИВ АН СССР в отделе, который возглавлял непосредственно директор института Гафуров, Каушик имел большую его поддержку, пронеся на всю жизнь глубокое уважение к нему.

В 1989 г. Каушик организовал в Дели конференцию, посвященную 80-летию со дня рождения Б. Г. Гафурова, востоковедческую деятельность, а также вклад в советско-индийские отношения

¹¹ Можно добавить, что спустя два десятилетия в предисловии к сборнику статей под броским названием «Советская Центральная Азия: неудавшаяся трансформация» [Soviet Central Asia, 1991] Тереза Раковска-Хармстон с нескрываемой радостью (злорадством?) писала уже не просто о провале советского эксперимента, но и полном разрушении региона, его народов и культуры.

¹² Тереза Раковска-Хармстон подвергалась критике в пропагандистских работах советской историографии. В частности, в одной из брошюр общества «Знание» о «завоеваниях Октября» и «мифах антикоммунизма» ее сомнения в выравнивании «уровней экономического развития советских республик» и ее утверждения о непреодолимом наследии прошлого [Игрицкий, 1978, с. 42] относились к попыткам «антикоммунистам представить в искаженном свете экономические развитие национальных республик СССР» [Там же].

¹³ Эта фотография помещена в числе других фотографий между 96-й и 97-й страницами книги.

¹⁴ Это слово употребляется в данном случае без какой-либо негативной коннотации, и подобная деятельность характерна для всех стран и режимов, речь идет лишь о ее форме и средствах. Функции Информационного центра Агентства печати Новости как раз и состояли в пропаганде.

которого он высоко оценивал [Рацабов, 2019, с. 208]. К 90-летию юбилею Гафурова 28–29 июля 1999 г., опять-таки в Дели, Каушиком была организована еще одна конференция в его честь¹⁵, на которой он, открывая ее, представил доклад о значении исследований Гафурова по Средней Азии и его политической и общественной деятельности, способствовавшей «развитию и укреплению дружбы, добрососедских отношений между Индией, Россией и республиками Средней Азии», назвав его «символом мира и взаимопонимания между этими странами» [Международная, 2000, с. 249]. В том же году на другой конференции в Бонне он высоко оценил роль Гафурова в установлении научных связей с Индией [Душанбиева, 2022, с. 85].

Нередко Каушика даже называли учеником Гафурова [Рацабов, 2019, с. 208], что, очевидно, вряд ли подразумевало научную сферу, скорее, являлось отражением заботы, которую лидер советского востоковедения проявлял по отношению к младшему коллеге¹⁶.

Учитывая также предыдущий опыт сотрудничества Каушика с Халфиным во время работы над изданной в 1970 г. книгой [Kaushik, 1970b] и тему исследования, в период работы он тесно взаимодействовал с ним. Научные и дружеские связи между Каушиком и Халфиным сохранялись и после отъезда индийского историка из СССР¹⁷.

Понятно, что в Советском Союзе Д. Каушик считался «прогрессивным общественным деятелем Индии» [Ким, 1976, с. 12; Зевелев и др., 1986, с. 43, 236; Рякин, 1977, с. 199], участвовал в различных форумах, организуемых СССР, советская востоковедческая периодика приводила его обширные комментарии, его книги переводились на русский язык и издавались в Москве.

Так, в публикации журнала «Азия и Африка сегодня», посвященной «созданию прочных основ мира и безопасности для всех народов и государств азиатского континента» [Ради жизни, 1974, с. 6], приводились комментарии ряда известных общественных деятелей стран Азии, в числе которых был и Д. Каушик [Там же, с. 6–8], причем слова Каушика мало отличались от выступлений советских государственных и партийных деятелей по международной политике. Комментарий Каушика изобилует фразами: «попытки империалистических держав... терпят провал», «как подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев...» [Там же, с. 6], «выступая на XV съезде советских профсоюзов, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев уделил большое внимание...», «Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин отметил...», «истерические вопли против советского предложения» [Там же, с. 7], «еще основатель первого в мире социалистического государства В. И. Ленин отмечал» [Там же, с. 8] и т. д., нехарактерными для ученого-историка из демократической страны, коей, безусловно, являлась тогда Индия. Следом за ним журнал «Азия и Африка сегодня» поместил комментарий профсоюзного деятеля Шри-Ланки, таким образом низводя своей топорной пропагандой действительно видного исследователя (пусть

¹⁵ Свое выступление на этой конференции тогдашний директор Института ИВ РАН Р. Б. Рыбаков начал «со слов глубокой и искренней благодарности всем устроителям Конференции и прежде всего Институту имени Маулана Абул Камал Азада и лично профессору Каушику». Как отмечал Рыбаков, в конце 1998 г. он и Каушик «обсуждали... идею этой Конференции, посвященной памяти выдающегося сына таджикского народа академика Б. Г. Гафурова» [Rybakov, 2000, р. 21; Рыбаков, 2000, с. 116]. В том же сборнике, выпущенном по итогам конференции, помещены несколько фотографий, на которых изображен Каушик. 1) Премьер Индии А. Б. Ваджапайи беседует с Р. Б. Рыбаковым, дочерью Бободжана Гафурова — Н. Б. Гафуровой и Д. Каушиком. 2) На трибуне выступает академик АН Таджикистана Ахрор Мухтаров и рядом, судя по всему, переводит Д. Каушик. 3) Директор ИВ РАН Р. Б. Рыбаков вручает юбилейную памятную медаль Таджикистана в честь Гафурова премьер-министру Ваджапайи, рядом Каушик, 4) Каушик в президиуме конференции [Там же, после стр. 128].

¹⁶ См. также [Гафуров, 2018].

¹⁷ В ходе работы над настоящей статьей мною через различные библиографические сведения была обнаружена также рецензия Халфина на еще одну работу Каушика под названием: «Khalfin N. On the book of Devendra Kaushik "India and Central Asia in New Times"» (Delhi, 1985, in English), предположительно опубликованная в издании *USSR Report, International affairs* в 1987 г., однако точных выходных данных мне не удалось установить, поэтому в библиографии к настоящей статье я ее не привожу.

и с пропагандистским налетом), коим, безусловно, являлся Д. Каушик, на уровень ничем не примечательных общественных и профсоюзных деятелей маловлиятельных в международной политике стран, предоставляя западным авторам дополнительные возможности для критики просоветских трудов Каушика, правда, к счастью для советской пропаганды, не всегда замечавших подобные публикации. В следующем году уже в газете «Труд» со ссылкой на информацию ТАСС из Дели приводились слова Каушика, который был представлен как «известный индийский публицист», об актуальном значении идеи создания системы коллективной безопасности в Азии, впервые высказанной генсеком ЦК КПСС Л. И. Брежневым на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в 1969 г., и благоприятных условиях для реализации этого предложения [Азии, 1975].

Советские исследователи международных отношений приводили слова «известного индийского ученого» Д. Каушика о коллективной безопасности в Азии [Tuzmikhamedov, 1975]. В 1975 г. в Дели был издан индийско-советский сборник статей «*Twenty Years of Bandung and Problems of Peace and Security in Asia*», в котором с индийской стороны в числе видных ученых и общественных деятелей выступил Д. Каушик, а с советской — секретарь ЦК КП Узбекистана Ш. Рашидов и директор ИВ АН СССР Б. Гафуров [Там же]. Сборник был посвящен необходимости создания системы коллективной безопасности в Азии, сопротивления «империалистической агрессии» и нанесению поражения «империалистам» [Там же].

Советская пропаганда весьма широко использовала работы и высказывания Каушика в идеологическом противоборстве во время холодной войны. Ряд утверждений и положений Каушика, безусловно, были в значительной степени обоснованы, хотя и несколько преувеличены, однако далеко не всегда его противопоставление мнению западных исследователей, тоже подверженных ангажированности и активно участвовавших в холодной войне, выдержало проверку историей. Так, в одном из советских пропагандистских изданий отмечалось:

«Достижения национальных республик Советского Союза не проходят незамеченными мимо непредвзятых наблюдателей в капиталистических странах и особенно в «третьем мире». Многие из них отмечают эти достижения как ориентир для прогресса развивающихся стран. “Советская Средняя Азия, — пишет, например, индийский историк Д. Каушик, — сделала огромный шаг вперед от уровня промышленного производства, который уступал турецкому и был почти равен индийскому, к уровню производства высокоразвитой страны”.

Именно привлекательностью социалистического пути для развивающихся стран объясняются нападки антикоммунистов на национальную политику Советского государства. Одним из тех, кто постоянно и наиболее рьяно усердствует в этом, является профессор Гарвардского университета (США) Р. Пайпс. В одной из последних своих статей, озаглавленной «Размышления о национальном вопросе в Советском Союзе», Пайпс договорился до утверждения, что в области нац. отношений в СССР существует «взрывная ситуация». Как здесь не вспомнить судьбу многочисленных предсказаний недолговечности Советской власти, когда терпели крах не Советская власть, а сами эти предсказания!» [Игрицкий, 1978, с. 39–40].

Поэтому книга Каушика [Kaushik, 1970b] о Средней Азии стала одной из его редких работ, удостоенных рецензии маститыми западными коллегами в западных изданиях, что в немалой степени, представляется, было обусловлено «фактором Халфина», одним из главных визави которого являлся, собственно, Дж. Уилер (как и наоборот), а также советско-западным противоборством в эпоху холодной войны. Другие работы Каушика в основном рецензировались его индийскими коллегами в индийских же изданиях, хотя, учитывая, что его публикации выходили на английском

языке, то есть были легко доступны для изучения западными исследователями, рецензий западных авторов должно было быть существенно больше. В немалой степени подобное обстоятельство было обусловлено слишком прямолинейной пропагандой, содержащейся в его трудах, а также публицистическим стилем, что несколько уменьшало их научную ценность. Добавим, что в весьма краткой рецензии на труд Каушика о политике СССР в отношении Индии и Пакистана [Kaushik, 1971a] в числе трех книг по внешней политике Индии именно книга Каушика выделялась, не без оснований, наиболее уязвимой для критики, исходя из ее слишком заметной просоветской ангажированности, [Levi, 1972]. Такого же мнения придерживался и другой рецензент, называя книгу Каушика советской пропагандой и противопоставляя ее другой книге о советской политике в отношении Индии, а его определяя автором статей в просоветских изданиях, повторяющим лишь советскую пропаганду [Gupta, 1973].

Д. Каушик является автором множества работ (книг, статей и рецензий¹⁸) по международной политике и различным аспектам истории Средней Азии, многие из которых, надо признать, больше относятся к жанру публицистики. Почти каждый год выходили его книги по различным вопросам международных отношений. В своих работах он преимущественно излагал советскую точку зрения¹⁹, поэтому ряд его трудов были изданы в Советском Союзе как на английском языке, так и в переводе на русский.

В 1972 г. вышла его книга о проблемах безопасности в зоне Индийского океана, впоследствии изданная и на русском языке [Каушик, 1976] и включавшая в том числе анализ советско-индийских отношений [Kaushik, 1972]. Русское издание получило благоприятную рецензию в советской научной периодике, что неудивительно, учитывая, что, по словам советского рецензента, Каушик давал «аргументированный отпор распространяемым империалистической пропагандой вымыслам о якобы существующей “советской военно-морской угрозе” безопасности афро-азиатских стран, являющихся своеобразным переложением в “духе времени” созданного в XIX в. английским империализмом мифа о “русской угрозе” Южной Азии», а «гальванизация этого мифа» служила «пропагандистским прикрытием растущего военно-политического проникновения держав Запада в Индийский океан» [Рякин, 1977, с. 198]. Очевидно, рецензентом были небезосновательно проведены исторические аналогии.

Некоторые положения по теме безопасности в регионе Индийского океана были опубликованы Каушиком в московской англоязычной *Moscow News* [Kaushik, 1981], где он высоко оценивал миролюбивую политику Советского Союза в этом регионе, подвергая критике действия империалистов, в первую очередь США. Известный американский исследователь, профессор Пенсильванского университета Норман Палмер²⁰ в рецензии на книгу Каушика пытался уличить его в предвзятости, которая, правда, на самом деле представляла собой не что иное, как идеологическую предвзятость именно рецензента. Он считал, что центральный тезис работы Каушика заключается

¹⁸ См., например [Kaushik 1970с; 1976].

¹⁹ Причем некоторые мелкие аспекты мировой политики в его работах, «тонувшие» в «стратегических» вопросах, выглядели весьма своеобразно, если не сказать примитивно. Так, ставший после подписания в 1972 г. большого договора с СССР союзником Советского Союза Ирак Каушик представлял экспортёром «революции с севера» и покровителем «революционеров на юге», «окном в радикальный и передовой север», продолжая, что «Иран подстрекал курдских повстанцев в Ираке и помогал им, но затем между правительством Ирака и курдами было заключено соглашение» [Каушик 1976: 101], несправедливо (причем даже вопреки советской историографии, хотя и несколько скорректированной соглашением с баасистскими властями Ирака) необоснованно сводя таким образом освободительную борьбу иракских курдов на протяжении нескольких десятилетий лишь к «подстрекательству» извне.

²⁰ Norman D. Palmer (1909–1996) — известный американский историк, специалист по политике США в Южной Азии и Тихоокеанском регионе, политическим процессам в странах Южной Азии. Получил степень PhD в Йельском университете в 1936 г. Преподавал в разных вузах, с 1947 г. в Пенсильванском университете.

в попытке представить усилия Соединенных Штатов и Великобритании по презентации Советского Союза в качестве угрозы безопасности в Индийском океане, чтобы «прикрыть англо-американскую цель доминирования в регионе путем создания новых военных союзов и привлечения... Южной Африки и Австралии на обоих флангах Индийского океана» [Palmer, 1973, p. 153], хотя очевидность утверждения Каушика даже спустя несколько десятилетий с некоторыми историческими изменениями налицо (именно на это направлено ныне американо-британо-австралийское военное сотрудничество в рамках блока AUKUS). В то же время, понимая неубедительность тотальной критики Каушика, Палмер вынужден был отметить, что когда Каушик «не твердит о коварных махинациях американцев и британцев, он представляет хороший обзор недавних действий Великобритании, Соединенных Штатов и Советского Союза в районе Индийского океана, а также подчеркивал полезность глав о «Японии и Китае — потенциальных державах в Индийском океане» [Palmer, 1973, p. 153].

Похожий подход наблюдался и у другого американского рецензента книги Каушика — Стивена Коэна²¹ [Cohen, 1973], невысоко оценивавшего научную ее ценность, особенно после заявления автора о ее цели, направленной на исправление про-англо-американского уклона, наблюдавшегося тогда в исследованиях по проблемам безопасности в регионе Индийского океана, которая, однако, по словам рецензента, представляла собой просто неопровержимую симпатию к СССР. Ст. Коэн обвинял Каушика в злоупотреблении данными, в т. ч. используя традиционную аргументацию западных авторов об отсутствии монолитной позиции в их странах и необходимости учета мнения различных политических сил, что вряд ли выдерживает критики. В то же время американские исследователи понимали невозможность игнорирования такой работы, поскольку «многие аргументы Каушика» имели «фактическую основу» и книга опиралась «на широкий круг источников», а также содержала «отличную библиографию» [Cohen, 1973].

Франко-канадский исследователь Жан Бенуа, в отличие от американских рецензентов, более толерантно отнесся к монографии Каушика, по словам рецензента, «тесно связанного с Москвой» и предложившего «взгляд, уравнивающий те, что часто доминируют на Западе», понимая, что «это взгляд индийца, обеспокоенного масштабами американского присутствия и перспективой роста влияния Китая и Японии» [Benoist, 1975, p. 403]. Во многом это было обусловлено бэкграундом Жана Бенуа: если американцы Палмер и Коэн специализировались на политических исследованиях, что в тот период определяло ангажированность, то Жан Бенуа (род. в 1929 г.) — врач, биолог, ставший антропологом и изучавший местное население на различных островах в Карибском море и Индийском океане, участник совещания под эгидой ЮНЕСКО в Москве в 1964 г. о биологических аспектах проблем расы и расовых предрассудков²², помнил о теплом приеме, организованном советской Академией наук [Benoist, 2021], к тому же француз, для которого критика Великобритании, очевидно, имеет основания, на что он и указывал, приводя аргументы Каушика. Отмечая возможное критическое восприятие советских утверждений до 1971 г., Бенуа справедливо считал, что после третьей индо-пакистанской войны произошло объективное укрепление советско-индийских связей, рост недоверия к англо-американским намерениям, и просоветские аргументы Каушика получили основу [Benoist, 1975, с. 405].

Вскоре была опубликована книга Каушика о проблемах безопасности в Азии [Kaushik, Peethum, 1973]. Особое внимание уделялось им критике политики Китая, с которым у Советского Союза были сложные отношения, к тому же начавшего политику сближения с Соединенными

²¹ Stephen P. Cohen (1936–2019) — известный американский ученый, исследователь проблем безопасности в регионе Южной Азии, долгое время преподавал в Иллинойском университете в Урбана-Шампейне.

²² Этот симпозиум состоялся в августе 1964 г. и проходил в рамках VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, в нем приняли участие 23 известных биолога и антрополога [Громов, 1968, с. 146].

Штатами, что, понятное дело, не вызывало восторга Москвы. По этой теме им было опубликовано несколько работ, в том числе о политике Китая в странах «третьего мира» [Kaushik, 1975a; 1975b²³], а также книга об идеологии Китая и КПК и культурной революции в этой стране [Kaushik, 1979], оперативно переведенная на русский и изданная в Москве [Каушик, 1979]. Полезна эта книга, очевидно, была обусловлена и критикой Китая Каушиком [Каушик, 1979, с. 5–6], где, по его утверждению, произошло «перерождение социалистической революции... в военно-бюрократическую диктатуру, проводящую великодержавную шовинистическую политику» [Там же]. Обширная его статья, опубликованная в 1978 г. в «Проблемах Дальнего Востока», была посвящена трем десятилетиям индийско-советского сотрудничества после завоевания Индией независимости [Каушик, 1978], в которой рассказывалось об «особом» характере отношений между этими двумя странами.

В связи с его просоветской позицией эти книги издавались на английском языке в Москве в издательстве АПН [Kaushik, 1975b]. В 1976 г. была издана книга об изменении этнических отношений в Средней Азии при социализме [Kaushik, 1976], во многом основанная на его советской диссертации [Каушик, 1965a; 1965b].

В 80-х гг. выходили его труды по различным проблемам безопасности и международной политики, в том числе о стратегическом измерении Индийского океана [Kaushik, 1983a], политике СССР в отношении стран «третьего мира» [Kaushik, 1983b], о советской политической системе — монография издана в Москве на английском языке [Kaushik, 1983c], переведена на русский язык [Каушик, 1984] и переиздана несколько раз, в ней комплиментарно рассказывалось об особенностях советского строя, в том числе и «однопартийной демократии», об историко-культурных связях Индии и Средней Азии, начиная с XIX в. [Kaushik, 1985a]. На нее в журнале «Азия и Африка сегодня» была опубликована рецензия Н. А. Халфина [Халфин, 1986]. Эта книга являлась реализацией темы исследования Каушика, которую он осуществлял во время работы в ИВ АН СССР, в «секторе Халфина». Монография основывалась на богатой источниковой и литературоведческой базе с использованием обширных материалов из различных советских архивов и многочисленных публикаций. Как отмечал Халфин, «несмотря на некоторую отдаленность исследуемого периода» (до Октябрьской революции), «Каушик написал содержательную, политически острую и злободневную... книгу», в которой была показана также подготовка английскими властями Индии почвы для экспансии в Среднюю Азию, в связи с чем он исследовал диверсионно-разведывательную деятельность в этом регионе британских агентов [Там же].

Каушик писал рецензии на различные работы по международным отношениям. В 1980 г. вышла его рецензия на монографию известного египетского исследователя Мухаммеда Хейкала «Сфинкс и комиссар: подъем и падение советского влияния в арабском мире» [Kaushik, 1980]. Каушик, естественно, не упускал из виду и различные индийские публикации. Так, в 1977 г. им была опубликована критическая, но весьма содержательная рецензия на сборник статей, изданный по итогам семинара, организованного Центром советских исследований Бомбейского университета [Kaushik, 1977].

В середине 80-х гг. Каушик верно заметил ослабление динамики советско-индийского сотрудничества, опубликовав статью о реальном состоянии двусторонних отношений, для которых стала характерна некоторая осторожность [Kaushik, 1985b].

Тогда же была опубликована его книга о безопасности в макрорегионе Индийского океана [Kaushik, 1987], которая с учетом прошедших полутора десятилетий продолжала его предыдущее исследование по этой теме [Kaushik, 1972; Каушик, 1976].

²³ Причем московское издание книги о политике Пекина в третьем мире вышло тиражом в 15 тыс. экз. [Kaushik, 1975b]. См. также [Книжная летопись, 1975, с. 14, № 19902].

После второго возвращения в Индию из СССР Каушик работал доцентом в Университете Раджастана в г. Джайпуре (штат Раджастан), в 1979–1999 гг. — профессором в Центре советских и восточноевропейских (после распада СССР — российских и центральноазиатских) исследований Школы международных исследований Университета им. Джавахарлала Неру в Дели, подготовив в качестве научного руководителя с середины 80-х гг. более двух десятков исследователей (подсчитано по [CRCAS Alumni]). С 1999 г. он являлся председателем исполнительного совета Института азиатских исследований в Технологическом университете имени мауланы Абул Калама Азада (г. Калькутта) в Западной Бенгалии, правительство которой с 1977 г. возглавляла Коммунистическая партия Индии (марксистская).

Девендра Каушик всегда поддерживал тесные связи с Советским Союзом и Россией. В 1989 г. он (тогда — профессор Делийского университета) был одним из основателей и первым председателем Международной корпорации выпускников учебных заведений — Инкорвуза [Второе, 2003; Коваленко, 2018, с. 124].

После распада СССР фокус его исследований включал в основном ареал центральной части Евразии, анализ различных аспектов и вопросов Центральной Азии, их взаимодействия с различными державами, внешнюю политику России и КНР в отношении Центральной и Южной Азии.

Центр российских и центральноазиатских исследований, где Каушик являлся профессором, с 1997 г. начал издавать журнал *Contemporary Central Asia*, выходящий трижды в год [CRCAS Journal & Library], в котором публиковались и его статьи [Kaushik, 1997; 2004]²⁴. Каушик является автором многочисленных публикаций, касающихся различных аспектов отношений Индии со странами СНГ, в особенности Россией и странами Центральной Азии, различных процессов в этом регионе, его месте в мировой и региональной политике [Kaushik, 1993; 1996²⁵, 1998; 2000a; 2003a; 2012], в которых он обильно ссылался на различные советские/российские источники и исследования. Так, в статье под названием «Содружество Независимых Государств и Индия» [Kaushik, 1993] он ссылался на труды генсека ЦК КПСС М. С. Горбачева о перестройке, а также различные статьи и заметки из российской прессы («Известия», «Независимая газета», «Красная звезда», «День»), таким образом вводя российскую периодику в международный научный оборот.

Каушик внимательно отслеживал происходящие в Центральноазиатском регионе социальные, экономические, политические и внешнеполитические процессы, став организатором различных мероприятий по этим вопросам и автором различных работ по этой теме, в том числе приуроченных к различным датам [Kaushik, 2001]. Он являлся активным сторонником развития отношений Индии с республиками Центральной Азии, подводя под это исторические и геокультурные обоснования [Kaushik, 2000b].

28–29 июля 1999 г. он организовал в Дели конференцию об отношениях Индии со Средней Азией, посвященную, к слову, 90-летию Б. Г. Гафурова, много сделавшего, по его словам, для усиления советских культурных и научных связей с Индией [Interview: Devendra Kaushik, 1999, p. 47]. Чуть ранее, в апреле того же года, он выступал на конференции в Бонне, по результатам чего было опубликовано его интервью в известном европейском издании, специализирующемся на проблемах безопасности — «Executive Intelligence Review» [Interview: Devendra Kaushik, 1999]²⁶.

В этом интервью, рассматривавшем внешнюю политику Индии в Средней Азии, Каушик вместо геополитики концентрировался на геокультуре, имея в виду, что Центральная Азия

²⁴ Сведения об этих двух публикациях приводятся по [Нуржанова, 2018].

²⁵ См. по [Morrison, 2008, p. 4, 345].

²⁶ Можно добавить, что на обложке того номера была помещена фотография премьер-министра России В. С. Черномырдина и вице-президента США А. Гора.

представляет собой историческое единое геокультурное пространство, где основными акторами являются Россия, Индия и Китай. Он утверждал, что после распада СССР этот регион не нуждается в заполнении вакуума, противопоставляя западную геополитику естественным историческим связям. По его мнению, после распада СССР Индия несколько опоздала, не ведя активную внешнюю политику по отношению к этому региону стратегической важности и зоне конкуренций влияний, но должна включиться и сделать ставку на культурно-исторические связи с этим. Кашмирскую проблему и конфликт с Пакистаном он рассматривал с индийской точки зрения. Говоря о Пакистане как о созданном британцами образовании и остающемся верным для них союзником, а пакистанскую армию помещая под англо-американский контроль, Каушик представлял его их наемником, использовавшимся против Индии, России и потенциально Китая, говоря о необходимости понимания Китаем этого. Пакистан называл нестабильным, зависимым от армии и связанным с экстремизмом. Все это было, понятно, не анализом реальных политических процессов, а попыткой индийской пропаганды или, по меньшей мере, упрощением происходящих процессов.

Отдельный блок его интервью был посвящен критике Запада и НАТО, которое описывалось им в качестве инструмента давления и механизма глобального контроля, связанного с финансовыми элитами, чему противопоставлялась идея евразийского треугольника, включающего Индию, Россию и Китай и предполагавшегося в качестве потенциального союза против дестабилизации. Хотя формально идея этого треугольника выглядела заманчиво, все же она несколько в нюансах противоречила подходу России, выступавшей, исходя из исторических реалий, за иерархию, под которой понималась ее ведущая роль, в то время как Каушик выступал за баланс трех цивилизаций, что выглядело менее реалистично, однако было обусловлено его принадлежностью к индийской школе, желавшей более активной внешней политики Индии в этом регионе. Кроме того, реализации глубины этой идеи мешают индо-китайские противоречия. Позицию Каушика можно рассматривать в качестве одной из ранних формулировок идеи многополярного мира, предвосхищающая ШОС и некоторые евразийские проекты, во многом развивающие идеи Е. М. Примакова.

Западные исследователи в своих трудах, посвященных отношениям Индии и Центральной Азии, обильно ссылались на Каушика [Kavalski, 2010], называя его «опытным обозревателем и ученым» [Там же, с. 2].

Он активно отслеживал исламский фактор в новых государствах Центральной Азии, понимая неизбежность роли ислама в этих странах, однако исключая их превращение в исламские [Kaushik, 2000с].

Исследователи стран Центральноазиатского региона, на изучение безопасности в ареале которого, а также в целом Евразии в значительной степени переориентировался Каушик, высоко оценивали его вклад в эти вопросы. Особо ценным они считали его утверждение о необходимости выстраивания взаимодополняющих стратегических балансов, предусматривающих партнерство с различными государствами [Нуржанова, 2018].

Тогда в изданном в Индии сборнике, посвященном различным вопросам Центральной Азии и Индии, вышла его статья, в которой он указывал на противоречия между колониальными державами и обществами Центральной Азии (см.: [Chatterjee, 2001]).

В первые годы после распада СССР Каушик активно и внимательно отслеживал различные российские публикации. Он опубликовал рецензию на книгу последнего председателя Верховного СССР А. И. Лукьянова о событиях ГКЧП и после него [Kaushik, 1994]. Безусловно, даже такие небольшие работы имели немалое значение для ознакомления индийской общественности с различными аспектами российской внутренней политики.

Каушик участвовал в различных мероприятиях вместе с российскими коллегами. Так, в середине 2001 г. — в семинаре ИМЭМО РАН [Салицкий, 2002, с. 16], причем, как видно из его выступления, до конца своих дней оставался марксистом²⁷. На этом семинаре он «оценил концепцию постиндустриального общества как иллюзию, построение, игнорирующее социальные и гуманитарные аспекты развития цивилизации», утверждая, что наблюдаемая «гипертрофия финансового сектора отнюдь не ведет к созданию каких-то новых благ, а лишь перераспределяет имеющиеся ресурсы, нанося... весьма ощутимый материальный ущерб хозяйству многих стран» [Там же]. Каушик вместе со своим коллегой по университету представил доклад «Глобализация: опыт Индии», в котором они подвергли критике т. н. «либерализацию», «реформы», «глобализацию», подразумевающие ничем не ограниченное движение капитала и гиперболизацию роли рынка, навязываемые многим странам, но не приводящие к «взлету» экономики, прогрессу в борьбе с бедностью, и предлагали «объединить усилия таких стран, как Индия, Иран, Китай, Россия и Малайзия для выхода из плена ошибочных концепций и поиска более приемлемых стратегий — для себя и других стран» [Там же, с. 17], в связи с чем Каушика даже не совсем корректно называли индийским экономистом [Брагина, 2002, с. 73]. По итогам семинара этот доклад был издан в соответствующем сборнике [Каушик, Сингх, 2003]. Надо добавить к этой теме, что Каушик нередко участвовал в мероприятиях, далеко выходящих за сферу его научных интересов, но характерных для марксистов, — например, по критике финансовой системы, создаваемой в результате глобализации. Так, в декабре 2001 г. он являлся модератором на семинаре «Новая денежная система», где обсуждалась проблема наступающего глобального [финансового] кризиса²⁸, а в 2009 г. участвовал в научной конференции о восстановлении мировой экономики после системного кризиса [Rebuild, 2009, p. 5].

В ноябре 2001 г. Каушик возглавил индийскую делегацию на совместном индийско-российском семинаре «Три тысячелетия контактов между Индией, Центральной Азией и Россией», организованном Индийским советом по историческим исследованиям (Дели) и Совместной российско-индийской комиссией по сотрудничеству в области общественных наук, основная часть докладов которого была связана с отношениями между Индией и странами Центральной Азии. Российскую делегацию возглавила Т. Л. Шаумян. Каушик выступил с докладом «Центральная Азия — важнейшее связующее звено в индо-русских отношениях», который был посвящен основным вехам в истории контактов между странами начиная с древности, установлению с конца XVII в. более или менее регулярных контактов между русскими и Индией, а также представил анализ проектами соединения сети железных дорог Индии и России через территорию Туркмении, Ирана или Китая [Загородникова, 2002, с. 175].

Статьи Каушика выходили и в других российских изданиях. Одним из направлений его исследований стало изучение международного терроризма в Центральной и Южной Азии [Каушик, 2002]. Размышляя о причинах и корнях конфликтов в указанном регионе, он возлагал ответственность за них на «империалистов» и их стратегию «разделяй и властвуй» [Там же, с. 103], а «американские интересы в Центральной Азии и регионе Каспийского моря» определял стремлением «дистанцировать Центральноазиатские республики от России и даже вывести их навечно из зоны российского влияния», используя для этого «исламской фактор», «пристегнув» через него «регион Центральной Азии» к Турции, Саудовской Аравии и Пакистану [Там же], который

²⁷ Об историческом мировоззрении левых и марксистских историков, пусть и не историков-международников, коим являлся Каушик, см. весьма содержательную работу Е. Ю. Ваниной об исторической культуре этой страны [Ванина, 2014, с. 210–218].

²⁸ https://larouchepub.com/tv/tlc_programs_2002.html.

в данный ряд был включен не столько из-за действительно возможного влияния (как в случаях с Турцией и Саудовской Аравией), а исходя из индо-пакистанских противоречий.

В начале 2003 г. Институт азиатских исследований, президентом которого являлся Каушик, организовал и открыл конференцию «Международный терроризм и религиозный экстремизм — вызовы Центральной и Южной Азии» [Белокреницкий, 2003, с. 167], в которой принял участие и заведомо стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН В. Я. Белокреницкий, выступивший с докладом «Исламский радикализм в Пакистане — эволюция и региональная роль» [Там же, с. 168].

Причем стоит добавить, что на этой конференции влияние Каушика было заметно и в выступлениях его учеников и коллег, которых в широком смысле можно отнести к индийской школе изучения постсоветского пространства, не находящейся под влиянием Запада и с симпатией относящейся к России, наиболее известным представителем которой являлся Девендра Каушик. Так, профессор Университета им. Дж. Неру Аджай Патнаик, защитивший диссертацию в 1988 г. в Центре советских и восточноевропейских исследований об урбанизации и увеличении рабочего класса в советской Средней Азии в 1950–1975 гг. [CRCAS Alumni], где в то время являлся профессором Каушик²⁹, в своем докладе, посвященном «роли Индии в Центральной Азии после ликвидации власти талибов в Афганистане», говоря о недоверии Индии к Вашингтону в связи с игнорированием им угроз, исходящих от Пакистана Индии, считал необходимым преодоление «пакистаноцентричности» индийской внешней политики и полезным укрепление связей со странами Центральной Азии, в том числе в рамках широкой региональной кооперации с упором на экономическое сотрудничество и без вовлечения в «стратегические игры», инициированные другими государствами (см.: [Белокреницкий, 2003, с. 169]). На конференции представил доклад («Религиозный экстремизм и терроризм в Кашмире») еще один ученик Каушика, тоже профессор Университета им. Дж. Неру, Кульбушан Варику (см.: [Там же]), защитивший диссертацию под его руководством в Дели в 1986 г. по вопросу англо-русского соперничества в Средней Азии и Кашмире в 1850–1920 гг. [CRCAS Alumni]. Примечательно, что в одной из своих небольших рецензий на монографию К. Варику, изданную на основе его указанной докторской диссертации, известный британский историк профессор лондонской Школы восточных и африканских исследований М. Япп указывал на некритический подход при использовании работ Халфина и Девендры Каушика, причем, по мнению Яппа, оправданный скептицизм Халфина в отношении реальности российской военной угрозы Индии должен быть смягчен пониманием меньшего опасения Британией военного вторжения со стороны России, чем внутренней подрывной деятельности, в то время как Каушик-де, как и советские ученые, преувеличивал масштабы британского участия в Центральной Азии в период после большевистской революции [Yapp, 1991, p. 307].

В 2003 г. к 70-летию Каушика была издана коллективная монография, в которой принимали участие также российские и среднеазиатские ученые [Eurasian vision, 2003], отрецензированная

²⁹ Вскоре Патнаик в связи с распадом СССР и провалом коммунистического эксперимента в СССР переключился на изучение различных аспектов международных отношений, связанных с постсоветской Центральной Азией. Он также возглавлял Школу международных отношений при Университете им. Неру. Патнаик является автором многочисленных публикаций, в том числе и в российских изданиях [Patnaik, 2023], нескольких монографий, последняя из которых [Patnaik, 2016], изданная при поддержке Института азиатских исследований, в котором ведущую роль играл Каушик, посвящена геополитике Центральной Азии. В ней он, в частности, опровергал утверждения западных авторов о неоимпериалистических амбициях России в отношении стран этого региона, считая Россию не гегемоном, а полезным балансиrom против различного рода внешних угроз как конвенционального, так и неконвенционального характера. В ней он называл также В. В. Путина и Е. М. Примакова «выдающимися реалистами» (superb realists) и дальновидными политиками, облакавшими свой реализм в язык идеализма — многополярный мировой порядок, евразийство, обеспечение стабильности как общий приоритет.

в российской научной периодике [Павлов, 2005]. Институт азиатских исследований издавал ежегодники, посвященные политике этого макрорегиона. В «Азиатском ежегоднике» за 2003 г. Девендра Каушик опубликовал статью «Евразийская перспектива азиатской структуры безопасности: новые возможности индийско-китайского сотрудничества» [Kaushik, 2003b], в которой опровергал предсказания некоторых западных экспертов о превращении после окончания «холодной войны» Азии в арену крупных конфликтов между странами региона, хотя последней войной там стал китайско-вьетнамский конфликт 1978–1979 гг., что, однако, не исключает наличия угроз, являющихся в свою очередь «побочным продуктом агрессивной политики односторонних действий США для получения контроля над огромными природными ресурсами развивающегося мира». Д. Каушик анализировал проблему безопасности в Азии с середины XX в., исследовал деятельность Шанхайской организации сотрудничества, созданной двумя годами ранее Россией, Китаем, Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном и Таджикистаном, особо отмечая ее привлекательность для соседних региональных держав — Индии, Пакистана и Ирана, спустя полтора десятилетия вступившего в нее. Особое внимание Каушик в своей статье уделял необходимости нормализации отношений между Индией и Китаем, подчеркивал «целесообразность сотрудничества в треугольнике Россия — Индия — Китай» (см.: [Юрлов, 2004, с. 182]), поддержав концепцию Е. М. Примакова о «Большой азиатской тройке», которая была направлена на создание многополярного мира, и подвергал критике экспансионистскую политику США.

О взаимоотношениях Индии с ШОС, необходимости «сформулировать свою позицию в условиях разворачивающейся в Азии на базе ШОС новой архитектуры безопасности и регионального сотрудничества», в связи с чем Индии целесообразно «поднять уровень своих отношений с Китаем до стратегического взаимодействия, как это имеет место между КНР и РФ», Каушик заявлял на конференции в казахстанском Уральске, посвященной роли ШОС в процессах интеграции в Центральной Азии в июне 2004 г. (см.: [Карнеев, 2004, с. 161]).

Публикуемые Институтом азиатских исследований издания, включавшие в том числе и статьи Каушика, рецензировались российскими авторами. Например, в сборнике «Индийцы за рубежом» (2003) статья Каушика была посвящена пребыванию индийцев в Центральной Азии (см.: [Усов, 2004, с. 196]). Также его статьи реферировались в специальных изданиях. Так, его статья, посвященная десятилетию независимости республик Центральной Азии и опубликованная в турецком издании [Kaushik, 2001], была прореферирована в российской специализированной периодике вместе с другими работами по этой теме [Кузнецова, 2002, с. 36–37]. В ней Каушик, отмечая их успехи в деле строительства государственности и выстраивания международных связей, указывал на проблемы в области демократизации и экономических преобразований и подчеркивал возможное усиление исламского фактора — превращение «народного ислама» в «политический ислам». Десятилетию отдельно уже Таджикистана была посвящена другая его статья [Kaushik, 2003c].

В своих статьях российские индологи ссылались на его слова, в том числе и из бесед [Кашин, 2005, с. 48].

Каушик также долгое время являлся главой Национальной федерации индийских ассоциаций выпускников советских и российских вузов, вице-президентом Индийского общества культурного сотрудничества и дружбы, а в 2003 г. «за большой вклад в развитие дружбы и культурного сотрудничества российского и индийского народов» был награжден президентом Российской Федерации орденом Дружбы [Указ, 2003]³⁰. Каушик стал инициатором проведения первого в истории Всемирного форума иностранных выпускников в Москве в 2003 г., обратившись

³⁰ См. также: [Prof, 2003].

к президенту В. В. Путину, и принял участие в нем [Второе, 2003; Савицкая, 2003; Шиц, 2003; Молодцова, 2003; Всемирный форум, 2003].

Каушик вторым браком с 1968 г. был женат на советской гражданке — индологе Раисе Ибрагимовне Тугушевой (Каушик) (1936 г. р.). У них родился сын, которого называли Владимир (в первом браке у Каушика было еще трое детей). Примечательно, что в 2010 г. российское посольство в Индии вручило двум российско-индийским супружеским парам, в т. ч. Каушикам, медали «За любовь и верность» [Две семьи, 2010].

До конца жизни он оставался антиамериканцем, хотя и, понятно, уже в несколько скорректированном смысле по сравнению с советским периодом с учетом современных реалий, на одной из конференций даже выступив с докладом, утверждая, что для спасения мировой экономики от системного кризиса необходимо стратегическое сотрудничество четырех держав — США, России, Китая и Индии («расширенный четырехугольник») [Kaushik, 2009].

Коснувшись фигуры Д. Каушика, очевидно, наиболее близкого к Халфину индийского историка, большого друга Советского Союза и России, можно сказать пару слов и еще об одном индийском историке, защитившем кандидатскую диссертацию в один год с Каушиком и жившем с ним примерно в одно время — о Сурендре Гопале³¹ (1936–03.12.2022). Гопал, получивший ученую степень кандидата исторических наук в Институте народов Азии (Институте востоковедения) АН СССР за работу «Торговля и ремесла Гуджарата в XVI–XVII вв.», выполненную под научным руководством К. Антоновой³² [Гопал, 1965], стал впоследствии крупным ученым. После возвращения в Индию он поддерживал отношения с известными советскими индологами³³, его исследования были в поле зрения отечественных историков³⁴. Он, как видно из названия диссертации, специализировался на средневековой истории Индии, однако является также автором публикаций по различным вопросам, связанным с Центральной Азией — отношениями Индии с этим регионом и индийскими эмигрантами в Ташкенте. С. Гопал в 1974 г. опубликовал статью о завоевании Россией Ташкента в 1865 г. [Gopal, 1974], в которой он неоднократно ссылался на книгу Халфина «Политика России в Средней Азии» [Gopal, 1974, pp. 401–402; Халфин, 1960].

Под редакцией Сурендры Гопала в 2001 г. в Калькутте был издан сборник статей «Индия и Центральная Азия (культурные, экономические и политические связи)», включавший ранее изданные статьи, в том числе три статьи самого Гопала, две статьи Каушика, вышедшие в свет в 1985 и 1987 гг. — «Экономические отношения между Индией и Центральной Азией в XIX веке» и «Индия и Центральная Азия: политические контакты от колониального периода до периода после социалистической революция», советских индологов — Г. Л. Дмитриева, защитившего в тот же год, что и Гопал и Каушик (1965 г.), и там же, где и Каушик (в Ташкентском университете), кандидатскую диссертацию об индийских выходцах в Средней Азии во второй половине XIX — начале XX в. [Дмитриев, 1965], а также ираниста И. М. Оранского об индоязычных группах в Гиссарской долине [India, 2001]³⁵. При этом статьи Гопала и Каушика по изучаемому периоду продолжали исследования Гопала. Хотя в связи с истечением времени ряд утверждений Каушика, обусловленных

³¹ Примечательно, что в некоторых публикациях ссылки на работы Каушика и Гопала идут вместе (см., например: [Сенгурта, 2020, с. 190]. См. также об участии Гопала в семинаре и его докладе «Индийцы в Центральной Азии в первые два десятилетия XX в.» в составе индийской делегации, которую возглавлял Каушик [Загородникова, 2002, с. 176].

³² См. также воспоминания Гопала об Антоновой [Gopal, 2010]. Необходимо отметить, что Л. Б. Алаев считал, что Гопал «стал, кажется, первым кандидатом исторических наук среди индийцев» [Алаев, 2013, с. 352], хотя он, как и Д. Каушик, защитился в 1965 г.

³³ См., например: [Ашрафян, 2001, с. 114–115, 118].

³⁴ См. например, рецензию Е. Ю. Ваниной на одну из работ С. Гопала [Ванина, 2005].

³⁵ Очень подробная рецензия на этот сборник с глубокими экскурсами в историографию была опубликована в одном из французских журналов [Lachaier, 2002].

идеологическим подходом, являлись, по меньшей мере, спорными, что справедливо отмечалось и рецензентом [Lachiaier, 2002, p. 404].

Канадский историк Колин Митчелл [Mitchell, 2003], говоря о статьях Каушика в этом сборнике, справедливо отмечал, что они «пропитаны марксистской идеологией», хотя и признавал, что работа об экономических отношениях представляла собой хорошо документированное исследование торговли между Индией и Бухарским ханством в период наибольшего вмешательства Британии и царской России в дела Центральной Азии. Западному рецензенту не нравилась классическая советская позиция Каушика, различавшего царскую и советскую политику, которая оценивалась исходя из «объективно прогрессивных последствий для будущего социально-исторического развития региона». Другую статью Каушика Митчелл считал устаревшей, особенно из-за утверждения об экспансионистских мотивах Британии, обретения народами Центральной Азии самостоятельности в качестве свободных и равных республик, однако признавал, что несмотря на эти идеологические наклонности, автор предлагает интересное описание того, как различные этнические ассоциации и движения XIX века в Индии искали сближения с русскими, чтобы избавиться от британского владычества [Mitchell, 2003, pp. 205–206].

Очевидно, работы прошедших обучение в аспирантуре в Советском Союзе имели важное значение для советской исторической науки, хотя, говоря словами Л. Б. Алаева, «советская и индийская исторические школы были различны по подходам, по фразеологии и по менталитету», индийские ученые «обладали выраженным чувством самоуважения», и «взаимообогащения научных школ не произошло», а работы русских являлись для индийцев лишь «историографическим фактом» [Алаев, 2013, с. 352]. Тем не менее, учитывая влияние взгляда Индии на различные проблемы, связанные с колониализмом и странами Востока, ученые которой, как уже отмечалось, традиционно находились под влиянием англичан, даже близкое и позитивное знакомство с «историческими фактами» и их авторами уже предопределяло наличие определенных положительных факторов.

Каушик регулярно участвовал в различных мероприятиях, проводимых в Индии российскими организациями. Так, в мае 2005 г. в Дели проводилась выставка, посвященная российскому образованию. На ее открытии присутствовал президент Национальной федерации ассоциаций индийских выпускников вузов РФ Девендра Каушик, с грустью отметивший: «Россия недостаточно занимается популяризацией своих достижений, своего образования. Американцы, англичане регулярно проводят выставки и встречи со студентами» [Добрюха, 2005].

Каушик большое внимание уделял культурной истории Средней Азии. Он является автором статьи об аль-Фараби, считая важным изучение наследия великого философа в связи с современной международной обстановкой, связанной с ростом экстремизма и фанатизма [Kaushik, 2022].

Каушик очень любил Советский Союз, считал его необходимой для баланса сил в мире супердержавой, способной противостоять агрессивным устремлениям Соединенных Штатов. Распад Советского Союза он называл грустным днем своей жизни [Kaushik, 2015]. Его статья 2015 года [Kaushik, 2015], опубликованная в совместном индо-советском сборнике, являлась своеобразным автобиографическим взглядом на Советский Союз и Россию, подводившим итоги его долгой научной деятельности на этом направлении. Он высоко оценивал деятельность В. В. Путина в деле восстановления мощи России, хотя и отмечал ряд экономических проблем, которые не преодолены.

Каушик скончался 11 ноября 2020 г., до конца жизни оставаясь преданным другом России.

Литература / References

Азии — мир и безопасность. *Труд*. 1975. 9 января [Azii — mir i bezopasnost'. *Trud*. 1975. 9 January. (in Russian)].

Академик Бободжан Гафуров: к 100-летию со дня рождения / ред. коллегия: Е. П. Чельшев (пред.) и др.; Ин-т востоковедения РАН. М.: Вост. лит., 2009 [Akademik Bobodzhon Gafurov: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya / Ed. by E. P. Chelyshev et al.; Institute of Oriental Studies RAS. Moscow, 2009 (in Russian)].

Алаев Л. Б. *Историография Индии*. М.: ИВ РАН, 2013 [Alaev L. B. *Istoriografiya Indii*. Moscow: IV RAN, 2013 (in Russian)].

Ашрафян К. Х. Индийская тетрадь. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2001. № 1. С. 110–119 [Ashrafyan K. Kh. Indiysskaya tetrad. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost*. 2001. No. 1. Pp. 110–119 (in Russian)].

Белокреницкий В. Я. Хроникальные заметки. Дели. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2003. № 3. С. 167–169 [Belokrenitskiy V. Ya. Khronikalnye zametki. Delhi. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost*. 2003. No. 3. Pp. 167–169 (in Russian)].

Брагина Е. Индия. *Мировая экономика и международные отношения*. 2002. № 8. С. 70–82 [Bragina E. Indiya. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2002. No. 8. Pp. 70–82 (in Russian)].

Ванина Е. Ю. [Рец. на:] Gopal S. Urdu Historiography in Bihar in the 19th Century. Contribution of Hindu Authors. K. P. Jayaswal Memorial Lecture. November 2000 / Surendra Gopal. Patna: K. P. Jayaswal Research Institute, 2004. 180 p. — ISSN 0869–1908. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2005. № 5. С. 204–207 [Vanina Ye. Y. [Rev. on:] Gopal S. Urdu Historiography in Bihar in the 19th Century. Contribution of Hindu Authors. K. P. Jayaswal Memorial Lecture. November 2000 / Surendra Gopal. Patna: K. P. Jayaswal Research Institute, 2004. 180 p. — ISSN 0869–1908. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost*. 2005. No. 5. Pp. 204–207 (in Russian)].

Ванина Е. Ю. *Индия: история в истории*. Ин-т востоковедения РАН. М.: Наука — Вост. лит., 2014 [Vanina Ye. Yu. *Indiya: istoriya v istorii*. Moscow, 2014 (in Russian)].

Всемирный форум иностранных выпускников. *Московский университет*. 2003. Май. № 19 [Vsemirnyy forum inostrannykh vypusknikov. *Moskovskiy universitet*. 2003. May. No. 19 (in Russian)].

Гафаров Н. У. Нақши академик Бобоҷон Гафуров дар таҳкими равобити халқҳои шӯравии ҳинд [Роль академика Бободжона Гафурова в упрочении связей советско-индийских народов]. *Вестник Таджикского национального университета*. 2018. № 9. С. 23–28 [Gafarov N. U. Rol' akademika Bobodzhona Gafurova v uprochenii svyazey sovetско-indiyskikh narodov. *Vestnik Tadjikskogo natsionalnogo universiteta*. 2018. No. 9. Pp. 23–28 (in Tajik)].

Гопал С. *Торговля и ремесла Гуджарата в XVI–XVII вв.* Автореф... к. и. н. АН СССР. Ин-т народов Азии. М., 1965 [Gopal S. *Torgovlya i remesla Gudzharata v XVI–XVII vv.* PhD Thesis. Moscow, 1965 (in Russian)].

Громов Ю. А. ЮНЕСКО и борьба против расизма. *Советская этнография*. 1968. № 2. С. 144–148 [Gromov Yu. A. UNESCO i borba protiv rasizma. *Sovetskaya etnografiya*. 1968. No. 2. Pp. 144–148 (in Russian)].

Дмитриев Г. Л. *Из истории среднеазиатско-индийских отношений второй половины XIX — начала XX в. (индийские выходцы в Средней Азии)*. Автореф. дисс... к. и. н. Ташк. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Ташкент, 1965 [Dmitriev G. L. *Iz istorii sredneaziatsko-indiyskikh otnosheniy vtoroy poloviny XIX — nachala XX v. (indiyskie vykhodtsy v Sredney Azii)*. PhD Thesis. Tashkent, 1965 (in Russian)].

Душанбиева Н. Бобоҷон Гафуров ва Ҳиндшиносӣ [Бободжон Гафуров и Индология]. *Осиё ва Аврупо* (Душанбе). 2022. № 2 (10). С. 82–88 [Dushanbieva N. Bobodzhon Gafurov i Indologiya. *Osiyo va Avripo* (Dushanbe). 2022. No. 2 (10). Pp. 82–88 (in Tajik)].

Загородникова Т. Н. Хроникальные заметки. Дели. *Восток. Афро-азиатские общества: История и современность*. 2002. № 3. С. 174–176 [Zagorodnikova T. N. Khronikalnye zametki. Delhi. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: Istoriya i sovremennost*. 2002. No. 3. Pp. 174–176 (in Russian)].

Зевелев А. И., Поляков Ю. А., Шишкина Л. В. *Басмачество: правда истории и вымысел фальсификаторов*. М.: «Мысль», 1986 [Zevelev A. I., Polyakov Yu. A., Shishkina L. V. *Basmachestvo: pravda istorii i mysl falsifikatorov*. Moscow, 1986 (in Russian)].

Игрицкий Ю. И. *Исторические завоевания Октября и мифы антикоммунизма*. М.: «Знание», 1978 [Igritskiy Yu. I. *Istoricheskie zavoevaniya Oktyabrya i mify antikomunizma*. Moscow, 1978 (in Russian)].

Карнеев А. Научная конференция «Шанхайская организация сотрудничества: проблемы и перспективы межгосударственных отношений в Евро-азиатском регионе». *Проблемы Дальнего Востока*. 2004. № 5. С. 157–162 [Karneev A. Nauchnaya konferentsiya «Shankhayskaya organizatsiya sotrudnichestva: problemy i perspektivy mezhgosudarstvennykh otnosheniy v Evro-aziatskom regione». *Problemy Dalnego Vostoka*. 2004. No. 5. Pp. 157–162 (in Russian)].

Кашин В. Пандит Джавахарлал Неру. *Азия и Африка сегодня*. 2005. № 7. С. 46–50 [Kashin V. Pandit Dzhavaharlal Neru. *Aziya i Afrika segodnya*. 2005. No. 7. Pp. 46–50 (in Russian)].

Каушик Д. *Осуществление ленинской национальной политики в Средней Азии (1917–1937 гг.)*. Автореф. дис... к. и. н. / Ташк. гос. ун-т им. В. И. Ленина. Ташкент, 1965а [Kaushik D. *Osushchestvenie leninskoy natsionalnoy politiki v Sredney Azii (1917–1937 gg.)*. PhD Thesis. Tashkent, 1965а (in Russian)].

Каушик Д. *Осуществление ленинской национальной политики в Средней Азии (1917–1937 гг.)*. Дисс... к. и. н. Ташкент, 1965б [Kaushik D. *Osushchestvenie leninskoy natsionalnoy politiki v Sredney Azii (1917–1937 gg.)*. PhD Diss. Tashkent, 1965б (in Russian)].

Каушик Д. *Индийский океан: проблемы безопасности*. Пер. с англ. Общая редакция и вступительная статья профессора Г. Ф. Кима. М.: Прогресс, 1976 [Kaushik D. *Indiyskiy okean: problemy bezopasnosti*. Transl. from Engl. Moscow, 1976 (in Russian)].

Каушик Д. Три десятилетия индийско-советского сотрудничества. *Проблемы Дальнего Востока*. 1978. № 1. С. 84–98 [Kaushik D. Tri desyatiletiya indiyско-sovetskogo sotrudnichestva. *Problemy Dalnego Vostoka*. 1978. No. 1. Pp. 84–98 (in Russian)].

Каушик Д. *Китай: Идеологическая загадка*. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1979 [Kaushik D. *Kitay: Ideologicheskaya zagadka*. Transl. from Engl. Moscow, 1979 (in Russian)].

Каушик Д. *Советская политическая система: настоящее и перспективы*. М.: Прогресс, 1984 [Kaushik D. *Sovetskaya politicheskaya sistema: nastoyashchee i perspektivy*. Moscow, 1984 (in Russian)].

Каушик Д. *Борьба с терроризмом и урегулирование кризиса в Центральной и Южной Азии требуют целостного подхода*. Российские стратегические исследования. Ежегодник. Под ред. Л. Л. Фитуни. М.: «Логос», 2002. С. 99–106 [Kaushik D. Borba s terrorizmom i uregulirovanie krizisa v Tsentralnoy i Yuzhnoy Azii trebuyut tselostnogo podkhoda. *Rossiyskie strategicheskie issledovaniya*. Ezhegodnik. Ed. by L. L. Fituni. Moscow, 2002. Pp. 99–106 (in Russian)].

Каушик Д., Сингх М. Глобализация: индийский опыт. *Глобализация и крупные периферийные страны*. «Научные доклады». Под ред. Хороса В. Г. М.: Международные отношения, 2003. С. 144–160 [Kaushik D., Singh M. Globalizatsiya: indiyский опыт. *Globalizatsiya i krupnye periferiynye strany*. «Nauchnye doklady». Ed. by Khoros V. G. Moscow, 2003. Pp. 144–160 (in Russian)].

Ким Г. Ф. Вступительная статья. *Каушик Д. Индийский океан: проблемы безопасности*. Пер. с англ. Общая редакция и вступительная статья профессора Г. Ф. Кима. М.: Прогресс, 1976. С. 7–17 [Kim G. F. Vstupitel'naya statya. *Kaushik D. Indiyskiy okean: problemy bezopasnosti*. Moscow, 1976. Pp. 7–17 (in Russian)].

Книжная летопись. Орган государственной библиографии СССР. 1971. № 19 (18435–19342) [Knizhnaya letopis. Organ gosudarstvennoy bibliografii SSSR. 1971. No. 19 (18435–19342) (in Russian)].

Книжная летопись. Орган государственной библиографии СССР. 1975. № 23 (19793–20647) [Knizhnaya letopis. Organ gosudarstvennoy bibliografii SSSR. 1975. No. 23 (19793–20647) (in Russian)].

Книжная летопись. Орган государственной библиографии СССР. 1976. № 24 (19608–20520) [Knizhnaya letopis. Organ gosudarstvennoy bibliografii SSSR. 1976. No. 24 (19608–20520) (in Russian)].

Книжная летопись. Орган государственной библиографии СССР. 1977а. № 4 (2447–3356) [Knizhnaya letopis. Organ gosudarstvennoy bibliografii SSSR. 1977а. No. 4 (2447–3356) (in Russian)].

Книжная летопись. Орган государственной библиографии СССР. 1977b. № 46 (38833–39628) [Knizhnaya letopis. Organ gosudarstvennoy bibliografii SSSR. 1977b. No. 46 (38833–39628) (in Russian)].

Коваленко С. А. *Международный опыт признания образования и квалификаций в странах европейского региона и Российской Федерации в 1960–2015 гг.* Дисс... к. и. н. М.: РУДН, 2018 [Kovalenko S. A. *Mezhdunarodnyy opyt priznaniya obrazovaniya i kvalifikatsiy v stranakh evropeyskogo regiona i Rossiyskoy Federatsii v 1960–2015 gg.* PhD Diss. Moscow, 2018 (in Russian)].

Кузнецова С. И. Десятилетие независимости государств Центральной Азии и Закавказья. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: востоковедение и африканистика* (ИНИОН РАН). 2002. № 4. С. 36–44 [Kuznetsova S. I. Desyatiletie nezavisimosti gosudarstv Tsentralnoy Azii i Zakavkazy. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 9: vostokovedenie i afrikanistika.* 2002. No. 4. Pp. 36–44 (in Russian)].

Лаумулин М. Т. *История Казахстана и Центральной Азии в мировой ориенталистике (к 550-летию Казахского ханства).* Астана: КИСИ, 2015 [Laumulin M. T. *Istoriya Kazakhstana i Tsentralnoy Azii v mirovoy orientalistike (k 550-letiyu Kazakhskogo khanstva).* Astana, 2015 (in Russian)].

Лаумулин М. Т. *Обзор зарубежной литературы по Центральной Азии: 2010–2020 гг.* Справочно-информационное издание. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2020 [Laumulin M. T. *Obzor zarubezhnoy literatury po Tsentralnoy Azii: 2010–2020 gg.* Spravochno-informatsionnoe izdanie. Nur-Sultan, 2020 (in Russian)].

Международная конференция, посвященная 90-летию со дня рождения академика Бободжана Гафуровича Гафурова. 28–29 июля 1999 г., Нью-Дели, Индия. Краткая программа и участники конференции. *Б. Г. Гафуров: диалог культур и цивилизаций. Сборник докладов участников Международной конференции, посвященной 90-летию Б. Г. Гафурова. 28–29 июля 1999 г., Нью-Дели.* Посольство Республики Таджикистан в Российской Федерации, Посольство Республики Индия в Российской Федерации. При участии Института востоковедения РАН. М., 2000. С. 247–250 [Mezhdunarodnaya konferentsiya, posvyashchyonnaya 90-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Bobodzhana Gafurovicha Gafurova. 28–29 iyulya 1999 g., Nyu-Deli, Indiya. Kratkaya programma i uchastniki konferentsii. *B. G. Gafurov: dialog kultur i tsivilizatsiy. Sbornik dokladov uchastnikov Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchyonnoy 90-letiyu B. G. Gafurova. 28–29 iyulya 1999 g., Nyu-Deli.* Moscow, 2000. Pp. 247–250 (in Russian)].

Митрохин Л. В. *Индия о Ленине: (В. И. Ленин в индийской публицистике и воспоминаниях современников-индийцев).* АН СССР. Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1971 [Mitrokhin L. V. *Indiya o Lenine: (V. I. Lenin v indiyaskoy publitsistike i vospominaniyakh sovremennikov-indiytsev).* Moscow, 1971 (in Russian)].

Молодцова В. Все страны в гости к нам. *Учительская газета.* 2003. 20 мая. № 21 [Molodtsova V. Vse strany v gosti k nam. *Uchitelskaya gazeta.* 2003. 20 May. No. 21 (in Russian)].

Мосаки Н. З. К 100-летию Нафтулы Ароновича Халфина (научная деятельность в 1957–1971 гг.). Статья первая. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2022. № 4. С. 120–146. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-120-146 [Mossaki N. Z. On the Centenary of Naftula Aronovich Khalfin (academic activity in 1957–1971). Part I. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN.* 2022. No. 4. Pp. 120–146 (in Russian)]. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-4-120-146.

Нестерова О. А., Солодкова О. Л. Работа советского журналиста-международника в Южной Азии (на примере Л. В. Митрохина). *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика.* 2018. № 2. С. 68–91 [Nesterova O. A., Solodkova O. L. Rabota sovetskogo zhurnalista-mezhdunarodnika v Yuzhnoy Azii (na primere L. V. Mitrokhina). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika.* 2018. No. 2. Pp. 68–91. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2018.6891 (in Russian)].

Нестерова О. А., Солодкова О. Л. Аксиологический подход к изучению международных коммуникативных стратегий Советского Союза в Индии (на основе работ Л. В. Митрохина). *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность.* 2020. № 5. С. 97–105 [Nesterova O. A., Solodkova O. L. Aksiologicheskiy podkhod k izucheniyu mezhdunarodnykh kommunikativnykh strategiy Sovetskogo Soyuza v Indii (na osnove rabot L. V. Mitrokhina). *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost.* 2020. No. 5. Pp. 97–105 (in Russian)]. DOI: 10.31857/S086919080011343-4.

Павлов Д. Евразия и международное сообщество. *Азия и Африка сегодня*. 2005. № 7. С. 79 [Pavlov D. Evraziya i mezhdunarodnoe soobshchestvo. *Aziya i Afrika segodnya*. 2005. No. 7. P. 79 (in Russian)].

Рачабов Х. Саҳми Академик Бобочон Гафуров дар омӯзиши Ҳиндустон [Раджабов Х. Вклад академика Бободжона Гафурова в изучении Индии]. *Вестник Педагогического университета* [Таджикский государственный педагогический университет им. Садриддина Айни]. 2019. № 6. С. 206–209 [Rajabov H. Contribution of Academician Bobojon Gafurov to the Study of India. *Vestnik Pedagogicheskogo universiteta*. [Tadzhikskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet im. Sadriddina Ayni]. 2019. No. 6. Pp. 206–209 (in Tajik.)].

Ради жизни на земле. *Азия и Африка сегодня*. 1974. № 9. С. 6–9 [Radi zhizni na zemle. *Aziya i Afrika segodnya*. 1974. No. 9. Pp. 6–9 (in Russian)].

Раева Т. В. Советское движение за мир в послевоенной культурной дипломатии: институты, дискурсы, практики. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2017. Т. 17. № 2. С. 19–25 [Raeva T. V. Sovetskoe dvizhenie za mir v poslevoennoy kulturnoy diplomatii: instituty, diskursy, praktiki. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialno-gumanitarnye nauki*. 2017. Vol. 17. No. 2. Pp. 19–25 (in Russian)].

Райков А. В. [Рец. на:] Д. Каушик, Л. Митрохин. Образ Ленина в Индии. *Вопросы истории*. 1971. № 6. С. 189–190 [Raykov A. V. [Rev. on:] D. Kaushik, L. Mitrokhin. Obraz Lenina v Indii. *Voprosy istorii*. 1971. No. 6. Pp. 189–190 (in Russian)].

Райков А. В. Индийские национальные революционеры и марксизм (1920-е-1930-е годы). *Вопросы истории*. 1972. № 2. С. 67–80 [Raykov A. V. Indiyские natsionalnye revolyutsionery i marksizm (1920-e-1930-e gody). *Voprosy istorii*. 1972. No. 2. Pp. 67–80 (in Russian)].

Рыбаков Р. Б. Продолжая диалог культур и цивилизаций. Б. Г. Гафуров: диалог культур и цивилизаций. Сборник докладов участников Международной конференции, посвященной 90-летию Б. Г. Гафурова. 28–29 июля 1999 г., Нью-Дели. Посольство Республики Таджикистан в Российской Федерации, Посольство Республики Индия в Российской Федерации. При участии Института востоковедения РАН. М., 2000. С. 116–120 [Rybakov R. B. Prodolzaya dialog kultur i tsivilizatsiy. B. G. Gafurov: dialog kultur i tsivilizatsiy. *Sbornik dokladov uchastnikov Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchyonnoy 90-letiyu B. G. Gafurova*. 28–29 iyulya 1999 g., Nyu-Deli. Moscow, 2000. Pp. 116–120 (in Russian)].

Рякин Ю. М. Проблемы безопасности в районе Индийского океана [[Рец. на:] Девендра Каушик. Индийский океан. Проблемы безопасности. Перевод с английского. Общая редакция и вступительная статья профессора Г. Ф. Кима. М.: Прогресс, 1978. 232 с.]. *Проблемы Дальнего Востока*. 1977. № 4. С. 198–199 [Ryakin Yu. M. Problemy bezopasnosti v rayone Indiyского океана [[Rev. on:] Devendra Kaushik. *Indiyский океан. Problemy bezopasnosti*. Moscow, 1978. 232 p.]. *Problemy Dalnego Vostoka*. 1977. No. 4. Pp. 198–199 (in Russian)].

Савицкая Н. Полмиллиона «агентов» Москвы. *Независимая газета*. 2003. 15 мая [Savitskaya N. Polmilliona “agentov” Moskvу. *Nezavisimaya gazeta*. 2003. May 15 (in Russian)].

Салицкий А. Вызовы глобализации и проблемы крупных полупериферийных стран. *Мировая экономика и международные отношения*. 2002. № 2. С. 15–19 [Salitskiy A. Vyzovy globalizatsii i problemy krupnykh poluperiferiynykh stran. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2002. No. 2. Pp. 15–19 (in Russian)].

Сенгупта А. Переосмысление географии: “индийская диаспора” в ее истории. Идеи и идеалы. 2020. № 3. Ч. 1. С. 188–206 [Sengupta A. Pereosmyslenie geografii: “indiyskaya diaspora” v ee istorii. *Idei i idealy*. 2020. No. 3. Pt. 1. Pp. 188–206 (in Russian)].

Усов В. А. [Рец. на:] Indians Abroad. Ed. S. D. Singh, M. Singh. Kolkata: Maulana Abul Kalam Azad Institute of Asian Studies, 2003. 240 p. *Восток. Афро-азиатские общества: История и современность*. 2004. № 1. С. 195–200 [Usov V. A. [Rev. on:] Indians Abroad. Ed. S. D. Singh, M. Singh. Kolkata: Maulana Abul Kalam Azad Institute of Asian Studies, 2003. 240 p. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: Istoriya i sovremennost*. 2004. No. 1. Pp. 195–200 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX в.)*. Ташкент: Изд-во САГУ, 1957 (Труды САГУ. Новая серия, выпуск CX [110]. Исторические науки, книга 24. Среднеазиат. гос. ун-т им. В. И. Ленина) [Khalfin N. A. *Angliyskaya kolonialnaya politika na Srednem Vostoke (70-e gody XIX v.)*. Tashkent, 1957 (in Russian)].

Халфин Н. А. Британская экспансия в Средней Азии в 30–40-х годах XIX в. и миссия Ричмонда Шекспира. *История СССР*. 1958. № 2. С. 103–112 [Khalfin N. A. Britanskaya ekspansiya v Sredney Azii v 30–40-kh godakh XIX v. i missiya Richmonda Shekspira. *Istoriya SSSR*. 1958. No. 2. Pp. 103–112 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Провал британской агрессии в Афганистане. (XIX — начало XX в.)*. М.: Соцэкгиз, 1959 [Khalfin N. A. *Proval britanskoй agressii v Afganistane. (XIX — nachalo XX v.)*. Moscow, 1959 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Политика России в Средней Азии (1857–1868)*. М.: Издательство восточной литературы, 1960 [Khalfin N. A. *Politika Rossii v Sredney Azii (1857–1868)*. Moscow, 1960 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Присоединение Средней Азии к России (60–90-е годы XIX в.)*. М.: Наука, 1965 [Khalfin N. A. *Prisoedinenie Sredney Azii k Rossii (60–90-e gody XIX v.)*. Moscow, 1965 (in Russian)].

Халфин Н. А. Связи, контакты, сотрудничество [Рец. на: Devendra Kaushik. *India and Central Asia in Modern Times. A Study in Historical-cultural Contacts from the Early Nineteenth Century*. Delhi, 1985. 133 pp.]. *Азия и Африка сегодня*. 1986. № 4. С. 61 [Khalfin N. A. Svyazi, kontakty, sotrudnichestvo [Rev. on: Devendra Kaushik. *India and Central Asia in Modern Times. A Study in Historical-cultural Contacts from the Early Nineteenth Century*. Delhi, 1985. 133 pp.]. *Aziya i Afrika segodnya*. 1986. No. 4. P. 61 (in Russian)].

Черешнева Л. А. Первый востоковед Липецкой области. К 90-летию заслуженного деятеля науки Российской Федерации А. В. Райкова. *Гуманитарные исследования Центральной России*. 2019. № 1 (10). С. 7–13 [Chereshneva L. A. Pervyy vostokoved Lipetskoй oblasti. K 90-letiyu zasluzhennogo deyatelya nauki Rossiyskoй Federatsii A. V. Raykova. *Gumanitarnye issledovaniya Tsentralnoy Rossii*. 2019. No. 1 (10). Pp. 7–13 (in Russian)].

Шиц М. Красный диплом по демпинговой цене: [К открытию Всемирного форума выпускников советских и российских вузов, Москва]. *Российская газета*. 2003. 14 мая [Shits M. Krasnyy diplom po dempingovoy tsene: [K otkrytiyu Vsemirnogo foruma vypusknikov sovetskikh i rossiyskikh vuzov, Moskva]. *Rossiyskaya gazeta*. 2003. May 14 (in Russian)].

Юрлов Ф. Н. [Рец. на:] Asia Annual 2003. Ed. Mahavir Singh. Maulana Abul Kalam Azad Institute of Asian Studies. New Delhi, 2003. 262 p. *Восток. Аффо-азиатские общества: история и современность*. 2004. № 4. С. 180–185 [Yurlov F. N. [Retz. na:] Asia Annual 2003. Ed. Mahavir Singh. Maulana Abul Kalam Azad Institute of Asian Studies. New Delhi, 2003. 262 p. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost*. 2004. No. 4. Pp. 180–185 (in Russian)].

Arora R. S. [Rev. on:] Central Asia in Modern Times: A history from the early 19th century by Devendra Kaushik. *India Quarterly*. 1971. Vol. 27. No. 4. Pp. 366–367.

Benoist J. [Rev. on:] Kaushik, Devendra, *The Indian Ocean. Towards a Peace Zone*, Vikas Publications, Delhi-London, 1972, 225p. + bibl. and index. *Études internationales*. 1975. Vol. 6. No. 3. Pp. 403–405.

Books. *Moscow News*. 1971. No. 6. P. 15.

Cohen St. P. [Rev. on:] The Indian Ocean: Towards a Peace Zone. by Devendra Kaushik. *The Journal of Asian Studies*. 1973. Vol. 32. No. 2. P. 358.

Gopal S. Driving the Wedge: The Russian Occupation of Tashkent in 1865. *Proceedings of the Indian History Congress*. 1974. Vol. 35. Pp. 394–402.

Gopal S. Remembering Koka Aleksandrovna Antonova. «В России надо жить долго...»: Памяти К. А. Антоновой (1910–2007) / Сост. и отв. ред. Л. Б. Алаев, Т. Н. Загородникова; Ин-т востоковедения РАН. М.: Вост. лит., 2010. С. 210–234 [«V Rossii nado zhit dolgo...»: Pamyati K. A. Antonovoy, (1910–2007). Moscow, 2010. Pp. 210–234].

Gupta S. K. Indo-Soviet Relations. *Problems of Communism*. 1973. Vol. XXII. No. 3. Pp. 65–68.

Eurasian vision: felicitation volume on the 70th birthday of Prof. Devendra Kaushik. Editors, Mahavir Singh, Victor Krassilchchikov. Delhi: Anamika Publishers Distributors, 2003.

India and Central Asia (Cultural, Economic and Political Links). Ed. by S. Gopal. Delhi: Shipra Publications (Publication of Maulana Abul Kalam Azad Institute of Asian Studies, Calcutta), 2001.

Interview: Devendra Kaushik. India to take an active interest in the Central Asian region. *Executive Intelligence Review*. 1999. Vol. 26. No. 35. September 3. Pp. 47–49.

- Kaushik D. British Designs in Central Asia in The Nineteenth Century. *Proceedings of the Indian History Congress*. 1967. Vol. 29. PART II. Pp. 233–243.
- Kaushik D. Lenin in Hindi Literature and Press. *Lenin in Contemporary Indian Press*. By Johshi P. C., Chattopadhyay, Kaushik D. New Delhi, Ahmedabad, Bombay: People's Publishing House, 1970a. Pp. 125–132.
- Kaushik D. *Central Asia in modern times: a history from the early 19th century*. Edited by N. Khalfin, Doctor of History. Moscow: Progress Publishers, 1970b.
- Kaushik D. [Rev. on:] Russia and Nationalism in Central Asia: The Case of Tadzhikistan be Teresa Harmstone. *India Quarterly: A Journal of International Affairs*. 1970c. Vol. 26. No. 4. Pp. 435–436. DOI: 10.1177/0974928470026004.
- Kaushik D. *Soviet relations with India and Pakistan*. New York: Barnes & Noble, 1971a.
- Kaushik D. *Indo-Soviet treaty in action*. New Delhi: Kamal Publ., 1971b.
- Kaushik D. *The Indian Ocean: towards a peace zone*. Delhi: Vikas Publications, 1972.
- Kaushik D. *Soviet relations with India and Pakistan*. Delhi: Vikas Publishing House, 1974 [2d rev. and enl. ed.].
- Kaushik D. *China and the Third World*. New Delhi: Sterling Publishers, 1975a.
- Kaushik D. *The "Third World" in Peking's policy*. Moscow: Novosti Press Agency Pub. House, 1975b.
- Kaushik D. *Socialism in the transformation of socio-ethnic relations in Soviet Central Asia*. Bombay: Allied Publ., 1976.
- Kaushik D. [Rev. on:] Soviet Union: R. G. Gidadhubli, Ed.: Fifty Years of Soviet Power: A Study of Social, Economic and Political Developments. University of Bombay, Bombay, 1976, xxii, 295p. Rs. 29. *India Quarterly: A Journal of International Affairs*. 1977. Vol. 33. Issue 4. Pp. 490–493. DOI: 10.1177/0974928477033004.
- Kaushik D. *China, an ideological puzzle*. New Delhi: Sopan Pub. House, 1979.
- Kaushik D. The Other Side of Non-Alignment. *International Studies*. 1980. Vol. 19. Issue 1. Pp. 111–118. DOI: <https://doi.org/10.1177/002088178001900107>.
- Kaushik D. Indian Ocean peace zone: Pitfalls ahead. *Moscow News*. 1981. 26 July–August 2. No. 29. P. 9.
- Kaushik D. *The Indian Ocean: a strategic dimension*. New Delhi: Vikas Pub. House, 1983a.
- Kaushik D. Soviet perspectives on the Third World: ideological retreat or refinement? *The Non-Aligned World* [Central news agency (P) Ltd. (New Delhi)]. 1983b. Vol. 1. No. 1. Pp. 22–74.
- Kaushik D. *Soviet political system: perceptions and perspectives*. Moscow: Progress, 1983c.
- Kaushik D. *India and Central Asia in Modern Times: A Study in Historical-cultural Contacts from Early Nineteenth Century*. New Delhi: Satvahan, 1985a.
- Kaushik D. India, USSR and East Europe: Emerging Trends Under Rajiv Gandhi. *India Quarterly*. 1985b. Vol. 41. No. 1. Pp. 6–16.
- Kaushik D. *Perspectives on Security in Indian Ocean Region*. New Delhi, Bombay, Calcutta etc: Allied Publishers Private Limited, 1987.
- Kaushik D. Commonwealth of Independent States and India. *International Studies*. 1993. Vol. 30. Issue 2. Pp. 231–242. DOI: 10.1177/0020881793030002009.
- Kaushik D. [Rev. on:] A. Lukianov. *Perevorot: Mnimy i Nastoyashchii (Otvety na voprosy prishedsbie v "Matrosskuyu Tishinu")*. Moscow: Manuscript Publications, 1993. . 191 pp. *International Studies*. 1994. Vol. 31. Issue 1. Pp. 121–125. DOI: 10.1177/0020881794031001020.
- Kaushik D. India and Uzbekistan: Cultural Interaction in Modern Times. *Historical and Cultural Links between India and Uzbekistan*. Patna: Khuda Baksh Oriental Public Library, 1996. Pp. 63–71.
- Kaushik D. India and Central Asia: Past and Present Relations and Future Hopes. *Contemporary Central Asia*. 1997. Vol. 1. No. 1. Pp. 226–239.
- Kaushik D. India and Central Asia: Renewing a Traditional Relationship. *South Asian Survey*. 1998. Vol. 5. Issue 2. Pp. 231–244. DOI: 10.1177/0971523198005002.

- Kaushik D. Regional Cooperation: The Central Asian Experience. *Contemporary Central Asia*. 2000a. No. 4(1/2). Pp. 32–42.
- Kaushik D. Indo-Turkmen Relations: A Perspective for the New Millennium. *Культурное наследие Туркменистана (глубинные истоки и современные перспективы)*. Материалы международной научной конференции. Ашгабат. Гл. редактор — В. М. Массон. СПб: Европейский дом, 2000b. С. 132–133 [*Kulturnoe nasledie Turkmenistana (glubinnnye istoki i sovremennye perspektivy)*]. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Ashgabat. Saint-Petersburgh, 2000b. Pp. 132–133].
- Kaushik D. Islamic Fundamentalism in Central Asia: An Appraisal. *Himalayan and Central Asian Studies*. 2000c. Vol. 4. No. 3–4. Pp. 3–23.
- Kaushik D. The Central Asian republics: The balance sheet of a decade of “Ozodi”. *Eurasian studies* (Ankara). 2001. № 20. Pp. 3–20.
- Kaushik D. Russia and Central Asia: Emerging Pattern of Relationship. *Central Asia — The Great Game Replayed: An Indian Perspective*. Ed. by Joshi N. New Delhi: New Century Publications), 2003a. Pp. 9–46.
- Kaushik D. Eurasian Perspective of Asian Security Structure: New Chances for Indian-Chinese Cooperation. *Asia Annual*. 2003. Ed. by M. Singh. New Delhi: Institute of Asian Studies, 2003b. Pp. 70–83.
- Kaushik D. A Decade of Independent Tajikistan: Some Reflections. *India and Tajikistan: Revitalizing a Traditional Relationship*. Ed. By M. Singh. New Delhi: Anamika Publishers, 2003c. Pp. 29–46.
- Kaushik D. Nationalities Policy in Central Asia: Soviet and Post-Soviet Views. *Contemporary Central Asia*. 2004. Vol. VIII. No. 1 & 2. Pp. 53–58.
- Kaushik D. India and Central Asia: Revitalizing Traditional Ties. *International Studies*. 2012. Vol. 47. Issue 2–4. Pp. 323–331. DOI: 10.1177/002088171104700415.
- Kaushik D. Post-Soviet Russia: Some Reflections and Reminiscences. *Two Decades of Re-Emerging Russia: Challenges and Prospects*. Edited by Sanjay Deshpande. New Delhi: KW Publishers, 2015. Chapter 7.
- Kaushik D. Remembering Al Farabi. *Cultural Histories of Central Asia*. Edited By Rashmi Doraiswamy. London: Routledge, 2022. Pp. 155–163.
- Kaushik D., Mitrokhin L. (Ed.) *Lenin. His Image in India*. Delhi, Bombay, Bangalore: Vikas Publications, 1970.
- Kaushik D., Peerthum S. *Towards collective security in Asia*. Bombay: Allied Publ., 1973.
- Kavalski E. *India and Central Asia: the mythmaking and international relations of a rising power*. L. & N. Y.: I. B. Tauris Publishers, 2010.
- Khalfin N. A. *Indian Missions in Russia in the second half of the 19th century* (Papers presented by the USSR delegation. XXVI International congress of orientologists. Moscow, 1963. 13 p.
- Khalfin N. A. About this book. *Kaushik D. Central Asia in modern times: a history from the early 19th century*. Edited by N. Khalfin. Moscow: Progress Publishers, 1970. Pp. 5–8.
- Lachaier P. Surendra Gopal (éd.): India and Central Asia (Cultural, Economic and Political Links. *Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient*. 2002. Tome 89. Pp. 399–405;
- Levi W. [Rev. on:] Soviet Relations with India and Pakistan. By Devendra Kaushik. Delhi: Vikas Publications, 1971. 119 pp. Rs. 15. The Making of India's Foreign Policy. By J. Bandyopadhyaya. Calcutta: Allied Publishers. 1970. 286 pp. Rs. 20.00. A Diplomatic History of Modern India. By Charles H. Heimsath and Surjit Mansingh. Bombay: Allied Publishers. 1971. 559 pp. Rs. 30.00. *Pacific Affairs*. 1972. Vol. 45. No. 1. Pp. 124–125.
- Mitchell C. P. [Review on:] India and Central Asia: Cultural, Economic and Political Links by Surendra Gopal. *Journal of Asian History*. 2002. Vol. 36. No. 2. Pp. 204–206.
- Morrison A. *Russian Rule in Samarkand 1868–1910: A Comparison with British India*. Oxford: Oxford Historical Monographs, 2008.
- Palmer N. D. India's Use of Force in Goa. By Arthur G. Rubinoff. Bombay: Popular Prakashan. 1971. 134 pp. Rs. 25.00. India, Russia, China and Bangladesh. By J. A. Naik. New Delhi: S. Chand & Co. (Pvt.) Ltd. 1972. 165 pp. Rs. 20.00. The Indian Ocean: Towards a Peace Zone. By Devendra Kaushik. Delhi: Vikas Publications, 1972. 225 pp. Rs. 24.00. *Pacific Affairs*. 1973. Vol. 46. No. 1. Pp. 152–153.

- Patnaik A. *Central Asia: Geopolitics, Security and Stability*. New Delhi: Routledge, 2016. 237 pp., ₹850.
- Patnaik A. New International Order: India in Russia's Foreign Policy Priority. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2023. № 4. С. 358–368.
- Publications about the Soviet Union. *Moscow News*. 1972. № 43 (1138). Supplement. P. 8.
- Rebuild the World Economy After the Systemic Crisis. *Executive Intelligence Review*. 2009. Vol. 36. No. 9. Pp. 4–5.
- Rybakov R. B. Continuous Dialogue of Culture and Civilizations. B. G. Gafurov: *Dialogue of Cultures and civilizations. The Issues of Scholars of the International Conference on Academician Bobojan G. Gafurov on Occasion of his 90-th Birth Anniversary. July 28–29, 1999, New Delhi*. Moscow, 2000. Pp. 21–25.
- Soviet Central Asia: The Failed Transformation*. Edited by William Fierman: with a foreword by Teresa Rakowska-Harmstone. L. & N. Y.: Routledge, Taylor and Francis Group, 2019 [First published 1991 by Westview Press, Inc.].
- Tuzmukhamedov R. For Collective Security in Asia. *Moscow News*. 1975. № 31. P. 6.
- Wheeler G. [Rev. on:] Central Asia in Modern Times: A History from the Early 19th Century. By Devendra Kaushik. Edited by N. Khalfin. Moscow: Progress Publishers, 1970. Index. Map. Illus. *Asian Affairs*. 1972. Vol. 3. No. 2. Pp. 228–229.
- Yapp M. E. [Review on:] Central Asia and Kashmir: A Study in the Context of Anglo-Russian Rivalry. By K. Warikoo. New Delhi: Gian Publishing House, 1989. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1991. Vol. 1. No. 2. Pp. 306–307.

Электронные ресурсы / Online resources

- Две семьи соотечественников в Индии удостоены медалей «За любовь и верность». URL: <https://russkiymir.ru/news/22321/?ysclid=m0bffpu5t6327667158>. 2020. 2 сентября (дата обращения: 15.01.2026).
- Добрюха Е. Почему иностранных студентов надо заманивать в наши вузы? // «Московский комсомолец». 2005. 12 мая. См.: URL: <https://www.osvic.ru/school-abitu/institute-higher-education-selection-53/article3918.html> (дата обращения: 15.01.2026).
- Второе пленарное заседание. URL: <https://alumni.rudn.ru/archive/2003/5/secondsession/>. 15.05.2003. (дата обращения: 15.01.2026).
- Нуржанова С. М. Внешнеполитические приоритеты сотрудничества Республики Казахстан и Республики Индия на современном этапе. *Вестник КарГУ* (Караганда). 2008. URL: <https://articlekz.com/article/5008?ysclid=m0eur66j2b714283405> (дата обращения: 15.01.2026).
- Указ Президента России В. В. Путина от 30.04.2003 № 493. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/19451> (дата обращения: 15.01.2026).
- Benoist J. Retour sur les propositions concernant les aspects biologiques de la race. Unesco, Moscou, 1964. Entretien avec Jean-Luc Bonniol. *Appartenances & Altérités* [Online], 2021, 1. URL: <http://journals.openedition.org/alterites/339>; DOI: 10.4000/alterites.339 (дата обращения: 15.01.2026).
- Chatterjee S. [Rev. on:] N. N. Vhora. *Culture, Society and Politics in Central Asia and India*. New Delhi, Sbipra Publications, 1999. 303 p. Abstracta Iranica. 2001. Volume 22. Comptes rendus des publications de 1999. URL: <https://doi.org/10.4000/abstractairanica.37297>. <https://journals.openedition.org/abstractairanica/37297?lang=en> (дата обращения: 15.01.2026).
- CRCAS Alumni and their Research Topics. URL: https://www.jnu.ac.in/sis/crcas_alumni (дата обращения: 15.01.2026).
- CRCAS Journal & Library. URL: https://jnu.ac.in/sis/crcas_Journal_Library (дата обращения: 15.01.2026).
- Kaushik D. Strategic Cooperation: U.S.-Russia-China-India. URL: https://archive.schillerinstitute.com/conf-iclc/2009/ruesselsheim_conf/kaushik.html. February 2009 (дата обращения: 15.01.2026).
- Prof Devendra Kaushik. URL: <https://www.hindustantimes.com/india/prof-devendra-kaushik/story-ARCw8fkScekJP7zVgAtYM.html>. 2003. May 06 (дата обращения: 15.01.2026).

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-070-076

ИНДИЯ И КИТАЙ В СОПЕРНИЧЕСТВЕ ЗА БРАХМАПУТРУ

© 2026

В. П. Кашин¹

По мнению автора статьи, соперничество Индии и Китая за Брахмапутру является частью их пограничного противостояния и способно перерасти в вооруженный конфликт. В Индии считают, что возведение Китаем мега-плотины «Медог» и других гидротехнических сооружений в верховьях реки и на ее притоках может привести к значительному сокращению стока воды в засушливый период, прорыву дамб во время муссонов и землетрясений и затоплению прилегающих к реке густонаселенных территорий. Эти опасения также разделяют власти Бангладеш, в которой Брахмапутра и Ганг формируют общую дельту. Но более всего Нью-Дели тревожит то обстоятельство, что контроль над Брахмапутрой Пекин будет использовать для оказания политического, военного и экономического давления на Индию. Чтобы защитить свою водную и национальную безопасность, Индия вынуждена принимать контрмеры и объявила о строительстве 12 крупных ГЭС. Флагманским проектом станет «Верхний Сианг» в Аруначал Прадеше, конкурент китайского «Медога». Новые водохранилища будут заполнять на 70–80%, что позволит защитить регион от непредвиденных сбросов воды со стороны Китая и поддерживать естественный уровень реки.

Ключевые слова: Индия, Китай, Брахмапутра, плотина Медог, плотина Верхний Сианг, водная безопасность

Для цитирования: Кашин В. П. Индия и Китай в соперничестве за Брахмапутру. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 2. С. 70–76. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-070-076

INDIA AND CHINA RIVALRY FOR THE BRAHMAPUTRA

Valeriy P. Kashin

According to the following article's author, India China rivalry for the Brahmaputra is part of the countries' border confrontation, which is able to turn into a military conflict. As it is believed in India, the construction of the Medog mega-dam and other hydrotechnical objects in the upper river and its tributaries by China may cause a considerable reduction of the water flow during the dry season, as well as dam breaks during monsoons and earthquakes, and flooding of the adjacent to the river densely populated territories. The Bangladesh government shares similar concerns since the Brahmaputra and the Ganges have an overall delta in the country. However, New Delhi is more concerned about the fact that Beijing, which has territorial claims to India, will use the control over the Brahmaputra to exert political and military pressure on India. To protect its water and national security India takes countermeasures and has announced the construction of 12 large HPPs. The Upper Siang

¹ Кашин Валерий Петрович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; indology@mail.ru

Valeriy P. Kashin, PhD (Hist.), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; indology@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0119-9157

dam in Arunachal Pradesh, the rival of the Chinese Medog, is to become the flagship project. New water reservoirs will be filled up to 70-80% to protect the region from the Chinese water discharge and maintain the natural level of the river.

Keywords: India, China, the Brahmaputra, Medog dam, Upper Siang dam, water security

For citation: Kashin V. P. India and China Rivalry for the Brahmaputra. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 2. Pp. 70–76. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-070-076

19 июля 2025 г. в городе Ньингчи, расположенном в Тибетском автономном районе Китая в 30 километрах от границы с Индией, состоялась торжественная закладка камня в основание грандиозной гидроэлектростанции «Медог» с проектной мощностью 60 ГВт. Это в три раза превышает аналогичный показатель крупнейшей в мире ГЭС «Санься» на реке Янцзы в провинции Хубэй, запущенной в эксплуатацию в 2008 г. В церемонии принял участие премьер Госсовета КНР Ли Цян. Индия опасается, что новая мега-плотина даст возможность Пекину контролировать водные ресурсы реки Брахмапутры, будет использоваться для оказания политического и военного давления на Нью-Дели и приведет к обострению отношений между великими соседними державами. Беспокойство Индии разделяет Бангладеш, чья территория расположена в дельте Ганга и Брахмапутры и может лишиться значительной части речного стока.

Река Брахмапутра

Брахмапутра — одна из великих рек Азии и крупнейший приток Ганга. Ее длина — 2896 км, площадь бассейна — 651 тыс. кв. км. Она является важнейшей водной артерией четырех стран: Китая (50,5%), Индии (33,6%), Бангладеш (8,1%) и Бутана (7,8%) [Deka, 2025, p. 37]. В Китае реку называют Ярлунг Цангпо, в Индии — Сианг и Брахмапутра и в Бангладеш — Джамуна. Ее самое распространенное название происходит от имени Брахмы, верховного бога-создателя в пантеоне индуизма, и в переводе с санскрита на русский язык означает «Сын Брахмы». Поэтому она мужского рода, тогда как большинство индийских рек — женского рода.

Начало реки дает ледник Джима Янгзонг, расположенный на высоте 5000 м над уровнем моря у озера Манасаровар на юго-западе Тибета. Около 1700 км река в узком русле шириной от 30 до 50 м течет на восток по территории КНР параллельно Гималаям. Затем по ущелью Диханг она круто сворачивает на юг. Ущелье представляет собой самый глубокий в мире каньон, где стремительный поток легко опрокидывает валуны величиной с комнату. Длина этого участка — 320 км с перепадом высот более 2200 м. Специалисты полагают, что природа создала здесь подходящие условия для возведения сверхмощных ГЭС.

Прорвавшись с гор в Ассамскую долину, многоводная река неторопливо движется на юго-запад и превращается в могучую водную массу, которая в период муссонов превышает в ширину 8 км и не позволяет видеть противоположный берег даже в бинокль. Огибая по окружности нагорье Шиллонг, Брахмапутра у границы Индии и Бангладеш еще раз поворачивает на юг и сливается с Гангом. Воды этих рек впадают в Бенгальский залив. Русло Брахмапутры неустойчивое и образует запутанную сеть рукавов и протоков с множеством крупных и мелких песчаных островов. Периодические наводнения весьма разрушительны, и для защиты от них жители строят береговые дамбы. Брахмапутра пригодна для прохождения судов на протяжении 1290 км от Бенгальского залива, вплоть до города Дибругарха в Ассаме. Ее притоки — в большинстве своем крупные

реки. Наиболее важные правые притоки — Субансири, Бхарели, Манас и Тиста, а левые — Дибанг, Лохит, Дхансири и Капили.

Основными источниками питания Брахмапутры являются муссонные дожди и талые ледниковые воды. Среднегодовой сток наносов превышает 700 млн т, что делает почву по ее берегам и в дельте очень плодородной и позволяет обеспечивать продуктами питания один из самых густонаселенных регионов мира. Местные фермеры выращивают рис, пшеницу, кукурузу, сахарный тростник, бобы, перец, кунжут, джут. Река богата разнообразной рыбой. Мангровый лес в дельте дает убежище редким видам животных. В заповедных зонах по берегам встречаются полосы тутовых и саловых деревьев. На ветвях этих деревьев обитают насекомые, из выделений которых получают шеллак, природную смолу для изготовления лаков, изоляционных материалов, сигнальных огней и трассирующих боеприпасов. В годы Второй мировой войны поставки шеллака представляли собой одно из важнейших направлений экспорта Британской Индии в страны Антигитлеровской коалиции. В 1941/42 и 1942/43 гг. такой смолы только в СССР было ввезено 2 тыс. т и 1,8 тыс. т соответственно [Siddiq, 1948, p. 78].

Китайский гидрокаскад

Китайская Народная Республика — крупнейший в мире производитель гидроэлектроэнергии. Из 11 наиболее мощных ГЭС 6 действуют в Китае, в том числе знаменитая ГЭС «Санься» («Три ущелья») мощностью 22,5 ГВт. Но останавливаться на достигнутом КНР не собирается и в начале XXI в. приступила к возведению каскада из 20 больших и малых плотин на реке Ярлунг Цангпо в Тибетском автономном районе. Сегодня это самый амбициозный гидроэнергетический проект в стране.

Первой в тибетском каскаде Китая стала ГЭС Цзанму. Ее строительство началось в 2009 г. Первый генератор запустили в 2014 г., а шестой — 13 октября 2015 г. Станция расположена в среднем течении Ярлунг Цангпо, в 140 км от Лхасы, на высоте 3,3 км над уровнем моря. Дамба имеет высоту 116 м и длину 389 м. Суммарная мощность шести энергоблоков ГЭС составляет 510 МВт [Deka, Krishnan, 2015, p. 54]. Объем инвестиций составил 1,5 млрд долл.

В январе 2013 г. Государственный совет КНР в рамках плана развития новых источников энергии объявил о возведении на Ярлунг Цангпо еще трех плотин общей стоимостью 7,8 млрд долл [Deka, Krishnan, 2015, p. 57]. ГЭС Цзяча или Гача с установленной мощностью 360 МВт была сдана в эксплуатацию в 2020 г., ГЭС Дагу в 660 МВт — в 2023 г., на полгода раньше запланированного срока, ГЭС Диксу мощностью 510 МВт находится в стадии строительства. Дагу обладает самой высокогорной в мире гравитационной плотиной высотой 124 м и расположена в 18 км от Цзанму. В 2023 г. коллектив ГЭС Дагу получил государственную премию Китая за технологические достижения и эффективное функционирование объекта. В настоящее время на реке завершаются работы над ГЭС Ленгда мощностью 320 МВт и проектируются ГЭС Байю в 800 МВт, Лангзен в 340 МВт и Схонгда в 320 МВт [Deka, 2025, p. 39].

А крупнейшей китайской стройкой в Тибете стал гидроузел «Медог» мощностью 60 ГВт с гравитационной бетонной плотиной. Работы проводятся в ущелье Диханг перед тем местом, где Ярлунг Цангпо пересекает границу с Индией. Ожидается, что после введения в строй уникальная ГЭС будет вырабатывать 300 млрд кВт/ч электроэнергии. Ее хватит для обеспечения потребностей пятой части населения КНР. Проект был одобрен в марте 2021 г. Всекитайским собранием народных представителей и включен в план развития страны на 14-ю пятилетку (2021–2025 гг.). Строительство началось 19 июля 2025 г. со сроком завершения в 2033 г. Стоимость гидроузла составит

рекордные 137 млрд долл [Deka, 2025, p. 37]. Разработкой проекта занималась Китайская государственная корпорация по строительству электростанций (PowerChina). Согласно утвержденному плану через гору Намча Барва необходимо проложить четыре туннеля длиной 20 км каждый с перепадом высот 2000–2200 м. По этим туннелям вода будет отводиться на более низкий уровень для выработки электроэнергии, а затем возвращаться в реку. В отличие от вариантов с водохранилищами такие системы не являются накопительными. При этом инженерам и строителям предстоит решить ряд трудных задач, связанных с большим объемом подземных работ и созданием сложного гидротехнического оборудования.

Помимо этого Китай возводит несколько дамб на реке Заул Чу, известной в Индии как Лохит, левом притоке Брахмапутры. Местные власти надеются, что будущие ГЭС Хондонг, Оми и Зала позволят не только провести электричество и необходимую логистику в труднодоступные районы Южного Тибета, но и со временем привлечь туристов [Bhattacharya, 2025, p. 21].

Индийские опасения

Строительство Китаем ГЭС «Медог» и каскада плотин в верховьях Брахмапутры и на ее притоках вызывает серьезные опасения в Индии, а также в Бангладеш, где Джамуна формирует 54% общей дельты с Гангом. В феврале 2025 г. власти Бангладеш запросили у Пекина дополнительную информацию о воздействии ГЭС на реку ввиду возможного резкого сокращения стока в засушливый период. Это может нарушить водоснабжение одного из густонаселенных регионов мира с населением свыше 350 млн человек, находящегося ниже по течению. Кроме того, многочисленные плотины будут задерживать прохождение осадочных пород, богатых питательными веществами, что снизит накопление аллювия в почве и приведет к падению урожайности сельскохозяйственных культур и разорению местных фермеров [Ranade, 2025, p. 342]. В данной связи весьма показателен пример реки Меконг, на которой Китай за последние 20 лет возвел 12 крупных плотин. В 2022 г. он компенсировал свои водные потери за счет водохранилищ Верхнего Меконга, что привело к засухе в Таиланде, Камбодже и Вьетнаме и нанесло существенный ущерб их сельскому хозяйству [Deka, 2025, p. 39].

Не меньшие опасения в Индии вызывает и китайский проект переброски воды с Юга на Север, о котором в конце 1950-х гг. говорил еще Мао Цзэдун. Он призван доставлять 44,8 куб. км воды ежегодно в промышленные центры на севере Китая. Но некоторые западные исследователи считают эту цифру заниженной в несколько раз и указывают, что только из рек Южного Тибета, включая Брахмапутру, Китай способен перекачивать в год до 200 куб. км чистой холодной воды, не афишируя своих действий [Wirsing, 2013, p. 124]. Это больше стока Инда со всеми притоками, вместе взятыми. Первая фаза строительных работ началась в 2003 г., вторая — в 2005-м и продолжается по настоящее время. Сроки сдачи объектов и их технические характеристики Китай не разглашает. Предполагаемая оценочная стоимость проекта составляет 62 млрд долл., из которых на январь 2011 г. уже было освоено 17,4 млрд [Wirsing, 2013, p. 115].

По мнению индийской стороны, вынужденный сброс излишков воды Китаем в период муссонов и крупные аварии на его многочисленных ГЭС в Тибете будут сопровождаться затоплением прилегающих к реке обширных районов в индийских штатах Аруначал Прадеш и Ассам и в Бангладеш. Разрушительные наводнения несут угрозу жизни миллионам людей и их имуществу. Регион расположен в сейсмоактивной зоне с повышенным риском прорыва плотин. Так, 7 января 2025 г. землетрясение в Южном Тибете магнитудой 7,1 балла по шкале Рихтера привело к тому, что в 5

из 14 обследованных китайских плотин обнаружили трещины, а 3 дали протечку и фактически оставили водохранилища без воды [Deka, 2025, p. 40].

Серьезную опасность строительным площадкам в ущельях и по берегам рек создают оползни и грязекаменные потоки. Так, в ноябре 2018 г. вода в Брахмапутре внезапно окрасилась в черный цвет. Это встревожило власти Аруначал Прадеша и Ассама и они запретили использовать ее для питья. И только через несколько недель в ответ на запрос индийской стороны китайское информационное агентство «Синьхуа» выступило с комментарием по этому поводу. Причиной необычного явления агентство назвало гигантский оползень, сошедший высоко в горах в результате серии землетрясений и неопасный для водопользования [On Time, 2019, p. 43].

Несмотря на то, что СМИ Китая характеризуют проект «Медог» как экологически ориентированный, ученые испытывают беспокойство по поводу его воздействия на биоразнообразие Южного Тибета и нарушения местной экосистемы. Регион включает уникальный природный заповедник КНР, который может частично уйти под воду. В свою очередь тибетские правозащитные группы убеждены, что новые китайские ГЭС наносят невосполнимый ущерб буддийскому культурному наследию.

Однако более всего Индию тревожит то обстоятельство, что контроль над верхним течением Брахмапутры и разногласия в вопросах распределения водных ресурсов Пекин может использовать для оказания давления на Нью-Дели и усиления своего влияния в регионе. Китай имеет к Индии территориальные претензии, которые включают 90 тыс. кв. км к югу от линии Макмагона, образующие индийский северо-восточный штат Аруначал Прадеш. В Пекине его называют «Южным Тибетом». Каждый раз после посещения высокопоставленными индийскими должностными лицами спорного района Китай выражает официальный протест. В этом секторе индийско-китайской границы наблюдается максимальная концентрация войск. Стороны подтягивают к границе железные дороги и строят взлетно-посадочные полосы для тяжелых военно-транспортных самолетов [Кашин, 2025, с. 135]. Это повышает вероятность боестолкновений, повод к которым способен дать конфликт за Брахмапутру.

Контрмеры Индии

Хотя в меморандумах о взаимопонимании и принципах сотрудничества, подписанных Индией и Китаем в начале XXI в., проблема трансграничной водной безопасности не поднимается, она обсуждалась в ходе визитов в Пекин в январе 2006 г. президента Индии Абдул Калама и в январе 2008 г. премьер-министра Манмохана Сингха. По их итогам был учрежден индийско-китайский «механизм консультаций» на уровне экспертов, проводивших в течение 2008–2009 гг. три заседания. После этого Китай отказался продолжать дискуссии, сославшись на отсутствие у него планов перекрытия Ярлунг Цангпо [Malhotra-Arora, 2012, p. 152]. В дальнейшем проблему влияния плотины «Медог» на водообеспечение штатов Аруначал Прадеш и Ассам поднимал премьер-министр Индии Нарендра Моди на встречах с председателем КНР Си Цзиньпином. Ответ китайской стороны был неизменным: ее новый проект направлен на увеличение внутренних поставок электроэнергии, позволит создать дополнительные рабочие места, аккумулирует достижения современной технической мысли, не препятствует водостоку и направлен на минимизацию отрицательных последствий изменений климата и наводнений в Индии и Бангладеш [Deka, 2025, p. 41].

Поскольку никакого соглашения об использовании вод реки Брахмапутры между Индией и Китаем до сих пор не было подписано и с технической документацией своей мега-плотины Пекин никого не ознакомил, Нью-Дели был вынужден в спешном порядке принимать контрмеры для

защиты от возможных негативных последствий китайского гидроэнергетического проекта. С этой целью в июле 2024 г. в Индии был принят план строительства на северо-востоке 12 крупных гидроэлектростанций [Независимая газета, 10.07.2024]. Он включает не только традиционные ГЭС, но и перспективные гидроаккумулирующие электростанции, а также прокладку 31 тыс. км новых линий электропередачи. Реализация плана будет проходить в два этапа. Первый из них продлится до 2035 г., а второй — до 2047 г., что соответствует ожидаемым срокам ввода электростанций в строй. Основой будущей гидроэнергетики станет Аруначал Прадеш.

Флагманская стройка в Аруначал Прадеше — многоцелевая ГЭС «Верхний Сианг», конкурент китайского «Медог». ГЭС будет вырабатывать 11 ГВт электроэнергии в год, что сделает ее крупнейшим гидротехническим сооружением на субконтиненте. Высота плотины составит 278 м, объем водохранилища — 9,2 млрд куб. м воды против 5,5 млрд куб. м водохранилища «Медог», оценочная стоимость работ — 17 млрд долл [Deka, 2025, p. 37]. Начало строительства запланировано на 2028 г. Предполагаемая дата открытия ГЭС — 2032 г. Разработкой проекта занимается Национальная корпорация гидроэнергетики Индии (National Hydroelectric Power Corporation или NHPC). Другие крупные энергетические проекты в том же штате — ГЭС «Эталин» мощностью 3 ГВт; «Дибанг» (2,8 ГВт); «Нижний Сианг» (2,7 ГВт) и «Нижняя Субансири» (2 ГВт) [Савищева, 2025, с. 105]. Их водохранилища будут заполняться на 70–80%, что позволит защитить регион от внезапных прорывов и сбросов воды в больших объемах со стороны Китая и поддерживать естественный уровень реки.

Однако планы индийских властей по возведению плотин в дистриктах Верхний Сианг и Восточный Сианг встретили упорное сопротивление местного населения Аруначал Прадеша. Борьбу против гидроэнергетических проектов правительства возглавили Народный форум Сианга, Форум фермеров коренных народов Сианга, Форум сиангского диалога и ряд других неправительственных организаций. Они представляют многочисленную группу племен ади, в прошлом аборов, основным занятием которых является выращивание риса, маиса и проса и разведение овец, коз и свиней. Будущая ГЭС «Верхний Сианг» угрожает полным затоплением 13 деревень ади с населением свыше 10 тыс. человек, а в 27 населенных пунктах окажутся под водой все прибрежные сельскохозяйственные угодья [Савищева, 2025, с. 110].

На протяжении 2024 г. ади проводили демонстрации протеста и подавали петиции в парламент и президенту Индии, а с возобновлением в мае 2025 г. подготовительных работ перекрывали дороги, поджигали мосты и совершали вооруженные нападения на технический персонал NHPC и охраняющих его полицейских. Сопротивление племен постепенно пошло на убыль летом 2025 г. после арестов организаторов выступлений и принятия правительством Аруначал Прадеша решения о повышении размера выплат семьям, имущество которых может пострадать в результате сооружения гигантских ГЭС по обе стороны индийско-китайской границы. Тем не менее обстановка в штате остается напряженной, что создает дополнительные трудности на пути обеспечения национальной и водной безопасности страны и дестабилизирует политическую и экономическую ситуацию в регионе.

Заключение

Возведение Китаем современной системы гидротехнических сооружений на Ярлунг Цангпо и ее притоках и ответные шаги Индии, включая разработку проекта ГЭС «Верхний Сианг», далеко выходят за рамки внутренних энергетических проблем, соперничества сторон за Брахмапутру и водной безопасности. Речь идет о противостоянии Индии и Китая на самом взрывоопасном участке их общей границы, где с 1967 г. произошло 5 из 7 крупных вооруженных инцидентов.

Последний зарегистрирован 9 декабря 2022 г. у монастыря Таванг в Аруначал Прадеше. Тогда более 300 китайских солдат пересекли линию контроля и пытались закрепиться на прилегающих к буддистскому монастырю высотах, но были выбиты с занятых позиций меньшим числом индийских военнослужащих. В Пекине этот северо-восточный индийский штат называют «Южным Тибетом» и в 2017, 2021 и 2023 гг. переименовали на своих картах 32 населенных пункта Аруначал Прадеша [Кашин, 2025, с. 130].

В Нью-Дели уверены, что строящаяся Китаем плотина «Медог» способна перекрыть сток Брахмапутры в ее верхнем течении и будет использоваться для оказания политического, военного и экономического давления на Индию. Чтобы противостоять агрессивному соседу, индийская сторона поспешно разрабатывает собственные крупные гидроэнергетические проекты на Северо-Востоке и активно осваивает природные ресурсы этого труднодоступного региона. Вооруженный конфликт с Пакистаном 7–10 мая 2025 г. и приостановка действия Договора о водах Инда 1960 г. в ответ на поддержку Исламабадом трансграничного терроризма обогатили Индию опытом решения «речных споров» в современных условиях. «Мы должны быть полностью готовы к любой войне, сколько бы она ни продолжалась, 2 месяца или 5 лет», — поставил задачу 27 августа 2025 г. министр обороны Индии Раджнатх Сингх [The Times of India, 28.08.2025]. А в том, что вода является стратегическим сырьем и борьба за нее служит поводом к войне в прошлом и в настоящем, сомневаться не приходится.

Литература / References

Кашин В. П. Индия — Китай: пограничное противостояние и перспективы. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 3. С. 129–139 [Kashin V. P. India — China: Border Opposition and Perspectives. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2025. No. 3. Pp. 129–139 (in Russian)].

Савищева М. Д. Племена Аруначал Прадеша в войне плотин: внутриполитический аспект гидротехнического бума на индийско-китайской границе. *Социально-экономическое развитие региона Большого Индийского океана*. А. В. Куприянов (ред.). М.: ИМЭМО РАН, 2025. С. 103–119 [Savishcheva M. D. Arunachal Pradesh Tribes in the Dam War: Domestic Politics Aspect of the Hydrotechnical Boom at the India-China Border. *Social and Economic Development of the Greater Indian Ocean*. A. V. Kupriyanov (ed.). Moscow: IMEMO RAS, 2025. Pp. 103–119 (in Russian)].

Bhattacharyya R. More Water Bombs. *The Week*. 20.07.2025.

Deka K. A Himalayan River Threat. *India Today*. 07.04.2025.

Deka K., Krishnan A. Bend it is Like Beijing. *India Today*. 23.11.2015.

Malhotra-Arora P. Sino-Indian Water War? *Water Resource Conflicts and International Security*. D. K. Vajpeyi (ed). London: Lexington Books, 2012. Pp. 139–157.

On Time, History and the River. *Seminar*. 2019. November. Pp. 35–45.

Ranade J. The Tibet Question. *Decoding China. Hard Perspectives from India*. A. K. Kantha (ed). New Delhi: Bloomsbury, 2025. Pp. 332–344.

Siddiq S. M. *Indo-Russian Trade*. New Delhi: Oxford University Press, 1948.

Wirsing R. G., Stoll D. C., Jasparro C. *International Conflict over Water Resources in Himalayan Asia*. New York: Palgrave Macmillan, 2013.

МЕЖДУ НАУКОЙ И ДИПЛОМАТИЕЙ: ТРАЕКТОРИИ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ С ПАПУА–НОВОЙ ГВИНЕЕЙ. ЧАСТЬ I

© 2026

Н. Н. Миклухо-Маклай мл.¹

Отношения России и Папуа–Новой Гвинеи (ПНГ) имеют глубокие исторические корни и обладают выраженной спецификой. Отправной точкой двусторонних контактов стали научные экспедиции Н. Н. Миклухо-Маклая во второй трети XIX века, которые не только обогатили мировую науку, но и заложили основу культурного диалога между двумя странами.

В наши дни в научных кругах, специализирующихся на изучении международных отношений, возрастает интерес к исследованию неформальных каналов и роли негосударственных акторов во внешней политике. В этом контексте особую значимость приобретает мультитрековая дипломатия, предполагающая многоуровневое воздействие (через культуру, науку, бизнес и др.).

Цель данной работы — проанализировать вклад ученого как дипломата сквозь призму концепции мультитрековой дипломатии, а также выявить эффективность и потенциал использования неформальных каналов в XIX в. для межгосударственных отношений.

Для достижения целей исследования применяется системный подход, который позволяет комплексно изучить исторические практики и их современное значение. В статье анализируются центральные события второй трети XIX в. в период колонизации острова Новая Гвинея. Особое внимание уделяется инициативам Н. Н. Миклухо-Маклая — его попыткам выстроить диалог между местными общинами и колониальными державами. Защищая коренное население северо-востока острова Новая Гвинея от колониальной экспансии, ученый фактически выполнял функции неофициального дипломатического представителя, демонстрируя ранние примеры взаимодействия науки и дипломатии.

Анализ деятельности Н. Н. Миклухо-Маклая позволяет констатировать, что его подходы предвосхитили ключевые принципы концепции мультитрековой дипломатии, выявив роль и потенциал ученых-дипломатов как посредников в укреплении межгосударственного доверия.

Ключевые слова: межкультурный диалог, колониализм, Папуасский союз, мультитрековая дипломатия, Папуа–Новая Гвинея, Миклухо-Маклай

Для цитирования: Миклухо-Маклай Н. Н. мл. Между наукой и дипломатией: траектории отношений России с Папуа — Новой Гвинеей. Часть I. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 2. С. 77–88. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-077-088

¹ Миклухо-Маклай (мл.) Николай Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН, Москва; президент Ассоциации исследователей Южно-Тихоокеанского региона, Санкт-Петербург; nn@mikluho-maclay.ru
Nickolay N. Miklouho-Maclay jr., PhD (Hist.), Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; President of the Association of South Pacific Researchers; St. Petersburg; nn@mikluho-maclay.ru
ORCID: 0000-0002-5085-1693

BETWEEN SCIENCE AND DIPLOMACY: THE DEVELOPMENT OF RUSSIA'S RELATIONS WITH PAPUA NEW GUINEA PART I

Nickolay N. Miklouho-Maclay jr.

Relations between Russia and Papua New Guinea (PNG) have deep historical roots and are characterised by distinct features. The starting point for bilateral contacts was the scientific expeditions of N. N. Miklouho-Maclay in the second third of the 19th century, which not only enriched world science but also laid the foundations for intercultural dialogue between the two countries.

Nowadays, in academic circles specialising in the study of international relations, there is growing interest in researching informal channels and the role of non-state actors in foreign policy. In this context, multi-vector diplomacy, which involves multi-level engagement (through culture, science, business, etc.), takes on particular significance. The aim of this study is to analyse the role of the scholar as a 'scholar-diplomat' through the lens of the concept of multi-track diplomacy, and to assess the effectiveness and potential of using informal channels in the 19th century for inter-state relations.

To achieve the research objectives, a systematic approach is employed, which allows for a comprehensive study of historical practices and their contemporary significance. The article analyses key events of the second third of the 19th century during the colonization of the island of New Guinea. Particular attention is paid to the initiatives of N. N. Miklouho-Maclay — his attempts to establish dialogue between local communities and colonial powers. By defending the indigenous population of north-eastern New Guinea from colonial expansion, the scientist effectively acted as an unofficial diplomatic representative, demonstrating early examples of the interaction between science and diplomacy.

An analysis of his activities reveals that Miklouho-Maclay's approaches anticipated the key principles of the concept of multi-track diplomacy, demonstrating the potential of scientist-diplomats as mediators in strengthening inter-state trust.

Keywords: multi-track diplomacy, international relations, New Guinea, Papua New Guinea (PNG), Papuan Union, colonization, local communities, Miklouho-Maclay

For citation: Miklouho-Maclay N. N. jr. Between Science and Diplomacy: Trajectories of Russia's Relations with Papua New Guinea. Part I. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 2. Pp. 77–88. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-077-088

Введение

Эту работу автор посвящает сразу двум значимым событиям 2026 г.: 19 мая 2026 г. — 50-летие установления дипломатических отношений между РФ и ПНГ и 17 июля 2026 г. — 180-летняя годовщина со дня рождения Н. Н. Миклухо-Маклая.

Несмотря на более чем полуторазековую историю связей России с Новой Гвинеей и полувекую историю официальных дипломатических отношений, роль научных инициатив в формировании российско-папуа-новогвинейских отношений в научной литературе слабо освещена. Рассмотрение деятельности ученого в рамках внешнеполитической деятельности позволит проанализировать роль и место ученых-дипломатов в двусторонних отношениях России и ПНГ.

Актуальность исследования определяется потребностью в осмыслении потенциала мультитрековой дипломатии для российско-папуа-новогвинейских отношений, а также выявлении

исторических прецедентов, которые могут служить основой для проектирования современных форматов сотрудничества в условиях геополитической неопределенности.

Исследование призвано выявить механизмы включения научной деятельности в систему неофициального диалога, определить место и роль ученых в формировании долгосрочных каналов межгосударственного взаимодействия, а также оценить вклад ученых-дипломатов в развитие российско-папуа-новогвинейских отношений в контексте мультитрековой дипломатии.

Масштаб практического материала, который хотелось бы проанализировать, достаточно значительный, поэтому публикация представлена в трех частях.

Первая статья посвящается анализу ключевых событий и инициатив 1870–1880-х гг. в контексте российско-новогвинейских связей. Основной фокус направлен на деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая, являющего собой пример парадигмального ученого-гуманиста, активного общественного деятеля. В работе рассматриваются механизмы его посредничества между локальными сообществами и мировыми державами; способы использования научного авторитета для защиты прав коренных народов; вклад в формирование долгосрочных гуманитарных контактов между Россией и регионом.

Вторая часть (статья) анализирует взаимодействие официальной дипломатии и советских исследователей, которые в течение XX в. продолжали традиции научно-дипломатического взаимодействия в регионе.

Третья статья посвящена анализу деятельности современных российских исследователей. Особое внимание во второй и третьей частях работы уделяется эволюции форм научно-дипломатического сотрудничества (экспедиции, культурные и образовательные программы); роли академического сообщества в поддержании неофициальных каналов диалога; преемственности подходов, заложенных Миклухо-Маклаем, в современных практиках мультитрековой дипломатии.

В рамках исследования мультитрековой дипломатии в российско-папуа-новогвинейских отношениях за 2010–2020-е гг. анализировалась деятельность некоммерческой организации Фонд им. Миклухо-Маклая². В контексте этих отношений деятельность организации определена как *«дипломатия, которая включает различные уровни (треки) взаимодействия с официальной дипломатией по направлению культуры, науки и пр. При этом степень взаимодействия с “первым треком” (официальной дипломатией — на межгосударственном уровне) и влияния на официальную повестку определяет название треков: “полоторный”, “второй” и “третий” треки. Отличительной особенностью дипломатии “полоторного”, “второго” и “третьего” треков является то, что она независима, а ее представители действуют в интересах государства, не являясь официальными лицами* [Миклухо-Маклай Н. Н. мл., 2025, с. 210].

Наследие Миклухо-Маклая

Николай Николаевич Миклухо-Маклай (1846–1888) — выдающийся ученый, который в науке шел не традиционным академическим путем, предполагающим вначале кабинетную работу, написание монографий, защиту диссертации, получение ученой степени и т. д. Основываясь на практическом опыте и собранном фактическом материале в период своих полевых исследований на Берегу Маклая (северо-восток острова Новая Гвинея) в 1871–1872, 1876–1877 и 1883 гг., он описал жизнь папуасов в ее первобытном состоянии по всем академическим канонам, оставив после себя более 160 опубликованных работ и огромный материал полевых исследований,

² НКО Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая. URL: <https://mikluho-maclay.org/about/> (дата обращения: 03.03.2026).

который в дальнейшем обрабатывало не одно поколение ученых (подробнее об этом см.: [Миклухо-Маклай-мл., 2020, т. 1, с. I–III]). Ученый писал, что именно на этом малоизученном острове люди менее всего затронуты влиянием цивилизации, что открывает исключительные возможности для антропологических и этнографических исследований (подробнее см.: [Миклухо-Маклай, 2020, т. 3, с. 7–11]). Путь к изданию полученных им научных результатов, которые заняли свое значимое место в сокровищнице мировой науки, оказался далеко не простым. Перед смертью в 1888 г. он сожалел, что не успел сам обработать богатый полевой материал. Общественная деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая как ученого-дипломата занимала значительную часть его времени. Свое внимание он направлял на защиту папуасов Новой Гвинеи от европейской колониальной экспансии. Эта сторона его деятельности получила достаточно широкое освещение, особенное внимание ей уделяли отечественные исследователи. Данный аспект биографии хорошо проанализирован в работах авторитетных ученых Н. А. Бутинова, Б. А. Вальской, Е. В. Говор, А. Я. Массова, Б. Н. Путилова, Е. В. Ревуненковой, Д. Д. Тумаркина, А. В. Тугорского и др.

Ученый не был беспристрастным созерцателем жизни, традиций и культуры обитателей Новой Гвинеи и проявил себя как «ученый-дипломат», отстаивая интересы папуасов Берега Маклая.

В своих дневниках и статьях он называет папуасов добрыми, мягкими, умными, радуется их трудолюбию, честности и смелости, подчеркивает, что они «легко восприимчивы ко всему новому» [*Экспедиции трех веков...*, 2021, с. 25].

Миклухо-Маклай обращался с этим вопросом к государственным чиновникам европейских стран, выступал с лекциями, размещал статьи в газетах и журналах на русском и английском языках³.

Ученый-дипломат

В 1881 г. по итогам путешествия Н. Н. Миклухо-Маклай составил «Записку о похищении людей и рабстве в западной части Тихого океана», где он, основываясь на собственных наблюдениях и приводя конкретные факты вывоза рабов «в Новую Каледонию, Фиджи, Самоа, Квинсленд и другие места посредством похищения и увоза туземцев под прикрытием фальшивых утверждений и лживых обещаний» [Вальская, 1982, с. 66], показал подлинную сущность работорговли. Н. Н. Миклухо-Маклай планировал добиться международного соглашения об уважении прав народов Океании и запрета на «похищения людей обманом или силой» [Миклухо-Маклай, 2020, т. 5, с. 299].

В апреле 1881 г. Миклухо-Маклай послал коммодору Австралийской морской станции Уилсону свой протест по поводу вывоза рабов, а через четыре месяца отправился на южный берег Новой Гвинеи, узнав, что тот намерен учинить расправу над жителями деревни Кало за то, что те убили миссионеров. Миклухо-Маклай уговорил Уилсона отказаться от сожжения деревни и поголовного истребления ее жителей. Требуя наказать только виновных, ученый вместе с коммодором отправился на шхуне «Вульверин» к берегу, где находилась деревня, и спас папуасов от расправы⁴.

Австралийский писатель Франк Сидней Гриноп в своей книге «О том, кто странствует в одиночку» [Greenop, 1944], вышедшей в свет в 1944 г., впервые опубликовал письмо, направленное в ноябре 1881 г. Уилсону, в котором Миклухо-Маклай поделился своим намерением осуществления проекта развития Берега Маклая. Миклухо-Маклай предусматривал: «создание органов самоуправления на основе существующих обычаев папуасов — так называемый большой совет, включающий наиболее влиятельных стариков в деревнях». В этом органе управления ученый соглашался

³ См. страницы, посвященные публицистике: [Миклухо-Маклай, 2020, т. 5, с. 593–653].

⁴ Английский миссионер Дж. Чалмерс впоследствии признал, что «тичеры» сами были в значительной мере повинны в своей гибели. См.: [Chalmers, 1902, pp. 195–196, 200; Миклухо-Маклай, 2020, т. 2, с. 548].

принять на себя должность советника и быть представителем папуасов при переговорах с иностранными государствами. Этот проект предусматривал сооружение дорог, развитие плантационного хозяйства, а также школ [Миклухо-Маклай, 2020, т. 5, с. 305].

Не ради простой любознательности

В 1882 г. Миклухо-Маклай впервые после своего первого путешествия на Берег Маклая прибыл в Санкт-Петербург. К этому времени уже полтора года на престоле был молодой самодержец Александр III. Миклухо-Маклая встречали восторженно, особенно в студенческой среде. В беседе с корреспондентом он сказал, что «вернувшись не более как на месяц в Россию <...> счел нравственным долгом обратиться к посредничеству Географического общества» и рассказать, что сделал за 12 лет своих путешествий. «Не ради простой любознательности, — сказал он, — я покинул дорогу для меня Россию. Я желал быть чем-нибудь полезным и обществу, и науке, я выбрал для своих исследований страну малоизвестную, и пусть судит публика... насколько интересны и новы для нее и для науки мои исследования и наблюдения. Поверьте, они не легко давались мне...» [Миклухо-Маклай, 2020, т. 5, с. 628].

В период с 11 по 21 октября 1882 г. состоялось восемь выступлений ученого с демонстрацией его рисунков в Императорском Русском географическом обществе (ИРГО), а также в зале Технического общества, которые широко освещались в печати [Некоторые неизданные документы..., 1946, с. 561–574].

«Не забывая принципов международного права...»

В планы Н. Н. Миклухо-Маклая входило основание добровольного русского поселения на Берегу Маклая под названием «Папуасский Союз», которое было бы независимым и выступало бы против европейского колониального вторжения и работорговли. Ученый хотел открыть школы в ново-гвинейских деревнях, начать там строительство пристаней, дорог и мостов, а также развивать местную экономику (подробнее см.: [Вальская, 2006, с. 83–90]).

Старания Н. Н. Миклухо-Маклая «о признании самостоятельности туземного управления» были основаны на его убежденности в том, что «уже наступило время (или оно недалеко), когда цивилизованные государства будут обращаться с туземцами в разных частях света... *как с людьми*, не забывая принципов международного права, а не как с дикими животными, которых, смотря по обстоятельствам, можно укрощать и обращать в рабство или просто истреблять как опасных зверей...» Миклухо-Маклай обращался напрямую к правительствам великих держав, дабы оградить папуасов от «зол, сопряженных со вторжением белых», так как он считал их вторжение «большим несчастьем для темнокожих» [Миклухо-Маклай, 2020, т. 5, с. 621].

Миклухо-Маклай как «доверенный представитель туземцев этой части Новой Гвинеи счел своим долгом вовремя отстранить» ее от посягательств белых. Ученый разработал соглашение, которое позволяло бы защитить туземцев. Он предложил мировым державам взять Берег Маклая под *международный протекторат*, обеспечив им независимое управление. «Этот международный протекторат, — по его мнению, — должен базироваться на международном соглашении», предусматривающем: «1) строжайшее уважение всех прав туземцев как людей, как действительных членов рода человеческого; 2) противодействие и запрещение людокрадства и невольничества во всех формах и видах» [Миклухо-Маклай, 2020, т. 5, с. 613].

15 октября 1884 г. Миклухо-Маклай обратился к великому князю Алексею Александровичу с просьбой поддержать его предложение о признании Россией самостоятельности Берега Маклая и туземного управления этой значительной территорией (совр. провинция Маданг) [Миклухо-Маклай, 2020, т. 5, с. 440–442; Вальская, 1972, с. 10–11; АВГО, ф. 1, оп. 1, д. 19 (1869), л. 73].

29 октября по этому же вопросу Николай Николаевич обратился к министру иностранных дел России Н. К. Гирсу. Путешественник писал: ввиду того что Англия «объявит на днях протекторат всего южного берега Новой Гвинеи», а весь северный берег от голландской границы остается пока независимым, он просил сообщить, будет ли угодно Александру III «даровать Берегу Маклая в Новой Гвинее русский протекторат или, если такой шаг покажется неуместным, признать независимость Берега Маклая, чем Берег этот будет огражден от попыток других держав овладеть им...» [Массов, 1994, с. 206–207; Миклухо-Маклай, 2020, т. 5, с. 445–446].

Об усилении российского присутствия

«Идея использовать Миклухо-Маклая как источник сведений военно-политического характера о ситуации в Австралии и Океании возникла в министерстве иностранных дел и в морском министерстве в декабре 1884 г. В это время в дипломатическом и военно-морском ведомствах России шло обсуждение предложения русского путешественника об усилении российского присутствия в южной части Тихого океана и об установлении русского протектората над северо-восточным побережьем («Берегом Маклая») Новой Гвинеи. Надо сказать, что в российском МИДе достаточно хорошо представляли расстановку сил в этом районе и, соответственно, весьма осторожно оценивали возможности России принять участие в колониальном разделе Океании» [Массов, 1994, с. 205].

Управляющий морским министерством А. И. Шестаков считал, что притязания Германии на северо-восточную часть Новой Гвинеи и «быстрые территориальные захваты подобного рода...» представляются достаточным мотивом для соответствующих «инструкций не только представителям нашим в Лондоне, Берлине и Париже, но и командиру судна, которое пошлется к берегу Маклая с целью наблюдательной» [там же, с. 206].

Гирс окончательно не исключал возможное вмешательство России в колониальную гонку великих держав в Океании. В случае благоприятных обстоятельств Россия могла бы «войти в такие международные соглашения, которые обеспечивали бы политическое равновесие, а вместе и влияние наше в тех краях»⁵.

Аба Маклай

В начале октября 1884 г. к Берегу Маклая направлялось германское судно «Самоа», и в бухте Порт-Константин высадилась экспедиция Германской Новогвинейской компании под начальством ученого Отто Финша. Ничего не подозревавшие папуасы помогли Финшу водрузить в бухте Порт-Константин германский флаг. Уже в ноябре того же года Новогвинейская торговая компания закрепила на Берегу Маклая. При содействии немецкого военного судна «Елизавета» был поднят германский флаг в бухте Порт-Алексей (провинция Маданг) [Вальская, 1987, с. 9].

Доброе отношение со стороны местных жителей было не случайным: Отто Финша приняли за брата Маклая. В августе 1884 г., находясь в Австралии для обработки собранных материалов, на заседании Линнеевского общества Миклухо-Маклай встретился с немецким ученым (об Отто Финше см: [Sack]) и поделился своими мыслями о защите от колонизаторов папуасов — жителей

⁵ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4155. Л. 81 (цит. по: [Массов, 1994, с. 206]).

северо-востока острова, названного им Берегом Маклая. До встречи в Линнеевском обществе ученые были знакомы, и Отто Финш не вызывал недоверия. Немецкий исследователь действовал в интересах известного бизнесмена и банкира Адольфа фон Ганземана, финансировавшего его проекты, который являлся сторонником укрепления позиций Германии на мировой арене. В разговоре с Финшем русский ученый поделился некоторыми фразами на языке жителей Берега Маклая, в том числе приветствием «Аба Маклай», не подозревая о том, что Финш сможет использовать это в своих целях, способствуя тем самым последующей колонизации этой земли Германией [Миклухо-Маклай-мл., 2023, с. 240–241].

2 ноября 1884 г. А. И. Шестаков писал Н. К. Гирсу, что, по его мнению, «нельзя предвидеть никакой пользы для нас от водружения русского флага в отдаленных местах, которых мы не будем в состоянии удержать за собою» [Вальская, 1987, с. 10].

4 декабря 1884 г. Остен-Сакен — директор департамента внешних сношений министерства иностранных дел — в своем отчете, представленном Александру III, писал, что «русское правительство не имеет никаких видов, ни политических, ни иного рода, в пределах Тихоокеанского бассейна, и поэтому какие-либо отдельные меры, предпринятые и вызванные единственно почином нашего смелого путешественника, были бы едва ли своевременны и могли бы повести только к лишним затратам и усложнениям»⁶. Остен-Сакен предполагал, что Миклухо-Маклай, став во главе папуасов Берега Маклая, не будет подконтролен и, вероятно, будет проводить независимую политику, в первую очередь, в интересах коренных жителей [Вальская, 1987, с. 10].

15 декабря 1884 г. германский посол в Санкт-Петербурге Ганс-Лотар Швейниц известил русское правительство о занятии Германией северо-восточного берега Новой Гвинеи и архипелага Новая Британия [Вальская, 1959, с. 140].

7 января 1885 г., после провозглашения британского протектората над юго-восточной частью Новой Гвинеи, генерал-майор Питер Скретчли был назначен специальным комиссаром по делам этого протектората. Прибыл он туда лишь через 8 месяцев — в августе [Малаховский, 1976].

В январе 1885 г. Миклухо-Маклай в ответ на свое письмо к П. Скретчли с просьбой поддержать его инициативу о российском протекторате получил от него «*формальное* заверение, что правительство британское не только *не будет иметь ничего против* признания Россиию независимости Берега Маклая» под его (Миклухо-Маклая) управлением, «но что таким признанием оно останется *совершенно довольным* и, следуя примеру России, признает самостоятельность этого Берега» [Вальская, 1987, с. 11]. Николай Николаевич предложил Скретчли «написать в министерство колоний в Лондоне, чтобы подобное же заявление было сделано русскому послу в Лондоне». Однако российский посол в Великобритании Егор Егорович Стааль сообщил Шестакову, что он «не получил от английского правительства никакого сообщения по возбужденному Миклухой вопросу» [там же].

Туземцы Берега Маклая отвергают германскую аннексию

9 января 1885 г., помня обещание, данное туземцам Берега Маклая, Миклухо-Маклай счел своим долгом заявить формальный протест, отправив телеграмму в Берлин князю Бисмарку следующего содержания: «Туземцы Берега Маклая отвергают германскую аннексию». В то же утро Миклухо-Маклай отправил письмо Александру III, в котором повторил свою просьбу о признании «самостоятельности Берега Маклая» под его управлением и «международным контролем» [Миклухо-Маклай, 2020, т. 5, с. 453–455].

⁶ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4155. 1882. Л. 71 (цит. по: [Вальская, 1987, с. 10]).

20 января 1885 г. Миклухо-Маклай вновь просил русское правительство взять под защиту население Берега Маклая и признать его независимость, чтобы «осчастливить несколько десятков тысяч людей и дать им возможность подняться постепенно на более высокую ступень цивилизации». На этом письме сохранилась резолюция Александра III: «Его просьба скромная, и, мне кажется, следует поддержать ее» [там же, с. 452].

В своей статье «Берег Маклая в Новой Гвинее», опубликованной в январе 1885 г., Миклухо-Маклай писал: «Когда недели три назад известие о захвате Германией северного берега Новой Гвинии подтвердилось телеграммами из Берлина, я счел своею обязанностью напомнить, что перед всеми другими государствами Россия имеет преимущественное право на часть северного берега этого острова, которая с 1871 г. носит название *Берега Маклая*... Я сильно сомневаюсь, чтобы доктор Финш... не зная ни одного из многих диалектов Берега Маклая, мог приобрести у туземцев участок земли, который послужил основанием германской аннексии северного берега Новой Гвинии...» Далее он писал, что русский флаг развевался здесь с 1871 г., т. е. 13-ю годами ранее, чем германский; матросы русского судна построили там дом для русского подданного, который прожил в нем в разное время около четырех лет; занимаясь исследованием этого региона в научном отношении, он привез и распространил там много полезных растений, домашних животных, приобрел полное доверие туземцев и согласился по их просьбе быть их представителем при контактах с державами мира [там же, с. 451–452].

Управляющий морским министерством предлагал оказать Миклухо-Маклаю «покровительство, хотя бы платоническое только», которое, как считал адмирал Иван Алексеевич Шестаков, не могло послужить России «во вред». «Обязательное посещение нашими судами владений Маклая, — писал управляющий Морским министерством, — привлечет, может быть, внимание наших промышленников и послужит нам к приобретению прав гражданства в тех водах». Руководствуясь этими соображениями, Шестаков предлагал принять Берег Маклая под покровительство России [Тумаркин, 2012, с. 102; Вальская, 1987, с. 12].

Весной 1886 г., после окончательного возвращения в Россию из Австралии, Миклухо-Маклай продолжил свою общественно-политическую деятельность и уже 9 августа того же года представил Н. К. Гирсу важный документ — проект будущего экономического и политического устройства русского поселения на Тихом океане, в основе которого лежал «Проект развития Берега Маклая», разработанный путешественником еще в 1881 г. [Миклухо-Маклай, 2020, т. 5, с. 303–308].

Образ России в Папуа–Новой Гвинее

Миклухо-Маклай в период раздела территории Новой Гвинии не побоялся выступить на стороне папуасов, которые не забыли о его деяниях. На первых страницах современного учебника истории, вышедшего в 2021 г. для учащихся папуа-новогвинейских начальных школ, личность ученого ставится в пример: «Во времена исследователей многие жители побережья по-разному взаимодействовали с европейцами. Важно помнить, что некоторые из них были хорошими, а некоторые — плохими. Например, в 1871 г. барон Николай Миклухо-Маклай из России прожил пятнадцать месяцев недалеко от современного Маданга. Во время пребывания там он поддерживал хорошие отношения с коренным населением и записывал их образ жизни. Он завел много друзей в этом регионе и уехал в хороших отношениях» [Michele, 2021, p. 115].

Богатейший фактический материал, собранный Н. Н. Миклухо-Маклаем о местных жителях во время его экспедиций на Берега Маклая, по сей день сохраняет непреходящую научную значимость. В коллективной памяти местного населения этого региона Миклухо-Маклай живет и сейчас.

Из поколения в поколение передаются о нем предания и создаются новые легенды. Они являются неотъемлемой частью современного фольклора и культуры папуасов северо-востока Новой Гвинеи: об этом писали многие солидные исследователи (подробнее см.: [Ревуненкова, 2021, с. 9; Тумаркин, 1977, с. 80; Тумаркин, 1997, с. 158–169; Тумаркин, 2015, с. 15–16; Титорский, 2014, с. 381–390]). Сохранение памяти о его деяниях и взаимное признание его исторической роли как в России, так и в государстве Папуа — Новая Гвинея заложили основу последующего дружественного взаимодействия между сторонами.

Заключение

Анализ инициатив и действий ученого с точки зрения современной теории дипломатии показывает, что деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая представляет интерес как ранний пример вовлечения негосударственных субъектов в международные процессы. Ученый и путешественник продемонстрировал альтернативные подходы к урегулированию сложных геополитических противоречий в период раздела восточной части острова Новая Гвинея. Хотя деятельность Миклухо-Маклая не привела к немедленным политическим соглашениям, ее долгосрочный эффект проявился в формировании позитивного образа России в регионе, тем самым представив прецедент гуманитарного влияния и пример эффективности «малых шагов» в дипломатии.

Обращает на себя внимание, что инструментарий ученого-дипломата, включающий значительный опыт, накопленный в ходе его экспедиций и проживания среди местных жителей, служил альтернативой официальным каналам, а его научный авторитет заменял официальный статус, что в условиях ограниченных дипломатических контактов способно обеспечивать «мягкое» проникновение в регионы с низкой дипломатической активностью, создавая предпосылки для будущих межгосударственных соглашений.

Рассматривая деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая как ученого-дипломата, следует подчеркнуть его операционную независимость. В отличие от официальных дипломатических представителей, он не был связан жесткими рамками государственной политики, что позволяло гибко выбирать методы и направления работы в регионе. Этот аспект соотносится с определением мультитрековой дипломатии (см. выше), где негосударственные акторы, действуя в национальных интересах, сохраняют автономию в принятии решений.

Заслуживает внимание финансово-организационный контекст его экспедиций. Отсутствие регулярного целевого государственного финансирования вынуждало Миклухо-Маклая искать альтернативные источники поддержки, как частные, так и институциональные; это стимулировало разработку проектов, сочетавших научную ценность с политической и экономической привлекательностью для потенциальных спонсоров. Таким образом, ограниченные ресурсы становились катализатором инновационных подходов к международному взаимодействию.

Анализ деятельности Миклухо-Маклая позволяет констатировать, что его подходы предвосхитили ключевые принципы концепции мультитрековой дипломатии, предполагающие участие негосударственных акторов в международных процессах. В частности, его работа демонстрирует значимость альтернативных механизмов взаимодействия, реализуемых через неофициальные каналы коммуникации, включающие культурно-просветительские инициативы, персональное посредничество и межкультурный диалог.

Исторический пример Н. Н. Миклухо-Маклая подтверждает, что «ученые-дипломаты» способны выступать эффективными посредниками в международных отношениях, используя науку как ресурс доверия и диалога.

Таким образом, альтернативные инструменты налаживания и поддержания связей, в том числе через неофициальные каналы, вносят существенный вклад в практическую дипломатию, способствуя выработке решений в рамках межгосударственных отношений.

Проведенное исследование демонстрирует существенную практическую ценность полученных результатов. Кроме того, материалы создают прочную основу для разработки специализированных образовательных курсов, посвященных истории внешней политики и механизмам мультитрековой дипломатии. Особую прикладную значимость исследование имеет для профильных министерств, так как полученные аналитические данные способны обогатить стратегическое планирование в сфере международного сотрудничества с регионом Океании, послужить базой для выработки тактических решений в двусторонних отношениях и способствовать оптимизации дипломатических практик с учетом исторического опыта.

Наследие Н. Н. Миклухо-Маклая оказало долгосрочное влияние на развитие дружественных межкультурных связей и научно-дипломатического взаимодействия. Его преемниками стали советские и российские исследователи, продолжившие традиции посредничества через научную деятельность. Анализ их работы с учетом исторического контекста будет представлен во второй и третьей частях работы.

Список сокращений

АВГО — Архив Всесоюзного русского географического общества (Archives of the All-Union Russian Geographical Society).

ГРВЛ — Главная редакция восточной литературы (Main editorial office of Eastern literature).

ИВ РАН — Институт востоковедения РАН (Institute of Oriental Studies of the RAS).

НКО — Некоммерческая организация (Non-profit organization).

МАЭ РАН — Музей археологии и этнографии Российской академии наук (Museum of Archaeology and Ethnography of the RAS).

ПНГ — Папуа — Новая Гвинея (PNG — Papua New Guinea).

РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота (Russian State Archives of the Navy).

РФ — Российская Федерация (Russian Federation).

RAS — The Russian Academy of Sciences.

Литература / References

Вальская Б. А. Борьба Н. Н. Миклухо-Маклая за права папуасов Берега Маклая. *Страны и народы Востока*. Вып. 1: *География, этнография, история*. М.: Восточная литература, 1959. С. 130–147 [Valskaya B. A. The struggle of N. N. Miklukho-Maclay for the rights of the Papuans of the Maclay Coast. *Countries and peoples of the East*. Issue I: *Geography, Ethnography, History*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1959. Pp. 130–147 (in Russian)].

Вальская Б. А. Проект Н. Н. Миклухо-Маклая о создании на островах Тихого океана русской вольной колонии. *Австралия и Океания: история и современность. Сборник статей*. Отв. ред. А. А. Губер и К. В. Малаховский. М.: Наука, 1970. С. 35–52 [Valskaya B. A. The project of N. N. Miklukho-Maclay on the creation of a Russian free colony on the islands of the Pacific Ocean. *Australia and Oceania: History and Modernity. A Collection of Articles*. Ed.-in-Chief: A. A. Guber and K. V. Malakhovsky. Moscow: Nauka, 1970. Pp. 35–52 (in Russian)].

Вальская Б. А. Неопубликованные материалы о подготовке экспедиции Н. Н. Миклухо-Маклая на Новую Гвинею в 1871 г. и о плавании корвета «Скобелев» к этому острову в 1883 г. *Страны и народы Востока*. Вып. XIII: *Страны и народы бассейна Тихого океана*. Кн. 2. М.: Наука; Восточная литература, 1972. С. 7–40 [Valskaya B. A. Unpublished materials on the preparation of the expedition of N. N. Miklukho-Maclay to New Guinea in 1871 and on the voyage of the corvette Skobelev to this island in 1883. *Countries and peoples of the East*. Issue XIII: *Countries and peoples of the Pacific Ocean basin*. Book 2. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura, 1972. Pp. 7–40 (in Russian)].

Вальская Б. А. Научная и общественная деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая в последние годы его жизни (по неопубликованным материалам). *Страны и народы Востока*. Вып. XXV: География. Этнография. История. М.: Наука; ГРВЛ, 1987. С. 5–33 [Valskaya B. A. Scientific and social activities of N. N. Miklukho-Maclay in the last years of his life (based on unpublished materials). *Countries and peoples of the East*. Issue XXV: *Geography, Ethnography, History*. Moscow: Nauka; GRVL, 1987. Pp. 5–33 (in Russian)].

Малаховский К. В. *Остров райских птиц. История Папуа — Новой Гвинеи*. М.: Наука, 1976 [Malahovskiy K. V. *The island of birds of Paradise. The history of Papua New Guinea*. Moscow: Nauka, 1976 (in Russian)].

Массов А. Я. Переписка Н. Н. Миклухо-Маклая с министром иностранных дел России Н. К. Гирсом о военных приготовлениях и политической ситуации в Австралии и Океании. *Страны и народы Востока*. Вып. XXVIII: География. Этнография. История. Культура. СПб.: Петербургское востоковедение, 1994. С. 204–223 [Massov A. Ya. Correspondence between N. N. Miklouho-Maclay and Russian Foreign Minister N. K. Girs on military preparations and the political situation in Australia and Oceania. *Countries and peoples of the East*. Issue XXVIII: *Geography. Ethnography. History. Culture*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 1994. Pp. 204–223 (in Russian)].

Массов А. Я. Н. Н. Миклухо-Маклай и развитие русско-австралийских связей. *Историко-культурные связи народов Тихоокеанского бассейна. Маклаевские чтения, 2002–2006 гг.* СПб.: МАЭ РАН, 2006. С. 83–90 (in Russian) [Massov A. Ya. N. N. Miklouho-Maclay and the development of Russian-Australian relations. *Historical and Cultural Ties of the Peoples of the Pacific Rim. Maklay's Readings, 2002–2006*. Saint Petersburg: Museum of Archaeology and Ethnography of the RAS, 2006. Pp. 83–90 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. *Собрание сочинений*. В 6 т. 2-е изд., испр. и доп. Отв. ред. Д. Д. Тумаркин, Н. Н. Миклухо-Маклай-мл. СПб.: Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая, 2020 [Miklouho-Maclay N. N. *Collected Works*. In 6 vols. 2nd ed., revised and expanded. Ed.-in-Chief: D. D. Tumarkin, N. N. Miklukho-Maclay, Jr. Saint Petersburg: Miklouho-Maclay Foundation for the Preservation of Ethnocultural Heritage, 2020 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. Письмо к Й. К. Блунчли от 29 июня (11 июля) 1881 г. Сидней. В: Миклухо-Маклай Н. Н. *Собрание сочинений*. В 6 т. 2-е изд., испр. и доп. Отв. ред. Д. Д. Тумаркин, Н. Н. Миклухо-Маклай-мл. Т. 5: Письма. Документы и материалы. СПб.: Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая, 2020. С. 299–330 [Miklouho-Maclay N. N. Letter to J. K. Bluntschli, June 29 (July 11), 1881, Sydney. In: Miklouho-Maclay N. N. *Collected Works*. In 6 vols. 2nd ed., revised and expanded. Ed.-in-Chief: D. D. Tumarkin, N. N. Miklukho-Maclay, Jr. Vol. 5: *Letters. Documents and materials*. Saint Petersburg: Miklouho-Maclay Foundation for the Preservation of Ethnocultural Heritage, 2020. Pp. 299–330 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. Почему я выбрал Новую Гвинею для своих исследований? В: Миклухо-Маклай Н. Н. *Собрание сочинений*. В 6 т. 2-е изд., испр. и доп. Отв. ред. Д. Д. Тумаркин, Н. Н. Миклухо-Маклай-мл. Т. 3: *Статьи и материалы по антропологии и этнографии народов Океании*. СПб.: Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая, 2020. С. 7–11 [Miklouho-Maclay N. N. Why did I choose New Guinea for my research? In: Miklouho-Maclay N. N. *Collected Works*. In 6 vols. 2nd ed., revised and expanded. Ed.-in-Chief: D. D. Tumarkin, N. N. Miklukho-Maclay, jr. Vol. 3: *Articles and materials on anthropology and ethnography of the peoples of Oceania*. Saint Petersburg: Miklouho-Maclay Foundation for the Preservation of Ethnocultural Heritage, 2020. Pp. 7–11].

Миклухо-Маклай Н. Н. мл. По следам Миклухо-Маклая. Российские научные экспедиции на Берег Маклая в XXI в. В: Миклухо-Маклай Н. Н. *Собрание сочинений*. В 6 т. Т. 1. СПб.: Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая, 2020. С. I–XVII [Miklouho-Maklay N. N. Jr. Following in the footsteps of Mikloukho-Maklay. Russian scientific expeditions to the Coast of Maklay in the 21st century. In: Miklouho-Maklay N. N. *Collected Works*. In 6 vols. Vol. 1. Saint Petersburg: Miklouho-Maklay Foundation for the Preservation of Ethnocultural Heritage, 2020. Pp. I–XVII (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. мл. История флагов Маданга (Папуа — Новая Гвинея). *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2023. Т. 4. № 3(60). С. 237–252 [Miklouho-Maklay N. N. Jr. History of Madang Flags (Papua New Guinea). *Southeast Asia: current development issues*. 2023. Vol. 4. No. 3(60). Pp. 237–252 (in Russian)].

Миклухо-Маклай Н. Н. мл. Мультитрековая дипломатия в контексте связей России и Папуа — Новой Гвинеи (Азиатско-Тихоокеанский регион). Часть I. *Вестник ИВ РАН*. 2025. № 4. С. 203–213 [Miklouho-Maklay N. N. Jr. Multitrack diplomacy in the context of relations between Russia and Papua New Guinea (Asia-Pacific region). Part I. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2025. No. 4. Pp. 203–213 (in Russian)].

Некоторые неизданные документы Миклухо-Маклая. Подг. к печати Б. А. Вальская. *Известия Всесоюзного географического общества*. 1946. Т. 78. Вып. 5–6. С. 561–574 [Some unpublished documents of Miklouho-Maklay. Preparing for printing by B. A. Valskaya. *News of the All-Union Geographical Society*. 1946. Vol. 78. Vol. 5–6. Pp. 561–574 (in Russian)].

Ревуненкова Е. В. Миклухо-Маклай и изучение папуасов Новой Гвинеи. *Этнография*. 2021. № 3(13). С. 6–26 [Revunenkov E. V. Miklouho-Maklay and the study of the Papuans of New Guinea. *Ethnography*. 2021. No. 3(13). Pp. 6–26 (in Russian)].

Тумаркин Д. Д. Новая встреча с Океанией. *Советская этнография*. 1977. № 6. С. 71–88 [Tumarkin D. D. A new encounter with Oceania. *Soviet ethnography*. 1977. No. 6. Pp. 71–88 (in Russian)].

Тумаркин Д. Д. «Вторая жизнь» Н. Н. Миклухо-Маклая: мифы и предания о русском ученом в Папуа-Новой Гвинее. *Этнографическое обозрение*. 1997. № 1. С. 158–169 [Tumarkin D. D. “The Second Life” by N. N. Miklouho-Maklay: myths and legends about a Russian scientist in Papua New Guinea. *Ethnographic review*. 1997. No. 1. Pp. 158–169 (in Russian)].

Тумаркин Д. Д. *Миклухо-Маклай. Две жизни «белого папуаса»*. М.: Молодая гвардия, 2012 (Серия: Жизнь замечательных людей. Вып. 1482 (1282)) [Tumarkin D. D. *Miklouho-Maklay. Two lives of a “white Papuan”*. Moscow: Molodaya gvardiya, 2012 (Series: Lives of Remarkable People. Issue 1482 (1282)) (in Russian)].

Тумаркин Д. Д. «О тамо, кайе!» (о полевой работе на Берегу Маклая). *Этнография полевой жизни: воспоминания сотрудников ИЭА РАН*. Отв. ред. и сост. И. А. Аржанцева, М. Л. Бутовская. М.: ИЭА РАН, 2015 [Tumarkin D. D. “Oh tamo, kaye!” (about field work on the Shore of Maklai). *Ethnography of field life: memoirs of the staff of the Institute of Ethnography and Anthropology of the RAS*. Ed. and comp. I. A. Arzhantseva, M. L. Butovskaya. Moscow: IEA RAS, 2015 (in Russian)].

Туторский А. В. Берег Маклая 140 лет спустя (Фигура ученого и трансформация культуры папуасов). *Исторический журнал: научные исследования*. 2014. № 4. С. 381–390 [Tutorskiy A. V. The Coast of Maklay 140 years later (The figure of a scientist and the transformation of Papuan culture). *Historical journal: scientific research*. 2014. No. 4. Pp. 381–390 (in Russian)].

Экспедиции трех веков. По следам Миклухо-Маклая. Отв. ред. Н. Н. Миклухо-Маклай-мл. СПб.: ИВ РАН, Фонд сохранения этнокультурного наследия им. Миклухо-Маклая, 2021 [Expeditions of Three Centuries. In the Footsteps of Miklouho-Maklay. Ed.-in-Chief N. N. Miklouho-Maklay, Jr. Saint Petersburg: Institute of Oriental Studies of the RAS; Miklouho-Maklay Foundation for the Preservation of Ethnocultural Heritage, 2021].

Chalmers J. *Work and Adventure in New Guinea*. London: The Religious Tract Society, 1902.

Greenop F. S. *Who Travels Alone*. Sydney: K. G. Murray publishing Company, 1944.

Michele A. *History of Papua New Guinea: At a Primary School Level*. First Edition. Port Moresby: [w. p.], 2021.

Sack P. G. Finsch Otto (1839–1917). *Australian Dictionary of Biography*. National Centre of Biography, Australian National University. URL: <https://adb.anu.edu.au/biography/finsch-otto-3519/text5413> (дата обращения: 25.02.2026).

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-089-101

БИНЬЯМИН НЕТАНЬЯХУ – ПОЛИТИК, ИЗМЕНИВШИЙ ХАРАКТЕР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ИЗРАИЛЯ

© 2026

Т. А. Карасова¹

В Израиле уже в течение долгого времени наблюдается рост симпатий избирателей к сильным лидерам — «вождям», которые считаются оплотом безопасности государства. В израильской политической системе традиционно наиболее сильной является власть премьер-министра. В то же время особенности израильского парламентаризма, действующего на основе электоральной системы пропорционального представительства, являются определенным ограничителем личной власти премьер-министра. Многопартийность приводит к тому, что правительства — это всегда коалиция сопутствующих партий, чьи амбиции глава кабинета вынужден учитывать. В ситуации последних десятилетий стало практически невозможным создать устойчивую правительственную коалицию, которая бы удерживала власть до очередных парламентских выборов. Задачей сильного партийного лидера стало установление контроля своего партийного аппарата в государственной системе страны. С такой задачей успешно справляется один из самых ярких и противоречивых лидеров Израиля — Биньямин Нетаньяху. Роль Нетаньяху выходит за рамки обычного премьер-министра: он является системообразующей фигурой, влияющей на структуру власти, политическую культуру и стратегический курс Израиля. Его деятельность во многом определяет современный этап развития израильской партийно-политической системы. Нетаньяху руководит страной дольше, чем любой премьер-министр Израиля — в общей сложности 17 лет. В настоящее время он возглавляет самое правое правительство в истории еврейского государства.

Ключевые слова: партийный «вождизм», израильский парламентаризм, многопартийность, Ликуд, политический кризис, политический стиль и личность Нетаньяху

Для цитирования: Карасова Т.А. Биньямин Нетаньяху – политик, изменивший характер политической системы Израиля. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 2. С. 89–101. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-089-101

BENJAMIN NETANYAHU, THE POLITICIAN WHO CHANGED ISRAEL'S PARTY SYSTEM

Tatiana A. Karasova

For a long time now, Israel has seen a growing trend among voters towards strong leaders — “chieftains” — who are considered the bulwark of the state’s security. In the Israeli political system, the power of the prime minister has traditionally been the strongest. At the same time, the peculiarities of Israeli parliamentarism, which

¹ Карасова Татьяна Анисимовна, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; karasovat@list.ru
Tatiana A. Karasova, leading researcher Institute of oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow; karasovat@list.ru
ORCID: 0000-0002-0245-5960

operates on the basis of an electoral system of proportional representation, also serve as a certain limitation on the personal power of the prime minister. Multi-party systems mean that governments are always a coalition of supporting parties, whose ambitions the head of the cabinet is forced to take into account. In the situation of the last ten years, it has become practically impossible to create a stable government coalition that would hold power until the next parliamentary elections.

The task of a strong party leader became establishing control over his party apparatus within the country's state system. One of the most flamboyant and controversial leaders, Benjamin Netanyahu, successfully accomplished this task. Netanyahu's role extends beyond that of a mere prime minister: he is a system-forming figure, influencing the structure of power, political culture, and strategic course of Israel. His actions largely determine the current stage of development of the Israeli political system. Netanyahu has ruled the country longer than any other Israeli prime minister — a total of 17 years. He currently leads the most right-wing government in the history of the Jewish state.

Keywords: party «leadership», Israeli parliamentarism, multi-party system, Likud, political crisis, Netanyahu's political style and personality

For citation: Karasova T. A. Benjamin Netanyahu, the Politician Who Changed Israel's Party System. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 2. Pp. 89–101. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-089-101

Введение

В Израиле уже в течение долгого времени наблюдается рост симпатий избирателей к сильным лидерам — «вождям», которые считаются оплотом безопасности государства. Израильское общество в целом поддерживает вождя, олицетворяющего государственные интересы страны в рамках сформированной им правительственной коалиции. Правительство Израиля, выбираемое на основе системы пропорционального представительства, — это всегда коалиция партий, объединенных под эгидой наиболее крупной партии или партийного блока, способного сформировать кабинет министров. Задачи формирования основных направлений политики концентрируется прежде всего в руках лидера победившей партии, который формирует кабинет министров. Израиль — парламентская республика с хорошо развитыми демократическими институтами. Законодательная власть — Кнессет (парламент) неразрывно связан с исполнительной и судебными ветвями власти. Как и во многих странах западной демократии, в Израиле исполнительная власть, опираясь на партийное представительство, практически взяла под свой контроль парламентские процедуры. Современные парламентарии в своей деятельности в большинстве случаев полностью подчинены партийной дисциплине и действуют на основе решений своих партийных фракций в Кнессете [Карасова, 1999, с. 26]. Роль личности премьер-министра возросла по мере его возможностей использовать демократические механизмы распределения власти в пользу усиления своего контроля над партийно-политической системой государства. С этой задачей успешно справился один из самых ярких и противоречивых израильских политиков — Биньямин Нетаньяху.

В то же время особенности израильского парламентаризма, действующего на основе электоральной системы пропорционального представительства, являются и определенным ограничителем личной власти премьер-министра. Многочисленность политических партий, участвующих в парламентских выборах, не дает возможности лидеру крупнейшей партии, победившей на выборах, сформировать кабинет министров только из представителей своей партии. Идейно-политическое разнообразие партийной системы (на выборах обычно бывают представлены от 18 до 37 партийных списков), прошедшей в своем развитии несколько этапов, всегда характеризовалось острым

политическим противостоянием крупнейших партий страны². С 1988 г. ни один состав Кнессета не достиг официального окончания своей каденции в четыре года. В ситуации последних десяти лет стало практически невозможным создать устойчивую правительственную коалицию, представляющую стабильную комбинацию различных политических партий в Кнессете, которая бы способствовала прочности израильской политической системы. В последнее десятилетие партийно-политическая система Израиля и демократические институты находятся в состоянии кризиса и электорального тупика и не способны обеспечить стабильность правительственных коалиций [Карасова, 2024, с. 118–139]. Политический режим государства Израиль трудно вписывается в общепринятые классификации демократического государства. При создании государства в 1948 году оно было определено как демократическое и национальное — этническое (еврейское). Это фундаментальное противоречие привело к тому, что в Израиле далеко не все политически важные решения принимаются на основе демократических принципов.

Роль Биньямина Нетаньяху в политической системе Израиля является одной из ключевых и во многом определяющих для современной израильской политики. Нетаньяху дольше всех занимает пост премьер-министра в истории Израиля (в общей сложности 17 лет). Как лидер партии Ликуд, он сформировал устойчивый правый политический курс, возглавив «право-национальный» фланг общества, ориентированный на безопасность, экономический либерализм и жесткий курс в отношении урегулирования палестино-израильского конфликта, не допускающий территориальных уступок. Его личность во многом определяет партийную и правительственную линию государства. При Нетаньяху особенно усилилась тенденция к концентрации власти в руках премьер-министра. Он активно влияет не только на исполнительную власть, но и на законодательную повестку через коалиции в Кнессете, а также на внешнюю политику, где его роль особенно заметна. Роль Нетаньяху выходит за рамки обычного премьер-министра: он является системообразующей фигурой, влияющей на структуру власти, политическую культуру и стратегический курс Израиля. Его деятельность во многом определяет современный этап развития израильской политической системы.

Путь к власти

Не было ни одного политического деятеля Израиля, о жизни и деятельности которого велось бы столько споров, высказывалось бы столько разных, подчас противоположных мнений, сколько о Биньямине Нетаньяху. Нетаньяху появился на израильском политическом небосклоне в конце 1980-х годов и сразу стал заметной фигурой в правящей правонационалистической партии Ликуд. В ходе предвыборной кампании 1988 г. он сразу же занял в списках Ликуд место в первой семерке кандидатов. Молодой Нетаньяху (родился в 1949 г.), только что вернувшийся из США, где он блестяще начал политическую карьеру, покорила не только Ликуд, но и весь во многом патриархальный Израиль — его заграничный стиль, свободный английский язык, манера поведения — все было внове для большинства израильских политиков того времени [Карасова, 2015, с. 172].

Его первой задачей было расчистить путь к власти в Ликуде, что удалось с легкостью, поскольку Нетаньяху уже тогда показал себя прекрасным агитатором, талантливым полемистом,

² Израиль в своем развитии прошел четыре этапа развития партийно-политической системы. Первый характеризуется как «этатизм» или «полуконкурентная» партийная система — гегемония левых сионистских партий во главе с партией «МАПАИ», впоследствии объединившей весь левосионистский лагерь в блок «МААРАХ» (с 1948 по 1977 г.). Второй этап — формирование двухблоковой системы — правого блока Ликуд и левоцентристского блока «МААРАХ» (впоследствии «Авода»), что привело к ситуации неустойчивого равновесия и созданию правительств «национального единства» (до 1999 г.). В последние десятилетия шло ослабление левых и центристских партий и образование крайне правых блоков партий. В настоящее время очевиден глубокий кризис партийной системы.

который всегда умел убедительно показать недостатки противной стороны. [Карасова, 2009, с. 113]. Ему было необходимо реорганизовать процесс выдвижения кандидатов на пост премьер-министра от своей партии, и он активно включился в борьбу за введение системы праймериз, что дало ему возможность занять место лидера в партии Ликуд в 1992 г. [Pfeffer, 2018, pp. 189–190].

После избрания Нетаньяху на пост председателя Ликуда у него появилась новая цель — победить левые партии, прежде всего крупнейшую и старейшую лейбористскую партию — Авода, проводившую курс на мирный переговорный процесс в палестино-израильском конфликте. Нетаньяху был ярким противником мирного «процесса Осло» (1993–1996 гг.), и его главным элементом борьбы с ним были персональные атаки на тогдашнего лидера партии лейбористов Авода — И. Рабина. Переломным моментом в политической судьбе Нетаньяху явилось трагическое событие — 4 ноября 1995 года премьер-министр Ицхак Рабин был убит. Эта трагедия расчистила Нетаньяху путь к власти.

Нетаньяху, 46-летний лидер правой израильской партии «Ликуд», в 1996 году стал самым молодым премьер-министром в истории Израиля. Многие считали его дерзким новичком на политической арене, где по-прежнему доминировали ветераны, стоявшие у истоков создания Израиля. Но, победив на выборах в 1996 г., он почувствовал себя «избранником народа», а не просто выдвиженцем Ликуда. Он решил создать правительство «нового типа», опиравшееся на общерадикальные настроения в обществе. Победу ему принесли ультрарелигиозные партии, которые были самыми яркими противниками мирного процесса и поддерживали на выборах его кандидатуру. Нетаньяху был главным выигравшим от прорыва ортодоксов в израильскую политику. Несмотря на подчеркнuto американизированный образ жизни и «прозападные» экономические реформы, ему удалось привлечь на свою сторону ультраортодоксальные круги Израиля и заручиться их поддержкой в дальнейшем [Бен-Симон, 1997, с. 189].

В каком-то смысле Нетаньяху — нетипичный идеолог. Его неприятие решения о создании двух государств не связано с какими-либо мессианскими убеждениями или библейскими проповедями, он атеист, но с течением времени его сторонниками стали именно религиозные традиционалисты. При правительстве Ликуда влияние религиозных сил возросло во всех властных структурах государства как на законодательном, так и на исполнительном уровнях. Начался новый этап развития партийно-политической системы Израиля [Ханин, 2014, с. 62]. Это было особенно важным, поскольку в последнее десятилетие XX века эрозия избирательной модели углубилась. Система израильского парламентаризма вступила в этап «партийного полиморфизма» — фрагментарность партий и неустойчивость правительств усилились. Религиозники становились ключевым фактором в процессах формирования правительственных коалиций: они относительно легко объединялись со светскими партиями, тем самым увеличивая совокупную силу.

В 1999 г. Ликуд проиграл на выборах, и после довольно долгого пребывания в оппозиции и участия в правительствах других премьер-министров (два правительства А. Шарона 2001–2005 гг.) вернувшийся к власти в 2009 году Нетаньяху фактически стал диктатором в своей партии. Со времен премьерства Менахема Бегина в 1970-х годах партия «Ликуд» использовала риторику этнического недовольства и религиозного традиционализма, чтобы мобилизовать свою электоральную базу, состоящую в основном из мизрахим — евреев ближневосточного и североафриканского происхождения. Нетаньяху сделал популизм «Ликуда» более современным. Его сторонники сплотились вокруг лозунга «Нетаньяху — благо для евреев, Перес — для арабов», который подразумевал, что его оппоненты не отстаивают интересы еврейского народа. Как подробно описывает известный израильский журналист Бен Каспит в своей книге «Годы Нетаньяху», Нетаньяху подавлял или вытеснял из партии «Ликуд» всех потенциальных соперников [Caspit, 2007, pp. 166–168].

К 2015 году он «превратился» из консерватора, не склонного к риску, в правого радикала. Он превратил партию, которая всегда была правоконсервативным крылом сионистского движения, но при этом включала в свои ряды экономических и социальных либералов, в авторитарную популистскую партию, центром которой стала его харизматичная личность³. В «обновленном» Ликуде партийные программы с перечислением основных принципов деятельности окончательно исчезли. Основной характеристикой партийной жизни Ликуда стал вождизм его лидера [Caspit, 2007, p. 235].

Партийная система Израиля в последнее десятилетие XX и в начале XXI века характеризовалась провалом левых партий и ослаблением политического центра, что было отражением неуклонного поправления израильского общества после окончания мирного «процесса Осло». Эра противостояния Ликуда и Аводы завершилась. Нетаньяху создал бессменное ядро правящих коалиций с время от времени меняющимися партиями-спутниками (чаще всего с ультраортодоксальными партиями). Многие аналитики характеризовали этот период как возвращение политсистемы к «этапу этатизма» во времена первых десятилетий Государства Израиль, когда все правительства контролировались левыми партиями (1948–1977)⁴. Эти годы характеризуются укреплением правого лагеря страны и структурированием как бы бессменной «партии власти» под руководством Нетаньяху — он выступал в качестве единого согласованного кандидата от Ликуда. Парламентский контроль над деятельностью правительства Нетаньяху становился все более формальным. Стало почти невозможным обеспечить разделение исполнительной и законодательной ветвей власти в условиях, когда около половины депутатов, голосующих каждый раз против вотумов недоверия правительству, сами входили в его состав. Это нарушало принцип полного суверенитета парламента и его приоритетного положения.

Развитие этих процессов привело партийно-политическую систему Израиля к глубокому кризису. В период 2019–2020 гг. в результате четырех внеочередных выборов шла постоянная смена правительств. В результате бесконтрольного увеличения количества конкурирующих партий (в выборах 2022 г., например, участвовало 37 партийных списков) шло разрушение блоковой системы. Усиливавшийся идеологический нигилизм способствовал образованию сиюминутных непрочных коалиций, а с 2019 по 2022 г. наблюдалась откровенная «избирательная чехарда». Попытки заменить правительство Ликуда на блок центристских партий не удалось.

Во внутренней политике Нетаньяху выработал особый стиль авторитарного правления. Он назначал на министерские посты и должности в государственных ведомствах аппаратчиков из партии «Ликуд», никому не известных и некомпетентных людей, чьим единственным достоинством была преданность ему. В 2020 году, после того как Нетаньяху предъявили обвинения по нескольким коррупционным делам, в том числе в подкупе, мошенничестве и злоупотреблении доверием, его политический стиль стал все более параноидальным. Его стиль управления некоторые израильские комментаторы назвали «бибизмом» — синтезом воинствующего национализма, теорий заговора и обвинения оппонентов Нетаньяху в предательстве⁵.

³ Leifer J. The Netanyahu doctrine: how Israel's longest-serving leader reshaped the country in his image. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/nov/21/the-netanyahu-doctrine-how-israels-longest-serving-leader-reshaped-the-country-in-his-image> (дата обращения: 21.11.2023).

⁴ Kerstein B. How Will History Remember Netanyahu? The Tower Magazine. Issue № 25, April 15. URL: <http://www.thetower.org/article/how-will-history-remember-netanyahu/>. Caspit B. Caspit B. Netanyahu Years. — N.Y.: Thomas Dunne Books, 2007. Pp. 184–185.

⁵ Leifer J. The Netanyahu doctrine: how Israel's longest-serving leader reshaped the country in his image. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/nov/21/the-netanyahu-doctrine-how-israels-longest-serving-leader-reshaped-the-country-in-his-image> 21 ноября 2023 г.

2022–2026 гг. Самое правое правительство в истории Израиля

В 2022 г. к власти вновь пришло правительство Ликуда во главе с Нетаньяху. Сам процесс формирования ликудовско-религиозной коалиции в 2022 г. вновь ясно продемонстрировал неспособность руководства партий, даже близких по своим идеологиям, объединяться, чтобы прекратить партийную чехарду и выйти из политического кризиса. Характерной чертой нынешнего правительства является отсутствие каких-либо идеологических установок у правоцентристского блока и концентрация усилий правительства на в основном на ставших непопулярными для гражданского общества Израиля проблемах устойчивости правительства и личного политического выживания самого Нетаньяху⁶. Впервые в истории произошла консолидация всех основных религиозных партий, которые никогда прежде не могли объединиться в единую коалицию из-за непреодолимых разногласий. Это касается прежде всего партии религиозных сионистов и ультраортодоксальных партий (харедим). Теперь они почувствовали свою электоральную силу и возможность влияния на всю политическую систему Израиля⁷. Совокупная электоральная сила этого лагеря потенциально на любых выборах может стать блокирующей для остальных партий. Поэтому не исключена возможность дальнейших попыток усиления диктата со стороны религиозных партий [Карасова, Ханин, 2022, с. 129].

Нетаньяху удалось вернуть к власти «Ликуд», однако он сумел создать правительство только в коалиции с праворелигиозным лагерем. К власти пришло крайне правое правительство, в котором большинство членов коалиции в принципе едины по большинству пунктов повестки дня. Нетаньяху получил тяжелое наследие: кризис институтов политической власти и растущее несоответствие государственных структур и гражданских институтов; ослабление законодательной власти, постоянные террористические атаки со стороны ХАМАСа и Хезболлы. Все эти проблемы должны были решаться правительством.

Ему нужны были верные союзники по коалиции, которые могли бы обеспечить деятельность правительства без внеочередных выборов. Придя к власти, Нетаньяху открыл харедим путь в процесс принятия основных политических решений государства. В его правительство вошли крайне правые радикальные партии типа «Религиозный сионизм» (Смотрич), «Оцма Йехудит» («Еврейская сила» — ультрарелигиозная партия под руководством Бен-Гвира) — историческая наследница крайне националистической (и даже считавшейся профашистской) партии М. Кахане «Ках» («Так»). Основные пункты их программ — этнорелигиозное определение государства, приоритет еврейского характера над либеральной демократией, идея неделимости «Земли Израиля», жесткая линия по отношению к арабам. Основная заявленная цель — борьба против любых попыток «размывания еврейского характера государства» путем усиления религиозного диктата в стране, легитимация по сути колониального поселенческого проекта на палестинских территориях Западного берега р. Иордан, т. е. фактическая аннексия палестинских земель без формального объявления. На этом фоне — апологетика этнодемократии, где еврейский характер выше принципа гражданского равенства; ослабление либеральных институтов власти; давление на Верховный суд,

⁶ Keller-Lynn K. 'I've done it': Netanyahu announces his 6th government, Israel's most hardline ever. URL: <https://www.timesofisrael.com/netanyahu-announces-his-sixth-government-israels-most-hardline-yet/> (дата обращения: 21.12.2022).

⁷ В правящую коалицию вошли ультрарелигиозные партии ШАС (Объединение сефардов-хранителей Торы, лидер А. Дери); Оцма Йегудит (Еврейская мощь — И. Бен-Гвир) и «Яхдут А-Тора» (Еврейство Торы) или Объединенный иудаизм Торы — лидер И. Голькнофф). К ним примкнула партия религиозных сионистов — «Ционут А-Датит» (Б. Смотрич). Четыре из пяти лидеров партий, вошедших в правительственную коалицию, — Б. Нетаньяху, А. Дери, Б. Смотрис и И. Бен-Гвир были под судом или арестом, обвинялись в расизме. Israel's greatest threat in 2023 is 'breakdown of relations with West': Report. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/israel-greatest-threat-breakdown-relations-west-inss> (дата обращения: 29.01.2023).

ограничение прав НКО. Критики считают, что правительственная программа Нетаньяху меняет природу классического сионизма: его программа «сила сдерживает, любые уступки — это слабость, мир через силу» — это идеология правого этноконфессионального национализма и продукт радикализации общества.

В период действующего в настоящее время правительства Нетаньяху (2022–2026) его внутренняя политика сопровождалась серьезными конфликтами: попытки судебной реформы⁸ вызвали массовые протесты и дебаты о балансе ветвей власти. Обвинения в коррупции правящей элиты усилили поляризацию общества, углубили разделение между различными социальными и политическими группами. Нетаньяху стал фигурой, вокруг которой формируется сильная политическая поляризация. Его сторонники видят в нем гаранта безопасности и стабильности, тогда как оппоненты обвиняют его в подрыве демократических институтов.

Основной целью, заявленной ультраортодоксальными партиями, вошедшими в правительство, является борьба против любых попыток «размывания еврейского характера государства» путем усиления религиозного диктата в стране⁹. Добившись сильного влияния на сегодняшний состав Кнессета, праворелигиозный лагерь спешит ограничить влияние Верховного суда на израильское общество и государственную политику¹⁰.

Региональная политика Нетаньяху

Характерной особенностью для Израиля в вопросе распределения голосов избирателей является влияние фактора палестино-израильского противостояния. Во время предвыборных кампаний палестино-израильский конфликт и вопросы безопасности имеют центральное значение [Воробьев, 2006, с. 152]. Для Нетаньяху курс на «мирный процесс с позиции силы» и «мир как субпродукт безопасности» всегда оставались неизменными. Израильский автор Б. Рубин, рассматривая палестинский фактор как оказывающий наибольшее влияние на формирование политических взглядов избирателей и принятие решений в Израиле, считал, что, например, выборы 1996 года стали по сути референдумом относительно дальнейшего хода процесса мирного урегулирования и судьбы оккупированных палестинских территорий [Rubbin, 1998, p. 158].

Во главу угла внешней политике Нетаньяху поставлено его понимание национальных интересов и безопасности Государства Израиль. Он гордится титулом «мистер безопасность», традиционно выступая в качестве основного борца против радикального палестинского терроризма (ХАМАС, Палестинский джихад, Бригады мучеников Аль-Аксы и других) и конструирования стратегии израильского руководства в отношении Ирана как основного стратегического противника и экзистенциальной угрозы безопасности еврейского государства.

Впервые придя к власти, как уже отмечалось, после фактического окончания «процесса Осло», Нетаньяху сформулировал свою стратегию «преобразования» мирного процесса с палестинцами [Карасова, 2019, с. 190]. В палестинском вопросе он всегда придерживался узкой, ограниченной концепции палестинской автономии на Западном берегу р. Иордан, отрицая возможность создания независимого палестинского государства. Он был последовательным сторонником

⁸ 27 марта 2025 г. Кнессет принял закон, расширяющий влияние политиков на процедуру назначения судей (перераспределение мест в Комиссии по отбору судей и другие механизмы). Это серьезная институциональная перемена, оспариваемая оппозицией и частью общества.

⁹ New details of coalition agreements revealed. URL: <https://www.bicom.org.uk/news/new-details-of-coalition-agreements-revealed/> (дата обращения: 23.12.2022).

¹⁰ Keller-Lynn K. 'I've done it': Netanyahu announces his 6th government, Israel's most hardline ever. URL: <https://www.timesofisrael.com/netanyahu-announces-his-sixth-government-israels-most-hardline-yet/> (дата обращения: 21.12.2022).

сохранения статус-кво в палестинском вопросе, что снижало риск недовольства международного сообщества предположительно временной оккупации палестинских территорий и позволяло Израилю лишать палестинцев гражданских прав, в то время как официальная аннексия потребовала бы от Израиля решения о предоставлении гражданства палестинцам, что, с точки зрения Израиля, поставило бы под угрозу еврейское демографическое большинство¹¹. Значительное и долгосрочное воздействие оказало объединение национализма Ликуда и религии на мирный процесс, на проблемы урегулирования палестино-израильского конфликта. Линия Нетаньяху подтвердила традиционную идейно-политическую формулу Ликуда — «три «нет»: созданию палестинского государства, разделу Иерусалима и уходу с Голанских высот [Medzini, 1999, pp. 4–5].

Отношение Нетаньяху к основным проблемам Израиля, прежде всего арабо-израильскому конфликту, было подробно изложено в его книге «Место под солнцем» [Нетаньяху, 1996]. Нетаньяху (в момент выхода книги в свет он был лидером правой оппозиции) изложил точку зрения своего лагеря: позицию, отрицавшую возможность территориальных уступок Израиля, признания палестинского государства и продвижения переговорного процесса по формуле «мир за мир». Нетаньяху предложил Ликуду и своим избирателям собственную позицию по ситуации в ближневосточном конфликте. В своей книге он писал: «Арабской пропаганде удалось убедить мир, что так называемая палестинская проблема — главный фактор нестабильности на Ближнем Востоке. ... они просто сводили все конфликты региона к палестинской проблеме...» [Нетаньяху, 1996, с. 197]. Нетаньяху настаивал, что «так называемая палестинская проблема может быть решена в рамках двух суверенных государств, Израиля и Иордании, без создания третьего государства, искусственного и нестабильного». Требование о создании дополнительного палестинского государства в Иудее и Самарии (22-го по счету арабского государства) — это всего лишь способ вернуть Израиль к уязвимым границам 1949–67 гг. Нет никаких оснований для того, чтобы Израиль отказался от того немногого, что досталось ему из территории подмандатной Палестины, обещанной ему Лигой Наций»» Истинной причиной конфликта является упорный отказ арабов признать право Израиля на существование в любых границах» [Нетаньяху, 1996, с. 197].

Нетаньяху был твердо убежден, что оккупацией можно управлять и поддерживать ее сколь угодно долго. Теоретически Нетаньяху был готов согласиться на создание «демилитаризованного» палестинского государства, о чем он, под давлением тогдашнего президента США Барака Обамы, говорил в речи 2009 года в Университете Бар-Илан. Однако на практике условия, на которых он согласился бы на создание такого государства, были неприемлемы ни для одного палестинского лидера: речь шла не только о демилитаризации и контроле израильских сил безопасности над воздушным пространством, но и о переносе израильской столицы в неразделенный Иерусалим. Это был блеф, призванный сохранить иллюзию мирного процесса и одновременно укрепить оккупацию [Pfeffer, 2018, p. 270].

Лидер Ликуда всегда использовал любые возможности главы правительства управлять внешней политикой единолично [Pfeffer, 2018, p. 417]. Например, выиграв досрочные выборы в 2015 г., он сохранил не только пост премьер-министра, но возглавил МИД и департамент регионального сотрудничества, а также еще два ведомства (здравоохранение и связь)¹². Удержание этих позиций позволяло ему более оперативно принимать решения во внешнеполитической сфере (тогда,

¹¹ Leifer J. The Netanyahu doctrine: how Israel's longest-serving leader reshaped the country in his image. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/nov/21/the-netanyahu-doctrine-how-israels-longest-serving-leader-reshaped-the-country-in-his-image> (дата обращения: 21.11.2023).

¹² Eglash R. Israel's Netanyahu stops short of creating a Ministry of Magic. The Washington Post, May 18, 2015. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/05/18/israels-netanyahu-stops-short-of-creating-a-ministry-of-magic/> (дата обращения: 20.12.2021).

как и сейчас, главной темой была иранская ядерная программа). В переговорах вместо кадровых дипломатов он часто использовал своих ближайших соратников. Здесь немаловажную роль играет стиль работы Нетаньяху, который ценил лояльность выше профессиональных качеств [Pfeffer, 2018, pp. 297, 448–449].

Следует подчеркнуть, что в этот период стратегия и положение Израиля на международной арене значительно изменились. Премьер-министр Израиля добился своей основной цели: США при администрации Д. Трампа вышли из ядерной сделки с Ираном и авторизовали против него экономические санкции. На этом фоне произошло сближение Тель-Авива с арабскими странами, несмотря на признание Иерусалима столицей Израиля и рост числа еврейских поселений (+13% с 2017 г.¹³). Соглашения Авраама¹⁴, подписанные в августе 2020 г., стали условным символом дипломатического успеха Нетаньяху как делателя внешней политики.

Правое правительство Б. Нетаньяху и ситуация в палестино-израильском конфликте

С приходом к власти правого правительства Нетаньяху в Израиле произошла смена политической элиты. И сейчас тон задают по-настоящему идеологически заряженные и религиозные радикалы, фундаменталисты. Они находятся в центрах принятия решений. Они определяют медианарративы и являются движущей силой политики¹⁵.

В соответствии с так называемым «решительным планом» двух министров из религиозного фланга правительства — Б. Смотрича, министра финансов, и И. Бен-Гвира, министра национальной безопасности, идет массированная атака на Палестинскую автономию. Бен-Гвир планировал окончить палестино-израильский конфликт «без дипломатического процесса» — т. е. с использованием силовых методов в отношении палестинцев¹⁶. В свою очередь минфин Смотрич проводит на Западном берегу ряд антипалестинских мероприятий, открыто направленных на ослабление и дискредитацию правительства автономии. По мнению известного американского эксперта Томаса Фридмана, Смотрич не просто проводит политику усиления израильского контроля на территории ПА и расширения там еврейских поселений — он и его коллеги из ультраправого фланга правительства добиваются политической эрозии автономии. Его действия направлены против политических, административных и военных организаций, функционирующих в Палестинской автономии¹⁷.

Представители ультрарелигиозных партий в кабинете министров, понимая, что решимость Нетаньяху сохранить власть и его нестабильный рейтинг дают им рычаги влияния, с новой силой продвигают свои приоритеты, в том числе призывы к восстановлению еврейских поселений на Западном берегу р. Иордан и в Газе. Хотя Нетаньяху публично отвергает эту идею, у него

¹³ Krauss J. Israeli settler population surged during Trump era // AP News, January 27, 2021. URL: <https://apnews.com/article/race-and-ethnicity-israel-coronavirus-pandemic-west-bank-jerusalem-c43de2ad0da01ef3d9b174691290338d> (дата обращения: 21.12.2021).

¹⁴ Abraham Accords Declaration (PDF) // The U. S. State Department. September 15, 2020. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/10/Abraham-Accords-signed-FINAL-15-Sept-2020-508-1.pdf> (дата обращения: 21.12.2021).

¹⁵ Леви Д. Израиль и переустройство Ближнего Востока: хрупкий момент для Америки. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/izrail-america-levi/> 17.10.2024.

¹⁶ Thomas L. Friedman Israel Is About to Make a Terrible Mistake. URL: <https://www.nytimes.com/2023/10/19/opinion/biden-speech-israel-gaza.html> (дата обращения: 19.10.2023).

¹⁷ Friedman T. L. Israel Is About to Make a Terrible Mistake. URL: <https://www.nytimes.com/2023/10/19/opinion/biden-speech-israel-gaza.html> (дата обращения: 19.10.2023).

вполне может возникнуть соблазн стать первым израильским лидером, который расширит территориальные притязания Израиля¹⁸.

Позиции правительства Нетаньяху после 7 октября и в ходе войны в Иране

После трагических событий 7 октября и целой череды военных операций («война на четыре фронта») начался новый этап в жизни Израиля и всего регионального развития. На палестино-израильском направлении очевиден конец иллюзии «управляемого конфликта», исчерпание состояния статус-кво и возможный выход проблемы урегулирования в повестку дня первоочередных региональных проблем. Израиль больше не сможет замораживать палестино-израильский конфликт на прежних условиях.

Экзистенциальная травма усилила радикализацию общества. На этом фоне в израильском обществе растет ощущение, что государство и правительство не выполнили базовую функцию защиты, а эти провалы покрывает Нетаньяху, который не допустил создания комиссии по расследованию событий 7 октября¹⁹. Многофронтная борьба Израиля с внешними врагами, прежде всего с Ираном²⁰, привела к расширению конфликта до общерегионального уровня²¹. Все последствия американо-израильской агрессии против Ирана и неизбежные аспекты истощения для Израиля еще найдут освещение в экспертных оценках.

Ясно одно: такая ситуация лишь усугубила существовавшие ранее социальные и политические разногласия между противниками Нетаньяху и его сторонниками. Превосходя ожидания как своих врагов, так и друзей, Нетаньяху продолжает оставаться центром притяжения в израильской политике. Правая коалиция, которая удерживает его у власти, активизировала свои усилия по подавлению движения за палестинскую государственность и «замене израильской элиты» — эвфемизм, означающий уничтожение демократических и либеральных институтов Израиля²².

Но как эти события повлияли на положение самого премьер-министра? Несмотря на все усилия по восстановлению своего имиджа, Нетаньяху во многом утратил политическое влияние. В настоящее время уже очевидны издержки израильских военных методов в Газе, которые ведут к нарастанию угрозы новой региональной войны. Процесс интеграции Израиля в региональную систему тормозится. Как следствие войны идет активизация радикализма арабской улицы в регионе

¹⁸ Ben A. Israel's Paradox of Defeat. Haaretz, 04.10.2024. URL: <https://www.other-news.info/israels-paradox-of-defeat/> (дата обращения: 19.10.2024).

¹⁹ The Victims of Bibi-ism, From Mount Meron to the Gaza Border. Haaretz Editorial. URL: <https://www.haaretz.com/opinion/editorial/2024-03-07/ty-article-opinion/the-victims-of-bibi-ism-from-mountain-meron-to-the-gaza-border/0000018e-1591-d792-a7be-3db1847e0000> (дата обращения: 15.01.2026).

²⁰ Израильская стратегия в отношении Ирана включает три аспекта. Первый — стремление препятствовать любой стране, в данном случае Ирану, желающей занять лидирующее положение в регионе. Второй аспект связан с проблемой безопасности, поскольку, по мнению израильского руководства, ядерная программа Ирана потенциально угрожает существованию Израиля. Третий — иранская поддержка радикальных организаций типа ХАМАС и «Хезболла», провоцирующих террористические акции против Израиля. Идет так называемая «кампания между войнами», или «теневая война» Израиля, направленная против ИРИ и его «прокси» в регионе. Руководство Израиля не может смириться с растущими поставками иранского оружия в Ливан, Сирию, Ирак, Йемен и сектор Газа. Кроме того, ИРИ поддерживает вопрос об одностороннем провозглашении независимости палестинского государства.

²¹ WARD A. Iran does not want a broader war. US confident Israel is inching toward its view on humanitarian pause URL: <https://www.politico.com/news/2023/11/07/israel-humanitarian-pause-biden-00125839> (дата обращения: 07.11.2023).

²² Ben A. Israel's Paradox of Defeat. Haaretz, 04.10.2024. URL: <https://www.other-news.info/israels-paradox-of-defeat/> (дата обращения: 19.10.2024).

и за рубежом, рост протестов, угроза роста антисемитизма по всему миру²³. Израиль терпит значительные издержки своего имиджа и поражение в мировом медийном пространстве.

На внутривнутриполитическом поле Израиля в результате войны идет быстрое нарастание социально-политического напряжения, сопровождаемое нарастающей критикой действий правительства и демонстрациями протеста. Политическая поляризация по всем основополагающим проблемам страны подрывает доверие к государственным институтам и к их процессу принятия решений, что стало основной характеристикой общественного дискурса в Израиле²⁴.

Нетаньяху руководил страной дольше, чем Давид Бен-Гурион, отец-основатель еврейского государства. Сменявшие друг друга правительства Нетаньяху не сделали израильтян более защищенными. Напротив, они сделали их уязвимыми для нападений, подобных тем, что совершил ХАМАС. Премьер-министр обещал оптимизировать работу государства и повысить эффективность правительства. Вместо этого бюрократический аппарат Израиля пришел в упадок, а социальные службы недофинансируются и не реагируют на запросы²⁵.

Заключение

Главное события на политическом фоне Израиля — приближающиеся парламентские выборы, назначенные на октябрь 2026 года. Грядущие выборы воспринимаются многими израильтянами как коллективный ответ на кризис в стране и ее политическую нестабильность. Избиратели будут не просто выбирать представителей власти, но фактически станут голосовать за преемственность или пересмотр всего курса правительства Нетаньяху. Региональная нестабильность, ведущиеся военные действия, экономические трудности — все это влияет на настроения избирателей. Нынешний кризис вполне может стать концом политической карьеры Нетаньяху. В случае его поражения у него нет явного преемника, который мог бы успешно продолжать его правительственный курс. Однако резкое падение поддержки в израильском обществе компромиссов во внешней политике и слабость оппозиционных сил играют в пользу кандидатуры нынешнего премьер-министра. Несмотря на протесты израильтян против Нетаньяху, в израильском еврейском обществе практически нет антивоенных настроений. По мнению главного редактора леволиберальной газеты Гаарец Бена Алуфа, «даже многие израильтяне, которые ненавидят Нетаньяху и его социально консервативную базу, которые гордятся своим космополитизмом и верой в светскую демократию, никогда бы не поддержали то, что они считают пацифистскими ценностями либералов в США и Европе»²⁶. Но Израиль может оказаться в ловушке, созданной самим Нетаньяху, еще долгое время после его ухода.

²³ Friedman T. L. Israel: From the Six-Day War to the Six-Front War. URL: <https://www.nytimes.com/2023/10/25/opinion/israel-gaza-palestine-war.html> (дата обращения: 25.10.2023).

²⁴ Elran M., Shapiro A. The Return of the Political to the National Discourse: Implications for National Resilience During War. URL: <https://www.inss.org.il/publication/division/> INSS Insight No. 1833 (дата обращения: 06.03.2024).

²⁵ Leifer J. The Netanyahu doctrine: how Israel's longest-serving leader reshaped the country in his image. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/nov/21/the-netanyahu-doctrine-how-israels-longest-serving-leader-reshaped-the-country-in-his-image> (дата обращения: 21.11.2023).

²⁶ Ben A. Israel's Paradox of Defeat. Haaretz, 04.10.2024. URL: <https://www.other-news.info/israels-paradox-of-defeat/> (дата обращения: 19.10.2024).

Литература/References

Бен-Симон Д. *Эрец Ахерет. Ницахон хашулаим: зйх карас хасмоль в-аля хаямин*. Jerusalem: Arech Nir Publisher Ltd., 1997 [Ben-Simon D. *Victory of the Suburbs: How the Left Collapsed and the Right Rose*. Jerusalem: Arech Nir Publisher Ltd., 1997 (in Hebrew)].

Воробьев В. П. *Израильский парламентаризм: конституционно-правовой анализ*. М.: МГИМО-Университет, 2006 [Vorobyov V. P. *Israeli Parliamentarism: A Constitutional and Legal Analysis*. Moscow: MGIMO University, 2006 (in Russian)].

Карасова Т. А. Некоторые особенности внутривнутриполитического развития современного Израиля. *Ближний Восток и современность. Сборник статей*. (отв. ред. В. А. Исаев, А. О. Филоник). Вып. 6. М.: Институт изучения стран Ближнего Востока, 1999. С. 52–62 [Karasova T. A. Some Features of the Internal Political Development of Modern Israel. *Middle East and Modernity. Collection of Articles*. (edited by V. A. Isaev, A. O. Filonik). Issue 6. Moscow: Institute for the Study of the Middle East, 1999. Pp. 52–62 (in Russian)].

Карасова Т. А. *Политическая история Израиля. Блок Ликуд: прошлое и настоящее*. М.: Наталис, ИВ РАН, 2009 [Karasova T. A. *The political history of Israel. The Likud Block: Past and Present*. Moscow: Natalis Publishing House, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2009 (in Russian)].

Карасова Т. А. Биньямин Нетаньяху. *Политические портреты деятелей стран Ближнего и Среднего Востока: очерки* (ред. В. В. Наумкин и В. В. Попова). М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 172–191 [Karasova T. A. Benjamin Netanyahu. *Political Portraits of Leaders from the Countries of the Near and Middle East: the Essays* [edited by V. V. Naumkin and V. V. Popov. Moscow: MGIMO University, 2015. Pp. 172–191 (in Russian)].

Карасова Т. А., Ханин В. (З.). Израильский парламентаризм в XXI в.: электоральный сбой или кризис системы? *Восток/Oriens*. 2022. № 3. С. 124–134 [Karasova T. A., Khanin V. (Z.). Israeli Parliamentarism in the 21st Century: Electoral Failure or Crisis of the System? *Vostok/Oriens*. 2022. No. 3. Pp. 124–134 (in Russian)].

Карасова Т. А. Политический кризис в Израиле на современном этапе или время безвременных выборов. *Израиль — 75 лет: между прошлым и будущим*. Сборник статей по материалам III израилюведческой научной конференции «Чтения им. А. Е. Бовина». Москва, 16–18 октября 2023 года. Ин-т востоковедения РАН (отв. ред. Д. А. Марьясис, С. Г. Мелконян, Е. А. Якимова). М.: ИВ РАН, 2024 [Karasova T. A. The Israel's Current Political crisis, or a Time of Untimely Elections. *Israel — 75 years: Between Past and Future*. Collection of Articles Based on the Materials of the III Israel Studies Conference “Readings Named after A. E. Bovin”. Moscow, October 16–18, 2023. Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (ed. by D.A. Maryasis, G. N. Melkonyan, E. A. Yakimova). Moscow: IOS RAS, 2024 (in Russian)].

Нетаньяху Б. *Место под солнцем*. Иерусалим: Ассоциация «Алия за Эрец Исраэль», 1996 [B. Netanyahu. *A place under the sun*. Jerusalem: Aliyah for Eretz Israel Association, 1996 (in Russian)].

Ханин В. (З.). *Партийно-политические структуры и электоральный процесс в Израиле в начале XXI века*. М.: Институт изучения стран Ближнего Востока, 2014 [Khanin V. (Z.). *Party and Political Structures and Electoral Process in Israel at the Beginning of the 21st century*. M.: Institute for the Study of the Middle East, 2014 (in Russian)].

Caspit B. *Netanyahu Years*. N.Y.: Thomas Dunne Books, 2007.

Medzini M. *Israel's Foreign Relations. Selected Documents, 1996–1997*. Vol. 16. Jerusalem: Ministry of Foreign Affairs, 1999.

Pfeffer A. *Bibi. The Turbulent Life and Times of Benjamin Netanyahu*. N.Y.: Basic book, 2018.

Rubbin B. *External Influence on the Israeli Elections. Israel at the Polls 1996* (ed. by Elazar D. J. and Shmuel S). London, 1998.

Электронные ресурсы / Online Resources

Леви Д. Израиль и переустройство Ближнего Востока: хрупкий момент для Америки. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/izrail-america-levi/> (дата обращения: 17.10.2024).

Эпштейн А. Д. Израиль: особенности структуры и функционирования третьего правительства Б. Нетаньяху. URL: <http://www.iimes.ru/?p=17366> (дата обращения: 29.04.2013).

Abraham Accords Declaration. The U. S. State Department. September 15, 2020. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/10/Abraham-Accords-signed-FINAL-15-Sept-2020-508-1.pdf> (дата обращения: 21.12.2021).

Ben A. Israel's Paradox of Defeat. *Haaretz*, 04.10.2024. URL: <https://www.other-news.info/israels-paradox-of-defeat/> (дата обращения: 19.10.2024).

Eglash R. Israel's Netanyahu stops short of creating a Ministry of Magic. *The Washington Post*, May 18, 2015. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/05/18/israels-netanyahu-stops-short-of-creating-a-ministry-of-magic/> (дата обращения: 20.12.2021).

Elran M., Shapiro A. The Return of the Political to the National Discourse: Implications for National Resilience During War. URL: <https://www.inss.org.il/publication/division/> INSS Insight No. 1833 (дата обращения: 06.03.2024).

Israel's greatest threat in 2023 is 'breakdown of relations with West': Report. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/israel-greatest-threat-breakdown-relations-west-inss> (дата обращения: 29.01.2023).

Keller-Lynn K. 'I've done it': Netanyahu announces his 6th government, Israel's most hardline ever. URL: <https://www.timesofisrael.com/netanyahu-announces-his-sixth-government-israels-most-hardline-yet/> (дата обращения: 21.12.2022).

Kerstein B. How Will History Remember Netanyahu? *The Tower Magazine*. Issue № 25, April 15, 2015. URL: <https://www.thetower.org/article/how-will-history-remember-netanyahu/> (дата обращения: 21.12.2022).

Krauss J. Israeli settler population surged during Trump era. *AP News*, January 27, 2021. URL: <https://apnews.com/article/race-and-ethnicity-israel-coronavirus-pandemic-west-bank-jerusalem-c43de2ad0da01ef3d9b174691290338d> (дата обращения: 21.12.2021).

Leifer J. The Netanyahu doctrine: how Israel's longest-serving leader reshaped the country in his image. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/nov/21/the-netanyahu-doctrine-how-israels-longest-serving-leader-reshaped-the-country-in-his-image> (дата обращения: 21.11.2023).

New details of coalition agreements revealed. URL: <https://www.bicom.org.uk/news/new-details-of-coalition-agreements-revealed/> (дата обращения: 23.12.2022).

Friedman T. L. Israel Is About to Make a Terrible Mistake. URL: <https://www.nytimes.com/2023/10/19/opinion/biden-speech-israel-gaza.html> (дата обращения: 19.10.2023).

The Victims of Bibi-ism, From Mount Meron to the Gaza Border. *Haaretz Editorial*. URL: <https://www.haaretz.com/opinion/editorial/2024-03-07/ty-article-opinion/the-victims-of-bibi-ism-from-mountain-meron-to-the-gaza-border/0000018e-1591-d792-a7be-3db1847e0000> (дата обращения: 03.07.2024).

Ward A. Iran does not want a broader war. US confident Israel is inching toward its view on humanitarian pause URL: <https://www.politico.com/news/2023/11/07/israel-humanitarian-pause-biden-00125839> (дата обращения: 07.11.2023).

SHIFTING POLITICAL CULTURE IN BANGLADESH, LINGUISTIC PRIDE TO FUNDAMENTALISM: A HISTORICAL ANALYSIS

© 2026

Abhijeet Singh¹

*“You can safely assume you’ve created God in your own image when
it turns out that God hates all the same people you do” — Anne Lamotte*

The political culture and political consciousness are interlinked phenomena. In case of a post- colonial nation state like Bangladesh, it becomes important to understand the shifting tides of cultures and socialisation in the political realm to come to terms with the challenges faced by the state. The historical analysis of the advent of political culture in Bangladesh allows an in depth understanding of the political processes and people’s belief system. The valuable interaction between the theory of development of political thought and ideas shaping the formation of a political culture in Bangladesh and how it got socialised into the psychologies of people is the mainstay of this article. Also, it tries to analyse how the shift in political culture impacts a nation’s understanding of the self and impacts its journey in the due course of time. The political behaviour manifests itself in the non-governmental organisations, the state institutions and the peer groups in educational institutes. The entire system feels the churning of thoughts and hence the political discourse feels a major shift and tunes itself to the new social reality of the new social grooming which gives political colour to the social fabric and vice versa. The effects of such political norms are of immense significance for a state in both the domestic domain and international system.

Keywords: political culture, transformation, fundamentalism, political socialisation, imagined community, proliferation, reflexive ideology, modernity

For citation: Abhijeet Singh. Shifting Political Culture in Bangladesh, Linguistic Pride to Fundamentalism: a Historical Analysis. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 2. Pp. 102–114. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-102-114

СДВИГИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ БАНГЛАДЕШ — ОТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГОРДОСТИ К ФУНДАМЕНТАЛИЗМУ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Абхиджит Сингх

Политическая культура и политическое сознание — взаимосвязанные явления. В случае с постколониальной нацией, такой, как Бангладеш, для того чтобы оценить вызовы, с которыми сталкивается государство, необходимо оценить сдвиги в культуре и политической социализации. Исторический анализ зарождения и развития политической культуры Бангладеш позволяет глубже понять политические процессы и систему взглядов народа. Основной темой статьи является взаимодействие между теорией развития политической

¹ Abhijeet Singh, Post-doc Research Fellow, Faculty of World Economy, School of Asian Studies, Higher School Of Economics, Moscow, Russia; abhijeete0963@gmail.com

Абхиджит Сингх, научный сотрудник (докторант) Высшей школы экономики, Москва, Россия; abhijeete0963@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3203-7962

мысли и воззрениями, определяющими формирование политической культуры и способ ее внедрения в психологию масс. Статья также представляет попытку проанализировать, как сдвиг в политической культуре влияет на самосознание масс и его развитие с течением времени.

Культура и политика взаимосвязаны и влияют друг на друга. Культуру делает политическое проникновение в народные массы.

Политическое поведение проявляет себя в неправительственных организациях, государственных институтах и поколенческих группах учебных заведений. Вся система ощущает бурление мыслей, и таким образом политический дискурс переживает сдвиг и настраивается на новую социальную реальность, новое социальное воспитание, которое придает политическую окраску социальной ткани, и наоборот. Воздействие таких политических норм имеет огромное значение для государства как во внутренней политике, так и на мировой арене.

Ключевые слова: политическая культура, трансформация, фундаментализм, политическая социализация, воображаемое сообщество, пролиферация, рефлексивная идеология, современность

Для цитирования: Абхиджит Сингх. Сдвиги в политической культуре Бангладеш — от лингвистической гордости к фундаментализму: исторический анализ. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 2. С. 102–114. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-102-114

INTRODUCTION

Fundamentalism may be referred to any tendency which makes dogma feel like a philosophy and philosophy feel like an absolute truth. The basic tenets of fundamental belief are the infallible character of the faith, belief system or trust put in some ideas by a group of people or community. What differentiates between the boundary of faith and fundamentalist assumptions is the idea that a specific belief system has a monopoly over the concept of being right. Also, it is important to note that there is a subtle yet paramount distinction between fundamentalism and communalism. Sometimes it is mistakenly identified as the same thing but the biggest difference between the two is the goal achieved. The former is an attempt to impose the narrow beliefs, culture, ideas or faith upon the people to sometimes change the national character or redefine the social customs while the latter is unequivocally a tool used by the elites of community to forge the ideas into the imagination of the people and use such a stream of ideas for a secular purpose like gaining power in an election or achieve a desired result in a social movement. Communalism is political in nature while fundamentalism is a function of religion and faith.

Another important aspect that lies at the core of the fundamentalist principles is the imagination of the people which is tapped by those seeking revisionism of some sort. There are multitudes of belief systems or religious faiths that people hold very dearly to their identity and any push in that direction which makes them feel threatened or has the potential to deprive them of this identity is met with ferocious response. In their sociological set up people are conditioned to cling to a specific belief or an idea and it is this idea that gives them a version of themselves or to say it makes them who they think they are. To put this into perspective, people in a community or a group of people of any faith tend to describe themselves by associating with a very specific identity pool. This is the pool of identity of ‘imagined community’.

A distinct yet connected aspect linked to the cultivation of identity and imagination is the development of a particular political culture owing to such belief patterns. Political culture can be understood as the beliefs and normative judgements that people hold regarding the system in which they stay and the sets of rules according to which they are governed. Political culture can also be understood as a link between how people perceive their identity and politics governing that identity. Just like identity they

also share the views about their governance and politics and how it impacts their way of life and how they can influence it and contour it to their own benefit. The political culture is the result of push and pull forces that a community undergoes before finally describing for itself the beliefs and values which define political customs.

It is in these concepts that the present-day Bangladesh has developed since its formation in 1947 as East Pakistan. Here we deal with the phenomenon of identity and a reflexive identity, the imposed political culture and the subsequent formation of a different culture in the 1950's and 60's leading to a beginning of new aspiration within the community for a distinct political culture. The complex processes of political socialisation were working in tandem with the norms of the society unmatched to the political culture. Such an evolution is the hallmark of the political developments that took place in the erstwhile East Pakistan and transformed it to Bangladesh. The current period is marked by another identity being formed within the group and the community of people and it derives from the notions and understanding of life based on religion.

CONCEPTUAL FRAMEWORK

Fundamentalism can be traced to a direct response to a perceived threat by the liberal values and the modern approach to society. The self-identity gets pushed to a corner in the process which results in a reaction characterised by fundamental principles. According to Anthony Giddens, the globalisation has triggered the recent rise in fundamentalism due to the rapid promotion of cosmopolitan values [Giddens, 1991, pp. 189–190]. There is a reflex action triggered by the community mindset that the liberal principles are somehow eroding a way of life that has been established since long or more importantly described in the scriptures.

There is another set of scholarly constructions that ascribes the surge in fundamental ideas as a response mechanism to an increase in post-modern beliefs. Post modernism resulted in the formation of a resistance identity which manifested itself as fundamentalism [Castells, 1989, pp. 11–31]. The fundamental belief systems are a result of a widespread acceptance ascribed to modern and post-modern beliefs about life, gender, sexual identity and the like topics. Such a push has resulted in a counter movement; this movement is not outward looking, but rather it focusses on the principles which were a dominant part of the lives of people but faded to obscurity with the advent of globalisation and an acceptance of liberal principles both in life and politics.

With the identity threats and formulations and reformulations comes the question about political culture. Since any political culture is a result of an interaction between the political and social components of the society comprised of a faith, beliefs and identities of people, it becomes important to understand the interplay between these factors. The political culture in a society is a direct result of values and normative beliefs/ customs interplaying and mingling with the governance/government structure and how people perceive it and understand it. All the political processes are governed by this complex formation of a political identity of people/group/community/nation. American political scientist Lucian Pye defined political culture as the composite of basic values, feelings, and knowledge that underlie the political process. Hence, the building blocks of political culture are the beliefs, opinions, and emotions of the citizens towards their form of government [Pye, 1969, pp. 56–57]. The political culture also shapes the relationship between people and the government. The relationship between citizen participation and citizen's attitude towards the political system is a direct result of the attitude that people share with the structure of the government and the institutions therein. [Almond and Verba, 1963, p. 175]. There are

three types of political cultures that were identified on the basis of citizens activity and perception of the system of their governments.

Participant Political Culture. This is a system characterised by robust participation by the citizens and an active understanding of politics. Voluntary Association and group formations are a norm.

The Subject Political Culture. This is a system characterised by a peace in the system because there are no questions raised by the people. The citizens are obedient but have a little understanding of the political processes. The inherent quest to participate in the political processes is low. The government usually is at the maximum.

The Parochial Political Culture. This is a system characterised by a citizenry which is neither informed or aware of the political processes but also have no interest to do anything in politics. They are just aware of the government which governs them [ibid].

The placement of fundamental ideas in the psyche of the citizens brings out another dimension in the understanding of the political culture. Political culture as a theory cannot alone explain the fundamental principles which seep into the minds of the people. The reformulation of the understanding of people regarding their government and the associated institutions is also informed by the process of political socialisation. Political Socialisation refers to the process of ideas, values and norms being developed and passed on within a society or a community/ nation and it leads to a cementing of the political culture within the group, community or the nation. The peculiar aspect of the socialising process is that it not only taps the factual information but also accounts for the emotional exchanges within the family, community or the peer groups.

Political socialisation acts on the people/citizens at every stage of their lives. As kids, the belief system of the parents and the broader family shapes the worldview of the person. As an adolescent, the same job is performed in the school as well as the media, which is turn itself is promoted by the culture of politics which is ongoing in a nation/ community. Religion and religious worldview are also an important aspect of political socialisation. As an adult, the same process goes on within a wide network of, mostly like-minded people, who strengthen the beliefs via talks of politics and processes. Political socialisation is a very powerful tool to maintain or mould the political culture [Almond and Powell, 1966, p. 49].

The identity formation, development of political culture and the subsequent dissemination of the culture by the process of political socialisation represents a continuous process. It is important to note that identity forms the basis of such cultural formations and socialisations. In the course of time both political culture and socialisation impact each other. There is no way to chart out which impacts the other more but the shift in Political culture is possible via a different kind of social mobilisation that is a direct result of political socialisation. In a nutshell political socialisation works as an independent variable affecting and impacting the political culture. The political culture may begin with a set of values and beliefs but over a period of time the political socialisation which is a result of influence by some outside factors like Language, Region, cultural assimilation can turn the existing political culture upside down or mould it to an extent where the entire meaning and understanding of the political culture that existed hitherto, changes.

Also, a very pertinent question that links the idea of political culture and political socialisation is the idea of an identity itself. An identity, as mentioned earlier, gives a meaning to people for their day-to-day life and experience. But what is the source of such identity, how do the people, groups, communities and nations get such an identity? The idea for this identity lies in the shared imagination. An imagination which does not need people to know each other personally yet present with everybody in a group or a community. Such an imagination may or may not be homogenous but the link that it provides is enough to make the entire group hold on to it for the very life that they lead. It also serves as a bond that allows the formation of a specific mentality and perceive reality including social and political lives. As put forward by Benedict Anderson, 'Imagined communities refer to groups of individuals who identify with

a shared community, identity, despite often never interacting with most of the other members' [Anderson, 1983, p. 7].

INCEPTION OF IDENTITY AND CULTURE IN BANGLADESH: POST-1947

The beginning of Pakistan and India were tumultuous, to say the least. The situation was rife with communal tensions and geographical mismatch by the colonial British Empire and in doing so it perpetrated the biggest communal clashes that history witnessed. Another major undoing of the time was to not pay attention to the social fabric and understanding of ties while dividing the territories, the maps drawn in a room with a pencil and a scale did not correspond to the ground reality and this resulted in unfulfilled expectations and bitterness in the collective memory of the people of the Indian subcontinent.

Even during British times, the idea of a separate homeland for Islamic section of the population of the Indian subcontinent was doing the rounds. There was a cultural assimilation of the two groups of people but the seeds of communal tensions were sown so deep that it started impacting the basic understanding of the people. What started as a political quest to have a separate state soon took religious and ideological colours and religion rather politics became the swaying factor. It is in the seeds of this religious fundamental approach that socialised a generation of population in the late 1940s and resulted in a chaos that lasted for almost two and half decades.

The formation of East Pakistan and West Pakistan was rife with tensions from the beginning. The formative principle of Islam as a binding factor was not enough to bridge the cultural gaps between the people of the East and West Pakistan. There were fissures seen soon after the end of 1940s. The death of Jinnah and the assassination of the Liaquat Ali Khan paved the way for military takeover of Pakistan (first indirectly and then directly via military coups). The Punjabi dominated military brass considered the Eastern citizens as mere subjects and the situation soon escalated to economic inequality, military actions against the East Pakistani Bengali future dominated population.

The entire political system was gathering inputs from the resentment and unfulfilled aspiration from the Eastern side while derogation and disregard for the former from the Western side. It was a classic example of how inputs in a political system were responsible for impacting political outputs directly. David Easton [Easton, 1965, pp. 32–33] notes that inputs into political system represents the demands which can take varied forms like ideas, interests and most importantly identities. In this case the output should have been corrective policies or decisions to make way for the demands of the people from the Eastern side which paved the way for a new political culture based on linguistic pride and distinct cultural understanding in the imagination of the people.

SHIFT IN POLITICAL CONSCIOUSNESS: FROM RELIGIOUS HOMOGENEITY TO LINGUISTIC DISTINCTION, THE FORMATION OF BANGLADESH

The political system always responds to inputs via the feedback mechanism [Easton, 1965, p. 32] but in the case of West Pakistan it was not an issue to be resolved but to be suppressed. Hence a brutal campaign of subversive activities against the East Pakistani people started. To this effect there was counter effect. The tides of political culture shifted not in the favour of region inspired ideas of consciousness among the people but towards the Bengali language that acted as a political glue to cement the new ideas and identity among the people of 'East Bengal'. The imagination of the people about their existence and their political life saw a major revamp with the advent of Linguistic Nationalism.

The East Bengal nationalism had, at its roots, a shared feeling of an idea that the people of East Bengal are a distinct group and they deserve a separate nation. This marked shift in the imagination of the people as a separate community also led to a shift in the existing political culture of the East Bengal and gave vent to the customs, ideas and imagination of distinctness and a quest to achieve that difference even at the level of the political system. The aspiration was to have a system which is responsible to the demands of the people whom it serves.

The idea of an imagined community rests upon the shared feeling of the of a group of individuals who identify with a shared community identity though no formal interaction takes place between them. An imagined community is a social construction, put together by the group or community of people who feel attached and strengthened by such an idea and perceive themselves as part of a larger group representing this idea. The maligned community as a collective identity forms the basis for nationalism and the formation of a nation state [Anderson, 1983, pp. 6–9]. The East Bengal nationalism was focussed upon the idea of ‘oneness’ given by such an imagination where the entire community dwelled upon shared common heritage that is Bengali language and also the Bengali culture.

The new political consciousness of people started a revolution within the society itself. The new generation started getting acquainted with a new political socialisation which imbibed a national character based on the language as a uniting force. This uniting force was not only horizontal in character but also redefined the vertical columns of power that till then existed in the political system of ‘East Bengal’. This gradual but stern shift in the culture of ongoing politics led to the formation of resistance bands, most famous of which is Mukti Bahini (the private army that was fighting the Pakistani army in the late 1960s and till 1971 when a new state of Bangladesh was formed) which resulted in the formation of militant political culture for a brief period of time. This specific character of militancy was short lived as the aspirations of people was to have a system of their own which coincides with their own cultural values, belief systems and norms. Once this goal was realised a brief period of calm was witnessed in the newly formed Bangladesh.

THE ADVENT OF FUNDAMENTALISM IN POLITICAL CULTURE OF BANGLADESH

Everything went fine in Bangladesh with all the processes being on the track in the making of a modern state, but then came the twist that would change the course of history. The brutal assassination of the founder of Bangladesh, Zia-Ur-Rehman was a watershed moment which put the county along a downward spiral of a dogmatic political outlook which over the years got deeply entrenched with religious fervour. The mixing of politics with religion paved the way for a modern state to go down the road of ‘politics based upon religion’ system. This system was not a days’ work but a factor of several internal variables as well as external influences. The year 1975 saw dramatic changes in the political environment of Bangladesh [Islam, 1984, p. 556].

The shift in the attitude of people was a result of an inside movement which was silent but it grew from within the powerful and elite sections of the society. Such groupings were fearful of the lost way of life that Islamic principles preached and hence they developed a reflexive response to the four cardinal principles that were enunciated by the first prime minister of Bangladesh as the bedrock of the modern state, namely; Nationalism, Socialism, Secularism and Democracy. The very first witness to the insidious change in the political consciousness of the people was seen when the constitution itself was amended to incorporate the religious beliefs.

The Bangladesh constitution was amended in 1977 to include the formula ‘Bismillah-Ar-Rahman-Ar-Rahim’ which translates as ‘in the name of Allah, the merciful and benevolent’. The preamble was changed to accommodate this amendment. Furthermore, the phrase ‘Absolute trust in Almighty Allah’ was written in the preamble. Clause 1A was added to Article 8 of the constitution to which technically and legally changed the

state's view on religion de facto [Chanda, Gupta, 2002, pp. 5–8]. There was attempt to get rid of any clause that would limit the religious zeal in the state policies and the biggest step towards that was taken when Article 12 of the 1972 constitution was deleted which promoted secular value and a new addition was made in Article 25 of the constitution that made it mandatory for the state to seek religious backing and preserve religious principles in every walk of life [The Constitution of People's Republic of Bangladesh, 1972, pp. 2–4].

The constitutional amendment was just the first step towards the shift in the political consciousness of the citizens. This was a direct response to the chaos after the leadership was assassinated in a single blow. The subsequent government skill-fully deployed the legal channel to appeal to religious identity of the people, once again. In this case the political culture took time to shift in a very gradual manner but first the political socialisation of beliefs that transpired from the above, crept into the social domain. Clause 2 of Article 25 of the Bangladesh constitution is of special importance which states that 'The state shall endeavour to Consolidate, Preserve, and strengthen fraternal relations among Muslim countries based on Islamic Solidarity'.

The phenomenon of creating an identity by the ruling elites from the top became blatant in the late 1970s, a trend which continues till date, and it led to several cracks in the political culture that was based upon people's imagination. The identity which was forged in 1971 gave people a hope to move forward in a secular manner away from dogmatic beliefs and principles and usher Bangladesh as a modern state in the South Asian realm. The advent of fundamentalism in the political system of the country was noticed not at the political and bureaucratic level but also within the generation of population which witnessed these changes. It became far easier for the new identity to proliferate not just vertically but also disseminate horizontally as it still had some remnants in the society from the pre-1971 times. There was a section of people who could not accept the modern foundations of the state and always had an appetite for revisionist beliefs and ideas. These people served as the principle means of Political Socialisation of the new yet old ideas about religious way of life and the primacy of Islamic values in the state. The reflexive ideas countered the established political culture and sought, successfully, to shift it.

THE CONTEMPORARY TIMES IN BANGLADESH

The political culture in present-day Bangladesh is rife with stress and communal tensions. The democratic character is more or less executed on paper and the stability of the government in recent times can be best described as shaky. Being a post-colonial country and gaining independence from another post-colonial country comes with its own sets of challenges. The issues of economic underdevelopment and underdeveloped social structures is nothing uncommon in such societies but much, as the time progressed, Bangladesh seemed to take a step backwards in the parameters of modernity. The economic boom in the manufacturing sector and the improved businesses was a shot in the arm but it was coupled with a deteriorating political underdevelopment.

In order to be a successful democratic polity the country must strive to seek a compromise between the traditional and the modern aspects of a modern nation state. In Bangladesh, right now, the opposite is happening. The participation of the people in the political processes is governed by the political elites. There is no independent mobilisation of a counter political thought which can challenge or force the existing state of affairs to change for the better. The Sheikh Hasina government which fell in the most dramatic fashion in 2024 is stark reminder of how neglected political needs and top-down models of political culture can lead to communal tensions and break the delicate social fabric of a multi-ethnic and multi-ethnic societies like Bangladesh.

The present caretaker government regime of Mohammed Yunus is acting in the same manner of political revisionism and vendetta which has had the market the political culture of Bangladesh since 1975. The shift in the political culture has not just resulted in some historically fatal choices for the nation as a whole it has Las

impacted the foreign policy choices of the country. Such a practice is ill suited for a nation-state in the long run as it undermines its capacity to work in the 21st century to work with the immediate neighbours, in an efficient manner. Also, this results in alignments which acts as drainage mechanism of national character rather than strengthening it. Bangladesh in its quest to claim its place in the Islamic world and attach itself to an Islamic identity has not only shaped the entire political culture to theological realm but at the same time it had to let go of the crucial partnerships that would have helped it secure much needed business and economic opportunities.

THE POLITICAL SHIFTS: 2024 — PRESENT

This paper examines the ideological transformation in Bangladesh, concentrating on the tension between its foundational linguistic nationalism and the growing impact of religious fundamentalism, exacerbated by the political developments from 2024 to 2026. The political identity of Bangladesh has historically been defined by a dichotomous conflict: linguistic-secular nationalism versus religious-Islamic nationalism. The 1952 Language Movement served as the moral and cultural bedrock of the state for fifty years, culminating in the 1971 Liberation War. After the Monsoon Revolution² in August 2024 and the general elections in February 2026, the country's political culture has changed a lot. The collapse of the Awami League's secular-authoritarian framework has enabled the ascendance of religious conservatism, which threatens to eclipse linguistic pride as the primary driving force of the Bangladeshi state.

Linguistic nationalism was the glue that held East Bengal together and allowed it to break away from Pakistan's religiously based Two-Nation Theory. It said that having a common language and culture was more important than having the same religion. This 'linguistic pride' became a state religion during Sheikh Hasina's long time in office (2009–2024).

Political scholars assert that the Awami League ultimately exploited this identity to marginalize opposition. The government caused intellectual exhaustion by calling anyone who disagreed with them 'Razakars' (collaborators with Pakistan) or 'anti-liberation forces.' The protests led by students in July 2024 started out focusing on job quotas but quickly grew into a larger rejection of the story told by the government. The regime's use of deadly force, which killed about 1,400 people, permanently changed the state's definition of the 'Spirit of 71'. [UK Parliament, 2025]³; [SWP Berlin, 2026]⁴.

² Following a massive protest movement in Bangladesh that toppled the government of Prime Minister Sheikh Hasina, politicians, civil society, students, diplomats, United Nations rights experts, and others quickly started work with an interim government to bring lasting reforms. After the monsoon Revolution, 2025. <https://www.hrw.org/report/2025/01/27/after-monsoon-revolution/roadmap-lasting-security-sector-reform-bangladesh>.

³ Terrorism in contemporary Bangladesh is motivated not only by the aim of exterminating or expelling its minorities and creating an unsullied theocracy at home, but by a global agenda. That is why events in Bangladesh are of grave concern to the wider global community, and to us in the UK. Bangladesh is the fourth largest Islamic society in the world, and the deepening roots of religiously motivated terrorism there pose a significant challenge to peace and security in a world already besieged by terrorism from other sources. A handful of determined killers, influenced by intensifying extremist ideology in their country of origin and the right to visa-free travel as EU or US nationals, will create an additional nightmare for national security agencies. [https://hansard.parliament.uk/Commons/2016-09-08/debates/0A950408-39DC-4436-B1DC-62BCA8D35891/Bangladesh\(ReligiousMinorities\)?highlight=extremism&_cf_chl_f_tk=fgUZKsaMbX57kjZjTxUMe_xrVeBBOwW93ZZcfL.95M-1776933030-1.0.1.1-iBwHd9Odkx.B0ULY2goPboz7kGKXHIPH5VDdpWRiOro](https://hansard.parliament.uk/Commons/2016-09-08/debates/0A950408-39DC-4436-B1DC-62BCA8D35891/Bangladesh(ReligiousMinorities)?highlight=extremism&_cf_chl_f_tk=fgUZKsaMbX57kjZjTxUMe_xrVeBBOwW93ZZcfL.95M-1776933030-1.0.1.1-iBwHd9Odkx.B0ULY2goPboz7kGKXHIPH5VDdpWRiOro).

⁴ The election outcome raises new questions regarding the future of democratic pluralism in the country. The decisive election victory of the Bangladesh Nationalist Party (BNP) means that one of the country's two historic political family dynasties will remain at the helm of government. The Muslim fundamentalist camp gained vote share, which could negatively impact the role of women in society as well as complicate Bangladesh's renewed rapprochement with neighbouring India. <https://www.swp-berlin.org/publikation/bangladeshs-political-realignment-after-the-parliamentary-elections>.

THE 2024 INSURRECTION: A REASON FOR CHANGE

When Sheikh Hasina left on August 5, 2024, there was a power vacuum like no other. Muhammad Yunus, a Nobel Prize winner, led the interim government in an effort to guide the country toward state repair and a change to democracy. However, the country's basic social structure began to break down along religious lines.

1. Iconoclasm and Symbolic Transformations. The destruction of statues of Sheikh Mujibur Rahman, the Father of the Nation, was not only an act of vandalism, but also a symbolic breaking down of the secular-linguistic cult of personality.

2. The Rise of Majoritarianism. Without a strong secular police force, communalist discourse spread. The protests in 2024 started out as a mix of different groups, but then there was a rise in violence against Hindu minorities, which experts have called an exclusionary form of nationalism. [Paul, 2025, p. 4]⁵.

THE REBIRTH OF ISLAMIST POLITICAL GROUPS (2025–2026)

The clearest sign that the shift from linguistic pride to fundamentalism is happening is the rise of Islamist groups in elections and society.

The Return of Jamaat-e-Islami

In February 2026, Jamaat-e-Islami, which was banned in early 2024 for rejecting the secular constitution, became a major force again. The official results from the Election Commission show that the party won 77 out of 300 seats, which is the most seats it has ever won in the country's history [Democratic Erosion, 2026]. This shows that voters' feelings have changed a lot. More and more, they see religious power as a more 'genuine' option than the corruption they see in secular dynasties.

Hifazat-e-Islam: A Parallel Social Institution

Hifazat-e-Islam Bangladesh, commonly known as Hefazat-e-Islam, is an Islamist advocacy group stemming from the Qawmi madrasa system, established in 2010 by its leaders. Primarily based in Chittagong, particularly at the Hathazari Madrasa, the organization comprises Islamic scholars, educators, and students and operates independently from mainstream political entities. Its formation was a reaction against perceived threats to Islamic values, particularly following the government's proposals of the Women's Policy 2011 and Education Policy 2010, which the group deemed contrary to Islamic principles. The group's national prominence surged during a significant rally in Dhaka in 2013, where it put forth a 13-point demand advocating for stricter blasphemy laws and increased Islamic influence in public life.

The organizational structure is decentralized, overseen by a central council (Majlis-e-Shura) and historically led by prominent figures like Shah Ahmad Shafi and Junaid Babunagari. Hifazat-e-Islam rejects involvement in electoral politics, maintaining a clear distance from both secular and Islamist parties such as the Awami League and Bangladesh Jamaat-e-Islami. Its ideological framework is deeply rooted in Deobandi conservatism, focusing on the preservation of Islamic values, modesty, and religious education, alongside calls for societal reforms aligned with traditional interpretations of Sharia.

One of the group's most notable actions occurred on May 5–6, 2013, during a major demonstration pressing its demands, which resulted in a violent response from security forces. Since then, Hifazat-e-Islam has actively opposed governmental policies viewed as secular, reacted against educational reforms, and protested against items such as sculptures and celebrations seen as contrary to Islamic teachings. Its

⁵ URL: <https://ejournal.uinsgd.ac.id/index.php/rpj/article/view/1442/708>.

relationship with the state has been complex, oscillating between confrontations over secular policy and moments of negotiation, including the government's recognition of Qawmi madrasa degrees as equivalent to postgraduate qualifications, suggesting a degree of accommodation aimed at appeasing the group [Pattnaik, 2020, pp. 3–4].

The social impact of Hifazat-e-Islam has sparked contrasting views. Supporters consider it a crucial defender of Islamic values amid a secularizing society, while critics accuse it of promoting intolerance, hindering women's rights, and limiting freedom of expression. Human rights activists have condemned the group's stances on issues like blasphemy laws, interpreting them as violations of global free speech norms and minority rights. In conclusion, Hifazat-e-Islam remains a pivotal force within Bangladesh's socio-political context, its influence indicative of the Qawmi madrasa system's resilience and the ongoing struggle between secular and religious narratives, profoundly affecting discussions around national identity, state policies, and the future of pluralism in the country. Hefazat-e-Islam is not a political party, but it has had a big impact on the reform process since 2024. They have spoken out for: getting rid of secularism in the constitution, the repeal of laws that protect women's equal rights to inherit, more religious oversight in the national curriculum.

ROLE OF HIFAZAT-E-ISLAM POST 2024

Hifazat-e-Islam (HEI) will play a very important role in Bangladesh after 2024 because of its historical impact and the way politics and society work in the country. HEI was founded in 2010 as a response to what people saw as the secularization and cultural dilution of Bangladesh. At first, its advocacy was focused on protecting Islamic values and practices, which was in line with the views of a large part of the population. After the 2024 general election, Bangladesh's politics are likely to change a lot. People think that HEI will try to strengthen its position as a major player in shaping political narratives, especially if the current government, led by the Awami League, starts to lose power. The organization's grassroots support could show up in getting people to speak out against policies that are seen as secular or against Islamic values.

Politically, HEI may take a more aggressive approach to building coalitions with other Islamist parties and groups. This could mean working with the Bangladesh Jamaat-e-Islami and newer groups that have similar beliefs. The possibility of a united Islamist front poses a significant threat to the secular political framework and may result in heightened polarization among the electorate. In addition, HEI's impact goes beyond politics to include social issues, especially education and cultural practices. The group has spoken out against school and university curricula that it thinks go against Islamic teachings and has called for a more Islamic-cantered educational system. This push changes how people talk about things in public and could lead to changes in school policies. It could even make Bangladesh rethink the secular versus religious education model.

Activism related to Hifazat-e-Islam is also likely to grow as people become more unhappy with society, especially when the economy is bad or politics are bad. HEI could take advantage of this anger by presenting itself as a defender of the rights of regular people. This strategy could lead them to look at problems like unemployment and economic disenfranchisement through an Islamic lens and convince people to look for answers that are based on their faith. In addition, HEI's ties to other countries could become stronger after 2024. Due to changes in the geopolitical climate, HEI may try to work with transnational Islamic groups to gain more power and possibly adopt positions that are influenced by global Islamic movements. This could change the way Bangladesh handles its foreign policy, especially when it comes to its ties with other Muslim-majority countries.

The world of social media has both good and bad things for HEI. The fast spread of information makes it easy for young people to get involved and support each other, but it also makes the organization open

to criticism and counter-narratives. How HEI adjusts to the digital age will be very important for keeping its audience and growing it. In short, Hifazat-e-Islam's role in Bangladesh after 2024 could change a lot as it deals with changes in politics, social issues, and outside forces. It could build coalitions, push for Islamic education, deal with social and economic problems, and use social media to reach out to people. The relationship between HEI's goals and the larger social and political situation will definitely affect the future of Bangladesh's politics.

THE NEW NORMAL AND THE GENERAL ELECTION OF 2026

The Bangladesh Nationalist Party (BNP) won a huge victory in the February 2026 elections. Still, a big change in the way people talked about religion helped the BNP get into power. In early 2026, BNP Secretary General Mirza Fakhrul Islam Alamgir publicly declared that secularism was inappropriate for Bangladesh's sociocultural context, advocating a framework that prioritizes religious sensibility (News9Live, 2026)⁶. This change shows that even the mainstream center-right is moving toward a mix of nationalism and Islam to keep popular support. This change is marked by:

1) **The Cyber Security Ordinance (2025)**⁷. The new law keeps parts of the strict Digital Security Act that make it illegal to hurt religious feelings, which gives fundamentalist groups a legal way to silence secularists and atheists (Gov.uk, 2025). This law is an institutional overreach which allows for majoritarianism in a sustained manner. This reflects a broader social affinity and dimension wherein the state itself becomes a tool for propagating the interests of the majority. The minorities are having a bulwark of protection in a post-colonial society only when the state keeps itself away legally and institutionally from the calls of majority pressure groups and social movement tactics. This law disguised as a document to spearhead Bangladesh into a next generation IT hub is another step towards terminating the secular credential that Bangladesh could have saved.

This is not happening because of the top leadership was keen to have it while the general population was ignorant about the facts. Rather it showcases a grassroots movement where such thoughts are manifested socially and politically. There is a general consensus among the population that Islam is the way out and the society itself is going towards a trend of Islamisation. The biggest fact for the support of this act is the rise of radical parties which are getting immense electoral results. The populace is gearing itself towards a new social set up and resetting the earlier peaceful co-existence mechanism.

2.) **Cultural Festivals Being Pushed Aside**. Religious leaders who think that traditional Bengali holidays like Pohela Boishakh (Bengali New Year) are un-Islamic have been calling for them to be limited more and more. Bangladesh is at a turning point where the linguistic citizen is being replaced by the religious subject. Years of political abuse have weakened the linguistic pride that used to protect against religious extremism. As the political situation in 2026 settles down, the new government will have to stop this religious resurgence from turning into state-sponsored fundamentalism that hurts the rights of women, minorities, and the democratic pluralism that the 2024 revolution was meant to protect.

CONCLUSION: THE WAY FORWARD

The most important step that must be taken with an urgency is to develop the institutions in the country. The institutional mechanism, if robust enough, is a cure to most of the bureaucratic issues.

⁶ BNP Rejects Secularism Ahead Of Bangladesh Elections, Sparks Debate. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XQnTl8OF-8Q>.

⁷ Bangladesh Artificial Intelligence readiness assessment report. URL: [https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2025-11/final_digital_bangladesh_ai_ram.pdf#:~:text=A Cyber Security Ordinance was,2 https://a2i.gov.bd/](https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2025-11/final_digital_bangladesh_ai_ram.pdf#:~:text=A%20Cyber%20Security%20Ordinance%20was,2https://a2i.gov.bd/).

This in turn will lead to reduction in the attitudes of people towards the system and it would also promote transparency between the civil and social component of the state. Second, the state of Bangladesh must revisit the constitution and reinvent the secular institution in the country. A multi ethnic country can't ever be driven or inspired by theological beliefs. Religion can be the staple for people but it being the staple of state brings disaster specially in a multi-national and ethnically diverse societies such as Bangladesh. Politics must be separated from religion and it should remain so no matter which party is in power.

The top-down model of state policy proliferation must stop and the third tier of government must be started so that the grassroots level, the most populous of all, of the society and the nation is strengthened and is able to give its feedback to the system. The public policies made for the people must also take a review of their effect from the very people for whom it is designed. The state must take utmost care that no individual or group must rise above the rule of law and put the state and its institution to ransom for the realisation of some idea which amounts to putting the entire society subservient to a dogmatic belief system or principles. Another important aspect of national building is an active cultivation of friendly relations with the neighbouring countries on the basis of national interest and not on some parochial notion of shared brotherhood based upon religion. Such an approach not only harms the present generation of people and the state but also corrupts the upcoming generation with the famous 'frog in the well' notion of ideas. The realist notions of state building must be taken into consideration and not the religious ones.

The last, but not the least, aspect is that Bangladesh as a nation evolved from a separate understanding of itself vis-a-vis the rest of the world. Its language and culture are intangible heritage for the entire world and must be presented in the most reputable and respectable manner all across the world. It is from these values that the distinct political culture took birth in the nation of Bangladesh. The state must correct the deviations and check for any undue slopes in the political systems and processes that may derail the nation building effort. State sponsored education of the modern arts and sciences must be the focus rather than state sponsored teaching of theology. Bangladesh caters to the need of all its citizens and not just one group or community and this must remain in the political consciousness all the time as it is one of the most important markers of a modern nation state.

Bangladesh has prospered a lot since its inception as a separate state in 1971. It made huge strides in all round directions and developed with a striking pace in human growth indicators like Human Development Index and per capita income. The need of the hour is to allocate these successes successfully, via the institutions, to the citizens without any consideration for ideas or belief system that may disrupt the growth or lead to a change in the social understating of politics. The people must always connect to the government and its policies and the state must always remain in consonance with the ideas and beliefs and identities of the citizens. Any attempt to make such beliefs, ideas and identities from the top leads to a destruction of the real social and political culture and replaces it with a virtual understanding which is forced upon the people. Such an identity leads to cracks and fissures in the society and it disrupts the entire political and social organisation of the state and sometimes leads to breakdown of the state itself.

Литература/ References

- Almond G. A., Powell. G. *Comparative Politics: A Developmental Approach*. Boston: Little, Brown and Company, 1966.
- Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso, 1983.
- Castells M. *The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring, and the Urban-Regional Process*. Oxford, UK, and Cambridge, Mass., USA: B. Blackwell, 1989.

- Chanda S. Gupta K. A. Islamic Fundamentalism in Bangladesh: Domestic and International Ramifications. *Institute of Peace and Conflict Studies*. 2002. Article number 752. Pp. 1–2.
- Easton D. *A Systems Analysis of Political Life*. New York: John Wiley, 1965.
- Giddens A. *Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives*. New York: Routledge, 2003.
- Giddens A. *Modernity and Self- Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford: Stanford University Press, 1991.
- Islam S. S. The State in Bangladesh under Zia (1975–81). *Asian Survey*. 1984. Vol. 24. No. 5. Pp. 556–573. URL: <https://doi.org/10.2307/2644413>.
- Pye L. W., Verba S., eds. *Political Culture and Political Development*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1965.
- Paul A. Unholy Alliance: Nationalism, Communalism, and the 2024 Anti-Hindu Violence in Bangladesh. *Religion and Policy Journal*. 2025. Vol. 3. No.1. Pp. 46–66.
- Scholz T. and Wigger L. Bangladesh's Political Realignment after the Parliamentary Elections. *Stiftung Wissenschaft und Politik*. 2026. P. 13.
- The Constitution of People's Republic of Bangladesh*, 1972.

Online Resources

- Bangladesh Artificial Intelligence Assessment Report, UNDP. <https://www.undp.org/bangladesh/publications/bangladesh-artificial-intelligence-readiness-assessment-report> Banglapedia, 2021 (дата обращения: 20.04.2026).
- Mukti Bahini. https://en.banglapedia.org/index.php/Mukti_Bahini (дата обращения: 17.04.2026).
- Pattanaik S. S. *Hefajat-e-Islami and the politics of Islamism in Bangladesh* [Issue Brief]. <https://www.idsa.in/system/files/issuebrief/ib-hefajat-e-islami-and-the-politics-of-Islamism>. 2020 (дата обращения: 20.04.2026).
- UK Parliament, House of Commons Debate. Volume — 614, Debated on: 8th September 2016. Bangladesh Religious Minorities. URL.: <https://hansard.parliament.uk/commons/2016-09-08/debates/0A950408-39DC-4436-B1DC-62BCA8D35891/Bangladesh> (дата обращения: 20.04.2026).
- URL: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/bgd117108E.pdf>. (дата обращения: 20.04.2026).
- URL: https://www.ipcs.org/comm_select.php?articleNo=752 (дата обращения: 20.04.2026).
- URL: <https://www.youtube.com/watch?v=XQnTl8OF-8Q> (дата обращения: 18.04.2026).
- URL: [https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2025-11/final_digital_bangladesh_ai_ram.pdf#:~:text=A Cyber Security Ordinance was,2 https://a2i.gov.bd/](https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2025-11/final_digital_bangladesh_ai_ram.pdf#:~:text=A%20Cyber%20Security%20Ordinance%20was%20https://a2i.gov.bd/) (дата обращения: 20.04.2026).
- URL: <https://www.hrw.org/report/2025/01/27/after-monsoon-revolution/roadmap-lasting-security-sector-reform-bangladesh> (дата обращения: 19.04.2026).
- URL: <https://www.swp-berlin.org/publikation/bangladeshs-political-realignment-after-the-parliamentary-elections> (дата обращения: 20.04.2026).

THE ROLE OF KNOWLEDGE DEMAND IN INNOVATION SYSTEMS: EVIDENCE FROM JAPAN'S STATE-INDUSTRY COORDINATION* +

© 2026

Francisco Javier Brambila Martinez, Daria E. Gribkova¹

Contemporary studies on Japanese science and technology (S&T) policy predominantly examine the constraints of intersectoral initiatives in overcoming the country's developmental stagnation. The distinctive institutional and policy features of its public-private sector symbiosis are thereafter overlooked, depriving policy makers of critical insights into demand-side governance mechanisms through policy instruments and coordination frameworks.

This paper examines all Science and Technology Basic Plans (1996–2025) to assess the main causes and purpose behind the gradual institutionalization of public-private coordination and their changing focus from sectoral to social and national development. To assess their reach and effectivity, the tasks, policy measures and outcomes documented in available annual Integrated Innovation Strategies from (2016–2024) are compared. Regarding intersectoral priority directions, four main episodes are noted: strengthening of structural linkages (within the government-university-corporation framework) (2016 to 2017), societal transformation (2018), crisis response (2019–2020) and strategic autonomy (2021–2024). A typology of measures is constructed by their frequency, the most prevalent being joint public-private R&D, fiscal incentives for corporate innovation and technology transfer regulations.

It is concluded that Japan's state and corporate-led intervention effectively influences private R&D investment, particularly in mission-critical areas, however the scope of its technological policies are constrained by the capacity of key stakeholders to increase their knowledge demand in a short term. As a result, Japanese S&T policy has embraced short-term, challenge-driven interventions with more tangible goals, however have so far failed to overcome regulatory bottlenecks, uneven SME participation, and persistent human capital shortages that constrain the nation's overall innovation scalability.

Based on the tasks and challenges stated in both, Basic Plans and Integrated Innovation Strategies, this study provides policy recommendations within the framework of dynamic regulatory sandboxes, SME-targeted fiscal instruments, and workforce upskilling reforms to enhance systemic resilience.

* *Funding sources: The paper was prepared within the framework of the Fundamental Research Program of the National Research University «Higher School of Economics» (HSE University).*

Источники финансирования: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

+ *Acknowledgments: This work is an output of project HSE-MS-2025–001 implemented at HSE University*

Благодарность: В данной работе использованы результаты проекта HSE-MS-2025–001, выполненного в НИУ ВШЭ

¹ Francisco Javier Brambila Martinez, PhD (PoliSci), Leading Expert, Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge (ISSEK), HSE University, Moscow; fbrambila@hse.ru
ORCID: 0000-0002-4534-3408

Брамбила Мартинес Франсиско Хавьер, кандидат политических наук, ведущий эксперт Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва; fbrambila@hse.ru

Daria E. Gribkova, postgraduate student, Leading Expert, Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge (ISSEK), HSE University, Moscow; dgribkova@hse.ru
ORCID: 0009-0007-6305-6342

Грибова Дарья Евгеньевна, аспирант, ведущий эксперт Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва; dgribkova@hse.ru

Keywords: Japan, knowledge demand, Japan innovation policy, science and technology policy (STI), mission-oriented policy, state and market-driven innovation, public-private cooperation, research and development

For citation: Brambila Martinez F. J., Gribkova D. E. The Role of Knowledge Demand in Innovation Systems: Evidence from Japan's State-Industry Coordination. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 2. Pp. 115–129. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-115-129

РОЛЬ СПРОСА НА ЗНАНИЯ В ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМАХ: ДАННЫЕ О КООРДИНАЦИИ ГОСУДАРСТВА И ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ЯПОНИИ

Ф. Х. Брамбила Мартинес, Д. Е. Грибкова

Современные исследования научно-технологической политики Японии преимущественно фокусируются на анализе ограничений межсекторальных инициатив в контексте преодоления стагнации национального развития. При этом уникальные институциональные характеристики и политические особенности модели государственно-частного партнерства остаются недостаточно изученными, что лишает политических акторов важной информации относительно механизмов управления со стороны спроса, реализуемых посредством инструментов политики и координационных структур.

В настоящем исследовании проводится комплексный анализ всех Базовых планов развития науки и технологий (1996–2025) страны с целью выявления ключевых факторов и целевых установок постепенной институционализации государственно-частной координации, а также эволюции ее фокуса с отраслевого на социальное и национальное развитие. Для оценки масштаба и эффективности реализации указанных планов осуществляется сравнительный анализ задач, мер политики и достигнутых результатов, зафиксированных в ежегодных стратегиях комплексного инновационного развития (2016–2024). В ходе исследования выделены четыре последовательных этапа эволюции приоритетов межсекторального взаимодействия: период укрепления структурных взаимосвязей в треугольнике «государство–университеты–бизнес» (2016–2017), этап социальной трансформации (2018), фаза антикризисного регулирования (2019–2020) и современный этап обеспечения стратегической автономии (2021–2024). Методом частотного анализа сформирована типология наиболее распространенных инструментов политики, среди которых доминирующее положение занимают механизмы поддержки совместных исследований и разработок организациями государственного и частного секторов, система фискальных стимулов для инновационного развития бизнеса, а также нормативно-правовые акты, регулирующие процессы трансфера технологий.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что в Японии государственное регулирование в партнерстве с корпоративным сектором действительно оказывает значимое влияние на объем частных инвестиций в исследования и разработки, особенно в стратегически важных отраслях экономики. Однако эффективность проводимой технологической политики существенно ограничена институциональными барьерами, прежде всего неспособностью ключевых участников инновационного процесса оперативно наращивать спрос на новые знания и технологические решения. Это институциональное ограничение привело к переориентации научно-технической политики страны на краткосрочные целевые интервенции, сфокусированные на решении конкретных технологических вызовов и имеющие четкие количественные показатели результативности. Однако, как показывает исследование, подобные меры пока не позволяют преодолеть системные ограничения инновационного развития, включая сохраняющиеся регуляторные барьеры, неравномерное участие малого и среднего бизнеса в инновационных процессах, а также хронический дефицит квалифицированных кадров необходимой специализации. Совокупное действие этих факторов продолжает сдерживать возможности масштабирования инноваций на уровне экономики в целом.

На основании анализа задач и вызовов, сформулированных как в Базовых планах, так и в Комплексных инновационных стратегиях, в рамках настоящего исследования предлагаются рекомендации по совершенствованию политики в следующих ключевых направлениях: внедрение динамичных регуляторных «песочниц», разработка целевых фискальных механизмов для субъектов малого и среднего предпринимательства, а также реализация реформ в области повышения квалификации рабочей силы. Предлагаемый комплекс мер направлен на усиление устойчивости национальной инновационной системы.

Ключевые слова: Япония, спрос на знания, инновационная политика, научно-техническая политика, миссия-ориентированная политика, государственно- и рыночно-ориентированные инновации, государственно-частное партнерство, исследования и разработки

Для цитирования: Брамбила Мартинес Ф. Х., Грибкова Д. Е. Роль спроса на знания в инновационных системах: данные о координации государства и промышленности в Японии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 2. С. 115–129. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-115-129

INTRODUCTION

This research builds on the author's hypothesis that innovation is driven by a dynamic equilibrium between the supply of accumulated industrial capabilities and the continuous demand for state and industry knowledge.

Japan represents an important case study for examining this proposition, as it demonstrates a distinct developmental trajectory among state-led late-industrializing nations. Superficially, Japan exhibits conceptual similarities with other East Asian economies, particularly in its adoption of Western education systems, post-war technological investments for industrial recovery, and subsequent focus on high-tech industries to enhance global competitiveness. However, Japan distinguishes itself through the unprecedented scale and diversification of its economy, driven by sustained intersectoral coordination since the onset of its late industrialization.

For instance, the Meiji Restoration (1868–1912) marked the institutionalization of a centralized, state-directed scientific and industrial framework, beginning with the founding of Japan's first Western-style universities, (such as Tokyo Imperial University in 1877), which housed STEM departments initially staffed by foreign experts under government-sponsored programs [Curtis, 1996, p. 269–272]. These early partnerships yielded substantial technological spillover effects while cementing enduring collaborations between state-aligned corporations and academic institutions through formal contractual agreements. Over time, these institutional arrangements laid the foundation for Japan's modern industrial conglomerates.

The post-World War II era brought substantial restructuring of Japan's governance apparatus under US occupation, marked by significant expansions in higher education access through the School Education Law of 1947², particularly in STEM fields. This period also saw the implementation of knowledge transfer programs like the Productivity Program of 1955, which facilitated exchanges of managers, engineers, and scientists with US companies, along with strategic technology licensing arrangements. These developments fundamentally transformed government-industry relations, enhancing private sector negotiating power through business federations while establishing new frameworks for public-private partnerships in capital-intensive domains such as space exploration and nuclear energy [Yamada, 1956, p. 33–45]. The creation of institutions like the Japan Society for the Promotion of Science (1949) and

² Gakkō kyōiku-hō [School Education Law] // National Diet, 1947. URL: <https://laws.e-gov.go.jp/law/322AC0000000026> (accessed: 01.04.2026).

the Ministry of International Trade and Industry (1949) further institutionalized state support for industrial research and talent development.

Subsequent decades witnessed intensive export-oriented industrialization efforts characterized by state support for private sector development and manufacturing capabilities in high-value commercial sectors (including electronics and automotive industries), demonstrating a synergistic alignment of business and public interests focused on sustained economic growth. However, the financial crisis of the early 1990s marked a turning point, prompting the state to adopt a more active role in stimulating knowledge demand to address systemic economic and demographic challenges through targeted science and technology coordination mechanisms [Odagiri, 1997, pp. 461–471].

This historical overview reveals that while Japan's science and technology policy (STI) shares foundational characteristics with other developed nations, it has evolved into a sophisticated state management instrument and national agenda facilitator in the 21st century. Important questions remain however regarding the formal processes governing public-private sector interactions, particularly in determining knowledge demand priorities when addressing national and social challenges, as well as assessing the overall effectiveness of these mechanisms in promoting national development.

FROM FRAGMENTATION TO INTEGRATION: THE EVOLUTION OF JAPAN'S SCIENCE AND TECHNOLOGY GOVERNANCE

The evolution of Japan's science and technology governance framework emerged against a backdrop of intense global competition and prolonged domestic economic stagnation following the collapse of the asset price bubble. During this critical period, the nation's support measures for scientific and technological advancement remained fragmented across various government agencies, lacking coherent institutional objectives and effective coordination mechanisms. The pivotal turning point came with the enactment of the Basic Science and Technology Law in 1995,³ which established a structured framework for science and technology policy through five-year "Basic Plans" developed under the auspices of the Council for Science and Technology, operating under the Prime Minister's authority. However, the Council initially functioned primarily in an advisory capacity, lacking sufficient mechanisms to resolve inter-ministerial conflicts, particularly between the industry-focused METI (Ministry of Economy, Trade and Industry) and academia-oriented MEXT (Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology), or to effectively align industrial priorities with national strategic objectives.

The implementation of the Central Government Reform Act between 1998 and 2001⁴ marked a significant transformation in Japan's science and technology governance architecture. This legislative reform strengthened the Prime Minister's executive authority within the Cabinet Office and elevated the status of the reorganized Council for Science and Technology Policy, consolidating its position as Japan's preeminent science and technology policymaking body. The Council's expanded mandate encompassed the formulation of national objectives within the Basic Plans framework, coordination of comprehensive research and development programs involving public-private-academic collaboration, allocation of budgetary resources to relevant ministries and agencies, and the proposal of legislative and regulatory measures for priority domains including artificial intelligence, digital transformation, and economic security.

³ Kagaku gijutsu inobēshon kihon-hō kagaku gijutsu inobēshon sōshutsu no kassei-ka ni kansuru hōritsu [Basic Act on Science, Technology and Innovation / Act on Revitalization of Science, Technology and Innovation Creation] // National Diet, 1995. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/cst/kihonhou/mokuji.html> (accessed: 01.04.2026).

⁴ Central Government Reform of Japan // Prime Minister's Office, 2001. URL: https://japan.kantei.go.jp/central_government/frame.html (accessed: 01.04.2026).

The composition of the Council for Science and Technology Policy reflects Japan's institutionalized approach to integrating diverse stakeholder interests, comprising government ministers, industry leaders (typically chief executives of major corporations), university presidents, and distinguished scientists appointed by the Prime Minister to facilitate the consolidation of cross-sectoral interests while maintaining dedicated implementation mechanisms. Japan's five-year Basic Plans exhibit certain characteristics reminiscent of centrally-planned economic systems, particularly in their establishment of budgetary targets and inter-institutional roadmaps for addressing national challenges, notwithstanding, Japan's model remains distinctive in its ability to harmonize private sector interests through a network of highly diversified corporations that occupy strategic positions within the national economic landscape without resorting to direct government control.

The effectiveness of interest representation and negotiation between public and private sectors has been significantly affected however by Japan's political dynamics, particularly the frequent turnover of executive leadership. With thirteen different prime ministers serving between 2000 and 2025 (excluding Shinzo Abe's unprecedented eight-year second tenure), the political landscape has been characterized by persistent instability. This pattern of short executive tenures has compounded the inherent challenges of five-year planning cycles, particularly in adapting to unforeseen contextual changes. In response to these limitations, the Council for Science and Technology Policy introduced annual "Integrated Innovation Strategies" in 2016, designed to enhance policy adaptability while establishing concrete timelines for implementation measures that balance state and private sector interests.

Analysis of the evolving objectives within both Basic Plans and Integrated Innovation Strategies reveals distinct phases in Japan's science and technology policy orientation (table 1). The initial four Basic Plans (1996–2015) prioritized the consolidation of Japan's science and technology ecosystem, emphasizing the complementary roles of academic institutions and industrial research and development in enhancing the nation's commercial competitiveness. A significant policy shift occurred with the fifth Basic Plan (2016 onward), which expanded the scope of science and technology policy to address broader socioeconomic challenges through the "Society 5.0" framework articulated in Japan's 2015 Revitalization Strategy. This new paradigm emphasized social equity and quality of life improvements as fundamental components of sustainable growth, representing a departure from previous productivity-centric approaches.

Table 1. Main goals and tasks of Japan's Basic Plans

Document	Goal	Tasks
First Basic Plan (1996–2000) ⁵	Transition from industrial policy-driven innovation to a more systematic, long-term investment in science and technology.	1. Shift from industrial and applied R&D to foundational science. 2. Improve PhD programs and training of scientists and engineers to counter the country's brain drain. 3. Reduce bureaucratic processes in funding allocation.
Second Basic Plan (2001–2005) ⁶	Strengthen human resource development, strategic prioritization, university-industry collaboration on key areas.	1. Intensive R&D in life sciences, IT and nanotechnologies. 2. Increase support for PhD and postdoc programs as well as international exchanges. 3. Flexible rules for university-industry collaboration.

⁵ Kagaku gijutsu kihon keikaku [Basic Plan of Science and Technology] // Ministry of Education, Science, Sports and Culture, 1996. URL: https://www.mext.go.jp/b_menu/shingi/kagaku/kihonkei/honbun.htm (accessed: 01.04.2026).

⁶ Dai 2-ki kagaku gijutsu kihon keikaku [Second Science and Technology Basic Plan] // Cabinet Office, 2001. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/honbun.html> (accessed: 01.04.2026).

Document	Goal	Tasks
Third Basic Plan (2006–2010) ⁷	Strengthen the country's leadership in strategic areas amid global competition challenges.	1. Intensive R&D in life sciences, IT and nanotechnologies. 2. Increased international and university-industry collaboration. 3. Development of S&T regional university and industry clusters with decreasing population density.
Fourth Basic Plan (2011–2015) ⁸	Increase the country's disaster resiliency and boost its energy security with emphasis on green technologies.	1. Intensive R&D in life sciences (healthcare), disaster resiliency (environmental, marine, space sectors) and green energy (solar, wind and next generation batteries). 2. S&T to strengthen the national infrastructure. 3. Establish and finance industry-academia R&D in areas of commercial potential.
Fifth Basic Plan (2016–2020) ⁹	Lay the foundations for the integration of digital and physical systems within the framework of Society 5.0	1. R&D support for digital technologies as enablers of strategic sectors (energy, healthcare, and manufacturing). 2. Research infrastructure strengthening and attraction of local and foreign talents. 3. Establish and finance industry-academia R&D in advanced technologies for global leadership.
Sixth Basic Plan (2021–2025) ¹⁰	Pursue transformative innovation for sustainable growth (population, industry and economy)	1. Strategic autonomy of key technologies (AI, quantum, semiconductors). 2. Adaptation of digitally integrated technologies to crisis response (post-pandemic reality and geopolitical threats). 3. Foster state-industry-academia with the private sector, including with international partners in key sectors.

Source: Cabinet Office

While the Basic Plans have maintained relatively abstract objectives, the accompanying Integrated Innovation Strategies have demonstrated progressively greater specificity and practical focus (table 2). These annual roadmaps have evolved from initial emphasis on integrating physical and digital infrastructures under the Society 5.0¹¹ vision to addressing more immediate concerns including economic security, supply chain resilience, and governance frameworks for emerging technologies like artificial intelligence. Considering that the sixth Basic Plan (2021–2025) notably omits explicit references to Society 5.0, potentially reflecting strategic realignments prompted by the COVID-19 pandemic's aftermath and evolving geopolitical tensions affecting science and technology sectors, is worth noting that this shift may however indicate a growing prioritization of short-term, challenge-driven planning over long-term visionary frameworks, with state and industry knowledge demands increasingly shaping national policy directions.

OVERVIEW OF JAPAN'S POLICY MEASURES FOR PUBLIC-PRIVATE INNOVATION

The measures implemented through Japan's Integrated Innovation Strategies demonstrate distinct characteristics when compared to the more tentative approaches of the Basic Plans, particularly

⁷ Dai 3-ki kagaku gijutsu kihon keikaku [Third Science and Technology Basic Plan]. // Cabinet Office, 2001. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/kihon3.html> (accessed: 01.04.2026).

⁸ Dai 4-ki kagaku gijutsu kihon keikaku [Fourth Science and Technology Basic Plan] // Cabinet Office, 2011. URL: <https://www8.cao.go.jp/shougai/suishin/pdf/kihonkeikaku30.pdf> (accessed: 01.04.2026).

⁹ Dai 5-ki kagaku gijutsu kihon keikaku [Fifth Science and Technology Basic Plan] // Cabinet Office, 2016. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/index5.html> (accessed: 01.04.2026).

¹⁰ Dai 6-ki kagaku gijutsu kihon keikaku [Sixth Science and Technology Basic Plan] // Cabinet Office, 2021. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/index6.html> (accessed: 01.04.2026).

¹¹ Society 5.0 // Cabinet Office, 2016. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/society5_0/ (accessed: 01.04.2026).

in their capacity to shape both state and corporate knowledge demand (table 2). The evolution of state-led knowledge demand reveals a clear trajectory from addressing broad societal challenges to pursuing targeted geopolitical and technological sovereignty objectives. During the initial implementation period from 2016 to 2018, government priorities centered on mission-oriented research and development in critical sectors such as energy and healthcare, reflecting traditional developmental state models where public institutions identify and pursue complex technological challenges. The emergence of the COVID-19 pandemic in 2020 prompted a shift toward crisis-responsive strategies, with substantial resources allocated to pandemic-related digital health solutions and climate adaptation technologies, particularly hydrogen-based systems. The post-2022 period witnessed further refinement of state priorities toward strategic autonomy, evidenced by significant subsidies directed at securing semiconductor supply chains and developing domestic capabilities in critical materials, highlighting the government's evolving role in mitigating geopolitical risks through science and technology policy.

Table 2. Main goals and measures of Japan's Integrated Innovation Strategies

Document	Goal	Measures
Integrated Innovation Strategy (2016) ¹²	Industry-academia R&D alignment	1. Industry-Academia-Government alliances in priority areas; 2. Introduction of mission-oriented R&D for national challenges (e. g., solving energy efficiency, healthcare challenges); 3. Encourage corporate access to public research data; 4. Accelerate technology transfers from universities to firms via technology licensing organizations; promote international joint patents and standardization.
Integrated Innovation Strategy (2017) ¹³	Industry-academia R&D alignment	1. Companies co-design national R&D projects; 2. Enhanced R&D Tax Credits: Up to 25% for SMEs, 10% for large companies. 3. Reduced taxes (10–15%) on income from patented technologies; 4. Government acts as a "first adopter" of advanced tech (e. g., robotics in eldercare, renewable energy systems); 5. Creation of regulatory sandboxes.
Integrated Innovation Strategy (2018) ¹⁴	Societal transformation	1. Corporations propose bold R&D goals with social impact; 2. Industry-cross-ministerial R&D programs in autonomous vehicles and energy storage technologies; 3. Enhanced deductions for corporate R&D — up to 30% for SMEs and 15% for large firms in priority areas. 4. Reduced tax rate to 10% for income from patented tech; 5. Government prioritized purchases of AI/robotic solutions.

¹² Kagaku gijutsu inobēshon sōgō senryaku 2016 [Integrated Innovation Strategy 2016] // Cabinet Office, 2016. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/sogosenryaku/2016.html> (accessed: 01.04.2026).

¹³ Kagaku gijutsu inobēshon sōgō senryaku 2017 [Integrated Innovation Strategy 2017] // Cabinet Office, 2017. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/sogosenryaku/2017.html> (accessed: 01.04.2026).

¹⁴ Kagaku gijutsu inobēshon sōgō senryaku 2018 [Integrated Innovation Strategy 2018] // Cabinet Office, 2018. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/tougosenryaku/tougo_honbun.pdf (accessed: 01.04.2026).

Document	Goal	Measures
Integrated Innovation Strategy (2019) ¹⁵	Pandemic response	1. Prioritized R&D in AI, IoT and robotics for disaster resilience and pandemic response; 2. Aligned national R&D budgets with corporate-identified priorities; 3. Expanded cross-sector data sharing between corporations and national research institutes; 4. Expanded state venture-capital funding for university startups; 5. Streamlined patent licensing from public institutes to SMEs and startups.
Integrated Innovation Strategy (2020) ¹⁶	Post-pandemic growth	1. Post-pandemic driven R&D in digital health, telemedicine, and vaccine development through public-private partnerships; 2. Alignment of national AI R&D with industry needs; 3. Shifted R&D focus to renewable energy, hydrogen tech, and circular economies with corporate input; 4. Funding for deep-tech startups; 5. Simplified patent licensing from universities to corporations.
Integrated Innovation Strategy (2021) ¹⁷	Economic security	1. Government-sponsored AI, IoT and 5G to address industry productivity gaps; 2. Aligned corporate R&D with Japan's 2050 carbon-neutral goal; 3. Doubled funding for deep-tech startups (e. g., quantum, biotech) and corporate-startup collaborations; 4. Streamlined university patent licensing; 5. Corporate-state R&D in 6G with global players.
Integrated Innovation Strategy (2022) ¹⁸	Strategic technology governance	1. Aligned corporate R&D in strategic technologies (AI, quantum, and biotech) to reduce foreign dependencies; 2. Subsidies for corporate DX adoption; 3. ¥10 trillion fund for corporate-backed ventures in space, biotech, and AI. 4. Secure cross-border data sharing for firms 5. AI R&D standards and guidelines
Integrated Innovation Strategy (2023) ¹⁹	Industrial chain resiliency	1. Public-private cooperation in securing critical materials; 2. ¥2 Trillion in subsidies for companies in all stages of the semiconductor supply chain; 3. Corporate alliance on carbon neutrality roadmaps; 4. Reduced tax rate to 5% for AI/green-tech IP income; 5. Doubled tax deductions for firm investments in deep-tech startups.

¹⁵ Kagaku gijutsu inobēshon sōgō senryaku 2019 [Integrated Innovation Strategy 2019] // Cabinet Office, 2019. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/togo2019_honbun.pdf (accessed: 01.04.2026).

¹⁶ Kagaku gijutsu inobēshon sōgō senryaku 2020 [Integrated Innovation Strategy 2020] // Cabinet Office, 2020. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/tougosenryaku/2020.html> (accessed: 01.04.2026).

¹⁷ Kagaku gijutsu inobēshon sōgō senryaku 2021 [Integrated Innovation Strategy 2021] // Cabinet Office, 2021. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/tougosenryaku/2021.html> (accessed: 01.04.2026).

¹⁸ Kagaku gijutsu inobēshon sōgō senryaku 2022 [Integrated Innovation Strategy 2022] // Cabinet Office, 2022. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/tougosenryaku/2022.html> (accessed: 01.04.2026).

¹⁹ Kagaku gijutsu inobēshon sōgō senryaku 2023 [Integrated Innovation Strategy 2023] // Cabinet Office, 2023. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/tougosenryaku/2023.html> (accessed: 01.04.2026).

Document	Goal	Measures
Integrated Innovation Strategy (2024) ²⁰	Advanced industrialization	1. 0% tax rate for first 3 years on green-tech IP income; 2. AI-driven bureaucracy; 3. Sandboxes with fast-track approvals for UAVs, space and neuro technologies; 4. ¥20 trillion fund targeting AI, biotech, and space startups; 5. Expanded semiconductor R&D with U.S., Korea, and EU.

Source: Cabinet Office

Private sector knowledge demand within Japan's innovation ecosystem has been shaped through a combination of fiscal incentives, market opportunity structures, and collaborative governance frameworks. For instance, initial policy measures in 2016 focused primarily on research and development tax incentives, offering research and development deductions for large enterprises, alongside mechanisms to streamline technology transfer from academic institutions. Subsequent years saw growing corporate influence on national research and development agendas, manifested through industry-proposed moonshot projects and cross-sector data-sharing initiatives. The period from 2022 to 2024 marked a pronounced shift toward deep technology investments, particularly in artificial intelligence and biotechnology, accompanied by demands for greater regulatory flexibility with the introduction of sandboxes in dedicated sector. This progression illustrates the transformation of private sector engagement from passive policy recipients to active participants in knowledge demand co-creation, facilitated by state-developed risk mitigation instruments including intellectual property tax reductions and venture capital funding mechanisms.

The interface between state and private knowledge demand finds its most sophisticated expression in Japan's hybrid governance model, which strategically combines top-down policy direction with bottom-up innovation dynamics. Corporate involvement in national research and development planning since 2017 exemplifies this co-design approach, enabling firms to reconcile state priorities with market realities. Collaborative initiatives such as public-private pandemic research consortia in 2020 and carbon-neutral industrial alliances in 2023 demonstrate the potential for symbiotic knowledge production, where public funding reduces private sector risk exposure. However, this collaborative framework has not been without tensions, particularly regarding intellectual property control and implementation timelines, where the state's long-term resilience objectives frequently conflicted with corporate return-on-investment expectations. These tensions have been partially resolved through adaptive policy instruments including streamlined patent licensing processes implemented between 2019 and 2024 and experimental regulatory sandbox regimes established in 2024, which collectively attempt to balance proprietary interests with collective innovation goals.

Japan's fiscal and regulatory toolkit for modulating knowledge demand has undergone significant refinement since 2016. For instance, early tax incentive structures rewarded private sector research and development investment but lacked sufficient sectoral specificity, by 2021 however, these incentives became more targeted, offering differential deduction rates such as 30% for small and medium enterprises operating in priority areas, reflecting deliberate state steering toward strategic technologies including artificial intelligence and green energy solutions. The 2023–2024 reforms introduced further sophistication through tiered intellectual property tax rates, including preferential 5% rates for artificial intelligence and green technologies and complete tax exemptions for the first three years of operation, creating explicit linkages between private sector returns and national strategic objectives. Parallel developments in regulatory frameworks, particularly the expansion of sandbox mechanisms between 2017 and 2024, have reduced

²⁰ Kagaku gijutsu inobēshon sōgō senryaku 2024 [Integrated Innovation Strategy 2024] // Cabinet Office, 2024. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/tougosenryaku/2024.html> (accessed: 01.04.2026).

barriers to innovation in high-risk sectors including drone technologies and space commercialization, enabling controlled experimentation environments. These policy instruments collectively demonstrate a comprehensive state strategy to internalize innovation externalities, using public subsidies and tax policy to redirect private knowledge demand toward socially optimal outcomes including decarbonization and supply chain resilience.

Japan's science and technology system presents a compelling challenge to conventional linear innovation models by demonstrating the iterative interaction between state and private knowledge demand. The system exemplifies how corporate input can reshape national research and development budgets, as evidenced in 2019, while state responses to crises such as pandemics and climate emergencies can redirect private sector research priorities. This dynamic aligns with Mazzucato's (2013) [Mazzucato, 2013, pp. 97–103] entrepreneurial state thesis, which posits that public institutions not only address market failures but actively create new markets through mechanisms such as first-adopter procurement policies. Three particularly noteworthy features emerge from this analysis: dynamic fiscal instruments including time-bound intellectual property tax cuts that synchronize state and private sector priorities; co-governance mechanisms such as regulatory sandboxes that mediate differences in risk tolerance; and strategic global alliances in areas like semiconductor development that reconcile national autonomy with international interdependence. These elements collectively represent Japan's distinctive approach to orchestrating innovation through the strategic management of knowledge demand.

FROM BASIC PLANS TO INTEGRATED STRATEGIES: MEASURING JAPAN'S INNOVATION POLICY OUTCOMES

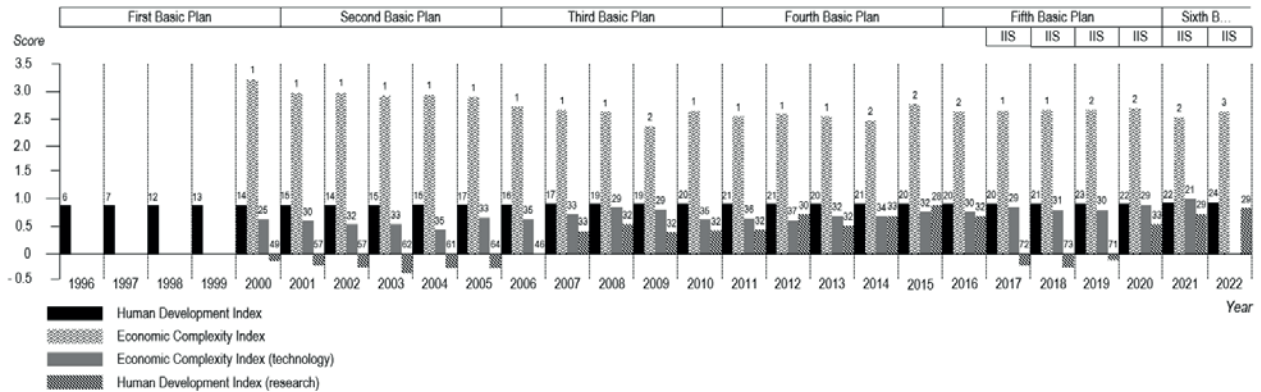
The assessment of Basic Plan effectiveness reveals mixed outcomes when evaluated against research and development expenditure targets, with only the Basic Plan (2001–2005) achieving its stated financial objective of 3% (from 2.9%) (table 3).

Table 3. Main performance indicators of Japan's Basic Plans from 1996 to 2022

Document	Target goal, %	Actual expenditure, %	Document	Target goal, %	Actual expenditure, %
First Basic Plan (1996–2000)	3	2.6 (1996); 2.8 (2000)	Fourth Basic Plan (2011–2015)	3.5	3.2 (2011); 3.2 (2015)
Second Basic Plan (2001–2005)	3	2.9 (2001); 3.1 (2015)	Fifth Basic Plan (2016–2020)	4	3.1 (2016); 3.3 (2020)
Third Basic Plan (2006–2010)	3.5	3.2 (2006); 3.1 (2010)	Sixth Basic Plan (2021–2025)	4	3.3 (2021); 3.4 (2022)

Source: Cabinet Office

A more comprehensive evaluation incorporating socioeconomic indicators shows however modest progress, as evidenced by the Human Development Index improvement from 0.874 in 1996 to 0.920 in 2022, though this was accompanied by a relative decline in global ranking from 6th to 24th position. Technological impact measurements using the Economic Complexity Index present a more favorable picture, with Japan maintaining consistent global leadership despite temporary setbacks in 2009, 2014–2016, and 2019–2023. The observed volatility in technology and research complexity metrics between 2000–2007, 2008–2012, and post-2013 corresponds with major policy realignments, particularly following the 2013 Comprehensive Strategy on Science, Technology, and Innovation which laid the groundwork for subsequent Integrated Innovation Strategies (table 3).



Graph 1: Japan's main development indicators and global position.

Source: United Nations Development Programme. Human Development Index by country // United Nations Development Programme, 2026. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/country-insights#/ranks> (accessed 01.04.2026); Atlas Economic Complexity ranking by country // Atlas of Economic Complexity, 2026. URL: <https://atlas.bks.harvard.edu/rankings> (accessed: 01.04.2026)

The evaluation framework for Integrated Innovation Strategies differs substantially from that of Basic Plans, incorporating detailed annual progress assessments and identified implementation challenges that facilitate ongoing policy refinement (table 4). These strategies have demonstrated considerable success in stimulating private sector research and development investment, with corporate expenditure growth accelerating from 6% in 2018 to 30% by 2024, particularly in strategic domains including artificial intelligence, robotics, and sustainable technologies. Japan's achievement of global leadership in hydrogen technology patents, capturing 40% of international filings by 2024, along with consistent top-tier rankings in artificial intelligence and internet-of-things innovations, substantiates the efficacy of its mission-oriented policy approach. These outcomes align with Mazzucato's conceptual framework of entrepreneurial state intervention, particularly in demonstrating how targeted public support can catalyze technological leadership in strategically important sectors.

Table 4. Main outcomes and challenges of Japan's Integrated Innovation Strategies

Document	Previous year outcomes	Challenges
Integrated Innovation Strategy 2017	—	1. Slow Tech Transfer: University patents often remained unexploited; 2. Fragmented Governance: Multiple ministries (METI, MEXT) overlapped on innovation policies.
Integrated Innovation Strategy 2018	1. Corporate R&D investment rose 6% YoY in AI/robotics; 2. Japan ranked 3rd globally in IoT patent filings (2018).	1. Slow adoption of open data by traditional industries; 2. Regulatory bottlenecks in sandbox approvals.
Integrated Innovation Strategy 2019	1. Corporate R&D investment rose 8% YoY in AI/robotics; 2. Japan ranked #1 in IoT patent filings globally (2019).	1. Slow adoption of open data by traditional industries; 2. Regulatory bottlenecks in sandbox approvals.
Integrated Innovation Strategy 2020	1. 10% increase in corporate AI/healthtech R&D investment; 2. Japan ranked #1 in fuel cell patents (2020).	1. Slow SME digital adoption due to legacy systems; 2. Bureaucratic delays in green-tech subsidies.

Document	Previous year outcomes	Challenges
Integrated Innovation Strategy 2021	1. 15% rise in corporate green-tech R&D investment; 2. Japan ranked #2 in global AI patents (2021).	1. Slow SME DX adoption due to legacy systems; 2. Talent shortages in AI/quantum fields.
Integrated Innovation Strategy 2022	1. 20% increase in semiconductor/EV battery R&D investments; 2. Japan ranked #1 in hydrogen patents (2022).	1. Talent gaps in semiconductor engineering; 2. Slow regulatory adaptation for emerging tech.
Integrated Innovation Strategy 2023	1. 25% rise in corporate AI/green-tech R&D investment; 2. Japan ranked #1 in hydrogen/ammonia tech patents.	1. Regulatory lag in AI/commercial space tech; 2. SME adoption gaps in DX/GX initiatives.
Integrated Innovation Strategy 2024	1. 30% increase in corporate AI/quantum R&D spending. 2. Japan leads in hydrogen patents (40% global share).	1. Talent shortages in AI/quantum fields. 2. Regulatory fragmentation in space tech.

Source: Cabinet Office

However, systematic evaluation reveals persistent implementation challenges that have constrained overall policy effectiveness. Technology transfer mechanisms between academic institutions and industry have remained inefficient, with university patent utilization rates consistently below 20% throughout the evaluation period. Regulatory processes have created significant bottlenecks, particularly in the approval of experimental technologies through sandbox mechanisms, where average processing times of 18–24 months have substantially delayed market entry for emerging innovations. These systemic barriers have been particularly detrimental to advanced technology sectors such as artificial intelligence and space technologies, where rapid technological evolution has outpaced regulatory adaptation.

The differential impact of innovation policies across firm size categories presents another significant challenge to equitable knowledge economy development. While large corporations increased research and development investment by nearly 30% in priority areas between 2021–2024, small and medium enterprises demonstrated markedly lower adoption rates for digital and green technologies, remaining below 25% penetration during the same period. This disparity highlights the limitations of generic fiscal incentives in addressing structural barriers that hinder innovation adoption among smaller firms, including constrained organizational capabilities and limited absorptive capacity. The persistent digital divide among small and medium enterprises underscores the need for more tailored policy interventions that account for the heterogeneous needs of different firm categories.

Human capital development emerges as perhaps the most critical constraint on Japan's innovation system performance. Despite achieving global leadership positions in advanced technology domains including artificial intelligence and quantum computing, chronic shortages of skilled professionals have substantially limited growth potential. The projected deficit of 50,000 artificial intelligence specialists by 2025 exemplifies the fundamental misalignment between technological advancement and workforce development trajectories. The persistence of this skills gap across multiple policy cycles suggests that conventional education and training reforms have been insufficient to address deep-seated structural issues in labor market functioning and skills formation systems. This human capital constraint represents a critical bottleneck that threatens to undermine the long-term sustainability of Japan's innovation leadership unless addressed through more comprehensive workforce development strategies.

CONCLUSIONS

Japan's innovation trajectory provides compelling evidence that sustained technological advancement necessitates a symbiotic relationship between state-directed knowledge demand and private sector market responsiveness. The institutionalization of the Council for Science and Technology Policy and implementation of Integrated Innovation Strategies have created a framework for dynamically aligning national priorities such as economic security and Society 5.0 objectives with corporate research and development incentives including tax deductions and intellectual property protections. However, this coordination has not been frictionless, with tensions frequently emerging between long-term state objectives like semiconductor sovereignty and industry's short-term profitability requirements. The resolution of these tensions through adaptive policy mechanisms such as regulatory sandboxes and tiered intellectual property tax regimes highlights the critical importance of flexible governance structures in mediating state-market knowledge demand interactions. This case study strongly suggests that innovation systems achieve optimal performance when public and private actors engage in continuous, iterative negotiation rather than operating under either rigid top-down directives or purely laissez-faire market models.

The Japanese experience demonstrates that knowledge demand represents a dynamic rather than static phenomenon, evolving in response to shifting national imperatives. During the post-war reconstruction period, state knowledge demand primarily focused on industrial catch-up through applied research and development in energy and manufacturing sectors, while private sector priorities centered on export-led growth strategies in industries such as electronics and automotive manufacturing. The 2010s witnessed a significant policy transition toward addressing mission-oriented challenges including demographic aging and climate change, subsequently evolving toward concerns of geopolitical resilience in semiconductor supply chains and artificial intelligence governance. This transition became institutionalized through the parallel implementation of five-year Basic Plans and annual Integrated Innovation Strategies, which progressively incorporated private sector expertise into national research and development agendas. The COVID-19 pandemic served as an accelerant for this evolutionary process, driving state knowledge demand toward crisis-responsive initiatives in digital health research while simultaneously encouraging more strategic private sector investment in deep technology development. These findings underscore the necessity for innovation systems to maintain continuous recalibration mechanisms that align knowledge demand with both domestic socioeconomic requirements and global competitive pressures.

While Japan's innovation policies have achieved notable success in stimulating research and development investment, their overall effectiveness has been constrained by persistent structural inefficiencies. Regulatory bottlenecks, particularly in the approval processes for emerging technology sandboxes, have significantly delayed commercialization timelines. Policy impacts have been asymmetrically distributed, for instance large corporations benefiting disproportionately compared to small and medium enterprises amid complex requirements beyond their capabilities, perhaps most critically, however, a chronic human capital shortage has fundamentally constrained innovation scalability. These limitations collectively demonstrate that knowledge demand mechanisms alone prove insufficient without complementary reforms addressing regulatory agility, small and medium enterprise inclusion, and skills development systems. Japan's experience consequently highlights the imperative for holistic innovation ecosystems that simultaneously address funding coordination and systemic implementation barriers.

Japan's innovation system faces significant technology commercialization challenges stemming from protracted regulatory approval processes, particularly in emerging sectors such as artificial intelligence and advanced materials. Addressing these bottlenecks requires implementation of dynamic regulatory

frameworks emphasizing iterative adaptation over rigid ex ante controls. Introducing sunset clauses for experimental regulations would ensure temporary measures either expire or renew based on empirical performance metrics, thereby reducing bureaucratic stagnation. Decentralizing compliance certification by delegating approval authority to accredited industry consortia or academic institutions could accelerate time-to-market for priority technologies while maintaining rigorous oversight standards. Integrating artificial intelligence-driven monitoring systems would enable continuous real-time calibration of regulatory thresholds based on policy impact assessments, however legislative amendments to Japan's Basic Science and Technology Law, mandating periodic reviews of regulatory efficacy by the Council for Science and Technology Policy is required.

The persistent under participation of small and medium enterprises in Japan's innovation ecosystem, demands comprehensive recalibration of support mechanisms extending beyond conventional fiscal incentives. Expanding sector-specific innovation vouchers could subsidize small and medium enterprise access to critical research and development infrastructure including high-performance computing clusters and prototyping laboratories, with funding tiers weighted toward priority domains such as renewable energy and advanced manufacturing. Establishing regional digital transformation hubs could provide localized technical assistance, bridging the absorptive capacity gap between small and medium enterprises and larger corporations. Implementing graduated research and development tax credits, offering differential rates for independent small and medium enterprise projects and for public-private collaborations, would incentivize knowledge spillovers while discouraging free-riding behavior. Ensuring accountability would require METI to condition funding on mandatory participation in competency assessments, with underperforming firms redirected to hub-based upskilling programs.

Japan's chronic shortages in high-skilled STEM labor, arise from fundamental misalignments between educational outputs and industry requirements. Addressing this challenge requires implementation of a multipronged human capital development strategy. The establishment of a national upskilling fund, financed through payroll levies on large technology firms matched by government contributions, could subsidize wages for employees undergoing reskilling in critical fields with preferential eligibility for non-STEM mid-career workers. Complementary immigration policy liberalization for specialized technology talent, including fast-track residency pathways for graduates of Japan's leading universities, would help alleviate immediate workforce shortages. However, an effective implementation would necessitate coordinated action by MEXT to revise engineering program accreditation standards and Justice Ministry reforms to streamline visa processing for qualified applicants.

Литература / References

Curtis Terry. Book review of The Technological Transformation of Japan: From the Seventeenth to the Twenty-first Century by Tessa Morris-Suzuki. *Critical Studies in Innovation*. 1996. Vol. 14. Pp. 269–272.

Mazzucato Mariana. The Entrepreneurial State: Debunking Public vs. Private Sector Myths. London: Anthem Press, 2013.

Odagiri Hirojuki. Technology and Industrial Development in Japan: An Evolutionary Perspective. *Journal of Economic Issues*. 1997. Vol. 31. No. 2. Pp. 461–471.

Yamada Ken. On the Five Year Economic Plan in Japan. *The Annals of the Hitotsubashi Academy*. 1956. Vol. 7. No. 1. Pp. 33–45.

Электронные ресурсы / Online resources

Atlas Economic Complexity ranking by country // Atlas of Economic Complexity, 2026. URL: <https://atlas.hks.harvard.edu/rankings> (accessed: 01.04.2026).

Central Government Reform of Japan // Prime Minister's Office, 2001. URL: https://japan.kantei.go.jp/central_government/frame.html (accessed: 01.04.2026).

- Dai 2-ki kagaku gijutsu kihon keikaku [Second Science and Technology Basic Plan] // Cabinet Office, 2001. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/honbun.html> (accessed: 01.04.2026).
- Dai 3-ki kagaku gijutsu kihon keikaku [Third Science and Technology Basic Plan]. // Cabinet Office, 2001. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/kihon3.html> (accessed: 01.04.2026).
- Dai 4-ki kagaku gijutsu kihon keikaku [Fourth Science and Technology Basic Plan] // Cabinet Office, 2011. URL: <https://www8.cao.go.jp/shougai/suishin/pdf/kihonkeikaku30.pdf> (accessed: 01.04.2026).
- Dai 5-ki kagaku gijutsu kihon keikaku [Fifth Science and Technology Basic Plan] // Cabinet Office, 2016. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/index5.html> (accessed: 01.04.2026).
- Dai 6-ki kagaku gijutsu kihon keikaku [Sixth Science and Technology Basic Plan] // Cabinet Office, 2021. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/kihonkeikaku/index6.html> (accessed: 01.04.2026).
- Gakkō kyōiku-hō [School Education Law] // National Diet, 1947. URL: <https://laws.e-gov.go.jp/law/322AC0000000026> (accessed: 01.04.2026).
- Human Development Index by country // United Nations Development Programme, 2026. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/country-insights#/ranks> (accessed: 01.04.2026).
- Kagaku gijutsu inobēshon kihon-hō kagaku gijutsu inobēshon sōshutsu no kassei-ka ni kansuru hōritsu [Basic Act on Science, Technology and Innovation / Act on Revitalization of Science, Technology and Innovation Creation] // National Diet, 1995. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/cst/kihonhou/mokuji.html> (accessed: 01.04.2026).
- Kagaku gijutsu inobēshon sōgō senryaku 2016 [Integrated Innovation Strategy 2016] // Cabinet Office, 2016. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/sogosenryaku/2016.html> (accessed: 01.04.2026).
- Kagaku gijutsu inobēshon sōgō senryaku 2017 [Integrated Innovation Strategy 2017] // Cabinet Office, 2017. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/sogosenryaku/2017.html> (accessed: 01.04.2026).
- Kagaku gijutsu inobēshon sōgō senryaku 2018 [Integrated Innovation Strategy 2018] // Cabinet Office, 2018. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/tougosenryaku/tougo_honbun.pdf (accessed: 01.04.2026).
- Kagaku gijutsu inobēshon sōgō senryaku 2019 [Integrated Innovation Strategy 2019] // Cabinet Office, 2019. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/togo2019_honbun.pdf (accessed: 01.04.2026).
- Kagaku gijutsu inobēshon sōgō senryaku 2020 [Integrated Innovation Strategy 2020] // Cabinet Office, 2020. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/tougosenryaku/2020.html> (accessed: 01.04.2026).
- Kagaku gijutsu inobēshon sōgō senryaku 2021 [Integrated Innovation Strategy 2021] // Cabinet Office, 2021. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/tougosenryaku/2021.html> (accessed: 01.04.2026).
- Kagaku gijutsu inobēshon sōgō senryaku 2022 [Integrated Innovation Strategy 2022] // Cabinet Office, 2022. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/tougosenryaku/2022.html> (accessed: 01.04.2026).
- Kagaku gijutsu inobēshon sōgō senryaku 2023 [Integrated Innovation Strategy 2023] // Cabinet Office, 2023. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/tougosenryaku/2023.html> (accessed: 01.04.2026).
- Kagaku gijutsu inobēshon sōgō senryaku 2024 [Integrated Innovation Strategy 2024] // Cabinet Office, 2024. URL: <https://www8.cao.go.jp/cstp/tougosenryaku/2024.html> (accessed: 01.04.2026).
- Kagaku gijutsu kihon keikaku [Basic Plan of Science and Technology] // Ministry of Education, Science, Sports and Culture, 1996. URL: https://www.mext.go.jp/b_menu/shingi/kagaku/kihonkei/honbun.htm (accessed: 01.04.2026).
- Society 5.0 // Cabinet Office, 2016. URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/society5_0/ (accessed: 01.04.2026).

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-130-138

ЧАДСКО-КУШИТСКО-ОМОТСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗОГЛОССЫ И СТРУКТУРА АФРАЗИЙСКОЙ МАКРОСЕМЬИ

© 2026

О. В. Столбова¹

В статье представлен очередной блок лексических параллелей между чадскими, кушитскими и омотскими языками (у которых нет когнатов в других ветвях афразийской семьи — семитской, египетской и берберской). Проанализированная ранее аналогичная лексика была сгруппирована по семантическому принципу — названия животных, названия частей тела, сельскохозяйственная лексика. Настоящая статья включает имена существительные, относящиеся к разным семантическим классам, и глаголы. В каждом случае анализируемая лексика демонстрирует семантическую близость или тождество и по фонологическим параметрам может восходить к одной афразийской праформе. Комментируются все отклонения от регулярных фонетических соответствий (между группами языков или на уровне какой-то группы). Будут высказаны предположения о статусе анализируемых этимологий, о возникающих в связи с этим проблемах и путях их решения.

Ключевые слова: чадские, кушитские и омотские языки, этимология, реконструкция, семантика, когнат

Для цитирования: Столбова О. В. Чадско-кушитско-омотские лексические изоглоссы и структура афразийской макросемьи. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 2. С. 130–138. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-130-138

LEXICAL LINKS BETWEEN CHADIC, CUSHITIC, OMOTIC LANGUAGES AND THE STRUCTURE OF THE AFROASIATIC MACROFAMILY

Olga V. Stolbova

The paper continues a set of publications presenting Chadic-Cushitic-Omotc cognates without any parallels in other branches of the Afroasiatic macrofamily – Semitic, Egyptian and Berber. Body-part names, terms of agriculture and animal names were under consideration earlier. The present issue includes nouns (belonging to different semantic fields) and verbs. In all the cases lexical reflexes in individual languages show identical or similar semantics and in terms of phonology can follow one and the same Afroasiatic proto-form. All the violations from the regular phonetic correspondences (between or within different groups) will be under comment. The origin of the above-mentioned cognates and their position on the language family-tree are discussed here, as well as the problems arising in this regard and possible solutions.

Keywords: Chadic, Cushitic and Omotic languages, etymology, reconstruction, semantics, cognate

For citation: Stolbova O. V. Lexical Links Between Chadic, Cushitic, Omotic Languages and the Structure of the Afroasiatic Macrofamily. *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*. 2026. No. 2. Pp. 130–138. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-130-138

¹ Столбова Ольга Валерьевна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; Stolbova.O@yandex.ru

Olga V. Stolbova, DSc (Philology), Chief Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; Stolbova.O@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7589-2854

Афразийскую макросемью образуют семитские, египетский, берберские, чадские, кушитские и омотские языки. Согласно всем вариантам генетической классификации, чадские языки образуют подгруппу с берберскими. Однако в процессе работы над «Лексической базой данных по чадским языкам»² появились доказательства лексической близости чадских языков с кушитскими и омотскими. На это указывают чадско-кушитско-омотские когнаты, не имеющие параллелей в других ветвях АА семьи.

Две релевантные этимологии есть еще в монографии А. Б. Долгопольского: Cush-Om **gwArA[h]*- ‘антилопа’ ~ Ch **[m]gari* ‘антилопа’ [Долгопольский, 1973, с. 72] и Cush-Om **pAr*- ‘палец’ ~ Ch **p^hAr[A]š* ‘А’ ‘ноготь’ [там же, с. 42]. Около десяти (более-менее надежных) этимологий есть в [Orel, Stolbova, 1995]³.

В процессе работы удалось уточнить и дополнить уже имеющиеся этимологии⁴ и предложить значительное количество новых. Это стало возможно благодаря фонетической и лексической реконструкциям на материале чадских, кушитских и омотских языков, с одной стороны, и значительному увеличению лексического фонда, с другой.

Предыдущие публикации автора на эту тему были скомпонованы по семантическому признаку — названия животных⁵, названия частей тела и сельскохозяйственные термины⁶. В данной статье представлены имена, относящиеся к разным семантическим классам, и глаголы.

Каждая этимологическая статья имеет следующую структуру: прачадская реконструкция и предполагаемое исходное значение, далее — рефлекс по языкам и их значения⁷ в следующем порядке: западная ветвь (W), центральная (C), восточная (E). После знака // приводятся кушитские и омотские когнаты со ссылкой на источник. Названия языков даются в латинице с заглавной буквы.

Чадско-кушитско-омотские когнаты

1. Ch **ʔawar*- ~ **waʔar*- ‘road, дорога’: W Hausa *ràaríyáa* ‘any road, street, alley’, Mupun *ár, árè*, Mwaghavul *ár*, Ngas *aar*, Mushere *ar* ‘road, path’, Mushere Kofyar *wár* ‘road’, Goemai *wáar* ‘path’, Warji *aari* ‘border’, Kulere *ʔaráw* ‘path, way’, C Fali Kiriya *wúra-yàw* ‘street’, cf. *yay* ‘house’, Cheke (dialect of Gude) *irwa* ‘road’, Gidar *ura* ‘way’, E Barein (dialects) *ará, áará* ‘road’, Saba *ʔaro* ‘path’, Mawa *ar*, Ubi *ʔoorà*, Mabire *or* ‘road’, Bidiya *ʔoorà* ‘chemin, route’, Kajaksa *ʔerí*, Birgit *ʔáró* ‘chemin’.

//ECush Gede’o *ora* ‘road’ [Hudson, 1989, p. 124], SCush Iraqw *irwaa* ‘path’ [Mous, Qorro, Kiessling, 2002, p. 47], Gorowa *urúwa* ‘way’, Om Kafa *woreto*, Mocha *wáraato, worato*, Shinasha *weera* ‘road, path’ [Bender, 2003, p. 172].

2. Ch **buč*- ‘flower, цветок’: W Jimi *buusáa*, Boghom *busu-ŋki*, Dott *busu-lti* ‘flower’, E Saba *bisi*, Mawa *bisu*, Barein (dialects) *bèssó, bessó*, Jegu *buč*, pl. *boče*, Birgit *bòoči* pl. ‘flower’. Cf. W Bolewa *bèeši* ‘coloring the teeth with tobacco-flower’.

² Задача проекта – представить лексику чадских языков в виде этимологий: реконструкция на прачадском уровне, рефлекс по языкам, по возможности – когнаты в АА языках.

³ Например: WCh, CCh **šaH*- ‘cow, bull’ ~ Cush **ša^h*- ‘cow, cattle’ [ibid., p. 489].

⁴ Сравни, например: Cush, Om **san*-/**sin*- ‘nose’ [Orel, Stolbova, 1995, p. 462] и Ch, Cush, Om **san*-/**sin*- ‘nose’ [Stolbova, 2016, p. 308].

⁵ См.: [Stolbova, 2017].

⁶ См.: [Stolbova, 2019].

⁷ Как они даны в источниках. Список источников по чадским языкам см. в: [Столбова, 2020, с. 230–239].

//ECush ***bis-** ‘color, flower, цвет, цветок’⁸: Burji *biš-a* ‘color’, Afar *bis-u*, Oromo *bifa* ‘color’, Konso *pis-a* ‘flower’, Harso, Gollango *pis-ko*, Gawwada *pis-o* ‘flower’ [Sasse, 1982, p. 37], Dullay Harso, Dobasse *pisakko*, Gollango *piso* ‘flower’ [Amborn, Minker, Sasse, 1980, p. 234], Tsamay *biz-ako*, Ongota *bisku* ‘flower’ [Wedikind, 2001, p. 9]. Оглушение *b-* в анлауте происходит регулярно⁹, а аффриката ***č** не реконструируется для восточной ветви кушитских языков (ни в начальной, ни в интервокальной позиции)¹⁰, так что с фонетической точки зрения сопоставление корректно. Как потенциальный когнат можно рассматривать SCush Iraqw *bash* ‘cow colour term for a white cow with small black spots’ [Mous, Qorro, Kiessling, 2002, p. 12].

3. Ch ***bil-** ‘throwing knife, метательный нож’: C Masa *bīl*, Musey, Gizey, Ham *bīl*, Marba *bil-*, *abila* ‘throwing knife’, *bilá* ‘kind of a throwing knife’, E Lele *bòlòm* < **bil-om* < **bil-um* (assim.) ‘throwing knife’. Cf. C Malgwa *biila* ‘Schere, scissors’.

//ECush Oromo *billaa*, Kambata *billowwa*, Sidamo *billawa*, knife’ [Hudson, 1989, p. 87], Dullay Harso, Dobasse, Gollango *pillawho* ‘knife’ [Amborn, Minker, Sasse, 1980, p. 255], Hadiya *billawa* ‘knife’ [Ritter, 2018, p. 19], Arbore *bila*, Tsamai *bilako* ‘knife’ [Wedikind, 2001, p. 10], Oromo *billaa* ‘big knife’, Gawwada *pillawo*, Dirassa *pillawa*, Konso *pilla*, Arbore *billaw*, Somali *billaawe* ‘knife’, Om Wolaita *bil-lama* ‘knife’, [Lamberti, Sottile, 1997, p. 319]¹¹.

4. Ch ***dvl-** ‘fence, ограда’: W Ngas *dul* ‘a goat pen or sheep fold’, C Wandala *dala* ‘enclosure, clôture’, Malgwa *dála* ‘Umzäunung, fence’, Mada *dàlà* ‘fence’, E Tumak *dàlǎw* ‘clôture (en paille)’. См. также W Hausa *dàalii* ‘a soft-wooded, smooth-barked tree much used in making compound fences’.

Производное имя: C Mbuko *dàlà-m* ‘mur’, Gisiga *dala-m* ‘Wand, Hütte mit Strohdach’.

//Cush Beja *delala* ‘Zaun um das Gehöfte’ [Reinish, 1985, p. 66], ECush Burji *dáll-a* ‘partition of the left wall of the house used for the preparation of beer’, Oromo *dallaa*, *dall-ay-a*, Konso *tall-ay-a* ‘fence, partition’ [Sasse, 1982, p. 52], Gede’o *dalla’a* ‘fence’ [Hudson, 1989, p. 62]. См. также: Somali *dal-ki* ‘limit, boundary’ [Larajasse, 1897, p. 28].

5. Ch ***dam-** ‘stick, branch, палка, ветка’: W Goemai *dwàam* ‘pillar, post to which domestic animals are tied’, Ngas *dam*, *ndàm* ‘stick, staff’, Mupun *ndàm* ‘light branch of a tree, whip, staff’, E WDangla *dáámè* ‘bâton’.

//ECush ***daʼm-** ‘branch’: Oromo *damee*, Konso *taamm-a*, Gidole *taam*, Burji *dám-ee* ‘branch’ [Sasse, 1982, p. 52], Sidamo *dama*, Gede’o *dame* ‘branch’, Kambatta *dama*, Burji *d’ame* ‘stick, club’, Baiso *da[am]ma* ‘stick’, SCush Qwadza *dama-liko* ‘branch’ [Lamberti, Sottile, 1997, p. 524].

6. Ch ***d[a]m-** ‘big stone, grinding stone, большой камень, жернов’: C Gude *dàmwá* ‘large boulder’, Daba *dām* ‘la pierre creusée servant de mortier, mortar’, Ouldem *dàmdám* ‘pierre sacrée’, E Jegu *dam*, *dámó* ‘Stein’.

//HECush Sidamo, Gede’o *daamma* grindstone’ [Hudson, 1989, p. 99], Hadiya *daamma* ‘millstone’ [Ritter, 2018, p. 28], agaw Хамтanga *dāmāna* ‘millstone’ [Appleyard, 2006, p. 99], Hamir *dūmena* ‘Mühlstein, Reibstein, auf welchem das Korn gerieben wird’ [Reinish, 1884, p. 354].

7. Ch ***hVr-** ‘new, новый’: W WBade *hàrà* ‘new’, C Merey *hàrà-mbwà* ‘new’, E Lele *hìrwà*, Kaba *hùrrùwǎ*, *ʔərwa* ‘new’, Nanchere *ruwə* ‘nouveau’, Mawa *əru*, Saba *ʔərəm* ‘new’, Ubi *ʔərwa* ‘nouveau’.

⁸ Реконструкции на уровне групп и ветвей кушитских и омотских языков принадлежат авторам соответствующих публикаций.

⁹ См. таблицу соответствий и комментарий: ‘Konso-Gidole and a large number of the Dullay dialects share a phenomenon of devoicing of the voiced plosives’ [Sasse, 1978, p. 9].

¹⁰ Реконструированная консонантная система (‘the consonant inventory of PECushitic’) дается в [Sasse, 1978, p. 5].

¹¹ По мнению авторов, эта лексема была заимствована в амхарский язык (‘The stem has also entered into Ethioposemitic, cf. Amharic *billawa* ‘knife’’) [ibid., p. 320].

//ECush ***haar-** ‘new’: Burji *hārayā*, Oromo *haaraá*, Konso *hāraya* ‘new (thing)’, Sidamo *haaro*, Hadiya *harée-čo*, Kambata *haar-oha*, Darasa *haar-oke*, Alaba *haar-o*, Arbore *hār-aya* ‘new’ [Sasse, 1982, p. 87], Gede’o *haaro* ‘new’ [Lamberti, Sottile, 1997, p. 293], Om Gamu, Dac’e *oraa-ttsa*, Malo *’oro-ta-*, Wolaita *oraa-tta*, *horatta* ‘new’ [Lamberti, Sottile, 1997, p. 293], NWOm **or-ett-a* ‘new’: Wolaita *[h]oratta*, Gamu *’orattsi*, Gofa *ora(s)a* Malo *’orots*, Dorze *orats* [Bender, 2003, p. 21], Oyda *oreets*, Basketo *ores* ‘new’ [ibid., p. 60].

К этому же корню, вероятно, восходит и ECush Somali *hor* ‘beginning, first’ [Larajasse, 1897, p. 71].

8. ***pVw-** ‘white, белый’: W Gerka *pya?* ‘white’, Ngas *pée* ‘to become white, bright’, Mwag-havul *pyáa* ‘to be white, fair, clean’, Mupun *pyá*, Mushere *pyáa* ‘to be(come) white’, Chip *píya*, Montol *pia* ‘white’, Goemai *pyá* ‘to whiten or clean smth, to become white or clean’, Kupto *fèe* ‘white’, Tangale *pɛɛ* ‘blank(ness), white(ness)’, Gera *fèewà*, Kirfi *feewa* ‘white’, *feewu tar* ‘very white’ (*taar* ‘moon’), Pero *pé* ‘white, light’, Bolewa *pee* ‘white’, *pee-tire* ‘moonlight’ (*tire* ‘moon’), Maka *pée* ‘white’, Bure *pèewà*, Warja, Kariya *pyau-naa*, Miya *pyòoya* ‘white’, C Bana *pay* ‘blanc’, Fali Jilbu *pwà-yin* ‘white’, Gude *pwáh* ‘very white’, Logone *paw*, Kuseri *pow* ‘to be white’.

//ECush dulla *Harso*, Dobase *pi^{ss}a*, Gollango *pi^{ss}a* ‘weiss’, Dobase *pi^{ss}ano* ‘weisse Farbe’ [Amborn, Minker, Sasse, 1980, p. 279], SCush rift Alagwa *poy* ‘very white or grey from dirt’, Burunge *poy* ‘very white’ [Kiessling, Mous, 2003, p. 226].

9. Ch ***tír-** ‘dust, ash, пыль, зола’: C Daba *tītīr* ‘cendre qui reste après en avoir extrait la sel’, E ***tirw-** ‘dust’ (мн. ч. с суффиксом *-w-*): Kera *tárwá*; Lele *tīrwe*.

Производный глагол с суффиксом каузатива: C Mafa *tur-s-* ‘effriter, réduire en poussière’.

//Cush agaw Aungi *tə-tri* ‘dust’ [Appleyard, 2006, p. 58]; E Cush Yaaku *tíri* ‘dust’ [Heine, 1975, p. 124], dulla Arbore *šer*, Tsamai *ter-ko*, Ongota *teeri-ko* ‘dust’ [Wedikind, 2001, p. 8], SCush Iraqw *teri*, Maa *itéri* ‘dust’ [Ehret, 1987, p. 76], Iraqw *teeri* ‘dust, cloud of dust’, *teeruw* ‘to turn into dust’ [Maus, Qorro, Kiessling, 2002, p. 88].

10. Ch ***túr-** ‘husband, guest, муж, гость’: W Hausa *túurúu* ‘a firebrand villager with some local influence and who is the thorn in the side of the head of his village’, Zaa *túr*, *tuur*, Guus *túr* ‘husband’, E Ndam *tárân* ‘mon mari’, Somrai *tár-* ‘husband’ (*t-* < Ch **t-*)¹², Migama *túru*, pl. *túri* ‘stranger, guest’, Mokilko *túru* ‘stranger, guest, voyageur’.

//ECush ***d’jir-** ‘man, husband’: Oromo *d’iir-sa* ‘husband’, *d’iir-a* ‘man’, Konso *d’iir-ta* ‘man, husband, male’, Gidole *d’iit-t* ‘man’, Burji *d’iir-a* ‘man, male, husband’, dulla *t’iira-kko* ‘man, male’ [Sasse, 1982, p. 64], dulla Harso, Dobase *t’iira-kko* ‘man’, Gollango *t’iira-kko*, pl. *t’iire* ‘man’ [Amborn, Minker, Sasse, 1980, p. 257].

Следует отметить, что подавляющее большинство релевантных этимологий – это имена существительные, а среди немногочисленных глаголов нет ни одного с экспрессивной семантикой («бить, колотить, рубить, ломать» и пр.). Далее приводится практически полный список чадско-кушитско-омотских когнатов с глагольной семантикой¹³.

11. WCh ***dVw/y-** ‘to herd, tend animals, пасти, ухаживать за животными’: Karekare *dawàì* ‘grazing, feeding, tending animals’, Bolewa *dà/èyi* ‘tending animals, feeding, grazing’, *dèyi* ‘Weiden’, *’i-dèyi* ‘weiden’, Ngamo *dèyi* ‘grazing, foraging’, Tangale *tiye* ‘to herd, tend, pasture’, WBade *dàwu* v. intr. ‘to

¹² В языках группы сомрай (Somrai, Ndam, Tumak) *t-* – это рефлекс эмфатической дентальной фонемы **t-*, а рефлексом прачадских **t-* и **d* является *d-*.

¹³ См. также Ch-Cush **sak-* ‘to weave, plait’ [Orel, Stolbova, 1995, p. 460], Ch **tV²w-*, SCush **tu²-* ‘to pound grain’ [Stolbova, 2019, p. 233], Ch **b[a]n-* ‘to open’, ECush **ban-* ‘to separate, open’ [Столбова, 2020, с. 99].

graze, feed', v. tr. 'to pasture, tend animals', Ngizim, Gashua Bade *dàwau* 'to put to pasture, tend animals at pasture, graze', Duwai *dawài* 'grazing, feeding'.

Производные имена: WCh Kupto *tay* 'pasturage, pasture', Gashua Bade *mà-dawu*, WBade *ma-dàwān* 'shepherd, herder', *ma-dàwun* 'pasture'.

//SCush rift Iraqw, Alagwa, Gorowa *de'em*, Burunge *de'em* 'to herd, tend cattle', **de'eengw* 'herding': Iraqw, Gorowa *de'engw*, Alagwa *de'ee* ('Durative derivation of the root **de'*'), Gorowa *de'eemoo*, Burunge *de'emiisay*, Alagwa *de'emuusay* 'herdsman' [Kiessling, Mous, 2003, p. 91], Iraqw *de'em* 'to herd, tend livestock', *de'eng* 'to herd in different places', *de'ee-amusmo* 'herdsman' [Mous, Qorro, Kiessling, 2002, p. 20].

Следующую форму (если не удастся найти когнаты с тождественной семантикой) можно будет интерпретировать как производное имя ('to herd' v. > 'herd' n.): ECush Rendille *adey* 'herds or flocks of sheep and goats' [Pillinger, Galboran, 1999, p. 349].

12. Ch **dVm-* 'to love, like, want, любить, хотеть': W cf. Hausa *dāamà* 'to live a pleasant and care-free life', Mupun *dém* 'to prefer, like', Montol *dem*, Gerka *adwom* 'to like, love, wish', Kupto *dùméy* 'to attract', C Daba *dēm* 'aimer, vouloir', E Tumak *žim* (**ži-* < **di-*) 'désirer'.

Производное имя: W Hausa *dāamāa* 'a form of lust, willingness', C Moloko *adama* 'adultery'.

//ECush Oromo *dame* 'love' [Gragg, 1982, p. 436], Somali *dama'* 'to determine, intend, covet' [Larajasse, 1897, p. 29], *dama'* 'to desire, intend', *dama'a* 'desire, longing, intention' [Luling, 1987, p. 104], Hadiya *damu-kko* 'to have sexual intercourse (of animals)' [Ritter, 2018, p. 29], SCush Iraqw *damoo* 'sexual intercourse', *damiitamoo* 'sexual partner' [Maus, Qorro, Kiessling, 2002, p. 26].

13. Ch **kVs-* 'to dance, танцевать': C Mofu *-kəsw-* 'dancer pour découvrir un sorcier', Dze-paw *kas* 'danser'.

Производное имя: E Lele *kàsà* 'dance' (general), Bidiya *kòsò-k* 'kind of dance'.

//Om Yemsa *kass-* 'spielen, tanzen, to play, dance' [Lamberti, 1993, pp. 482, 483], Shinasha *kaash-* 'sich unterhalten, spielen', Shekko *kaass-* 'spielen, tanzen' [Lamberti, 1993a, p. 331], Macro Ometo **kas-* 'to play, играть': Wolaita *kassa*, Gerese *kase*, Dorze *kase* [Bender, 2003, p. 22], Gimira *kas[k]*, Yemsa *kass-*, Kafa *kac*, *kuaz*, Moca *kaassi*, Shinasha *kaash*, *kas*, [ibid., p. 171], Zergula *kash-*, *kasiy*, [ibid., p. 92], Hozo *kaashi* [ibid., p. 277]. Отметим совмещение семантики 'to dance' & 'to play' в омотских языках Yemsa и Sheko.

14. Ch **mur-* 'to steal, воровать': W Hausa *mùrìi* 'stealing fencing-posts by night', Gerka *mur* 'to rob', Goemai *múûr* 'to steal smth', Galambu *mùur-áalà*, Gera *mòorà-mí* 'to steal', Bure *mor-*, Geruma *mòorè-mí*, Boghom *móii*, Mangas *muur*, Zaar *máar*, Tala *muur*, Zul *múure* 'to steal', Buli *mur* 'stealing', *pì-murù* 'to steal', Dwot *mu'ur* 'stealing', *mu'ur* 'to steal', Zaar *mîr* 'stealing', *bì-mirì* 'to steal', Guruntum *meerèe* 'to steal', Mangas *mûr* 'stealing, robbery', *tì mûr* 'to steal', C Tera *múru* 'to steal', (dialect Piljimdi) *mùrù* 'stealing', *či-murù* 'to steal', E Mubi *màràŋ* 'to steal', Jegu *marŋ-* 'stehlen'.

Производное имя: 'thief, вор': W Gerka *kur-go-mur*, Goemai *gurrum-go-mugr* 'thief' (*gurum* 'man'), Warji *máar* 'thief', Dyarim *mòrò* 'thief', Guruntum *mi-meerèe* 'thief', Zul *mùrè* 'thief', Zaar *máar* 'thief, theft', Mantsi *bámá môr* 'thief', E Birgit *mà-mèrŋà* 'voleur'.

Лексикализованная форма с инфиксом *k-pl.*¹⁴: **mukur-* (> *myr*) 'to steal, воровать': W Goe-mai *muggur* 'to rob', Kirfi *mòyòrù-wò*, Jimi *mukər-tto* 'to steal', Geji *mùgìlì* 'to steal', *mukìl* 'stealing', Polci *miyiri* 'to steal'.

//Cush Beja *maray* 'nehmen, rauben' [Reinish, 1885, p. 173], HECush **moor-* 'to steal': Gede'o, Sidamo *moor-* [Hudson, 1989, p. 143], Burji *mord-ee'd-* 'to steal' [Sasse, 1978, p. 148], Hadiya *marax-u-kko-* 'to steal, to take something without permission' [Ritter, 2018, p. 98].

¹⁴ Об инфиксе *-k-* со значением множественности в чадских языках см.: [Leger, Stolbova, 2021].

Производное имя: ECush Burji *morjo*, Gede'o *moo'ral-co*, Sidamo *moor-aan-co*, pl. *moor-aano* 'thief' [Hudson, 1989, p. 152], Hadiya *maraxo* 'thief' [Ritter, 2018, p. 98].

15. ECh **mVg-* 'to bury, хоронить': Ndam *məga*, Lele *məg* 'enterrer'.

Производное имя: ECh Mawa *mwaaga* 'cérémonie funéraire', WDangla *mági-né* 'tomb', Ndam *məg maát* 'enterrement, cérémonie funéraire' (*maát* 'mort, cadavre').

//HECush **moog-* 'to bury, хоронить': Gede'o, Kambata, Sidamo *moog-* [Hudson, 1989, p. 34], Cush Alaba *moog-* 'bury', Om Wolaita, Zala, Gamy, Dac'e *moog-* Gofa, Kac'ama, C'ara *mog-* 'to bury', Dawro *mog-et-* 'to be buried' ('with benefactive suffix'), Zaysse *mogg-utt-* 'bury', *mooge* 'cloth to dress the corps' [Lamberti, Sottile, 1997, p. 457].

Производное имя 'grave, могила': ECush Gede'o *mooggo*, Sidamo *moogo*, Kambata *mogu* [Hudson, 1989, p. 73], Cush Alaba *moogi*, Om Dac'e *mooge* [Lamberti, Sottile, 199, p. 457], Yemsa *mooga*, Kullo *mogedda*, Kore *moogo*, Gatsame *mog* [Bender, 2003, p. 192].

16. Ch **tVl-* 'to sew, шить': W Karfa *tól* 'to sew', C Bata *telo*, Nzangi *təle* 'coudre'.

//ECush Rendile *tola* 'to sew', *tol-da* 'to sew (something) for oneself', *tol-naan* '(act or process of) sewing' [Pillinger, Galboran, 1999, p. 286], Somali *tol* 'sew', *dar tol* 'tailor', *kaba tol* 'shoemaker' [Larajasse, 1897, p. 133], *tolay* 'sew, bind together' [Luling, 1987, p. 534], Rendille *tól*, Somali, Boni *tol* 'to sew' [Heine, 1978, p. 96], dullay Harso *teel-*, Gawwada *tel-* 'nähen' [Amborn, Minker, Sasse, 1980, p. 259], agaw Bilin *taltal* 'nähen, zusammennähen' [Reinish, 1887, p. 339].

17. Ch **tVs-* 'to get up, wake, begin, просыпаться, начинать': W Hausa *táaši* 'to get up, rise up, wake; start, leave a place; fly', *tàs-kaa* 'to begin', C Wandala *tsè* 'to rise', E Mawa *tèsa-ŋ* 'commencer', WDangla *téésè* 'commencer, inaugurer'.

Производное имя: C Mafa *tuše'e* 'le matin, peu après le lever du soleil'.

//ECush Somali *tos* v. intr. 'to arise, get up', *tosi* v. tr. 'to awake, raise', *tosnin* 'raising, getting up' [Larajasse, 1897, p. 133], *toosiyeey* 'to wake up (someone), raise' [Luling, 1987, p. 536], Om Yemsa *tes-* 'beginnen', *tessuni* 'erster' [Lamberti, 1993, p. 465].

18. Ch **Tw/yr-¹⁵* 'to swear, клясться': W Mwaghavul *tuwər*, Mushere *tiyoor*, Goemai *twar puoe* 'to swear, make an oath'.

Производное имя: C Podoko *ta-tára* 'kind of an oath'.

//ECush Kambata *t'ete'l-*, Sidamo *taare* 'to swear (an oath)' [Hudson, 1989, p. 147], *taar-* 'to swear at somebody badly' [Kawachi, 2007, p. 133], Somali *dhaari* 'to swear, take an oath' [Luling, 1987, p. 118].

Производное имя: ECush Sidamo *t'aaro*, Kambata *t'ele'lu* 'oath' [Hudson, 1989, p. 106], Somali *dhaar-ta* 'oath' [Luling, 1987, p. 118], Cush Alaba *t'eleellut*, Kambata *t'eleelo* 'Eid', Om Shinasha *taara* 'Eid, oath' [Lamberti, 1993a, p. 390].

Приведем также несколько потенциальных когнатов с фрагментарными рефлексам, но заслуживающих внимания с точки зрения фонетической реконструкции или семантики. Можно надеяться, что с появлением новой лексики можно будет довести эти и другие фрагментарные лексические параллели до уровня полноценных этимологий.

19. ECh **tuudy-* < Ch **tuč--* 'to plug, затыкать': EDangla *tiudyé* 'boucher un trou, colmater, aveugler', Bidiya *tuudy* 'boucher, sceller'.

//Om Wolaita, Gamu, Dac'e *tucc-* 'to plug' [Lamberti, Sottile, 1997, p. 515].

Один из очень редких случаев реконструкции АА эмфатической палатальной аффрикаты (-č-) в интервокальной позиции.

20. ECh **tVg-* 'to call, answer, звать, отвечать': Ndam *tùgà* 'repondre' (*t-* < **t-*, см. тот же рефлекс в примере 10), Kaba *togó* 'to call'. См. также W Tangale *tagi* 'to announce, proclaim'.

¹⁵ Этимология включает только лексику языков, не различающих рефлекс чад. **t-* и **t'-*.

//Om Wolaita *t'eeg-*, Dawro *teg-*, Gofa *ts'eg-*, Shinasha *ts'eeg*, Yemsa *teeg-*, Kafa *c'egg-*, Zaysse *ts'eyg-*, Shinasha *ts'eeg-*, Kafa *c'egg-* ('with *t'-> c'-') 'to call', ECush Gede'o *t'ingo*, Sidamo *d'agge* 'to call' [Lamberti, Sottile, 1997, p. 526].

22. Ch **dab-/dawVb-* '(big) rat, крыса': W Mupun *dàwūp* 'giant rat', E Ndam *daba* 'rat'.

//ECush Ongota *dibita*, Tsamai *dabako* 'rat' [Wedikind, 2001, p. 12], Hadiya *dabay-icco*, pl. *dabayya* 'mouse, rat' [Ritter, 2018, p. 28].

22. Ch **mayn-* (< **m'n-*) 'gazelle, antelope, газель, антилопа': W Hausa *méenà* 'Addara gazelle', C Bura *mànà* 'antelope sp.', Fali Kiriya *ʔmáin* (< **ʔVmayn*), 'hartebeest', Buwal *ménj* 'antelope', Mafa *ménéd* 'gazelle à front roux', Cuvok *ménèy* 'gazelle'. Вариант того же корня с другим полугласным: CCh **mwn* 'gazelle': Gisiga *muuni*, Gidar *mèwné*.

//SCush rift **maneeʔu* 'kudu antelope(s)': Alagwa *meneeʔaa* 'greater kudu', Burunge *maneeʔu* 'kudu' [Kiessling, Mous, 2003, p. 202].

Некоторые выводы

Полный список достаточно надежных чадско-кушитско-омотских этимологий, без когнатов в других ветвях АА семьи включает не менее пятидесяти единиц¹⁶, а этот факт плохо коррелирует с генетической классификацией. Из всех предлагавшихся когда-либо вариантов наиболее обоснованной является генетическая классификация Козинцева и Милитарева¹⁷, согласно которой АА семья разделяется на южную и северную ветви. К южной относятся кушитские и омотские языки, к северной — все остальные (семитские, древнеегипетский, берберские и чадские). В рамках такой классификации этимологии из нашего списка (а именно — чадско-кушитско-омотские когнаты) должны восходить к праафразийскому уровню. Как уже упоминалось, список этот довольно длинный, и в нем есть лексика из стословника Сводеша, поэтому отсутствие хотя бы фрагментарных рефлексов в наиболее документированных АА языках (семитских и египетском), а также в близкородственных — берберских¹⁸ — выглядит довольно странно.

Нельзя исключить, что более тщательный поиск когнатов, выполненный семитологами, египтологами и берберологами, мог бы сократить список изолированных чадско-кушитско-омотских этимологий.

В противном случае, возможно, следует вернуться к вопросу о генетической классификации АА семьи с учетом новых данных.

Ведь если окажется, что чадские языки относятся к южной ветви АА семьи, все этимологии из нашего списка будут являться просто лексическими инновациями в рамках этой ветви. А такие инновации характерны для любых таксонов языковых семей.

Сокращения / Abbreviations

AA – Afroasiatic	assim. – assimilation	C – Central
Ch – Chadic	Cush – Cushitic	E – East
HEC – Highland E Cush	intr. – intransitive	n. – noun
N – North	Om – Omotic	pl. – plural
Sem – Semitic	tr. – transitive	v. – verb

¹⁶ С появлением новой лексики фрагментарные сопоставления могут этот список пополнить.

¹⁷ См.: [Козинцев, Милитарев, 2022].

¹⁸ Согласно всем вариантам генетической классификации, берберские и чадские языки образуют подгруппу АА семьи.

Литература / References

- Долгопольский А.Б. *Сравнительно-историческая фонетика кушитских языков*. М.: Наука, 1973 [Dolgopolsky A. B. *Comparative-Historical phonology of Cushitic Languages*. М.: Nauka, 1973 (in Russian)].
- Козинцев А.Г., Милитарев А.Ю. Лексикостатистическая классификация афразийских языков: новые подходы. *Этнографическое обозрение*. 2022. №6. С. 132–159 [Kozincev A. G., Militarev A. Ju. Lexicostatistic classification of Afroasiatic languages: new approach. *Ethnographic review*. 2022. No. 6. Pp. 132–159 (in Russian)].
- Amborn H., Minker G., Sasse H. Das Dullay. *Kölner Beiträge für Afrikanistik*. V. 6. 1980. Pp. 228–282.
- Appleyard D. *A Comparative Dictionary of the Agaw Languages*. Köln: Köppe, 2006.
- Bender M. *Proto-Omotiс Phonology and Lexicon*. Carbondale: SIU Printing /Duplicating, 2003.
- Ehret Ch. *The historical reconstruction of Southern Cushitic phonology and vocabulary*. Berlin: Reimer, 1980.
- Ehret Ch. *Proto-Cushitic Reconstruction*. Sprache und Geschichte in Afrika, V. 8. 1987.
- Gragg G. *Oromo Dictionary*. East Lansing: Michigan State University, 1982.
- Heine B. Notes on the Yaaku language (Kenya). *Afrika und Übersee*. 1974. No. 2. Pp. 119–138.
- Heine. B., Twolff E. SAM Languages: a History of Rendille, Boni and Somali. *Afroasiatic Linguistics*. 1978. No. 2. Pp. 23–116.
- Hudson, G. *Highland East Cushitic Dictionary*. Hamburg: Buske, 1989.
- Kiessling R., Mous M. *The Lexical Reconstruction of West-Rift Southern Cushitic*. Köln: Köppe, 2003.
- Lamberti M. *Materialien zum Yemsa*. Heidelberg: C. Winter, 1993.
- Lamberti M. *Die Shinasha-Sprache*. Heidelberg: C. Winter, 1993a.
- Lamberi M., Sottile R. *The Wolaytta Language*. Köln: Köppe, 1997.
- Larajasse E. de. *Somali-English and English-Somali Dictionary*. London: Kegan, Trench, Trübner & Co., 1897.
- Leger R., Stolbova O. Internal -a- plurals in Kupto and in Chadic. *Chadic Linguistics*. V. XII. *Papers from the 8th International Colloquium on the Chadic Languages*. Köln: Köppe, 2021. Pp. 37–53.
- Luling, Virginia. *Somali-English Dictionary*. Wheaton: Dunwoody, 1987.
- Mous M., Qorro M., Kiessling R. *Iraqw-English Dictionary*. Köln: Köppe, 2002.
- Orel V.E., Stolbova O.V. *Hamito-Semitic Etymological Dictionary*. Leiden: Brill, 1995.
- Pillinger S., Galboran L. *A Rendille Dictionary*. Köln: Köppe, 1999.
- Reinish L. *Wörterbuch der Chamir-Sprache*. Wien: Hölder, 1884.
- Reinish L. *Wörterbuch der Bedaue-Sprache*. Wien: Hödler, 1885.
- Reinish L. *Wörterbuch der Bilin-Sprache*. Wien: Hölder, 1887.
- Sasse H. *The Consonant Phonemes of Proto-East-Cushitic*. Afroasiatic Linguistics. 1978. No. 1.
- Sasse H. *Etymological Dictionary of Burji*. Hamburg: Buske, 1982.
- Savà G., Tosco M. A sketch of Ongotta, a dying language of Southwest Ethiopia. *Studies in African Linguistics*. 2000. No. 2. Pp. 58–135.
- Stolbova O. More links between Chadic, Cushitic and Omotic (animal names). Batic G., Leger R. (ed.). *Topics in Interdisciplinary African Studies*. Köln: Köppe, 2017. Pp. 12–137.
- Stolbova O. Lexical links between Chadic, Cushitic and Omotic languages. Tourneaux H., Treis Y. (ed.). *Topics in Chadic Linguistics X*. Köln: Köppe, 2019. Pp. 227–241.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Столбова О. В. *Лексическая база данных по чадским языкам. Выпуск VI*. М.: ИВ РАН, 2020 [Stolbova Olga. *Chadic Lexical Database. Issue VI*. Moscow: IV RAN, 2020. URL: <https://book.ivran.ru/book?id=5106&from=1129> (дата обращения: 21.04.2026)].

Kawachi K. *A Grammar of Sidaama (Sidamo), a Cushitic language of Ethiopia*. 2007. URL: <https://www.acsu.buffalo.edu/~dryer/KawachiSidaama.pdf> (дата обращения: 21.04.2026).

Ritter S. *Hadiyyisa-English Dictionary*. 2018. URL: <https://sciarium.com/file/432391/> (дата обращения: 21.04.2026).

Wedikind K. *Sociolinguistic Survey Report of the Languages of the Gawwada, Tsamay and Diraasha Areas with Excursions to Ongota and Arbore*. 2001. URL: <https://www.sil.org/resources/archives/9070> (дата обращения: 21.04.2026).

**У СТРАДАНИЙ – ЖЕНСКОЕ ЛИЦО.
ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА АСАНЁ В ПОЭМАХ
СИН ДОНЪЁПА (신 동엽): ОТ ЛЕГЕНДЫ К ПОЭЗИИ**

© 2026

Н. И. Ни¹

В статье рассматривается женский образ – Асанё, его трансформация от легенды к поэзии. В легенде об Асадале и Асанё показан образ покорной женщины: ее смирение и гибель. В 30-х годах прошлого века сюжет легенды стал основой романа «Пагода без тени» (Муёнътхап) писателя Хен Джингона.

В стихотворениях Син Донъёпа предстает иной персонифицированный образ Асанё. Она является в облике Женщины-Земли и бунтует против социальной несправедливости. Два стихотворения — «Асанё» и «Звуки праздничного барабана Асанё» вошли в первый сборник поэта. Книга издана в 1963 г. и стала откликом на события 19 апреля 1960 г., когда студенческая молодежь вышла на демонстрацию против незаконных действий президента Ли Сынмана (이 승만). Народ в истории страны становится главным героем событий и инициатором преобразований.

Ключевые слова: корейская поэзия, Син Донъёп, Асанё, Асадал, Соккатхап (пагода без тени), апрельская революция в Корее

Для цитирования: Ни Н. И. У страданий – женское лицо. Трансформация образа Асанё в поэмах Син Донъёпа (신 동엽): от легенды к поэзии. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2026. № 2. С. 139–150. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-139-150

**SUFFERING HAS A FEMALE FACE. TRANSFORMATION OF THE ASANYO
IMAGE IN THE SIN DONG-YEOP'S (신 동엽) POEMS:
FROM LEGEND TO POETRY**

Natalia I. Ni

This article examines the female figure of Asanyo and its transformation from legend to poetry. The legend of Asadal and Asanyo depicts a submissive woman: her humility and demise. In the 1930s the legend became the basis for Hyun Jing-gon's novel "Shadowless Pagoda" (Muyong-thap).

In the poems of Sin Dong-yeop is presented a different personification of Asanyo. She appears as Earth-Woman and rebels against social injustice. Two poems ("Asan-yo" and "The Sound of Asan-yo's Festive Drum") were included in the poet's first collection. Published in 1963, the book was a response to the events of April 19,

¹ Ни Наталья Ивановна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; natalianee@rambler.ru, n.ni@ivran.ru

Natalia I. Ni, PhD(Philology), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; natalianee@rambler.ru, n.ni@ivran.ru

ORCID: 0009-0007-0096-073X

1960, when student youth demonstrated against the illegal actions of President Rhee Syngman (이 승만). The people become the protagonists of these events and the initiators of change in the country's history.

Keywords: Korean poetry, Shin Dongyeop, Asanyeo, Asadal, Seokgathap (Shadowless Pagoda), April Revolution in Korea

For citation: Ni N. I. Suffering Has a Female Face. Transformation of the Asanyo Image in the Sin Dong-Yeop's (신 동엽) Poems: From Legend to Poetry. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 2. Pp. 139–150. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-139-150

Син Донъёп [(1930–1969) 신 동엽 (申東曄)] — один из самых значительных поэтов XX в. в Корее. Его жизнь и творчество пришлись на 60-е годы прошлого столетия. В его произведениях образы становились метафорами времени. Они содержали глубокий социальный послыл. Для поэзии 60–70-х годов Республики Корея характерно обнажение смыслов, что было свойственно и для творчества Син Донъёпа. Субъективный лиризм, который опосредованно выражался в классической поэзии в жанре сиджо, в поэзии новейшего времени приобретает ярко выраженный характер. Мы явственно можем увидеть отношение поэта к тому или иному факту. Художественный образ создается при помощи ярких эпитетов, характеризующих время и события, целую эпоху. Литературная критика Республики Корея относит Син Донъёпа к плеяде народных поэтов минджок сиин (민족시인). Поэты творили в разных жанрах и писали на разные темы, они рассказывали о своих чувствах.

В русской литературе тема «народ и власть» была распространена и в творчестве А. С. Пушкина, так же широко известен цикл стихотворений о простом русском народе Н. А. Некрасова. В Корее народные поэты выражали волю простого народа. «Творческая природа выражения мысли и чувства становится особенно очевидной благодаря тому факту, что в искусстве выражение совсем не безразлично к материалу, в котором оно осуществляется» [Сквозников В. Д., 1964, с. 175]. Корейские поэты были образованными людьми своего времени, и многие из них разделяли идеи народной религии «чхондогё»² или тонхак (восточное учение).

Среди них был поэт Син Донъёп³. При жизни был опубликован только один его сборник — «Асанё» (1963), куда вошла эпическая поэма «Кымган», также напечатаны около двадцати стихотворений и ряд эссе в разных периодических изданиях. Поэт не признавал раздела страны по 38-й параллели, не примыкал ни к одной из сторон в период Корейской войны (1950–1953). Он был возмущен вмешательством империалистических держав, помешавших осуществить народную революцию. В эти годы он пережил голод, что впоследствии сказалось на его здоровье. После кончины поэта в 1975 г. было издано полное собрание сочинений Син Донъёпа. Его поэзия стала актуальна в 80-е годы прошлого века, когда народ боролся за свои права в Республике Корея. Южная Корея 60–80-х годов прошлого века была похожа на бурный котел социальных выступлений народа за демократические реформы в стране, за признание прав простых людей на справедливое

² Чхондогё возникло в середине XIX в., основатель учения — Чхве Джеу (1824–1864). «Идейная основа нового учения заключалась в Чхондо / «Небесном Пути». По словам Чхве Джеу, «цель тонхак — Небесный Путь, которым пойдет человек». Суть этого учения сводилась к почитанию Неба и следованию по пути, начертанному «Владыкой Неба» — Чхонджу. Тонхак проповедовало идею о божественном начале, заключенном в каждом человеке, благодаря которому человек становился равным Богу. «Бог в каждом человеке, без различия его происхождения. Каждый индивидум в обществе представляет ценность, так как каждый человек, а не один Бог — творец Вселенной». На основании этой эгалитарной идеи общественно-политической целью тонхак стало провозглашение всеобщего социального равенства. Новое религиозное учение утверждало, что нет различий между человеком свободным и рабом, что женщины — дочери Бога — не должны быть унижены» [Ершова, 2004, с. 168–169].

³ Син Донъёп — уроженец г. Пуё провинции Южная Чхунчхон (Чхунчхон-Намдо), в 1966 г. окончил исторический факультет университета Тангук в г. Йонгин столичной провинции Кёнгидо, в том же году поступил в аспирантуру по специальности «родная литература» университета Конгук в Сеуле.

социальное мироустройство. Поэты Кореи в этот сложный период истории выражали свое видение мира в творчестве.

«Асанё» — первый сборник стихов Син Донъёпа, опубликован издательством «Мунхакса» (문학사) в 1963 г. Сборник состоит из трех частей, в него вошли 18 стихотворений, среди которых — «Азалии у горного ручья» (진달래산천), «Пейзаж» (풍경), «Снежный день» (눈나리는 날), «Та осень» (그 가을), «Сверкающие зрачки глаз» (빛나는 눈동자), «Нет» (아니오), «Праздничный барабан Асанё» (아사녀의 울리는 축고), «Земля пахаря-сказителя» (이야기하는쟁기꾼의대지) и др. Со слов поэта, первая часть сборника была написана в сложный для него период, когда он скитался по стране и не мог определиться. Вторая часть написана в период, когда он вернулся из армии и вел оседлый образ жизни. Третья часть, состоящая из поэмы «Земля пахаря-сказителя», впервые была опубликована на страницах газеты «Чосон ильбо» в 1959 г. в разделе «Новые литературные имена в поэзии». Ежегодный литературный конкурс, проводимый периодическими изданиями, выявлял имена талантливых поэтов. Тогда поэма Син Донъёпа «Земля пахаря-сказителя» победила в конкурсе⁴.

Обратимся к программным стихотворениям первого сборника, но перед этим приведем легенду об Асанё и Асадале, которая стала толчком для создания художественных произведений.

Кёнджу — древняя столица государства Силла (57 г. до н. э. — 892 г.), город буддистской культуры. Ныне этот город расположен в провинции Северная Кёнсан (Кёнсан-Пукдо). Главными его памятниками являются грот Соккурам и буддистский храмовый комплекс Пульгукса, вошедшие в реестр материальных памятников ЮНЕСКО.

Возведение трехъярусной пагоды Соккатхап («Муёнътхап» (무영탑)) во дворе храма Пульгукса (волости Вэдон (외동읍), деревни Квэнын (괘능)) связано с одной легендой.

«В государстве Силла, когда началось строительство храма Пульгукса, искали самых лучших мастеровых. Выбор пал на жителя Пэкче Асадала, который в то время известен был по всей округе как лучший резчик по камню. Прошло три года, как Асадал, оставив жену Асанё, покинул родные места и отбыл в Кёнджу. Вестей от него не было. Обеспокоенная Асанё скучала по мужу и отправилась туда на его поиски. Но ей не позволили пройти к Асадалю. Один монах по указанию свыше преградил ей путь, сказав при этом, что женщине недопустимо ступать во двор храма, пока не завершится строительство башни. Каждый день Асанё бродила вокруг храма, чтобы увидеть Асадала хотя бы издали, но так и не смогла повидать мужа. Однажды ранним утром, когда Асанё бродила возле храма, монах, уставший смотреть, как она ходит вокруг, посоветовал ей: «Тут неподалеку есть небольшой пруд. Лучше сходи-ка ты туда и жди там, при этом усердно молись. Когда закончится строительство башни, на поверхности пруда ты увидишь её отражение. И тогда ты сможешь встретиться с мужем». Асанё так и сделала. Она каждый день ходила к пруду и молилась, надеясь увидеть отражение пагоды. Но тень все так и не появлялась. Асанё, доведенная до отчаяния, бросилась в пруд и утонула. С тех пор за прудом закрепилось определение «без тени». Это место в деревне Квэнын в волости Вэдон сохранилось до наших дней.

Асадаль создает облик Будды на скале

Когда было завершено строительство пагоды во дворе храма Пульгукса, Асадаль наконец-то стал свободен. Монах сказал ему, что его ждет жена возле пруда. Радостный Асадаль побежал туда, но никого так и не встретил. Оглядевшись вокруг, он увидел на скале (в другой интерпретации — на поверхности пруда) возникший образ Асанё. Облик то появлялся, то исчезал. Она улыбалась

⁴ URL: <https://www.kculture.or.kr/brd/board/252/L/menu/463?brdType=R&bbIdx=8627> (дата обращения: 29.05.2026).

и манила его. Асадаль понял, что Асанё больше нет в этом мире. Он высек облик Асанё на большом камне. В нем отразилась печаль, страдание и тоска по Асанё. При создании облика Асанё произошло необъяснимое явление: в процессе работы он все более походил на образ Будды. После завершения работы судьба Асадала была неизвестна: то ли он бросился в пруд или, может, вернулся в родные края»⁵.

Но и до наших дней сохранились эти чудесные творения эпохи Силла, среди которых пагода Соккатхап, созданная, по легенде, мастером Асадалем. Её называют пагодой без тени (Муёнътхап)⁶ в комплексе храма Пульгукса. Легенда об Асанё и Асадале не раз становилась сюжетом в литературе и корейском кинематографе. Классик корейской литературы Хён Джингон на основе легенды создал исторический роман «Пагода без тени» (Муёнътхап 무영탑), который частями публиковался на страницах газеты «Тонъа ильбо» с 20 июля 1938 по 7 февраля 1939 г. Роман и легенда стали основой сюжета для фильма Син Санок (신 상옥) «Башня без тени» (Муёнътхап 무영탑) в 1957 г. Надо отметить, что корейский кинематограф не раз использовал сюжет легенды и романа. Другой корейский режиссер — Ким Суён (김 수용) снял фильм по мотивам романа в 1970 г. Может быть, в современном корейском кинематографе легенда найдет новое воплощение и интерпретацию. Мы уже не раз видели, как в наши дни корейское кино, используя старинные легенды, показывает свое видение истории.

Почему же у пагоды в храме Пульгукса нет тени? Отсутствие тени — это знак зловещий или мистический, потому что каждая вещь при солнечном свете под углом имеет свою тень или отражение. Но в данной легенде отсутствие тени символизирует синтез, где добро и зло, чистый свет и грязный мир существуют неразрывно вместе. Только познав зло, начинаешь ценить добро. Поэтому человек должен осознавать и принимать две стороны мира, его многообразие.

В романе «Пагода без тени» Хён Джингона разворачивается интересный сюжет с новыми героями в любовном треугольнике и историческими личностями эпохи Силла. Асанё в данном произведении становится жертвой времени и обстоятельств. Простой женщине не позволили увидеться со своим мужем, в отличие от знатной Чуман — дочери правителя, влюбленной в мастера Асадала⁷.

Асанё проявила смирение и в легенде, и в романе Хён Джингона, она — не главный персонаж среди других образов. Она — простолюдинка, но именно на таких преданных людях и держится государство.

⁵ URL: <https://ncms.nculture.org/traditional-stories/story/8015> (дата обращения: 29.05.2026).

⁶ Пагода Соккатхап (сокровище нации № 21) расположена во дворе храмового комплекса Пульгукса (Монастырь царства Будды) рядом с пагодой Таботхап (Пагода сокровищ 多寶塔, сокровище нации № 20). Она расположена к западу от фасада зала Тэунджон, состоит из трех ярусов, воздвигнута в честь Будды Шакьямуни (Соккамони 석가모니). Обе пагоды расположены симметрично рядом как восхваление Лотосовой сутры (Саддхармапундарика), подтверждающая истинную приверженность буддизму. «Западная монументальная гранитная пагода Соккатхап, достигающая 8,2 м в высоту, может служить классическим образцом типа пагоды-башни. <...> Пагода отличается простотой и четкостью конструктивных форм. Новыми являются массивные монолитные крыши со слегка приподнятыми углами, высеченные из целых каменных блоков, а не из отдельных частей, как у более ранних. Их патчи (примеч. кор., основа, поддержка) создают игру светотени, усиливая ритмичное движение масс вверх. Выступающие по углам столба и на основании узкие пилястры заимствованы из приемов деревянного зодчества» [Глухарева, 1982, с. 78]. С середины VIII в. башня Соккатхап сохранилась в первоначальном виде. В сентябре 1966 г. она была повреждена грабителями, в декабре того же года полностью восстановлена. При реконструкции были обнаружены в квадратном пространстве (в передней части второго яруса пагоды) редкие буддийские артефакты. Наиболее значительной из которых была сутра «Дхарани чистого света» (сокровище нации № 126), которая была напечатана на шелковистой тутовой бумаге. Эта сутра является старейшей в мире реликвией, созданной с помощью деревянных оттисков. Пагода также известна как «Муёнътхап», что буквально означает «пагода, не отбрасывающая тени». Это альтернативное название связано с печальной легендой об Асадале, каменщике из Пэкче, построившем пагоду Соккатхап, и его жене Асанё. См. также: URL: http://eng.bulguksa.or.kr/bbs/content.php?co_id=treasure# (дата обращения: 29.05.2026).

⁷ URL: <https://m.blog.naver.com/powersoul/221210973153> (дата обращения: 29.05.2026).



Пагода без тени Соккатхан (Муёнътхан)

Источник: URL: http://eng.bulguksa.or.kr/bbs/content.php?co_id=treasure# (дата обращения: 29.05.2026)

Бунт Асанё

В стихотворном цикле Син Донъёпа «Асанё» образ обретает новое значение — он становится символом свободы закабаленного народа. Простой человек в новой истории страны становится главным героем событий и двигателем преобразований в стране. Сборник стал откликом на события 19 апреля 1960 г. Ли Сынман — марионеточный президент при помощи подтасовки результатов голосования в четвертый раз становится президентом Южной Кореи. В Сеуле студенческая молодежь выходит на демонстрации, по ней стреляют правительственные войска, появляются жертвы. Но выступления подхватывает народ, и парламент вынужден признать выборы недействительными. Ли Сынман сбегает в США⁸.

Его стихи, как и произведения другого поэта — Ким Суёна⁹, стали рупором прав простых людей, которые игнорировались правящей элитой. Для него неприемлем был эксплуататорский

⁸ В знак протеста против сфальсифицированных выборов президента 19 апреля в Сеуле начались массовые акции протестов людей. Полиция открыла огонь по демонстрантам. Манифестанты — в основном студенты — призывали к пересмотру итогов президентских выборов. Однако на помощь полиции были вызваны регулярные войска, получившие приказ открыть огонь по манифестантам. В результате начавшихся столкновений с армией 125 студентов было убито. Однако манифестации не прекратились, хотя теперь они призывали уже к немедленной отставке Ли Сын Мана. На этот раз войска отказались стрелять в манифестантов, так что вскоре весь Сеул оказался под контролем протестующих. Парламент страны в экстренном порядке принял резолюцию об отставке президента и назначил новые президентские выборы. Вскоре Ли Сын Ман подписал заявление об отставке и покинул страну. В результате в Южной Корее была установлена Вторая республика.

⁹ Ким Суён (1921–1968) — поэт-модернист [см.: Ни, 2010, с. 82–102].

дух, сословные предубеждения. Все люди должны быть равны, он требовал уважения к труду простого человека.

Пагода Соккатхап «Муёнъгхап — сокровище нации № 21, свидетельство величия мастерства человека из народа, также несет в себе и его страдания. В стихотворении «Асанё» Син Донъёп осуждает социальную несправедливость, когда люди, облаченные властью, жестоки по отношению к простому народу.

Асанё

Бессердечна высокая башня из камня,
Бессердечен безжалостный кнут,
Бессердечны коварные замыслы

(Вокруг) честного мастерового!
Мирным душам бедных людей они
(господа) докучают
От гор до моря
В каждом городе
От школ и за городом, за дворцом.
Каждой весной
Зацветающие обильно цветы
Шарлатаны (срывают).
Юные души
Топят в волнах.
Старую, голодную нечисть (алчущих жертвы)
С их коварством разогнали.
Те сбежали.
— Разве ты пронзил сердце любимой?!
Или ты расстрелял флаг своей родины? Или ты всадил пулю в глаз сына, когда он учился в школе?
Нет, они живы, не умирали!
«Наша кровь дышала вместе с землей,
и наши глаза искрились вместе с рекой».

19 апреля наши предки с Уральского плато, рвя траву, переселились на полуостров Кохын под залитые солнцем небеса Азии Юго-Востока. С той поры через Три царства, Пэкче и Корё протекала река. Прекрасные всплохи узелков, опоясав Кохын, белыми искрами взмыли в небо 1 марта¹⁰, и сегодня на наших глазах они снова парили.

Это восстали Асадаль и Асанё, вспыхнул бунт их горячих сердец в бушующих водах.

Убирайтесь (негодники),
Ищите мышинные норы,
Распыляйтесь, как угли,
И сгиньте в канализационных стоках истории!

Ты можешь
Остановить
Позорную власть вместе с проклятым именем?!

¹⁰ 1 марта 1919 г. — восстание корейцев против японских колониальных властей.

В каждом городке вдоль гряды гор Тхэбэк,
азалии, форзиции и персиковые деревья зацветают с приходом весны.

В Алжирских деревнях,
В девичьих деревнях у берегов Каспийского моря,
На улицах страны с ясными утрами,
Во дворе Кванхвамуна¹¹, на конечной станции Хёджа-дон

Этот извергающий кровь огненный столб, взмывающий (в небо) подобно бушующей приливной волне
наперекор...
Свобода от угнетения устремляется к небесам...

Как неиссякаемая весна,
шествие справедливости и негодования
будет длиться во веки веков
и продлится в сердцах молодых.
Вся слава, озаренная солнцем,
Пролейся на прекрасные ладони молодого борца,
падшего с криком.¹²

В начале стихотворения в первых трех строках повторение слова *муджи-гельдо* (злой, коварный) усиливает нагнетание последующего повествования. В нем отражено негодование автора, его протест против несправедливости. Здесь ярко выражена бинарная оппозиция «злые, коварные господа — простой бесправный народ». Высокая башня во дворе храма Пульгукса в своем холодном безмолвии — как знак бессердечия, в то же время она как предмет величия мастерства Асадаля, простого человека из народа, который является опорой государства. Возмущение народа оправдано, сила народа и стремление к переменам отражаются в бунте.

В другом стихотворении — «Звуки праздничного барабана Асанё (阿斯女)» перед нами предстает персонифицированный образ Асанё в образе Земли, она восстает против несправедливости природными явлениями. В культуре Кореи Земля связана с женским началом, постулат «Мужчина — Небо, Женщина — Земля» — незыблемое правило с эпохи Чосон.

Звуки праздничного барабана Асанё

Плоть и кости текли, образуя ручьи, а обида лилась через край на шелковистые поля,
где расцветали цветы.
В знойном небе в жарком солнце июля жемчужной россыпью раскинулся юбки подол.

Среди раскаленных красных равнин, опаленных войной,
В первозданных лесах дорогу открыл мотив песни,
И континент, скрипя, пополз как повозка.

В майских лесах и ячменных полях, где кричат кукушки, на легендарных полях,
На холмах моего сердца, на рисовых полях моей поясницы, на равнинах моего сердца
Дули ветры сезона дождей.

¹¹ Кванхвамун — главные ворота в королевском дворце Кёнбоккун в Сеуле.

¹² URL: <https://m.blog.naver.com/pyosw/222919301376> (дата обращения: 05.02.2026).

Гнев и обида несутся вдоль железнодорожных путей и растянулись
на десять миллионов ли до могильных холмов Ёнбёна¹³.

В поезде, где везут три мотыги и просо, слышится, как смешались шум горных ручьев и рев ликования, разрывая грудь и на части каждый моллюск.

Даже когда уходят облака и приходит весна, равнины пусты, во дворы землянок наших предков
пробралась щупальцами осьминогов династия короля.

Полчища врагов династий вырываются наружу, образуя реки.

Отрыжка дракона вздымает море и на полях нашей истории оживают ледяные цветы.

Это в небо летят сто миллионов каменных копий.

2

Вознесись к июньскому небу и увидишь!

Как вздохнула холодная грудь и развеваются волосы до полей, где созревает мед,

Вознесись и увидишь на июньской горе!

Вознесись и увидишь в июньском небе!

Как в каждом горном ущелье созревают плоды.

Перед каждым ручьем сверкает гора ярких гильз.

На каждом горном (с тополями) хребте,

На окраине деревни Сандон-ри, похожей на ящера,

Поднимись к июньскому небу и увидишь!

Обойди скалу и увидишь!

В каждом месте из сибсамдо (십삼도)¹⁴ в горах и на реках,

В деревнях плачут цикады.

Вдоль недавно построенной дороги

блестящие оголенные корни деревьев

ведут к запустелому городу с разбитыми стенами.

Обойди скалу и увидишь!

Как вспотевшая Суни от кочхуччан¹⁵,

собирая травы диких бобов и злаков,

дошла до пустого дома.

Послушайте вольные речи короля Ёнсангуна¹⁶ в период самбок¹⁷,

Они, как с языка быка, стекают слюной и как будто парят черными жемчугами

рисовых зерен.

¹³ Ёнбён (Ёнбён) — корейский автономный округ на северо-востоке Китая.

¹⁴ В 1896 г., на 33-й год правления вана Конджона, в связи с пересмотром органов местного самоуправления были созданы тринадцать провинций (Чолланамдо, Чоллапукдо, Чхунхоннамдо и др.)

¹⁵ Кочхуччан — острая бобовая паста.

¹⁶ Ёнсангун — десятый король династии Чосон, годы правления — 1494–1506. Его звали Драконом (용), это старший сын короля Сонджо. Отличался жестокостью, расточительством и распутством. Был низложен в результате дворцового переворота и отправлен в ссылку на остров Канхвадо.

¹⁷ Самый жаркий летний период, когда жители Юго-Восточной Азии, также и корейцы, традиционно употребляли собачье мясо в пищу как способ получения качественного белка. В настоящее время в такой период в Корее принято употреблять *самгетхан* (суп с цыпленком и женишеневым корнем).

Поднимись на июньский холм, ты увидишь!
Ароматные головки бобов колышутся в каждом поле.
Когда наступит август, во дворе на обед — тара с вином,

Вспомни прекрасные лица и тела женщин, облаченные в тогу, северного Пуё¹⁸,
Они словно бусы закатились в щели истории.

Поднимись в июньское небо и увидишь!
Как на землях Корё абрикосы созрели и вино во дворе для крестьян,
Как глаза красавиц Пэкче¹⁹, которые утром и вечером смотрелись в бронзовые зеркала.
Даже сейчас, глядя на небесный след самолета,
Из-под оторвавшихся от земли железных колес
на каждом холме сверкают шапки желтых форзаций.

3

Пышные леса, которые сохли от жажды,
Возвышаются в поле среди искрящихся дождевых облаков.
В тот день, когда Царство Пальхэ²⁰ выбралось из земляничной могилы и шествовало
по горам через кусты диких роз, через прореженные леса,
Мощью Вселенной снова в горах вспыхнуло пламя древних пожаров!
Прислушайся к могучим крикам Имджинской войны²¹.

Сглотни слюну и вознесись к новому небу.
В каждой деревне у рек, где стирают белье натруженными руками,
женщины прячут красивые грустные лица.

Поднимись на холмы июня и увидишь!
Девушка с ружьем на плечах на линии Кёнбу, у станции Каросу
приподнимает со лба поля соломенной шляпы.

Подумайте о невинных людях!
Они босыми ногами, истертыми в кровь, брели по долинам и плыли морем,
ели полынь по пути и натывались на мед,
были изгнаны пятьсот лет назад от Амноккана до Чеджудо²².

Воскресни, тот человек! Кто взбирался на гору в феврале, улыбаясь, с реющими волосами. Они
на наших полях без ран полегли!

Страдая от жажды, цепляясь за камни и пни, ты геройски взбирался на гору, так что горело лицо
да пылало все тело. И Восточное море разверзлось и, казалось, заполнило грудь.

¹⁸ Пуё — страна, основанная одной из корейских народностей во II в. до н. э., существовала по 494 г., располагалась на севере современной Маньчжурии.

¹⁹ Пэкче — одно из трех древних государств (Когурё, Силла, Пэкче) на юго-западе Корейского полуострова, оказавшее огромное влияние на культуру Японии.

²⁰ Пальхэ (Бохай) — в 698 г. генерал Когурё Тэджо основал государство, которое располагалось на территории севера Корейского полуострова, Маньчжурии и Приморского края.

²¹ Имджинская война — японское вторжение в Корею в годы правления вана Сонджо, длилась с 1592 по 1598 г., закончилась поражением Японии.

²² Неудобные для королевского двора люди изгонялись на о. Чеджудо. Восставшие в средние века и в более поздние периоды также изгонялись на о. Чеджудо.

Очнись и воспой! На каждом горном хребте свежая сила вырастает среди облаков
И бурлит громким эхом, вобравшим 10 миллионов лет,
На краю бурлящего неба в летний день прахом костей, истлевших за миллиард лет²³.

Асанё — страданица мать-земля... Тело Асанё — как земля. Земля в культуре стран Дальнего Востока — живой организм. Земля — Женщина кормит и поит людей, одаривая своими плодами, она мягка и ласкова, как мать. Она поглощает все деструктивные действия людей, иногда изрыгая природными катаклизмами свое недовольство. Она — как вместилище людских страданий.

В поэзии Син Донъёпа у страданий, печали и горя — женское лицо. В другом стихотворении Син Донъёпа — «Март» мы встречаем снова слово «Асанё», как будто поэт заворочен этим именем, его нежным звучанием, воплощающем людские страдания.

Протяжна, как плач цикады,
Весна с женским ликом смерти голодной²⁴,
Безмолвно проходит с поникшей главой.
Учение Востока! Востока учение!
Перед бесстрастным теченьем Кымгана,
Разрывающий горло дух!
Время созрело, чтобы лишиться ума?!
[Ни, 2010, с. 34]

В корейском обществе в эпоху Чосон мужчина главенствовал над женщиной, она должна была беспрекословно ему подчиняться. Женщина в семье подчинялась отцу, затем мужу, потом старшему сыну. Ее не принято называть по имени, потому что она чья-то дочь, жена и мать. Женщину называли по имени отца, мужа, старшего сына. Это можно проследить и в наши дни, хотя многие женщины стали независимы и свободны.

На протяжении всего правления династии Ли (Чосон, 1392–1905) главной идеологией было конфуцианство, за каждым социальным сословием были закреплены свои правила. Их соблюдение считалось незыблемым. Отношения между классами все более обострялись в последующие периоды. Человек унаследовал все по праву рождения: богатство, чины и титулы рода. Строгая социальная иерархия тормозила развитие общественных отношений, потому что человек из низшего сословия, как бы ни был талантлив, был обречен оставаться в своем предназначенном для его семьи положении. Корейский тип общества — это замкнутый круг, где каждый его член вращается внутри своего круга. Если родители — крестьяне, то и их дети — крестьяне. В народе ходила пословица «от янбана рождается янбан, от холопа — холоп» [Лим Су, 2003, с. 42]. Угнетенный народ не раз выступал против такой зависимости, где помещики-янбаны заботились только о личном обогащении. «Янбаны живут горбом народа» [Лим Су, 2003, с. 42]. Вспыхивали крестьянские восстания. В середине XIX в. рождается учение «чхондогё», где провозглашается основная доктрина, что перед Богом (Небом) все равны — и богатый, и бедный. Японская оккупация Корейского полуострова (1910–1945) выявила все несовершенства последних лет правления династии Ли (Чосон). Главными борцами за независимость стали выходцы из крестьян и ремесленников. В корейской литературе того периода появляются произведения, призывающие к пересмотру старых социальных доктрин.

²³ 신동엽 시인 / 아사녀(阿斯女) 외 1편 (Поэт Шин Дон Ёп / Асанё и ещё одно стихотворение). 사랑과 평화. 09.09.2019. URL: <https://simpaschal.tistory.com/12007732> (дата обращения: 29.05.2026).

²⁴ В этом стихотворении Асанё (а+са+нё) — кит. иероглифы означают: голод+смерть+женщина. Ср. с первым значением Асанё в легенде и в стихотворении Син Донъёпа: этот+холм+женщина.

Народ — главный художественный образ в творчестве поэтов 60–70-х годов. Поэты — приверженцы учения «чхондогё» описывали тяготы и чувства простых людей, оказавшихся на перепутье эпох.



Чосонхва. Хон Унсок. Женщины в поле. Москва. Художественная выставка КНДР, октябрь 2025 г.
Фото Ни Н. И.



«Асанё и монах», кадр из фильма «Башня без тени» (Муёнътхан), реж. Ким Санок, 1957.
URL: <https://www.kmdb.or.kr/db/kor/detail/movie/K/00335> (дата обращения: 24.02.2026)

Литература / References

Глухарева О. Н. Искусство Кореи с древнейших времен до конца XIX века. М.: Искусство, 1982 [Glukhareva O. N. Art of Korea from ancient times to the end of the 19th century. Moscow, Art, 1982 (in Russian)].

Ершова Е. В. Религиозное общество «чхондогё»: история, политика, идеология / Роль религиозного фактора в жизни корейского общества. Владивосток: Изд-во ДВУ, 2004 [Ershova E. V. Religious society "Cheondogyo": history, politics, ideology / The role of the religious factor in the life of Korean society. Vladivostok: Publishing house of the Far Eastern University, 2004 (in Russian)].

Лим Су. Золотые слова корейского народа. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 360 с. [Lim Su. Golden words of the Korean people. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University, 2003 (in Russian, in Korean)].

Ни Н. И. Поэзия Республики Корея во второй половине XX в. М.: ИВ РАН, 2010 [Ni N. I. Poetry of the Republic of Korea in the second half of the 20th century. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2010 (in Russian)].

Сквозников В. Д. Лирика / Теория литературы (Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы). М.: Наука, 1964. С. 173–237 [Skvoznikov V. D. Lyrics / Theory of Literature (Main Problems in Historical Interpretation. Genera and Genres of Literature). Moscow: Nauka, 1964. Pp. 173–237 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic Sources

신도엽 / 전통 문화 포털 / 분야별 문화인. Shin Dongyeop. Traditional Culture Portal. Cultural Figures by Field [Син Донъёп. Портал традиционной культуры. Деятели культуры]. URL: <https://www.kculture.or.kr/brd/board/252/L/menu/463?brdType=R&bbIdx=8627> (дата обращения: 24.02.2026).

아사달과 아사녀의 애달픈 사랑 이야기. The sad love story of Asadal and Asanyeo [Легенда об Асадале и Асанё]. URL: <https://ncms.nculture.org/traditional-stories/story/8015> (дата обращения: 24.02.2026).

불국사. Bulguksa Temple. [Храм Пульгукса]. URL: http://eng.bulguksa.or.kr/bbs/content.php?co_id=treasure# (дата обращения: 25.02.2026).

현진건의 무영탑 — 아사달 아사녀 설화를 바탕으로 한 역사 소설. Hyun Jin-geon's "Muyeong-tap". A historical novel based on the legend of Asadal and Asanyeo [Хён Джингон. Пагода без тени. Исторический роман, основанный на легенде]. URL: <https://m.blog.naver.com/powersoul/221210973153> (дата обращения: 28.02.2026).

신동엽 시인 / 아사녀(阿斯女)의 외 1 편. Poet Shin Dong-yup / Asanyeo [Поэт Син Донъёп. Асанё]. URL: <https://simpaschal.tistory.com/12007732> (дата обращения: 28.02.2026).

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-151-153

**КРУГЛЫЙ СТОЛ «ТУРЦИЯ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ:
ОТ УРОКОВ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННЫМ ПРОБЛЕМАМ»**

А. Г. Гаджиев¹

24 ноября 2025 года в Институте востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН) в рамках Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока состоялась конференция «Турция в мировой политике: от уроков истории к современным проблемам». В ее работе приняли участие представители ИВ РАН, ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова, Казанского института евразийских и международных исследований, Финансового университета при Правительстве РФ, Военного университета Министерства обороны имени князя Александра Невского, Секретариата ПА ОДКБ, Российского союза промышленников и предпринимателей и Ассоциации «Российско-Турецкий диалог». Развернувшаяся дискуссия показала актуальность позиции Турции как важного международного игрока, многие эпизоды из истории которой в том или ином виде проецируются на сегодняшние проблемы. В основу настоящего выпуска легли доклады участников конференции. Подготовленный сборник статей стал результатом анализа российскими туркологами позиции Турции по важнейшим проблемам международных и двусторонних отношений, в том числе на основе проведения актуальных исторических параллелей между сегодняшним днем и событиями из турецкой и османской истории.

Ключевые слова: Турция, уроки истории, ретроспективный анализ, трансформация мирового порядка, советско-турецкие и российско-турецкие отношения, гуманитарная активность Турции, турецкая внешняя политика на Ближнем Востоке

Для цитирования: Гаджиев А. Г. Круглый стол «Турция в мировой политике: от уроков истории к современным проблемам». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 2. С. 151–153. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-151-153

**ROUND TABLE “TÜRKIYE IN GLOBAL POLITICS: FROM LESSONS OF
HISTORY TO CONTEMPORARY PROBLEMS”**

Amur G. Gadzhiev

On November 24, 2025, the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (IOS RAS) hosted a Conference entitled “Türkiye in World Politics: From History Lessons to Contemporary Issues”. The event was held within the framework of the Center for Middle Eastern Studies. Representatives from the IOS RAS,

¹ Гаджиев Амур Гаджибабаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; djakar@mail.ru

Amur G. Gadzhiev, PhD (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; djakar@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9870-3171

Moscow State University, IAAS MSU, the Kazan Institute of Eurasian and International Studies, the Financial University under the Government of the Russian Federation, the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense, the CSTO Parliamentary Assembly Secretariat, the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (RSPP), and the “Russian-Turkish Dialogue” Association participated in the work of the Conference. The ensuing discussion demonstrated the relevance of Türkiye’s position as an important international player, many episodes from whose history are projected in one form or another onto today’s problems. This issue is based on the presentations of the roundtable participants. This collection of articles is the result of an analysis by Russian Turkologists of Türkiye’s position on key issues in international and bilateral relations, including drawing relevant historical parallels between the present day and events from Turkish and Ottoman history.

Keywords: Türkiye, historical lessons, retrospective analysis, transformation of the world order, Soviet-Turkish and Russian-Turkish relations, Türkiye’s humanitarian activity, Turkish foreign policy in the Middle East

For citation: Gadzhiev A. G. Round Table “Türkiye in Global Politics: from Lessons of History to Contemporary Problems”. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 2. Pp. 151–153. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-151-153

Стремительная трансформация мирового порядка, характеризующаяся переходом от сложившейся в недавнем прошлом западнцентричной системы международных отношений к новой модели, сопровождается высокой турбулентностью, сложном существующих механизмов безопасности и формированием новых центров силы. В текущих условиях геополитической неопределенности обращает на себя внимание политика Турецкой Республики, которая, являясь правопреемницей Османской империи, на протяжении всей своей истории играла особую роль в региональных и международных процессах.

При всей уникальности текущей фазы развития международных отношений многие проблемы из истории Турции в том или ином виде проецируются на сегодняшнюю ситуацию. История способна предложить полезные прецеденты, а опыт прошлого может оказаться практически важным для сегодняшнего дня.

Современная Турция ведет активную внешнюю политику, претендуя на более весомую роль в мировых делах. Выступая в мае 2026 г. после очередного заседания кабинета министров, президент Турецкой Республики Реджеп Тайип Эрдоган заявил, что «Турция уже не та, что прежде, и мир больше не ограничивается сферой влияния западных государств». Турция действительно стала играть заметную роль в мировой политике, что делает ее значимым партнером. И это отмечают лидеры ключевых держав. Так, президент РФ Владимир Путин заявил, что видит в современной Турции «надежного, проверенного временем партнера как в двусторонних делах, так и на международной арене». Президент США Дональд Трамп неоднократно подчеркивал «заслуживающую признания» важную политическую роль Турции на Ближнем Востоке. Председатель КНР Си Цзиньпин обращал внимание на важность сотрудничества с Турцией для построения «справедливого миропорядка». Лидеры ЕС регулярно отмечают ключевую роль Анкары в процессах деэскалации напряженности в различных регионах мира.

В основу настоящего выпуска легли доклады участников конференции «Турция в мировой политике: от уроков истории к современным проблемам», состоявшейся 24 ноября 2025 г. в Институте востоковедения РАН. Мероприятие было организовано Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН под руководством д. и. н. В. Я. Белокреницкого. Подготовленный сборник статей стал результатом анализа российскими туркологами позиции Турции по важнейшим проблемам международных и двусторонних отношений, в том числе на основе проведения

актуальных исторических параллелей между сегодняшним днем и событиями из турецкой и османской истории.

Особое внимание было уделено следующим направлениям:

- статьи Н. Ю. Ульяновко, А. В. Болдырева, И. И. Стародубцева, А. З. Аюпова, С. Л. Волковой и Т. О. Караяки посвящены изучению различных аспектов развития советско-турецких и российско-турецких отношений;
- в работе Н. М. Давидова представлен анализ развития взаимоотношений Турции и ЕС;
- в статье И. А. Свистуновой рассмотрены турецко-греческие связи в первые годы существования Турецкой Республики;
- в исследовании М. Х. Амрахова представлены оценки текущего состояния и перспектив создания на территории Турции международного газового хаба;
- в работе А. Р. Чедия проанализирована гуманитарная активность Анкары на Южном Кавказе;
- в статье Ф. И. Усмонова описана внешняя политика Османской империи в Центральной Азии;
- в работах И. И. Ивановой и Е. А. Жаворонковой представлен анализ развития турецкой внешней политики на Ближнем Востоке;
- в исследовании А. Г. Гаджиева рассмотрены параллели между внешней политикой Турции и трансформацией ее политической системы.

Заключение и выводы

При подготовке данного выпуска ставилась задача обратить внимание читателя не столько на текущие внешнеполитические проблемы Турции, сколько на предпосылки их возникновения и перспективы дальнейшей эволюции через призму ретроспективного анализа: в сегодняшней геополитической ситуации важно не только представлять основные цели Турции в сфере международных отношений, но и оценивать возможности и последствия их реализации.

Благодарность

Организаторы конференции выражают признательность всем участникам мероприятия. Отдельная благодарность — сотрудникам ЦИС БСВ с. н. с. Андрею Викторовичу Болдыреву и с. н. с. Амуру Гаджибабаевичу Гаджиеву за подготовку статей к печати.

ОТНОШЕНИЯ БУХАРСКОГО ЭМИРАТА И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX в.: ПОЛИТИКА СБЛИЖЕНИЯ VS. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРАГМАТИЗМ

© 2026

Ф. И. Усмонов¹

В статье рассматривается эволюция политических и дипломатических отношений между Бухарским эмиратом и Османской империей на протяжении XIX в. Особое внимание уделяется парадоксальной ситуации начала столетия, когда Бухара при эмире Хайдаре инициировала беспрецедентную попытку вхождения в состав Османской империи, и последовавшему отказу Порты. Анализируется изменение вектора отношений после установления российского протектората над Бухарой (в 1868 г.), когда контакты сместились в религиозно-идеологическую плоскость (панисламизм) и культурную сферу (движение младобухарцев). Делается вывод о преобладании прагматизма над религиозно-идеологическим единством во внешнеполитических стратегиях обеих держав.

Ключевые слова: Бухарский эмират, Османская империя, дипломатия, Хайдар-хан, Махмуд II, Насрулла-хан, панисламизм, младобухарцы, Средняя Азия

Для цитирования: Усмонов Ф. И. Отношения Бухарского эмирата и Османской империи в XIX в.: политика сближения vs. геополитический прагматизм. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 2. С. 154–163. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-154-163

RELATIONS BETWEEN THE EMIRATE OF BUKHARA AND THE OTTOMAN EMPIRE IN THE 19th CENTURY: RAPPROCHEMENT VS. GEOPOLITICAL PRAGMATISM

Faridun I. Usmonov

This article examines the evolution of political and diplomatic relations between the Emirate of Bukhara and the Ottoman Empire throughout the 19th century. Particular attention is paid to the paradoxical situation at the beginning of the century, when Bukhara, under Emir Haidar, initiated an unprecedented attempt to join the Ottoman Empire, and the Porte's subsequent refusal. The article analyzes the shift in the vector of relations after the establishment of the Russian protectorate over Bukhara (1868), when contacts shifted to the religious and ideological realm (Pan-Islamism) and the cultural sphere (the Young Bukharian movement). It concludes that pragmatism prevailed over religious and ideological unity in the foreign policy strategies of both powers.

¹ Усмонов Фаридун Ибрагимович, заместитель директора АНО «Центр изучения современной Турции», Москва; ufarid@mail.ru

Faridun I. Usmonov, deputy director of the ANO "Modern Türkiye Research Center", Moscow; ufarid@mail.ru
ORCID: 0009-0006-1590-1735

Keywords: Bukhara Emirate, Ottoman Empire, diplomacy, Haydar Khan, Mahmud II, Nasrullah Khan, Pan-Islamism, Young Bukharians, Central Asia

For citation: Usmonov F. I.. Relations between the Emirate of Bukhara and the Ottoman Empire in the 19th Century: Rapprochement VS Geopolitical Pragmatism. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 2. Pp. 154–163. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-154-163

Взаимоотношения Османской империи с государствами Центральной Азии в Новое время долго оставались периферийной темой как в османистике, так и в исследованиях Центральной Азии. Интерес к ним традиционно возникал в контексте изучения паломнических маршрутов (хадж) или противодействия шиитскому Ирану. Однако XIX век стал переломным: экспансия России в Центральной Азии и кризис Османской империи создали уникальную ситуацию для политического маневра. Бухарский эмират, оказавшись между молотом царской администрации и наковальней внутренних смут, попытался использовать османский фактор как инструмент выживания. Цель данной статьи — проанализировать динамику этих отношений, выявив мотивы сторон и причины неудачи попыток военно-политического союза.

Историография и источниковая база

Приступая к анализу бухарско-османских связей, исследователь неизбежно сталкивается с проблемой, которую еще в начале XX века точно сформулировал выдающийся российский востоковед академик В. В. Бартольд. Он отмечал, что «история среднеазиатских ханств в XVIII и XIX вв. принадлежит к числу наименее разработанных отраслей истории Востока, что объясняется не отсутствием источников, а равнодушием исследователей» [Бартольд, 1964, с. 400].

Этот методологический упрек долгие годы оставался актуальным. Изучение связей Порты с ханствами Центральной Азии действительно страдало фрагментарностью, политической ангажированностью и рассматривалось исключительно через призму соперничества великих держав («Большой игры»), а не как самостоятельный сюжет. Перелом наступил лишь в последние десятилетия с введением в научный оборот османских архивных материалов, что позволило преодолеть «равнодушие», о котором писал Бартольд.

Большой вклад в восполнение этого пробела внес российский историк А. Д. Васильев. В своей монографии «Знамя и меч от падишаха...» (2014) и серии статей он впервые детально реконструировал историю контактов на основе турецких и российских архивов. Особую ценность представляет его анализ протоколов османского совещания (мешверет) по вопросу о бухарском «подданстве», который долгое время оставался неизвестным широкой научной общественности.

Также в этом направлении в последние годы активно работают турецкие ученые и исследователи из стран Центральной Азии, постепенно раскрывая неизученные материалы из государственных архивов. Работы современных российских, турецких и среднеазиатских исследователей наглядно демонстрируют, что источниковая база по данной проблеме существовала всегда, но стала востребованной лишь после распада СССР, когда исследователи начали изучать развитие отношений между республиками Центральной Азии и современной Турцией.

Политический контекст и предыстория

Бухарское ханство было старейшим и самым могущественным из среднеазиатских ханств. На протяжении веков Бухара была важным центром образования и культуры в исламском мире [Andican, 2003, s. 73].

Первый контакт между Бухарским ханством и Османской империей состоялся во время правления султана Мехмеда II Завоевателя (1451–1481) [Yusupov, Gül, 2021, s. 39]. Первый серьезный контакт между двумя сторонами после этого состоялся во время правления султана Селима I в XVI в. на почве общего противостояния Сефевидскому Ирану [Erdoğan, 2018, s. 398]. Однако в тот период Бухара выступала как равноправный партнер, суннитский форпост. К началу XVIII в. ситуация кардинально изменилась. Бухарское ханство, охватывавшее большую часть Средней Азии, к началу XVIII в. пришло в упадок. Децентрализация этого государства привела к выделению на его территории крупных полунезависимых владений Балха, Бадахшана и Кокандского ханства [Бейсембиев, 1987, с. 6]. Период предельного социально-экономического и политического упадка Бухарского ханства пришелся на правление одного из последних Аштарханидов — Абу-л-Файз-хана (1711–1747). Из-под контроля центральной власти выходила одна область за другой. Положение дошло до того, что фактическая власть этого правителя не простиралась за пределы бухарского Арка. Неудивительно поэтому, что обескровленная Средняя Азия оказалась сравнительно легкой добычей для полчищ Надир-шаха, вторгшихся из Ирана. В 1740 г. Надир-шах, дойдя до Бухары, подчинил себе Абу-л-Файз-хана и большинство узбекских эмиров [Бейсембиев, 1987, с. 7].

Значительные перемены произошли в Бухарском ханстве в 1753 г. Мухаммад-Рахим убил Абу-л-Файз-хана и стал фактическим и независимым правителем в Бухаре, положив начало новой династии мангытов. Походы и деятельность Надир-шаха в Туркестане привели к значительным изменениям в ханствах региона. Тем временем правители Мангитской династии укрепили свою власть, опираясь на влиятельных ученых Бухары и таджикский купеческий класс [Тоған, 1981, s. 201].

В 1785 г. в Бухаре окончательно утвердилась династия Мангытов, а правитель Шахмурад принял духовный титул эмира, подчеркивая независимость от каких-либо внешних авторитетов, кроме халифа [Исмаилова, 2004]. Бухарские эмиры, проводя в жизнь централизаторскую политику, постоянно боролись с узбекскими племенными группировками вплоть до присоединения Средней Азии к России. Эта обстановка осложнялась периодическими набегами на территорию эмирата правителей Хивы, где к концу XVIII в. к власти пришла знать племени кунграт. А завоевание Цинами Восточного Туркестана в 1758–1759 гг. создало в Центральной Азии новую ситуацию, связанную с гегемонистскими устремлениями Цинов в отношении Средней Азии. После того, как попытки установления цинского господства в Средней Азии провалились, а последующие события (в частности, антицинская борьба покоренных народов Восточного Туркестана) показали шаткость режима Цинов в Синьцзяне, Цинская империя вынуждена была к концу XVIII в. перестроить в рамках традиционного изоляционизма свою политику в отношении Средней Азии. Основные усилия цинской династии были направлены теперь на создание вокруг Синьцзяна своеобразной буферной зоны из «неопасных» для Китая кочевых народов и государств [Гуревич, 1983, с. 202–203]. Это означало, что Цинская империя была заинтересована в разделении Средней Азии на несколько противостоящих друг другу государств.

«Бухарский зондаж»: попытка вхождения в состав империи (первая четверть XIX в.)

В XIX в. Бухарский эмират вошел с новым эмиром, но в значительно ослабленном состоянии в отношении с Османской империей. Постоянные войны с соседними ханствами заставляли Бухарский эмират искать политической и духовной поддержки в Стамбуле. С приходом к власти эмира Хайдара (1800–1826) внешняя политика Бухары совершает неожиданный кульбит. За первые

два десятилетия своего правления Хайдар отправил в Стамбул не менее восьми посольств [Васильев, 2014]. Формально они говорили о дружбе и религиозном единстве, но реальные цели были куда более амбициозными.

Первый посол из Бухары в Стамбул в XIX в. прибыл во время правления Селима III (1789–1807). В июле 1803 г. диван-беги (верховный судья) Иш Мухаммад прибыл в Стамбул в качестве посланника с письмом от эмира Хайдара, в котором тот сообщал о смерти своего отца Шах Мурада и объявлял о своем восшествии на престол 14 раджаба 1215 г. (1 декабря 1800 г.) и выражал добрую волю [Karazeybek, 2025, ss. 515–542].

Второе письмо эмира Хайдара, датированное февралем/мартом 1803 г., было доставлено в Стамбул корчубаши (начальником гвардии) Мирзой Мухаммедом Юсуфом и зарегистрировано в Наме-и Хумаюн (императорском реестре) 26 февраля 1805 г. Посол, помимо привезенного им письма, написал справку с объяснением переданного ему устно поручения. Суть доклада посла заключалась в уточнении того, как следует взаимодействовать Бухарскому эмиру с Россией, и в просьбе использования в императорском ответе к правителю Бухары титула «падишах Туркестана и Туран-и Замина» [там же].

В Порте пришли к выводу, что хотя предоставление титула «падишах» правителю Бухары может повысить престиж Османской империи в Мавераунахре, но все же этот факт может создать проблемы Османской империи в будущем в случае возникновения конфликта между Россией и Бухарой. Поэтому было решено отказать в присвоении титула «падишах» и продолжить использование прежнего титула: «Правитель Туркестана и Туран-и Замина». Однако императорское письмо, которое будет написано в ответ, будет составлено таким образом, чтобы выразить почтение и угодить правителю Бухары. Что касается отношения к России, послу будет сказано, что, учитывая союз Османского государства с Россией, правителю Бухары также следует проявлять уважение в отношениях с российским послом, как и подобает добрососедству [там же].

Первый посол, направленный от имени Бухарского эмирата во время правления Махмуда II (1808–1839), был отправлен, чтобы поздравить султана с восшествием на престол. С этой целью Хайдар направил в Стамбул диван-беги Мирзу Мухаммеда Юсуфа. Это был его второй визит в Стамбул в качестве посла. Персидское письмо, которое посол привез в Стамбул во время своей миссии, датировано 1229 г. хиджры (1813–1814). Но путь через Россию занял более двух лет. Перевод письма эмира Хайдара с персидского языка на османский был зафиксирован в Наме-и Хумаюн 7 октября 1816 г. [Karazeybek, 2025].

В письме наряду с прочими содержались и политические запросы. Хайдар перечислял области Центральной Азии, которые он считал исконно своими: Мавераннахр, Фергану, Дешт-и Кыпчак, Хорезм, Мерв, Дугляб, Балх и Бадахшан «вместе со всеми окрестностями». По его словам, эти земли издавна были его мюльком, а их правители назначались ханом Бухары. Однако, по словам Хайдара, правители областей Фергана и Хорезм вышли из повиновения. И потому, учитывая, что эмир считал себя преданным слугой султана, он просил отправить фирман, который доказывал бы, что две вышеуказанные области являются его собственностью.

Однако Мирза Мухаммед Юсуф умер в Стамбуле, не дождавшись официального ответа, приблизительно осенью 1818 г. Уведомление багдадского вали о его смерти датировано 26 зилькаде 1233 г. Х. (27 сентября 1818 г.). В то же время в ответе бухарскому эмиру ничего не было сказано о его возможных правах на обладание Хорезмом и казахскими землями. В письме просто лишь выражалось сожаление по поводу кончины на османской земле посланника эмира [Васильев, 2014].

Кульминацией стало посольство 1819–1820 годов, которое фактически предложило включение Бухары в состав Османской империи на правах широкой автономии.

После смерти Мирзы Мухаммеда Юсуфа Хайдар-шах отправил Мухаммада Шарифа в Стамбул в качестве посла с письмом, в котором выразил удовлетворение письмами и книгами, присланными из Стамбула. Также Мухаммад Шариф передал устное прошение Хайдар-шаха о его желании присягнуть на верность султану. Было отмечено, что благосклонность султана укрепит позиции шаха против врагов [Karazeybek, 2025].

Но предложение Хайдар-шаха не получило ожидаемой поддержки, так как оно поступило не вовремя. Хотя между Османской империей и Россией был мир, в ряде регионов начали пересекаться российско-османские интересы. Стамбул, декларировавший себя лидером всего мусульманского мира, был вынужден отвергнуть это предложение «Священной Бухары». Ответ дает анализ так называемого «особого совещания» (мешверет), созванного султаном Махмудом II.

Как реконструирует А. Васильев, доводы «против» перевесили религиозные и престижные аргументы:

Логистический коллапс: У Османской империи не было общей границы с Бухарой. Сообщение шло либо через враждебный Иран, либо через Россию, что делало невозможным эффективное управление и защиту новой провинции.

Геополитический риск: Включение Бухары автоматически делало Порту прямым противником России в регионе, к войне с которой Османская империя не была готова.

В ходе особого совещания было высказано опасение, что если начнется война между Османской империей и Россией, то, будучи османским вассалом, эмир может запросить военную помощь у Порты. Но в связи с тем, что «страна Турана» граничит с Россией и не имеет прямой границы с Турцией, любая помощь хотя и будет возможной, тем не менее породит целый ряд трудностей. Также отмечали, что Бухарский эмират, будучи преимущественно суннитским государством, может попытаться заручиться поддержкой Порты в спорах, например, с Индией или Ираном. И в таком случае Порту ожидают трудно выполнимые бухарские петиции о помощи.

Указывалось, что нет религиозной необходимости распространять власть Порты на Бухару. В ходе заседания было высказано мнение, что в случае утвердительного ответа на запрос эмира Порты будет испытывать затруднения, аналогичные тем, что возникают во взаимоотношениях с европейскими государствами из-за Алжира.

На совете отмечалось, что между Бухарой и Портой находится Иран. Именно это обстоятельство приводило улемов к выводу о том, что нет нужды искать согласованную с законами шариата необходимость принятия бухарского сюзеренитета. Участвовавшие в заседании улемы решили, что поскольку падишах является хранителем священных городов — Мекки и Медины, наместником пророка и на этом основании покровителем всех мусульман и их правителей, то нет необходимости утвердительно отвечать на бухарское прошение. Если же целью эмира является «особое подчинение», то в таком случае, учитывая всю сложность вопроса, участники совета решили отклонить его запрос.

Алжирский синдром: Чиновники вспомнили печальный опыт управления далеким Алжиром. Несмотря на морское сообщение, контроль над ним был слабым, а в 1830 г. Франция оккупировала его, обвиняя в бессилии именно султана. Бухара могла стать вторым Алжиром, но уже без всякой надежды на помощь [Васильев, 2014]. В итоге шейхульислам указал составить фетву такого характера, что, несмотря на желание эмира Хайдара принять османское подданство, это невозможно ввиду отдаленности Бухары от Османской империи [Karazeybek, 2025].

Таким образом, прагматизм взял верх: Хайдар получил вежливый отказ, но контакты не прекратились. Бухарские купцы продолжали играть ключевую роль в транзитной торговле, соединяя Россию, Индию и Ближний Восток, что также служило каналом связи [Mubinov, 2021].

Курс эмира Насруллы: лавирование между империями

После смерти Хайдара на Бухарский престол взошел его сын Насрулла (1827–1860). Этот период совпал с периодом обострения отношений между Османской империей и Россией на фоне Греческой национально-освободительной революции против турецкого господства (1821–1830). В конце 1826 г. в Стамбул в качестве посла Хайдар-шаха прибыл Мухаммад Фазил с посланием о готовности Бухары выполнить любые поручения султана. С позволения султана Мухаммад Фазил отбыл в хадж и вернулся в Стамбул 11 октября 1827 г. В это время до Стамбула дошла весть о смерти Хайдар-шаха. Учитывая, что от нового эмира Бухары пока не было официального письма на имя султана, было принято решение отправить бухарского посла с устным посланием от имени визиря. Османская империя просила Бухару при возможности проявить религиозную солидарность и объявить джихад Российской империи, а в случае отсутствия такой возможности призвать народ к поддержке и солидарности. Так как Россия вела войны с Каджарским Ираном (1826–1828) и Османской империей (1828–1829), этот период стал периодом приостановки контактов между Бухарой и Османской империей. Логистический коллапс дал о себе знать.

Наследник эмира Хайдара, Насрулла, стремился поддерживать мирные отношения и тесные дипломатические связи с Россией [Халфин, 1974, с. 214]. В 1830-х гг. он неоднократно отправлял посольства в Санкт-Петербург. Россия и Бухара были важными торговыми партнерами, поддерживавшими дипломатические связи и сплоченные наличием общего врага в лице Хивы. Россия считала Бухару торговым партнером из-за ее важных сырьевых ресурсов. В 1839 г. из Бухары в Россию было экспортировано товаров на сумму 2513 912 рублей; в 1840 г. эта цифра выросла до 3 283 654 рублей. В то же время Бухара была транзитным пунктом для российских товаров, предназначенных для Кабула, Кашмира и Герата. Даже в 1846 г. в Санкт-Петербурге преобладало мнение, что Бухара не представляла политической опасности для России [Hayit, 1975, s. 92].

Контакты Бухары и Османской империи возобновились в конце 1836 г. Эмир Насрулла отправил в Стамбул в качестве посла чагатайского бека Балтакулу. В своем письме эмир Насрулла сообщал о своей преданности султану. Эмир просил султана разрешить ему разделаться с разбойными бандами, поднявшими мятеж в Мавераннахре и Балхе. Падишах дал ему такое разрешение, однако напомнил, что часть указанных районов является спорной территорией между Бухарским эмиратом и Кокандским ханством. В связи с этим султан напоминал о необходимости наказания исключительно смутьянов, бунтующих против государственной власти [Халфин, 1974, с. 214].

Вероятно, изложенные требования составляли часть дипломатической подготовки эмира Насруллы к боевым действиям против беков мятежных территорий и походу на Коканд, осуществленному в 1839 г. В ходе этого похода Насрулла, используя внутренние смуты в Коканде, захватил приграничные города ханства и, получив большую добычу и выкуп, отвел войска. После того, как кокандцы отбили захваченные города, Насрулла в 1841–1842 гг. снова вторгся на территорию ханства, овладел его столицей — Кокандом и казнил хана Мадали и его сторонников. Однако вскоре бухарцы были снова изгнаны, и ханство получило независимость [Иванов, 1958, с. 140–141].

Через короткое время дипломатические контакты были инициированы самими османами. В 1839 г. в Бухаре были арестованы британские разведчики — агенты Ост-Индской компании Стодарт и Конолли. Они были направлены в Хиву и Бухару администрацией британской Индии. Помимо разведывательной миссии задачей этих офицеров было создать союз Хивы, Бухары и Коканда для защиты от российской экспансии, однако их усилия были тщетными. Эти события совпали по времени с обострением отношений между Хивинским ханством и Бухарским эмиратом, а также с Первой англо-афганской войной 1838–1841 гг. Потому бухарский эмир Насрулла, опасавшийся англичан больше, чем русских, велел задержать Стодарта и Конолли по приезде

в Бухару по подозрению в шпионаже и бросить их в темницу. В связи с этим англичане попытались использовать авторитет султана, чтобы освободить своих офицеров. Руководство компании решило обратиться к султану за помощью. Предполагалось апеллировать к авторитету султана как халифа, чтобы убедить эмира Насруллу в дружественных намерениях британцев. Авторитета султана должно было быть достаточно, чтобы Насрулла освободил британцев. Англичане обратились к султану Абдулмеджиду (1839–1861) с просьбой написать письмо бухарскому эмиру, в котором бы содержалось требование освобождения пленных и объяснение целей их приезда в Бухару. Переписка шла на протяжении 1841–1843 гг. Всего было обнаружено 8 писем, связанных с данной проблемой. Первое письмо было датировано 19 января 1841 г., последнее — 22 ноября 1843 г. От имени султана были направлены письма к правителям Хивы и Бухары. В данных письмах повторяется одна и та же информация о том, что эти английские посланники приехали для того, чтобы помочь эмиру противостоять врагам. В письмах указывалось, что ранее эти посланники находились на территории Ирана, где встречались с английским консулом. Упоминается о том, что эти пленники — подданные английской королевы, союзницы султана и защитницы правоверных. В заключение практически всех писем говорится о захвате этих офицеров как о досадном недоразумении, а эмиру дается совет освободить пленных во избежание конфронтации с Англией и позволить им продолжить свой путь. Бухарский эмир не ответил ни на одно из султанских писем, и офицеры были казнены по его приказу [Васильев, 2014]. Можно предположить, что попытка султана вступить за британских агентов вызвала определенное разочарование в Бухаре.

Следующий дипломатический контакт был санкционирован османским правительством в 1848 г. От имени султана бухарскому эмиру Насрулле было отправлено письмо (проект письма датирован сентябрем 1848 г.) В нем после значительных славословий упоминалось о личности посланника. Им должен был стать пост-нишин узбекского текке в Стамбуле шейх Хаджи Мухаммед. В письме отдельно оговаривалось, что данное текке существует уже долгое время [Васильев, 2014]. Начиная с XIX в. в дипломатических отношениях по туркестанскому вопросу Османским государством в качестве послов избирались шейхи узбекского текке, а точнее, бухарского текке в районе Султанамет в Стамбуле [Mahmudov, 2025]. В заключительной части письма содержалось, собственно, основное послание султана бухарскому эмиру. Говорилось, что до османов дошли сведения о войнах в регионе и о происходящих убийствах и боевых действиях. В этой связи султан напоминал о своем статусе халифа как высшего духовного авторитета для мусульман и требовал принять все необходимые меры для прекращения вражды, сохранения мусульманского единства, единства уммы и говорил о недопустимости проливать кровь своих единоверцев. Судя по османским документам, такое решение было принято под влиянием бесед с кокандским посланником (его имя неизвестно), находившимся в это время в Стамбуле. Об этом свидетельствует распоряжение, направленное в османское Министерство иностранных дел о пребывании кокандского посла в Стамбуле [Васильев, 2014].

Эпоха протектората и «османский след» (1868–1900)

А. Вамбери, побывавший в Центральной Азии в начале 60-х гг. XIX в. незадолго до присоединения края к России, оставил в своих мемуарах свидетельство того, как основная масса населения Бухарского эмирата представляла себе международное положение Османского государства и Бухары: «Среди населения Средней Азии и ее правителей Османская империя пользовалась несомненным духовным и политическим авторитетом и занимала, по мнению обывателей, едва ли не ведущее место в системе международных отношений. А султан и эмир, например, рядовым жителям Бухары представлялись владыками мира: бедные люди приходили в восторг, говоря

о героических подвигах своего эмира. Они рассказывали, что он проник из Коканда в Китай и, покорив все под свой скипетр на востоке, хочет также завоевать Иран, Афганистан, Индию и Френгистан, все страны до самого Рима; таким образом, мир поделится между султаном и эмиром» [Глушченко, 2000, с. 63].

Очередное посольство из Бухары прибыло в Стамбул в 1867 г. Эмир Сейид Музаффар-эд-Дин (1860–1885) отправил в Стамбул через Британскую Индию дипломатическую миссию, во главе которой находился муфтий Бухары Мухаммед Парса-эфенди. Отправка посольства была вызвана военными действиями с Россией. В результате военных поражений от русских войск в 1865 г., когда генералом М. Г. Черняевым был взят Ташкент, и последующих событий — войны с Бухарой в 1868 г. и подготовкой похода на Хиву 1873 г. местные правители вынуждены были обратиться за помощью к Османской империи как наиболее могущественному и дружественному из мусульманских государств, с которыми государства Средней Азии имели дипломатические отношения.

Отправляя посольство, эмир бухарский рассчитывал создать антироссийский альянс с участием Бухары, Османской империи и Англии. Мухаммед Парса-эфенди в начале сентября 1867 г. прибыл в столицу Османского государства, где был принят с большим вниманием и почестями. Посол удостоился личной аудиенции у султана Абдулазиза 24 сентября 1867 г. Он передал письма эмира и рассказал о сложившейся ситуации. Эмир бухарский в своем письме просил султана, используя силу и авторитет империи, повлиять на русских, заставить их отказаться от своих планов дальнейшего наступления на территорию ханства. Кроме того, он просил прислать ему современное оружие и специалистов в области металлургии и горного дела. После завершения своей посольской миссии Парса-эфенди намеревался отправиться в хадж.

В апреле 1868 г. от эмира пришли новые требования. Возвратившийся из хаджа Парса-эфенди снова передал их султану. Эмир требовал, чтобы султан помог ему дипломатическими методами остановить Россию и прислал ему военную помощь. Эта просьба была передана на рассмотрение особого заседания меджлиса. Османская администрация серьезно обсуждала вопрос о помощи Бухаре. В конце концов великий визирь Мехмед Эмин Али-паша доложил султану, что предоставить эмиру материальную помощь невозможно, так как огромное расстояние разделяет Бухару и Османское государство. Кроме того, в докладе визиря упоминается «серьезное соперничество», которое существует между Бухарой, Хивой и Кокандом. В этом случае дать отпор России не представляется возможным. Поэтому им следует объединить свои силы. Все эти причины были объяснены посланнику и, кроме того, были даны дополнительные объяснения в письме к бухарскому эмиру.

Пока в Стамбуле обдумывали варианты возможных действий, ситуация в Центральной Азии развивалась стремительно. Генерал Кауфман в течение 1867–1868 гг. нанес поражение бухарским войскам, захватил Самарканд и принудил бухарского эмира подписать мирный договор с Россией. В частности, по условиям договора эмир отказывался от самостоятельного ведения дипломатических отношений с другими государствами. Когда известие об этом пришло в Стамбул, меджлис еще продолжал рассмотрение ситуации, и никакого практического решения не было выработано. Поэтому перед лицом свершившихся фактов — поражения Бухары и заключения мирного договора, который фактически превращал эмира в вассала России, заседание меджлиса было прекращено в связи с невозможностью принятия каких-либо мер [Васильев, 2014].

После завоевания Самарканда войсками К. П. Кауфмана в 1868 г. Бухара стала протекторатом Российской империи. Прямые политические сношения Бухары с иностранными государствами были прекращены. Однако отношения с Османской империей не исчезли, а трансформировались. Российская администрация в Туркестане крайне настороженно следила за этими процессами. Турецкое влияние рассматривалось как угроза, подрывающая лояльность местного населения и бухарского эмира [Хужаёрова, 2025, с. 969].

В 1872 г. российские власти впервые запретили эмиру вести самостоятельные переговоры с соседними независимыми правителями через голову ташкентской администрации. В ответ на протесты российской стороны эмир согласился отказаться от своего права независимо от туркестанских властей вступать в дипломатические отношения с другими державами. После 1873 г. в османских архивах не было обнаружено сведений об официальной дипломатической переписке с эмиром. Однако, несмотря на официальный запрет царской администрации на ведение самостоятельных внешнеполитических акций, связи продолжались на уровне личных контактов — между различными османскими министерствами и частными лицами, проживавшими на территории ханств или выходцами из ханств, находившимися на территории Османской империи [Васильев, 2014].

На рубеже XIX–XX вв. османское влияние приобрело новое качество. Оно перешло в интеллектуальную среду. Многие представители бухарской интеллигенции, недовольные застоєм эмирата, получали образование в Турции. Именно там они знакомились с идеями османизма и конституционализма. Вернувшись, они составили ядро движения младобухарцев. Их программа (ограничение власти эмира, светские реформы, создание парламента) создавалась под прямым влиянием младотурок [Васильев, 2023].

Заключение

Отношения Бухарского эмирата и Османской империи в XIX в. прошли сложную эволюцию: от отчаянной попытки политического слияния в начале века до культурно-идеологического влияния в конце. Османская империя, сама переживавшая глубокий кризис, оказалась не в состоянии (да и не захотела) стать защитником Бухары от российской экспансии, когда для этого был шанс.

Ключевой вывод исследования заключается в том, что религиозная солидарность (суннизм, авторитет халифа) в реальной политике XIX в. уступила место жесткому геополитическому прагматизму. Для Порты сохранение остатков империи и баланс с Россией были важнее, чем расширение влияния в далекой Центральной Азии. Для Бухары же османский вектор оставался важным инструментом легитимации власти и поиска альтернативных путей развития, что в полной мере проявилось уже в начале XX в. в деятельности младобухарцев.

В завершение следует подчеркнуть правоту В. В. Бартольда: проблема заключалась не в отсутствии фактов, а в исследовательской оптике. Как только историки обратили пристальное внимание на эту тему, архивы раскрыли сложную картину взаимных ожиданий, страхов и стратегических просчетов, позволяющую по-новому взглянуть на механизмы принятия решений в эпоху «Большой игры».

Литература / References

Бартольд В. В. *Сочинения. Том 2. Часть 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии*. М.: Наука, 1964 [Bartold V. V. Works Volume 2 Part 2. Works on individual problems of the history of Central Asia. Moscow: Nauka, 1964 (in Russian)].

Бейсембиев Т. К. *«Та'рих-и Шахрухи» как исторический источник*. Алма-Ата: Наука, 1987 [Beysembiev T. K. *'Ta'rikh-i Shahrubi' as a historical source*. Alma-Ata: Nauka, 1987 (in Russian)].

Васильев А. Д. *Знамя и меч от падишаха: Политические и культурные контакты ханств Центральной Азии и Османской империи (середина XVI — начало XX вв.)*. Отв. ред. М. С. Мейер; М.: ИВ РАН, 2014 [Vasiliev A. D. *Banner and sword from the padishah: Political and cultural contacts of the khanates of Central Asia and the Ottoman Empire (mid-16th — early 20th centuries)*. Ed. M. S. Meyer; Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2014 (in Russian)].

Васильев А. Д. «Бухара подобна Алжиру»: османская политическая элита о прошении бухарского эмира Хайдара султану Махмуду II о принятии Бухары в состав Османской империи. *Восток*. 2021. № 4. С. 83–94 [Vasilyev A. D. 'Bukhara is Like Algeria': The Ottoman Political Elite on the Petition of the Bukhara Emir Khaidar to Sultan Mahmud II to Accept Bukhara into the Ottoman Empire. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 4. Pp. 83–94 (in Russian)].

Глущенко Е. А. *Строители империй. Портреты колониальных деятелей*. М.: XXI век — Согласие, 2000 [Glushchenko, E. A. *Empire Builders. Portraits of Colonial Figures*. Moscow: XXI Century — Soglasie, 2000 (in Russian)].

Гуревич Б. П. *Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в.* 2-е изд. М.: Наука, 1983 [Gurevich B. P. *International Relations in Central Asia in the 17th — First Half of the 19th Century*. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1983 (in Russian)].

Иванов П. П. *Очерки по истории Средней Азии: (XVI — сер. XIX в.)*. М., 1958 [Ivanov P. P. *Essays on the History of Central Asia: (16th — mid-19th centuries)*. Moscow, 1958 (in Russian)].

Исмаилова Б. *Политическое и социально-экономическое положение Бухарского эмирата: Вторая пол. XVIII — середина XIX в.*: Дис. ... д-ра ист. наук. Худжанд, 2004 [Ismailova B. *Political and socio-economic situation of the Bukhara Emirate: Second half of the 18th — mid-19th century*: Diss. ... Doctor of History. Khujand, 2004 (in Russian)].

Халфин Н. А. *Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века)*. М., 1974 [Khalfin N. A. *Russia and the Khanates of Central Asia (first half of the 19th century)*. Moscow: Nauka, 1974 (in Russian)].

Хужаёрова С. Б. Внешнеполитическая стратегия взаимоотношения Бухарского эмирата с зарубежными странами во второй половине XIX — начале XX века. *Кокандский ГПИ. Научный вестник*. 2025. № 3. С. 967–971 [Khuzhayorova S. B. Foreign policy strategy of the relationship of the Bukhara Emirate with foreign countries in the second half of the 19th — early 20th centuries. Kokand State Pedagogical Institute. *Scientific Bulletin*. 2025. No. 3. Pp. 967–971 (in Russian)].

Andican A. *Cedidizm'den Bağımsızlığa Hariçte Türkistan Mücadelesi*. İstanbul: Emre Yayınları, 2003 [Andican A. *From Jadidism to Independence: The Turkestan Struggle Abroad*. İstanbul: Emre Publications, 2003 (in Turkish)].

Erdoğan M. A. Osmanlı Döneminde Türkistan Hanlıklarından İstanbul'a Gönderilen Özbek Elçileri. N. Uyanık vd. (ed.), *Uluslararası Kültürel Miras ve Turizm Kongresi Bildiri ve Özet Kitabı*, 03–05 Mayıs 2018. Konya: Eğitim Yayınevi [Erdoğan M. A. Uzbek Ambassadors Sent from Turkestan Khanates to İstanbul During the Ottoman Period. N. Uyanık et al. (eds.), *Proceedings and Abstracts of the International Cultural Heritage and Tourism Congress, 03–05 May 2018*. Konya: Eğitim Yayınevi (in Turkish)].

Hayit B. *Türkistan Rusya ile Çin Arasında*. Ankara: Otağ Yayınları, 1975 [Hayit B. *Turkestan Between Russia and China*. Ankara: Otağ Publications, 1975 (in Turkish)].

Karazeybek M. 19. Yüzyılın İlk Yarısında Buhara Emirliği Tarafından Osmanlı Devletine Gönderilen Elçilerin Faaliyetleri. *Belgi Dergisi*, S.30, Pamukkale Üniversitesi Atatürk İlkeleri ve İnkılâp Tarihi Araştırma ve Uygulama Merkezi Yayını, Yaz 2025/II, ss. 515–542 [Karazeybek M. Activities of Ambassadors Sent by the Emirate of Bukhara to the Ottoman State in the First Half of the 19th Century. *Belgi Journal*, No. 30, Pamukkale University Atatürk Principles and Revolution History Research and Application Center Publication, Summer 2025/II, pp. 515–542 (in Turkish)].

Mubinov M. *The role of the Bukhara Emirate in domestic and foreign trade routes (based on the works of Russian travelers)*. Cyberleninka. 2021.

Togan A. Zeki Velidi. *Bugünkü Türkili (Türkistan) ve Yakın Tarihi I*. İstanbul: Enderun Yayınları, 1981 [Togan A. Zeki Velidi. *Present-Day Turkestan and Its Recent History I*. İstanbul: Enderun Publications, 1981 (in Turkish)].

Yusupov Said Abdülaziz ve Gül Osman Kubilay. *Buhara Hanlığı Döneminden Cumhuriyete Türkiye-Özbekistan İlişkileri ve Osman Kocaoglu*. Ankara: Altınordu Yayınları, 2021 [Yusupov Said Abdülaziz and Gül Osman Kubilay. *Türkiye-Uzbekistan Relations from the Bukhara Khanate Period to the Republic and Osman Kocaoglu*. Ankara: Altınordu Publications, 2021 (in Turkish)].

Электронные ресурсы / Online resources

Mahmudov Sh. Türkistan'ın Osmanlı Devleti ile Diplomatik İlişkilerinde Elçi Olarak Seçilenler [Mahmudov Sh. Chosen Ambassadors for Diplomatic relations of Türkistan with the Ottoman state. URL: <https://ttk.gov.tr/wp-content/uploads/2025/06/5-Sherzodhon-Mahmudov05.pdf> (in Turkish)] (дата обращения: 15.03.2026).

ОПЫТ НОРМАЛИЗАЦИИ ОТНОШЕНИЙ И РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И ГРЕЦИЕЙ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ АТАТЮРКЕ

© 2026

И. А. Свистунова¹

Турецко-греческие отношения в первые годы существования Турецкой Республики были осложнены тяжелым наследием войны, оставившей после себя ряд трудноразрешимых вопросов. Тем не менее руководство двух стран достаточно быстро сумело занять прагматичные позиции и урегулировать проблемы, перейдя к развитию двустороннего сотрудничества и регионального взаимодействия. Начиная с 1930 г. в отношениях между Анкарой и Афинами установилась дружественная атмосфера, которая продолжалась весь оставшийся период президентства М.К. Ататюрка. Важную роль в сближении Турции и Греции сыграла международная обстановка, которая становилась все более напряженной в преддверии новой мировой войны. Еще одним катализатором развития турецко-греческих связей стал фактор личности харизматичных лидеров двух стран — М.К. Ататюрка и Э. Вензелоса.

Ключевые слова: Турция, Греция, внешняя политика Турции, турецко-греческие отношения, международные отношения, Ататюрк

Для цитирования: Свистунова И. А. Опыт нормализации отношений и развития сотрудничества между Турцией и Грецией при президенте Ататюрке. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 2. С. 164–171. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-164-171

EXPERIENCE OF NORMALIZATION OF RELATIONS AND DEVELOPMENT OF COOPERATION BETWEEN TÜRKIYE AND GREECE UNDER PRESIDENT ATATURK

Irina A. Svistunova

Turkish-Greek relations in the early years of the Turkish Republic were complicated by the heavy legacy of war, which left behind a number of difficult issues. Nevertheless, the leaders of the two countries were able to quickly adopt pragmatic positions and resolve problems, moving on to develop bilateral cooperation and regional interaction. Starting in 1930, a friendly atmosphere developed between Ankara and Athens, which continued throughout the remainder of M.K. Atatürk's presidency. The international situation, which was becoming increasingly tense in the run-up to a new world war, played an important role in bringing Türkiye and Greece closer together. Another catalyst for the development of Turkish-Greek relations was the charismatic personalities of the two countries' leaders, M.K. Atatürk and E. Venizelos.

¹ Свистунова Ирина Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва; svistunova.irina@gmail.com
Irina A. Svistunova, PhD (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; svistunova.irina@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5191-9090

Keywords: Türkiye, Greece, Turkish foreign policy, Turkish-Greek relations, international relations, Atatürk

For citation: Svistunova I. A. Experience of Normalization of Relations and Development of Cooperation Between Türkiye and Greece Under President Atatürk. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 2. Pp. 164–171. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-164-171

О тношения Турции с Грецией в первые годы республиканского режима были обременены тяжелым наследием недавней войны, негативными стереотипами взаимного восприятия и трудными процессами создания нового политического, социального и экономического укладов жизни государства и общества после распада империи.

В ходе греко-турецкой войны (1919–1922) события поначалу складывались в пользу Греции, однако в итоге победу одержала Турция. В обеих странах сложилась непростая и в чем-то схожая внутривластная ситуация, требовавшая реформирования устоявшихся систем государственного управления. В Турции на фоне поражения в Первой мировой войне развернулось противостояние между султанским правительством в Стамбуле и кемалистскими властями в Анкаре, завершившееся созданием республики. В Греции, проигравшей войну с Турцией, произошел военный переворот, который привел к падению монархии.

В этих обстоятельствах в каждой из стран у власти оказались сильные лидеры (Мустафа Кемаль и Элефтериос Венизелос), сумевшие вывести общество из внутривластного кризиса и в дальнейшем сыгравшие важную роль в нормализации турецко-греческих отношений. Правительствам двух соседних стран удалось достаточно быстро по историческим меркам переломить неблагоприятные тенденции. Они сумели не только достичь нормализации двусторонних отношений, но и перейти от враждебности к сотрудничеству.

Проблемы двусторонних отношений в первые годы Турецкой Республики

Наиболее острые аспекты турецко-греческих отношений были обозначены уже на Лозаннской конференции, продолжавшейся с ноября 1922 по июль 1923 г. К их числу относились споры о государственной границе между двумя странами во Фракии, о принадлежности и статусе ряда островов в Эгейском море, вопрос о положении Константинопольской патриархии, а также целый комплекс проблем, связанных с вынужденными переселенцами из обеих стран.

Конференция утвердила прохождение турецко-греческой границы по реке Марица, не приняв доводов Анкары, которая пыталась присоединить к своей территории часть западного берега реки в районе Караагача, через который шла железная дорога Эдирне — Стамбул. Позднее Греция согласилась уступить туркам Караагач в обмен на отказ последних от требования военных репараций, выплачивать которые подорванная греческая экономика была объективно не в состоянии. Вдоль границы с двух сторон создавались 30-километровые демилитаризованные зоны, сохранявшиеся вплоть до 1938 г. [Oran, 2012, s. 327, 335].

Вопрос с островами удалось решить следующим образом: расположенные у входа в Дарданеллы острова Гёкчеада (гр. Имброс) и Бозджаада (гр. Тенедос) отошли к Турции, Додеканезские острова — к Италии, а все остальные острова Эгейского моря остались греческими при условии их демилитаризации.

Анкарское правительство было крайне недовольно позицией Константинопольской патриархии в период греко-турецкой войны и планировало заменить ее так называемой Турецкой православной церковью, созданной в сентябре 1922 г. [Свистунова, 2023, с. 196–198]. На Лозаннской конференции турецкая делегация потребовала перевода Константинопольской патриархии

на территорию Греции. По итогам переговоров с европейскими государствами патриархия осталась в Стамбуле, но была лишена политической власти, которой обладала во времена Османской империи [Шкаровский, 2014, с. 36–37].

Особенно много проблем возникло в связи с реализацией соглашения об обмене населением, которое две страны заключили на полях Лозаннской конференции в январе 1923 г. Документ, санкционировавший переселение в Грецию православного населения Анатолии и переселение в Турцию греческих мусульман, был ратифицирован двумя правительствами только в августе того же года, хотя его положения предусматривали, что обмен населением начнется уже с мая 1923 г.

Процесс обмена населением был в основном завершен к концу 1924 г. За этот период в Турцию вынуждены были переехать порядка 300 тыс. турок, а в Грецию — около 200 тыс. греков. Более 1 млн греков покинули Турцию как беженцы во время греко-турецкой войны [Киреев, 2007, с. 193], бросив свое недвижимое имущество. После заключения соглашения об обмене населением они лишились возможности вернуться обратно.

По условиям соглашения из числа переселенцев исключались греки Стамбула, принадлежащих Турции островов Гёкчеада (гр. Имброс) и Бозджаада (гр. Тенедос), расположенных у входа в Дарданеллы, а также турки, проживавшие в Западной Фракии в Греции. Если с последними все было более-менее ясно, то в отношении стамбульских греков сразу возникли серьезные разногласия. Турецкая сторона считала не подлежащими высылке резидентами Стамбула греков, обосновавшихся там до 30 октября 1918 г.,² и требовала наличия у них выданных османскими властями подтверждающих документов. Греческие власти не соглашались с таким подходом и даже безуспешно пытались обращаться в Лигу наций. Это противоречие вело к различным конфликтам, один из которых разгорелся вокруг избрания в декабре 1924 г. новым патриархом митрополита Дерконского Константина (Арапоглу).

Митрополит был уроженцем Бурсы и переехал в Стамбул только в 1919 г. Таким образом, он не входил в число стамбульских греков, которые исключались из соглашения об обмене населением. Турецкие власти уведомили Константинопольскую патриархию о том, что по формальным признакам кандидатура митрополита Константина не подходит для избрания предстоятелем церкви и подлежит репатриации. Патриархия сочла это вмешательством в свои внутренние дела и проигнорировала предупреждение. В январе 1925 г. Константин VI был выслан из Турции, а когда он попытался вернуться, ему не разрешили въехать в страну. Таким образом, он занимал патриарший престол всего 43 дня. Эта ситуация вызвала резкое обострение греко-турецких отношений и обмен нотами протеста. Общественное мнение Греции негодовало, а некоторые газеты даже призывали правительство объявить Турции войну [Klapisis, 2005, p. 95]. Урегулирован конфликт был к лету 1925 г. на основе компромисса. Греция отозвала из Лиги Наций свою жалобу, которую она туда направила с целью интернационализации своего конфликта с Анкарой. Турецкие власти пообещали не высылать из страны других митрополитов, подлежащих репатриации, в случае если греки согласятся избрать себе нового патриарха из числа турецких граждан, исключенных из соглашения об обмене населением [Шкаровский, 2014, с. 60–62]. Новый патриарх был благополучно избран в июле.

Другой связанной с переселенцами проблемой стала судьба оставленной ими в покинутых странах собственности и компенсациях за нее. Ситуацию усложняло то обстоятельство, что собственность, оставленная турками в Греции, в целом стоила дороже, чем собственность, оставленная греками-переселенцами в Турции. Это объяснялось тем, что греки, которые в условиях войны

² Дата подписания Мудросского перемирия после поражения Османской империи в Первой мировой войне.

уехали из Стамбула, бросив там свою дорогую собственность, не входили в соглашение об обмене населением и потому не могли претендовать на компенсации.

Развитие турецко-греческих отношений в 1923—1928 гг.

С подписанием Лозаннского договора подлинной нормализации между Турцией и Грецией не наступило. По этой причине начальный этап правления первого турецкого президента Мустафы Кемаля оказался крайне трудным периодом для отношений двух соседних государств. Вместе с тем эти годы не были окрашены исключительно негативом, но отличались волнообразным развитием турецко-греческого взаимодействия. На фоне внутриполитических трудностей, с которыми столкнулись обе страны, ослабленные войнами, они особенно нуждались в стабилизации своего международного положения и конструктивных внешних связях.

Стоит отметить, что турецкое руководство принимало во внимание международные аспекты своих отношений с Афинами. Первый полномочный представитель Греции в Турецкой Республике Иоаннис Политис сообщал в Афины о том, что некоторые интересы двух стран совпадают, хотя в сложившихся обстоятельствах сближение крайне затруднительно. В сентябре 1924 г. Политис информировал греческое руководство о своей беседе с министром иностранных дел Тевфиком Рюштю Беем, который утверждал, что Турция и Греция должны установить отношения на основе взаимопонимания, доверия и солидарности, чтобы уравновесить «славянскую угрозу» со стороны Болгарии и Югославии [Klapisis, 2005, p. 94].

Греко-турецкие переговоры по вопросам собственности переселенцев начались в 1924 г., но стороны не смогли прийти ни к какому соглашению. Греческий исследователь А. Клаписис полагает, что одной из важных причин провала переговоров стали трудности, с которыми столкнулась Греция, поскольку ей приходилось решать проблемы гораздо большего количества переселенцев, чем Турции [Klapisis, 2005, p. 94]. В общей сложности в Грецию уехало не менее 1 млн 200 тыс. человек по сравнению с 300 тыс. турок, прибывших в Турцию. По данным за 1928 г., все население Греции составляло 6 млн 200 тыс. человек [Uzun, 2004, s. 43], то есть доля переселенцев достигала 20%. В то же время Афины стремились избегать чрезмерных уступок и болезненных компромиссов с Анкарой, опасаясь вызвать недовольство многочисленных переселенцев [Klapisis, 2005, p. 94].

В июне 1925 г. был предпринят важный шаг, направленный на улучшение турецко-греческих отношений. Премьер-министры двух стран подписали Анкарское соглашение, которое обязывало власти вернуть или выкупить собственность переселившихся греков и турок.

Однако через несколько дней в Греции произошел военный переворот, в результате которого к власти пришел генерал Пангалос, участвовавший в турецко-греческой войне, недовольный примиренческой политикой Афин и реваншистски настроенный по отношению к Турции. Его поддерживала часть греческой армии, а также переселенцы из Анатолии, сохранявшие надежду вернуться домой. Одним из первых решений генерала на посту президента было перевооружение греческой армии. Он также отложил ратификацию Анкарского соглашения греческим правительством. Все вышеупомянутое не могло не вызывать озабоченности в Турции. Генерал Пангалос был известен тем, что во время проведения переговоров в Лозанне он стянул к греко-турецкой границе сорокатысячный воинский контингент с целью давления на Турцию [Emen, 2016, p. 48].

Усугублял ситуацию внешнеполитический курс Пангалоса, который стал наращивать связи с Великобританией и Италией, рассчитывая опереться на них в случае конфликта с Анкарой. Сближение Афин с Лондоном воспринималось турками особенно остро в свете продолжающегося противостояния между Турцией и Великобританией по поводу турецко-иракской границы в районе

Мосула. В период обсуждения мосульской проблемы в Лиге Наций администрация Пангалоса обратилась в Лигу с требованием пересмотреть греко-турецкую границу в районе реки Марица (тур. Мерич, гр. Эврос).

Лига Наций отказала Афинам, однако, по мнению анкарской исследовательницы Г. Эмен, эти действия были британской дипломатической тактикой создания новых проблем с соседями, которые могли бы ослабить позиции Турции в борьбе за Мосул. К этой же категории относились инциденты с отправкой греческих военных на расположенные вблизи турецкого побережья острова Лесбос и Хиос, которые подлежали демилитаризации по условиям Лозаннского договора [Емен, 2016, pp. 49–50]. Греческие острова посещали итальянские военные, сотрудничавшие с Афинами, что также раздражало Анкару, опасавшуюся тайного антитурецкого военного союза между Грецией и Италией [Емен, 2016, pp. 54–55].

В 1926 г. в Греции произошел новый военный переворот. Генерал Пангалос был отстранен от власти, что позволило Турции и Греции вернуться к проблеме переселенцев. Турецкий президент Мустафа Кемаль, выступая с речью в меджлисе, отметил, что Турция прилагает все усилия для мирного решения проблем с Грецией. Слова президента стали сигналом о добрых намерениях Анкары. В декабре 1926 г. было заключено новое соглашение в Афинах, которое, впрочем, не привело к устранению разногласий.

Ситуация стала выправляться после 1928 г., когда к власти в Греции в очередной раз пришел Элефтериос Венизелос, который уделял повышенное внимание политике на Балканах и отношениям с Турцией. В свое время Венизелос был одним из самых активных поборников греческой «Великой идеи», предполагавшей возрождение Византийской империи. Но теперь в условиях сложившихся реалий он поставил перед собой задачу нормализации отношений с соседними государствами, так же как это сделал и турецкий лидер Мустафа Кемаль. Еще в ходе избирательной кампании Венизелос заявил о необходимости взаимного признания границ между Турцией и Грецией. А также о том, что все проблемы в отношениях двух стран носят исключительно экономический характер.

После избрания премьер-министром Венизелос направил послание турецкому премьеру Исмет Бею, заявив о намерении установить с Турцией отношения дружбы и добрососедства. Он также отметил, что Греция не имеет территориальных претензий к Турции [Bilgiç, 2015, s.14], что было важно для турецкой стороны, столкнувшейся с греческими притязаниями в период правления генерала Пангалоса. Турецкое руководство прислало ответное дружественное письмо, после чего переговоры по экономическим вопросам продолжились.

От нормализации к сотрудничеству

Начиная с 1930 г. в турецко-греческих отношениях воцарилась устойчивая атмосфера добрососедства, которая продолжалась весь оставшийся период правления Атаатюрка и сохранилась при следующем президенте Исмете Инёню. Эти годы были отмечены укреплением турецких позиций на мировой арене на фоне постепенного нарастания напряженности в Европе в связи с милитаризацией Италии и Германии.

В июне 1930 г. сторонам удалось достичь важного прорыва в вопросе об оставленной собственности переселенцев. Согласно заключенному в Анкаре соглашению, они договорились о следующих важных пунктах:

- 1) все имущество, оставленное переселенцами, переходило под контроль правительства той страны, на территории которой оно находилось;

- 2) за счет этого имущества правительство каждой из стран должно было выплачивать компенсации переселенцам на свою территорию (то есть Турция выплачивает компенсации туркам, а Греция — грекам);
- 3) переселенцами стали считать всех греков, покинувших Турцию, и всех турок, покинувших Грецию, вне зависимости от места их рождения. Таким образом, была снята проблема стамбульских греков, уехавших в период войны, но не считавшихся переселенцами по соглашению в Лозанне.

Решение вопроса о компенсациях за собственность устранило главное препятствие на пути нормализации политических отношений. На следующий день после подписания Анкарского соглашения премьер-министр Исмет Бей пригласил своего греческого коллегу Э. Венизелоса в Турцию. Визит, состоявшийся в октябре 1930 г., был ознаменован подписанием двух важных документов: договора о дружбе и нейтралитете и соглашения о развитии торгового и морского сотрудничества. К договору о дружбе прилагался дополнительный протокол об ограничении морских сил.

Находясь в Анкаре, Э. Венизелос встречался также и с турецким президентом. После этих переговоров Мустафа Кемаль, выступая в меджлисе, дал следующую характеристику турецко-греческим отношениям: «Высшие интересы Турции и Греции полностью перестали противоречить друг другу. Две страны сумели понять, что искренняя дружба обеспечивает им безопасность и усиливает их» [Акçау, 2022, s. 92].

В октябре 1931 г. премьер-министр Исмет Бей и министр иностранных дел Тевфик Рюштю Бей посетили Афины с ответным визитом. Вслед за этим контакты на высшем уровне приняли регулярный характер, и было заключено большое количество соглашений о развитии двусторонних связей.

В ноябре 1931 г. в ходе очередного выступления в меджлисе Ататюрк отметил, что «между Турцией и Грецией не осталось проблем. Отношения двух стран, принявших решение жить в мире, позитивно развиваются» [Öztaş, Kınalı, 2021, s. 565].

Одним из факторов, определивших быстрый переход турецко-греческих отношений от нормализации к сотрудничеству, стала международная обстановка. Изначально внешним импульсом к сближению Турции и Греции оказалась ревизионистская политика Болгарии, выдвинувшей территориальные претензии к Афинам в районах Македонии и Западной Фракии. Затем международная ситуация стала гораздо серьезнее, вынуждая Турцию и Грецию объединиться не против славянских стран на Балканах, а вместе с ними. Итальянский ревизионизм становился опасным явлением, и руководство Турции и Греции было солидарно в стремлении защищаться от угроз, создав в регионе систему союзов [Акçау, 2022, s. 88].

По итогам ряда двусторонних совещаний в 1933 г. Анкара и Афины подписали Пакт о сердечном согласии, гарантируя друг другу неприкосновенность границ.

Турецко-греческое сотрудничество не ограничилось форматом расширения двусторонних связей, но получило более широкое региональное измерение. Дипломаты и политики двух стран взаимодействовали с целью проведения конференций с участием представителей балканских стран. Первая из таких конференция прошла в октябре 1930 г. в Афинах, вторая — в октябре 1931 г. в Стамбуле. К этому времени Турция и Греция урегулировали свои противоречия по вопросу переселенцев и могли перейти к сотрудничеству по международным вопросам. Обе страны ставили своей задачей поддержание статуса-кво в регионе, поэтому действовали сообща в интересах объединения балканских государств [Değerli, 2006, s. 252].

В феврале 1934 г. совместные дипломатические усилия Анкары и Афин увенчались созданием Балканского пакта (или Балканской Антанты) с участием Греции, Турции, Румынии

и Югославии. Целью пакта было сохранение нерушимости границ. Страны-подписанты обязались не нападать друг на друга и взаимно оказывать помощь в случае нападения третьих стран.

Безусловно, большое значение для турецко-греческого сближения играл фактор личностей руководителей двух стран — Ататюрка и Венизелоса. Они сохранили конструктивные связи даже после того, как в 1933 г. Венизелос утратил пост премьер-министра и стал лидером греческой оппозиции. В этом статусе он встречался с турецким президентом в том же году в Стамбуле, где они обсуждали перспективы и детали создания Балканского пакта. Оба политика считали, что нужно ставить реалистичные цели, выдвигая на первое место оборону и поддержание мира в регионе.

Любопытно, что незадолго до заключения Балканского пакта в январе 1934 г. Э. Венизелос выдвинул М. К. Ататюрка на Нобелевскую премию мира за его миротворческие усилия в Балканском регионе. Премию Ататюрк не получил, но сам факт такого выдвижения свидетельствует о высоком уровне развития отношений между Турцией и Грецией, которые чуть более десяти лет назад пережили тяжелую войну друг с другом.

После нападения Италии на Эфиопию в 1935 г. Турция и Греция заключили средиземноморское соглашение с Великобританией, что способствовало дальнейшему укреплению греко-турецких двусторонних отношений.

В 1937 г. премьер-министр Исмет Инёню, посещая с визитом Афины, передал греческому руководству слова Ататюрка о том, что «границы союзных государств на Балканах являются единой границей. Каждый, кто посягнет на нее, столкнется с отпором. Рекомендую этого избегать. До тех пор, пока есть доверие в этом вопросе, атмосфера дружбы на Балканах будет всеобщей. В этом заключается гуманитарная и цивилизационная задача Балканской Антанты» [Öztaş, Kınalı, 2021, s. 574].

Германский аншлюс Австрии в марте 1938 г. побудил руководство Турции и Греции заключить новое дружественное соглашение. 27 апреля в Афинах был подписан греко-турецкий договор о нейтралитете в случае нападения одной или нескольких держав на другую сторону, а также о консультациях в случае такого нападения [Киреев, 2007, с. 230].

* * *

Турецко-греческие отношения периода президентства М. К. Ататюрка представляют собой пример того, как две враждебные страны, пережившие тяжелую войну между собой и столкнувшиеся с непростыми социально-политическими и экономическими проблемами в результате послевоенного обмена населением, могут достаточно быстро перейти от антагонизма к взаимодействию и сотрудничеству при наличии соответствующих внутренних и внешних предпосылок. С этой точки зрения 1920–30-е годы XX в. стали для Турции и Греции уникальным периодом в истории их отношений, примером резкого потепления, которого можно достичь, когда оба государства прилагают усилия для выхода из затруднительного положения.

Балканский пакт был крайне важен с точки зрения развития турецко-греческих отношений. Он не смог защитить Балканы от участия в мировой войне, но показал, что политики двух стран, которые не так давно враждовали и воевали, могут совместно заботиться о сохранении мира не только между собой, но и во всем регионе.

Внешним катализатором турецко-греческого сближения послужила напряженная международная ситуация. Вместе с тем следует признать высокую роль фактора личности лидеров двух стран — М. К. Ататюрка и Э. Венизелоса, каждый из которых отличался прагматичным подходом к внешней политике своей страны и пользовался высоким авторитетом среди населения. В Турции и Греции признают важный вклад Ататюрка и Венизелоса в историю каждой из стран. Интересен тот

факт, что до создания в 2018 г. в Стамбуле нового международного аэропорта крупнейшая воздушная гавань Турции носила имя Ататюрка, так же как аэропорт Афин назван в честь Э. Венизелоса.

М. К. Ататюрк придавал большое значение отношениям с Грецией, которые оставались дружественными до его кончины и сохранили эту атмосферу при следующем руководстве Турции. Новое охлаждение между двумя странами наступило только в связи с проблемами на Кипре, возникшими в 1950-е гг.

Литература / References

Киреев Н. Г. *История Турции. XX век*. М.: ИВ РАН, 2007 [Kireev N. G. *Turkish History in XX century*. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2007 (in Russian)].

Свистунова И. А. К вопросу о создании «Турецкой православной церкви» в период образования Турецкой Республики. *Мусульманский ареал к югу от рубежей России*. М.: ИВ РАН, 2023. С. 188–202 [Svistunova I. A. On the issue of creation of the 'Turkish Orthodox Church' during the formation of the Republic of Turkey. *Muslim Region to the South of Russian Boundary (Turkey, Iran, Afganistan, Pakistan, Ethnic Kurdistan)*. Moscow, 2023. Pp. 188–202 (in Russian)].

Шкаровский М. В. *Константинопольский патриархат и Русская Православная Церковь в первой половине XX века*. М.: Индрик, 2014 [Shkarovskiy M. V. *Constantinople Patriarchate and Russian Orthodox Church in the first half of the XXth century*. Moscow: Indrik, 2014 (in Russian)].

Akçay M. C. Türk-Yunan İlişkilerinde Yumuşama Dönemi (1928–1938). *100. Yılında Mübadele ve Türk Yunan İlişkileri Kongresi*. 21–22 Mayıs, 2022, Samsun. S. 67–96 [Akçay M. C. The Period of Softening in Turkish-Greek Relations (1928–1938). *Population Exchange Between Greece and Turkey in its 100th Turkish-Greek Relations*. May 21–22, 2022. Samsun. Pp. 67–96 (in Turkish)].

Bilgiç B. S. *Atatürk Döneminde Türkiye-Yunanistan İlişkileri, 1923–1938*. *Atatürk Araştırma Merkezi Dergisi*. Sayı: 91. Mayıs 2015. S. 1–28 [Bilgiç B. S. Turkish-Greek Relations in Atatürk Period. *Journal of Atatürk Research Center*. No. 91. May 2015. Pp. 1–28 (in Turkish)].

Değerli E. S. Atatürk Dönemi Türk-Yunan Siyasi İlişkileri. *Dumlupınar Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*. Sayı: 15. Ağustos 2006. S. 239–258 [Değerli E. S. Turkish-Greek Political Relations During. The Atatürk's Period. *Journal of Social Studies of Dumlupınar University*. August 2006. No. 15. Pp. 239–258 (in Turkish)].

Emen G. Turkey's Relations with Greece in the 1920s: The Pangalos Factor. *Turkish historical review*. 2016. No. 7. Pp. 33–57.

Klapsis A. Turkey's Search For A New Foreign Policy. 1923–1925: The View of Greek Diplomacy. *The Institute for Balkan Studies*. 8/2005. Pp. 81–98.

Oran B. (ed.) *Türk Dış Politikası. Kurtuluş Savaşından Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar*. Cilt I: 1919–1980. İstanbul, 2012 [Oran B. (ed.) *Turkish Foreign Policy. Facts, Documents and Interpretations from the War of Independence to the Present Day*. Vol. I: 1919–1980. İstanbul, 2012 (in Turkish)].

Öztaş S., Kınalı G. Atatürk Dönemi Balkan Politikası Bağlamında Türkiye-Yunanistan Ek Antlaşması. *Balkan Araştırma Enstitüsü Dergisi*, 10 (2), Aralık 2021. S. 557–599 [Öztaş S., Kınalı G. Turkey-Greece Supplementary Agreement in the Context of Balkan Policy of Ataturk Period. *Journal of Balkan Research Institute*. December 2021. No. 10 (2). Pp. 557–599 (in Turkish)].

Uzun H. 1919–1950 Yılları Arasında Türkiye-Yunanistan İlişkileri. Gazi Üniversitesi Kırşehir Eğitim Fakültesi, Cilt 5, Sayı 2, (2004). S. 35–50 [Uzun H. Turkey-Greece Relations Between 1919 and 1950. *Gazi University Faculty of Education in Kirsehir*. V. 5. No. 2. (2004). Pp. 35–50 (in Turkish)].

КОНСТИТУЦИОННЫЕ РЕФОРМЫ В ТУРЦИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI в.

© 2026

А. Г. Гаджиев¹

В статье рассматриваются конституционные поправки, принятые в Турции в первой четверти XXI в. В результате принятия и реализации этих поправок менялась политическая система республики. В работе отмечается, что трансформацию политического устройства турецкого государства с начала нового столетия по настоящее время целесообразно разделить на четыре стадии. В основе этой периодизации лежат взаимоотношения в треугольнике «президент–парламент–правительство». Ключевой вектор развития этих взаимоотношений в течение рассматриваемого периода был направлен в сторону их «президенциализации», то есть в сторону возвышения возглавляемого Реджепом Тайипом Эрдоганом института власти над другими государственными структурами. В статье подчеркивается, что, несмотря на большое количество поправок, внесенных в текст действующей турецкой конституции 1982 г., принятой вследствие военного переворота 1980 г., лидеры Партии справедливости и развития по-прежнему сохраняют стремление принять новую конституцию, которая, по их убеждению, должна быть разработана гражданскими лицами и отвечать реалиям сегодняшнего дня. У оппозиционных сил на этот счет свое мнение, отличное от представлений правящей партии, что делает задачу принятия новой конституции делом довольно непростым со сложно предсказуемым результатом.

Ключевые слова: конституция, поправки, Эрдоган, политическая система, трансформация, «президенциализация»

Для цитирования: Гаджиев А. Г. Конституционные реформы в Турции в первой четверти XXI в. Вестник Института востоковедения РАН. 2026. № 2. С. 172–180. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-172-180

CONSTITUTIONAL REFORMS IN TÜRKİYE IN THE FIRST QUARTER OF THE 21ST CENTURY

Amur G. Gadzhiev

The article examines the constitutional amendments adopted in Türkiye in the first quarter of the 21st century. The adoption and implementation of these amendments resulted in changes to the republic's political system. The paper notes that the transformation of the Turkish political system from the beginning of the new century to the present can be conveniently divided into four stages. This periodization is based on the relationships within the “president–parliament–government” triangle. The key vector of these relationships during the period under review was toward “presidentialization”, that is, the elevation of the institution of power led by Recep Tayyip Erdogan over other state structures. The article emphasizes that, despite the numerous amendments made

¹ Гаджиев Амур Гаджибабаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; djakar@mail.ru

Amur G. Gadzhiev, PhD (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; djakar@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9870-3171

to the current Turkish Constitution of 1982, adopted following the 1980 military coup, the leaders of the Justice and Development Party remain committed to adopting a new constitution, which, they believe, should be drafted by civilians and reflect contemporary realities. Opposition forces have their own views on this matter, differing from those of the ruling party, making the task of adopting a new constitution a rather complex undertaking with an unpredictable outcome.

Keywords: constitution, amendments, Erdogan, political system, transformation, “presidentialization”

For citation: Gadzhiev A. G. Constitutional Reforms in Türkiye in the First Quarter of the 21st Century. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 2. Pp. 172–180. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-172-180

Роль государства в мировой политике во многом определяется его внешней политикой, которая служит инструментом реализации национальных интересов, целей и принципов на международной арене. Через внешнюю политику государство регулирует свои отношения с другими субъектами международных отношений, участвует в экономическом обмене и обеспечивает свою безопасность. Растущая роль Турции в мировой политике обусловлена трансформацией ее внешней политики, которая в свою очередь в определенной степени явилась отражением внутривнутриполитических перемен в стране. В результате многочисленных конституционных поправок, принятых в первой четверти XXI в., в турецкой внешней политике произошли значимые структурные преобразования, которые заметно повысили роль президента в вопросах формирования и осуществления внешней политики и во многом ускорили процессы принятия решений.

Соответственно, для понимания турецкой специфики процесса принятия внешнеполитических решений важным представляется анализ конституционных поправок, закреплявших текущий и определявших дальнейший вектор развития турецкой политической системы. Именно в конституции закреплены основы политического устройства республики.

В настоящее время в Турции действует конституция, принятая на всенародном голосовании 7 ноября 1982 г. Ее авторами были военные, захватившие власть в результате переворота 1980 г. За прошедшие 43 года турецкая конституция претерпела множество изменений. Поправки вносились 23 раза. Первая была внесена в 1987 г., последняя — в 2017 г. В текущем столетии конституционные поправки в Турции принимались в 2001, 2004, 2007, 2010 и 2017 гг.

В 2001 г. текст турецкой конституции был изменен в связи с подготовкой к вступлению в ЕС и необходимостью в приведении основных гражданских прав и свобод в соответствие с Европейской конвенцией по правам человека. Среди внесенных поправок выделялись следующие: устранение ограничений на свободу слова и выражения мнений; отмена смертной казни (за исключением преступлений, связанных с терроризмом, совершенных в условиях войны или в случаях ее угрозы); сокращение сроков пребывания под стражей задержанных и арестованных лиц; запрет на использование сведений, добытых незаконным путем, в качестве доказательств и т. д. [Tülen, 2001, s. 242–243]. Поправки 2001 г., направленные преимущественно на демократизацию турецкого общества и повышение стандартов в области прав человека, были приняты в соответствии с целями Анкары по евроинтеграции и приведению внутренней и внешней политики в соответствие с западными стандартами. В ходе внесения поправок особое внимание уделялось тому, чтобы текст турецкого основного закона максимально соответствовал Копенгагенским критериям [Aliefendioğlu, s. 35–36].

Поправки, внесенные в турецкую конституцию в 2004 г., закрепили принцип равноправия мужчин и женщин, окончательно отменили смертную казнь, расформировали суды государственной безопасности, провозгласили приоритет международно-правовых норм в области прав человека и т. д. [Eren, 2004, s. 47–48]. Среди изменений, внесенных с целью гармонизации турецкого

конституционного права с «правовым наследием» (*‘acquis communautaire’*) ЕС, наиболее важной считается поправка к ст. 90. Согласно новой редакции турецкой конституции, в вопросах соблюдения основных прав и свобод приоритет отныне отдавался международным соглашениям. В рамках процесса вступления Турции в ЕС данная поправка представлялась в качестве обязательной. В отчетах ЕС о развитии Турции по этому поводу указывалось, что данные международные соглашения в отдельных странах ЕС также имеют основополагающее значение [Bilir, 2004, s. 248].

В Отчете ЕС о развитии Турции по итогам 2004 г. отмечалась важность соответствия турецкой административной системы условиям Евросоюза: «Европейский союз уверен в том, что если этот пакет окажется успешно введенным в административно-политическую жизнь Турции, то будет проделан значительный и обязательный путь в области модернизации турецкой административной культуры»².

В 2007 г. по итогам референдума был принят пакет поправок к Конституции, в результате которых президентские выборы стали прямыми. Глава государства стал избираться на пять лет с возможностью переизбрания еще на один срок (ранее президента избирал парламент на семь лет). Поправки закрепили проведение президентских выборов в два тура, а также сокращение срока полномочий законодательного собрания с пяти до четырех лет [Zorlu, 2016, s. 64–65]. Конституционные изменения 2007 г. позволили Реджепу Тайипу Эрдогану впервые баллотироваться в президенты на выборах 2014 г. После его избрания в Турции начались дискуссии о будущей системе правления, продолжавшиеся до 2017 г., когда были приняты очередные конституционные поправки и страна перешла от парламентской системы к президентской. Соответственно можно сказать, что трансформация политического устройства республики стала во многом возможной благодаря поправкам 2007 г., которые позволили турецкому народу избирать своего президента напрямую [Tunç, 2025, s. 47–48].

Очередной пакет конституционных поправок был принят в результате референдума 12 сентября 2010 г. Пакет поправок предусматривал 26 изменений. Они касались реформирования системы правосудия, в частности, Конституционного суда и Высшего совета судей и прокуроров; предусматривали возможность возбуждения уголовных дел в отношении военных в гражданских судебных инстанциях; передавали полномочия по возбуждению дел о роспуске политических партий от апелляционного суда парламенту и т. д. По мнению турецких специалистов по конституционному праву, поправки 2010 г. внесли серьезные изменения в судебную систему страны, и очень важно, что данные поправки были приняты в мирное время без какого-либо вмешательства со стороны военных, что, по их утверждению, произошло впервые со времен конституции 1961 г. [Kaboğlu, 2016, s. 166]. Отдельно следует отметить, что за поправки на референдуме проголосовало 58% населения. С этого момента проправительственные СМИ стали активнее продвигать идею о том, что турецкий народ требует собственную конституцию, а не ту, которая была навязана ему военными [Nakyemez, 2010, s. 388–389].

После попытки военного переворота в июле 2016 г. процесс перехода к президентской форме правления заметно ускорился. В декабре 2016 г. Партия справедливости и развития (ПСР) внесла в парламент пакет очередных конституционных поправок, предполагавших соответствующие перемены во властных структурах государства. В январе следующего года пакет из 18 конституционных поправок был одобрен парламентом. Тогда за изменение конституции высказались 339 депутатов из 550. Этого оказалось достаточно для того, чтобы вынести поправки на всенародное голосование. В итоге в апреле 2017 г. в Турции состоялся конституционный референдум. Победу

² 2004 Yılı Türkiye İlerleme Raporu, 09.11.2004. AB Haber (EU-Turkey News Network). URL: <https://www.abhaber.com/haber.php> (дата обращения: 06.02.2026).

с перевесом в 2,82% (1 379 934 голоса) одержали сторонники реформ. В Турции начала укореняться президентская форма правления [Uzun, 2018, s. 174–175].

Пакет изменений 2017 г. предполагал, что президент становится главой государственной системы, наделяется полномочиями по назначению вице-президентов, министров и высокопоставленных чиновников. Должность премьер-министра упразднялась. Решения по созданию, расформированию, полномочиям, обязанностям и структуре министерств отныне будут приниматься в соответствии с указами президента. Президент получал право объявлять режим чрезвычайного положения, возможность издавать указы, имеющие силу закона. Отменялась обязательная беспартийность президента. Увеличивалось число депутатов парламента — с 550 до 600. Возрастной порог для кандидатов на выборные посты снижался с 25 до 18 лет. Решение о повторных выборах смогут принимать как парламент, так и президент. Выборы в органы законодательной и исполнительной властей будут проводиться в один день. Парламент и президент будут избираться на пять лет, при этом глава государства сможет занимать пост не более двух сроков подряд. Президент получал право распустить парламент, но и сам при этом должен быть переизбран³.

Следует заметить, что содержание конституционных поправок 2001 г. и 2004 г. отличается от содержания последующих изменений. В ходе подготовки первых двух поправок мы видим заметные усилия со стороны гражданского общества. Активно вовлечены такие общественные организации как Турецкая ассоциация промышленников и предпринимателей (TÜSIAD), Союз турецких ассоциаций адвокатов (TBV), Союз торговых палат и товарных бирж Турции (TOBB), Инициатива гражданской конституции и др. Кроме того, налицо внешнеполитический фактор в виде Европейского союза, его отчетов, рекомендаций и оценок.

С другой стороны, конституционные реформы 2007, 2010 и 2017 гг. тесно связаны с процессом «президентализации». Здесь целесообразно использовать терминологию профессора сравнительной политологии Дюссельдорфского университета им. Генриха Гейне Томаса Погунтке и заведующего кафедрой политологии Казанского федерального университета Олега Зазнаева, которые видят в процессе «президентализации» сдвиг ресурсов политической власти от коллективных акторов (таких как кабинеты министров, политические партии и т. д.) к отдельным лидерам, увеличивая автономию последних [Зазнаев, 2014, с. 10–33].

С этой точки зрения политический процесс при правлении Р. Т. Эрдогана представляет собой наглядный пример последовательной эволюции формы правления от парламентской модели к полупрезидентской и далее к системе с преобладающими президентскими чертами.

Развивая идеи Т. Погунтке и О. Зазнаева применительно к внутривнутриполитическим процессам в Турции, к интересным выводам приходят сотрудники факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова профессор Игорь Кузнецов и его аспирант Анатолий Бахарев в таких работах как «Взаимодействие президента, правительства и парламента в полупрезидентских системах: сравнительный анализ опыта России, Украины и Турции» [Бахарев, Кузнецов, 2019, с. 105–126], «Процесс президентализации Турции в период правления Р. Т. Эрдогана: возможности и ограничения» [Бахарев, 2024, с. 134–160].

Процесс «президентализации» турецкой политической системы И. Кузнецов и А. Бахарев разделяют на четыре периода: первый длился с 2002 по 2007 г. Для этого периода характерно конфликтное сосуществование президента и премьер-министра. Тогда во главе государства находился сторонник кемалистских взглядов, экс-глава Конституционного суда Ахмет Недждет Сезер. За период с 2003 по 2007 г. он использовал право вето чаще, чем любой другой президент в истории

³ Конституционный референдум в Турции в 2017 году. РИА Новости. 24.04.2017. URL: <https://www.ria.ru/20170424/1492828175.html> (дата обращения: 06.02.2026).

Турции. Оппозиционные силы, заручившись поддержкой главы государства, четырежды инициировали в Конституционном суде иск о запрете правящей ПСР [Бахарев, 2024, с. 142–143].

Конфликтное взаимодействие премьер-министра и президента продолжалось до 2007 г., когда ПСР со второй попытки добилась избрания Абдуллы Гюля главой государства. Избрание А. Гюля обусловило переход Турции к полупрезидентской форме правления. Соответственно, согласно периодизации А. Бахарева, второй период стартовал в 2007 г. и длился до 2014 г. Главной особенностью данного периода стала консолидация власти в рамках треугольника «президент–парламент–правительство». В это время наблюдалась конструктивная модель взаимодействия президента и премьер-министра. Будучи политическими союзниками и основателями ПСР, Р. Т. Эрдоган и А. Гюль проводили единую политическую линию [Бахарев, 2024, с. 143].

Анализируя систему взаимодействия президента и премьер-министра второго периода, следует отметить, что А. Гюль, являясь в определенной степени влиятельным и популярным политиком, не выдвигал претензий на лидерство, что способствовало развитию конструктивного сотрудничества между ним и Р. Т. Эрдоганом. Данную систему взаимодействия можно рассматривать, по мнению А. Бахарева, как «систему распределенного лидерства» при неформальном доминировании Р. Т. Эрдогана. Консолидация власти позволила ПСР приобрести новые институциональные возможности, используя которые она добилась установления президентского контроля над процедурами назначения судей Конституционного суда, а также отмены особой юрисдикции военных судов. Таким образом, лидеры ПСР, во-первых, минимизировали возможную юридическую угрозу со стороны судебной системы, во-вторых — заметно повысив влияние президента на высшие органы судебной власти, укрепили его позиции в треугольнике «президент–парламент–правительство» [Бахарев, 2024, с. 143].

Конструктивное политическое взаимодействие Р. Т. Эрдогана и А. Гюля было нарушено в 2013 г. Причиной стал внутрипартийный конфликт в ПСР, спровоцированный общенациональными протестами, которые летом 2013 г. начались в виде митинга против сноса парка Гези в Стамбуле. В то время как А. Гюль рассматривал протесты в качестве проявления демократии, но при этом считал ошибочными аналогии с арабскими революциями на Ближнем Востоке, Р. Т. Эрдоган, опасаясь дальнейшего разрастания протестного движения, утверждал, что вспыхнувшие в Турции беспорядки не имеют с демократией ничего общего [Сосинский-Семихат, 2013]. В результате Р. Т. Эрдоган подверг А. Гюля, а вместе с ним и вице-премьера Бюлента Арынча публичной критике. Данные обстоятельства осложнили взаимодействие президента и премьер-министра, в результате чего их общение стало все заметнее приобретать контуры конфликтного взаимодействия. В итоге по завершении президентского срока А. Гюль был исключен из состава управленческой элиты ПСР [Бахарев, 2024, с. 143–144].

В 2014 г. вступил в силу механизм всенародного избрания президента. Глава государства приобретал легитимность, превосходящую легитимность премьер-министра. Опираясь на народный мандат доверия, президент получил право определять основные векторы политического развития государства. С этого года наступает третий период, который длился до 2018 г. Данный период характеризуется персонализацией власти и концентрацией полномочий в руках президента. Р. Т. Эрдоган стал первым всенародно избранным президентом. Властные полномочия премьер-министра снизились. С 2014 по 2016 г. мы наблюдаем формирование новых политических реалий в стране. С одной стороны, наступает время межпартийного коалиционного взаимодействия, преимущественно Р. Т. Эрдогана и Девлета Бахчели. С другой стороны — формируется политическая связка Р. Т. Эрдогана и Ахмета Давутоглу. При этом Р. Т. Эрдоган сконцентрировал свои усилия на внутренней политике, продвигая новые конституционные реформы, а А. Давутоглу в рамках реализации

курса на превращение Турции в регионального лидера аккумулировал внешнеполитические полномочия [Бахарев, 2024, с. 144].

Взаимодействие Р. Т. Эрдогана и А. Давутоглу оказалось недолгим. Разногласия между президентом и премьер-министром по вопросам проведения дальнейших конституционных реформ, урегулирования курдской проблемы, а также некоторых аспектов внешней политики привели к отставке А. Давутоглу. В результате в турецком кабинете министров не осталось тех политических деятелей, которые наряду с Р. Т. Эрдоганом основали Партию справедливости и развития [Бахарев, 2024, с. 144].

Заметное влияние на темпы и характер эволюции турецкой системы правления оказали меры, предпринятые после неудачной попытки военного переворота 15 июля 2016 г. Одним из итогов успешного подавления попытки свержения действующей власти стало ускоренное продвижение нового проекта конституционных поправок, основной целью которых было создание условий для дальнейшей «президентализации» взаимоотношений в треугольнике «президент–парламент–правительство». Изменения, принятые по итогам референдума 2017 г., вступили в силу после президентских и парламентских выборов 2018 г., позволив продолжить процесс смещения баланса политических ресурсов в пользу президента. Так, Р. Т. Эрдоган получил полномочия по формированию правительства и определению направления его политики, возможность фактического роспуска парламента (путем принятия решения о повторных выборах) и право издавать указы, имеющие силу законов. Кроме того, согласно конституционным поправкам, вступившим в силу в 2018 г., значительно ограничивалась подотчетность кабинета министров парламенту, что было закреплено отменой практики официальных депутатских запросов [Бахарев, 2024, с. 145].

Выборы 2018 г. с точки зрения турецкой политической культуры оказались во многом уникальными. Во-первых, потому, что впервые граждане Турции одновременно избирали и парламент страны, и главу государства. Во-вторых, никогда ранее в истории современной Турции выборы не проводились в условиях действовавшего на территории всей страны режима чрезвычайного положения. В-третьих, выборы 2018 г. ознаменовали собой фактическое начало новой страницы в политической истории Турции, поскольку, с одной стороны, стали первыми и после попытки военного переворота, и после конституционного референдума о расширении полномочий президента, с другой — формально явились последним этапом на пути к созданию президентской республики. В-четвертых, на выборах 2018 г. наряду с отдельными политическими партиями участвовали как внутрипартийные (главным образом в составе прокурдской Демократической партии народов), так и межпартийные коалиции — «народный альянс» («cumhur ittifakı») в составе правящей Партии справедливости и развития (ПСР) и Партии националистического движения (ПНД) и «национальный блок» («millet ittifakı»), состоявший из Народно-республиканской партии (НРП), Партии человечности, новаций и добра («Хорошей партии») и Партии счастья [Гаджиев, 2018].

Следует, однако, отметить, что само по себе коалиционное взаимодействие политических партий — явление для Турции не новое. В то же время ряд мотивационных аспектов в нынешних политических конфигурациях обращает на себя внимание. Мотивы объединения участников «народного альянса» были понятны, поскольку, с одной стороны, имелись определенные опасения по поводу того, что Р. Т. Эрдогану не удастся набрать необходимый минимум в первом туре голосования, а второй тур мог бы преподнести неожиданные «сюрпризы». С другой стороны, ПСР не желала повтора сценария июня 2015 г., когда в условиях отсутствия политических союзников правящая партия пусть и одержала победу, но потеряла большинство в парламенте, что привело тогда к политическому кризису в стране, поскольку так и не удалось сформировать правительство. В свою очередь сторонники ПНД опасались того, что не смогут преодолеть избирательный барьер

в 10%. Таким образом, оба участника «народного альянса» за счет объединения усилий решали собственные задачи и преуспели в этом. Мотивы же «национального блока» не столь однозначны, как в случае с «народным альянсом». Если союз НРП с Хорошей партией еще можно было объяснить опорой на схожие идеологические основы и цели, то их альянс с ПС, лидеры которой сохраняли курс на исламизацию страны и в своей предвыборной декларации отмечали, что занимаются политикой «ради довольства Аллаха», вызывал вопросы. Ведь известно, что лидеры НРП в своих предвыборных обещаниях неоднократно заявляли о том, что в случае победы на выборах приложат максимальные усилия для того, чтобы «вытеснить религию из политики» и «прекратить практику ее использования в качестве инструмента политической власти». Получалось, что участников «национального блока» объединяли не долгосрочные цели, а тактические задачи, связанные с прохождением в парламент, поскольку было очевидно, что ПС по духу гораздо ближе к правящей ПСР, нежели к НРП или Хорошей партии. Об этом свидетельствует и история возникновения ПСР, изначальное ядро которой, провозгласившее «обновленный курс» развития страны на основе сочетания консервативных ценностей, традиционного ислама и евроинтеграции, в свое время возникло путем откола от ПС.

Касательно нового парламента многие эксперты отмечали, что увеличение числа депутатов — с 550 до 600 человек — и созыва — с 4 до 5 лет, а также снижение возраста кандидатов в депутаты с 25 до 18 лет и другие подобные изменения в некоторой степени расширили его представительные функции. Однако новый парламент был лишен непосредственного контроля над деятельностью правительства и был ограничен в применении механизма импичмента главы государства. А потому и объем контрольно-надзорных функций нового турецкого парламента в отношении органов исполнительной власти заметно ограничился. С другой стороны, в условиях продолжения реализации нормативно-правовых актов по адаптации системы сдержек и противовесов к новым реалиям в связи с переходом страны на президентскую форму правления, принятых органами исполнительной власти в рамках действовавшего режима ЧП, и введения в действие практики президентских указов наблюдалась фактическая узурпация полномочий законодательной власти в части ее правотворческих функций.

Итак, в рамках обновленной турецкой конституции предусматривалось два механизма: 1) синхронизация сроков полномочий президента и парламента (и, соответственно, президентских и парламентских выборов, что объективно снижает вероятность победы на них противостоящих сил); 2) возможность досрочного роспуска парламента (как по инициативе парламентариев, так и по инициативе главы государства), за которым следуют новые (одновременно проводимые) парламентские и президентские выборы. Должность премьер-министра функционально была замещена должностью вице-президента. При этом турецкий вице-президент является скорее чиновником Администрации Президента, а не публичным политиком, поскольку, согласно действующей редакции конституции, вице-президент не избирается народом на выборах, а назначается действующим президентом. Таким образом, четвертый период, характеризующийся консолидацией исполнительной власти в руках президента, целесообразно начинать с 2018 г. Данный период продолжается по настоящее время. Вместе с тем следует отметить гибкость политической системы, установленной конституцией 1982 г., которая позволила сохранить лидирующие позиции Р. Т. Эрдогана вне зависимости от формально занимаемых им постов с 2003 г. [Бахарев, 2024, с. 145–146].

В последнее время все чаще со стороны представителей правящей партии звучат заявления о том, что Р. Т. Эрдоган может выдвинуть свою кандидатуру еще на один президентский срок. Такую вероятность допустил и сам президент республики, когда выступал в январе 2026 г. на съезде провинциальных отделений ПСР. Однако для этого необходимо принять соответствующие поправки

к действующей конституции, а лучше, по мнению Р. Т. Эрдогана, принять новую. Ранее турецкий лидер неоднократно обращался ко всем политическим силам страны с призывом активно участвовать в разработке проекта новой конституции. По его словам, нынешний основной закон республики был принят после военного переворота и уже не отвечает вызовам современности, несмотря на ряд внесенных поправок. Во многом именно поэтому сегодня вопрос о принятии новой конституции является одной из главных задач ПСР, которая, помимо всего прочего, настроена существенно сократить ее текст до 90–100 статей, в отличие от 177 статей и 16 временных пунктов в нынешнем документе.

Согласно действующему основному закону страны, для принятия новой конституции или для внесения соответствующих изменений в действующую конституцию необходимо одобрение не менее 400 депутатов, а для вынесения конституционных поправок на референдум нужна поддержка 360 депутатов. Однако в настоящее время общее число парламентариев в составе правящего «Народного альянса» составляет 315 человек. Соответственно, сторонникам Р. Т. Эрдогана не хватает как минимум 45 депутатов, чтобы вынести конституционные поправки хотя бы на референдум.

Тем временем между главными политическими силами Турции сохраняются существенные разногласия относительно ключевых положений новой конституции. Так, правящая партия предлагает внести в будущий основной закон государства положения о сохранении президентской системы, принятой на референдуме 2017 г. Главная оппозиционная Народно-республиканская партия же выступает за кардинальное изменение системы правления и возвращение к парламентской республике. В такой ситуации единственный вариант для ПСР — обратиться к прокурдской Партии народного равенства и демократии (ПНРД) с 57 депутатами в национальном меджлисе, что и было сделано. Возник естественный торг, в результате которого турецкие власти через лидера ПНД Д. Бахчели подали недвусмысленный сигнал о своем благосклонном отношении к решению курдской проблемы. В обмен на это Р. Т. Эрдоган сможет не только вынести проект поправок или даже новой конституции на общенародное голосование, но и заручиться поддержкой со стороны курдского населения в ходе предстоящей предвыборной гонки.

Литература / References

Бахарев А. А., Кузнецов И. И. Взаимодействие президента, правительства и парламента в полупрезидентских системах: сравнительный анализ опыта России, Украины и Турции. *Политическая наука*. 2019. № 4. С. 105–126 [Bakharev A. A., Kuznetsov I. I. Interaction between the president, government and parliament in semi-presidential systems: a comparative analysis of the experience of Russia, Ukraine and Turkiye. *Political Science*. 2019. No. 4. Pp. 105–126 (in Russian)].

Бахарев А. А. Процесс президенциализации Турции в период правления Р. Т. Эрдогана: возможности и ограничения. *Политическая наука*. 2024. № 3. С. 134–160 [Bakharev A. A., The process of presidentialization of Turkiye during the reign of R. T. Erdogan: opportunities and limitations. *Political Science*. 2024. No. 3. Pp. 134–160 (in Russian)].

Зазнаев О. И. Осмысление форм правления в зарубежной политической науке: новейшие дискуссии. *Политическая наука*. 2014. № 1. С. 10–33 [Zaznaev O. I., Understanding Forms of Government in Foreign Political Science: Latest Discussions. *Political Science*. 2014. No. 1. Pp. 10–33 (in Russian)].

Bilir F. 2004 Anaysa Değişiklikleri Üzerinde Bir Değerlendirme. *Gazi Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi*. Cilt: IX. Sayı: 1–2. 2004. S. 239–251 [Bilir F. An Evaluation of the 2004. Constitutional Amendments. *Gazi University Faculty of Law Journal*. 2004. Vol. IX. No. 1–2. Pp. 239–251 (in Turkish)].

Eren A. 1982 Anayasası'nın 90. Maddesindeki 2004 Değişikliğinin Anlaşmaların Türk İç Hukukundaki Yerine Etkisi. *Atatürk Üniversitesi Erzincan Hukuk Fakültesi Dergisi*. Cilt: VIII. Sayı: 3–4. 2004. S. 47–77 [Eren A. The Impact of the 2004 Amendment to Article 90 of the 1982 Constitution on the Place of Treaties in Turkish Domestic Law. *Atatürk University Erzincan Faculty of Law Journal*. 2004. Vol. VIII. Iss. 3–4. Pp. 47–77 (in Turkish)].

Hakyemez Y. Ş. 2010 Anayasa Değişiklikleri ve Demokratik Hukuk Devleti. *Gazi Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi*. Cilt: XIV. Sayı: 2. 2010. S. 387–406 [Hakyemez Y. Sh. 2010 Constitutional Amendments and the Democratic Rule of Law. *Gazi University Faculty of Law Journal*. 2010. Vol. XIV. Iss. 2. Pp. 387–406 (in Turkish)].

Kaboğlu İ. *Türkiye'nin Anayasa Gündemi*. İstanbul: İletişim yay, 2016 [Kaboğlu I. *Turkiye's Constitutional Agenda*. İstanbul: İletişim Publications, 2016 (in Turkish)].

Tunç B. Türk Anayasa Tarihinde Cumhurbaşkanının Halk Tarafından Seçilmesini Sağlayan 2007 Anayasa Değişikliği Üzerine Bir İnceleme. *Kocaeli Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi*. Sayı: 32. Aralık 2025. S. 31–51 [Tunch B. A Study on the 2007 Constitutional Amendment that Enabled the Election of the President by the People in Turkish Constitutional History. *Kocaeli University Faculty of Law Journal*. Iss. 32. December 2025. Pp. 31–51 (in Turkish)].

Tülen H. 3.10.2001 Tarihli ve 4709 Sayılı Kanunla Yapılan Anayasa Değişiklikleri Üzerine Genel Bir Değerlendirme. *Atatürk Üniversitesi Erzincan Hukuk Fakültesi Dergisi*. Cilt: V. Sayı: 1–4. 2001. S. 191–243 [Tulen H. A General Assessment of the Constitutional Amendments Made by Law No. 4709 Dated 3.10.2001. *Ataturk University Erzincan Faculty of Law Journal*. 2001. Vol. V. Iss. 1–4. Pp. 191–243 (in Turkish)].

Uzun Y. Nisan F. 16 Nisan 2017 Anayasa Değişikliği Referandum Sürecinin Ulusal Basındaki Haber Çerçevesi Üzerine Bir Çalışma. *İnönü Üniversitesi İletişim Fakültesi Dergisi*. Cilt: 3. Sayı: 1. Mayıs 2018. S. 159–176 [Uzun Y. Nisan F. A Study on the Framing of National Press Coverage of the April 16, 2017 Constitutional Amendment Referendum Process. *Inonu University Faculty of Communication Journal*. May 2018. Vol. 3. Iss. 1. Pp. 159–176 (in Turkish)].

Zorlu S. E. 5678 Sayılı Kanunla Gerçekleştirilen Anayasa Değişikliği Sonrası Cumhurbaşkanı'nın Seçimi ve Demokratik Seçimin Genel İlkeleri. *Selçuk Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi*. Cilt: 24. Sayı: 1. 2016. S. 37–68 [Zorlu S. E. The Election of the President and General Principles of Democratic Elections After the Constitutional Amendment Made by Law No. 5678. *Selchuk University Faculty of Law Journal*. 2016. Vol. 24. No. 1. Pp. 37–68 (in Turkish)].

Электронные ресурсы / Electronic resources

Гаджиев А. Турецкая Республика — еще не президентская, но уже не парламентская. *РСМД*. 02.07.2018 [Gadzhiev A. The Turkish Republic — not yet presidential, but no longer parliamentary. *RLAC*. 02.07.2018]. URL: <http://www.russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/turetskaya-respublika-eshche-ne-prezidentskaya-no-uzhe-ne-parlamentskaya/> (дата обращения: 06.02.2026).

Конституционный референдум в Турции в 2017 г. *РИА Новости*. 24.04.2017 [Constitutional referendum in Turkey in 2017. *RIA Novosti*. 24.04.2017]. URL: <https://www.ria.ru/20170424/1492828175.html> (дата обращения: 06.02.2026).

Сосинский-Семихат Ю. Массовые протесты в Турции демонстрирует разочарование в обществе. *Pravda.ru*. 10.06.2013 [Sosinsky-Semikhat Yu. Mass protests in Türkiye demonstrate disappointment in society. *Pravda.ru*. 10.06.2013]. URL: <https://www.pravda.ru/world/1160561-turkey/> (дата обращения: 06.02.2026).

2004 Yılı Türkiye İlerleme Raporu, 09.11.2004. *AB Haber (EU-Turkey News Network)* [Turkey's 2004 Progress Report, 09.11.2004. *EU News (EU-Turkey News Network)*]. URL: <https://www.abhaber.com/haber.php> (дата обращения: 06.02.2026).

Aliefendioğlu Y. 2001 Yılı Anayasa Değişikliklerinin Temel Hak ve Özgürlüklerin Sınırlandırılmasında Getirdiği Yeni Boyut. S. 1–36 [Aliefendioğlu Y., The New Dimension Brought by the 2001 Constitutional Amendments in the Restriction of Fundamental Rights and Freedoms. Pp. 1–36]. URL: <https://www.anayasa.gov.tr/media/4639/aliefendioğlu.pdf> (дата обращения: 06.02.2026).

РОССИЯ И РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ДИСКУРСЕ ЛЕВЫХ ПАРТИЙ ТУРЦИИ (1990-е – 2020-е гг.)

© 2026

Т. О. Караяка¹

Левые партии Турецкой Республики занимают видное место в турецком политическом пространстве. Учитывая это, а также то, что всестороннее изучение Турции представляет как академический, так и практический интерес для России, представляется важным сформулировать следующую научную проблему: как турецкие партии левого толка относятся к России в целом, каковы особенности их позиций, каковы факторы, влияющие на формирование тех или иных позиций, и какие вопросы, затрагивающие обе страны, являются наиболее актуальными для указанных партий? Новизна исследования заключается в систематизации дискурсивных практик турецких левых партий в отношении Российской Федерации и выявлении корреляции между их идеологическим наследием и текущей внешнеполитической повесткой. Результаты проведенного исследования показали, что двумя ключевыми факторами, оказывающими воздействие на формирование и дифференциацию позиций левых партий Турции относительно России и российско-турецких отношений, выступают внешнеполитические ориентации партий и идеологическая преемственность.

Ключевые слова: левые партии Турции, Народно-республиканская партия (НРП), Коммунистическая партия Турции (КПТ), российско-турецкие отношения, российско-турецкое сотрудничество, российско-турецкое взаимодействие, российско-турецкие связи

Для цитирования: Караяка Т. О. Россия и российско-турецкие отношения в дискурсе левых партий Турции (1990-е – 2020-е гг.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 2. С. 181–187. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-181-187

RUSSIA AND RUSSIAN-TURKISH RELATIONS IN THE TURKISH LEFT PARTIES' DISCOURSE (1990s – 2020s)

Timur O. Karayaka

The left parties of the Republic of Türkiye occupy a prominent place in the Turkish political space. Considering this, as well as the fact that a comprehensive study of Turkey is of both academic and practical interest to Russia, it seems important to articulate the following scientific problem: how do Turkish left-wing parties relate to Russia in general, what are the specifics of their positions, what are the factors influencing the formation of their positions, and what issues affecting both countries are the most relevant for these parties? The novelty of the research lies in the systematization of the discursive practices of the Turkish left parties in relation to the Russian Federation and in revealing a correlation between their ideological heritage and the current foreign policy agenda.

¹ Караяка Тимур Орханович, аспирант МГИМО МИД России, Москва; torkarayaka@gmail.com
Timur O. Karayaka, MGIMO University postgraduate student, Moscow; torkarayaka@gmail.com
ORCID: 0009-0003-0390-2587

The results of the study showed that the two key factors influencing the shaping and differentiation of the positions of the Turkish left-wing parties towards Russia and the Russia-Türkiye relations are the parties' foreign policy orientations and their ideological continuity.

Keywords: Turkish Left Parties, Republican People's Party (CHP), Communist Party of Türkiye, Russia-Türkiye Relations, Russia-Türkiye Partnership, Russia-Türkiye Interaction, Russia-Türkiye Contacts

For citation: Karayaka T. O. Russia and Russian-Turkish Relations in the Turkish Left Parties' Discourse (1990s – 2020s). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 2. Pp. 181–187. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-181-187

В настоящей статье представлены результаты анализа дискурса о России и российско-турецких отношениях в идеологии и политической практике ведущих левых партий Турции в период с 1990-х по 2020-е гг. Центральным исследовательским вопросом выступает проблема эволюции и структурирования дискурса о России, а также выявление ключевых факторов (идеологических, внутривластных и международно-политических), обусловивших его внутреннюю дифференциацию и трансформацию.

Методологическую основу исследования составляет качественный дискурс-анализ программных документов, официальных заявлений и публичных выступлений лидеров восьми турецких левых партий за период 1990–2024 гг. Для обработки эмпирического материала использовался метод тематического моделирования, позволивший выделить ключевые сюжеты (энергетика, НАТО, Сирия, Украина) в дискурсе о России. Компаративный метод применен для сопоставления позиций партий внутри левого спектра и их эволюции во времени. Проведенное исследование демонстрирует относительную устойчивость взглядов турецких левых сил на Россию и двусторонние отношения, формируемых под влиянием двух основных факторов: внешнеполитических ориентаций (отношения с США, европейскими странами и евроатлантическими структурами) и идеологической преемственности («идейного наследия партий-предшественниц»).

В фокусе анализа находятся следующие политические силы: Народно-республиканская партия (CHP), Демократическая левая партия (DSP), Коммунистическая партия Турции (ТКР), Рабочая партия Турции (TİP), Партия «Родина» (Vatan Partisi), Левая партия (Sol Parti), Демократическая партия народов (HDP) и Партия равенства и демократии народов (DEM Parti).

Социал-демократическая по своей идейной платформе Народно-республиканская партия (НРП), занимающая с 2000-х гг. положение ведущей оппозиционной силы в Турецкой Республике, уделяет ограниченное внимание российской тематике в своей политической повестке и программных документах, особенно в сравнении с приоритетами, связанными с отношениями с евроатлантическим сообществом, НАТО, Европейским союзом, процессом евроинтеграции: к примеру, в опубликованном в январе 2023 г. достаточно объемном тексте совместной политической программы шести турецких оппозиционных партий (включая НРП), заключивших в 2022 г. альянс «Стол шести» накануне выборов 2023 г., упоминания Европы и вопросов, напрямую связанных с Западом, в десятки раз превышают упоминания России, которой посвящено всего три пункта².

В противовес курсу правящей Партии справедливости и развития НРП в лице своих лидеров³ и в партийных документах демонстрирует системный критический подход к ключевым совместным проектам, включая масштабные поставки природного газа, строительство АЭС «Аккую»

² Ortak Politikalar Mutabakat Metni. CHP. 30.01.2023. URL: <https://chp.org.tr/yayin/ortak-politikalar-mutabakat-metni> (in Turkish)] (дата обращения: 05.02.2026).

³ Kılıçdaroğlu BBC'ye konuştu: Kremlin'le değil Batı'yla ilişkileri öncelik haline getireceğiz. Independent Türkçe. 04.05.2023. URL: <https://www.indyuturk.com/node/629391/d%C3%BCnya> (in Turkish)] (дата обращения: 05.02.2026).

корпорацией «Росатом» и приобретение зенитных ракетных комплексов С-400. С точки зрения партии, реализация этих проектов сопряжена со значительными стратегическими рисками, поскольку ведет к углублению внешнеполитической и экономической зависимости от России и ослаблению традиционных связей с западными союзниками по НАТО, а также отдаляет перспективы евроинтеграции, провозглашенной НРП одной из ключевых внешнеполитических целей Турции [Suriye Krizinin Gölgesinde Türkiye-Rusya İlişkileri, 2019].

Лидер левоцентристской Демократической левой партии (ДЛП) Бюлент Эджевит в свою очередь, находясь на посту премьер-министра в 1999–2002 гг., много сделал для укрепления российско-турецких отношений, например, способствуя реализации проекта «Голубой поток» и подписав совместную декларацию о сотрудничестве в сфере борьбы с терроризмом, что демонстрировало как минимум формальную поддержку России в чеченской проблеме [Палария, 1999; Özbay, 2011].

После утраты парламентского представительства в 2002 г. ДЛП практически исчезла из внешнеполитического дискурса, за исключением единичных заявлений, что не позволяет говорить о формировании системной позиции. Единственным примечательным действием партии, связанным с российской проблематикой, стало осуждение признания Россией независимости ДНР и ЛНР в феврале 2022 г.⁴

Коммунистическая партия Турции (КПТ) демонстрировала устойчивую пророссийскую позицию на протяжении всего своего существования (1993–2001 гг.). Несмотря на то, что генеральный секретарь партии Кемаль Окуян характеризует современную Россию как империалистическое государство, внимание в его публикациях обращается прежде всего на то, что главными империалистами являются США и западный мир в целом, а усиление Российской Федерации и Китайской Народной Республики способно нанести существенный вред возглавляемой Западом капиталистической системе⁵ [Okuyan, 2021; Okuyan, 2025]. Интересно также и то, что генеральный секретарь освещает такие нетипичные для турецкой политики сюжеты, как, например, преследование русскоязычных граждан в Прибалтике и антикоммунистическая политика постсоциалистических стран, и осуждает их [Okuyan, 2003]. Наряду с этим КПТ с конца 1990-х гг. активно занимается организаторской работой в рамках такой структуры, как Международная встреча коммунистических и рабочих партий (International Meeting of Communist and Workers' Parties (IMCWP)), где продвигает такие соответствующие интересам и идеологической повестке России идеи, как чествование Победы над нацизмом, мероприятия памяти В. И. Ленина, пропаганда борьбы с империализмом Запада, НАТО и пр.⁶

Рабочая партия Турции (РПТ), образованная в 2017 г. после раскола в КПТ в 2014 г., в целом также устойчиво придерживается достаточно благожелательной к Москве позиции, ее лидер Эркан Баш даже собирался приехать в Россию на празднование столетия Октябрьской революции, но его

⁴ 'Dünkü güneşte bugünkü çamaşırlar kurutulamaz'. Demokratik Sol Parti. 22.02.2022. URL: <https://www.dsp.org.tr/haber/dunku-guneste-bugunku-camasirlar-kurutulamaz> (дата обращения: 05.02.2026).

⁵ Program. Türkiye Komünist Partisi. URL: <https://www.tkp.org.tr/temel-metinler/program-2/> (дата обращения: 05.02.2026); SÖYLEŞİ | Kemal Okuyan yanıtladı: Rusya-Ukrayna savaşı nereye evriliyor? sol 10.03.2022. URL: <https://haber.sol.org.tr/haber/soylesi-kemal-okuyan-yanitladi-rusya-ukrayna-savasi-nereye-evriliyor-328854> (in Turkish) (дата обращения: 05.02.2026).

⁶ 23rd IMCWP, Plan of Action of the 23rd International Meeting of Communist and Workers' Parties, Izmir, Turkey. International Meeting of Communist and Workers' Parties (IMCWP). Official Website. 26.10.2023. URL: <http://www.solidnet.org/article/23rd-IMCWP-Plan-of-Action-of-the-23rd-International-Meeting-of-Communist-and-Workers-Parties-Izmir-Turkey/> (дата обращения: 05.02.2026).

выезду воспрепятствовали власти⁷. Он жестко критикует НАТО, даже называя данную организацию террористической⁸, а в сложном украинском вопросе партия продекларировала позицию за мир и братство народов, выступив и против действий России на Украине, и против расширения НАТО, спровоцировавшего, по сути, данный конфликт⁹.

Внимания также заслуживает и возглавляемая известным политиком Догу Перинчеком Партия «Родина», называвшаяся в 1992–2015 гг. Рабочей партией. Она представляет собой уникальное явление в турецкой политике, сочетающее в своей идеологии левые идеи, кемализм и евразийство. Партия плотно сотрудничает с Международным евразийским движением А. Г. Дугина, продвигает евразийские идеи в турецком общественно-политическом пространстве, резко критикует евроатлантические структуры, а также призывает к всестороннему расширению сотрудничества с Москвой, участию Турции в евразийской интеграции и к ее отказу от западных блоков¹⁰ [Бахревский, Свистунова, 2019, с. 179–181; Шлыков, 2017]. Из конкретных инициатив, направленных на углубление двусторонних отношений, можно выделить, например, предложения по взаимному признанию Турцией независимости Абхазии, вхождения Крыма в состав России, с одной стороны, и признанию Россией независимости Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК) — с другой¹¹. Помимо этого, благотворное влияние на отношения двух стран оказывают научные изыскания сына Догу Перинчека — Мехмета Перинчека — и основанные на них политические, публицистические оценки нынешней мировой политики. М. Перинчек в своих работах последовательно аргументирует тезис о необходимости укрепления российско-турецкого сотрудничества [Perinçek, 2016].

Левая партия и Трудовая партия также характеризуют Россию как часть капиталистической системы и обозначают, что ее возвышение усиливает напряженность в мире, провоцируя борьбу между капиталистическими державами. Такая позиция аргументируется ими на примере украинского конфликта, относительно которого со стороны этих партий звучат призывы к миру, причинами конфликта называются как провокационные действия западных стран во главе с США и НАТО, так и желание Москвы присоединить новые территории. Высказываются также неприятие агрессивной антироссийской и антикитайской внешнеполитической линии Запада и недовольство попытками НАТО превратить Черноморский регион в зону острого военно-политического противоборства¹².

Легальные курдские партии, начавшие появляться в 1990-х гг., не демонстрировали высокого интереса к России и российско-турецким контактам. Лидер Демократической партии народов (ДПН) Селяхаттин Демирташ, напротив, критиковал Москву за недостаточный интерес к курдскому вопросу [Внешиполитический дискурс ведущих субъектов турецкой политики (2010 — лето 2015 г.). Коллективная монография, 2015, с. 42–45]. Внимание курдских сил к аспектам взаимоотношений с Россией выросло на фоне вовлечения Москвы в гражданскую войну в Сирии в 2015 г.

⁷ HTKP Genel Başkanı Erkan Baş'ın pasaportuna el konuldu. Diken. 05.11.2017. URL: <https://www.diken.com.tr/halkin-tkpsi-genel-baskani-erkan-basin-pasaportuna-el-konuldu/> (in Turkish) (дата обращения: 05.02.2026).

⁸ TİP Genel Başkanı Erkan Baş: NATO bir terör örgütüdür. Evrensel. 22.02.2022. URL: <https://www.evrensel.net/haber/455720/tip-genel-baskani-erkan-bas-nato-bir-teror-orgutudur> (in Turkish) (дата обращения: 05.02.2026).

⁹ Tek Yol Barış! Türkiye İşçi Partisi. 24.02.2022. URL: <https://tip.org.tr/parti-aciklamalari/tek-yol-baris> (in Turkish) (дата обращения: 05.02.2026).

¹⁰ Millî Hükümet Programı. 15 Şubat 2015 tarihli Olağanüstü Genel Kurultay'da kabul edilen isim değişikliğini içerir son şekli. Vatan Partisi. 15.02.2015. URL: <https://vatanpartisi.org.tr/genel-merkez/temel-belgeler/milli-hukmet-programi-4126> (in Turkish) (дата обращения: 05.02.2026).

¹¹ Perinçek, Dugin'e anlattı: Karadeniz-Akdeniz Dostluk Planı. Aydınlik. 27.10.2019. URL: www.aydinlik.com.tr/perincek-dugin-e-anlatti-karadeniz-akdeniz-dostluk-planı-politika-ekim-2019-2 (дата обращения: 05.02.2026).

¹² Devrimci Demokratik Cumhuriyet İçin. Sol Parti. URL: <https://solparti.org/Program> (in Turkish) (дата обращения: 05.02.2026).

и резкого ухудшения отношений между Россией и Турцией после сбития российского военного самолета Анкарой¹³. Представители курдского политического движения во главе с ДПН и впоследствии Партией народного равенства и демократии (ПНРД) встречаются с российскими научными, политическими деятелями и дипломатами и обсуждают актуальные для курдов вопросы, прежде всего касающиеся ситуации в Сирии, отношения к запрещенной в Турции Рабочей партии Курдистана (РПК), ее самороспуску в 2025 г., а также вопросов устройства российской системы местного самоуправления¹⁴.

На основании проведенного анализа дискурса левых партий Турции о России и российско-турецких отношениях в период с 1990-х по 2020-е гг. можно сформулировать следующие выводы:

Ключевым дифференцирующим фактором в восприятии России выступает отношение партий к Западу (США, НАТО, ЕС). Этот критерий является определяющим для формирования внешнеполитической позиции.

Сформировались два основных подхода:

Критически-прагматичный: его разделяют проевропейские и прозападные силы (например, НРП), которые рассматривают Россию как важного, но второстепенного партнера, взаимодействие с которым не должно ставить под угрозу отношения с Западом.

Проевразийский/антиимпериалистический: его проводят партии, враждебно настроенные к Западу (например, Партия «Родина», КПТ), которые видят в России стратегического союзника в борьбе с западной гегемонией и выступают за тесное сближение и евразийскую интеграцию.

Идеологическая преемственность играет значительную роль. Позиции партий по российскому вопросу в целом часто являются наследием их предшественниц и укоренены в давних идеологических установках, таких как кемализм, евразийство или ортодоксальный коммунизм. Евразийский дискурс Партия «Родина» напрямую наследует идеям кемалистского этатизма 1930-х годов, в то время как риторика КПТ строится на ортодоксальных антиимпериалистических схемах времен холодной войны.

Курдские левые партии (НДП/ПНРД) демонстрируют ситуационный интерес к России. Их внимание активизируется в периоды кризисов в двусторонних отношениях (например, после инцидента с Су-24 в 2015 г.), когда они рассматривают Москву как потенциального посредника или игрока, влияющего на ситуацию в Сирии, что напрямую затрагивает интересы курдского движения.

Украинский конфликт стал тестом на идеологическую последовательность: пророссийские партии возложили основную ответственность на НАТО, в то время как другие левые силы, даже критикующие Запад, осудили действия России как проявление империализма.

Литература / References

Бахревский Е. В., Свистунова И. А. *Образ России в Турции. Историческое развитие и современное состояние*. М.: Институт наследия, 2019 [Bakhrevsky E. V., Svistunova I. A. *The Image of Russia in Turkey. Historical Development and Current State*. М.: Heritage Institute, 2019 (in Russian)].

¹³ Глава МИД России встретился с лидером турецкой прокурдской Партии демократии народов. Первый канал. 23.12.2015. URL: https://www.1tv.ru/news/2015-12-23/4879-glava_mid_rossii_vstretilsya_s_liderom_turetskoy_prokurdskey_partii_demokratii_narodov (дата обращения: 05.02.2026); Demirtaş Moskova'da Öcalan lehine Kürtçe sloganlarla karşılandı. Anadolu Ajansı. 24.12.2015. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/politika/demirtas-moskovada-ocalan-lehine-kurtce-sloganlarla-karsilandi/495625> (in Turkish) (дата обращения: 05.02.2026).

¹⁴ Визит делегации Партии равенства народов и демократии в Институт востоковедения РАН. ИВ РАН. 10.04.2025. URL: <https://ivran.ru/novosti?artid=220622> (in Russian) (дата обращения: 05.02.2026); DEM Parti resmi davetle Rusya'ya gitti: Çözüm süreci ele alındı. Serbestiyet. 08.04.2025. URL: <https://serbestiyet.com/featured/dem-parti-resmi-davetle-rusyaya-gitti-cozum-sureci-ele-alindi-203541/> (дата обращения: 05.02.2026); Heyetimizin Rusya temasları sürüyor. DEM Parti. 10.04.2025. URL: <https://www.demparti.org.tr/tr/heyetimizin-rusya-temaslari-suruyor/21888/> (in Turkish) (дата обращения: 05.02.2026).

Внешнеполитический дискурс ведущих субъектов турецкой политики (2010 — лето 2015 г.) Коллективная монография / Под ред. В. А. Аваткова. М.: ООО «Паблис», 2015 [*Foreign Policy Discourse of Leading Turkish Politics Actors (2010 — Summer 2015)*]. Collective Monograph / Ed. by V. A. Avatkov. Moscow: Pablis LLC, 2015 (in Russian)].

Шлыков П. В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции. *Сравнительная политика*. 2017. № 8 (1). С. 58–76 [Shlykov P. V. Eurasianism and Eurasian Integration in the Political Ideology and Practice of Turkey. *Comparative Politics*. 2017. No. 8 (1). Pp. 58–76 (in Russian)].

Özbay F. Soğuk Savaş Sonrası Türkiye-Rusya İlişkileri: 1992–2010. *Bilge Strateji*. 2011. Cilt 2. Sayı 4. Ss. 35–77 [Özbay, F. Post-Cold War Türkiye-Russia Relations: 1992–2010. *Bilge Strateji*. 2011. Vol. 2. No. 4. Pp. 35–77 (in Turkish)].

Perinçek M. *Türk-Rus Diplomasinden Gizli Sayfalar. Siyaset-Askeriye-Ekonomi-Kültür-Bilim-Spor. Kaynak Yayınları*. Genişletilmiş 3. Basım, İstanbul, Kasım, 2016 [Perinçek, Mehmet. Secret Pages from Turkish-Russian Diplomacy. Politics-Military-Economy-Culture-Science-Sports. Kaynak Publications. Expanded 3rd Edition, İstanbul, November 2016 (in Turkish)].

Suriye Krizinin Gölgesinde Türkiye-Rusya İlişkileri. Cumhuriyet Halk Partisi Yayınları. 1. Baskı, Ankara, Kasım, 2019 [Turkey-Russia Relations in the Shadow of the Syrian Crisis. Republican People's Party Publications. 1st Edition, Ankara, November 2019 (in Turkish)].

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Визит делегации Партии равенства народов и демократии в Институт востоковедения РАН. *ИБ РАН*. 10.04.2025 [A delegation from the Party of Equality of Peoples and Democracy visited the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. *IOS RAS*. 10.04.2025. URL: <https://ivran.ru/novosti?artid=220622> (in Russian)] (дата обращения: 05.02.2026).

Глава МИД России встретился с лидером турецкой прокурдской Партии демократии народов. *Первый канал*. 23.12.2015 [The Russian Foreign Minister met with the leader of Turkey's pro-Kurdish Peoples' Democracy Party. Channel One. URL: https://www.1tv.ru/news/2015-12-23/4879-glava_mid_rossii_vstretilsya_s_liderom_turetskoy_prokurdskey_partii_demokratii_narodov (in Russian)] (дата обращения: 05.02.2026).

Палария А. Визит Эджевита в Россию вызвал неоднозначную реакцию в Турции. *ИТАР-ТАСС-Планета*. 10.11.1999 [Palaria A. Ecevit's visit to Russia caused a mixed reaction in Turkey. *ITAR-TASS-Planet*. 10.11.1999. URL: <https://socarchive.narod.ru/digest/lobby/archive/nov/lo002113.htm> (in Russian)] (дата обращения: 05.02.2026).

23rd IMCWP, Plan of Action of the 23rd International Meeting of Communist and Workers' Parties, Izmir, Turkey. International Meeting of Communist and Workers' Parties (IMCWP). *Official Website*. 26.10.2023. URL: <http://www.solidnet.org/article/23rd-IMCWP-Plan-of-Action-of-the-23rd-International-Meeting-of-Communist-and-Workers-Parties-Izmir-Turkey/> (дата обращения: 05.02.2026).

DEM Parti resmi davetle Rusya'ya gitti: Çözüm süreci ele alındı. *Serbestiyet*. 08.04.2025 [Members of the DEM party went to Russia at an official invitation to discuss the peace process. *Freedom*. 08.04.2025. URL: <https://serbestiyet.com/featured/dem-parti-resmi-davetle-rusyaya-gitti-cozum-sureci-ele-alindi-203541/> (in Turkish)] (дата обращения: 05.02.2026).

Demirtaş Moskova'da Öcalan lehine Kürtçe sloganlarla karşılandı. *Anadolu Ajansı*. 24.12.2015 [Demirtaş was greeted in Moscow with Kurdish slogans in support of Öcalan. *Anadolu Ajansı* 24.12.2015. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/politika/demirtas-moskovada-ocalan-lehine-kurtce-sloganlarla-karsilandi/495625> (in Turkish)] (дата обращения: 05.02.2026).

Devrimci Demokratik Cumhuriyet İçin. *Sol Parti*. 05.02.2026 [For a Revolutionary Democratic Republic. *Left Party*. 05.02.2026. URL: <https://solparti.org/Program> (in Turkish)] (дата обращения: 05.02.2026).

'Dünkü güneşte bugünkü çamaşırlar kurutulamaz'. *Demokratik Sol Parti*. 22.02.2022 [«You can't dry today's laundry in yesterday's sun». *Democratic Left Party*. 22.02.2022. URL: <https://www.dsp.org.tr/haber/dunku-guneste-bugunku-camisirlar-kurutulamaz> (in Turkish)] (дата обращения: 05.02.2026).

European Committee Meeting, Bucharest, Romania. *Socialist International*. 05.06.2024. URL: <https://www.socialistinternational.org/our-meetings/committees/europe/european-committee-meeting-bucharest-romania/> (дата обращения: 05.02.2026).

Heyetimizin Rusya temasları sürüyor. *DEM Parti*. 10.04.2025 [Our delegation's contacts in Russia continue. DEM Party. 10.04.2025. URL: <https://www.demparti.org.tr/tr/heyetimizin-rusya-temaslari-suruyor/21888/> (in Turkish)] (дата обращения: 05.02.2026).

HTKP Genel Başkanı Erkan Baş'ın pasaportuna el konuldu. *Diken*. 05.11.2017 [HTKP Chairman Erkan Baş's passport has been confiscated. *Diken*. 05.11.2017. URL: <https://www.diken.com.tr/halkin-tkpsi-genel-baskani-erkan-basin-pasaportuna-el-konuldu/> (in Turkish)] (дата обращения: 05.02.2026).

Kılıçdaroğlu BBC'ye konuştu: Kremlin'le değil Batı'yla ilişkileri öncelik haline getireceğiz // *Independent Türkçe*. 04.05.2023 [Kılıçdaroğlu spoke to the BBC: We will prioritize relations with the West, not the Kremlin. *Independent Türkçe*. 04.05.2023. URL: <https://www.indyturk.com/node/629391/d%C3%BCnya> (in Turkish)] (дата обращения: 05.02.2026).

Millî Hükümet Programı. 15 Şubat 2015 tarihli Olağanüstü Genel Kurultay'da kabul edilen isim değişikliğini içerir son şekli. *Vatan Partisi*. 15.02.2015 [National Government Program. Final version including the name change adopted at the Extraordinary General Assembly on February 15, 2015. *Homeland Party*. 15.02.2015. URL: <https://vatan-partisi.org.tr/genel-merkez/temel-belgeler/milli-hukumet-programi-4126> (in Turkish)] (дата обращения: 05.02.2026).

Okuyan K. TKP Programı Teorik Tercihler. *Gelenek*. 07.12.2003 [Okuyan K. Theoretical Choices in the TKP Program. *Gelenek*. 07.12.2003. URL: <https://gelenek.org/tkp-programi-teorik-tercihler/> (in Turkish)] (дата обращения: 05.02.2026).

Okuyan K. Rusya'nın dış politikası anti-emperyalist mi? *soL Haber*. 08.05.2021 [Okuyan K. Is Russian Foreign Policy Anti-Imperialist? *soL News*. 08.05.2021. URL: <https://haber.sol.org.tr/yazarlar/kemal-okuyan/rusyanin-dis-politikasi-anti-emperyalist-mi-139195> (in Turkish)] (дата обращения: 05.02.2026).

Okuyan K. Bütün ülkelerin yeniden konumlanacağı kaotik bir süreç giriyoruz. *soL Haber*. 24.02.2025 [Okuyan K. We are entering a chaotic process in which all countries will reposition themselves. *soL News*. 24.02.2025. URL: <https://haber.sol.org.tr/haber/kemal-okuyan-butun-ulkelerin-yeniden-konumlanacagi-kaotik-bir-surece-giriyoruz-396362> (in Turkish)] (дата обращения: 05.02.2026).

Ortak Politikalar Mutabakat Metni. *CHP*. 30.01.2023 [Agreement on Joint Policies. *Republican People's Party*. 30.01.2023. URL: <https://chp.org.tr/yayin/ortak-politikalar-mutabakat-metni> (in Turkish)] (дата обращения: 05.02.2026).

Perinçek, Dugin'e anlattı: Karadeniz-Akdeniz Dostluk Planı. *Aydınlık*. 27.10.2019 [Perinçek explained to Dugin: The Black Sea-Mediterranean Friendship Plan. *Aydınlık*. 27.10.2019. URL: www.aydinlik.com.tr/perincek-dugin-e-anlatti-karadeniz-akdeniz-dostluk-planı-politika-ekim-2019-2 (in Turkish)] (дата обращения: 05.02.2026).

Program. *Türkiye Komünist Partisi*. [Program. *Communist Party of Türkiye*. URL: <https://www.tkp.org.tr/temel-metinler/program-2/> (in Turkish)] (дата обращения: 05.02.2026).

Rusya'nın dış politikası anti-emperyalist mi? *soL Haber*. 08.05.2021 [Is Russia's foreign policy anti-imperialist? *soL News*. 08.05.2021. URL: <https://haber.sol.org.tr/yazarlar/kemal-okuyan/rusyanin-dis-politikasi-anti-emperyalist-mi-139195> (in Turkish)] (дата обращения: 05.02.2026).

SÖYLEŞİ | Kemal Okuyan yanıtladı: Rusya-Ukrayna savaşı nereye evriliyor? *soL Haber*. 10.03.2022 [INTERVIEW | Kemal Okuyan answers: Where is the Russia-Ukraine war heading? *soL News*. 10.03.2022. URL: <https://haber.sol.org.tr/haber/soylesi-kemal-okuyan-yanitladi-rusya-ukrayna-savasi-nereye-evriliyor-328854> (in Turkish)] (дата обращения: 05.02.2026).

Tek Yol Barış! *Türkiye İşçi Partisi*. 24.02.2022 [The Only Way is Peace! *Workers' Party of Türkiye*. 24.02.2022. URL: <https://tip.org.tr/parti-aciklamalari/tek-yol-baris> (in Turkish)] (дата обращения: 05.02.2026).

TİP Genel Başkanı Erkan Baş: NATO bir terör örgütüdür. *Evrensel*. 22.02.2022 [Workers' Party of Turkey Chairman Erkan Baş: NATO is a terrorist organization. *Evrensel*. 22.02.2022. URL: <https://www.evrensel.net/haber/455720/tip-genel-baskani-erkan-bas-nato-bir-teror-orgutudur> (in Turkish)] (дата обращения: 05.02.2026).

К ВОПРОСУ О ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ РОССИИ И ТУРЦИИ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ (2022–2025)

© 2026

А. В. Болдырев¹

На сегодняшний день на состояние ВТС России и Турции влияет позиция Турции в отношении СВО и военно-технического сотрудничества с Киевом. Украина остается одним из основных раздражителей в отношениях России и Турции, поскольку представляет интерес для Турции как объект экономической экспансии и импорта продукции ВПК. Несмотря на это, Россия может стать для Турции эксклюзивным поставщиком военных технологий и вооружений в области авиации, космоса, ПВО и флота. Возможности ВТС между Россией и Турцией тем не менее имеют объективные ограничения. К ним следует отнести применение в Турции стандартов НАТО. Сотрудничество Анкары с Россией имело также тяжелые последствия для экономики Турции в виде наложенных Вашингтоном санкций на турецкий ВПК. Кроме того, конечная цель Турции состоит в том, чтобы получить технологии для самостоятельной разработки комплексов ПВО и высокотехнологичные вооружения в виде новейших истребителей. Это требует от России большой осторожности, чтобы избежать утечки технологий. В этой связи следует говорить не об устоявшихся направлениях российско-турецкого сотрудничества, а об отдельных аспектах ВТС России и Турции, имеющих локальный и нестабильный характер. С другой стороны, страны Запада либо не идут на сближение с Турцией по политическим причинам, либо не обладают тем, что ей необходимо. Поэтому Россия является для Анкары наиболее подходящим партнером для расширения и углубления отношений в области разработки и производства военной техники. Тем не менее, несмотря на благоприятные условия, в ближайшее время активизация российско-турецкого сотрудничества вряд ли состоится.

Ключевые слова: Россия, Турция, Украина, военно-техническое сотрудничество, специальная военная операция, беспилотные летательные аппараты (БПЛА)

Для цитирования: Болдырев А. В. К вопросу о военно-техническом сотрудничестве России и Турции в условиях специальной военной операции (2022–2025). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 2. С. 188–194. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-188-194

ON THE QUESTION OF MILITARY-TECHNICAL COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND TÜRKIYE UNDER THE CONDITIONS OF SPECIAL MILITARY OPERATION (2022–2025)

Andrey V. Boldyrev

¹ Болдырев Андрей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; boldirew.andrei2011@yandex.ru

Andrey V. Boldyrev, PhD (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; boldirew.andrei2011@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3982-2848

Currently, the state of military-technical cooperation between Russia and Türkiye is influenced by Türkiye's position on special military operation and military-technical cooperation with Kyiv. Ukraine remains a key irritant in relations between Russia and Türkiye, as it is of interest to Türkiye as a target for economic expansion and the export of military-industrial complex products. Despite this, Russia could become Türkiye's exclusive supplier of military technology and weapons in the aviation, space, air defense, and naval sectors. However, the potential for military-technical cooperation between Russia and Türkiye has objective limitations. These include the application of NATO standards in Türkiye. Ankara's cooperation with Russia has also had serious consequences for the Turkish economy in the form of sanctions imposed by Washington on the Turkish military-industrial complex. Furthermore, Türkiye's ultimate goal is to acquire technologies for the independent development of air defense systems and high-tech weapons, such as the latest fighter jets. This requires Russia to exercise great caution to avoid technology leakage. In this regard, it is necessary to discuss not the established areas of Russian-Turkish cooperation, but rather individual aspects of military-technical cooperation between Russia and Türkiye, which are local and unstable in nature. On the other hand, Western countries are either reluctant to engage Türkiye for political reasons or lack what Türkiye needs. Therefore, Russia is the most suitable partner for Ankara to expand and deepen relations in the development and production of military equipment. Nevertheless despite favorable conditions, an intensification of Russian-Turkish cooperation is unlikely in the near future.

Keywords: Russia, Türkiye, Ukraine, military-technical cooperation, special military operation, unmanned aerial vehicles (UAVs)

For citation: Boldyrev A. V. On the Question of Military-Technical Cooperation Between Russia and Türkiye Under the Conditions of Special Military Operation (2022–2025). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 2. Pp. 188–194. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-188-194

В настоящее время Турция из импортера переквалифицируется в экспортера военно-технической продукции. Россия в этом плане может стать для Турции эксклюзивным поставщиком технологий в области авиации, космоса, ПВО и флота, поскольку большинством видов вооружений, интересующих Турцию, Запад не обладает [Шангараев, 2022, с. 64]. Кроме того, по оценке турецких исследователей, Запад заботится прежде всего о том, чтобы держать Турцию в контексте своих интересов, поэтому Турция сотрудничает с соперниками НАТО, закупает системы вооружений у тех стран, которые она не могла купить у своих коллег по Альянсу. Решение Турции приобрести у России систему противоракетной обороны С-400 рассматривается как важный шаг для турецкой внешней политики в плане реализации национальных интересов [Inat, Duran, 2023, pp. 84, 87, 92].

Возможности ВТС между Россией и Турцией тем не менее имеют объективные ограничения. К ним следует отнести прежде всего применение в Турции стандартов НАТО. Кроме того, конечная цель Турции состоит в том, чтобы получить технологии для самостоятельной разработки комплексов ПВО. Тем самым, будучи державой с собственным развитым ВПК, Турция, в отличие от многих региональных партнеров России, заинтересована прежде всего в высокотехнологичных вооружениях — современных ЗРК большой дальности и новейших истребителях, включая самолеты пятого поколения. Это требует со стороны России большой осторожности и детальной проработки контрактов, чтобы избежать утечки технологий [Щёкин, 2022, с. 18–19].

Таким образом, на данном этапе самым крупным в истории ВТС между нашими странами является контракт на сумму в 2,5 млрд долл. на зенитно-ракетные системы С-400 «Триумф». Покупка у России военной техники вызвала обеспокоенность как у стран ЕС, так и в США, поскольку Турция до этого времени не имела своих систем ПВО, а на ее территории их устанавливали Испания, Нидерланды и Италия [Сечкин, 2020, с. 160]. В рамках первой части сделки Турция

досрочно получила четыре дивизиона ЗРК С-400 в ноябре 2019 г. Контракт на поставку Турции второго полка зенитных ракетных систем (ЗРС) С-400 «Триумф» был подписан 16 августа 2022 г. [Болдырев, 2023, с. 113–114]. Но второй этап, предусматривающий обмен технологиями, модернизацию программного обеспечения и совместное производство, еще не стартовал.

Поставки второго пакета российских дивизионов ПВО С-400 в Турцию были приостановлены из-за возражений Анкары против пункта контракта, запрещающего реэкспорт комплекса в третьи страны. Дипломатический источник в Анкаре в ноябре 2025 г. заявил, что позиция Турции по российским ЗРК С-400 не изменилась, и речи об отказе от них не идет². Однако на текущий момент нет подтвержденных данных о том, что вторая партия комплексов поставлена.

Что до сотрудничества в военно-авиационной сфере, то во время посещения авиасалона МАКС-2019 вместе с В. В. Путиным в августе 2019 г. президент Турции Р. Т. Эрдоган проявил интерес к боевым самолетам ОКБ «Сухого». После этого турецкий президент заявил, что не исключает возможность покупки Су-35 и Су-57 вместо американских F-35, из программы создания которых Анкара была исключена после сделки с РФ по С-400. Тема развития и модернизации самолетного парка ВВС на сегодняшний день является для Турции стратегической. Дело в том, что Греция активно вооружается западными партнерами. Технологические достижения и усиление региональной конкуренции создали острую необходимость модернизации стареющего парка турецких ВВС. Возможное изменение баланса сил в регионе в пользу Греции стало причиной нарастающей озабоченности Турции, которая пытается найти выход из сложившейся ситуации, в том числе путем переориентации на альтернативных партнеров. Несмотря на это, турецкие обозреватели отмечали, что в неофициальных разговорах признавалось, что «геополитически» было бы неправильно обращаться в сторону российской техники. 16 января 2023 г. стало известно, что США решили продать 40 новых истребителей, а также комплекты для модернизации уже стоящих на вооружении Турции 79 самолетов этого типа. Однако заключить сделку США готовы только в случае согласия Анкары включить новые страны (Швецию и Финляндию) в НАТО [Болдырев, 2023, с. 115–116]. Турция долгое время выступала против вступления этих стран в альянс, требуя прекратить поддержку Рабочей партии Курдистана (РПК) и других организаций, которые Турция считает террористическими³.

В июне 2022 г. на саммите НАТО в Мадриде было достигнуто соглашение. Швеция и Финляндия обязались выполнить условия Турции, а Анкара в свою очередь поддержала их вступление в альянс⁴. В обмен на это Турция получила ряд уступок, включая обещание США продать ей 40 истребителей F-16V Block 70 и модернизировать 79 уже имеющихся истребителей F-16. Поставки планируется начать не ранее 2028 г. из-за большого числа заказов у производителя Lockheed Martin⁵. В августе 2024 г. сообщалось, что ВВС Турции прощаются с истребителями F-4 Phantom в связи с истечением срока эксплуатации. В 2024 г. Турция начала заменять их на более современные модели, в том числе на F-16V Block 70, которые были одобрены к поставке США после ратификации Турцией членства Швеции в НАТО⁶.

² Позиция Турции по российским С-400 не изменилась, сообщил источник. РИА Новости. 07.11.2025. URL: <https://ria.ru/20251107/turtsiya-2053434589.html> (дата обращения: 20.11.2025).

³ Турция грозит заблокировать вступление Финляндии и Швеции в НАТО. BBC News. 26.08.2022. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-61474559> (дата обращения: 20.11.2025).

⁴ Турция, Финляндия и Швеция обсудили выполнение договоренностей по заявке в НАТО. Редакция сайта ТАСС. 26.08.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15572709> (дата обращения: 20.11.2025).

⁵ США продадут Турции военную технику на \$23 млрд после решения по Швеции. РБК. 12.04.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/02/2024/65c9f9c9a7947db04cf485a?ysclid=mkl5nqkcg583108876> (дата обращения: 20.11.2025).

⁶ Конгресс США одобрил сделку по продаже Турции новых истребителей F-16 Block 70 и комплектов модернизации. Военное обозрение. 11.02.24. URL: <https://topwar.ru/236070-kongress-sha-odobril-sdelku-po-prodazhe-turcii-novyh-istrebitelej-f-16-block-70-i-komplektov-modernizacii.html> (дата обращения: 20.11.2025).

Что же касается других направлений российско-турецкого ВТС, то Россия готова сотрудничать с Турцией по военно-морским вопросам, но, как заявил ТАСС директор Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству (ФСВТС) России Д. Е. Шугаев в кулуарах форума «Армия-2023»⁷, говорить о конкретных проектах пока рано, добавив, что Россия и Турция лишь обсуждают различные направления военно-технического сотрудничества⁸.

На сегодняшний день на состояние ВТС России и Турции влияет позиция Турции в отношении СВО и военно-технического сотрудничества с Киевом. Специальная военная операция России, начавшаяся 24 февраля 2022 г., вызвала резкую реакцию западных государств и Турции. МИД Турции немедленно выступило с заявлением, осуждающим Россию, назвав военное вмешательство России в дела Украины «неприемлемым» [Tekin, 2024, p. 151]. Однако, как и в предшествующие годы, Анкара не стала вводить санкции против России, ограничивать сотрудничество и пр. В Анкаре не раз подчеркивали, что санкции не решают проблем и поэтому не будут введены со стороны Турции [Аватков, Гузаеров, 2022, с. 40]. В первые же дни СВО Р. Т. Эрдоган отметил, что Турция не станет отказываться от взаимодействия с Россией, с которой у нее «продвинутые отношения»⁹. Министр иностранных дел Мевлют Чавушоглу резюмировал политику Турции следующим образом: «Мы принципиально не присоединялись к этим санкциям. ...Турции не нужно выбирать сторону. У Турции принципиальная позиция. Это страна, которая укрепляет отношения и сотрудничество с обеими странами, Россией и Украиной, несмотря на наши разногласия» [Inat, Duran, 2023, p. 92].

Что касается украино-турецкого ВТС, то на сегодняшний день Украина остается одним из основных раздражителей в отношениях России и Турции. Украина представляет интерес для Турции как объект экономической экспансии и импорта продукции ВПК. Первые соглашения о покупке беспилотных летательных аппаратов Bayraktar были заключены в 2018 г. [Кузнецов, 2024]. В феврале 2020 г. стороны подписали Соглашение о военно-техническом сотрудничестве, главным условием которого стало выделение Украине 36 млн долл. для покупки турецкого вооружения. В октябре того же года представители двух стран подписали меморандум о намерениях в области военно-промышленных проектов [Аватков, Гузаеров, 2022, с. 43].

16 октября 2020 г. президент Украины В. А. Зеленский прибыл в Турцию. Киев интересовало, в частности, налаживание совместного производства БПЛА. Следует учитывать, что производство турецких БПЛА после ввода Канадой в 2021 г. эмбарго на поставку Турции ряда военных технологий из-за применения турками канадских технологий во Второй карабахской войне столкнулось с нехваткой двигателей [Кузнецов, 2024]. Замена была найдена на Украине, поскольку украинские двигатели — это проверенная совместимая технология, которая уже интегрирована в производство Bayraktar [Аватков, Гузаеров, 2022, с. 35–36].

С начала СВО Анкара на дипломатическом уровне поддерживает Украину и, выражая приверженность дипломатическому решению конфликта, использует сложившуюся ситуацию для увеличения собственного влияния на регион [Аватков, Гузаеров, 2022, с. 39]. При этом Турция активно поддерживает отношения и сотрудничество как с Россией, так и с Украиной, наращивая экономическое сотрудничество с первой и военно-техническое — с последней. СВО вывела Турцию,

⁷ Международный военно-технический форум «Армия-2023» был организован Министерством обороны России и проходил с 14 по 20 августа 2023 г. В экспозиции и деловой программе приняли участие около 1500 ведущих предприятий оборонно-промышленного комплекса России, а также 85 иностранных компаний и организаций из семи стран.

⁸ Russia ready to cooperate with Turkey on naval issues — official. RUSSIAN NEWS AGENCY. 16.08.2023. URL: <https://tass.com/defense/1661139> (дата обращения: 20.11.2025).

⁹ История отношений России и Турции с 2022 года. Редакция сайта ТАСС. 04.09.2023 URL: <https://tass.ru/info/18649487> (дата обращения: 20.11.2025).

десятилетиями зависевшую от импорта вооружений, на позиции одного из ключевых экспортеров вооружений. Подобная политика Турции имеет под собой глубокие основания и полностью соответствует турецким национальным интересам. Сотрудничеством с Западом она уравнивает Россию, отношениями с Россией — уравнивает Запад, получая при этом максимальные экономические дивиденды [Ирхин А. А. и др., 2024, с. 18–19].

В связи с этим знаковым событием в отношениях Турции и Украины стало подписание Соглашения о зоне свободной торговли (ЗСТ) в январе 2022 г. Мотивацию Киева в подписании соглашения следует искать в военно-технической плоскости. Для Украины особый интерес представляет турецкий ВПК, особенно поставки БПЛА. Учитывая, что вместе с соглашением о ЗСТ было подписано и соглашение о расширении на Украине производства БПЛА, можно утверждать, что соглашение о ЗСТ со стороны Украины было формой оплаты за углубление ВТС [Аватков, Гузаеров, 2022, с. 41–42]. Так, турки заключили с Киевом контракты на поставку украинских двигателей для стратегических ударных беспилотников, например для Bayraktar Akinci. Первая партия дронов «Акынджи» была оснащена украинскими двигателями «Ивченко-Прогресс» [Кузнецов, 2024].

Активное сотрудничество с Украиной позволяет Турции снизить зависимость от западных технологий и создать новые образцы вооружений. С этой точки зрения тандем с Киевом весьма привлекателен для Анкары. Благодаря Украине Турция расширила географию распространения собственного вооружения [Аватков, Гузаеров, 2022, с. 35–36, 43–44]. Объем экспортированных турецких вооружений обеспечил Турции 6-ю позицию в мире после США, Польши, Германии, Великобритании и Чехии [Ирхин А. А. и др., 2024, с. 18]. Таким образом, Украина стала своеобразной витриной для турецкого военно-промышленного комплекса, что во многом объясняет сотрудничество Анкары и Киева. Немаловажное значение имеет и тот факт, что редко кто из западных партнеров готов делиться военными технологиями с Турцией [Кузнецов, 2024].

Киев оказывает серьезную поддержку развитию турецкого ВПК. С момента начала СВО увеличились поставки турецких БПЛА на Украину, поставщиком является компания Baykar Makina. В конце 2022 г. (т. е. в то время, когда Турция просила у России скидку на газ) Анкара начала отправлять Украине кассетные боеприпасы [Орлов, 2023]. Украинские компании поставили в Турцию такие комплектующие, как приборы наведения, контроллеры ракет, а также управляемые ракеты [Аватков, Гузаеров, 2022, с. 43]. Другим амбициозным украинско-турецким проектом стала разработка сверхзвукового реактивного ударного беспилотника «Кызылэлма» («Красное яблоко»). На него также планируют поставить украинские моторы [Azman, 2022]. В интервью турецкой газете Hürriyet глава МИД России С. В. Лавров заявил, что ВТС Турции и Украины вызывает недоумение на фоне желания Анкары посредничать в украинском конфликте¹⁰. Турецкие власти в ответ заявили, что могут продавать беспилотники любым странам и частным компаниям, в том числе России. Однако сотрудничать с Россией компания Baykar Makina не намерена¹¹.

Таким образом, динамика ВТС России и Турции пока оставляет желать лучшего. В этой связи следует говорить не об устоявшихся направлениях российско-турецкого сотрудничества по примеру турецко-украинских отношений, а об отдельных аспектах ВТС России и Турции, имеющих локальный и нестабильный характер. История с поставками С-400 — исключение из правил. Турция является, прежде всего, страной НАТО, которая пытается использовать сотрудничество с Россией для улучшения своего положения в рамках Альянса [Болдырев, 2023, с. 115–116]. Кроме того, сотрудничество

¹⁰ Лавров прокомментировал военно-техническое сотрудничество Турции и Украины. Лавров: военно-техническое сотрудничество Турции и Украины вызывает недоумение. РИА Новости. 01.11.2024 <https://ria.ru/20241101/lavrov-1981267350.html> (дата обращения: 20.11.2025).

¹¹ История отношений России и Турции с 2022 года. Редакция сайта ТАСС. 04.09.2023 URL: <https://tass.ru/info/18649487> (дата обращения: 20.11.2025).

Анкары с Россией имело тяжелые последствия для экономики Турции в виде наложенных Вашингтоном санкций на турецкий ВПК. ВТС России и Турции ограничивается также нежеланием России на примере ПЗРК «Триумф» передавать Турции современные технологии производства из-за угрозы их перепродажи в третьи страны. С другой стороны, Россия в нынешних условиях является для Анкары наиболее подходящим партнером для расширения и углубления отношений в области разработки и производства военной техники, поскольку страны Запада либо не идут на сближение с Турцией по политическим причинам, либо не обладают тем, что ей необходимо [Шангараев, 2022, с. 65]. В целом, несмотря на благоприятные условия, есть все основания полагать, что в ближайшее время активизация российско-турецкого военно-технического сотрудничества не состоится.

Литература / References

Аватков В. А., Гузаєров Р. И. Двусторонние отношения Украины и Турции при президенте В. Зеленском. *Россия и новые государства Евразии*. 2022. № IV (LVII). С. 35–49 [Avatkov V.A., Guzayev R.I. Bilateral Relations between Ukraine and Turkey under President V.Zelensky. *Russia and the New States of Eurasia*. 2022. No. IV (LVII). Pp. 35–49 (in Russian)].

Болдырев А. В. Россия и Турция: аспекты военно-технического сотрудничества в XXI веке. *Внешняя политика Турции в период правления Партии справедливости и развития (2002–2023 гг.). К 100-летию республики: колл. монография*. М.: ИВ РАН, 2023. С. 104–118 [Boldyrev A. V. Russia and Turkey: Aspects of Military-Technical Cooperation in the 21st Century. *Turkey's Foreign Policy during the Justice and Development Party's Rule (2002–2023). On the 100th Anniversary of the Republic: Collected Works*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2023. Pp. 104–118 (in Russian)].

Ирхин А. А. и др. «Турецкий баланс», или Внешнеполитическая стратегия Турции в Черноморском регионе на фоне специальной военной операции. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2024. Т. 24. № 1. С. 7–22 [Irkhin, A. A., et al. 'The Turkish Balance', or Turkey's Foreign Policy Strategy in the Black Sea Region Against the Background of a Special Military Operation. *RUDN University Bulletin. Series: International Relations*. 2024. Vol. 24. No. 1. Pp. 7–22 (in Russian)].

Сечкин М. А. Интересы России и Турции в военно-техническом сотрудничестве. *Международная торговля и торговая политика*. 2020. № 1 (21). С. 156–163 [Sechkin M. A. Interests of Russia and Turkey in Military-Technical Cooperation. *International Trade and Trade Policy*. 2020. No. 1 (21). Pp. 156–163 (in Russian)].

Шангараев Р. Н. Военно-техническое сотрудничество России и Турции в контексте американо-турецких отношений. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2022. № 1 (846). С. 60–66 [Shangaraev R. N. Military-technical cooperation between Russia and Turkey in the context of American-Turkish relations. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. 2022. No. 1 (846). Pp. 60–66 (in Russian)].

Щёкин А. С. Военно-техническое сотрудничество России со странами Ближнего Востока как фактор стабильности в регионе. *Россия и современный мир*. 2022. № 2 (115). С. 6–26 [Shchekin A. S. Military-technical cooperation of Russia with the countries of the Middle East as a factor of stability in the region. *Russia and the modern world*. 2022. No. 2 (115). Pp. 6–26 (in Russian)].

Inat K., Duran B. Turkey's Foreign Policy in the Face of Regional and Global Challenges. *Insight Turkey*. 2023. Vol. 25. No. 2. Pp. 79–101.

Tekin O. Turkey's approach to escalating tensions between the West and Russia in Russia's 'near abroad'. *Пути к миру и безопасности*. 2024. № 2 (67). С. 141–159.

Электронные ресурсы / Online resources

История отношений России и Турции с 2022 года. *Редакция сайта ТАСС*. 04.09.2023 [The history of Russia-Turkey relations since 2022. *TASS website editorial staff*. 04.09.2023. URL: <https://tass.ru/info/18649487>] (дата обращения: 20.11.2025).

Конгресс США одобрил сделку по продаже Турции новых истребителей F-16 Block 70 и комплектов модернизации. *Военное обозрение*. 11.02.24 [The US Congress approved a deal to sell Turkey new F-16 Block 70 fighter jets and upgrade kits. *Military Review*. 11.02.24]. URL: <https://topwar.ru/236070-kongress-sha-odobril-sdelku-po-prodazhe-turcii-novyh-istrebitelej-f-16-block-70-i-komplektov-modernizacii.html> (дата обращения: 20.11.2025).

Кузнецов Ю. Военно-техническое сотрудничество Турции и Украины берёт новые высоты. *ФОНД СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ*. 24.02.2024 [Military-technical cooperation between Turkey and Ukraine reaches new heights. *Strategic Culture Foundation*. 24.02.2024. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2024/02/24/voenno-tehnicheskoe-sotrudnichestvo-turcii-i-ukrainy-beryot-novye-vysoty.html>] (дата обращения: 20.11.2025).

Лавров прокомментировал военно-техническое сотрудничество Турции и Украины. Лавров: военно-техническое сотрудничество Турции и Украины вызывает недоумение. *РИА Новости*. 01.11.2024 [Lavrov commented on military-technical cooperation between Turkey and Ukraine. Lavrov: Military-technical cooperation between Turkey and Ukraine is puzzling. *RIA Novosti*. 01.11.2024. URL: <https://ria.ru/20241101/lavrov-1981267350.html>] (дата обращения: 20.11.2025).

Орлов А. С. Военно-технические и военные факторы, влияющие на проблемные вопросы российско-турецкого сотрудничества в новых условиях международной обстановки. *ИНСТИТУТ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА*. 01.06.2023 [Military-technical and military factors influencing problematic issues of Russian-Turkish cooperation in the new international environment. *INSTITUTE OF MIDDLE EAST STUDIES*. 01.06.2023. URL: <http://www.iimes.ru/?p=99084&ysclid=m4emjwyjdq421709041>] (дата обращения: 20.11.2025).

Позиция Турции по российским С-400 не изменилась, сообщил источник. *РИА НОВОСТИ*. 07.11.2025 [Turkey's position on the Russian S-400s has not changed, a source told *RIA Novosti*. 07.11.2025. URL: <https://ria.ru/20251107/turtsiya-2053434589.html>] (дата обращения: 20.11.2025).

США продадут Турции военную технику на \$23 млрд после решения по Швеции. *РБК*. 12.04.2024 [The US will sell \$23 billion worth of military equipment to Turkey following the decision on Sweden. *RBC*. 12.04.2024. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/02/2024/65c9f9fc9a7947db04cf485a?ysclid=mkl5nqkcgm583108876>] (дата обращения: 20.11.2025).

Турция грозит заблокировать вступление Финляндии и Швеции в НАТО. *BBC News*. 26.08.2022 [Türkiye threatens to block Finland and Sweden's accession to NATO. *BBC News*. 26.08.2022. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-61474559>] (дата обращения: 20.11.2025).

Турция, Финляндия и Швеция обсудили выполнение договоренностей по заявке в НАТО. *Редакция сайта ТАСС*. 26.08.2022 [Türkiye, Finland, and Sweden discussed the implementation of agreements on their NATO application. *TASS website editorial staff*. 26.08.2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15572709>] (дата обращения: 20.11.2025).

Azman K. Ukrayna, Bayraktar KIZILELMA için motor teslimatlarına devam ediyor. 31.09.2022 [Ukraine continues engine deliveries for the Bayraktar KIZILELMA drone. 31.09.2022. URL: [https://www.defenceturk.net/ukrayna-bayraktar-kizilelma-icin-motor-teslimatlarina-devam-ediyor\(in-Turkish\)](https://www.defenceturk.net/ukrayna-bayraktar-kizilelma-icin-motor-teslimatlarina-devam-ediyor(in-Turkish))] (дата обращения: 20.11.2025).

Russia ready to cooperate with Turkey on naval issues — official. *RUSSIN NEWS AGENCY*. 16.08.2023. URL: <https://tass.com/defense/1661139> (дата обращения: 20.11.2025).

РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ОТ СОСТОЯНИЯ К ТРЕНДАМ И ПЕРСПЕКТИВАМ

© 2026

И. И. Стародубцев¹

Статья анализирует политическую и экономическую трансформацию Турции в период правления Реджепа Тайипа Эрдогана с 2002 г. и влияние этих изменений на российско-турецкие торгово-экономические отношения. Длительное пребывание у власти Партии справедливости и развития сформировало так называемую «эпоху Эрдогана», характеризующуюся масштабными реформами, переходом к президентской форме правления в 2017 г. и более самостоятельной внешней политикой Турции, основанной на балансировании между ведущими мировыми державами при попытке следования в русле сформулированных национальных интересов. Экономическое развитие страны носило нелинейный характер: быстрый рост ВВП в 2000-е годы сменился замедлением и инфляционным кризисом начала 2020-х гг. Несмотря на трудности, Турции удалось сформировать ряд конкурентоспособных в международном масштабе отраслей — строительную индустрию, металлургию, нефтехимию, автомобильную промышленность, машиностроение и военно-промышленный комплекс, а также укрепить позицию международного энергетического и транспортно-логистического хаба. Российско-турецкое экономическое сотрудничество с 2002 г. в значительной степени строилось на «лидерской дипломатии» Владимира Путина и Реджепа Эрдогана и на масштабных энергетических проектах, включая газопровод «Турецкий поток» и строительство АЭС «Аккую». После начала конфликта на Украине Турция не присоединилась к западным антироссийским санкциям, что позволило ей стать важным торгово-экономическим хабом для России, однако последующее давление США и ЕС привело к тренду на снижение товарооборота. Современные российско-турецкие отношения остаются противоречивыми: сотрудничество в энергетике и торговле сочетается с геополитическими разногласиями в Черноморском регионе, на Южном Кавказе и в Центральной Азии. Предстоящие выборы в Турции в 2028 г. создают дополнительную неопределенность, однако потенциал экономического взаимодействия между странами сохраняется.

Ключевые слова: эпоха Эрдогана, Партия справедливости и развития, экономические реформы Турции, ВВП Турции, энергетическое сотрудничество, «лидерская дипломатия»

Для цитирования: Стародубцев И. И. Российско-турецкие торгово-экономические отношения: от состояния к трендам и перспективам. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 2. С. 195–200. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-195-200

RUSSIAN-TURKISH TRADE AND ECONOMIC RELATIONS: FROM CURRENT STATE TO TRENDS AND PROSPECTS

Ivan I. Starodubtsev

¹ Стародубцев Иван Игоревич, кандидат технических наук, доцент кафедры международного бизнеса факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ, Москва; ii_star@mail.ru
Ivan I. Starodubtsev, PhD (Technical Sciences), Associate Professor of the Department of International Business, Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; ii_star@mail.ru
ORCID: 0009-0005-5618-5184

The article analyzes the political and economic transformation of Türkiye during the period of rule of Recep Tayyip Erdoğan since 2002 and the influence of these changes on Russian–Turkish trade and economic relations. The long stay in power of the Justice and Development Party formed the so-called “Erdoğan era”, characterized by large-scale reforms, the transition to a presidential form of government in 2017, and a more independent foreign policy of Türkiye based on balancing between the leading world powers while attempting to follow the course of formulated national interests. The country’s economic development had a nonlinear character: rapid GDP growth in the 2000s was replaced by a slowdown and an inflationary crisis in the early 2020s. Despite the difficulties, Türkiye managed to form a number of industries competitive on an international scale — the construction industry, metallurgy, petrochemistry, the automotive industry, mechanical engineering, and the military-industrial complex — as well as to strengthen its position as an international energy and transport-logistics hub. Russian–Turkish economic cooperation since 2002 has to a significant extent been built on the “leader diplomacy” of Vladimir Putin and Recep Tayyip Erdoğan and on large-scale energy projects, including the TurkStream gas pipeline and the construction of the Akkuyu nuclear power plant. After the beginning of the conflict in Ukraine, Türkiye did not join the Western anti-Russian sanctions, which allowed it to become an important trade and economic hub for Russia; however, subsequent pressure from the United States and the European Union led to a trend toward a reduction in trade turnover. Contemporary Russian–Turkish relations remain contradictory: cooperation in energy and trade is combined with geopolitical disagreements in the Black Sea region, the South Caucasus, and Central Asia. The upcoming elections in Türkiye in 2028 create additional uncertainty; however, the potential for economic interaction between the countries remains.

Keywords: Erdoğan era, Justice and Development Party, economic reforms of Türkiye, GDP of Türkiye, inflation, energy cooperation, “leader diplomacy”

For citation: Starodubtsev I. I. Russian-Turkish Trade and Economic Relations: From Current State to Trends and Prospects. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 2. Pp. 195–200. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-195-200

В 2002 г. к власти в Турецкой Республике пришла Партия справедливости и развития (ПСР) под руководством Реджепа Тайипа Эрдогана. Рекордный в республиканской истории Турции период руководства страной действующего президента Р. Т. Эрдогана и его Партии справедливости и развития, с 2002 г. по настоящее время, а также масштаб тех трансформаций, которые пережила страна — во внешнеполитическом, внутриполитическом и экономических смыслах — дает основания говорить об «эпохе Эрдогана», которая, продолжаясь в настоящее время (хотя и, очевидно, близится к концу), еще ждет глубокого изучения и оценки. При этом уже на текущем этапе можно отметить проведенную под руководством Р. Т. Эрдогана серию экономических реформ, направленных на либерализацию экономики. Во внутриполитическом смысле важнейшим изменением следует считать переход Турции от парламентской к президентской форме правления по результатам референдума 2017 г.

Внешняя политика Турции под руководством Р. Т. Эрдогана нацелена на достижение большей независимости на международной арене, предполагает балансирование между ведущими мировыми державами и отталкивается в первую очередь от национальных, а не блоковых интересов.

В экономическом смысле можно отметить нелинейное развитие турецкой экономики, что, в частности, находит свое отражение в динамике валового внутреннего продукта и индексе потребительских цен. За первым десятилетием XXI в., сопровождающимся почти 4-кратным наращиванием турецкого ВВП (2001 г. — 202,6 млрд долл. США, 2008 г. — 782,9 млрд долл.; текущие цены²), последовали спад и снижение темпов роста. Пиковое значение ВВП 2013 года в 958,1 млрд долл.

² Türkiye İstatistik Kurumu. URL: <https://www.tuik.gov.tr/> (дата обращения: 17.11.2025).

удалось превысить лишь десятилетие спустя, в 2023 г., с 1322,4 млрд долл. США. ВВП Турции по итогам 2025 г. составил 1596,3 млрд долл.³

Индикатором проблем в турецкой экономике является индекс потребительских цен, который после достаточно продолжительного «однозначного» периода (то есть менее или около 10%), приблизительно с 2004 года, продемонстрировал резкий рост в 2021 году (36,1%) и достиг своего пика, согласно официальным данным, в 2022 и в 2023 годах — 64,3% и 64,8%⁴. По итогам 2025 года индекс потребительских цен руководству Турции удалось снизить пока лишь до 30,89%⁵.

В целом можно говорить о немалых, хотя и неоднозначных достижениях турецкой экономики в «эпоху Эрдогана». За последние годы Турции удалось стать обладательницей ряда отраслей, конкурентных и значимых не только в региональном, но и в глобальном масштабе, включая строительно-подрядный сектор, металлургию, нефтехимию и нефтепереработку, автомобильную промышленность, машиностроение, станкостроение и электротехнику, а также легкую промышленность. Динамично развивается и военно-промышленный комплекс страны, который уже сейчас можно охарактеризовать как один из драйверов перехода Турции на новый технологический уровень. Наряду с этим Турция предприняла ряд важных шагов по трансформации себя в хаб международного значения — энергетический, транспортно-логистический и политико-дипломатический.

Невзирая на текущие сложности, турецким руководством заявлена цель по скорейшему выходу из экономического кризиса и возвращению на траекторию экономического роста с увеличением ВВП страны до 1,9 трлн долл. и душевого ВВП до 21 тыс. долл. к 2028 г.⁶

Переходя непосредственно к российско-турецкому торгово-экономическому сотрудничеству, в период с 2002 г. оно строилось в заметной мере на фундаменте так называемой «лидерской дипломатии» между В. В. Путиным и Р. Т. Эрдоганом (оба — как в качестве премьер-министров, так и президентов) и реализации крупных (в первую очередь) энергетических проектов. Среди последних следует особо выделить строительство и эксплуатацию газопровода «Турецкий поток» и продолжающееся строительство первой в Турции атомной электростанции «Аккую», ввод в эксплуатацию первого блока которой намечен на 2026-й год.

В целом можно констатировать, что в первой четверти XXI века одной из несущих конструкций российско-турецкого торгово-экономического сотрудничества стало так называемое «многоплановое энергетическое сотрудничество» по широкому спектру направлений, включая торговлю природным газом, нефтью и нефтепродуктами, каменным углем, поставки энергоносителей в третьи страны, строительство и эксплуатацию энергетических объектов, в том числе первой турецкой АЭС «Аккую».

В период Специальной военной операции (СВО) Турецкая Республика официально не присоединилась к антироссийским санкциям, введенным западными странами, отметив нелегитимность подобных мер, которые могут вводиться только по решению СБ ООН. Тем не менее следует констатировать, что и без введения официальных санкций на практике в Турции они нашли и продолжают находить широкое применение — как на уровне банковских учреждений, так и частного бизнеса.

Однако даже фактическое существование санкций в Турецкой Республике не помешало, особенно в первый год СВО, превращению страны в один из торгово-экономических хабов для

³ Turkish Statistical Institute. Quarterly Gross Domestic Product, Quarter IV: October-December, 2025. URL: <https://veriportali.tuik.gov.tr/en/press/54162> (дата обращения: 13.03.2026).

⁴ Türkiye İstatistik Kurumu. URL: <https://www.tuik.gov.tr/> (дата обращения: 17.11.2025).

⁵ Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Strateji ve Bütçe Başkanlığı. Aralık 2025 Enflasyon Verileri. URL: <https://www.sbb.gov.tr/aralik-2025-enflasyon-verileri/> (дата обращения: 13.03.2026).

⁶ Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Strateji ve Bütçe Başkanlığı. Orta Vadeli Program (2026–2028) açıklandı. URL: <https://www.sbb.gov.tr/orta-vadeli-program-2026-2028-aciklandi/> (дата обращения: 17.11.2025).

Российской Федерации. В этом смысле показательны цифры официальной статистики, в частности, товарооборота между двумя странами.

Напомним, что исторический пик товарооборота между Россией и Турцией в период до 2022 г. пришелся на 2008-й год, когда взаимная торговля составила 37,84 млрд долл., где российский экспорт в Турцию достиг 31,36 млрд долл., а российский импорт из Турции — 6,48 млрд долл.⁷

В первый же год СВО российско-турецкий товарооборот возрос в 1,7 раз — до 65,02 млрд долл., включая российский экспорт в объеме 57,36 млрд долл. и поставки в Россию из Турции на сумму 7,66 млрд долл.⁸

Массированное политическое давление со стороны США и ЕС на Турцию по сокращению экономического сотрудничества с Россией привело к определенным результатам: в 2023 г. товарооборот снизился до 53,38 млрд долл., в 2024 г. составил 50,65 млрд долл., а по итогам 7 месяцев 2025 г. — 28,04 млрд долл.⁹

Товарная структура российского экспорта в Турцию имеет (традиционный) сырьевой уклон: по данным 2024 г. на долю статьи «Минеральное топливо и нефтепродукты» пришлось около 75,7% из общего объема российского экспорта в 42,93 млрд долл. Эта статья лидирует с большим отрывом, оставив позади вторую и третью позиции — «Железо и сталь» (6,2%) и «Злаки» (2,7%) соответственно¹⁰.

С другой стороны, Турция наращивает объемы своих поставок в Россию — пик турецкого экспорта был достигнут в 2023 г., составив 9,45 млрд долл., а в 2024 г. снизившись до 7,82 млрд долл.¹¹

Характерно, что на фоне традиционных крупных статей турецкого экспорта в Россию (фрукты и текстиль) лидирующие позиции занимает именно промышленная продукция. Пятерка лидирующих статей турецкого экспорта в Россию, по данным 2024 г., выглядит следующим образом: «Котлы, машины и механические устройства» — 22,2%, «Съедобные фрукты и орехи» — 10,4%, «Транспортные средства» — 7,9%, «Пластмассы и изделия» — 6,2%, «Рыба и морепродукты» — 5,5%¹².

С учетом продолжающегося конфликта на Украине и санкционного давления на Россию тренд на снижение взаимной российско-турецкой торговли следует ожидать и в последующий период.

Тем более что основой турецкой энергетической политики является диверсификация поставщиков энергоносителей, в первую очередь Российской Федерации. И, как можно судить, пока благоприятная для России конъюнктура позволяет нашей стране по-прежнему занимать лидирующие позиции в сфере энергетической торговли с Турцией.

Резюмируя современный характер российско-турецких торгово-экономических отношений, приведем ниже их краткий SWOT-анализ.

Сильные стороны (Strengths) включают «естественность» сотрудничества с учетом непосредственного географического соседства России и Турции, взаимодополняющий характер экономик, «лидерскую дипломатию» между президентами Путиным и Эрдоганом, заложенный в первой четверти XXI в. фундамент многопланового энергетического сотрудничества, а также накопленный опыт взаимодействия при реализации крупных инфраструктурных проектов.

В числе слабых сторон (Weaknesses) следует отметить отсутствие прямого сухопутного сообщения, ярко выраженный сырьевой и энергетический характер российского экспорта в Турцию, невзирая на положительную динамику экономических связей, по-прежнему ограниченность присутствия российского бизнеса в стране (особенно малого и среднего), наблюдающиеся сложности

⁷ Türkiye İstatistik Kurumu. URL: <https://www.tuik.gov.tr/> (дата обращения: 17.11.2025).

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

в координации внешнеэкономических усилий между российским государством и бизнесом, а также навязываемые за рубежом, включая Турцию, негативные паттерны в отношении России («сырьевой придаток» и «энергетическая зависимость»).

Возможности для российско-турецкого торгово-экономического сотрудничества, с российской позиции, включают следующие аспекты: развитие (пусть и нелинейное) турецкой экономики и рост численности населения, сохраняющийся запрос Турции на создание на своей территории газового (говоря шире, сырьевого) хаба, политика Турции в сфере достижения технологического суверенитета и историческое восприятие России как технологического партнера — правопреемника СССР, налаженные политические контакты между Россией и Турцией, а также невозможность перезагрузки отношений между Турцией и Западом при сохранении в стране действующей власти президента Эрдогана и его Партии справедливости и развития, по крайней мере, до 2028 года (год следующих президентских и парламентских выборов в стране).

Угрозы же российско-турецким торгово-экономическим отношениям просматриваются следующими: продолжающийся в Турции экономический кризис, блокирование Западом стратегических проектов российско-турецкого сотрудничества, лоббизм США и ЕС своих экономических интересов в Турции с опорой на историю периода холодной войны и развитые инструменты сотрудничества, приближающиеся в стране всеобщие президентские и парламентские выборы (состоятся в 2028 г.) с достаточно высокой вероятностью смены власти в стране, а также нарастающие между Россией и Турцией политические противоречия в широкой географии, включающей черноморский бассейн, Южный Кавказ и Центральную Азию. Особое значение в российско-турецких отношениях уже начал играть фактор главного интеграционного проекта Турции — Организации тюркских государств, и следует ожидать роста его влияния на отношения Москвы и Анкары.

Особенно следует выделить два наиболее важных обстоятельства с точки зрения российско-турецких отношений:

Важнейшим признаком функционирования механизма упомянутой нами ранее «лидерской дипломатии» являлись регулярные встречи в двустороннем формате на уровне первых лиц двух стран (президентов В. В. Путина и Р. Т. Эрдогана) и достижение на указанных встречах стратегических для двусторонних отношений договоренностей. Отметим, что последняя, на момент написания данного материала, личная встреча глав двух государств в двустороннем формате (за рамками ряда российско-турецких переговоров на полях многосторонних площадок) состоялась в Сочи в 2023 г. При этом, что характерно, сочинская встреча не увенчалась достижением ни одной из заметных договоренностей в торгово-экономической сфере. Последние значимые российско-турецкие договоренности в экономической сфере были достигнуты в 2016 г., когда было объявлено о подписании соглашения по газопроводу «Турецкий поток», а также в 2017 г., когда была согласована сделка на поставку Турции систем С-400. Обе договоренности были достигнуты в ходе личных встреч президентов В. В. Путина и Р. Т. Эрдогана в формате той самой «лидерской дипломатии».

В 2028 г. в Турецкой Республике пройдут очередные всеобщие президентские и парламентские выборы, в которых, в рамках действующей в стране Конституции и без «обнуления» сроков правления, действующий президент Р. Т. Эрдоган участия принять не сможет, что неизбежно ставит вопрос о преемственности власти. Кроме того, показательно, что победные для партии власти предыдущие выборы в Турции, прошедшие в 2023 г., были отмечены тем, что впервые в своей политической карьере Реджеп Тайип Эрдоган участвовал во втором туре президентских выборов, причем перевел его во второй тур голосования кандидат от объединенной оппозиции, председатель (на момент выборов) главной оппозиционной Народно-республиканской партии Кемаль Кылычдароглу, не относящийся к наиболее популярным оппозиционным политикам, заметно уступающий,

к примеру, мэру Стамбула Экрему Имамоглу и мэру Анкары Мансуру Явашу. Кроме того, даже выиграв президентские и парламентские выборы и получив большинство в Великом Национальном Собрании (Меджлисе) Турции, действующая власть всего год спустя потерпела в 2024 г. сокрушительное поражение на выборах в местные органы власти. А Партия справедливости и развития впервые в своей истории с многолетней лидирующей позиции самого популярного политического движения в стране ушла на вторую строчку, уступив в поддержке избирателей крупнейшей оппозиционной Народно-республиканской партии (35,5% и 37,8% голосов избирателей соответственно).

* * *

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Турецкая Республика, а вместе с ней и российско-турецкие отношения, пережив серьезную эволюцию и добившись ряда успехов в первой четверти XXI в., вступили в переходный период, напрямую связанный с электоральным циклом в Турции. Очередные всеобщие президентские и парламентские выборы в Турции состоятся в 2028 г., и результат их (победа действующей власти или же переход власти к оппозиции) предсказать достаточно сложно.

При этом вне зависимости от результата выборов 2028 г. следует отметить достаточно противоречивый характер современных российско-турецких отношений, где экономика тесно связана с политикой, а наряду с несомненными достижениями (в частности, товарооборот периода СВО, подтверждающий статус турецкого «хаба» для России) копятя и политические противоречия в широкой географии пересечения российских и турецких интересов (черноморский бассейн, Южный Кавказ, Центральная Азия). Таким образом, каждый из возможных сценариев развития внутривнутриполитической ситуации в Турции — как победы власти, так и прихода к власти (прозападной) оппозиции — для российско-турецких отношений сопряжен с рядом возможностей и рисков.

При этом потенциал развития торгово-экономических отношений между Россией и Турцией сохраняется как в традиционных областях сотрудничества (прежде всего в энергетике и АПК — с точки зрения России), так и новых перспективных направлениях взаимодействия (современные технологии, включая информационно-коммуникационные технологии, и в целом тематика технологического суверенитета). И нельзя исключать его определенную балансирующую роль для российско-турецких политических противоречий. Изложенное выше заставляет задуматься об эффективном использовании остающегося до очередных выборов в Турции периода времени для укрепления положительной экономической основы российско-турецких отношений.

Литература / References

Электронные ресурсы / Online resources

Turkish Statistical Institute. Quarterly Gross Domestic Product, Quarter IV: October-December, 2025. URL: <https://veriportali.tuik.gov.tr/en/press/54162> (дата обращения: 13.03.2026).

Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Strateji ve Bütçe Başkanlığı. Aralık 2025 Enflasyon Verileri [Presidency of the Republic of Türkiye, Strategy and Budget Directorate. December 2025 Inflation Data. URL: <https://www.sbb.gov.tr/aralik-2025-enflasyon-verileri/> (in Turkish)] (дата обращения: 13.03.2026).

Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı Strateji ve Bütçe Başkanlığı. Orta Vadeli Program (2026–2028) açıklandı [The Presidency of the Republic of Türkiye's Strategy and Budget Directorate has announced the Medium-Term Program (2026–2028). URL: <https://www.sbb.gov.tr/orta-vadeli-program-2026-2028-aciklandi/> (in Turkish)] (дата обращения: 17.11.2025).

Türkiye İstatistik Kurumu [Turkish Statistical Institute. URL: <https://www.tuik.gov.tr/> (in Turkish)] (дата обращения: 17.11.2025).

НОВЫЙ ЭТАП ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА: ТУРЕЦКИЕ ИНВЕСТИЦИИ В РОССИЮ В 2021–2025 гг.

© 2026

А. З. Аюпов¹

В статье рассматривается динамика турецких инвестиций в Российскую Федерацию в период с 2021 по 2025 год. Анализируя итоги этого периода, автор представляет комплексный обзор, демонстрирующий устойчивость и адаптивность турецкого бизнеса в России в новых геополитических и экономических реалиях. Вопреки прогнозам, совокупный объем турецких инвестиций достиг значительных показателей, при этом структура вложений сместилась в сторону замещения уходящих западных игроков, развития локальных производств и повторного прихода в Россию ряда турецких компаний. В статье выделяются ключевые тренды: уход единичных компаний на фоне санкций и глобальной перестройки логистики, укрепление позиций большинства игроков, работающих на рынке с докризисного периода, и появление новых турецких брендов в строительстве, промышленности и ритейле. Особое внимание уделяется географическому и отраслевому распределению капитала, а также формированию нового пула системообразующих инвесторов, которые определяют контуры двустороннего экономического сотрудничества на ближайшую перспективу. В качестве итогов анализа турецких инвестиций в Россию в 2021–2025 гг. прослеживается смена парадигмы: от ситуативного торгового партнерства к более глубокому производственному и инвестиционному взаимодействию.

Ключевые слова: турецкие инвестиции, Россия, Турция, экономическое сотрудничество, строительная отрасль, импортозамещение, РСПП, инвестиционный климат, 2021–2025

Для цитирования: Аюпов А. З. Новый этап экономического партнерства: турецкие инвестиции в Россию в 2021–2025 гг. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 2. С. 201–204. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-201-204

A NEW STAGE OF ECONOMIC PARTNERSHIP: TURKISH INVESTMENTS IN RUSSIA IN 2021–2025

Arsen Z. Ayupov

The article examines the dynamics of Turkish investments in the Russian Federation during the period 2021–2025. Analyzing the results of this period, the author presents a comprehensive review demonstrating the resilience and adaptability of Turkish business in the new geopolitical and economic realities. Contrary to forecasts, the total volume of investments reached significant levels, while the structure of investments shifted towards replacing departing Western players, developing local production and the re-entry of a number of Turkish companies into Russia. The article highlights key trends: the departure of a few companies amidst the global restructuring of logistics, the strengthening of the positions of the majority of players who had been operating in the market

¹ Аюпов Арсен Зуфарович, председатель Российско-Турецкой рабочей группы при РСПП, президент ассоциации «Российско-Турецкий диалог», Москва; arsen.ayupov@nsplaw.com
Arsen Z. Ayupov, Partner at NSP law firm, Chairman of the Russian-Turkish Working Group under the RSPP, President of the Association ‘Russian-Turkish Dialogue’, Moscow; arsen.ayupov@nsplaw.com

since the pre-crisis period, and the emergence of new Turkish brands in construction, industry, and retail. Special attention is paid to the geographical and sectoral distribution of capital, as well as the formation of a new pool of backbone investors who are shaping the contours of bilateral economic cooperation in the near future. The analysis of Turkish investments in Russia in 2021–2025 reveals a paradigm shift from a situational trade partnership to a deepening of production and investment cooperation.

Keywords: Turkish investments, Russia, Türkiye, economic cooperation, construction industry, import substitution, RSPP, investment climate, 2021–2025

For citation: Ayupov A. Z. A New Stage of Economic Partnership: Turkish Investments in Russia in 2021–2025. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 2. Pp. 201–204. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-201-204

Представляя результаты обзора турецких инвестиций в Россию за 2021–2025 гг., следует констатировать, что, несмотря на турбулентность международных отношений, турецкие компании продолжают оставаться активными инвесторами в России. Совокупный объем капиталовложений за отчетный период оценивается примерно в 150 млрд рублей. Этот показатель, по мнению автора обзора, является ярким маркером инвестиционной привлекательности российского рынка, который продолжает привлекать новых игроков даже в условиях санкционного давления.

Говоря о кадровых и структурных изменениях, автор подчеркивает, что вопреки ожиданиям массового исхода абсолютное большинство турецких компаний, работавших в РФ до 2021 г., остались. Решение о сворачивании бизнеса носило точечный характер и было продиктовано не столько политической конъюнктурой, сколько объективными экономическими причинами.

Так, Rönesans Holding продал свой строительный бизнес в России, перенаправив инвестиции в другие регионы (Турция, Европа, СНГ)². Компания Martur прекратила производство автокресел в Ульяновске из-за проблем с импортными комплектующими, усугубленных уходом Renault³. IC Holding вышел из капитала оператора строительства трассы М-11 по факту завершения проекта, хотя в данном случае имел место и коммерческий спор с российским партнером.

В противовес ушедшим многие компании не только сохранили, но и нарастили свое присутствие. В строительном секторе продолжили активную работу Ant Yapı⁴, ENKA⁵, LM Construction. Hayat Kimya укрепила позиции в производстве санитарно-гигиенической продукции⁶, а Polimeks — в управлении отелями. Ключевым трендом стала покупка турецкими игроками активов уходящих западных корпораций. Наиболее яркие примеры — приобретение Koç Holding завода Whirlpool (производство бытовой техники) и покупка Credit Europe Bank «Икано Банка».

Особый интерес представляет когорта компаний, пришедших в Россию после 2021 г. Эта волна инвестиций демонстрирует стратегию замещения: турецкие компании занимают ниши, освободившиеся после ухода европейских брендов.

² Турецкий Rönesans Holding сообщил о продаже своего бизнеса в России. ТАСС. 03.02.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19890117> (дата обращения: 01.02.2026).

³ Сотрудники закрывшегося в Ульяновске завода Martur рассказали о массовых увольнениях на предприятии. Говорит Москва. 21.06.2022. URL: <https://govoritmoskva.ru/news/321682/> (дата обращения: 01.02.2026).

⁴ Донстрой выбрал генерального подрядчика на четвертый «Остров». Донстрой. 10.08.2022. URL: <https://donstroy.moscow/press/news/donstroy-vybral-generalnogo-podryadchika-na-chetvertyi-ostrov/> (дата обращения: 01.02.2026).

⁵ Проекты социальных инвестиций компании «ЭНКА». ENKA Sustainability. 10.03.2023. URL: <https://www.enka.com/sustainability/ru/enkas-social-investment-projects/> (дата обращения: 01.02.2026).

⁶ Метин Мете, генеральный директор ХАЯТ Россия: «В среднем весь рынок бумажно-гигиенической продукции растет на 5% в год». WhatWood. 26.01.2022. URL: <https://whatwood.ru/metin-mete-generalnyi-direktor-hayat-rossiya-v-srednem-ves-ryinok-bumazhno-gigienicheskoy-produktsii-rastet-na-5-v-god/> (дата обращения: 01.02.2026).

В строительстве появились новые игроки, такие как Ege Yarı и SMK. В промышленности компания Özfatihler построила завод по производству грузовых кранов⁷. Однако наиболее заметным стал приход турецких ритейлеров в торговые центры России. Группы FLO (развивающая бренды Reebok, Lumberjack, US.Polo и др.), Fiba Retail (Mango, Club, Network) и Eroğlu Holding (бренд Colin`s) заняли прочные позиции в сегменте одежды и обуви, заполняя вакуум, образовавшийся после ухода западных сетей.

Распределение инвестиций по регионам РФ подтверждает тезис о приоритете развитой инфраструктуры и промышленных кластеров. Безусловным лидером по объему привлеченных турецких инвестиций является Москва (38,7 млрд руб.). Далее следуют регионы с особыми экономическими зонами и развитым производством: Калужская область (24,5 млрд руб.), Липецкая область (23,9 млрд руб.), Республика Башкортостан (20 млрд руб.) и Республика Татарстан (более 10 млрд руб.).

Отраслевая структура показывает смещение фокуса с чисто строительных подрядов в сторону долгосрочных производственных инвестиций. Традиционное лидерство удерживает строительство и девелопмент (58,7 млрд руб.). Однако следом идут капиталоемкие производства: бумажно-гигиенической продукции (более 24,5 млрд руб.) и бытовой техники (более 23,9 млрд руб.). Также значительные вложения направлены в производство стеклотары (около 10 млрд руб.) и автокомпонентов (более 4 млрд руб.), что указывает на углубление локализации.

Рейтинг крупнейших инвесторов возглавляет строительная компания Ant Yarı (свыше 35 млрд руб.), за которой следуют производственные гиганты Nayat Holding (24,5 млрд руб.) и Koç Holding (20 млрд руб.). В десятку также вошли производитель стекла Şişecam Group (10 млрд руб.), строительные компании LM Construction (около 20 млрд руб.) и ENKA (5 млрд руб.), производитель автодеталей Coşkunoz Alabağa (2,2 млрд руб.), ритейлеры FLO Group (свыше 1 млрд руб.) и FIBA Group (4 млрд руб.), а также Polimeks (2 млрд руб.).

Таким образом, при подведении итогов анализа турецких инвестиций в Россию в 2021–2025 гг. следует указать на смену парадигмы: от ситуативного торгового партнерства к более глубокому производственному и инвестиционному взаимодействию. Турецкий капитал не только компенсирует отток западных компаний, но и формирует новые производственные цепочки, занимая прочные позиции в промышленности и потребительском секторе России. Представленные данные убедительно доказывают, что, несмотря на внешние вызовы, российско-турецкое экономическое сотрудничество вступило в фазу активной трансформации и количественного роста, оставляя широкое поле для дальнейшего развития и углубления кооперации.

Литература / References

Электронные ресурсы / Online resources

Турецкий Rönesans Holding сообщил о продаже своего бизнеса в России. *TACC*. 03.02.2024 [Turkish Rönesans Holding announced the sale of its business in Russia. *TASS*. 03.02.2024]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19890117> (дата обращения: 01.02.2026).

Сотрудники закрывшегося в Ульяновске завода Martur рассказали о массовых увольнениях на предприятии. *Говорит Москва*. 21.06.2022 [Employees of the closed Martur plant in Ulyanovsk spoke about mass layoffs at the enterprise. *Говорит Москва*. 21.06.2022]. URL: <https://govoritmoskva.ru/news/321682/> (дата обращения: 01.02.2026).

⁷ Под Уфой турецкий инвестор приступил к строительству цеха. *Bashinform*. 17.09.2024. URL: <https://www.bashinform.ru/news/nacproject/2024-09-17/pod-ufoy-turetskiy-investor-pristupil-k-stroitelstvu-tseha-3931950> (дата обращения: 01.02.2026).

Донстрой выбрал генерального подрядчика на четвертый «Остров». *Донстрой*. 10.08.2022 [Donstroy has selected a general contractor for the fourth «Ostrov». *Donstroy*. 10.08.2022]. URL: <https://donstroy.moscow/press/news/donstroy-vybral-generalnogo-podryadchika-na-chetvertyi-ostrov/> (дата обращения: 01.02.2026).

Проекты социальных инвестиций компании «ЭНКА». *ENKA Sustainability*. 10.03.2023 [Social investment projects of ENKA. 10.03.2023]. URL: <https://www.enka.com/sustainability/ru/enkas-social-investment-projects/> (дата обращения: 01.02.2026).

Метин Мете, генеральный директор ХАЯТ Россия: «В среднем весь рынок бумажно-гигиенической продукции растет на 5% в год». *What Wood*. 26.01.2022 [Metin Mete, General Director of HAYAT Russia: 'On average, the entire market of tissue products is growing by 5% per year'. *What Wood*. 26.01.2022]. URL: <https://whatwood.ru/metin-mete-generalnyi-direktor-hayat-rossiya-v-srednem-ves-ryinok-bumazhno-gigienicheskoy-produktsii-rastet-na-5-v-god/> (дата обращения: 01.02.2026).

Под Уфой турецкий инвестор приступил к строительству цеха. *Bashinform*. 17.09.2024 [A Turkish investor began construction of a workshop near Ufa. *Bashinform*. 17.09.2024]. URL: <https://www.bashinform.ru/news/nacproject/2024-09-17/pod-ufoy-turetskiy-investor-pristupil-k-stroitelstvu-tseha-3931950> (дата обращения: 01.02.2026).

Турецкий Rönesans Holding, строивший Лахта Центр и «Галерею», ушел из России. *Фонтанка.ру*. 04.02.2024 [Turkish Rönesans Holding, which built Lakhta Center and the Gallery, left Russia. *Fontanka.ru*. 04.02.2024]. URL: <https://www.fontanka.ru/2024/02/04/73193231/> [Turkish Rönesans Holding, which built Lakhta Center and the 'Gallery', left Russia] (дата обращения: 01.02.2026).

Turkish supplier Martur stops the production in Russia after Renault leaves. *Autostat*. 24.06.2022. URL: <https://eng.autostat.ru/news/21735/> (дата обращения: 01.02.2026).

ООО «АНТ ЯПЫ». *Rusprofiles*. URL: <https://rusprofiles.com/ant-yapy-1057746585918/> (дата обращения: 01.02.2026).

ENKA Hospital Projects [ENKA İnşaat ve Sanayi A.Ş.]. URL: <https://www.enka.com/enka-hospital-projects-2/> (дата обращения: 01.02.2026).

СОВРЕМЕННОЕ ТУРЕЦКО-БАШКИРСКОЕ ИНВЕСТИЦИОННОЕ ПАРТНЕРСТВО

© 2026

С. Л. Волкова¹

В статье рассматривается динамика инвестиционного сотрудничества между Турцией и Республикой Башкортостан с начала XXI века. Анализируются ключевые этапы партнерства, институциональные механизмы взаимодействия и основные формы участия турецких компаний в экономике Башкирии. Выделяются крупнейшие реализованные и планируемые инвестиционные проекты в различных отраслях экономики. Отмечается роль благоприятного инвестиционного климата и льготных режимов в Республике Башкортостан, взаимная заинтересованность, а также устойчивость связей, несмотря на внешнеполитическую конъюнктуру. Делается вывод о наличии прочной институциональной основы и значительного потенциала для дальнейшего развития сотрудничества, в том числе в высокотехнологичных сферах.

Ключевые слова: инвестиционное партнерство, Турция, Республика Башкортостан, динамика, формы сотрудничества, проекты

Для цитирования: Волкова С. В. Современное турецко-башкирское инвестиционное партнерство. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 2. С. 205–212. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-205-212

RECENT TURKISH-BASHKIR INVESTMENT PARTNERSHIP

Svetlana L. Volkova

The article examines the dynamics of investment cooperation between Türkiye and the Republic of Bashkortostan since the beginning of the 21st century. The key stages of partnership, institutional mechanisms of interaction and the main forms of participation of Turkish companies in the Bashkiria economy are analyzed. The largest implemented and planned investment projects in various sectors of the economy are highlighted. The role of a favorable investment climate and preferential treatment in the Republic of Bashkortostan, mutual interest, as well as the stability of ties despite the foreign policy environment are noted. It is concluded that there is a solid institutional framework and significant potential for further development of cooperation, including in high-tech areas.

Keywords: investment partnership, Türkiye, Republic of Bashkortostan, dynamics, forms of cooperation, projects

For citation: Volkova S. L. Recent Turkish-Bashkir Investment Partnership. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 2. Pp. 205–212. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-205-212

¹ Волкова Светлана Леонидовна, кандидат экономических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; svet-200932@rambler.ru

Svetlana L. Volkova, PhD (Economics), research fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; svet-200932@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-1785-8957

Инвестиционное сотрудничество между Турецкой Республикой (ТР) и Республикой Башкортостан (РБ) является динамичным и значимым направлением в экономических связях Турции и России. Несмотря на изменчивую внешнеполитическую конъюнктуру, стороны активно сотрудничали, в том числе и развивая инвестиционное партнерство. В данной статье рассматриваются ключевые этапы, институциональные механизмы и основные проекты турецко-башкортостанского инвестиционного сотрудничества.

Начало XXI века ознаменовалось активным развитием отношений. Росту инвестиционного сотрудничества, охватывающего многие направления, способствовали проводимые сторонами визиты и переговоры, заключаемые договоры и сделки, а также другие инициативы партнеров.

В 2009 г. в Уфе состоялась учредительная конференция Общества башкиро-турецкой дружбы, на которой президент Башкортостана М. Рахимов выразил уверенность, что деятельность данной организации придаст новый импульс дальнейшему развитию сотрудничества между Башкортостаном и Турцией, а также будет способствовать сохранению культуры, традиций, идентичности и совершенствованию национальной и культурной политики в современных условиях глобализации². Согласно данным за 2009 г., объем инвестиций составил около 80 млн долл. [Özbay, 2013, s. 2031–2045].

Количественным показателем роста сотрудничества сторон стало увеличение числа совместных предприятий. В 2009 г. в Башкортостане действовало более 70 совместных предприятий, созданных с участием турецкого капитала. В 2012 г. их число составило 80, а в 2015 г. — 91 предприятие. Создаваемые совместные предприятия в основном специализировались на предоставлении коммерческих, посреднических, консультационных и информационных услуг, занимались строительством и переработкой, а также предоставляли услуги в сфере общественного питания [Zakirov, 2018, s. 15].

По оценкам Форбс, в 2012 г. столица Башкортостана Уфа вошла по рейтингу в топ городов России, наиболее привлекательных с точки зрения предпринимательства и инвестиционной деятельности³.

Хотя после событий со сбитым российским самолетом в 2015 г. и последовавших санкций наметился небольшой спад в сотрудничестве, а некоторые проекты были приостановлены, диалог сторон был быстро возобновлен. Знаковым событием стала встреча в Москве в 2018 г. с участием посла Турции в России Хюсейна Дириоза и делегации Башкортостана с представителями посольства и деловых кругов Турции. Отмечалось, что главной целью переговоров являлось создание благоприятных условий для получения реальных результатов в инвестиционной деятельности. В результате деловых переговоров между представителями бизнеса Турции и Башкортостана турецкие предприниматели выразили готовность к реализации инвестиционных проектов в крупных городах Башкирии. Отмечалось, что турецкие бизнесмены к 2025 г. намерены значительно увеличить объем инвестиций⁴.

Турецкая сторона эффективно использовала для сотрудничества с Башкортостаном ранее выстроенные механизмы взаимодействия через негосударственные структуры, которые в то же время имеют тесные контакты с турецким правительством. Проходили совещания Совета

² Торгово-экономические отношения. Сайт посольства Российской Федерации в Турецкой Республике. URL: <https://turkey.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/trade-economic-cooperation/> (дата обращения: 10.01.2026).

³ Türk İş Adanı, Başkurdistan ile Türkiye Arasında Köprü. SonDakika.com. 18.05.2014. URL: <https://www.sondakika.com/yerel/haber-turk-is-adami-baskurdistan-ile-turkiye-arasinda-6043754/> (дата обращения: 12.12.2025).

⁴ Başkurdistan Cumhuriyeti Türkiye Temsilcisi, Konyalı Firmalara bir araya geldi. Sondakika.com. 04.07.2022. URL: <https://www.sondakika.com/ekonomi/haber-konya-da-baskurdistan-cumhuriyeti-nde-is-15057139/?ysclid=mgqh7ozmen602967084> (дата обращения: 27.01.2026).

по внешнеэкономическим связям (DEİK) по инвестиционному потенциалу Республики Башкортостан (очередное совещание прошло в сентябре 2020 г.)⁵. Также проводились форумы Турецко-башкортостанской торгово-промышленной палаты при Союзе промышленных палат и бирж Турции (ТОВВ) (например, в октябре 2020 г.), цель которых заключалась в том, чтобы предпринимать все необходимые меры для роста сотрудничества между сторонами, в том числе и инвестиционного⁶. Торговые палаты городов Турции активно сотрудничали с представителями Республики Башкортостан. Так, в июле 2022 г. состоялось информационное совещание с Торговой палатой г. Коньи на тему «Возможности для бизнеса в Республике Башкортостан»⁷. Российско-турецкий союз предпринимателей (RTİB) также уделял внимание сотрудничеству с данным субъектом РФ. В октябре 2022 г. турецкие деловые круги были ознакомлены с торговым, экономическим и инвестиционным потенциалом Республики Башкортостан, приняв участие в программе по продвижению торгово-экономического и инвестиционного потенциала Республики Башкортостан. Ассоциация российских и турецких деловых кругов «Российско-Турецкий диалог» была создана для того, чтобы развивать международное бизнес-взаимодействие, выстраивать коммуникации и связи для продвижения инвестиционных проектов и торгово-экономических отношений. В декабре 2022 г. на полях Международной недели бизнеса между Башкортостаном и Турцией было заключено Соглашение о расширении и укреплении сотрудничества между региональной Корпорацией развития и Ассоциацией «Российско-Турецкий диалог»⁸.

Регулярные деловые миссии, форумы и презентации инвестиционного потенциала РБ в городах Турецкой Республики стали постоянной практикой.

В Турции в июне 2022 г. прошла сессия «Российско-турецкие деловые связи в условиях меняющегося мира: взгляд из сердца Евразии», которая была организована Министерством внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан и Представительством АНО Конгресс-бюро Башкортостан «Офис-группа». Во время сессии было отмечено, что Турция испытывает доверие к Башкортостану и, несмотря на санкции западных стран, намерена довести до конца начатые инвестиционные проекты в Башкортостане⁹.

В октябре 2022 г. в Стамбуле состоялась презентация министром внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Маргаритой Болычевой торгово-экономического и инвестиционного потенциала Республики Башкортостан, на которой присутствовало около 300 представителей турецких компаний, бизнес-объединений и органов государственной власти Турции. Во время беседы было подробно рассказано об инструментах поддержки бизнеса в Башкортостане. Так, было отмечено, что для предприятий, открывающих в республике свое производство, действует льготное налогообложение и инфраструктурный кешбэк, а также предоставляются

⁵ Başkörtöstan Cumhuriyeti Yatırım Potansiyeli Tanıtım Toplantısı ve İkili İş Görüşmeleri. İHKİB.org.tr. 16.09.2020. URL: <https://www.ihkib.org.tr/bilgi-bankasi/ihkib-duyurular/baskortostan-cumhuriyeti-yatirim-potansiyeli-tanitim-toplantisi-ve-ikili-is-gorusmeleri?ysclid=mgqgz3f0ed854135493> (дата обращения: 28.01.2026).

⁶ Türkiye-Başkurdistan Ticaret ve Sanayi Odası Forumu. Gaziantep Sanayi Odası. 07.01.2021. URL: <https://gso.org.tr/tr/duyurular/turkiye-baskurdistan-ticaret-ve-sanayi-odasi-forumu-hk-4092.html> (дата обращения: 10.01.2026).

⁷ Başkurdistan Cumhuriyeti Türkiye Temsilcisi, Konyalı Firmalara bir araya geldi. Sondakika.com. 04.07.2022. URL: <https://www.sondakika.com/ekonomi/haber-konya-da-baskurdistan-cumhuriyeti-nde-is-15057139/?ysclid=mgqh7ozmen602967084> (дата обращения: 27.01.2026).

⁸ Башкортостан и Турция договорились о взаимном привлечении инвестиций. Официальный сайт Корпорации развития Республики Башкортостан. 19.12.2022. URL: https://kr-rb.ru/press/news/novosti_1953.html?ysclid=mgkcozz2zrx570155090 (дата обращения: 22.01.2026).

⁹ Турция ждет открытия в Башкортостане Почетного консульства: на инвестсabanтуе «Зауралье-2022» обсудили развитие российско-турецких деловых связей. Министерство внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан. 03.06.2022. URL: <https://foreign.bashkortostan.ru/presscenter/news/459429/> (дата обращения: 15.01.2026).

на льготных условиях земельные участки для размещения современных производств. Кроме того, говорилось и о действующих преференциальных территориях. Пять городов республики — Белебей, Белорецк, Благовещенск, Кумертау и Нефтекамск — имеют особый статус территорий опережающего социально-экономического развития, который в совокупности позволяет снизить налоговую нагрузку на 30%. На территории республики функционирует особая экономическая зона промышленно-производственного типа «Алга», где действует режим свободной таможенной зоны.

Стоит подчеркнуть, что обсуждался на встрече и такой важный и активно развивающийся аспект сотрудничества, как исламское финансирование. Было отмечено, что на принципах исламского права в РБ планируется создание Специального административного района. Спрос на инструменты исламского финансирования активно увеличивается. Власти РБ подчеркнули, что именно такой преференциальный режим позволит создать условия для привлечения инвестиций и сформировать правовую и экспертную инфраструктуру, необходимую для структурирования и исполнения сделок, основанных на исламском праве.

В результате беседы состоялось подписание нескольких соглашений. Так, было подписано соглашение о намерениях по сотрудничеству между ООО «Экопродукт» и Организованной промышленной зоной «Uludağ». Также соглашение о сотрудничестве между АО «Корпорация развития Республики Башкортостан» и компанией Leosal Makina Dış Ticaret Sanayi Limited Şirketi. Данный документ предполагает формирование благоприятных условий для организации размещения производства автоматического оборудования по разделке домашней птицы на территории Башкортостана. Кроме того, Центр поддержки экспорта Республики Башкортостан и Российско-Турецкий торговый дом заключили меморандум о сотрудничестве¹⁰.

В марте 2023 г. Генеральный консул Турции в Казани Исмет Эрикан на встрече с премьер-министром Башкирии А. Назаровым дал оценку сотрудничеству Турции с Башкортостаном и отметил, что «Турецкая Республика испытывает глубокое уважение к Башкортостану и заинтересована в развитии сотрудничества»¹¹.

Инвестиционное участие турецких компаний в экономике Республики Башкортостан реализуется в нескольких ключевых формах. Так, осуществляются прямые инвестиции через вхождение в уставный капитал российских проектных компаний, что является основной формой сотрудничества. Ведется подрядная деятельность турецких строительных компаний, осуществляющих возведение различных объектов на территории республики. Происходит реинвестирование успешно работающими компаниями, которые, укрепив свои позиции на рынке, самостоятельно финансируют развитие новых проектов. Кроме того, ведется и государственно-частное партнерство (ГЧП), являющееся эффективным инструментом для реализации крупных инфраструктурных проектов.

Турецкие инвестиции в экономику Башкортостана охватывают различные отрасли. Вот некоторые из реализуемых проектов. В промышленности и строительстве: завод по производству стеклотары «Русджам-Уфа» (компания «Шишеджам»), строительство заводов по производству пластиковых труб, сантехники и радиаторов холдингом «Fatinoğlu» в индустриальном парке «Уфимский» и ОЭЗ «Алга», крупнейший инфраструктурный проект — строительство «Восточного выезда» из Уфы с инвестициями турецкой компании Limak Group в размере 43 млрд рублей (формат ГЧП), производство автоматического оборудования для разделки птицы (компания Leosal Makina); в агропромышленном комплексе: проекты по созданию ягодных садов, тепличных

¹⁰ Турецкому бизнесу представили торгово-экономический и инвестиционный потенциал Башкортостана. Сайт Министерства внешнеэкономической и конгрессной деятельности Республики Башкортостан. 05.10.2022. URL: <https://foreign.bashkortostan.ru/presscenter/news/487497/> (дата обращения: 28.01.2026).

¹¹ Товарооборот Башкирии с Турцией за год вырос на 42%. Уфа. РБК. 04.03.2023. URL: <https://ufa.rbc.ru/ufa/04/03/2023/6402fca59a794729f51ff74> (дата обращения: 22.01.2026).

комплексов и завода по производству гибридных семян; в пищевой промышленности и общественном питании: приобретение уфимского пивоваренного завода «Амстар» группой «Эфес», развитие сети заведений общественного питания Nevco Holding; новые высокотехнологичные проекты (2025 г.): строительство семенного завода (компания Tarar Un Ve GIDA SAN) с инвестициями 500 млн руб., строительство завода по производству промышленных фильтров (компания Micronic Filter) с инвестициями 300 млн руб. [Умаров, 2022, с. 179].

Стоит отдельно выделить крупный совместный проект с турецкой компанией по строительству Восточного выезда из Уфы, где турецкая компания Limak Group инвестировала в строительство тоннеля 43 млрд руб. Проект подразумевал завершение строительства 1,2 км тоннеля, возводить который начали еще в 1992 г. (затем на долгое время заморозили), комплекса съездов, виадуктов, мостового перехода через реку Уфа и автомобильной дороги до пересечения с федеральной трассой М5. Для реализации проекта в 2016 г. в Башкирии была создана концессионная компания, в которой турецкой стороне принадлежат 49% акций, т. е. это частно-государственное партнерство. Срок реализации данного концессионного соглашения составляет 25 лет, по истечении которого объект будет передан государству. 21 марта 2024 г. первые автомобили проехали по тоннелю, мосту и автотрассе Восточного выезда из Уфы на федеральную трассу М-5 «Урал». В течение срока действия договора концессионеры будут получать деньги от платы за проезд. По словам директора компании, это был крупнейший проект в сфере строительства после 2015 г. и нормализации российско-турецких отношений¹².

Число компаний, проявивших интерес к сотрудничеству с Турцией, растет. Заместитель министра внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности РБ Фидан Ишемгулов отметил во время Международной недели бизнеса в ноябре 2023 г., состоявшейся в Уфе, что башкирские компании заинтересованы в сотрудничестве с Турцией, особенно в условиях, когда на рынке появились свободные экономические ниши, которые можно засполнить. В Башкортостане создан благоприятный инвестиционный климат. Об этом свидетельствует 4-е место в национальном рейтинге инвестиционного климата и объем привлеченных инвестиций. Наличие у РБ выгодного географического положения с точки зрения логистики также является большим преимуществом. Президент Торгового дома Landmart Кенан Озьюрт отмечал, что их компания на сегодняшний день является одним из основных инвесторов в Башкортостане. А все инвестпроекты реализуются на абсолютном доверии. К тому же в Башкортостане планируется строительство транспортного логистического хаба, к участию в котором были приглашены также и турецкие партнеры¹³.

Состоявшийся в сентябре 2025 года в г. Сибай значимый форум — VII Всероссийский инвестиционный сабантуй «Зауралье-2025» был организован Агентством стратегических инициатив и Правительством Республики Башкортостан. Мероприятие собрало представителей федеральных и региональных властей, ведущих предпринимателей и инвесторов. В ходе мероприятия отмечалось, что у Турции и Башкортостана имеется положительный опыт взаимодействия по части запуска совместных производств, одним из примеров которого является предприятие по производству кран-балок, мостовых и козловых кранов.

Ключевым итогом мероприятия стало подписание двух конкретных инвестиционных соглашений. Так, объем инвестиций проекта строительства семенного завода с компанией Tarar Un ve GIDA SAN составил 500 млн руб. (включая строительно-монтажные работы). По проекту

¹² Турецкая компания «Limak» стала партнером строительства Восточного выезда из Уфы. Татаринформ. 28.07.2017. URL: <http://www.tatar-inform.ru/news/2017/07/28/565047/> (дата обращения: 02.02.2026).

¹³ Турция все больше заинтересована в Башкирии как в деловом партнере. Tuvest.ru. 24.11.2023. URL: https://tuvest.ru/articles/common_material/2023-11-24/turtsiya-vse-bolshe-zainteresovana-v-bashkirii-kak-v-delovom-partnere-3536859 (дата обращения: 27.01.2026).

строительства завода по производству фильтров с компанией Micronic Filter (объем инвестиций — 300 млн руб.) турецкая сторона предоставляет технологическое оборудование, а башкирский партнер — производственную площадку¹⁴.

Данные соглашения наглядно демонстрируют курс республики на создание сбалансированных и благоприятных условий для привлечения иностранных инвестиций и продвижения своей продукции на внешние рынки. Президент инвестиционного и финансового офиса при Администрации Президента Турецкой Республики А. Бурак Даглыоглу в своем послании отмечал, что Турция стремится укреплять стратегические партнерские отношения с инвесторами и развивать тесное сотрудничество со всеми заинтересованными сторонами в рамках своей инвестиционной стратегии на 2024–2028 гг.¹⁵

По итогам 2021 г. по объему инвестиций из Турции Башкирия заняла пятое место (объем инвестиций в 2021 г. составил 10 млрд руб.), а по итогам 2023 г. объем инвестиций составил более 7 млрд руб.¹⁶

Стоит отметить, что компании Башкортостана также начали инвестировать в экономику Турции. Одним из примеров является запуск фабрики по производству эргономичных кресел с общим объемом инвестиций более 3 млн долл. Продукция Башкирии уже доступна в магазинах и на онлайн-площадках Турции, что демонстрирует взаимовыгодный характер сотрудничества¹⁷. В итоге и турецкая сторона вкладывает средства в крупные инвестпроекты региона, в модернизацию и расширение башкирских производств, и Башкирия, в свою очередь, также старается проявлять инвестиционную активность.

Таким образом, инвестиционное сотрудничество между Турцией и Республикой Башкортостан активно развивается. Для презентации возможностей используются разнообразные форматы. Правительство Башкортостана создает особый инвестиционный климат, предлагая льготные условия. К числу наиболее перспективных направлений для углубления сотрудничества относятся энергетика и машиностроение, создание совместных производств в деревообрабатывающей промышленности (выпуск ДСП, ДВП), развитие строительного сектора, производство промышленного оборудования на территории Башкортостана, реализация совместных проектов в перерабатывающей отрасли (например, по переработке кожи).

Двустороннее инвестиционное партнерство имеет прочную институциональную основу и значительный потенциал для дальнейшей диверсификации и перехода к созданию высокотехнологичных совместных производств. Ключевым фактором успеха стала способность адаптировать разнообразные формы инвестирования — от прямых вложений до сложных концессионных схем ГЧП — под конкретные проектные задачи. Особого внимания заслуживает уникальная роль негосударственных институтов, которые выступают гибким связующим звеном, обеспечивающим непрерывность деловых контактов даже в непростые периоды в отношениях.

¹⁴ Две турецкие компании инвестируют в проекты в Башкирии 800 млн долл. РБК. 05.09.2025. URL: <https://ufa.rbc.ru/ufa/05/09/2025/68bada4d9a7947da1b6c2f0b?ysclid=mgkjc14w5e153474564> (дата обращения: 15.01.2026).

¹⁵ Başkanın Mesajı. T. C. Cumhurbaşkanlığı Yatırım ve Finans Ofisi. URL: <https://www.invest.gov.tr/tr/sayfalar/message-from-the-president.aspx> (дата обращения: 07.02.2026).

¹⁶ Турция все больше заинтересована в Башкирии как в деловом партнере. Tuvest.ru. 24.11.2023. URL: https://tuvest.ru/articles/common_material/2023-11-24/turtsiya-vse-bolshe-zainteresovana-v-bashkirii-kak-v-delovom-partnere-3536859 (дата обращения: 27.01.2026).

¹⁷ Инвестируй в меня полностью: как Башкирия и Турция делают бизнес. Mkset. 03.09.2025. URL: <https://mkset.ru/news/2025-09-03/investiruy-v-menya-polnostyu-kak-bashkiriya-i-turtsiya-delayut-biznes-5467340?ysclid=mgknpbldrx608405212> (дата обращения: 28.01.2026).

Литература / References

Умаров Х. С. Новые форматы инвестиционного сотрудничества между Россией и Турцией в современных экономических условиях. *Пространственная Экономика*. 2022. Том 18. № 3. С. 168–193 [Umarov Kh. S. New formats of investment cooperation between Russia and Turkey in modern economic conditions. *Spatial Economy*. 2022. Vol. 18. No. 3. Pp. 168–193 (in Russian)].

Özbay F. Geçmişten Günümüze Başkurdistan Cumhuriyeti. *Yeni Türkiye Stratejik Araştırma Merkezi*. 2013. Sayı: 54. S. 2031–2045 [Özbay F. The Republic of Bashkortostan from the Past to the Present. *The New Türkiye Strategic Research Center*. 2013. No. 54. Pp. 2031–2045 (in Turkish)].

Zakirov I. V. Başkortostan Cumhuriyeti'nin Türk dili konuşan ülkelerle dış ekonomik ilişkileri. Nevruz zirvesi. Uluslararası Şigabutdin Marcani Tatar Kültürü, Tarihi ve Edebiyatı Sempozyumu. 20–23 Mart 2018. Antalya: İktisadi Kalkınma ve Sosyal Araştırmalar Enstitüsü, 2018 [Zakirov I. V. Foreign economic relations of the Republic of Bashkortostan with Turkic-speaking countries. 20–23 March 2018. Antalya: Institution of Economic Development and Social Researches, 2018 (in Turkish)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Башкортостан и Турция договорились о взаимном привлечении инвестиций. *Официальный сайт Корпорации развития Республики Башкортостан*. 19.12.2022 [Bashkortostan and Türkiye have agreed to mutually attract investment. *Official website of the Republic of Bashkortostan Development Corporation*. 19.12.2022]. URL: https://kr-rb.ru/press/news/novosti_1953.html?ysclid=mgkcozz2zrx570155090 (дата обращения: 22.01.2026).

Две турецкие компании инвестируют в проекты в Башкирии 800 млн долл. *РБК*. 05.09.2025 [Two Turkish companies are investing \$800 million in projects in Bashkortostan. *RBC*. 05.09.2025]. URL: <https://ufa.rbc.ru/ufa/05/09/2025/68bada4d9a7947da1b6c2f0b?ysclid=mgkjci4w5e153474564> (дата обращения: 15.01.2026).

Инвестируй в меня полностью: как Башкирия и Турция делают бизнес. *Мксет*. 03.09.2025 [Invest in me completely: How Bashkiria and Türkiye do business. *Mkset*. 03.09.2025]. URL: <https://mkset.ru/news/2025-09-03/investiruy-v-menya-polnostyu-kak-bashkiriya-i-turtsiya-delayut-biznes-5467340?ysclid=mgknpbldrx608405212> (дата обращения: 28.01.2026).

Товарооборот Башкирии с Турцией за год вырос на 42%. *Уфа. РБК*. 04.03.2023 [Trade turnover between Bashkortostan and Turkey increased by 42% in a year. *Ufa. RBC*. 04.03.2023]. URL: <https://ufa.rbc.ru/ufa/04/03/2023/6402fca59a794729f51ff74> (дата обращения: 22.01.2026).

Торгово-экономические отношения. *Сайт посольства Российской Федерации в Турецкой Республике* [Trade and economic relations. Website of the Embassy of the Russian Federation in the Republic of Türkiye]. URL: <https://turkey.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/trade-economic-cooperation/> (дата обращения: 10.01.2026).

Турецкая компания «Limak» стала партнером строительства Восточного выезда из Уфы. *Татаринформ*. 28.07.2017 [Turkish company Limak has become a partner in the construction of the eastern exit from Ufa. *Tatarinform*. 28.07.2017]. URL: <http://www.tatar-inform.ru/news/2017/07/28/565047/> (дата обращения: 02.02.2026).

Турецкому бизнесу представили торгово-экономический и инвестиционный потенциал Башкортостана. *Сайт Министерства внешнеэкономической и конгрессной деятельности Республики Башкортостан*. 05.10.2022 [Bashkortostan's trade, economic, and investment potential was presented to Turkish businesses. *Website of the Ministry of Foreign Economic and Congress Activities of the Republic of Bashkortostan*. 05.10.2022]. URL: <https://foreign.bashkortostan.ru/presscenter/news/487497/> (дата обращения: 28.01.2026).

Турция все больше заинтересована в Башкирии как в деловом партнере. *Tuvest.ru*. 24.11.2023 [Türkiye is increasingly interested in Bashkiria as a business partner. *Tuvest.ru*. 24.11.2023]. URL: https://tuvest.ru/articles/common_material/2023-11-24/turtsiya-vse-bolshe-zainteresovana-v-bashkirii-kak-v-delovom-partnere-3536859 (дата обращения: 27.01.2026).

Турция ждет открытия в Башкортостане Почетного консульства: на инвестсабантуе «Зауралье-2022» обсудили развитие российско-турецких деловых связей. *Министерство внешнеэкономических связей и конгрессной деятельности Республики Башкортостан*. 03.06.2022 [Turkey is looking forward to opening an Honorary Consulate in Bashkortostan: the development of Russian-Turkish business ties was discussed at the “Zauralye-2022” Investment Sabantuy. *The Ministry of Foreign Economic Relations and Congress Activities of the Republic of Bashkortostan*. 03.06.2022]. URL: <https://foreign.bashkortostan.ru/presscenter/news/459429/> (дата обращения: 15.01.2026).

Başkanın Mesajı. T. C. *Cumhurbaşkanlığı Yatırım ve Finans Ofisi* [Message from the President. *Republic of Turkey Presidency Investment and Finance Office*]. URL: <https://www.invest.gov.tr/tr/sayfalar/message-from-the-president.aspx> (дата обращения: 07.02.2026).

Başkörtöstan Cumhuriyeti Yatırım Potansiyeli Tanıtım Toplantısı ve İkili İş Görüşmeleri. *İHKİB.org.tr*. 16.09.2020 [Republic of Bashkortostan Investment Potential Presentation Meeting and Bilateral Business Discussions. *İHKİB.org.tr*. 16.09.2020]. URL: <https://www.ihkib.org.tr/bilgi-bankasi/ihkib-duyurular/baskortostan-cumhuriyeti-yatirim-potansiyeli-tanitim-toplantisi-ve-ikili-is-gorusmeleri?ysclid=mgqgz3f0ed854135493> (дата обращения: 28.01.2026).

Başkürdistan Cumhuriyeti Türkiye Temsilcisi, Konyalı Firmalara bir araya geldi. *Sondakika.com*. 04.07.2022 [The representative of the Republic of Bashkortostan in Turkey met with companies from Konya. *Sondakika.com*. 04.07.2022]. URL: <https://www.sondakika.com/ekonomi/haber-konya-da-baskurdistan-cumhuriyeti-nde-is-15057139/?ysclid=mgqh7ozmen602967084> (дата обращения: 27.01.2026).

Başkürdistan Dış Ekonomik İlişkiler Devlet Komitesi’nce Ankara’da temsilcilik açıldı. *Bursadabugün*. 14.12.2019 [The State Committee for Foreign Economic Relations of Bashkortostan has opened a representative office in Ankara. *Bursadabugün*. 14.12.2019]. URL: <https://www.bursadabugun.com/haber/baskurdistan-dis-ekonomik-iliskiler-devlet-komitesi-nce-ankara-da-temsilcilik-acildi-1223044.html> (дата обращения: 07.02.2026).

Türkiye-Başkürdistan Ticaret ve Sanayi Odası Forumu. *Gaziantep Sanayi Odası*. 07.01.2021 [Turkey-Bashkortostan Chamber of Commerce and Industry Forum. *Gaziantep Chamber of Industry*. 07.01.2021]. URL: <https://gso.org.tr/tr/duyurular/turkiye-baskurdistan-ticaret-ve-sanayi-odasi-forumu-hk-4092.html> (дата обращения: 10.01.2026).

Türk İş Adamı, Başkürdistan ile Türkiye Arasında Köprü. *SonDakika.com*. 18.05.2014 [Turkish Businessman, Bridge Between Bashkortostan and Türkiye. *SonDakika.com*. 18.05.2014]. URL: <https://www.sondakika.com/yerel/haber-turk-is-adami-baskurdistan-ile-turkiye-arasinda-6043754/> (дата обращения: 12.12.2025).

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЯГКОЙ СИЛЫ В РОССИЙКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ПРОБЛЕМА ДОЛГОСРОЧНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Н. Ю. Ульченко¹

В статье рассматриваются два эпизода «использования мягкой силы» Советским Союзом в отношении Турции – участие в строительстве текстильной фабрики в Кайсери и металлургического завода в Искендеруне. Поскольку оба проекта были реализованы уже несколько десятилетий назад, автор ставит задачу обнаружить в исторической памяти турок следы тех событий, вероятно, их сохраняющуюся роль в формировании восприятия нашей страны турками сегодня. Таким образом, исследуется достаточно неожиданный вопрос о влиянии инструмента мягкой силы, некогда сыгравшего роль в выстраивании советско-турецких связей, на современные российско-турецкие отношения.

Ключевые слова: Турция, Советский Союз, Российская Федерация, мягкая сила, текстильная фабрика, Кайсери, металлургический завод, Искендерун

Для цитирования: Ульченко Н. Ю. Опыт использования мягкой силы в российско-турецких отношениях: проблема долгосрочной эффективности. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 2. С. 213–220. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-213-220

THE EXPERIENCE OF USING SOFT POWER IN RUSSIAN-TURKISH RELATIONS: ON THE QUESTION OF LONG-TERM EFFECTIVENESS

Natalia Yu. Ulchenko

The article examines two episodes of ‘soft power using’ by the Soviet Union in relations with Türkiye: The Soviet participation in the construction of the textile factory in Kayseri and the metallurgical plant in Iskenderun. Since both projects were implemented several decades ago, the author aims to uncover traces of their implementation in historical memory of Turks and potential impact of the cooperation acts on the perception of our country in Türkiye today. Thus, the article explores the special impact of the soft power tool that once played a role in building Soviet-Turkish relations on modern Russian-Turkish relations.

Keywords: Türkiye, Soviet Union, Russian Federation, soft power, textile factory, Kayseri, metallurgical plant, Iskenderun

For citation: Ulchenko N. Yu. The Experience of Using Soft Power in Russian-Turkish Relations: on the Question of Long-Term Effectiveness. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 2. Pp. 213–220. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-213-220

¹ Ульченко Наталия Юрьевна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИВ РАН, Москва; ulchenko18@mail.ru

Natalia Yu. Ulchenko, DSc (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; ulchenko18@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0078-1199

В статье речь пойдет о том времени, когда Джозеф Най еще не успел предложить миру свое понятие мягкой силы. Но это не отменяет ее существования и использования как пока еще не названного инструмента и до 1990 г., когда Най предложил свой ставший впоследствии широко известным термин для обозначения «способности влиять на другие государства с целью реализации собственных целей через сотрудничество в определенных сферах, направленное на убеждение и формирование положительного восприятия» [Nye, 2011, pp. 20–21].

Итак, ниже исследуется вопрос о роли двух эпизодов экономического сотрудничества и помощи, которую еще СССР предоставил Турецкой Республике, в формировании положительного восприятия сегодняшней России в Турции.

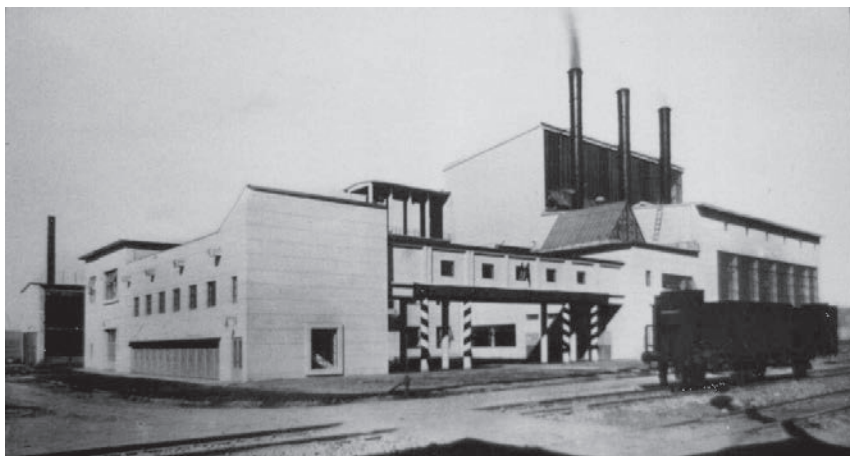
Первый эпизод касается периода 1930-х гг., когда в Турции при кредитном и техническом содействии СССР проходила реализация первого пятилетнего плана развития, в частности строительства текстильной фабрики в Кайсери. Второй эпизод связан с реализацией известного соглашения 1967 г. между правительствами СССР и Турции о поставках оборудования, материалов, оказании Турции Советским Союзом услуг по строительству некоторых промышленных предприятий и условиях их оплаты.

С учетом довольно продолжительного времени, прошедшего с момента подписания и реализации соглашений, в качестве объекта анализа предполагается выделить именно наличие или отсутствие долгосрочного влияния инструментов мягкой силы, хотя к их использованию прибегают, как правило, в расчете на сравнительно быструю отдачу. И все же возможно ли говорить о долгосрочном имиджевом влиянии подобных акций? Вопрос тем более актуальный, что инструментарий мягкой силы Россия по-прежнему продолжает использовать в отношении Турции: сегодняшний формат — это, например, строительство атомной станции Аккую, коммерческие условия реализации которого в рамках старой традиции вновь подчеркнуто выгодны для турецкой стороны. Атомная электростанция — инвестиционный проект российской стороны, окупить который предполагается в довольно долгой перспективе за счет продажи электроэнергии турецким потребителям.

Итак, текстильная фабрика в Кайсери считается одним из символов турецкой политики этатизма и пятилетних планов развития раннереспубликанского периода. В качестве премьер-министра Турецкой Республики Исмет Иненю в начале 1930-х гг. обратился за кредитной помощью для ускорения индустриализации к Англии и Советскому Союзу. В итоге Англия предоставили 13 млн фунтов стерлингов (факт, довольно редко упоминаемый в российской историографии, но, скорее всего, достоверный, исходя из того, что об этом пишет один из ведущих турецких специалистов по экономической истории страны Коркут Боратав), а СССР — 8 млн долл., на которые и была построена фабрика в Кайсери [Boratav, 1989, p. 124]. Объясняя историю возникновения предприятия, один из турецких исследователей пишет: «Проект было решено отдать русским, чья промышленность в начале XX века отличалась высоким уровнем развития. Российские архитекторы в тот период разрабатывали проекты промышленных предприятий в модернистском и конструктивистском стиле. Они придерживались современных направлений. Россия представляла собой могущественное государство с развитой промышленностью и большим набором образцов индустриального строительства. Решение воспользоваться кредитом от России и привлечь русских к реализации проекта было принято с учетом всех этих факторов» [Eldek, 2007, p. 30].

Летом 1932 г. в Турцию прибыла делегация российских специалистов, по итогам работы которых было принято решение о строительстве нескольких промышленных предприятий,

включая и фабрику в Кайсери. В мае 1934 г. прошла церемония начала строительства с участием Исмета Инёню, а в сентябре 1935 г. предприятие начало работу (См. рис. 1 и 2). На фабрике было занято 3000 рабочих, которые работали посменно по 8 часов, обеспечивая режим круглосуточного функционирования. На предприятии было установлено 1080 станков [Eldek, 2007, р. 32].



*Рис. 1–2: Фабрика в Кайсери, общий вид, 1935 г.
Источник: [Eldek, 2007, pp. 43, 76]*

Фабрика была призвана стать не только лидером промышленного развития, но и проводником современного уклада в жизнь города и страны.



*Рис. 3. Спортивный забег, приуроченный к открытию фабрики в Кайсери, 1935 г.
Источник: [Eldek, 2007, р. 57]*

Предприятие пережило несколько реконструкций и продолжало работать до конца 1960-х гг., когда рынок текстильного производства оказался полностью переподчинен турецкому частному капиталу. К 1980-м гг. участие государства в данной отрасли утратило смысл. Территория и здания фабрики были передана Казначейству для их последующей передачи Эрджиезскому университету. Университет начал было вести работы по обновлению зданий, но они прекратились в 2002 г., не будучи доведены до конца.

Нерешенность дальнейшей судьбы территории и зданий бывшей фабрики актуализировала в Турции общественные дебаты вокруг осознания исторической значимости этого объекта и его будущего. По этому поводу специалистами различного профиля были проведены изыскательские работы. Наиболее интересны не столько технические, сколько нашедшие в них отражение именно концептуально-смысловые акценты, связанные с историей предприятия. Их общий смысл заключался в следующем. Комплекс зданий фабрики, будучи построен в раннереспубликанский период, стал олицетворением процесса модернизации Турецкой Республики как с точки зрения его материально-физической стороны (нетипичное расположение предприятия за границей городских строений, их общий план, оформление фасадов зданий, архитектурные детали, дизайнерский подход), так и форм организации социальной жизни на предприятии. Оно стало центром развития нового Кайсери, своего рода иконой современного образа жизни в различных сферах для множества людей. Подчеркивается, что речь идет именно об изменении уклада жизни и общественных установок, которые были обеспечены за счет разработки и нового архитектурного языка, и связанной с ним социальной среды. Фабричный комплекс стал примером модернизационного проекта нового государства благодаря не только особенностям зданий, но и глубокому преобразованию материальной среды промышленного производства и социальной трансформации рабочих в Анатолии. Текстильная фабрика в Кайсери, которая обеспечила адаптацию Турции к этатизму и модернизации в раннереспубликанские годы, столкнулась с опасностью уничтожения. Из значимости объекта следовала необходимость сохранения комплекса зданий и его передачи последующим поколениям [Eldek, 2007, pp. 3, 5, 13].

Итак, в общественном мнении сформировалось стойкое убеждение в значимости территории и комплекса зданий, пусть не как артефакта турецко-российской дружбы, но как артефакта великих модернизационных сдвигов в истории Турецкой Республики, которые были обеспечены в том числе поддержкой СССР.

Какое же разрешение получила ситуация? На территории фабрики разместился Государственный университет им. Абдуллаха Гюля, 11-го президента Турецкой Республики, того самого, который некогда, в начале периода правления ПСР, являлся ближайшим соратником Р. Т. Эрдогана и сыграл заметную положительную роль в развитии российско-турецких отношений.

Первых студентов университет принял в 2013–2014 учебном году.

Замысел университетского комплекса как нового объекта, занявшего территорию бывшей фабрики, поражает исключительно бережным и уважительным отношением к архитектурному и функциональному прошлому здания, хранит и поддерживает историческую память за счет весьма творческого переосмысления характеристик объекта применительно к новому контексту использования и интересной манере включения исторических деталей зданий и помещений в современный дизайн и интерьеры. Кампус Sümer, занимающий около 340 акров открытой территории и 80 акров застроенной, был спроектирован турецким архитектором Эмре Аролатом и получил первую премию в категории «Образовательные здания» на Всемирном фестивале архитектуры в 2012 г.² (См. рис. 4-6).

² См. подробнее официальный сайт Университета: <https://w3.agu.edu.tr> (дата обращения: 27.02.2026).



*Рис. 4, 5. Помещения бывшей фабрики, приспособленные для нужд Университета.
На переднем плане — фрагмент фабричного промышленного оборудования
Источник: фотоархив автора*



*Рис. 6. Внешний вид здания фабрики с сохранением аутентичных элементов первоначального
оформления — спринклеров для пожаротушения
Источник: фотоархив автора*

Весьма примечателен тот факт, что в здании университета существует музей, повествующий о славной истории бывшей фабрики и ее российских создателях, в частности о нашем известном соотечественнике, участвовавшем в проектировании объекта, архитекторе Иване Николаеве³ (см. рис. 7).

³ Иван Сергеевич Николаев — советский инженер-архитектор, доктор архитектуры, профессор, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, почетный доктор Пражской технической школы и Дрезденского технического университета, лауреат премии Международного союза архитекторов им. Жака Чуми, кавалер высших наград СССР. Среди его наиболее известных работ в Москве — Дом-коммуна на улице Ordzhonikidze.

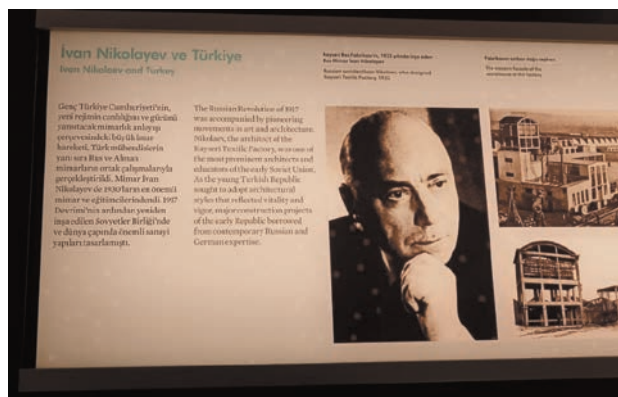


Рис. 7. Иван Сергеевич Николаев, фото со стенда музея
Источник: фотоархив автора

Впрочем, музей наряду с имеющейся основной частью экспозиции как бы разбросан фрагментами по всем зданиям университета в виде тех или иных экспонатов-напоминаний.

Следуя традициям широкой открытости к современным преобразованиям, университет относится к числу тех, где преподавание ведется на английском языке. Традициям этого места отвечает и стремление университета позиционировать себя как вуз третьего поколения, который стремится объединить образование, исследования и инновации для решения социальных проблем с помощью междисциплинарного подхода. По существу, тем же принципам социальной трансформации через обучение новым способам и формам организации производства следовала и предшественница университета — текстильная фабрика.

Второй эпизод технико-экономического сотрудничества Турции и СССР связан с одним из наиболее значимых проектов, строительство которых было предусмотрено известным Соглашением 1967 г., а именно с проектом сталелитейного завода в Искендеруне. Его первая очередь была успешно введена в строй в середине 1970-х годов.

Попытка обнаружить российский (советский) след в сегодняшней жизни крупнейшего в регионе металлургического комбината производительностью 5 млн т стали и проката в год посредством обращения к его официальному интернет-сайту результата не принесла: не удалось обнаружить ни единого упоминания о роли СССР в его возникновении и последующем развитии, хотя вехи истории предприятия освещены с известной высокопарностью как вехи успешного индустриального развития Турции в целом.

Однако в исторической памяти турок события сохранились: интерес к ним проявился, в частности, в том, что в 2026 г. в Турции завершился межуниверситетский исследовательский проект, результатом которого стало появление работы «Роль холодной войны в индустриализации Турции: Эреглийский и Искендерунский металлургические заводы» [Başaran-Lotz, Somel, Örnek, 2026].

Строительство металлургического завода в Эрегли началось в Турции чуть ранее, в начале 1960-х, при участии США. Конечно, цель исследовательского проекта — не просто напомнить о положительной роли СССР в развитии турецкой черной металлургии: авторы проводят сравнительный анализ американской и советской помощи в промышленном развитии Турции, что звучит весьма современно в контексте вновь актуализировавшейся для турецкой стороны проблемы выбора между Западом и Россией, острота которого стала особо ощутимой в свете попыток США убедить Турцию отказаться от закупок российского газа в связи с окончанием в конце 2025 г. срока действия турецко-российских долгосрочных соглашений. Срок действия соглашений

был продлен, но всего лишь на год, что свидетельствует о сохранении неопределенности и связанной с ней напряженности в понимании будущего характера российско-турецких отношений.

Таким образом, проблема геополитического выбора по-прежнему не теряет актуальности для турецкой стороны, что, по всей видимости, и объясняет обращение к теме. Оценки авторов исследовательского проекта представляются значимыми в контексте моделирования возможных геополитических предпочтений Турции.

Эти оценки строятся на подведении объективного баланса преимуществ и уязвимых точек обоих проектов для турецкой стороны. Факт отсутствия априорной предвзятости сам по себе может рассматриваться как некая форма благодарной памяти о помощи СССР.

Исследователи-участники проекта отмечают следующее:

1. Турция являет собой прекрасный образец для сопоставления условий выделения и результатов использования капиталистической и социалистической помощи в индустриальном развитии страны в ситуации конкуренции двух систем за ее использование в качестве возможно более эффективного инструмента влияния на получателя.
2. Кредитная помощь США была направлена на поддержку не только и не столько Турции, сколько на поддержку американской компании-соучредителя проекта КопперКо (KoppersCo), которая получила полный контроль над его реализацией и в дальнейшем управлением предприятием. В противоположность этому Советский Союз позволил стране-реципиенту владеть и самостоятельно управлять предприятием, находившимся в ее собственности.
3. Предоставление помощи со стороны США было нацелено на развитие в Турции института частного предпринимательства (американская сторона настаивала на обязательном участии национальной частной компании в проекте, который замышлялся как иллюстрация убедительного участия турецкого частного капитала в развитии тяжелой промышленности под эгидой правительства и капитала США. Однако данная схема не отвечала уровню развития частного предпринимательства в Турции в 1960-е годы. Напротив, советская помощь при строительстве металлургического завода в Искендеруне имела цель создать именно государственное предприятие, что отражало ее общую нацеленность на повышение роли государства в экономике и было более органично структурному состоянию турецкой промышленности того периода.
4. Условия погашения советского кредита были более благоприятны для турецкой стороны благодаря низким процентам и возможности оплаты поставками товаров.
5. Технологии, которые были предоставлены советской стороной и использовались на заводе в Искендеруне, оказались более отсталыми, чем технологии США, но овладение ими позволило Турции основать и развить свое собственное производство черных металлов, тогда как использование технологий США впоследствии столкнулось с ограничениями и привело к технологической привязке к США.
6. По мнению авторов аналитического проекта, преимущества, которые обеспечивались помощью СССР, обусловили дальнейшее продолжение развития технико-экономического сотрудничества с советской стороной.

«В конечном итоге, — резюмируют авторы проекта, — неоднозначный по своим результатам опыт взаимодействия с США по поводу Эрдемира, который подтолкнул Турцию к реализации проекта, не соответствовавшего экономическим реалиям страны, предопределил решение турецкой стороны об опоре в дальнейшем именно на советскую помощь. Турецкая модель экономического развития 1960-х годов, которая строилась на государственных планах развития,

естественным образом склонила Турцию в пользу советского Союза как образца индустриального развития, осуществлявшегося на основе государственного планирования». При этом они особо подчеркивают, что «это сближение не привело к идеологическому компромиссу между двумя странами, но продемонстрировало, что идеологические различия не являются несовместимыми с экономическим сотрудничеством, особенно когда блоковая политика стала менее ригидной по сравнению с прошлым периодом крайнего напряжения».

Финал исследования звучит примиряюще: отмечая, что в современной Турции оба предприятия, будучи приватизированы, входят в десятку крупнейших компаний, авторы пишут: «Пыль холодной войны улеглась, а два предприятия продолжают оставаться драйверами турецкой промышленности. Результатом помощи США и СССР стало то, что Турция по данным международной ассоциации занимает восьмое место среди крупнейших производителей мира (2022)» [Başaran-Lotz, Somel, Örnek, 2026, pp.16–18].

При всех нюансах авторы признают значимый вклад помощи СССР в развитие турецкой черной металлургии и процесс формирования ее сегодняшнего прочного положения как производителя мирового уровня.

Итак, богатое прошлое турецко-российский отношений предоставляет довольно редкий материал, позволяющий оценить долговременный эффект использования мягкой силы для их выстраивания. Говорить о прямом положительном воздействии в отдаленной перспективе, видимо, оснований нет. И все же позитивные фрагменты исторической памяти сохраняются. Вероятно, они вносят свой вклад в то самое пресловутое доброе бытовое отношение турок к русским, о котором часто упоминают наши соотечественники, в силу тех или иных обстоятельств оказавшиеся в современной Турции.

Литература / References

Boratav K. *Türkiye İktisat Tarihi 1908–1985*. İstanbul: Gerçek, 1989.

Nelişah L. Başaran-Lotz, Gözde Somel, Cangül Örnek. The Cold War in Turkey's industrialization: The cases of the Ereğli and Iskenderun Iron and Steel Plants. *New Perspectives on Turkey*. 2026. Vol. 1. Pp. 1–20.

Eldek H. Value Assessment for Defining the Conservation Principles for *Kayseri Sümerbank Bez Fabrikası*. A Thesis Submitted to the Graduate School of Natural and Applied Sciences of Middle East Technical University. Ankara: METU, 2007.

Nye J. S. *The future of power*. New York: Public Affairs, 2011.

Электронные ресурсы / Online resources

Официальный сайт Abdullah Gül Üniversitesi (Университет им. Абдуллаха Гюля). URL: <https://w3.agu.edu.tr> (дата обращения: 27.02.2026).

ГУМАНИТАРНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СТРАНАХ ЮЖНОГО КАВКАЗА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ЦЕЛИ

© 2026

А. Р. Чедия¹

В статье рассматриваются гуманитарные инициативы Турецкой Республики в странах Южного Кавказа в постсоветский период (1991–2025) в контексте ее внешнеполитической стратегии. Актуальность обусловлена ростом значения гуманитарного измерения в международных отношениях, усилением конкуренции внешних акторов и стратегической значимостью региона.

Цель исследования — выявить ключевые направления, институциональную структуру и страновые особенности гуманитарной политики Турции, а также оценить ее роль в формировании долгосрочного присутствия в регионе. Эмпирическую базу составляют отчеты турецких государственных и аффилированных институтов (ТІКА, Türkiye Maarif Vakfı, Türkiye Diyanet Vakfı, Türk Kızılay), данные по официальной помощи развитию за 2002–2023 гг. и академические исследования.

Методология исследования основана на сравнительном анализе гуманитарной деятельности в странах Южного Кавказа с использованием официальных документов, контент-анализа публичных материалов и сопоставления инструментов гуманитарной политики в отдельных странах региона. Показано, что гуманитарная политика Турции носит многослойный характер, сочетая официальную помощь развитию, образовательные и культурные проекты, религиозно-благотворительные практики и механизмы экстренного гуманитарного реагирования.

Выявлены различия в страновых траекториях: Азербайджан является ключевым адресатом с устойчивым и масштабным сотрудничеством; в Грузии активность сосредоточена в Аджарии; в Армении она ограничена политическими факторами и носит эпизодический характер; в Абхазии сохраняются неформальные каналы взаимодействия; в Южной Осетии активность минимальна.

Сделан вывод, что гуманитарные инициативы Турции выполняют не только социальную функцию, но и служат инструментом публичной дипломатии. Отмечается дефицит сопоставимых количественных оценок их эффективности, что определяет перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: гуманитарная политика Турции, мягкая сила, Южный Кавказ, гуманитарные институты, ТІКА

Для цитирования: Чедия А. Р. Гуманитарные инициативы Турецкой Республики в странах Южного Кавказа: основные направления и цели. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 2. С. 221–244. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-221-244

¹ Чедия Анри Робертович, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; chedia@inbox.ru
Anri R. Chedia, PhD (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; chedia@inbox.ru
ORCID: 0000-0003-0742-735X

HUMANITARIAN INITIATIVES OF THE REPUBLIC OF TÜRKİYE IN THE SOUTH CAUCASIAN COUNTRIES: MAIN DIRECTIONS AND OBJECTIVES

Anri R. Chedia

The article examines the humanitarian initiatives of the Republic of Turkey in the countries of the South Caucasus in the post-Soviet period (1991–2025) in the context of its foreign policy strategy. The study is relevant due to the growing role of humanitarian engagement in international relations, rising competition among external actors, and the strategic importance of the region.

The aim is to identify key directions, institutional frameworks, and country-specific features of Turkey's humanitarian policy, as well as to assess its role in establishing a long-term regional presence. The empirical base includes reports of Turkish state and affiliated institutions (TİKA, Türkiye Maarif Foundation, Türkiye Diyanet Foundation, Turkish Red Crescent), data on official development assistance (2002–2023), and academic literature.

The research methodology is based on a comparative analysis of humanitarian activities in the countries of the South Caucasus, using official documents, content analysis of public materials, and a comparison of humanitarian policy instruments across individual countries in the region. Turkey's humanitarian policy is shown to be multi-layered, integrating development assistance, educational and cultural programs, religious and charitable activities, and emergency response mechanisms.

Country differences are evident: Azerbaijan is the primary partner with large-scale cooperation; in Georgia, activities focus on Adjara; in Armenia, they remain limited and episodic; in Abkhazia, informal contacts persist; and in South Ossetia, engagement is minimal.

The study concludes that humanitarian initiatives function as instruments of public diplomacy, though limited quantitative data constrains comprehensive evaluation.

Keywords: Türkiye's humanitarian policy, soft power, South Caucasus, humanitarian institutions, TİKA

For citation: Chedia A. R. Humanitarian Initiatives of the Republic of Türkiye in the South Caucasian Countries: Main Directions and Perspectives. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 2. Pp. 221–244. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-221-244

Актуальность исследования социокультурных и образовательных инициатив Турецкой Республики на Южном Кавказе обусловлена возрастающей ролью гуманитарного измерения во внешней политике современных государств. В международных отношениях зарубежная помощь рассматривается как инструмент реализации стратегических задач и укрепления связей в приграничных зонах, включая пространство, соседствующее с Россией. Официальные нормативные акты Российской Федерации, в частности Указ Президента от 5 сентября 2022 г. № 611², закрепляют гуманитарную политику за рубежом как средство усиления позиций страны в глобальном гуманитарном пространстве, что актуализирует сравнительный анализ подходов других акторов в сопредельных регионах с учетом конкурентных эффектов.

Южный Кавказ в постсоветский период отличается высокой плотностью интересов региональных и внешних игроков, где гуманитарные инструменты функционируют наряду с экономическими и политическими рычагами. Турецкая гуманитарная политика в этом пространстве интегрирована в концепцию публичной дипломатии, сочетая просветительские и развивающие проекты с задачами формирования позитивного имиджа и продвижения национальных приоритетов.

² Указ Президента РФ от 05.09.2022 № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280?ysclid=mm4tcsqfr474438643> (дата обращения: 01.03.2026).

Эмпирическая база: официальные документы/сообщения и отчетность профильных турецких организаций и международных гуманитарных структур и академическая литература 2016–2026 гг. на русском, английском и турецком языках.

Методология и методы: исследование выполнено в логике сравнительного кейс-стади с применением анализа документов и контент-анализа публичных сообщений (декларации, отчеты, пресс-релизы), а также сопоставления «инструментальных портфелей» по странам (образование, культура, религия, развитие, ЧС).

Степень научной разработанности проблемы: проблематика гуманитарной политики и «мягкой силы» Турецкой Республики на постсоветском пространстве, в том числе в регионе Южного Кавказа, получила широкое освещение как в российской, так и в зарубежной академической литературе. Вместе с тем степень разработанности отдельных аспектов остается неравномерной и демонстрирует тематическую и региональную фрагментацию.

Российские исследования

В российской научной традиции устойчиво сформировался корпус работ, посвященных концептуальным основам турецкой «мягкой силы», ее инструментарию и региональной специфике. Существенный вклад в теоретическое осмысление понятия внесли исследования, анализирующие интерпретацию концепта «мягкой силы» в турецком научно-политическом дискурсе. В частности, П. А. Прилепский показывает расхождения между классической трактовкой Дж. Ная и турецкими интерпретациями, что позволяет глубже понять идейные основания современной внешней политики Турции [Прилепский, 2022]. Аналогичную проблематику, но с опорой на историко-политический анализ, развивает О. А. Шамарина, прослеживая истоки турецкой стратегии «мягкой силы» от кемалистского периода до эпохи правления Партии справедливости и развития [Шамарина, 2020].

Определенный массив российских публикаций сосредоточен на страновых кейсах Южного Кавказа, прежде всего Грузии и Азербайджана. Работы А. В. Енокяна и Д. В. Станиса [Енокян, Станис, 2022], О. А. Шамариной [Шамарина, 2020] и Л. М. Алексанян [Алексанян, 2016], А. И. Алиевой [Алиева, 2014], Р. Т. Мамедова [Мамедов, 2023], И. Х. Зиннурова и Р. Н. Шангараева [Зиннуров, Шангараев, 2024] анализируют применение Турцией инструментов «мягкой силы» в рассматриваемых государствах, включая культурную дипломатию, образовательные инициативы и экономико-гуманитарные механизмы. Авторы подчеркивают, что гуманитарное измерение позволило Анкаре закрепиться в грузинском, а также азербайджанском направлении, несмотря на конкуренцию со стороны других региональных и глобальных акторов.

Отдельное направление в российской научной литературе посвящено обобщенному анализу гуманитарного и институционального измерений внешней политики Турции. В исследованиях Ю. А. Белоус, Н. С. Кулиевой и К. А. Хасанова [2023], А. Зубковой [2014], Е. А. Сафонкиной [2014], О. А. Шамариной [2021], С. А. Шерстюкова [2022] гуманитарная политика Анкары интерпретируется как многоуровневая стратегия, выходящая за рамки традиционно понимаемой помощи и охватывающая официальную помощь развитию, образовательные и культурные инициативы, а также инструменты публичной дипломатии.

Зарубежные исследования

В зарубежной научной литературе проблематика турецкой гуманитарной политики и «мягкой силы» чаще всего рассматривается в контексте конкуренции региональных акторов и трансформации

геополитического баланса на Южном Кавказе. Важное место занимают исследования, анализирующие соперничество Турции и Ирана. Так, Р. М. Ганбарлу [Ghanbarlou, 2023] фокусируется на культурных аспектах этого соперничества, показывая различие стратегий Анкары и Тегерана и подчеркивая относительную успешность турецкой культурной политики после Второй карабахской войны.

Отдельное направление зарубежных исследований связано с религиозной «мягкой силой». В работе А. Йёдикке [Jödicke, 2017] религия рассматривается как специфический, но не универсальный ресурс влияния Турции и Ирана на Южном Кавказе; автор приходит к выводу о контекстуальной ограниченности религиозного фактора и его вспомогательной роли в региональном соперничестве.

Определенный вклад в изучение темы внесли и аналитические работы, оценивающие динамику турецкого влияния после 2010 г. Б. Балджи и Т. Лайлз [Balci, Lyles, 2013] указывают на ослабление «мягкой силы» Турции в регионе после 2013 г., связывая это с внутренними и внешнеполитическими кризисами. В то же время Ф. Шахбазов [Shahbazov, 2020] подчеркивает усиление роли Анкары на Южном Кавказе после карабахского конфликта 2020 г., рассматривая Турцию как одного из ключевых региональных акторов. Исследования деятельности ТІКА Б. Айдемира и Н. М. Чобана [Aydemir, Çoban, 2017] показывают роль агентства как ключевого инструмента формирования сфер влияния Турции в постсоветском пространстве.

Таким образом, степень научной разработанности проблемы характеризуется наличием определенного массива исследований, посвященных теоретическому осмыслению концепта «мягкой силы» и анализу турецкой политики в отношении Азербайджана и Грузии. Вместе с тем в существующей литературе преобладает рассмотрение отдельных инструментов гуманитарного воздействия — культурной дипломатии, образовательных инициатив и религиозного фактора, — тогда как комплексное сопоставление гуманитарной политики Турции по всем странам Южного Кавказа представлено фрагментарно. Указанные обстоятельства обуславливают актуальность дальнейших исследований, ориентированных на системный и целостный анализ гуманитарного измерения внешней политики Турецкой Республики в регионе Южного Кавказа.

Институциональная архитектура гуманитарной политики Турции

Гуманитарная политика Турции в 1992–2026 гг. в типовом виде опирается на набор взаимодополняющих институтов:

- Турецкое агентство сотрудничества и координации (ТІКА), созданное в 1992 г. для укрепления связей с тюркоязычными странами постсоветского пространства, реализует программы официальной помощи развитию, ориентированные на малые и средние проекты в сферах социальной инфраструктуры, образования, здравоохранения и сохранения культурного наследия. За три десятилетия агентство осуществило свыше 30 000 инициатив в 170 странах на пяти континентах³, включая строительство школ и больниц, внедрение агротехнологий и реставрацию памятников, что делает его ключевым инструментом турецкой «мягкой силы». По данным ОЭСР, объем турецкой помощи развитию составил 8 млрд долл. США в 2020 г. и 7,4 млрд в 2024 г.⁴ ТІКА координирует работу 63 офисов в 61 стране с приоритетом на Центральную Азию, Африку и Ближний Восток (Сомали, Афганистан, Тунис)⁵.

³ History of TİKA. n. d. URL: <https://tika.gov.tr/en/institutional/history/> (accessed: 01.03.2026).

⁴ Development Co-operation Profiles: Türkiye. n. d. URL: https://www.oecd.org/en/publications/development-co-operation-profiles_04b376d7-en/turkiye_09a14591-en.html (accessed: 01.03.2026).

⁵ History of TİKA. n. d. URL: <https://tika.gov.tr/en/institutional/history/> (accessed: 01.03.2026).

- Турецкий фонд «Маариф» (Türkiye Maarif Vakfı) является государственным инструментом продвижения турецкой системы образования за рубежом и формирования элитных и полуэлитных образовательных сетей. Фонд курирует школы и учебные центры различных уровней, а также программы подготовки преподавателей. По состоянию на 2024 г. сеть «Маариф» охватывала 55 стран, включала 452 образовательных учреждения с контингентом около 55 тыс. учащихся [ТМФ, 2024, с. 7].
- Институт Юнуса Эмре (Yunus Emre Enstitüsü), созданный в 2007 г., выполняет функции ключевого культурно-языкового инструмента гуманитарной политики Турции за рубежом. Деятельность института сосредоточена на преподавании турецкого языка, организации культурных мероприятий, поддержке тюркологических исследований и развитии академических и научных связей. Через сеть зарубежных центров Институт Юнуса Эмре реализует курсы турецкого языка, выставочные и концертные программы, лекции и конференции, формируя устойчивое культурно-символическое присутствие Турции и способствуя распространению турецкого языка как элемента публичной дипломатии и «мягкой силы».
- Управление по делам религии Турции (Diyanet İşleri Başkanlığı) и связанный с ним Фонд дианета Турции (Türkiye Diyanet Vakfı, TDV) образуют религиозно-гуманитарный контур внешней политики Анкары. Их деятельность охватывает строительство и поддержку мечетей и религиозной инфраструктуры, организацию курсов по изучению Корана и религиозного образования, направление религиозных служителей за рубеж, а также реализацию благотворительных и социальных программ. Через данные институты Турция сочетает религиозную дипломатию с гуманитарной помощью, формируя каналы социального и ценностного взаимодействия, прежде всего в мусульманских и диаспорных сообществах.
- Турецкий Красный Полумесяц (Türk Kızılay) выступает основным актором экстренного гуманитарного реагирования Турции в условиях вооруженных конфликтов, стихийных бедствий и гуманитарных кризисов. Организация осуществляет трансграничные поставки продовольствия, медикаментов и предметов первой необходимости, поддержку беженцев и внутренне перемещенных лиц, а также участвует в развитии инфраструктуры управления гуманитарными рисками в соседних и кризисных регионах. Деятельность Türk Kızılay дополняет государственные механизмы помощи развитию, обеспечивая оперативность и видимость гуманитарного присутствия Турции.
- Дипломатические представительства Турецкой Республики (посольства и консульства) выполняют координирующую и связующую функцию в реализации гуманитарной политики за рубежом. Через дипломатические каналы обеспечивается взаимодействие государственных институтов, гуманитарных фондов и неправительственных организаций Турции с органами власти принимающих государств, а также институциональное сопровождение гуманитарных проектов и экстренной помощи. Посольства выступают узловыми элементами гуманитарной экосистемы, обеспечивая политическое и организационное встраивание гуманитарных инициатив в общую внешнеполитическую стратегию Анкары.
- Государственные стипендиальные программы Турции (Türkiye Scholarships), реализуемые при участии Управления по делам турок за рубежом и родственных общин (YTB), представляют собой инструмент долгосрочного гуманитарного и образовательного влияния. Программы ориентированы на обучение граждан зарубежных стран, включая

государства Южного Кавказа, в турецких университетах и направлены на формирование транснациональных образовательных и профессиональных сетей. В долгосрочной перспективе данные механизмы способствуют подготовке кадров, социальному и культурному сближению, а также воспроизводству устойчивых связей между Турцией и выпускниками турецкой системы высшего образования.

Таким образом, гуманитарная политика Турции в 1991–2025 гг. характеризуется институциональной многослойностью и функциональным распределением ролей между специализированными государственными и квазигосударственными структурами. Реализуемые через ТІКА, Фонд «Маариф», Институт Юнуса Эмре, структуры Diyanet, Турецкий Красный Полумесяц, дипломатические представительства и стипендиальные программы механизмы охватывают широкий спектр задач — от помощи развитию и экстренного гуманитарного реагирования до культурно-образовательного взаимодействия и долгосрочного формирования человеческого капитала. Данная институциональная архитектура создает основу для адаптации гуманитарной политики Турции к конкретным региональным и страновым условиям. В этой связи дальнейший анализ будет сосредоточен на особенностях реализации указанных инструментов в странах Южного Кавказа, где их применение определяется сочетанием постсоветской трансформации, конфликтной динамики и конкурентного внешнеполитического окружения.

Страновые траектории

• *Азербайджан*

В период 1991–2025 гг. Азербайджан занимал центральное место в гуманитарной политике Турции на Южном Кавказе. Турецкое гуманитарное присутствие в республике отличалось устойчивостью, институциональной оформленностью и широким охватом, что выгодно выделяло азербайджанское направление на фоне других стран региона. Реализация гуманитарных инициатив осуществлялась через разветвлённую сеть государственных и полугосударственных структур. Гуманитарная стратегия Анкары в Азербайджане основывалась на комплексном подходе, сочетавшем прямую материальную помощь и инвестиции в социальную инфраструктуру с инструментами «мягкой силы», направленными на развитие человеческого капитала, образовательных обменов и культурно-языкового взаимодействия. Такой подход позволял интегрировать гуманитарную деятельность в более широкий контекст двустороннего сотрудничества и формировать устойчивые институциональные связи.

Гуманитарная деятельность Турецкой Республики с начала 1990-х гг. выстраивается как совокупность взаимосвязанных институтов в сфере помощи развитию, образования, религиозно-благотворительной деятельности и культурной дипломатии. Такая система позволяет одновременно решать практические социальные задачи — строительство и модернизацию инфраструктуры, подготовку кадров, оказание адресной помощи — и формировать устойчивые связи на общественном и элитном уровнях. В научной литературе данный подход, как правило, рассматривается как использование гуманитарных инструментов в рамках публичной дипломатии и политики «мягкой силы».

Ключевым институтом «помощи развитию» в Азербайджане выступает Турецкое агентство сотрудничества и координации (ТІКА), закрепившееся в стране сразу после обретения независимости (координационный офис в Баку создан в 1994 г.). В официальной риторике ТІКА задачами обозначаются поддержка формирования социальных институтов «молодого государства», устранение инфраструктурных дефицитов и укрепление культурно-политических прав и идентичности. На практике это проявилось в долгосрочной реализации взаимосвязанных проектов, в рамках

которых гуманитарные и социальные меры дополнялись программами профессиональной подготовки и развития человеческого капитала. По данным самого агентства, в Азербайджане реализовано свыше 1200 проектов и мероприятий; отдельно подчеркивается масштаб обучающих программ (подготовка медицинских работников, специалистов по туризму, ИТ, представителей правоохранительных органов, судейско-прокурорского корпуса, медиа и НКО — суммарно порядка шести тысяч человек)⁶. Деятельность ТІКА в Азербайджане охватывает не только «классические» направления социальной и гуманитарной помощи — образование и здравоохранение, но и проекты, ориентированные на институциональное укрепление государственного управления и отдельных сегментов сектора безопасности, включая программы профессиональной подготовки и повышения квалификации в сфере правоохранительной деятельности. Наряду с этим ТІКА реализует инициативы в области образования (подготовка кадров и стипендиальные программы), здравоохранения (оснащение медицинских учреждений и обучение медицинского персонала), сельского хозяйства (проекты в сфере пчеловодства и животноводства), культуры (реставрация объектов историко-культурного наследия, поддержка национальных культурных мероприятий) и социальной поддержки (программы адресной помощи малоимущим слоям населения, внутренне перемещенным лицам, беженцам и месхетинским туркам). В официальных материалах агентства подчеркивается, что реализуемые проекты соотносятся с ключевыми стратегическими приоритетами турецкой внешней помощи в Азербайджане, включая реконструкцию территорий Карабаха, развитие ненефтяных секторов экономики, снижение социального неравенства, сохранение «общих цивилизационных ценностей» и развитие многостороннего сотрудничества. В целом это позволяет рассматривать деятельность ТІКА не только как традиционную гуманитарную помощь, но и как форму институциональной поддержки, ориентированной на долгосрочное укрепление социально-экономического развития и управленческих возможностей принимающей стороны [ТІКА, 2014, s. 20–29; 2015, s. 36–37, 72, 76, 100, 104, 122, 124–125; 2016, s. 31, 48–49; 51–52, 2017, 104; 2019, s. 79, 102, 112, 122; 2020, s. 106, 142; 2021, s. 130, 143, 151, 155; 2022, s. 118, 122, 136; 2023, s. 143–144; 2024, s. 95, 120].

Гуманитарно-образовательный контур внешней политики Турции в Азербайджане в 2020-е гг. был расширен за счет деятельности Фонда «Маариф» (Türkiye Maarif Vakfı), функционирующего как государственный инструмент продвижения турецкой образовательной модели за рубежом. Первые школы фонда начали работу в Баку в 2022 г.⁷; к середине 2020-х гг. в столице действует несколько кампусов, ориентированных преимущественно на сегмент среднего и старшего школьного образования. Основное содержание деятельности «Маариф» сосредоточено на реализации образовательных программ по турецкой модели, организации международных олимпиад и культурно-образовательных мероприятий, а также на развитии академических обменов и стипендиальных траекторий между двумя странами. В 2022–2026 гг. образовательные учреждения Фонда «Маариф» обеспечивали обучение в Баку нескольких тысяч учащихся при отсутствии официальной страновой статистики. Школы фонда реализуют программы среднего и старшего образования, включая подготовку к международным экзаменам; по оценочным данным, набор на 2025/26 учебный год превысил 500 человек. В числе значимых практик — участие азербайджанских учащихся в конкурсах по турецкому языку и проведение совместных турецко-азербайджанских научных мероприятий. Ключевыми институциональными кейсами выступают Azerbaijan International

⁶ Azerbaijan — Baku Program Coordination Office — TİKA. n. d. URL: <https://tika.gov.tr/en/office/azerbaijan-baku-program-coordination-office/> (accessed: 01.03.2026).

⁷ International Maarif School start to operate in Azerbaijan-PHOTO. 03.10.2022. URL: <https://apa.az/en/social/international-maarif-school-start-to-operate-in-azerbaijan-photo-386158> (accessed: 01.03.2026).

Maarif Schools, а также Baku Turkish Anatolian High School, функционирующая под эгидой Министерства национального образования Турции⁸.

Важным контекстуальным аспектом активизации деятельности фонда стала ее функциональная связь с политикой Турции по вытеснению образовательных структур, ассоциируемых с движением *Hizmet*. В этом смысле «Маариф» выступает не только как инструмент гуманитарной и образовательной дипломатии, но и как механизм институциональной реорганизации образовательного пространства в интересах Анкары. В азербайджанском случае данный процесс реализовывался при поддержке государственных органов принимающей стороны и не сопровождался выраженными публичными конфликтами, что отличает его от ряда других национальных кейсов⁹.

Деятельность фонда дополняет проекты ТІКА, смещая акцент с инфраструктурных и краткосрочных гуманитарных инициатив к долгосрочному формированию образовательных траекторий и сетей выпускников. Эти сети в дальнейшем функционируют как каналы устойчивого гуманитарного и культурного сближения, способствуя укреплению символического и институционального присутствия Турции в Азербайджане при сохраняющемся дефиците независимых количественных оценок эффективности и прозрачных данных о финансировании по стране.

Деятельность Türkiye Diyanet Vakfı (TDV) в Азербайджане осуществляется с начала 1990-х гг. и развивается в тесной связке с Управлением по делам религии Турции. В 1990–2000-е гг. приоритетными направлениями выступали строительство и восстановление мечетей, организация курсов по изучению Корана и религиозного образования¹⁰, тогда как с 2010-х гг. наблюдается смещение акцента в сторону социально-благотворительных программ. В текущий период деятельность TDV характеризуется регулярной адресной помощью малоимущим слоям населения в рамках религиозных праздников (Рамадан, Курбан-байрам), а также образовательными инициативами¹¹.

Ключевыми направлениями работы фонда являются религиозно-благотворительная деятельность и поддержка религиозной инфраструктуры. В качестве показательного примера можно привести ежегодные кампании курбан-помощи: в июле 2022 г. в Баку, Аране и Шеки было распределено 1 190 жертвенных долей среди нуждающихся семей, родственников погибших и ветеранов. Дополняющим инструментом выступают просветительские проекты, включая программу «Мой подарок — книга», в рамках которой в школы и детские учреждения передается религиозная литература. TDV также участвует в поддержке образовательных учреждений и студенческих обществ, а часть азербайджанских студентов получает стипендиальную поддержку через совместные механизмы TDV и YTB.

Формально деятельность фонда направлена на оказание помощи нуждающимся мусульманам и укрепление религиозных ценностей; в азербайджанском контексте она сопровождается риторикой «братской солидарности» и символически встраивается в концепцию единства турецкого и азербайджанского народов. При этом финансирование проектов осуществляется преимущественно за счет пожертвований, а детализированные данные о страновых объемах помощи в открытых источниках отсутствуют. Несмотря на ограниченность независимых оценок эффективности, гуманитарные

⁸ Türkiye says education ties with Azerbaijan deepen fraternal bond. Daily Sabah. 26.02.2026. URL: <https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/turkiye-says-education-ties-with-azerbaijan-deepen-fraternal-bond> (accessed: 01.03.2026).

⁹ Атамбаев о заявлении главы МИД Турции: не надо пугать нас, пуганные мы. Sputnik Таджикистан. 01.08.2016. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20160801/1020395309.html?ysclid=lf0qe0pez575807000> (дата обращения: 01.03.2026); Aliiev N. Kirgizistan'da FETÖ Tehlikesi Devam Ediyor. Anadolu Ajansı. 12.07.2019. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/kirgizistanda-feto-tehlikesi-devam-ediyor/1529974> (accessed: 01.03.2026).

¹⁰ TDV extends educational and cultural aid to 45 thousand students — Türkiye Diyanet Foundation. 29.08.2025 URL: <https://tdv.org/en-EN/tdv-extends-educational-and-cultural-aid-to-45-thousand-students/> (accessed: 01.03.2026).

¹¹ Qurbani aid from Türkiye to Azerbaijan — Türkiye Diyanet Foundation. 10.07.2022. URL: <https://tdv.org/en-EN/qurbani-aid-from-turkiye-to-azerbaijan/> (accessed: 01.03.2026).

инициативы TDV в целом воспринимаются позитивно и способствуют укреплению социально-культурного измерения турецко-азербайджанских отношений при сохранении институциональных ограничений, связанных с жестким регулированием религиозной сферы в Азербайджане.

Институт имени Юнуса Эмре (Yunus Emre Enstitüsü, YEE) функционирует в Азербайджане через филиал в Баку с 2012 г.¹² Деятельность института сосредоточена на преподавании турецкого языка, поддержке тюркологических исследований и продвижении турецкой культуры посредством образовательных курсов, выставок, лекций и концертных программ. Важным направлением работы является участие в реализации факультативного преподавания турецкого языка в школах, а также организация международных культурных и академических мероприятий¹³.

Значимым примером институционального присутствия YEE в Азербайджане стало проведение в Баку Тюркологического конгресса в октябре 2025 г. и подготовка Второго Бакинского тюркологического конгресса, проведенного в феврале 2026 г. совместно с азербайджанскими вузами, что отражает стратегию института по формированию устойчивых академических сетей и укреплению гуманитарного сотрудничества¹⁴. Деятельность Института Юнуса Эмре в Азербайджане дополняет образовательные и гуманитарные инициативы ТІКА и Фонда «Маариф», формируя долгосрочный культурно-символический компонент турецкого присутствия. Отсутствие острой критики и относительно нейтральный характер культурно-образовательных практик позволяют YEE выступать устойчивым и малоконфликтным элементом гуманитарной политики Турции, способствующим постепенной интеграции культурного пространства и воспроизводству гуманитарных связей между двумя странами.

Деятельность посольства Турции и связанных с ним государственных институтов в Азербайджане играет координирующую роль в реализации гуманитарной политики Анкары. Дипломатические отношения между двумя странами были установлены в 1991–1992 гг., после чего посольство стало центральным узлом взаимодействия между турецкими государственными структурами, гуманитарными фондами и органами власти принимающей стороны. В 2020-е гг. значимость данного канала существенно возросла на фоне пандемии COVID-19 и эскалации карабахского конфликта, что привело к интенсификации экстренных гуманитарных и дипломатических инициатив¹⁵.

Через посольство и Министерство иностранных дел Турецкой Республики координировались поставки гуманитарной помощи, включая медицинское оборудование и средства индивидуальной защиты. Так, в 2020 г. Турция направила в Азербайджан партию помощи, включавшую аппараты ИВЛ, медицинские маски и перчатки, доставленные при участии турецких военнотранспортных сил. Эти действия сопровождалась публичной дипломатической риторикой, акцентирующей «братскую солидарность», и были встроены в более широкий контекст политической и гуманитарной поддержки Баку в период кризисов¹⁶. Параллельно посольство обеспечивало сопровождение межправительственных комиссий, культурных мероприятий и образовательных обменов, включая программы академической мобильности и государственные стипендии¹⁷.

Отдельным элементом гуманитарной экосистемы выступает Турецкое общество Красного Полумесяца (Türk Kızılay), сыгравшее заметную роль в 2020–2021 гг. Во время и после карабахского

¹² Baki devlet universitesi. Ana sayfa. n. d. URL: http://bsu.edu.az/az/content/yunus_mr_nsttutu (accessed: 01.03.2026).

¹³ Yunus Emre Institute prepares AI-based platform to teach Turkish. Daily Sabah. 21.12.2025. URL: <https://www.dailysabah.com/turkiye/education/yunus-emre-institute-prepares-ai-based-platform-to-teach-turkish> (accessed: 01.03.2026).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Turkey sends Azerbaijan medical aid to fight COVID-19. Anadolu Agency. 05.07.2020. URL: <https://www.aa.com.tr/en/health/turkey-sends-azerbaijan-medical-aid-to-fight-covid-19/1900457> (accessed: 01.03.2026).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Türkiye, Azerbaijan sign agreement on cooperation in field of culture. Azernews. 13.11.2023. URL: <https://www.azernews.az/culture/217366.html> (accessed: 01.03.2026).

конфликта организация направила несколько гуманитарных конвоев (включая не менее 19 грузовиков) в районы размещения внутренне перемещенных лиц, обеспечив тысячи семей палатками, продовольствием, одеждой и предметами первой необходимости¹⁸. Оперативность и масштаб помощи позволили рассматривать Kızılay как эффективный канал экстренной гуманитарной поддержки, дополняющий государственные механизмы, хотя детализированная публичная отчетность о бенефициарах остается ограниченной.

Важным долгосрочным направлением гуманитарного взаимодействия остаются образовательные и стипендиальные программы, прежде всего в рамках Türkiye Scholarships и деятельности Управления по делам турок за рубежом и родственных сообществ (YTB). По официальным данным, с начала 1990-х гг. несколько тысяч граждан Азербайджана получили турецкие государственные стипендии, а в середине 2020-х гг. сотни азербайджанских студентов ежегодно обучались в турецких вузах за счет бюджета Турции¹⁹. Эти программы, хотя формально не относятся к экстренной гуманитарной помощи, формируют значительный культурно-образовательный эффект и способствуют воспроизводству протурецки ориентированных профессиональных и управленческих элит.

В целом анализ азербайджанского направления гуманитарной политики Турции свидетельствует о его системном и институционально устойчивом характере. Азербайджан выступает ключевым адресатом турецких гуманитарных, образовательных и культурных инициатив на Южном Кавказе, что проявляется в масштабе задействованных институтов и долгосрочной ориентации программ. Сформированная Анкарой многоуровневая гуманитарная сеть обеспечивает не только решение социальных задач, но и воспроизводство устойчивых каналов общественного и элитного взаимодействия. Вместе с тем эффективность отдельных направлений гуманитарной активности остается затрудненной для количественной оценки, что сохраняет потенциал для дальнейших исследований.

• *Грузия*

Начиная с 1993 года ТІКА является главным оператором турецкой развивающей помощи в Грузии, концентрируясь на образовании, социальной и медицинской инфраструктуре, а также на проектах в сельском хозяйстве; в середине 2010-х годов более трети ее расходов в стране приходилось на образовательный сектор. Ключевым регионом концентрации проектов ТІКА стала Автономная Республика Аджария, где агентство вложило прежде всего в модернизацию социальной и медицинской инфраструктуры (капитальный ремонт Батумской инфекционной больницы и реабилитационного центра для людей с инвалидностью) и поддержку образования (оснащение «учительского дома» в Батуми, ремонт общежития в Хуло, создание женской мастерской традиционной кухни). Инфраструктурный блок дополняют проекты обеспечения питьевой водой (колодец и резервуар в Ломанаври) и укрепления первичного звена здравоохранения на границе с Абхазией (центр первой помощи в селе Рене). За пределами Аджарии ТІКА реализовывала ремонт и оснащение школ, детских садов и центров занятости (включая мастерскую для переселенцев в Вазигани), а также тепличные и аграрные программы для семей турок-Ахыска и других уязвимых групп, выступая системным донором «низовой» социальной устойчивости [ТІКА, 2014, s. 30–35; 2015, s. 27, 45, 57, 64, 95; 2016, s. 31; 2017, s. 79; 2018, s. 84, 105; 2019, s. 118; 2020, s. 120, 128; 2021, s. 158; 2022, s. 171; 2023, s. 142, 155; 2024, s. 99].

¹⁸ Türk Kızılay | Türk Kızılay Arrives in Karabakh after Azerbaijan Army. 21.12.2020 URL: <https://www.kizilay.org.tr/Haber/HaberArsiviDetay/5683> (accessed: 01.03.2026).

¹⁹ Студентам БГУ рассказали о стипендиальных программах в Турции — АЗЕРТАДЖ. 18.02.2025. URL: https://azertag.az/ru/xeber/studentam_bgu_rasskazali_o_stipendialnyh_programmah_v_turcii-3424027 (дата обращения: 01.03.2026).

Фонд «Маариф» в Грузии развивает сеть «международных школ Маариф», центральным элементом которой является учебное заведение в Тбилиси. По данным самого фонда, кампус оснащен современными лабораториями по физике, химии и биологии, библиотекой, художественными и музыкальными кабинетами, компьютерными и робототехническими классами, а обучение ведется по билингвальным программам с ориентацией на международные стандарты²⁰.

Хотя основной кампус расположен в Тбилиси, его аудитория затрагивает и аджарский регион за счет привлечения учащихся из Батуми и Хуло, а также благодаря общему повышению статуса турецкого образования в глазах грузинских семей. Успехи учеников грузинской школы Маариф (например, победы на национальных соревнованиях по ментальной арифметике) и участие в совместных турецко-азербайджанских робототехнических чемпионатах встраивают Грузию в более широкий образовательный «пояс» Маариф, где Аджария выступает одним из источников рекрутирования талантливой молодежи [Beşinci yılında Türkiye Maarif Vakfı, 2022]. Таким образом, Maarif формирует альтернативный канал образовательной мобильности, который дополняет проекты ТІКА в Аджарии: если ТІКА модернизирует инфраструктуру и повышает доступ к базовым услугам, то Maarif создает «вертикальный лифт» для части школьников, в том числе происходящих из аджарских и приграничных общин.

Türkiye Diyanet Vakfı активно работает в мусульманских регионах Грузии, прежде всего в Аджарии. Центральным инструментом здесь выступает программа «городов-побратимов» (kardeş şehir), реализуемая совместно с Управлением по делам религии Турции (Diyanet İşleri Başkanlığı): турецкие муфтияты и фонды устанавливают патронат над отдельными городами и поселками [Türkiye Diyanet Vakfı, 2017, s. 30; 2018, s. 57; 2019, s. 34–35; 2021, s. 58].

В Аджарии ключевыми связками стали Кобулет — Артвин и Хуло — Орду. В 2015–2021 гг. TDV через филиалы в Артвине и Орду регулярно финансировал проекты, связанные с содержанием мечетей и курсов Корана, оплатой питания и зарплат персонала, а также строительством и ремонтом религиозных объектов в регионе. Например, для мечети Цихисдзири (Кобулет) и связанных с ней курсов Корана покрывались расходы на питание и персонал за 2020–2021 гг.; для Хуло через филиал в Орду переводились значительные суммы (свыше 190 тыс. турецких лир) на нужды мечети и помещений курсов Корана. Помимо Аджарии, TDV поддерживает студенческие общежития в Тбилиси и Батуми под управлением Главного муфтията Грузии, а также реализует целевые акции вроде раздачи одежды сиротам и малоимущим семьям. При этом именно аджарский сегмент наиболее нагледен: здесь религиозно-благотворительная деятельность фундамента максимально интегрирована в местное мусульманское сообщество и опирается на устойчивые побратимские связи с приграничными турецкими провинциями [Türkiye Diyanet Vakfı, 2017, 28, 54; 2021, s. 20; 2022, s. 24; 2023, s. 32; 2024, s. 36].

Институт Юнуса Эмре (Yunus Emre Enstitüsü) и Управление по делам зарубежных турок и родственных общин (YTB) обеспечивают культурно-языковое и стипендиальное измерение турецкой политики в Грузии. Институт Юнуса Эмре, имеющий центр в Тбилиси, предлагает курсы турецкого языка, культурные мероприятия, выставки и научные события, повышая престиж турецкого языка в том числе среди молодежи из Аджарии, где туризм и приграничная торговля создают практический спрос на знание турецкого²¹.

YTB через программу Türkiye Scholarships предоставляет государственные стипендии для грузинских студентов, часть которых происходит из западногрузинских и аджарских общин; вместе

²⁰ Tbilisi Campus. Home Page. n. d. URL: <https://ge.maarifschool.org/page/tbilisi-campus> (accessed: 01.03.2026).

²¹ Turkish lessons popular among Georgian teens. Daily sabah. 18.02.2020. URL: <https://www.dailysabah.com/education/2020/02/18/turkish-lessons-popular-among-georgian-teens> (accessed: 01.03.2026).

с поддерживаемыми TDV студенческими общежитиями в Тбилиси и Батуми это формирует устойчивые каналы академической мобильности в Турцию [Kachkachishvi, 2017]. В сочетании с проектами ТІКА и школами Маариф это создает целостную образовательную «экосистему», в которой Аджария выступает одним из ключевых доноров студентов и слушателей.

Грузинское направление гуманитарной политики Турции характеризуется регионально дифференцированным и функционально сегментированным характером. Ключевую роль в реализации турецких инициатив играет Автономная Республика Аджария, где сосредоточены основные проекты в сфере социальной инфраструктуры, образования и религиозно-благотворительной деятельности. Сочетание программ ТІКА, Фонда «Маариф», Türkiye Diyanet Vakfı, Института Юнуса Эмре и УТВ формирует многоуровневую гуманитарную экосистему, в которой инфраструктурная поддержка дополняется образовательными и культурными каналами долгосрочного влияния. Вместе с тем пространственная концентрация инициатив и ограниченность сопоставимых количественных данных по стране в целом затрудняют оценку масштабов и устойчивости гуманитарного воздействия Турции за пределами аджарского кейса.

- *Армения*

В 1991–2025 гг. гуманитарное присутствие Турции в Армении было крайне ограниченным: отсутствуют сколько-нибудь масштабные или долгосрочные программы, а зафиксированы в основном разовые жесты доброй воли и эпизоды «дипломатии катастроф». Это связано с отсутствием дипломатических отношений и закрытой с 1993 г. сухопутной границей, увязанной Анкарой с нагорно-карабахским конфликтом.

Официальные отчеты Турции по помощи развитию (серия Türkiye Kalkınma Yardımları Raporu) фиксируют Армению как получателя турецкой ОПР (официальная помощь в целях развития), но в символических объемах. В этих статистических материалах отражены следующие значения двусторонней помощи развитию Армении (в млн долл. США): 0,99 в 2008 г., 1,26 в 2011 г., 0,26 в 2013 г., 0,25 в 2014 г., 2,0 в 2017 г., 0,01 в 2020 г., 0,009 в 2021 г., 0,007 в 2022 г. и 0,008 в 2023 г. [TKYR, 2008, s. 61; 2011, s. 105; 2013, s. 153; 2014, s. 108; 2017, s. 29; 2020, s. 33; 2021, s. 29; 2022, s. 30; 2023, s. 31]. При этом ни в новостях ТІКА, ни в региональных обзорах не описываются конкретные проекты агентства в Армении, что позволяет трактовать эти суммы как статистически учтенные, но крайне малые формы содействия без устойчивой полевой инфраструктуры.

Другие ключевые турецкие акторы — Türkiye Maarif Vakfı, Türkiye Diyanet Vakfı, Yunus Emre Enstitüsü и Türk Kızılay — в Армении фактически не представлены. Наиболее цитируемым историческим примером остается помощь Турции после Спитакского землетрясения 1988 г., о которой президент С. Саргсян благодарственно напомнил в 2008 г.²² В постсоветский период одним из ярких примеров «зеркальных» шагов стала помощь Армении Турции после землетрясений февраля 2023 г., когда Ереван направил спасателей и несколько конвоев гуманитарной помощи, а для пропуска грузов впервые за почти 30 лет был временно открыт пограничный мост Маргара–Аличан. По данным МИД Армении и международных СМИ, 11 февраля 2023 г. пять армянских грузовиков с примерно 100 тоннами гуманитарного груза пересекли мост Маргара, который до этого оставался закрытым с 1993 г., что стало символическим эпизодом «землетрясенной дипломатии» в турецко-армянских отношениях²³.

²² Dünya Gazetesi: Armenia's Sarkisian sends message of thanks to Gul. Dunya. 23.12.2008. URL: <https://www.dunya.com/gundem/armenia039s-sarkisian-sends-message-of-thanks-to-gul-haberi-63672> (accessed: 01.03.2026).

²³ Armenia-Turkey border opens for earthquake aid delivery. Eurasianet. 12.02.2023. URL: <https://eurasianet.org/armenia-turkey-border-opens-for-earthquake-aid-delivery> (accessed: 01.03.2026).

Гуманитарное присутствие Турции в Армении в 1991–2025 гг. носит эпизодический и преимущественно символический характер и не сопровождается формированием устойчивых институциональных или программных механизмов. Зафиксированные в официальной статистике объемы турецкой официальной помощи развитию остаются крайне незначительными и не подкреплены деятельностью ключевых гуманитарных институтов Турции. Взаимодействие в гуманитарной сфере преимущественно реализуется в логике «дипломатии катастроф» и обусловлено политико-дипломатическими ограничениями двусторонних отношений.

- *Абхазия*

Турецкая гуманитарная и в первую очередь религиозно-благотворительная активность вокруг Абхазии формируется в условиях формального непризнания и одновременного развития сети многоуровневых неофициальных каналов — через международные организации, диаспорные структуры и религиозные фонды. Официально Турция не признает независимость Абхазии, заявляя о поддержке территориальной целостности Грузии. Однако на этом фоне религиозно-благотворительная деятельность Турции демонстрирует более гибкие формы присутствия. В ежегодных докладах TDV в перечень зарубежных направлений деятельности наряду с грузинскими и азербайджанским отдельно фигурирует абхазское. В частности, Абхазия участвует в турецкой программе «Kardeş Şehir Projesi» (Проект городов-побратимов), в рамках которой столица Сухум установила побратимские связи с турецким городом Сакарья [TDV, 2021]. Религиозный ландшафт Абхазии характеризуется относительным меньшинством мусульман (около трети населения) и наличием двух действующих мечетей/молельных домов — в городах Сухум и Гудаута, а также Духовного управления мусульман Абхазии. Финансовая база мусульманской общины опирается на пожертвования (закят, садака), местные взносы и помощь из-за рубежа, особенно от абхазской диаспоры в Турции, из Республики Адыгея и Краснодарского края. Диаспора в Турции (Kafkasfed, Abhazfed, Abhaz ve Çerkes dernekleri и др.), где абхазы преимущественно мусульмане-сунниты, выступает ключевым источником поддержки: адыгейские муфтияты регулярно передают средства на строительство гудаутской мечети (например, в 2023–2025 гг.), а турецкие абхазы и адыги организуют кампании по сбору на гуманитарку и религиозные нужды²⁴. Это создает устойчивый канал религиозных связей между диаспорой и Абхазией, даже несмотря на то, что Турция официально ее не признает. Наряду с TDV в Абхазии действует турецкий благотворительный фонд Sadakataşı (часто транскрибируемый как «Sadakatasi»), который в 2015 г. официально заявил о начале работы в республике. По данным агентства «Абхазия-Информ», представители фонда на встрече с первым вице-премьером Абхазии обозначили приоритетом поддержку нуждающихся детей и репатриантов из Сирии, а на первом этапе оказали материальную помощь 73 детям²⁵.

Важным актором выступает и кавказская, в частности, черкесская (абхазо-адыгская) диаспора в Турции, чья гуманитарная активность направлена как на Абхазию, так и на регионы Северного Кавказа. В 2025 году Всемирный абхазо-абазинский конгресс зафиксировал поставку 1200 комплектов зимней одежды для нуждающихся семей в Абхазии и части матерей добровольцев, погибших в Отечественной Войне Народа Абхазии. Груз был собран в Турции и доставлен морским путем²⁶.

²⁴ Islam in Abkhazia: an Interview with Nar Taniya. Special Russia. n. d. URL: <https://www.specialeurasia.com/2023/12/20/islam-in-abkhazia-nar-taniya/> (accessed: 01.03.2026).

²⁵ В АБХАЗИИ НАЧАЛ ДЕЙСТВОВАТЬ ТУРЕЦКИЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД ‘SADAKATASI’. Abkhazinform. 16.02.2016. URL: <http://abkhazinform.com/item/472-v-abkhazii-nachal-dejstvovat-turetskij-blagotvoritelnyj-fond-sadakatasi> (дата обращения: 01.03.2026).

²⁶ Charitable organizations will distribute humanitarian aid from Turkey in Abkhazia. Abaza. org 17.10.2018. URL: <https://abaza.org/en/charitable-organizations-will-distribute-humanitarian-aid-from-turkey-in-abkhazia> (accessed: 01.03.2026).

Эти инициативы демонстрируют, что значительная доля абхазо-турецкого гуманитарного взаимодействия протекает по линии «диаспора — де-факто государство» при минимальном формальном участии турецкого государства.

Таким образом, гуманитарное присутствие Турции вокруг Абхазии характеризуется непрямым, многоуровневым и преимущественно неофициальным характером, реализуемым вне рамок формального межгосударственного взаимодействия. Ключевую роль здесь играют религиозно-благотворительные фонды и абхазо-адыгская диаспора в Турции, формирующие устойчивые, но слабо институционализированные каналы гуманитарного и символического взаимодействия. Такая конфигурация позволяет Анкаре сочетать политику непризнания Абхазии с сохранением ограниченного гуманитарного присутствия, не выходящего за рамки «мягких» и политически чувствительных форм вовлечения.

- **Южная Осетия**

Турция последовательно проводит политику непризнания независимости Южной Осетии, рассматривая ее частью Грузии в международно признанных границах. Гуманитарное присутствие Анкары ограничивается эпизодическими поставками через грузинскую территорию, преимущественно в кризисные периоды: в августе 2008 г. Türk Kızılay направил 160 тонн продовольствия восемью грузовиками в район Гори и Цхинвала для поддержки беженцев, в 2015 г. участвовал в помощи после наводнений в приграничье, а в 2020 г. координировал репатриацию граждан Грузии, включая беженцев из Южной Осетии, на фоне пандемии COVID-19²⁷.

Постоянные институциональные проекты отсутствуют: TİKA реализовала свыше 750 инициатив в Грузии (инфраструктура, образование), но не в Южной Осетии; Türkiye Maarif Vakfı и Yunus Emre Enstitüsü ограничиваются Тбилиси; TDV не задействован из-за минимального мусульманского населения. Хронология отражает эту динамику — от признания Грузии в 1991 г. и закрытия границы в 1993 г. к поддержке резолюций ООН по внутренне перемещенным лицам (IDP) через Женевские переговоры и МИД (посольство в Тбилиси).

Гуманитарное присутствие Турции в отношении Южной Осетии фактически отсутствует. Любые формы помощи носят редкий и эпизодический характер, полностью подчинены политике непризнания и осуществляются, как правило, через грузинскую территорию или международные каналы. Отсутствие собственных программ и специализированных гуманитарных структур позволяет говорить о фактическом исключении Южной Осетии из гуманитарной политики Анкары.

Официальная помощь в целях развития Турции по линии ТІКА странам Южного Кавказа (согласно Таблице 1*)

Анализ официальной помощи Турецкой Республики в целях развития за период 2002–2023 гг. свидетельствует о выраженной дифференциации стран Южного Кавказа по объемам получаемого содействия. Под официальной помощью развитию Турции в данном исследовании понимается совокупность финансовых и нефинансовых ресурсов, предоставляемых государственными институтами Турецкой Республики иностранным государствам в рамках политики официальной помощи развитию (Official Development Assistance, ODA), включая проекты помощи развитию,

²⁷ International Crisis Group report on COVID-19 Crisis in occupied territories. Dspace. 08.05.2020. URL: https://dspace.nplg.gov.ge/bitstream/1234/319765/1/The_Messenger_2020_N79.pdf (accessed: 01.03.2026).

* См. Приложение.

гуманитарные инициативы и институциональную поддержку, реализуемые через профильные государственные структуры и координируемые на национальном уровне.

Эмпирической базой анализа послужили данные, представленные в таблице 1, в которой аккумулированы годовые показатели официальной помощи развитию Турции по странам Южного Кавказа на основе отчетов *Türkiye Kalkınma Yardımları Raporları* за 2002–2023 гг.

Наиболее значимым получателем турецкой официальной помощи развитию в регионе выступает Азербайджан, на долю которого приходится суммарно 418,1 млн долл. США за рассматриваемый период. Годовые объемы помощи Азербайджану демонстрировали волнообразную динамику, достигая максимальных значений в середине 2000-х гг. (около 36–37 млн долл. США) и в 2014 г., после чего последовало снижение с последующим краткосрочным ростом до 24,0 млн долл. США в 2020 г.

Грузия занимает второе место среди стран Южного Кавказа по объему получаемой турецкой официальной помощи развитию. Финансирование демонстрировало поступательный рост вплоть до начала 2010-х гг., достигнув пиковых значений в 2012 г. (порядка 19,9 млн долл. США), после чего наблюдалась устойчивая тенденция к сокращению объемов помощи до нескольких миллионов долларов США к концу анализируемого периода.

Армения, в отличие от Азербайджана и Грузии, занимает ограниченное место в структуре официальной помощи развитию Турции. Объемы поддержки носят эпизодический и невысокий характер, в большинстве лет составляя незначительные суммы, а максимальное значение было зафиксировано в 2017 г. (около 2,0 млн долл. США). В совокупности данные по Армении представлены фрагментарно, что отражает отсутствие устойчивых программ официальной помощи развитию и указывает на структурные и политические ограничения турецко-армянского взаимодействия в гуманитарной сфере.

Заключение

Проведенное исследование показало, что гуманитарная политика Турецкой Республики на Южном Кавказе в постсоветский период представляет собой институционально оформленный и стратегически значимый элемент внешней политики Анкары. С начала 1990-х гг. Турция последовательно выстраивает многоуровневую систему гуманитарного присутствия, включающую официальную помощь развитию, образовательные и культурные инициативы, религиозно-благотворительные практики и механизмы экстренного гуманитарного реагирования. Данная система позволяет сочетать решение прикладных социальных задач с формированием устойчивых каналов гуманитарного, культурного и элитного взаимодействия, что соответствует логике публичной дипломатии и политики «мягкой силы».

Анализ страновых траекторий выявил выраженную асимметрию гуманитарной активности Турции в регионе. Азербайджан занимает центральное место в гуманитарной стратегии Анкары, что проявляется в масштабах официальной помощи развитию, плотности институционального присутствия и долгосрочном характере реализуемых программ. Комплексное взаимодействие таких институтов, как ТІКА, Фонд «Маариф», Türkiye Diyanet Vakfı, Институт Юнуса Эмре, Türk Kızılay и стипендиальные механизмы YTB, формирует в азербайджанском случае целостную гуманитарную экосистему, ориентированную как на социально-экономическое развитие, так и на воспроизводство устойчивых гуманитарных и управленческих связей.

Грузинское направление гуманитарной политики Турции характеризуется функциональной и пространственной дифференциацией. Основная концентрация гуманитарных инициатив приходится на Автономную Республику Абхазия, где инфраструктурные проекты ТІКА, образовательные

программы Фонда «Маариф» и религиозно-благотворительная деятельность Türkiye Diyanet Vakfı дополняют друг друга. Вместе с тем за пределами данного региона гуманитарное присутствие Турции носит более ограниченный характер, а недостаток сопоставимых количественных данных затрудняет оценку совокупного воздействия гуманитарных инициатив на уровне всей страны.

В отношении Армении гуманитарная активность Турции остается эпизодической и преимущественно символической. Несмотря на статистическую фиксацию минимальных объемов официальной помощи развитию, отсутствуют институционализированные программы и профильные гуманитарные проекты. Гуманитарное взаимодействие в данном случае реализуется главным образом в формате «дипломатии катастроф» и напрямую обусловлено политико-дипломатическими ограничениями, включая отсутствие дипломатических отношений и закрытую границу.

Особое место в региональной конфигурации гуманитарной политики Турции занимает Абхазия. В абхазском направлении, несмотря на официальную политику непризнания, сохраняется ограниченное и преимущественно неофициальное гуманитарное присутствие, реализуемое через диаспорные и религиозно-благотворительные структуры. Эти каналы обеспечивают минимальный уровень гуманитарного и символического взаимодействия с абхазским обществом, не оформляясь при этом в виде устойчивых государственных программ.

В случае Южной Осетии гуманитарная активность Турции фактически отсутствует: помощь носит эпизодический характер, связана преимущественно с поддержкой беженцев из Южной Осетии на территории Грузии в кризисные периоды и осуществляется опосредованно, без формирования постоянных институтов, проектов или неформальных сетей взаимодействия. Такая конфигурация отражает жесткую привязку гуманитарной политики Анкары к линии поддержки территориальной целостности Грузии.

Анализ официальной помощи развитию Турции за 2002–2023 гг. подтверждает выявленные различия: Азербайджан и Грузия стабильно занимают более значимые позиции среди получателей турецкой ОПР, тогда как Армения фигурирует в статистике в символических объемах, а де-факто территории региона остаются за пределами системной помощи развитию. Это позволяет говорить о тесной зависимости гуманитарной политики Турции от политико-дипломатических приоритетов и конфликтной динамики Южного Кавказа.

В целом гуманитарная политика Турецкой Республики в регионе носит селективный и контекстно обусловленный характер. Ее масштабы, инструменты и институциональная плотность напрямую зависят от уровня политического взаимодействия с принимающей стороной, степени конфликтности и роли идентичностных факторов. Полученные выводы указывают на необходимость дальнейших исследований, направленных на количественную оценку гуманитарных эффектов, анализ восприятия турецких инициатив локальными сообществами и сопоставление гуманитарных стратегий Турции с политикой других внешних акторов на Южном Кавказе.

Литература / References

Алексанян Л. М. Политика «Мягкой силы» Турции в отношении Грузии. *Вестник МГИМО*. 2016. № 2 (47). С. 72–79 [Aleksanyan L. M. Turkey's 'Soft Power' Policy toward Georgia. *MGIMO Review of International Relations*. 2016. No. 2 (47). Pp. 72–79 (in Russian)].

Алиева Алтунай Илгар Кызы. «Мягкая сила» в современной внешней политике Турции. *Вестник Московского университета*. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2014. № 3. С. 63–94 [Alieva Altunay Ilgar kyzy. Turkey's 'Soft Power' in Contemporary Foreign Policy. *Moscow University Bulletin*. 2014. No. 3. Pp. 63–94 (in Russian)].

Белоус Ю. А., Кулиева Н. С., Хасанов К. А. Особенности гуманитарного аспекта внешней политики современной Турции. *РСМ*. 2023. № 1 (118). С. 115–136 [Belous Yu. A., Kulieva N. S., Khasanov K. A. Features of the Humanitarian Aspect of Contemporary Turkey's Foreign Policy. *RSM*. 2023. No. 1 (118). Pp. 115–136 (in Russian)].

Величко Л. Н. Политика «Мягкой силы» Турции в регионе Южного Кавказа (1991–2002 гг.): проблемы реализации. *Гуманитарные и юридические исследования*. 2016. № 3. С. 44–52 [Velichko L. N. Turkey's 'Soft Power' Policy in the South Caucasus Region (1991–2002): Implementation Problems. *Humanitarian and Legal Studies*. 2016. No. 3. Pp. 44–52 (in Russian)].

Енокян А. В. Значимость «мягкой силы» во внешней политике Турции в 2002–2022 гг. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. Т. 23. № 4. С. 609–619 [Enokyan A. V. The Significance of 'Soft Power' in Turkey's Foreign Policy (2002–2022). *RUDN Journal of International Relations*. 2023. Vol. 23. No. 4. Pp. 609–619 (in Russian)].

Енокян А. В., Станис Д. В. Фактор политики «мягкой силы» в продвижении турецких интересов в Грузии. *Постсоветские исследования*. 2022. Т. 5. № 8. С. 787–798 [Enokyan A. V., Stanis D. V. The Role of 'Soft Power' Policy in Promoting Turkish Interests in Georgia. *Post-Soviet Studies*. 2022. Vol. 5. No. 8. Pp. 787–798 (in Russian)].

Зиннуров И. Х., Шангараев Р. Н. Ресурсы и инструменты «мягкой силы» Турции в Азербайджане. *Социально-политические науки*. 2024. Т. 14. № 3. С. 71–75 [Zinnurov I. Kh., Shangaraev R. N. Resources and Instruments of Turkey's 'Soft Power' in Azerbaijan. *Socio-Political Sciences*. 2024. Vol. 14. No. 3. Pp. 71–75 (in Russian)].

Зубкова А. Реализация стратегии «Мягкой силы» во внешней политике Турции. *Россия и мусульманский мир*. 2014. № 5 (263). С. 101–108 [Zubkova A. Implementation of the 'Soft Power' Strategy in Turkey's Foreign Policy. *Russia and the Muslim World*. 2014. No. 5 (263). Pp. 101–108 (in Russian)].

Ибадов Н. В. Реализация концепции «мягкой силы» Турции в тюркском регионе. *Постсоветские исследования*. 2024. № 1. С. 32–39 [Ibadov N. V. Implementation of Turkey's 'Soft Power' Concept in the Turkic Region. *Post-Soviet Studies*. 2024. No. 1. Pp. 32–39 (in Russian)].

Мамедов Р. Т. «Мягкая сила» как часть турецкой внешней политики в Грузии. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. Т. 23. № 4. С. 734–747 [Mamedov R. T. 'Soft Power' as a Component of Turkey's Foreign Policy toward Georgia. *RUDN Journal of International Relations*. 2023. Vol. 23. No. 4. Pp. 734–747 (in Russian)].

Прилепский П. А. Интерпретация концепта «мягкая сила» турецкими исследователями. *Свободная мысль*. 2022. № 4 (1694). С. 99–104 [Prilepskiy P. A. Interpretation of the 'Soft Power' Concept by Turkish Scholars. *Free Thought*. 2022. Vol. 4 (1694). Pp. 99–104 (in Russian)].

Сафонкина Е. А. Турция как новый актор политики «мягкой силы». *Вестник международных организаций*. 2014. Т. 9. № 2. С. 145–166 [Safonkina E. A. Turkey as a New Actor of 'Soft Power' Policy. *International Organizations Research Journal*. 2014. Vol. 9. No. 2. Pp. 145–166 (in Russian)].

Шамарина О. А. Грузия в контексте турецкой политики «Мягкой силы» на рубеже веков. *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения*. 2020. № 2. С. 231–236 [Shamarina O. A. Georgia in the Context of Turkey's 'Soft Power' Policy at the Turn of the Century. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*. 2020. No. 2. Pp. 231–236 (in Russian)].

Шамарина О. А. Исторические истоки современной турецкой политики «мягкой силы». *Гуманитарные и юридические исследования*. 2021. № 1. С. 120–128 [Shamarina O. A. Historical Origins of Contemporary Turkish 'Soft Power' Policy. *Humanitarian and Legal Studies*. 2021. No. 1. Pp. 120–128 (in Russian)].

Шерстюков С. А. Гуманитарная политика Турции: изменение концептов, масштабов и целей. *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66. № 6. С. 102–111 [Sherstyukov S. A. Turkey's Humanitarian Policy: Changes in Concepts, Scale, and Goals. *World Economy and International Relations*. 2022. Vol. 66. No. 6. Pp. 102–111 (in Russian)].

Aydemir B. & Çoban, N. M. Bir dış politika aracı olarak TİKA: Türkiye'nin Orta Asya ülkelerine yaptığı kalkınma yardımlarının incelenmesi. 2017. 3. Issue 12. Pp. 233–248 [Aydemir, B. & Çoban, N. M. *TİKA as a Foreign Policy Instrument: An Analysis of Turkey's Development Aid to Central Asian Countries*. 2017. Iss.: 3(12), Pp. 233–248 (in Turkish)].

Balcı B. & Liles, T. What Remains from Turkish Soft Power in the Caucasus? *Turkish Policy Quarterly*. 2019. Vol. 18. No. 1. Pp. 25–44.

Jödicke Ansgar (ed.) *Religion and Soft Power in the South Caucasus*. London & New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2017.

Ghanbarlou R. M. Türkiye ve İran'ın Güney Kafkasya'da kültürel rekabeti üzerine nitel bir çalışma. *SDE Akademi* 2023. Vol. 3. № 3. S. 422–445 [Ghanbarlou, R. M. A Qualitative Study on the Cultural Competition Between Turkey and Iran. in the South Caucasus. *SDE Akademi*. 2023. Vol. 3. No. 3. Pp. 422–445 (in Turkish)]

Topal, Coşkun. Türkiye'nin Güney Kafkasya Politikası ve Gürcistan. *Turkish Studies*. Vol. 10. No. 1 (Winter 2015). S. 753–770 [Topal, Coşkun. Turkey's Policy Toward the South Caucasus and Georgia. *Turkish Studies*. Vol. 10. No. 1 (Winter 2015). Pp. 753–770 (in Turkish)].

TİKA. Türk İşbirliği ve Koordinasyon Ajansı Faaliyet Raporu. Ankara: TİKA Yayınları, 2014; 2015; 2016; 2017; 2018; 2019; 2020; 2021; 2022; 2023; 2024 [*TİKA Annual Report*. Ankara: TİKA Yayınları, 2014; 2015; 2016; 2017; 2018; 2019; 2020; 2021; 2022; 2023; 2024 (in Turkish)].

TKYR. Türkiye Kalkınma Yardımları Raporları. Ankara: TİKA Yayınları, 2002; 2003; 2004; 2005; 2006; 2007; 2008; 2009; 2010; 2011; 2012; 2013; 2014; 2015; 2016; 2017; 2018; 2019; 2020; 2021; 2022; 2023; 2024 [*Turkish Development Assistance Reports*. Ankara: TİKA Yayınları, 2002; 2003; 2004; 2005; 2006; 2007; 2008; 2009; 2010; 2011; 2012; 2013; 2014; 2015; 2016; 2017; 2018; 2019; 2020; 2021; 2022; 2023; 2024 (in Turkish)].

Türkiye Diyanet Vakfı Raporu. Ankara: Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları, 2017; 2021; 2023; 2024 [*Annual Report of the Türkiye Diyanet Foundation*. Ankara: Türkiye Diyanet Vakfı Yayınları, 2017; 2021; 2023; 2024 (in Turkish)].

Türkiye Maarif Vakfı 2024 Faaliyet Raporu. Ekim 17. Ankara: Türkiye Maarif Vakfı, 2025 [*Türkiye Maarif Foundation. 2024 Annual Report*. Ankara: Türkiye Maarif Vakfı, 2025 (in Turkish)].

Электронные ресурсы / Online resources

Атамбаев о заявлении главы МИД Турции: не надо пугать нас, пуганные мы. *Спутник Таджикистан*. 01.08.2016 [Atambayev on the statement by Turkey's foreign minister: 'Don't try to scare us — we've already been scared'. *Sputnik Tajikistan*. 01.08.2016. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20160801/1020395309.html?ysclid=lf0qe0pez575807000> (in Russian)] (дата обращения: 01.03.2026).

В Абхазии начал действовать турецкий благотворительный фонд 'Sadakatasi'. *Abkhazinform*. 16.02.2016 [A Turkish charitable foundation 'Sadakatasi' has begun operating in Abkhazia. *Abkhazinform*. 16.02.2016]. URL: <http://abkhazinform.com/item/472-v-abkhazii-nachal-dejstvovat-turetskij-blagotvoritelnyj-fond-sadakatasi> (in Russian) (дата обращения: 01.03.2026).

Студентам БГУ рассказали о стипендиальных программах в Турции. *АЗЕРТАДЖ*. 18.02.2025 [Students of Baku State University were informed about scholarship programs in Turkey. *AzerTAc*. 18.02.2025]. URL: https://azertag.az/ru/xeber/studentam_bgu_rasskazali_o_stipendialnyh_programmah_v_turcii-3424027 (in Russian) (дата обращения: 01.03.2026).

Указ Президента РФ от 05.09.2022 № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» [Decree of the President of the Russian Federation No. 611 dated September 5, 2022, 'On the Approval of the Concept of the Humanitarian Policy of the Russian Federation Abroad']. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280?ysclid=mm4tcsqfp474438643> (in Russian) (дата обращения: 01.03.2026).

Aliiev N. Kirgizistan'da FETÖ Tehlikesi Devam Ediyor. *Anadolu Ajansı*. 12.07.2019 [Aliyev N. The FETÖ Threat Continues in Kyrgyzstan. *Anadolu Agency*. 12.07.2019]. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/kirgizistan-da-feto-tehlikesi-devam-ediyor/1529974> (in Turkish)] (accessed: 01.03.2026).

Azerbaijan — Baku Program Coordination Office — TİKA. n. d. URL: <https://tika.gov.tr/en/office/azerbaijan-baku-program-coordination-office/> (accessed: 01.03.2026).

Armenia-Turkey border opens for earthquake aid delivery. *Eurasianet*. 13.02.2023. URL: <https://eurasianet.org/armenia-turkey-border-opens-for-earthquake-aid-delivery> (accessed: 01.03.2026).

Baki dövlət universiteti. Ana sayfa. n. d. [Baku State University. *Homepage*. URL: http://bsu.edu.az/az/content/yunus_mr_nsttutu (in Azerbaijani)] (accessed: 01.03.2026).

Charitable organizations will distribute humanitarian aid from Turkey in Abkhazia. *Abaza.org*. 17.10.2018. URL: <https://abaza.org/en/charitable-organizations-will-distribute-humanitarian-aid-from-turkey-in-abkhazia> (accessed: 01.03.2026).

Kachkachishvili D. 'YTB'nin bursu Gürcü öğrenciler için umut kaynağı oldu'. *Anadolu ajansı*. 28.03.2017 [Kachkachishvili D. 'YTB Scholarships Have Become a Source of Hope for Georgian Students'. *Anadolu Agency*. 28.03.2017]. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/turkiye/ytb-nin-bursu-gurcu-ogrenciler-icin-umut-kaynagi-oldu/781261> (in Turkish) (accessed: 01.03.2026).

Development Co-operation Profiles: Türkiye. URL: https://www.oecd.org/en/publications/development-co-operation-profiles_04b376d7-en/turkiye_09a14591-en.html (accessed: 01.03.2026).

Dünya Gazetesi: Armenia's Sarkisian sends message of thanks to Gul. *Dunya*. 23.12.2008. URL: <https://www.dunya.com/gundem/armenia039s-sarkisian-sends-message-of-thanks-to-gul-haberi-63672> (accessed: 01.03.2026).

History of TİKA. n. d. URL: <https://tika.gov.tr/en/institutional/history/> (accessed: 01.03.2026).

International Crisis Group report on COVID-19 Crisis in occupied territories. 08.05.2020. URL: https://dspace.nplg.gov.ge/bitstream/1234/319765/1/The_Messenger_2020_N79.pdf (accessed: 01.03.2026).

International Maarif School start to operate in Azerbaijan-PHOTO. 03.10.2022. URL: <https://apa.az/en/social/international-maarif-school-start-to-operate-in-azerbaijan-photo-386158> (accessed: 01.03.2026).

Islam in Abkhazia: an Interview with Nar Taniya. n. d. URL: <https://www.specialeurasia.com/2023/12/20/islam-in-abkhazia-nar-taniya/> (accessed: 01.03.2026).

Qurbani aid from Türkiye to Azerbaijan — Türkiye Diyanet Foundation. 10.07.2022. URL: <https://tdv.org/en-EN/qurbani-aid-from-turkiye-to-azerbaijan/> (accessed: 01.03.2026).

Tbilisi Campus. Home Page. n. d. URL: <https://ge.maarifschool.org/page/tbilisi-campus> (accessed: 01.03.2026).

Turkish lessons popular among Georgian teens. *Dailysabah*. 18.02.2020. URL: <https://www.dailysabah.com/education/2020/02/18/turkish-lessons-popular-among-georgian-teens> (accessed: 01.03.2026).

TDV extends educational and cultural aid to 45 thousand students — Türkiye Diyanet Foundation. 29.08.2025. URL: <https://tdv.org/en-EN/tdv-extends-educational-and-cultural-aid-to-45-thousand-students/> (accessed: 01.03.2026).

Türkiye, Azerbaijan sign agreement on cooperation in field of culture. *Azernews*. 13.11.2023. URL: <https://www.azernews.az/culture/217366.html> (accessed: 01.03.2026).

Türk Kızılay | Türk Kızılay Arrives in Karabakh after Azerbaijan Army. 21.12.2020. URL: <https://www.kizilay.org.tr/Haber/HaberArsiviDetay/5683> (accessed: 01.03.2026).

Türkiye says education ties with Azerbaijan deepen fraternal bond. *Daily Sabah*. 26.02.2026. URL: <https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/turkiye-says-education-ties-with-azerbaijan-deepen-fraternal-bond> (accessed: 01.03.2026).

Yunus Emre Institute prepares AI-based platform to teach Turkish. *Daily Sabah*. 21.12.2025. URL: <https://www.dailysabah.com/turkiye/education/yunus-emre-institute-prepares-ai-based-platform-to-teach-turkish> (accessed: 01.03.2026).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Основные получатели турецкой двусторонней помощи развитию в 2004–2023 гг., млн долл.

2004			2005			2006			2007				
место	страна	млн. долл.	место	страна	млн. долл.	место	страна	млн. долл.	место	страна	млн. долл.		
1	Кыргызстан	34,74	1	Пакистан	126,17	1	Кыргызстан	113,14	1	Афганистан	71,61		
2	Казахстан	27,17	2	Кыргызстан	47,45	2	Афганистан	57,65	2	Кыргызстан	69,56		
3	Ирак	24,57	3	Казахстан	36,4	3	Пакистан	56,48	3	Ирак	46,68		
4	Азербайджан	22,9	4	Азербайджан	28,62	4	Казахстан	45,34	4	Казахстан	42,81		
5	Туркменистан	18,82	5	Афганистан	28,56	5	Азербайджан	36,87	5	Азербайджан	36,22		
6	Косово	12,65	6	Индонезия	26,53	6	Ливан	36,1	6	Пакистан	33,47		
7	Иран	12,23	7	Босния и Герцеговина	18,62	7	Босния и Герцеговина	25,19	7	Косово	25,54		
8	Болгария	11,19	8	Косово	16,23	8	Индонезия	23,51	8	Индонезия	23,51		
9	Россия	10,38	9	Туркменистан	14,97	9	Палестина	20,34	9	Туркменистан	19,84		
10	Саудовская Аравия	9,73	10	Ирак	12,92	10	Ирак	18,85	10	Босния и Герцеговина	15,86		
---			---			---			---				
13	Таджикистан	6,48	12	Палестина	11,16	11	Туркменистан	17,73	11	Ливан	15,7		
16	Узбекистан	5,48	15	Саудовская Аравия	10,3	15	Саудовская Аравия	10,92	12	Судан	15,46		
19	Грузия	4,6		ВСЕГО 20 СТРАН		16	Грузия	10,31	13	Палестина	14,22		
20	Палестина	4,49				23	Иран	5,15	14	Саудовская Аравия	12,51		
ВСЕГО 20 СТРАН			ВСЕГО 20 СТРАН			ВСЕГО 24 СТРАНЫ			18	Грузия	7,84		
									20	Иран	7,44		
									21	Узбекистан	7,25		
									23	Таджикистан	6,9		
						ВСЕГО 25 СТРАН							

Таблица 1. Продолжение

2008			2009			2010			2011		
место	страна	млн. долл.	место	страна	млн. долл.	место	страна	млн. долл.	место	страна	млн. долл.
1	Афганистан	141,96	1	Афганистан	96,46	1	Пакистан	134,49	1	Пакистан	204,95
2	Пакистан	84,31	2	Кыргызстан	67,72	2	Афганистан	107,31	2	Сирия	162,03
3	Казахстан	61,56	3	Казахстан	62,53	3	Кыргызстан	83,82	3	Афганистан	130,89
4	Кыргызстан	53	4	Ирак	51,33	4	Казахстан	54,12	4	Сомали	93,39
5	Ирак	47,68	5	Палестина	48,2	5	Ирак	39,31	5	Кыргызстан	74,09
6	Азербайджан	33,9	6	Босния и Герцеговина	32,75	6	Палестина	27,83	6	Казахстан	53,32
7	Сербия и Косово	31,01	7	Пакистан	29,86	7	Ливан	26,82	7	Ливия	53,11
8	Ливан	26,59	8	Азербайджан	27,2	8	Босния и Герцеговина	25,9	8	Ирак	27,83
9	Палестина	20,18	9	Косово	20,63	9	Азербайджан	22,77	9	Азербайджан	26,48
10	Грузия	16,85	10	Иран	14,8	10	Косово	22,13	10	Палестина	25,92
---			---			---			---		
12	Иран	15,45	11	Судан	14,58	11	Туркменистан	17,39	11	Судан	21,33
13	Судан	13,22	12	Грузия	13,77	12	Иран	16,62	14	Туркменистан	13,56
15	Туркменистан	11,25	13	Туркменистан	12,68	13	Узбекистан	15,44	15	Иран	11,34
20	Узбекистан	7,25	14	Ливан	11,53	14	Судан	11,24	17	Грузия	7,38
21	Таджикистан	6,53	15	Узбекистан	8,84	16	Сирия	9,52	18	Ливан	7,06
26	Сирия	4,11	-----			20	Таджикистан	5,81	19	Таджикистан	6,93
34	Иордания	1,4	21	Таджикистан	5,35	22	Грузия	5,81	21	Узбекистан	6,56
38	Армения	0,99	24	Сирия	4,62	32	Иордания	1,75	27	Египет	3,51
ВСЕГО 128 СТРАН			33	Йемен	1,24	ВСЕГО 112 СТРАН			34	Иордания	1,58
			36	Иордания	0,93				38	Армения	1,26
			37	Египет	0,91				47	Йемен	0,45
			ВСЕГО 104 СТРАНЫ			ВСЕГО 115 СТРАН					

Таблица 1. Продолжение

2012			2013			2014			2015		
место	страна	млн. долл.	место	страна	млн. долл.	место	страна	млн. долл.	место	страна	млн. долл.
1	Пакистан	204,95	1	Сирия	1,638,50	1	Сирия	2 291,50	1	Сирия	2694,02
2	Сирия	162,03	2	Египет	538,83	2	Тунис	200,70	2	Сомали	314,82
3	Афганистан	130,89	3	Сомали	115,74	3	Кыргызстан	84,80	3	Кыргызстан	98,36
4	Сомали	93,39	4	Кыргызстан	131,55	4	Сомали	74,40	4	Афганистан	56,78
5	Кыргызстан	74,09	5	Афганистан	89,73	5	Палестина	65,90	5	Палестина	29,83
6	Казахстан	53,32	6	Палестина	69,84	6	Афганистан	65,20	6	Босния и Герцеговина	25,96
7	Ливия	53,11	7	Пакистан	49,98	7	Босния и Герцеговина	43,50	7	Северная Македония	25,55
8	Ирак	27,83	8	Казахстан	39,3	8	Казахстан	40,50	8	Казахстан	24,44
9	Азербайджан	26,48	9	Тунис	36,19	9	Ирак	39,00	9	Судан	21,96
10	Палестина	25,92	10	Азербайджан	28,68	10	Азербайджан	37,00	10	Мавритания	12,7
---			---			---			---		
11	Судан	21,33	11	Ирак	27,74	12	Пакистан	33,10	17	Азербайджан	8,76
14	Туркменистан	13,56	13	Туркменистан	15,76	21	Грузия	5,20	19	Ирак	5,69
15	Иран	11,34	17	Иран	13,28	26	Узбекистан	4,90	20	Узбекистан	4,65
17	Грузия	7,38	19	Грузия	11,13	32	Йемен	4,30	23	Грузия	3,69
18	Ливан	7,06	22	Йемен	7,81	34	Туркменистан	4, 2	26	Туркменистан	3,18
19	Таджикистан	6,93	23	Узбекистан	7,00	40	Ливан	3,60	39	Ливан	0,8
21	Узбекистан	6,56	24	Судан	6,34	43	Иордания	3,40	41	Иордания	0,79
27	Египет	3,51	33	Ливан	5,72	45	Таджикистан	3,10	42	Йемен	0,79
34	Иордания	1,58	37	Иордания	3,42	89	Армения	0, 25	47	Таджикистан	0,7
38	Армения	1,26	40	Таджикистан	2,95	ВСЕГО 124 СТРАНЫ			76	Иран	0,17
47	Йемен	0,45	84	Армения	0,26				ВСЕГО 107 СТРАН		
ВСЕГО 114 СТРАН			ВСЕГО 125 СТРАН			ВСЕГО 124 СТРАНЫ			ВСЕГО 107 СТРАН		

Таблица 1. Продолжение

2016			2017			2018			2019		
место	страна	млн. долл.	место	страна	млн. долл.	место	страна	млн. долл.	место	страна	млн. долл.
1	Сирия	5,851,23	1	Сирия	7246,78	1	Сирия	669,851	1	Сирия	7202,36
2	Сомали	59,63	2	Сомали	60,64	2	Кыргызстан	98,8	2	Босния и Герцеговина	59,85
3	Палестина	43,12	3	Палестина	40,59	3	Казахстан	50,7	3	Ирак	42,24
4	Афганистан	32,69	4	Афганистан	36,52	4	Афганистан	32,27	4	Палестина	38,22
5	Босния и Герцеговина	30,29	5	Босния и Герцеговина	20,4	5	Сомали	29,12	5	Афганистан	32,93
6	Кыргызстан	25,39	6	Казахстан	20,38	6	Палестина	25,37	6	Сомали	28,21
7	Северная Македония	18,96	7	Кыргызстан	18,16	7	Судан	25,1	7	Кыргызстан	24,12
8	Казахстан	18,96	8	Северная Македония	13,16	8	Ливия	18,77	8	Казахстан	22,3
9	Азербайджан	14,24	9	Пакистан	10,9	9	Босния и Герцеговина	17,95	9	Бангладеш	15,22
10	Нигер	11,91	10	Косово	10,67	10	Узбекистан	17,39	10	Судан	13,31
---			---			---			---		
12	Йемен	8,9	11	Азербайджан	10,29	21	Иордания	4,26	14	Йемен	6,1
16	Ирак	7,73	12	Йемен	10,02	22	Ирак	4,24	15	Азербайджан	6,01
18	Грузия	5,31	14	Ирак	8,27	23	Азербайджан	3,7	18	Иордания	5,35
21	Туркменистан	4,87	15	Судан	6,98	25	Йемен	3,25	19	Узбекистан	5,23
23	Узбекистан	4,26	19	Грузия	5,86	29	Грузия	2,45	22	Грузия	4,74
28	Ливан	3,46	21	Узбекистан	5,68	40	Туркменистан	0,75	29	Иран	2,77
30	Иордания	2,37	35	Таджикистан	2,98	41	Ливан	0,73	41	Таджикистан	1,49
41	Иран	2,58	42	Туркменистан	2,28	50	Иран	0,49	47	Туркменистан	1,23
48	Таджикистан	1,58	48	Ливан	1,97	59	Египет	0,33	51	Ливан	1,07
ВСЕГО 120 СТРАН			110	Армения	2	ВСЕГО 119 СТРАН			ВСЕГО 117 СТРАН		
			120	Египет	-396,47						
			ВСЕГО 120 СТРАН								

Таблица 1. Продолжение

2020			2021			2022			2023		
место	страна	млн. долл.	место	страна	млн. долл.	место	страна	млн. долл.	место	страна	млн. долл.
1	Сирия	7078,18	1	Сирия	6689,83	1	Сирия	5772,128	1	Сирия	5931,333
2	Албания	59,93	2	Сомали	51,796	2	Сомали	26,148	2	Казахстан	29,059
3	Ирак	36,67	3	Азербайджан	44,238	3	Казахстан	23,587	3	Палестина	20,522
4	Афганистан	36,47	4	Палестина	33,945	4	Кыргызстан	22,059	4	Кыргызстан	20,01
5	Палестина	32,96	5	Ирак	32,951	5	Палестина	18,117	5	Азербайджан	19,837
6	Сомали	25,98	6	Афганистан	30,836	6	Афганистан	9,164	6	Афганистан	12,925
7	Казахстан	21,73	7	Казахстан	24,136	7	Босния и Герцеговина	8,169	7	Сомали	10,978
8	Кыргызстан	20,97	8	Кыргызстан	19,288	8	Пакистан	7,025	8	Албания	10,693
9	Босния и Герцеговина	7,96	9	Ливия	11,694	9	Ливан	6,63	9	Босния и Герцеговина	9,351
10	Тунис	7,37	10	Босния и Герцеговина	8,643	10	Азербайджан	6,218	10	Судан	7,894
---			---			---			---		
12	Азербайджан	6,4	16	Йемен	3,891	16	Грузия	3,829	18	Ирак	3,46
15	Йемен	4,44	17	Узбекистан	3,79	17	Ирак	3,391	19	Иордания	2,751
16	Судан	4,17	19	Судан	3,356	22	Судан	2,667	20	Ливан	2,517
21	Грузия	3	21	Грузия	2,932	24	Узбекистан	2,552	21	Узбекистан	2,413
22	Иордания	2,87	22	Иордания	2,897	25	Иордания	2,493	22	Египет	2,276
26	Иран	2,21	24	Ливан	2,207	26	Египет	2,428	23	Иран	2,175
32	Узбекистан	2,01	25	Египет	2,078	27	Йемен	2,003	24	Йемен	2,13
33	Ливан	1,92	26	Таджикистан	1,863	29	Таджикистан	1,68	31	Грузия	1,332
41	Туркменистан	1,2	27	Иран	1,75	31	Иран	1,466	34	Таджикистан	1,23
111	Армения	0,01	57	Туркменистан	0,542	46	Туркменистан	0,569	39	Туркменистан	0,928
ВСЕГО 113 СТРАН			110	Армения	0,009	112	Армения	0,007	113	Армения	0,008
			ВСЕГО 119 СТРАН			ВСЕГО 123 СТРАНЫ			ВСЕГО 120 СТРАН		

– страны Ближнего Востока

– страны Центральной Азии

– страны Южного Кавказа

РЕАЛИЗАЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОГНОЗОВ 2021 г.: ТУРЕЦКИЙ АСПЕКТ НА РУБЕЖАХ ЮЖНОГО КАВКАЗА

© 2026

В. К. Кочарян¹

В публикации изложено авторское видение обстановки вблизи рубежей Южного Кавказа и перспектив ее развития в контексте сравнения результатов анализа и прогнозов 2020–2021 г.* и реалий 2026 г. Акцентируется, что геополитический ландшафт восточного Причерноморья и Южного Кавказа исторически формировался при активном влиянии внешних сил. Хронологические ориентиры увязаны с горячей стадией конфликта в Нагорном Карабахе. Отмечено, что последовавшие трехсторонние заявления глав Азербайджана, Армении и России стали первыми правовыми инструментами возобновления добрососедских отношений и доверия между азербайджанским и армянским народами, разблокирования экономических и транспортных связей в регионе, повышения уровня стабильности и безопасности на азербайджано-армянской границе, решения гуманитарных вопросов, включая обмен пленными и задержанными лицами. Подчеркнуто, что задача выявления истоков напряженности на Южном Кавказе в свете незавершенности урегулирования конфликтов и турбулентной ситуации в приграничье сохранила свою актуальность. Предметом исследования рассмотрены мотивы устремлений некоторых акторов региональной политики — НАТО и Турции накануне ключевого момента новейшей истории – вынужденного начала российской специальной военной операции 24 февраля 2022 г. В качестве исходных данных использованы исключительно открытые сведения из официальных источников, достоверных СМИ и научных изданий. Предложенные выводы и прогнозы могут быть интересны для исследований по проблематике Большого евразийского партнерства и Большой Европы.

Ключевые слова: регион; геополитика, военно-политическая обстановка

Для цитирования: Кочарян В. К. Реализация геополитических прогнозов 2021 г.: турецкий аспект на рубежах Южного Кавказа. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 2. С. 245–257. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-245-257

REALIZATION OF GEOPOLITICAL PROGNOSSES IN 2021: THE TURKISH ASPECT ON THE BORDERS OF SOUTH CAUCASUS

Viacheslav K. Kocharian

The publication contains a fragment of the author's vision of the aspects of the situation near the borders of the South Caucasus and the prospects for its development in the context of forecasts for 2020–2021 and

¹ Кочарян Вячеслав Карленович, кандидат технических наук, советник экспертно-аналитического отдела Секретариата Парламентской Ассамблеи ОДКБ, г. Санкт-Петербург; kvk@paodkb.org

Viacheslav K. Kocharian, PhD (Technology), advisor to the expert and analytical department of the CSTO Parliamentary Assembly Secretariat, St. Petersburg; kvk@paodkb.org
РИНЦ SPIN-код: 7120-9869, AuthorID: 1218626

* Результаты исследований успешно апробированы на площадках Дипломатической академии и профильных департаментов МИД РФ. Выписка из протокола № 2021-44/ДО – ГУВПД 2021 заседания экзаменационной комиссии от 25 марта 2021 г.

the realities of 2026. The geopolitical landscape of the eastern Black Sea region and the South Caucasus has historically been shaped by the active influence of external forces. The chronological guidelines are linked to the hot stage of the conflict in Nagorno-Karabakh. The trilateral statements by the heads of Azerbaijan, Armenia and Russia became the first legal instruments for the resumption of good-neighborliness and trust between the Azerbaijani and Armenian peoples, unblocking economic and transport ties, stability and security on the border, and resolving humanitarian issues, including the exchange of prisoners and detainees. The task of identifying the sources of tension in the South Caucasus in the light of the incompleteness of conflict resolution has remained relevant. The subject of the study is the motives of the aspirations of some actors of regional politics — NATO and Türkiye on the eve of a key moment in modern history – the forced start of the Russian special military operation on February 24, 2022. The source data is exclusively open information from official sources, reliable mass media and scientific publications. The proposed conclusions and forecasts may be of interest for research on the issues of the Greater Eurasian Partnership and Greater Europe.

Keywords: region; geopolitics; the military-political situation

For citation: Kocharian V. K. Realization of Geopolitical Prognoses in 2021: the Turkish Aspect of the Borders of South Caucasus. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 2. Pp. 245–257. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-245-257

Оценка обстановки на рубежах Южного Кавказа в первой половине 2021 года

В публикации предложена своего рода верификация результатов многофакторного анализа военно-политической обстановки, представленного автором в марте 2021 г., в том числе — выводов, оценок и прогнозов в контексте их современного понимания. В качестве исходных базовых положений применены следующие тезисы:

- межгосударственные противоречия и обстановка на постсоветском пространстве обострились в конце XX века на фоне насаждаемых извне националистических идей;
- вероятным мотивом стремления внешних деструктивных сил выступает желание подчинить своему контролю национальные экономики, а также трансграничные потоки финансовых, сырьевых и прочих стратегически важных ресурсов на пространстве Евразии;
- вопросы защиты национального суверенитета и права народов на самоопределение приобрели статус ключевых задач в политике вновь образованных государств;
- часть застарелых и сопутствующих межгосударственных проблем, в том числе наличие спорных территорий, незавершенность делимитации и демаркации границ стали серьезным препятствием для возобновления добрососедских отношений и поступательного регионального развития.

Отмечалось, что евразийская дуга нестабильности на рубежах СНГ и ОДКБ², искусственно созданная для давления на Россию и других геополитических конкурентов, объединила спонсируемые извне горячие точки в Восточной Европе, на Южном Кавказе и в Азии [Евразийская дуга нестабильности, 2013, с. 4]. Фрагменты дуги, подогреваемые экспансией в духе регионального доминирования, создали серьезные препятствия, угрозы и риски для участия Ирана, Китая и России в формировании евразийских транспортных коридоров.

Очевидно, что все вышеизложенные тезисы не утратили актуальности по сегодняшний день. Более того, данные прогнозы нашли свое современное подтверждение и пополнились новым

² Исходя из военно-административного деления России и территории Южного военного округа согласно указам Президента Российской Федерации от 2 апреля 2014 г. № 199 и от 5 июня 2020 г. № 347.

конфликтным содержанием на фоне напряженной ситуации вокруг Ирана, ударов США и Израиля по научным и военным объектам суверенной страны в 2025 г., а также последующего обострения обстановки в 2026 г.

Также в 2021 г. при оценке военно-политической обстановки на рубежах и в регионах ОДКБ на фоне вооруженного внутреннего конфликта на востоке Украины (на Донбассе) и эскалации в Карабахе наиболее взрывоопасной называлась ситуация в Причерноморье и на Южном Кавказе, вблизи границ России и Армении соответственно. Автором подчеркивалось:

- этнические, конфессиональные и территориальные источники напряженности стали отображением исторического переплетения интересов и взаимоотношений России, европейских государств, а также стран Западной и Центральной Азии;
- на данных географических широтах в очередной раз пересеклись намерения коалиций, ядерных держав и региональных акторов, пожелавших принять участие в современном витке «большой игры» [Казанцев, 2008, с. 199–214] на сегменте дуги от Ближнего Востока до российского Крыма и Кавказа, а также рубежей Центральной и Южной Азии [Колотов, Маслов, 2021, с. 136–141];
- в восточном Причерноморье рост международной напряженности спровоцирован активизацией политической деятельности НАТО под мнимым предлогом «угрозы с востока», интенсивным выдвижением передовой инфраструктуры и наращиванием военного присутствия альянса вблизи российских границ.

В прогнозных оценках 2021 г. препятствием для агрессивных действий отдельных членов НАТО и их партнеров рассматривались в том числе уставные положения данной организации о возможности применения силы исключительно в границах альянса в порядке права на самооборону, признанного ООН.

Вместе с тем подчеркивались тенденции роста традиционного влияния на военно-политическую обстановку на Южном Кавказе со стороны Турецкой Республики и Исламской Республики Иран [В ожидании бури, 2018, с. 118–143].

В выводах и прогнозах 2021 г. отмечалось:

- подобные шаги на Западе не адекватны миролюбивой политике государств — членов ОДКБ, чьи документально закрепленные намерения не содержат угрозы какому-либо государству или блоку государств и направлены исключительно на укрепление мира и стабильности, международной и региональной безопасности, приоритет в достижении которых отдается политическим средствам. В противовес деструктивным факторам обстановку на Южном Кавказе стабилизировали договоренности в формате ОДКБ, СНГ, ЕАЭС и двусторонних соглашений, присутствие российских баз в Абхазии, Южной Осетии и Армении, политико-дипломатические меры по обеспечению мира в регионе;
- общепризнанными международными механизмами мирного урегулирования региональных конфликтов стали профильные структуры ООН, ЕС и Минская группа ОБСЕ по поиску мирного разрешения нагорно-карабахского конфликта. Так, например, базируясь в Грузии, невооруженная миссия ЕС³ регулярно контролировала обстановку на линиях соприкосновения с использованием мобильных групп, а также средств воздушного и наземного мониторинга.

³ Joint statement of Co-facilitators of Ergneti Incident Prevention and Response Mechanism. 21.07.2020. URL: <https://www.osce.org/chairmanship/457750> (дата обращения: 30.07.2020).

Сегодня ведущие западные страны, североатлантический блок и ЕС еще более привержены тезисам о стратегическом значении Черноморского региона⁴, о повышении военного потенциала стран альянса и партнеров путем проведения совместных учений, кибернетических и гуманитарных операций, развития морской и сухопутной транспортной инфраструктуры, а также обмена данными разведки и радиолокационного обнаружения. Очередные «коалиции желающих» усилили оперативные возможности войск и продолжили детальное изучение театра военных действий для ослабления России на причерноморском, кавказском и средиземноморском направлениях. НАТО и ЕС сохранили приверженность провокационному лозунгу сдерживать «любую» агрессию против союзников.

На современном этапе актуальность данных оценок подтвердили следующие факторы:

- неоднократные заявления руководства Республики Армения о приверженности стратегическому характеру отношений с Россией⁵;
- отсутствие появления юридически обязывающих решений Армении о выходе из ОДКБ⁶ и низкая вероятность их появления в период до заключения мирных договоров с Азербайджаном и Турцией;
- наличие предварительных договоренностей Азербайджана и Армении под эгидой США о нацеленности на примирение и окончательное урегулирование отношений;
- привлечение гражданской миссии ЕС к мониторингу обстановки в приграничных районах Армении⁷, начиная с 2022 г.

В отношении оценок о ситуации на западном фланге кавказского сегмента дуги, касавшихся неурегулированной политической ситуации между Грузией, с одной стороны, Россией, Абхазией и Южной Осетией — с другой, изменений не произошло. Более того, продолжительные, подержанные извне масштабные беспорядки в Грузии после парламентских выборов и принятия закона об иноагентах в 2025 г. выступили косвенным подтверждением тезисов о нацеленности НАТО и ЕС на приближение к рубежам государств — членов ОДКБ путем интеграции в инфраструктуру альянса военных и гражданских объектов на территории Грузии⁸ и Украины.

Многолетняя политико-дипломатическая незавершенность противостояния на границе Азербайджана и Армении, периодическое обострение конфликта характеризовались, прежде всего, кризисом наличия взаимоприемлемых путей примирения и механизмов признания взаимных претензий. Ведение переговоров осложнялось многолетней войной, наличием многочисленных жертв и десятков тысяч беженцев с обеих сторон, давлением на национальные экономики ввиду пандемии и растущих военных расходов.

⁴ Генсек НАТО объяснил усиление присутствия альянса в Черном море. 09.02.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10661573> (дата обращения: 16.02.2021).

⁵ Премьер-министр Армении Н. Пашинян заявил: «На мой взгляд, наши отношения с Россией находятся на стадии трансформации. По моей оценке, отношения между Арменией и Россией уже не будут такими, какими они были прежде, но это не значит, что наши отношения с Россией должны быть плохими. Нет, я думаю, что наши отношения с Россией должны быть хорошими, по моей оценке, гораздо лучше, чем были раньше». [По мнению Пашиняна, отношения между Арменией и Россией находятся на стадии трансформации. 16.07.2025. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1224990> (дата обращения: 16.07.2025)].

⁶ Юридически членство Армении в ОДКБ не прекращено.

⁷ Q&A EU Monitoring Capacity to Armenia. 25.10.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/qa-eu-monitoring-capacity-armenia_en (дата обращения: 25.10.2022); About European Union Mission in Armenia. 07.01.2026. URL: https://www.eeas.europa.eu/euma/about-european-union-mission-armenia_en?s=410283 (дата обращения: 04.02.2026); МИД РФ от 26.02.2023 о создании гражданской мониторинговой миссии Евросоюза в приграничных районах Армении. 26.02.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1849816/ (дата обращения: 26.02.2023).

⁸ Грузия имеет важное значение для решения геополитических задач США в регионе Евразии. 10.09.2020. URL: <http://ru.gruzinform.ge/news/46019/gruziA-imeet-vaZnoe-znaCenie-dlA-reSeniA-geopolitiCeskiK-zadaC-Sa-v-regione-evraziI-lUk-koffi.html> (дата обращения: 10.10.2020).

В результате Азербайджан фактически разрубил «гордиев узел», силовым путем возобновив контроль над большей частью Карабаха⁹ в сентябре-ноябре 2020 г.

Россия как сопредседатель Минской группы, руководствуясь трехсторонним Заявлением от 9 ноября 2020 г., подписанным Азербайджаном и Арменией, направила миротворцев в Нагорный Карабах. При посредничестве России¹⁰ на основе указанного и последующих трехсторонних заявлений стороны приступили к нормализации отношений, разблокированию экономических и транспортных связей в регионе, обеспечению безопасного и беспрепятственного движения граждан, транспортных средств и грузов¹¹.

В оценках 2021 г. отмечалось, что угроза для региональной стабильности связана с опасностью возобновления и распространения горячей фазы конфликта в приграничье Армении с Азербайджаном, Ираном и Турцией. Данный прогноз подтвердился, в том числе, 12–13 сентября 2022 г. на фоне локальных боестолкновений на ряде участков линии соприкосновения, а в последующем — ввиду взаимных обвинений в обстрелах и иных провокациях¹².

По мнению автора, подобное развитие событий обусловлено прежде всего низким уровнем взаимного доверия, проблематикой международно-правового оформления границ, попытками Баку оказать давление на Ереван и ускорить получение транзита в Нахичевань через территорию Армении.

Прогнозировалось, что нормализация обстановки и безопасность в Причерноморье и на Южном Кавказе в целом возможны при условии нейтрализации следующих факторов:

- агрессивная деятельность стран НАТО в рамках политики сдерживания России, принятая для наращивания наступательного потенциала и достижения военного превосходства, в том числе, и в Причерноморье, а также для стимулирования русофобских настроений в Грузии;
- несоответствие взглядов сторон нагорно-карабахского конфликта по основному вопросу — статусу Карабаха и праву армянского населения на самоопределение, а также на трактовку и примат положений международного права¹³ в русле Устава ООН;
- отсутствие мирных договоров Армении с Азербайджаном и Турцией, потенциальная опасность возврата к силовому разрешению территориальных споров;
- угроза вооруженных провокаций и опасность перерастания приграничных конфликтов в региональную войну с участием третьих стран.

События 2025 г. стали прорывными на треке преодоления некоторых указанных выше деструктивных моментов. Так, 8 августа в Вашингтоне состоялось подписание совместной декларации о мирном урегулировании между Азербайджаном и Арменией, что закрепило принцип неприкосновенности государственных границ, возобновление сотрудничества, а также евразийскую

⁹ В ходе так называемой 44-дневной войны.

¹⁰ МИД РФ. Содействие нормализации отношений между Азербайджаном и Арменией. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/problematika-prostranstva-sng/nagorno-karabakhskoe-uregulirovanie/ (дата обращения: 10.10.2020).

¹¹ Заявление МИД РФ. 07.11.2025. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/problematika-prostranstva-sng/nagorno-karabakhskoe-uregulirovanie/2057812/ (дата обращения: 07.11.2025).

¹² По данным армянских СМИ, в т. ч.: [ВС Азербайджана находятся в 4,5 км от Джермука: глава Генштаба представил положение дел на передовой. 16.09.2022. URL: <https://armeniatoday.am/armed-forces-ru/527365/> (дата обращения: 16.09.2022)].

¹³ Устав ООН, ст. 1, 2, 4 и др. Декларация о принципах международного права от 24.10.1970. URL: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html>; https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 10.09.2020).

значимость маршрута TRIPP¹⁴. 1 сентября¹⁵ в связи с обращениями Азербайджана и Армении прекращена деятельность Минской группы ОБСЕ.

Однако перспектива урегулирования конфликтов и территориального вопроса в Причерноморье и на Южном Кавказе по-прежнему достижима только после подписания полноценных двусторонних мирных договоров между всеми региональными акторами.

Прогнозная оценка регионального влияния Турецкой Республики

В исследованиях 2020–2021 гг. автор предложил тезис о влиянии мотивационного, исторического и цивилизационного аспекта на развитие государственной политики. В этом контексте Турция рассматривалась своего рода наследницей Османской Порты — султаната, созданного на Анатолийском полуострове воинственными племенами из Средней Азии¹⁶ более чем 700 лет назад. Так, высокий региональный статус Османской империи увязывался с захватом и удержанием обширных владений в Африке, Азии и Европе вплоть до начала XX века, включая завоевание столицы Византии — Константинополя в 1453 г. и активное участие в европейской политике в 16–18 веках [Киреев, 2007, с. 5–25]. Отказ от имперских амбиций и потеря зависимых территорий¹⁷ явились следствием капитуляции Турции в Первой мировой войне перед коалицией западных стран — Антанты и перехода страны в 1923 г. к республиканскому устройству под влиянием радикальных идей первого президента Турции Кемаля Ататюрка о возрождении нации и государственном тюркизме [Иванова, 2019, с. 7–23].

Отмечено, что с 2017 г. Турция — президентская республика с однопалатным парламентом. В стране сосредоточены разнообразные горнорудные и топливно-энергетические ресурсы, созданы условия для динамичного развития индустриальной экономики, международного туризма, металлургии, авто- и судостроения, сельского хозяйства, строительства. Турецкая экономика вошла в двадцатку мировых экономик и по оценкам руководства страны сохранила стабильный поступательный рост, несмотря на многократное снижение курса национальной валюты — лиры к доллару США после 2015 г.,¹⁸ увеличение военных расходов, пандемию и глобальный экономический кризис.

В тезисе о нацеленности на экспансию и доминирование в регионе автор исходил из настоящего стремления Анкары к идеологическому, экономическому и гуманитарному сплочению тюркоязычных народов. Подчеркнут решительный настрой на проецирование «жесткой силы» на взрывоопасные районы Южного Кавказа, Ближнего Востока, Восточного Средиземноморья и Северной Африки, на превращение своей территории в топливно-энергетический узел для южных транспортных маршрутов Евразии.

Обозначены перспективы и высокий потенциал энергетической дипломатии, согласно которым Анкара в рамках национальной энергетической стратегии от 2008 г. предложила партнерам использовать турецкую транспортную инфраструктуру в качестве наиболее удобного транзитного центра поставки ресурсов из азиатских и африканских месторождений.

¹⁴ Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев. Участникам 6-го Каспийского бизнес-форума на тему «Вдоль Среднего коридора: связь, финансы и энергетика». 24.09.2025. URL: <https://president.az/ru/articles/view/70168> (дата обращения: 25.09.2025).

¹⁵ Согласно данным на сайте ОБСЕ: [OSCE Ministerial Council decision marks new step towards sustainable peace in the South Caucasus. 01.09.2025. URL: <https://www.osce.org/chairpersonship/596899> (дата обращения: 01.09.2025)].

¹⁶ Туркестан.

¹⁷ В том числе согласно Лозаннскому договору 1923 г.

¹⁸ Курс турецкой лиры в январе 2015 г. составил менее 2,3 к 1 долл. США, 04.02.2026–43,5 лиры к 1 долл. США [U. S. Dollar-Turkish Lira History: 2026. URL: <https://www.poundsterlinglive.com/history/USD-TRY-2026> (дата обращения: 05.11.2025)].

На этом треке Турция, предельно заинтересованная в стабильном наполнении и росте бюджета, особенно в период пандемии коронавируса, сделала ставку в среднесрочной перспективе на наращивание добычи, транзита и продажи нефти, газа и других минералов, а также на переход к исключительно прозрачным схемам получения прибыли.

Кроме того, значительный экономический и политический эффект от наращивания национального топливно-энергетического комплекса прогнозировался при запуске АЭС «Аккую», возводимой в Турции российскими специалистами, а также в случае ввода в эксплуатацию Транскаспийского газопровода, освоения средиземноморского и черноморского газоносных шельфов.

Предполагалось, что реализация указанных проектов позволит Анкаре:

- существенно улучшить стратегические позиции на внешнем и внутреннем рынке энергоресурсов, получить доступ к атомным, энергосберегающим и экологичным технологиям, повысить надежность южного экономического моста между Европой и Азией;
- усилить политический вес Турецкой Республики в едином европейском доме, а в перспективе вне зависимости от вступления в ЕС обеспечит статус ключевого звена между Западом и исламским миром.

Приведенные выше прогнозные оценки по энергетическому треку подтвердились, в том числе увеличением трубопроводного трафика газа и нефти в Европу через турецкую территорию. Некоторой корректировке были подвергнуты сроки ввода первого и последующих энергоблоков АЭС, сдвинувшиеся на 2026 г. и последующие годы соответственно. В настоящий момент данный курс оказался под воздействием факторов вооруженного конфликта в Восточной Европе и эскалации вокруг Ирана.

Еще одним примером реализации прогнозов в отношении региональной активности Турции стала ситуация в Сирии, где в 2025 г. к власти пришла вооруженная оппозиция, что стало одной из причин снижения потенциала курдского фактора¹⁹ и географии курдской автономии.

Автором отмечено:

- одновременно с силовым аспектом турецкой политики на Ближнем Востоке результативно использован фактор «мягкой силы» для консолидации исламских государств Центральной Азии в формате «тюркского мира»²⁰ с опорой на военный, экономический и гуманитарный вектор;
- последовательность шагов Анкары по реализации тезисов «одна нация, два государства» и «один народ — пять государств» [Михалёв, Рахимов, 2024, с. 98–111];
- готовность Турции предоставить помощь и защиту по астанинской, ливийской и азербайджанской модели.

Так, современное «братское» турецкое участие в событиях на Южном Кавказе горячо приветствовалось Баку, а результаты совместных мер нашли отклик в государствах Центральной Азии, приверженных идее тюркского единства, несмотря на историческую, цивилизационную, экономическую, религиозную и иную специфику.

¹⁹ Президент Турции Р. Т. Эрдоган: «Как страна, мы 9 октября предприняли важный шаг по устранению РКК/YPG. Наша операция «Источник мира» преследует две основные цели. Первая — полное устранение террористической угрозы, исходящей от РКК/YPG на севере Сирии. Вторая цель операции — обеспечение благополучного возвращения на родину, в свою страну 3 миллионов 650 тысяч сирийских арабов, которые уже восемь лет находятся у нас. Кроме того, мы приняли в своей стране около 350 тысяч сирийских курдов». [В Баку состоялся VII саммит Совета сотрудничества тюркоязычных государств. 15.10.2019. URL: <https://president.az/ru/articles/view/34442> (дата обращения: 15.10.2019)].

²⁰ Президент Эрдоган представил «Видение тюркского мира». 15.12.2025. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/политика/президент-ердоган-представил-видение-тюркского-мира-/3771824> (дата обращения: 25.12.2025).

Несомненным успехом турецкой политики на пути объединения экономического и культурного пространства тюркоязычных народов стало преобразование Совета сотрудничества тюркоязычных государств в Организацию тюркских государств²¹.

В исследованиях 2021 г. автор акцентировал, что аспект регионального влияния во внешней политике Турции в последней четверти XX века получил дополнительный импульс, в том числе вследствие ряда внешних условий:

- разрушение биполярного, а затем и однополярного мироустройства;
- передел глобального топливно-энергетического рынка под влиянием кризиса и вооруженных конфликтов;
- благоприятное географическое положение на транспортных, торговых и миграционных маршрутах между Востоком и Западом;
- затянувшийся на десятилетия процесс принятия Турции в ЕС, несмотря на то что Анкара установила для данной цели стратегический национальный статус;
- членство в Североатлантическом блоке.

Решающим внешним фактором названа опора на поддержку США и НАТО, а также заявленная Турцией готовность защищать интересы Европы по поддержанию мира в регионе.

Автором названы следующие ключевые внутренние факторы турецкой политики по укреплению регионального влияния:

- культивирование идеи о статусе нового великого государства и мировой державы;
- стремительный научный, технологический и экономический рывок в конце XX века;
- стабильное увеличение численности населения, его благосостояния и социальной защищенности;
- консолидирующий единоличный стиль управления и популярность президента Турецкой Республики Т. Эрдогана, поддержанного ведущей политической силой национального парламента — Партией справедливости и развития;
- возросший экономический и военный потенциал, позволивший проводить внешнюю политику с опорой на преимущества жесткой военной силы, что отодвинуло так называемую «мягкую силу» на вторые роли [Аватков, 2019, с. 2–5].

К 2026 г. указанные выше группы факторов приобрели еще более существенное звучание, что способствовало усилению турецкого влияния, а в отдельных случаях — давления на интересы Армении, России и других государств Южного Кавказа, а также на Ближнем Востоке²² и в Центральной Азии.

Анкара продолжила курс на выгоду от участия в североатлантическом альянсе и позиционирование в качестве сильного и лояльного Западу регионального партнера, способного взять на себя решение проблем массовой миграции и борьбы с международным терроризмом, а также роль третейского судьи и миротворца. Взамен Турция сохранила стратегическую поддержку и масштабную военно-техническую помощь Запада при фактическом одобрении использования силы за рубежом в обход механизмов ООН.

В то же время проецирование императивов в духе тюркского единства на кавказском направлении на исламскую часть Азии и африканского побережья, а также дальнейшее продвижение интересов за пределами государственных границ в духе силового решения кипрской, сирийской и курдской проблемы не могли не породить определенные опасения [Казанцев, 2008, с. 199–207].

²¹ 12 ноября 2021 г.

²² Термин «Ближний Восток» приведен в «Стратегии национальной безопасности Республики Армения 2020 г.», ст. 4.14.

Данный аспект региональной геополитики обострился в свете критической позиции Анкары по вопросу изменения состава Совета Безопасности ООН, а также в контексте проблематики нераспространения ядерного оружия, принадлежности шельфа и т. п.

Также в оценках 2021 г. отмечалось, что к практике резких заявлений в адрес региональных оппонентов Турция прибегала и до начала карабахского конфликта. Анкара продолжила игнорировать претензии международного сообщества, вызванные многолетним военным присутствием на Кипре с 1974 г., боевыми действиями и операциями в Ираке (2015) и в Сирии под лозунгами обеспечения «свободы от тирании», борьбы с терроризмом, защиты национальных интересов и соплеменников, или вооруженными провокациями, например в отношении военных самолетов²³.

В целом относительно влияния турецкого аспекта в регионе подтвердились следующие прогнозы:

1. Важнейшим силовым рычагом турецкой политической экспансии становятся вооруженные силы — наиболее мощные и многочисленные среди неядерных стран в Азии, а также национальный ВПК, нацеленный на импортозамещение к 2023 г. и наращивание экспорта оружия²⁴ для всех родов войск [Ганиев, Задонский, 2018, т. 1, с. 211–213]. Тем не менее до настоящего момента полная самостоятельность в создании и производстве всего спектра вооружений не достигнута²⁵.
2. Турция и Азербайджан продолжают энергично развивать стратегическое сотрудничество, поддерживать друг друга на площадках ООН, ОБСЕ, Организации исламского сотрудничества, Совета Европы и других организаций, осуществляют встречные миллиардные инвестиции, а также совместные проекты по транзиту углеводородов, развитию силовых структур и ВПК.

Прогноз о наращивании сотрудничества Азербайджана и Турции подтвердился на фоне окончательного успеха в карабахском конфликте, а также заявлений Баку в 2025 г. о переходе на военные стандарты НАТО при участии Анкары.

3. Прямое использование турецких регулярных войск и прокси-формирований наиболее вероятно в формате «вынужденной» самообороны. Возможным поводом для применения силы может стать масштабная провокация, а также инсценировка или реальное нападение на критически важные объекты экономики и военной инфраструктуры Турции, ее союзников по НАТО и других стратегических партнеров.
4. Позиция Турции по политико-дипломатическому урегулированию на Южном Кавказе и снятию блокады армянских границ останется увязанной с действенными практическими шагами сторон карабахского конфликта по его разрешению, а также с отказом Армении от линии на международное признание геноцида в отношении армянского населения Османской империи в период Первой мировой войны.
5. В стратегической перспективе Анкара продолжит курс на усиление регионального влияния и активное использование силового подхода во внешней политике в целях

²³ Речь о явных «двойных стандартах» в оценках событий вокруг турецкого военного самолета, сбитого над территорией Сирии в 2012 г., и российского самолета, сбитого над территорией Турции в 2015 г. Предположение выдвинуто с учетом данных в СМИ, в том числе: [Что сказал президент Турции, когда в 2012 г. Сирия сбила турецкий военный самолет? 25.11.2015. URL: <https://rb.ru/article/chto-skazal-prezident-turtsii-kogda-v-2012-godu-siriya-sbila-turetskiy-voennyy-samolet/> (дата обращения: 24.01.2021)]; Воздушные инциденты на турецко-сирийской границе с 2011 г. Досье. 24.11.2015. URL: <https://tass.ru/info/2466665> (дата обращения: 24.01.2021)].

²⁴ Турция экспортировала оборонную продукцию на рекордные \$10 млрд 09.01.2026. URL: <https://www.inform.kz/ru/turtsiya-eksportirovala-oboronnuyu-produktsiyu-na-rekordnie-10-mlrd-63b610> (дата обращения: 14.01.2026).

²⁵ Например, серийный выпуск основного танка «Алтай» в 2025 году начат в сентябре 2025 г. с корейским двигателем [Турция получила первые танки Altay. 28.10.2025. URL: <https://tass.ru/ekonomika/25478679> (дата обращения: 28.10.2025)].

продвижения идеологии тюркского возрождения при сохранении высоких темпов роста национальной экономики и военного потенциала. Эти же причины могут способствовать переделу сфер влияния Турции и Ирана в Западной, Южной и Центральной Азии [Ганиев, Задонский, Карякин, 2019, т. 1, с. 22–24].

В прогнозных оценках 2021 г. особая значимость для дальнейшей стабилизации обстановки на Южном Кавказе отводилась нейтрализации региональных вызовов и угроз, сохранивших свое влияние и в 2026 г.:

- сохранение опасности для суверенитета Армении ввиду отсутствия мирных договоров с Азербайджаном и Турцией;
- опасность нового военного противостояния в приграничье Азербайджана, Армении, Грузии с учетом незавершенности делимитации и демаркации границ, в том числе ввиду тенденции к решению территориальных споров силовым путем;
- высокая вероятность возобновления боевых действий в случае попытки одностороннего изменения статус-кво или деструктивного внешнего воздействия на ситуацию в Карабахе. Данная опасность нейтрализована частично. Дополнительная точка напряженности наблюдается на стыке государственных границ Азербайджана, Армении и Ирана;
- препятствие транспортному сообщению Армении с Турцией и Азербайджаном. К текущему моменту блокада частично снята решением Баку с учетом мнения Еревана;
- дальнейшее увеличение дисбаланса военных потенциалов стран региона;
- вовлечение третьих сторон в межнациональные конфликты в качестве ответной реакции на полномасштабную военную агрессию или атаку критически важных объектов на территории сопредельных государств (опасность возросла);
- масштабное проникновение в регион международных террористов, экстремистов и боевиков-наемников (опасность сохраняется).

В марте 2021 г. автором названы следующие меры возобновления доверия между сторонами по завершении «горячей стадии» конфликта в Нагорном Карабахе, реализация которых началась в 2022 г.:

- международное посредничество;
- обмен пленными и задержанными лицами²⁶;
- проведение гуманитарного разминирования;
- переход от экономической блокады к сотрудничеству²⁷;
- возвращение в сельскохозяйственный оборот и сезонную обработку земель вдоль линии соприкосновения сторон;
- совместное пользование водными ресурсами;
- обеспечение доступа к памятным местам и объектам культурного наследия.

Безусловно, подобные меры сохранили важность для всех точек геополитической напряженности в Причерноморье и на Южном Кавказе.

По мнению автора, в настоящий момент попытки третьих сторон активизировать кавказский сегмент евразийской дуги нестабильности [Колотов, Маслов, 2021, с. 136–141] призваны

²⁶ По данным в СМИ: [Азербайджан вернул Армении пятерых военнопленных. 08.09.2022. URL: <https://am.sputniknews.ru/20220908/azerbaydzhan-vernul-armenii-pyatelykh-voennoplennykh-oni-uzhe-na-rodine-47934222.html> (дата обращения: 08.09.2022); Армянские власти через Турцию передали Сирии двоих пожизненно осужденных сирийских граждан. 04.02.2026. URL: <https://am.sputniknews.ru/20260204/siriyskie-namniki-peredany-pri-uslovii-prodolzheniya-otbyvaniya-nakazaniya-galyan-98383707.html>. (дата обращения: 04.02.2026)].

²⁷ Россия осуществила первую поставку зерна в Армению через Азербайджан. URL: <https://ria.ru/20251106/rossiya-2053082923.html> (дата обращения: 06.11.2025).

оказать сдерживающее деструктивное воздействие на Армению, Иран, Россию, а также на Грузию в целях разрушения национального суверенитета, геополитического влияния в регионе и интеграции в ЕАЭС, СНГ, ОДКБ, ШОС, БРИКС.

С методологической же точки зрения опора на научные труды по линии РАН содействовала высокой достоверности рассмотренных результатов анализа и прогнозов 2020–2021 гг., а также их успешной последующей апробации в ходе мониторинга военно-политической обстановки по линии Парламентской Ассамблеи ОДКБ.

Литература / References

Аватков В. А. *Внешиеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений*. На правах рукописи. М.: Дипломатическая академия МИД РФ, 2020 [Avatkov V. A. *The foreign policy of the Republic of Turkey within the framework of the modern system of international relations*. Manuscript. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation 2020 (in Russian)].

В ожидании бури. Коллективная монография. Под ред. Макиенко К. В. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2018 [*Waiting for the storm*. Collective monograph. Makienko K. V. (ed). Moscow: Center for Analysis of Strategies and Technologies Publ, 2018 (in Russian)].

Ганиев Т. А., Задонский С. М. Военная мощь Турецкой Республики. Монография, т. 1–2. Т. 1. М.: Институт Ближнего Востока, 2018 [Ganiev T. A., Zadonsky S. M. The military power of the Turkish Republic. Monograph, vol. I–II. Vol. I. Moscow: Institute of the Middle East Press, 2018 (in Russian)].

Ганиев Т. А., Задонский С. М., Карякин В. В. *Военная мощь Исламской Республики Иран: военная политика и вооруженные силы страны*. Монография, т. 1–2. Т. 1. М.: Институт Ближнего Востока, 2019 [Ganiev T. A., Zadonsky S. M., Karjakin V. V. *Military power of the Islamic Republic of Iran: military policy and armed forces of the country*. Monograph, vol. I–II. Vol. I. Moscow: Institute of the Middle East Press, 2019 (in Russian)].

Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки. Коллективная монография. Под ред. Колотова В. Н. и др. Санкт-Петербург: ООО «Студия «НП-Принт», 2013 [*Eurasian arc of instability and regional security problems from East Asia to North Africa*. Kolotov V. N. et al. (ed.), St. Petersburg: NP-Print Studio LLC Publ, 2013 (in Russian)].

Иванова И. И. *Эволюция ближневосточной политики Турецкой Республики в XX–XXI вв.* / Под ред. Штанова А. В. МГИМО МИД России. М.: Издатель Воробьев А. В., 2019 [Ivanova I. I. *Evolution of the Turkish Republic's Middle East policy in the XX–XXI cent*. Shtanov A. V. (ed.). MGIMO Russian Foreign Ministry. Moscow: Publisher Vorobiev A. V., 2019 (in Russian)].

Казанцев А. А. *Большая игра с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия*. М.: МГИМО, 2008 [Kazantsev A. A. *The Big Game with Unknown Rules: World Politics and Central Asia*. Moscow: MGIMO Press, 2008 (in Russian)].

Киреев Н. Г. *История Турции XX век*. Институт востоковедения РАН. М.: Крафт+, 2007 [Kireev, N. G. *History of Turkey XX century*. Institute of Oriental Studies RAS. Moscow: Kraft + Publ., 2007 (in Russian)].

Колотов В. Н., Маслов А. А. Евразийская дуга нестабильности и новые вызовы для России. *Международная жизнь*. 2021. № 2. С. 136–141 [Kolotov V. N, Maslov A. A. The Eurasian Arc of Instability and New Challenges to Russia. *International Affairs*. 2021. № 2. Pp. 136–141 (in Russian)].

Михалёв А. В., Рахимов К. К. Евразия с точки зрения Фуко. *Россия в глобальной политике*. 2024. Т. 22. № 1. С. 98–111 [Mikhalev A. V., Rakhimov K. K. Eurasia from Foucault's point of view // *Russia in Global Politics*. 2024. Vol. 22. No. 1. Pp. 98–111 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic Sources

Азербайджан вернул Армении пятерых военнопленных. 08.09.2022 [Azerbaijan has returned five prisoners of war to Armenia. 08.09.2022]. URL: <https://am.sputniknews.ru/20220908/azerbaydzhan-vernul-armenii-pyatelykh-voennoplennyykh-oni-uzhe-na-rodine-47934222.html> (in Russian) (дата обращения: 08.09.2022).

Армянские власти через Турцию передали Сирии двоих пожизненно осужденных сирийских граждан. 04.02.2026 [The Armenian authorities handed over two Syrian citizens sentenced to life in prison to Syria through Turkey. 04.02.2026]. URL: <https://am.sputniknews.ru/20260204/siriyskie-namniki-peredany-pri-uslovii-prodolzheniya-otbyvaniya-nakazaniya-galyan-98383707.html> (in Russian) (дата обращения: 04.02.2026).

В Баку состоялся VII саммит Совета сотрудничества тюркоязычных государств. 15.10.2019 [Baku hosts 7th Summit of Cooperation Council of Turkic-Speaking States. 15.10.2019]. URL: <https://president.az/ru/articles/view/34442> (in Russian) (дата обращения: 15.10.2019).

Воздушные инциденты на турецко-сирийской границе с 2011 года. Досье. 24.11.2015 [Air incidents on the Turkish-Syrian border since 2011. The dossier. 24.11.2015]. URL: <https://tass.ru/info/2466665> (in Russian) (дата обращения: 24.01.2021).

ВС Азербайджана находятся в 4,5 км от Джермука: глава Генштаба представил положение дел на передовой. 16.09.2022 [The Azerbaijani Armed Forces are located 4.5 km from Jermuk: the head of the General Staff presented the situation on the front line. 16.09.2022]. URL: <https://armeniatoday.am/armed-forces-ru/527365/> (in Russian) (дата обращения: 16.09.2022).

Генсек НАТО объяснил усиление присутствия альянса в Черном море. 09.02.2021 [The NATO Secretary General explained the increased presence of the alliance in the Black Sea. 09.02.2021]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10661573> (in Russian) (дата обращения: 09.02.2021).

Заявление МИД России в связи с пятой годовщиной договоренностей лидеров России, Азербайджана и Армении о прекращении огня в зоне нагорнокарабахского конфликта. 07.11.2025 [Statement by the Russian Foreign Ministry on the fifth anniversary of the ceasefire agreement between the leaders of Russia, Azerbaijan, and Armenia in the Nagorno-Karabakh conflict zone. 07.11.2025]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/problematika-prostranstva-sng/nagorno-karabahskoe-uregulirovanie/2057812/ (in Russian) (дата обращения: 07.11.2025).

Коффи Л. Грузия имеет важное значение для решения геополитических задач США в регионе Евразии [Georgia is important for solving the geopolitical problems of the United States in the Eurasian region]. URL: <http://ru.gruzinform.ge/news/46019/gruziA-imeet-vaZnoe-znaCenie-dlA-reSeniA-geopolitiCeskiK-zadaC-sSa-v-regione-evrazii-lUk-koffi.html> (in Russian) (дата обращения: 20.08.2020).

МИД РФ. Содействие нормализации отношений между Азербайджаном и Арменией [Ministry OF Foreign Affairs of the Russian Federation. Promoting normalization of relations between Azerbaijan and Armenia]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/problematika-prostranstva-sng/nagorno-karabahskoe-uregulirovanie/ (in Russian) (дата обращения: 10.10.2020).

МИД РФ. О создании гражданской мониторинговой миссии Евросоюза в приграничных районах Армении. 26.02.2023 [Ministry OF Foreign Affairs of the Russian Federation. On the establishment of a civilian monitoring mission of the European Union in the border regions of Armenia. 26.02.2023]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1849816/ (in Russian) (дата обращения: 26.02.2023).

По мнению Пашиняна, отношения между Арменией и Россией находятся на стадии трансформации. 16.07.2025 [According to Pashinyan, relations between Armenia and Russia are at the stage of transformation. 16.07.2025]. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1224990> (in Russian) (дата обращения: 16.07.2025).

Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев. Участникам 6-го Каспийского бизнес-форума на тему «Вдоль Среднего коридора: связь, финансы и энергетика». 24.09.2025 [President of the Republic of Azerbaijan İlham Aliyev. To the participants of the 6th Caspian Business Forum: «Connectivity, Finance, and Energy along the Middle Corridor». 24.09.2025]. URL: <https://president.az/en/articles/view/70168> (in Russian) (дата обращения: 24.09.2025).

Президент Эрдоган представил «Видение тюркского мира». 15.12.2025 [President Erdogan presented a «Vision of the Turkic World». 15.12.2025]. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/политика/президент-эрдоган-представил-видение-тюркского-мира-/3771824> (in Russian) (дата обращения: 25.12.2025).

Турция получила первые танки Altay. 28.10.2025 [Turkey received the first Altay tanks. 28.10.2025]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/25478679> (in Russian) (дата обращения: 28.10.2025).

Турция экспортировала оборонную продукцию на рекордные \$10 млрд 09.01.2026 [Turkey exported defense products worth a record \$10 billion. 09.01.2026]. URL: <https://www.inform.kz/ru/turtsiya-eksportirovala-oboronnyu-produktsiyu-na-rekordnie-10-mlrd-63b610> (in Russian) (дата обращения: 14.01.2026).

Устав ООН, ст. 1, 2, 4 и др. Декларация о принципах международного права от 24.10.1970 [United Nations Charter, art. 1, 2, 4, etc. Declaration on Principles of International Law, 24 October 1970]. URL: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html> <https://www.un.org/ru/documents/treaty/ARES-2625%28XXV%29> (in Russian) (дата обращения: 10.09.2020).

Что сказал президент Турции, когда в 2012 году Сирия сбila турецкий военный самолет? 25.11.2015 [What did the Turkish president say when Syria shot down a Turkish military plane in 2012?. 25.11.2015]. URL: <https://rb.ru/article/chto-skazal-prezident-turtsii-kogda-v-2012-godu-siriya-sbila-turetskiy-voennyi-samolet/> (in Russian)] (дата обращения: 10.09.2020).

About European Union Mission in Armenia. 07.01.2026. URL: https://www.eeas.europa.eu/euma/about-european-union-mission-armenia_en?s=410283 (дата обращения: 04.02.2026).

Joint statement of Co-facilitators of Ergneti Incident Prevention and Response Mechanism. 21.07.2020. URL: <https://www.osce.org/chairmanship/457750> (дата обращения: 20.10.2020).

Q&A EU Monitoring Capacity to Armenia. 25.10.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/qa-eu-monitoring-capacity-armenia_en (дата обращения: 25.10.2022).

OSCE Ministerial Council decision marks new step towards sustainable peace in the South Caucasus. 01.09.2025. URL: <https://www.osce.org/chairpersonship/596899> (дата обращения: 24.09.2025).

U. S. Dollar-Turkish Lira History: 2026. URL: <https://www.poundsterlinglive.com/history/USD-TRY-2026> (дата обращения: 25.09.2025).

ТУРЕЦКИЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ХАБ: ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА

© 2026

М. Х. Амрахов¹

Исследование посвящено рассмотрению предпосылок, текущего состояния и перспектив создания международного энергетического (газового) хаба на территории Турецкой Республики. Анализируется логистическая роль Турции в мировой системе торговли природным газом с учетом ее выгодного географического положения и развитой газотранспортной инфраструктуры, расположенной на пересечении маршрутов, соединяющих Российскую Федерацию, страны Каспийского региона и Ближнего Востока с рынками стран Европейского союза. Особое внимание уделено эволюции российско-турецкого энергетического сотрудничества, а также влиянию на его развитие международного санкционного давления, позиции Европейского союза и реализуемой правительством Турции стратегии диверсификации импорта энергоресурсов. Рассматриваются альтернативные источники поставок газа в Турцию, такие как США, Азербайджан, Иран, а также оцениваются ограничения и риски, связанные с их осуществлением. Делается вывод о том, что, несмотря на сокращение роли России в проекте турецкого газового хаба, Турция сохраняет потенциал стать ключевым международным центром торговли газом. При этом российский природный газ в кратко- и среднесрочной перспективе продолжит играть значимую роль в обеспечении внутренних потребностей страны.

Ключевые слова: энергетический хаб, Турция, Российская Федерация, Турецкий поток, Голубой поток, СПГ

Для цитирования: Амрахов М. Х. Турецкий энергетический хаб: перспективы реализации проекта. Вестник Института востоковедения РАН. 2026. № 2. С. 258–266. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-258-266

TÜRKİYE'S ENERGY HUB: PROSPECTS FOR PROJECT IMPLEMENTATION

Mikhail Kh. Amrakhov

The study examines the background, current situation, and prospects for establishing an international energy (gas) hub in the Republic of Türkiye. It analyses Türkiye's logistical role in the global natural gas trade system, taking into account its advantageous geographic location and developed gas transportation infrastructure, located at the intersection of routes connecting the Russian Federation, the Caspian region, and the Middle East with the markets of the European Union. Particular attention is paid to the evolution of Russian-Turkish energy cooperation, as well as the impact of international sanctions, the position of the European Union, and the Turkish government's strategy for diversifying energy imports. Alternative sources of gas supply to Türkiye, such as the United States, Azerbaijan, and Iran, are considered, and the limitations and risks associated with their implementation

¹ Амрахов Михаил Хикметович, студент магистратуры Института стран Азии и Африки МГУ имени М. В. Ломоносова, кафедра экономики и экономической географии стран Азии и Африки, Москва; amrahov8602@mail.ru
Mikhail Kh. Amrakhov, master's student at the Institute of Asian and African Studies of M. V. Lomonosov Moscow State University, Department of Economics and Economic Geography of Asian and African Countries, Moscow; amrahov8602@mail.ru

are assessed. It concludes that, despite Russia's decreasing role in the Turkish gas hub project, Türkiye retains the potential to become a key international gas-trading hub. At the same time, Russian natural gas will continue to play a significant role in meeting the country's domestic needs in the short and medium term.

Keywords: energy hub, Türkiye, Russian Federation, TurkStream, Blue Stream, LNG

For citation: Amrakhov M. Kh. Türkiye's Energy Hub: Prospects for Project Implementation. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 2. Pp. 258–266. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-258-266

Сегодня Турецкая Республика играет важную транзитную роль на мировом энергетическом рынке, соединяя крупные страны-производители энергетических ресурсов (Российскую Федерацию, страны Ближнего Востока, Средней Азии и Закавказья) со странами-потребителями этих ресурсов из Европы. Именно поэтому сохраняет свою актуальность идея о формировании на территории Турции международного энергетического хаба, созданию которого способствуют выгодное географическое положение страны, существующие международные энергетические проекты, реализованные на территории Турции, а также гибкая и прагматичная внешняя политика турецкого правительства.

В рамках становления Турции как международного энергетического хаба в первую очередь необходимо рассмотреть динамику развития взаимоотношений в энергетической сфере с другими государствами, и начать стоит с российско-турецких отношений.

Российско-турецкие энергетические отношения были официально инициированы в 1984 г., когда между СССР и Турецкой Республикой было подписано первое соглашение о поставках природного газа в Турцию, по которому, как и по другим международным договорам СССР, Российская Федерация в дальнейшем выступила правопреемницей [Калугин, 2015, с. 45]. Контракт предусматривал поставку 6 млрд куб. м газа в год в течение 25 лет, начиная с 1987 г., посредством использования Трансбалканского газопровода. Соглашение стало важным шагом в расширении советского экспорта газа на внешние рынки, и фактически стало возможно говорить о том, что в этот период СССР оказался единственным поставщиком — монополистом на рынке экспорта газа в Турцию. Срок действия соглашения истек в 2011 г.

Ныне основным маршрутом поставок российского газа в Турцию является магистральный газопровод «Голубой поток». 15 декабря 1997 г. между правительствами Российской Федерации и Турецкой Республики было подписано соглашение о поставках российского природного газа через акваторию Черного моря в Турцию в объеме 16 млрд куб. м в течение 25 лет.

В декабре 2014 г. ПАО «Газпром» и турецкая государственная трубопроводная компания «BOTAŞ» подписали соглашение о строительстве еще одного газопровода через Черное море. Проект получил название «Турецкий поток». Поставки газа по газопроводу были начаты в январе 2020 г.

С одной стороны, считается, что «Турецкий поток» еще больше укрепил зависимость Турции от импорта российского газа. С другой стороны, сохранившаяся инфраструктура Трансбалканского газопровода сегодня используется для поставок газа в обратном направлении. Теперь уже Турция с его помощью имеет возможность экспортировать газ в страны Европы. Для этого часть инфраструктуры Трансбалканского газопровода, проходящая через Болгарию, была соединена с ответвлением от «Турецкого потока». Данный газотранспортный маршрут получил название «Балканский поток». Следовательно, «Турецкий поток» создает определенные преимущества для турецкого рынка, так как предоставляет прямой доступ к российскому газу, устраняет транзитные сборы при поставках через Восточную Европу и обеспечивает возможность осуществления поставок природного газа в европейские страны. Все это позволяет Турции гарантировать безопасность и стабильность поставок газа, а также получать дополнительный доход за счет транзитных сборов.

Также необходимо рассмотреть взаимодействие Турции по энергетическим вопросам с другими государствами. После распада Советского Союза в Каспийском регионе появились новые производители энергетических ресурсов, в первую очередь Азербайджан и Туркменистан, которые стремились разработать маршруты транспортировки своих ресурсов на международные рынки. В свою очередь в Турции в данный период наблюдается стремительный экономический рост и, как следствие, растущие потребности в энергетических ресурсах.

В то же время в середине 1990-х гг. США стремились к ограничению присутствия России и Ирана в регионе Каспийского моря, в том числе с помощью продвижения идеи энергетического коридора «Восток — Запад», связывающего новых производителей энергетических ресурсов с европейским рынком. Как следствие, на территории Турции, которая является естественным географическим мостом между этими регионами, был реализован ряд международных энергетических проектов [Хлопов, 2023, с. 251].

Газопровод «Баку — Тбилиси — Эрзурум», также известный как Южно-Кавказский газопровод, является важной составляющей системы энергетического коридора «Восток — Запад». В 2001 г. между турецким и азербайджанским правительствами было подписано соглашение о поставках в Турцию природного газа, добываемого в азербайджанском месторождении Шах Дениз. Строительство газопровода было начато в 2004 г., а подача газа по трубопроводу началась в 2007 г.

В дальнейшем между Турцией и Азербайджаном была достигнута договоренность относительно транспортируемых объемов, цен и транзитных тарифов по перекачке азербайджанского природного газа как в саму Турцию, так и на европейские рынки через территорию Турции.

В 2011 г. между турецким и азербайджанским правительствами было подписано соглашение, которое предусматривает ежегодную поставку 6 млрд куб. м азербайджанского газа на турецкий рынок, а в 2012 г. между странами было подписано межправительственное соглашение о ежегодной транзитной транспортировке 10 млрд куб. м азербайджанского газа в Европу по новому трубопроводу, проходящему через территорию Турции. Так был дан старт проекту Трансанатолийского газопровода (TANAP) — второй ветке Южного газового коридора.

Также стоит упомянуть проект строительства Транскаспийского газопровода. В перспективе газопровод способен соединить туркменский город Туркменбаши и столицу Азербайджана Баку по дну Каспийского моря, что в дальнейшем через присоединение к Южно-Кавказскому газопроводу и Трансанатолийскому газопроводу обеспечит поставки туркменского газа в страны Европейского союза (ЕС).

Следующим элементом турецкой газотранспортной системы является газовый интерконнектор «Турция — Греция». В декабре 2003 г. между турецким и греческим правительствами было подписано соглашение о строительстве газопровода, который позволил соединить турецкую газотранспортную систему с греческой, тем самым обеспечив выход на страны Южной Европы через Трансатлантический газопровод.

Южно-Кавказский, Трансанатолийский и Трансатлантический газопроводы в совокупности формируют так называемый «Южный газотранспортный коридор», целью которого является транспортировка газа из месторождений Каспийского региона на европейский энергетический рынок.

Необходимо упомянуть о ирано-турецком газопроводе, сооружение которого началось в 1996 г. после подписания соглашения между турецким и иранским правительствами о поставках в течение 25 лет иранского природного газа в объеме 10 млрд куб. м в год.

Таким образом, совокупность всех вышеперечисленных энергетических маршрутов, проходящих через территорию Турецкой Республики (см. Рисунок 1), позволяет говорить о возможности

создания на ее территории газового хаба, который соединит всю турецкую газотранспортную инфраструктуру и важные транспортные энергетические маршруты из Российской Федерации, Каспийского региона и Ближнего Востока с целью обеспечения торговли между странами Европейского союза как ключевыми импортерами энергетических ресурсов и региональными странами-экспортерами, такими как Россия, Азербайджан, Иран и Туркменистан.



Рисунок 1. Основная газовая инфраструктура в Турции. Составлено по: International Energy Agency, IEA.

Идея формирования турецкого газового хаба достаточно давно обсуждается истеблишментом Турции, однако ее первым международным признанием стало заявление президента Российской Федерации В. В. Путина, сделанное в октябре 2022 г. Президент отметил, что Россия готова перенаправить объемы поставок газа с «Северных потоков» в Черное море². Фактически было выдвинуто предложение о создании на территории Турции газового хаба при поддержке России. В свою очередь президент Турецкой Республики Р. Т. Эрдоган поддержал данную инициативу и заявил, что значительная часть инфраструктуры, необходимой для создания на территории страны хаба и центра торговли газом, уже существует.

Проект газового хаба в Турции подразумевает создание электронной площадки торговли природным газом. Другими словами, планируется создание виртуальной торговой точки, в которой пользователи сети, то есть продавцы и покупатели природного газа, смогут совершать сделки и транспортировать газ в крупных объемах. Цена в данном случае устанавливается для всей рыночной зоны, которая покрывается виртуальным хабом.

В 2024 г. Российская Федерация стала крупнейшим поставщиком природного газа в Турцию. Так, в 2024 г. в Турции доля российского газа от общего объема импорта составила 41,32% (см. График 1).

² Путин: Россия готова перенаправить объемы с «Северных потоков» через Турцию в Европу. ТАСС. 12.10.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16029249> (дата обращения: 03.12.2025).

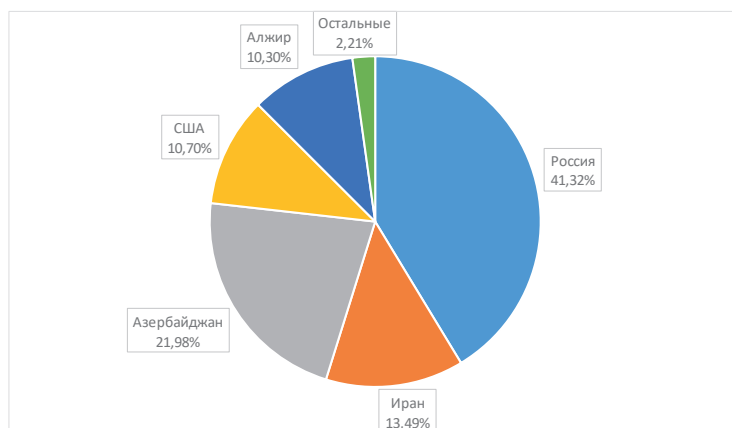


График 1. Источники импорта природного газа в Турции в 2024 г.
Составлено по: *Enerji Piyasası Düzenleme Kurumu*

Тем не менее на сегодняшний день перспективы поставок российского природного газа в Турцию, равно как и участие России в регулировании турецкого энергетического хаба представляются неопределенными и во многом зависят от совокупности политических и экономических факторов. Несмотря на исторически устойчивые энергетические связи между двумя странами, тенденции последних лет указывают на нарастающие ограничения для дальнейшего роста экспорта российского газа в турецком направлении.

В первую очередь на динамику российско-турецкого газового сотрудничества существенное влияние оказывают международные санкции, наложенные на Российскую Федерацию. Введенные странами Запада санкции ограничивают доступ к международным платежным системам, что затрудняет расчеты по контрактам. Также применительно к торговле сжиженным природным газом (СПГ) стоит отметить сферу логистики и страхования, которые под давлением санкций оказываются дороже или вовсе перестают быть доступными, что создает дополнительные издержки для газовой торговли.

В краткосрочной перспективе благодаря различным решениям по обходу санкций, таким как расчеты в банках, находящихся в юрисдикциях третьих стран, а также использование так называемого «теневого» флота, российско-турецкое торгово-энергетическое сотрудничество стабилизировалось. Однако издержки продолжают расти, и в долгосрочной перспективе проблемы с банковскими расчетами, инвестициями и технологическим обеспечением могут сократить экспортный потенциал России. Это вынуждает Турцию к форсированию диверсификации источников импорта энергоресурсов и, как следствие, формированию энергетического хаба с еще более широким кругом поставщиков.

Важную роль играет позиция Европейского союза, который, стремясь к полной энергетической независимости от России, последовательно реализует стратегию отказа от закупок российских ресурсов, в том числе в рамках проектов, связанных с транзитом российского газа через Турцию. Несмотря на то, что Турция позиционирует будущий хаб как международную площадку для торговли газом различного происхождения, в ЕС ясно дают понять, что участие российского топлива в подобных проектах неприемлемо.

Европейские власти рассматривают турецкий газовый хаб не как инструмент поставок из России, а как потенциальную точку доступа к энергетическим ресурсам Ближнего Востока, Каспийского региона и Восточного Средиземноморья. ЕС намерен ужесточить контроль за происхождением импортируемого газа и предотвратить возможные схемы, при которых российское

топливо могло бы попасть на европейский рынок транзитом через Турцию. Такая позиция отражает долгосрочную политику стран ЕС по диверсификации источников энергоснабжения и снижению политических рисков, связанных с российским влиянием в энергетической сфере.

В свою очередь в июне 2025 г. «Газпром» отказался от участия в создании в Турции крупного газового хаба, так как оценил возможность осуществления данного проекта маловероятной³. Ожидалось, что турецкий хаб поможет России восстановить позиции в Европе, после того как был остановлен транзит по прежним маршрутам, в частности после подрывов на «Северных потоках».

Российская сторона отказалась от проекта по двум основным причинам. Во-первых, из-за нежелания Турции отводить российской стороне ведущую роль в регулировании деятельности газового хаба, так как турецкая сторона намерена осуществлять данную функцию самостоятельно. Во-вторых, из-за высокого уровня общей неопределенности для России на международном газовом рынке, которая усиливается последовательной реализацией правительством Турции политики по диверсификации источников импорта энергоресурсов. Цель данной стратегии заключается в снижении зависимости от одного поставщика и, как следствие, в обеспечении энергетической безопасности страны. Таким образом, потенциальная роль в реализации проекта турецкого газового хаба может оказаться менее привлекательной для российской стороны.

Кроме того, правительство Турции направляет значительные инвестиции в развитие собственной газовой инфраструктуры, включая терминалы СПГ и подземные хранилища, а также разведку газовых месторождений на собственной территории.

В этой связи турецкое правительство активно развивает сотрудничество с альтернативными экспортерами, такими как Азербайджан и Иран. В контексте диверсификации поставок, а также в условиях текущей геополитической конъюнктуры в последнее время особое внимание уделяется вопросу поставок СПГ. В сентябре 2025 г. Турция заключила контракты на поставку СПГ с американскими компаниями на 43 млрд долл. США. Мощности турецких приемных СПГ-терминалов в 58 млрд куб. м полностью удовлетворяют внутренний спрос на газ, и считается, что к концу 2028 г. Турция сможет покрыть более 50% своих потребностей в газе за счет наращивания внутренней добычи и увеличения импорта СПГ из США (на сегодняшний момент данное соотношение находится на отметке около 30%).

Как следствие, вполне закономерен вывод о том, что Турция способна значительно снизить уровень импорта российского газа. Однако существенные объемы американского СПГ были приобретены по спотовым (разовым) контрактам и не могут служить доказательством намерений Турции и дальше развивать долгосрочные торговые взаимоотношения двух стран в нефтегазовом секторе: Турция прибегла к конвертации американских спотовых объемов импорта в краткосрочные контракты, чтобы получить от США послабления по экспортным тарифам, введенным администрацией Д. Трампа в 2025 г. Другими словами, активная деятельность турецкого правительства по подписанию контрактов в сентябре 2025 г. не гарантирует того, что Турция будет потреблять больше американского газа в следующем году (см. Таблицу 1). Скорее всего, Турция планирует закрывать дополнительные потребности страны в природном газе за счет СПГ из США, но не полностью замещать российский газ американским.

³ Не хабом единым. Почему российско-турецкий газовый проект останется нереализованным. Коммерсантъ. 21.06.2011. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7776036> (дата обращения: 09.12.2025).

Таблица 1. Контракты на поставку СПГ в Турцию, млрд м³.

Компания	2026	2027	2028	2029	2030	2031	2032	2033	2034	2035	2036	2037	2038	2039	2040	2041	2042	2043	2044	2045
Woodside					0,6	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6	0,6							
Mercuria	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0
BP	1,6	1,6	1,6																	
Shell		4,8	4,8	4,8	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0									
Eni		0,5	0,5	0,5																
Equinor	0,5	0,5	0,5																	
Sefe	0,6	0,6	0,6																	
Jera	0,6																			
Hartree	0,3	0,3																		
Cheniere	1,2																			
TotalEnergies		1,6	1,6	1,6	1,6	1,6	1,6	1,6	1,6	1,6	1,6									
Sonatrach	4,4	3,7																		
Oman LNG	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4										
Итого	14,6	19,0	15,0	12,3	11,6	11,6	11,6	11,6	11,6	11,6	10,2	4,6	4,6	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0

Источник: Reuters

Другим альтернативным поставщиком природного газа может являться Ирак. Разведанные запасы газа в Ираке составляют 3,7 трлн куб. м [Кузнецов, 2018, с. 176], большая часть которых находится на территории регионального курдского правительства Северного Ирака. Однако на энергетические отношения Турции и Ирака существенное влияние оказывает внутренняя нестабильность в Ираке. Согласно Конституции Ирака, природные богатства страны принадлежат всему народу государства. Поэтому односторонние инициативы Иракского Курдистана по подписанию соглашений с целью получения доходов от продажи углеводородов, расположенных в этом регионе, являются незаконными, что приводит к конфликту между центральным иракским правительством и региональной курдской автономией. Если данная проблема не будет решена, вероятность транспортировки иракского газа как на турецкий, так и на мировой рынки будет крайне маловероятной [Kısacık, Kaş, 2017, p. 102].

Еще один вариант диверсификации источников заключается в сотрудничестве Турции со странами Восточного Средиземноморья и подписании соглашения об импорте Турцией газа из исключительных экономических зон Республики Кипр и Израиля. Однако сложные политические отношения Турции со странами данного региона до сих пор затрудняют реализацию этой альтернативы. Если в долгосрочной перспективе правительствам Турции и стран Восточного Средиземноморья все же удастся прийти к компромиссу и разрешить имеющиеся противоречия, позиции Турции как международного центра торговли природным газом будут значительно укреплены, благодаря чему страна сможет претендовать на статус ключевого элемента в мировой системе торговли энергетическими ресурсами.

Изучение контрактной базы и альтернативных направлений энергетической политики Турции показывает, что угроза полного замещения российского природного газа на внутреннем рынке Турции отсутствует, а заинтересованность в импорте российского газа в краткосрочной и среднесрочной перспективах сохраняется. Дело в том, что Турция последовательно реализует политику географической диверсификации импорта, что допускает расширение географии поставщиков за счет включения новых, но также делает нежелательным исключение старых.

В рамках планирования своей энергетической политики турецкое правительство учитывает, что в ближайшее время истекают сроки ежегодных контрактов на импорт трубопроводного газа. В частности, в конце 2025 г. подошли к концу контракты на поставку 6 млрд куб. м газа по «Турецкому потоку» и на 16 млрд куб. м газа по «Голубому потоку». По итогам переговоров оба контракта были продлены, но лишь на один год⁴. С одной стороны, это может свидетельствовать о готовности

⁴ Турция продлила поставки газа из России еще на год. РБК. 04.12.2025. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/69314f989a7947be4f4e2ea6> (дата обращения: 24.12.2025).

Турции к сокращению доли российских поставок в собственном энергетическом балансе. С другой стороны, Турция не готова к полному отказу от российского природного газа. Таким образом, остаются в повестке переговоры об очередном продлении контрактов в конце 2026 г.

Также в середине 2026 г. истекает срок контракта с Ираном на ежегодную поставку 9,6 млрд куб. м трубопроводного газа. Известно, что Турция и Иран уже договорились о его продлении, однако объемы поставок будут урезаны с учетом реальных возможностей иранской стороны. Вдобавок в конце октября 2025 г. были приостановлены поставки через территорию Ирана природного газа из Туркменистана по своповому контракту.

Турция относится к числу стран, для которых цена газа является исключительно важным фактором при выборе поставщика, особенно с учетом необходимости субсидировать его цены на внутреннем рынке. Так, внутренние цены на газ в Турции устанавливаются исходя из соображений государственной социальной политики, из-за чего они, в том числе по причине обесценения национальной валюты, оказываются ниже импортных. В Турции разница между ценой реализации импортного газа на внутреннем рынке и ценой импорта стабильно является отрицательной. Иными словами, совокупная стоимость импортного газа зачастую оказывается выше, чем совокупная выручка от его реализации на внутреннем рынке.

Учитывая, что цена СПГ, особенно по краткосрочным и спотовым контрактам, является более высокой по сравнению с долгосрочными трубопроводными контрактами, поставки природного газа из Российской Федерации обладают безусловным преимуществом, в том числе из-за готовности российской стороны искать компромиссные решения.

Хотя Турция, несомненно, воспользуется сложившейся геополитической ситуацией для максимизации скидок в цене российских поставок, по нашим оценкам, в глобальном масштабе значение российского газа для внутреннего турецкого рынка будет продолжать оставаться высоким.

Итак, в ближайшие годы Турция не прекратит закупки российского природного газа, однако успешные результаты национальных геологоразведочных работ и стратегия диверсификации могут привести к постепенному снижению объемов импорта и его реструктуризации. В этой связи международная энергетическая политика Турции, равно как и структура потребления энергетических ресурсов в стране могут быть сведены к тому, что импортированный Турцией СПГ, а также газ, добытый на территории Турции, будут реэкспортироваться в Европу, в то время как российский и иранский газ будут использованы для покрытия внутреннего спроса⁵.

Благодаря своей разносторонней и прагматичной дипломатии Турции удалось присоединиться как к газотранспортным проектам, поддерживаемым Европейским союзом, так и к проектам, продвигаемым Россией, что позволяет Турции успешно маневрировать в случае возникновения внешнеполитической напряженности.

Таким образом, несмотря на неопределенность в расширении масштабов поставок российского газа в Турцию, проект турецкого международного энергетического хаба состоится, и для Российской Федерации наиболее актуальным является поиск эффективного использования нового турецкого статуса с опорой на длительную историю сотрудничества между двумя странами в газовой сфере.

Литература / References

Гумбатов К. А. Особенности сотрудничества России и Турции в сфере энергетики. *Московский экономический журнал*. 2021. № 4. С. 471–478 [Gumbatov K. A. Features of cooperation between Russia and Turkey in the energy sector. *Moscow Economic Journal*. 2021. No. 4. Pp. 471–478 (in Russian)].

⁵ Turkey's gas shift threatens Russia and Iran's last big European market. Reuters. 08.10.2025. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/turkeys-gas-shift-threatens-russia-irans-last-big-european-market-2025-10-08/> (дата обращения: 09.12.2025).

Калугин П. Е. Историческая динамика российско-турецких взаимоотношений в экономике и энергетике. *Известия Иркутского государственного университета*. Серия: История. 2015. С. 40–54 [Kalugin P. E. Historical dynamics of Russian-Turkish relations in the economy and energy sector. *Bulletin of Irkutsk State University*. Series: History. 2015. Pp. 40–54 (in Russian)].

Кузнецов А. Состояние нефтегазового сектора Ирака и российско-иракское сотрудничество в энергетической сфере. *Геоэкономика энергетики*. 2018. № 4. С. 176–187 [Kuznetsov A. The state of the oil and gas sector in Iraq and Russian-Iraqi cooperation in the energy sector. *Geoeconomics of Energy*. 2018. No. 4. Pp. 176–187 (in Russian)].

Телегина Е., Халова Г. Энергетическая политика Турции на современном этапе. *Энергетическая политика*. 2021. № 9 (163). С. 42–49 [Telegina E., Khalova G. Energy policy of Turkey at the present stage. *Energy policy*. 2021. No. 9 (163). Pp. 42–49 (in Russian)].

Хлопов О. А. Россия в энергетической политике Турции. *Власть*. 2023. № 3. С. 251–260 [Khlopov O. A. Russia in Turkey's Energy Policy. *Vlast*. 2023. No. 3. Pp. 251–260 (in Russian)].

İpek P. The role of energy security in Turkish foreign policy (2004–2016). *Turkish foreign policy: International relations, legality and global reach*. Cham: Springer International Publishing, 2017. Pp. 173–194.

Kavaz İ. Türkiye'nin Enerjisi. Politikalar ve Stratejiler. *SETA*. 2022 [Kavaz I. Türkiye's Energy. Policies and Strategies. *SETA*. 2022 (in Turkish)].

Kısacık S, Kaya F. Turkey's Unique Energy Corridor Role at the Center of Eurasia in the 21st Century. *Marmara University Journal of Political Science*. May 2017. No. 5 (Special Issue April 2017). Pp. 102–121.

Электронные ресурсы / Online resources

Путин: Россия готова перенаправить объемы с «Северных потоков» через Турцию в Европу. *ТАСС*. 12.10.2022 [Putin: Russia is ready to reroute Nord Stream gas through Türkiye to Europe. *TASS*. 12.10.2022]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16029249> (дата обращения: 03.12.2025).

Не хабом единым. Почему российско-турецкий газовый проект останется нереализованным. *Коммерсантъ*. 21.06.2011 [Not just a hub. Why the Russian-Turkish gas project will remain unrealized. *Kommersant*. 21.06.2011]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7776036> (дата обращения: 09.12.2025).

Турция продлила поставки газа из России еще на год. *РБК*. 04.12.2025 [Türkiye extended gas supplies from Russia for another year. *RBC*. 04.12.2025]. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/69314f989a7947be4f4e2ea6> (дата обращения: 24.12.2025).

Türkiye's gas shift threatens Russia and Iran's last big European market. *Reuters*. 08.10.2025. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/turkeys-gas-shift-threatens-russia-irans-last-big-european-market-2025-10-08/> (дата обращения: 09.12.2025).

ОТНОШЕНИЯ ТУРЦИИ И ЕС В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕМЕН XXI в.

© 2026

Н. М. Давидов¹

После получения Турцией статуса государства-кандидата на вступление в ЕС отношения между Анкарой и Брюсселем начали развиваться по восходящей траектории. Однако после 2005 г. ситуация резко изменилась. Периодически возникающие проблемы взаимного доверия сопровождались новыми моделями отношений Турции и ЕС и корректировкой исследовательских подходов к изучению этих отношений. Евро-союз в вопросе выстраивания связей с Турцией отдавал предпочтение «привилегированному партнерству». Анкара же все больше стремилась к «стратегической автономии». В результате взаимодействие сторон все больше стало развиваться в духе взаимовыгодного партнерства без привязки к цели по формированию единого интеграционного пространства.

Ключевые слова: Турция, ЕС, привилегированное партнерство, стратегическая автономия, передовая оборона

Для цитирования: Давидов Н. М. Отношения Турции и ЕС в условиях геополитических перемен XXI в. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2026. № 2. С. 267–273. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-267-273

TÜRKIYE–EU RELATIONS IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL CHANGES IN THE 21ST CENTURY

Nariman M. Davidov

After Türkiye gained EU candidate status, relations between Ankara and Brussels began to develop on an upward trajectory. However, after 2005, the situation changed dramatically. Recurring issues of mutual trust were accompanied by new models of Türkiye–EU relations and a shift in research approaches to studying these relations. The EU, in developing ties with Türkiye, favored a “privileged partnership”. Ankara, meanwhile, increasingly sought “strategic autonomy”. As a result, interaction between the parties increasingly developed in the spirit of mutually beneficial partnership, without being tied to the goal of creating a single integration space.

Keywords: Türkiye, EU, privileged partnership, strategic autonomy, forward defense

For citation: Davidov N. M. Türkiye–EU Relations in the Context of Geopolitical Changes in the 21st Century. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN.* 2026. No. 2. Pp. 267–273. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-267-273

В декабре 1999 г. на очередном саммите Европейского союза в Хельсинки Турецкая Республика была признана государством-кандидатом на вступление в ЕС. Вслед за данным событием отношения между Анкарой и Брюсселем начали развиваться

¹ Давидов Нариман Магомедрашидович, аспирант Института востоковедения РАН, Москва; nariman.davidov@gmail.com
Nariman M. Davidov, postgraduate student, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; nariman.davidov@gmail.com
ORCID: 0009-0007-0965-6830

по резко восходящей траектории. Это привело к тому, что в 2004 г. в ходе Брюссельского саммита ЕС было принято решение о начале переговоров о полноправном вступлении Турции в состав Евросоюза. Однако следующие два десятилетия с точки зрения развития отношений Турции и ЕС оказались непростыми: между ними то и дело возникали серьезные проблемы взаимного доверия. Изменение отношения сторон друг к другу сопровождалось корректировкой исследовательских подходов к изучению их взаимосвязей, что в свою очередь было обусловлено, с одной стороны, трансформацией подходов к теории международных отношений в целом и интеграционным процессам в частности; с другой — возникновением новых факторов, оказывавших влияние на развитие отношений Турции и ЕС.

Для Европы вопрос о принятии Турецкой Республики в состав ЕС остается одним из наиболее проблематичных. В Турции данный вопрос связывают с самоидентификацией. Брюссель во многом по причине отсутствия конкретной интеграционной стратегии избегал точного определения характера своих отношений с Анкарой. Некоторые страны-члены ЕС полагали, что Турция может привнести в Европу некую нестабильность, а потому предлагали проводить в отношении нее осторожную стратегию. В Европе задавались вопросом, в рамках какой ассоциированной или интеграционной структуры Евросоюз сможет «переварить» Турцию. Вновь вспомнились «исторические опасения» европейцев по отношению к турецкому государству, которые в период «холодной войны» по известным причинам оказались на заднем плане. С другой стороны Турция, признавая, что вступление в Евросоюз предполагает политическое и социально-экономическое развитие, отрицала необходимость в культурно-цивилизационной трансформации. В большинстве случаев многие шаги, которые считались необходимыми в рамках адаптации к европейским требованиям, не находили реальной поддержки в турецком обществе или же оказывались временными [Müftüler-Baç, 2025, pp. 1187–1189].

Кроме того, Турция и ЕС в первом десятилетии XXI в. находились в поисках идентичности. В плане евроинтеграции этот период характеризуется глубокими и ускоренными преобразованиями. В этот относительно небольшой отрезок времени ЕС столкнулся со сложной проблемой осуществлять одновременно и расширение, и углубление интеграции. Такое положение дел усложняло для ЕС задачу определить свою политику в отношении Турции. В Европе шли споры относительно глубины, характера и содержания расширения на Восток. В период с 2004 по 2007 г. Евросоюз завершил большую волну расширения, включив в свой состав десять стран Центральной и Восточной Европы, а также Кипр и Мальту. Количество стран-членов ЕС достигло двадцати семи. Новые страны значительно отличались от прежних стран Европейского союза политически и экономически. В результате расширения на Восток увеличилось географическое пространство ЕС, появились новые соседи и проблемы. Влияние ЕС как субъекта международных отношений усилилось, что породило потребность в разработке новых стратегий и инструментов для их реализации [Гаджиев, 2025, с. 204].

Стала очевидна невозможность сохранения темпов ускоренного расширения. Возникла необходимость в разработке новой модели взаимодействия с другими государствами. В Европе размышляли над тем, какие государства и по каким критериям могут быть приняты в ЕС, а с какими отношения должны выстраиваться на основе «привилегированного партнерства». Единого мнения относительно целей и характера интеграции в Европе не было [Turan, Akçay, Kanat, 2019, pp. 40–41].

Поиски «европейской идентичности» сопровождались попытками пересмотреть институциональную структуру ЕС, а также его географические границы и место в мировой политике. При этом было важно, чтобы интеграционный процесс пользовался широкой поддержкой европейской общественности. После длительных и сложных переговоров был разработан Конституционный

договор ЕС, который должен был заменить собой прежние учредительные акты Европейского Союза. Однако на референдумах во Франции и Нидерландах он не получил достаточной поддержки. В итоге вместо непринятой конституции был принят Лиссабонский договор, частично отражавший основные идеи проведенных реформ, но без привязки к конституционной символике.

Такой непростой этап европейской интеграции заставил Брюссель иначе отнестись к взаимодействию с Анкарой, перед которой в то время тоже стояли непростые задачи. В Турции шли серьезные внутрисполитические преобразования, формировалась новая внешнеполитическая стратегия. В турецкой научной литературе того времени регулярно подчеркивалось, что страна изменилась. И она уже не форпост Запада и не окрестность Европы, не мост между Европой и Азией, а претендент на роль одного из центров силы многополярного мира [Özyılmaz Kiraz, 2021, pp. 505–506].

В 2000-е гг. Турция действительно добилась довольно высоких показателей ежегодного экономического роста в условиях, когда во многих странах ЕС наблюдалась экономическая рецессия. Как следствие, реформы в Турции становились все менее привязанными к требованиям ЕС. В общественном сознании последовательно укреплялась мысль о самоценности реформ. Турецкие власти всячески подчеркивали, что цель проводимых преобразований — не вступление в ЕС, а повышение качества жизни турецких граждан независимо от итогов переговорного процесса. Кроме того, во второй половине 2000-х гг. Турция стала наращивать свое влияние на Ближнем Востоке. Данные факторы привели к тому, что прежняя привлекательность ЕС для Турции и ее граждан заметно ослабла. Если в 2004 г. вступление в ЕС поддерживало более 75% населения Турции, то к концу 2014 г. этот показатель упал до 28% [Гаджиев, 2025, с. 206–207].

Нисходящую траекторию с конца 2000-х гг. демонстрировал и уровень влияния Евросоюза на внутрисполитические процессы в Турции. Среди основных факторов данной тенденции выделяются следующие: 1) «политическое отчуждение», демонстративно проявляемое Брюсселем в отношении Анкары; 2) «усталость» Брюсселя от пятого расширения, наиболее масштабного в истории ЕС; 3) спад в мировой экономике, который начался с кризиса в финансовом секторе США в 2007–2008 гг. [Кудряшова, 2010].

В начале второго десятилетия XXI в. в турецком внешнеполитическом самосознании произошел серьезный сдвиг. Евросоюз уже не рассматривался Турцией как продвинутое объединение развитых и богатых стран. ЕС, по мнению Анкары, перестал быть символом модернизации и прогресса, а стал лишь одним из многих культурно-цивилизационных центров силы полицентричного мира. Одновременно в Турции росло убеждение в том, что объединение «христианского мира» должно привести к объединению «мусульманского мира». Соответственно, возникал вопрос: кто возглавит этот самый «мусульманский мир»? Турция видела себя среди основных претендентов на данное вакантное место. Анкара заметно активизировала свои усилия на данном направлении [Гаджиев, 2025, с. 208].

В середине второго десятилетия XXI в. многие страны ЕС столкнулись с миграционной проблемой. Потоки мигрантов создавали высокую нагрузку на инфраструктуру и социальные системы стран-членов ЕС. Оказавшись в сложной ситуации, Брюссель за помощью обратился к Анкаре. Евросоюз надеялся возложить на Турцию роль «буферной зоны» для беженцев, которые использовали турецкую территорию в качестве перевалочного пункта на пути в Европу. Соответственно, турецко-европейские отношения стали рассматриваться сквозь призму попыток обеспечения региональной и международной безопасности. В контексте отношений Анкары и Брюсселя вставали вопросы соотношения национальной обороны и коллективной безопасности. В Турции появились собственные трактовки концепции «передовой обороны». Во главу угла ставились проблемы безопасности и защиты национальных интересов. Турецкая внешняя политика все больше склонялась

к идеям и принципам прагматизма и реализма. Аргументы культурно-цивилизационного подхода становились все менее убедительными [Гаджиев, 2025, с. 208].

Ввод новых переменных, таких как незаконные мигранты, региональные конфликты, спорные месторождения в Средиземном море и др., повлек за собой необходимость в корректировке способов решений, окончательным итогом которых должно было стать не единое интеграционное объединение, а обеспечение коллективной безопасности. При этом во всех официальных документах вступление в Евросоюз оставалось стратегической целью Анкары [Aydin, 2026].

С начала третьего десятилетия XXI в. в турецких экспертных кругах развернулась дискуссия о «стратегической автономии» Турецкой Республики. Подчеркивалось, что внешняя политика Анкары становится все более самостоятельной, нацеленной на защиту собственных национальных интересов и автономной по отношению к Западу. Важные заявления касательно изменения вектора турецкой внешней политики сделал президент республики Реджеп Тайип Эрдоган в июле 2024 г. после очередного заседания кабинета министров. Он отметил, что новые комбинации взаимодействия турецкой дипломатии — это не прихоть, а необходимость. И подчеркнул, что Турция — это страна, которая обладает такими географическими, гуманитарными, экономическими и историческими связями, что «не может быть втиснута в один-единственный блок». И для Турции укрепление сотрудничества с различными регионами — от Азии до Африки и Латинской Америки — так же важно, как и развитие отношений с Западом. По словам Р. Т. Эрдогана, «Турция не отвернется от Востока ради Запада и не станет пренебрегать Западом ради Востока». Турция, подчеркнул турецкий президент, намерена развивать свои отношения со всеми, и прежде всего с соседями, но в соответствии с собственными интересами. Далее он отметил, что в основе внешней политики Турции отныне не принципы времен холодной войны, а принцип «кругового обзора» — то есть внешняя политика с обзором «360 градусов»².

Нынешние отношения Анкары и Брюсселя сохраняются под влиянием как внутривнутриполитических событий в Турции, так и сдвигов на международной арене. Р. Т. Эрдоган продолжает укреплять свои позиции внутри страны, в том числе путем давления на оппозицию. С другой стороны, Анкара продолжает внешнеполитическую линию по Сирии, Ливии, Восточному Средиземноморью и другим вопросам. В то же время ситуация на Украине, а также внешнеполитические действия США заметно повышают роль Турции в системе европейской безопасности. Соответственно, Евросоюз вновь оказался перед сложной дилеммой: в какой степени Брюссель готов подчинить защиту демократических принципов и верховенства права в Турции своим геополитическим и стратегическим соображениям? Арест бывшего мэра Стамбула Экрема Имамоглу в марте 2025 г. вызвал очередную волну критики в ЕС. Под угрозой оказался и без того хрупкий процесс сближения Брюсселя и Анкары, построенный вокруг стратегически важных проблем, таких как украинский конфликт и Сирия после падения режима Башара Асада. Обе проблемы имеют центральное значение в контексте более широкого геополитического противостояния с участием США и России. Несмотря на серьезность событий внутри Турции, институты ЕС отреагировали довольно сдержанно, ограничившись выражениями «озабоченности» и «внимания»³.

Этот взвешенный ответ отражает двусторонние отношения, исторически отмеченные чередованием фаз, но которые неуклонно ухудшались после неудавшейся попытки военного переворота в июле 2016 г. Именно с тех пор процесс вступления Турции в ЕС фактически застопорился,

² Cumhurbaşkanı Erdoğan, 'Ne Doğu ne Batı' dedi mesajı verdi. ODA TV. 16.07.2024. URL: <https://www.odatv.com/guncel/cumhurbaskani-erdogan-ne-dogu-ne-bati-dedi-mesaji-verdi-120053537> (дата обращения: 05.03.2026).

³ Avrupa'dan İmamoğlu'nun tutuklanmasına tepki. T24. 24.03.2025. URL: https://t24.com.tr/dunya/avrupa-dan-imamoglu-nun-tutuklanmasina-tepki,1228126?_t=177754494112 (дата обращения: 05.03.2026).

достигнув своей кульминации в фактической заморозке в 2018 г. Причинами приостановки стали: 1) отступление от демократии; 2) расхождения в вопросах соблюдения прав человека и верховенства закона; 3) напряженность в Восточном Средиземноморье. Данная позиция ЕС сохраняется и сегодня. В отчете Европейской комиссии о развитии Турции за 2024-й год, к примеру, еще раз было подчеркнуто, что нынешняя президентская система в Турции усилила концентрацию исполнительной власти, значительно ослабила институциональные механизмы сдержек и противовесов и ограничила политический плюрализм⁴.

В то же время интенсивный диалог Анкары и Брюсселя сохраняется. Президент Турции продолжает оставаться активным собеседником для основных институтов ЕС. Встречи с такими лидерами как Урсула фон дер Ляйен (председатель Европейской комиссии), Антониу Кошта (председатель Европейского совета) и Кая Каллас (верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности) подтверждают продолжающийся диалог по ключевым вопросам, начиная от экономического сотрудничества до энергетического транзита и контроля нелегальной миграции. Развиваются отношения Турции и с отдельными странами-членами ЕС. В Риме состоялся 4-й межправительственный саммит Турции и Италии с участием Р. Т. Эрдогана и итальянского премьер-министра Джорджии Мелони. Были обсуждены вопросы безопасности, энергетики и оборонной промышленности. Состоялся визит в Турцию канцлера Германии Фридриха Мерца, который назвал Анкару «чрезвычайно важным и ценным союзником по НАТО»⁵.

Таким образом, несмотря на сохранение проблем и трений в отношениях Турции и ЕС (включая замороженный переговорный процесс, территориальные споры с Грецией и Кипром, растущую внешнеполитическую самостоятельность Р. Т. Эрдогана и т. д.), существуют возможности для оживления этих отношений. В то же время в ЕС, судя по всему, утверждается новое восприятие Турции: Анкара больше не рассматривается (или, по крайней мере, не только) как потенциальный кандидат на членство в ЕС, а скорее как стратегический партнер по таким ключевым вопросам, как миграция, энергетический транзит и сотрудничество в сфере обороны и безопасности.

Такая трансформация подкрепляется объективными данными: Турция является пятым по величине торговым партнером ЕС, в то время как ЕС является основным экспортным рынком Анкары. Более того, Турция имеет вторую по величине армию в НАТО и стратегически важное географическое положение между Черным морем и Восточным Средиземноморьем. Ее роль стала еще более заметной после событий в Сирии и Украине, где Турция продолжает позиционировать себя в качестве посредника и ключевого игрока в переговорах.

С другой стороны, Турция понимает, что в условиях раскола между ЕС и США значение ее вооруженных сил для Европы возросло. Соответственно, в контексте европейской политики в области безопасности и обороны Турция может претендовать на более весомую роль в командовании «европейской армией». Но взамен Европа требует от Турции лояльности, как это было в 2016 г. в контексте миграционного кризиса.

В целях продвижения идеи более тесного оборонного партнерства Анкары с Брюсселем Р. Т. Эрдоган демонстративно проявил интерес и к присоединению к «коалиции желающих» («коалиция активистов») по Украине. Также на очередном заседании Европейского политического сообщества в Албании он подчеркнул, что для достижения европейской безопасности необходима

⁴ Türkiye 2024 Report. European Commission. Brussels. 30.10.2024 SWD(2024)696 final. Pp. 19–20. URL: https://enlargement.ec.europa.eu/document/download/8010c4db-6ef8-4c85-aa06-814408921c89_en?filename=T%C3%BCrkiye%20Report%202024.pdf (дата обращения: 05.03.2026).

⁵ Almanya'nın yeni Başbakanı Merz: Türkiye son derece değerli bir NATO müttefiki. NTV. 09.05.2025. URL: <https://www.ntv.com.tr/dunya/almanyanin-yeni-basbakani-merz-turkiye-son-derece-degerli-bir-nato-muttefiki, hedkW9NEvU6IzAoDOFdvMQ> (дата обращения: 05.03.2026).

трансформация, основанная в том числе на принципах неделимой безопасности. Он призвал европейские страны к дальнейшему улучшению сотрудничества в вопросах безопасности и обороны между Турцией и Европой⁶.

В то же время в Брюсселе опасаются, что чрезмерная опора на стратегическую роль Турции может привести к асимметричной зависимости Брюсселя от Анкары. Неразрешенные проблемы между Турцией и ЕС, а также ситуация внутри Турции так или иначе накладывают структурные ограничения на взаимный интерес, основанный исключительно на геополитических расчетах.

Таким образом, динамика развития турецко-европейских связей в XXI в. носит переменчивый и неравномерный характер. Отношения Анкары и Брюсселя характеризуются изменчивой повесткой и весьма подвижной шкалой критериев оценки текущего состояния и динамики развития турецкой евроинтеграции. Факторы, оказывающие влияние на развитие турецко-европейских отношений, весьма разнообразны.

Литература / References

Гаджиев А. Турция – ЕС: эволюция подходов к изучению взаимного сотрудничества в первой четверти XXI в. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 1. С. 203–210 [Gadzhiev A. G. Türkiye — EU: Evolution of approaches to the study of mutual cooperation in the first quarter of the 21st century. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2025. No. 1. Pp. 203–210 (in Russian)].

Кудряшова Ю. Перспективы дальнейшего расширения ЕС и турецкий фактор. *Вестник МГИМО*. 2010. № 5. С. 208–216 [Kudryashova Yu. Prospects for further expansion of the EU and the Turkish factor. *Bulletin of MGIMO*. 2010. No. 5. Pp. 208–216 (in Russian)].

Müftüler-Baç M. A fragile relationship: Turkey and the European Union moving beyond membership with external differentiated integration. *West European Politics*. 2025. Vol. 48. No. 5. Pp. 1186–1215.

Özyılmaz Kiraz B. Türk Dış Politikasında Merkez Ülke Olma Yönelimi: Dönüşüm mü, Devamlılık mı? *Süleyman Demirel Üniversitesi Vizyoner Dergisi*. 2021. Cilt: 12. Sayı: 30. S. 501–519 [Özyılmaz Kiraz B. The Orientation Towards Becoming a Central Country in Turkish Foreign Policy: Transformation or Continuity? *Süleyman Demirel University Visionary Journal*. 2021. Vol. 12. Iss. 30. Pp. 501–519 (in Turkish)].

Turan İ., Akçay E., Kanat Y. Understanding Privileged Partnership Discourse on the Basis of Turkey and the European Union Relation. *Suleyman Demirel University Journal of Social Sciences Institute*. 2019. No. 34. Pp. 29–47.

Электронные ресурсы / Electronic resources

Almanya'nın yeni Başbakanı Merz: Türkiye son derece değerli bir NATO müttefiki. NTV. 09.05.2025 [Germany's new Chancellor Merz: Türkiye is an extremely valuable NATO ally. NTV. 09.05.2025]. URL: <https://www.ntv.com.tr/dunya/almanyenin-yeni-basbakani-merz-turkiye-son-derece-degerli-bir-nato-muttefiki,hedkW-9NEvU6IzAoDvMQ> (in Turkish) (дата обращения: 05.03.2026).

Avrupa'dan İmamoglu'nun tutuklanmasına tepki. T24. 24.03.2025 [Reactions from Europe to İmamoglu's arrest. T24. 24.03.2025]. URL: https://t24.com.tr/dunya/avrupa-dan-imamoglu-nun-tutuklanmasina-tepki,1228126?_t=1777754494112 (in Turkish) (дата обращения: 05.03.2026).

⁶ Tiran'da Avrupa zirvesi... Erdoğan'dan mesajlar. Hürriyet. 17.05.2025. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/tiranda-avrupa-zirvesi-erdogandan-mesajlar-42804512> (дата обращения: 05.03.2026).

Aydın Y. Çok kutuplu dünyada Türkiye-AB ilişkileri: Gerçekler, varsayımlar, yanlışlar ve fırsatlar. Fikir Turu. 09.02.2026 [Aydın Y. Türkiye-EU relations in a multipolar world: Realities, assumptions, misconceptions and opportunities. Fikir Turu. 09.02.2026]. URL: <https://fikirturu.com/jeo-politika/kutuplu-dunyada-turkiye-a-b-iliskileri/> (in Turkish) (дата обращения: 05.03.2026).

Cumhurbaşkanı Erdoğan, 'Ne Doğu ne Batı' dedi mesajı verdi. ODA TV. 16.07.2024 [President Erdoğan conveyed the message, "Neither East nor West". ODA TV. 16.07.2024]. URL: <https://www.odatv.com/guncel/cumhurbaskani-erdogan-ne-dogu-ne-bati-dedi-mesaji-verdi-120053537> (in Turkish) (дата обращения: 05.03.2026).

Tiran'da Avrupa zirvesi... Erdoğan'dan mesajlar. Hürriyet. 17.05.2025 [European summit in Tirana... Messages from Erdoğan. Hürriyet. 17.05.2025]. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/tiranda-avrupa-zirvesi-erdogandan-mesajlar-42804512> (in Turkish)] (дата обращения: 05.03.2026).

Türkiye 2024 Report. European Commission. Brussels. 30.10.2024 SWD (2024) 696 final. Pp. 19–20. URL: https://enlargement.ec.europa.eu/document/download/8010c4db-6ef8-4c85-aa06-814408921c89_en?filename=T%C3%BCrkiye%20Report%202024.pdf (дата обращения: 05.03.2026).

ТУРЦИЯ И ЛИВАН: ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI в.

© 2026

Е. А. Жаворонкова¹

В статье рассматривается динамика развития двусторонних отношений между Турцией и Ливаном с момента прихода к власти Партии справедливости и развития в Турции и до начала 2025 года. В начале столетия пересмотр отношений с соседними странами в Турции повлек за собой создание более благоприятной атмосферы для налаживания отношений с Ливаном. Однако путь оказался тернистым: присутствие иностранного военного контингента на территории Ливана, раздробленность страны, политические кризисы, разные оценки региональных событий, боестолкновения, техногенная катастрофа усложняли нормализацию двусторонних отношений. Однако стороны все равно прилагали усилия для углубления партнерства. Несмотря на то, что внутриполитическое положение в Ливане сложно назвать стабильным, сторонам удалось добиться некоего прогресса.

Ключевые слова: Турция, Ливан, турецко-ливанские отношения, Анкара, Бейрут, Хезболла, Вторая ливанская война

Для цитирования: Жаворонкова Е. А. Турция и Ливан: тернистый путь двусторонних отношений в первой четверти XXI в. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 2. С. 274–281. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-274-281

TÜRKIYE AND LEBANON: THE THORNY PATH OF BILATERAL RELATIONSHIPS IN THE FIRST QUARTER OF THE 21ST CENTURY

Ekaterina A. Zhavoronkova

The article examines the dynamics of bilateral relations between Türkiye and Lebanon from the moment the Justice and Development Party came to power in Türkiye until the beginning of 2025. At the beginning of the century, Türkiye's reevaluation of its relations with neighboring countries created a more favorable atmosphere for establishing relations with Lebanon. However, the path was not without challenges, as the presence of foreign military forces in Lebanon, the country's fragmentation, political crises, differing interpretations of regional events, armed conflicts and technological disaster all contributed to the complexity of normalizing bilateral relations. However, the parties have still made efforts to deepen their partnership. Despite the fact that the internal political situation in Lebanon is not stable, the parties have made some progress.

Keywords: Türkiye, Lebanon, Türkiye–Lebanon relations, Ankara, Beirut, Hezbollah, 2006 Lebanon War

For citation: Zhavoronkova E. A. Türkiye and Lebanon: the Thorny Path of Bilateral Relationships in the First Quarter of the 21st Century. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 2. Pp. 274–281. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-274-281

¹ Жаворонкова Екатерина Александровна, старший преподаватель кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО, Москва; kate28112010@mail.ru

Ekaterina A. Zhavoronkova, Senior Lecturer at Department of Middle East Languages of MGIMO-University, Moscow; kate28112010@mail.ru
ORCID: 0009-0007-8836-873X

Приход к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в Турции повлек за собой пересмотр отношений с арабскими странами, в том числе затронул и турецко-ливанские отношения. Еще в конце XX века у стран началось постепенное потепление отношений, но только в экономической сфере. Важно отметить, что принципиальные различия в оценке некоторых исторических событий (геноцид армян, курдский вопрос и другие) накладывали негативный отпечаток на турецко-ливанские отношения [Савичева, 2008, с. 52–54].

По мнению российских специалистов по Ближнему Востоку Горбуновой Н. М. и Ивановой И. И., позитивным фоном для выстраивания отношений между Турцией и Ливаном стало улучшение турецко-сирийских отношений в начале XXI века [Горбунова, Иванова, 2018, с. 74]. С 1976 года на территории Ливана постоянно находились вооруженные силы Сирии, что позволяло Сирии оказывать существенное влияние на политику Ливана.

Возможность того, что Ливан заключит соглашение с Израилем в обход интересам Сирии, вызывала опасения у Дамаска [Примаков, 2006]. Поэтому одновременное улучшение отношений Турции с Сирией и Израилем в начале XXI века (вплоть до того, что Турция была готова выступить посредником в переговорах о принадлежности Голанских высот) и получение заверений от премьер-министра Ливана Р. Харири о том, что Ливан не пойдет на подписание сепаратного соглашения с Израилем [Примаков, 2006], создали тот позитивный фон для нормализации турецко-ливанских отношений, о котором говорили Горбунова Н. М. и Иванова И. И.

Важными моментами на пути нормализации турецко-ливанских отношений стали визиты высокопоставленных чиновников. Так, 12 мая 2004 года в Турцию прибыл премьер-министр Ливана Р. Харири. В ходе двухдневного визита состоялись переговоры с премьер-министром Турции Р. Т. Эрдоганом. А в июне того же года в ходе визита министра иностранных дел А. Гюля в Бейрут был подписан целый ряд соглашений [Горбунова, Иванова, 2020, с. 137].

При этом важно отметить, что начале XXI века в ливанском обществе все больше поднимались антисирийские настроения, которые были вызваны в первую очередь наличием постоянного сирийского контингента на территории страны. Внутренние проблемы Ливана и в том числе наличие мощной оппозиции привлекли к себе внимание СБ ООН. В результате 2 сентября 2004 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1559, которая предписывала вывод всех «иностранных сил» с территории Ливана, поддерживала проведение свободных президентских выборов «без иностранного вмешательства и влияния» и призывала все страны принять участие в восстановлении «территориальной целостности, полного суверенитета и политической независимости Ливана»².

Однако сирийские войска по-прежнему сохраняли свое присутствие в стране. Во время мощных антисирийских настроений в Ливане Турция предпочитала действовать дипломатично и уклонялась от обвинений Сирии [Горбунова, Иванова, 2020, с. 137]. Гибель Р. Харири в результате террористического акта 14 февраля 2005 года имела большой политический резонанс и вызвала усиленную волну протестов против сирийского присутствия в Ливане. 27 апреля 2005 года сирийский контингент покинул Ливан [Салех, 2013]. А расследование убийства Р. Харири было передано в Международную независимую комиссию ООН по расследованию.

Несмотря на полный вывод иностранных войск, политическая разрозненность в Ливане сохранялась. Южные районы страны находились под контролем Хезболлы. В таких условиях 19 июля 2005 года Ф. ас-Синьора занял пост премьер-министра Ливана. Следующим летом, в июне

² Резолюция 1559 (2004), принятая Советом Безопасности ООН на его 5028-м заседании 02.09.2004. URL: <https://www.mid.ru/upload/archive/f55b0dd742dd8b0c4d0806ae4fa7cba0.pdf> (дата обращения: 26.08.2025).

2006 года, он прибыл с визитом в Турцию [Горбунова, Иванова, 2020, с. 137], что стало значимым событием в выстраивании двусторонних отношений.

Вскоре после визита, 12 июля 2006 года, началась Вторая ливанская война, которая продлилась до 14 августа 2006 года. Израиль рассчитывал обезопасить себя, уничтожив Хезболлу как военную и политическую силу, однако не смог достичь поставленных целей. Во многом это стало возможно благодаря тому, что Хезболла смогла организовать на юге Ливана хорошо укрепленный район, из которого как раз она и проводила свои демонстрационные силовые акции против Израиля [Горбунова, 2023, с. 285], одна из которых и послужила поводом к войне.

Эта война стала важным событием, способствующим укреплению двусторонних отношений Турции и Ливана. Турция оказывала как политическую, так и экономическую поддержку Ливану [Горбунова, Иванова, 2018, с. 75]. Вторая ливанская война завершилась после принятия резолюции Совета Безопасности ООН № 1701 от 11 августа 2006 года, которая призывала к «полному прекращению боевых действий на основе ... немедленного прекращения Хезболлой всех нападения и немедленного прекращения Израилем всех наступательных военных операций». Предполагалось, что Израиль должен отвести свои войска за «голубую линию», а зона между ней и рекой Литанией должна быть демилитаризована с правом нахождения там только миротворческого контингента ООН и правительственной армии Ливана³.

К 1 октября 2006 года Израиль полностью завершил вывод войск с территории южного Ливана, а контроль над территориями был передан ливанской армии и миротворцам ООН. Важно отметить, что Турция приняла участие в миротворческой миссии ООН и отправила свой контингент на юг Ливана. При этом она осторожно относилась к оценке действий Хезболлы. Так, по мнению Р. Т. Эрдогана, если проблема Хезболлы и существует, то это внутренняя проблема Ливана, и миротворцы ООН не должны разоружать данную организацию в рамках действия резолюции СБ ООН № 1701 [Савичева, 2008, с. 59].

И действительно, в тексте самой резолюции не было прямо сказано о необходимости разоружения Хезболлы. В частности, было прописано о «разоружении всех вооруженных групп в Ливане, с тем чтобы в соответствии с решением ливанского кабинета от 27 июля 2006 года оружие и власть в Ливане принадлежали только ливанскому государству»⁴. А Турция считает, что Хезболла является политической партией Ливана.

Турецкая Республика, действуя в рамках внешнеполитической установки на повышение своего авторитета на международной арене, приняла активное участие в послевоенном восстановлении Ливана [Горбунова, Иванова, 2018, с. 75]. Такое решение вполне вписывается в концепцию «мягкой силы» и сыграло роль в укреплении двусторонних отношений.

Омрачающим моментом в двусторонних отношениях было укрепление сотрудничества Ливана и Республики Кипр, которое вылилось в подписание соглашения о делимитации морских границ. Это событие было крайне чувствительно воспринято в Турции [Савичева, 2008, с. 55], поскольку ливанско-кипрское соглашение не учитывало интересы непризнанной Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК). Вообще тесное сотрудничество Кипра и Ливана в начале 2000-х годов стало вызовом для Турции, которая предпринимала шаги по решению Кипрского вопроса.

Помимо этого, внутренняя обстановка в Ливане была проблемной: раздробленность общества, вооруженные столкновения между разными группировками и внутривнутриполитические кризисы (так называемый президентский кризис 2007–2008 годов и правительственный кризис

³ Резолюция 1701 (2006), принятая Советом Безопасности ООН на его 5511-м заседании 11.08.2006. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n06/465/05/pdf/n0646505.pdf> (дата обращения: 26.08.2025).

⁴ Там же.

2010–2011 годов). В таких условиях сложно строить полноценные двусторонние отношения, однако внешнеполитические установки Турции позволили стране взять на себя роль «главного архитектора разрешения кризисов» [Горбунова, Иванова, 2018, с. 75], что, безусловно, повысило ее авторитет в Ливане.

Так, во время кризиса 2007–2008 годов для предотвращения вооруженных столкновений между шиитами и суннитами на севере Ливана Анкара разработала «компромиссные решения проблемы формирования коалиционного правительства и проведения президентских выборов», которые были предложены во время конференции по примирению в Катаре [Горбунова, Иванова, 2022, с. 1979–1981].

Благодаря усилиям турецкой дипломатии в стране 25 мая 2008 года прошли президентские, а 7 июня 2009 года — парламентские выборы. Вскоре после них в июле 2009 года министр иностранных дел Турции А. Давутоглу прибыл в Бейрут с официальным визитом. В течение 2010 года был подписан целый ряд двусторонних соглашений, которые укрепили сотрудничество стран во многих экономических и гуманитарных областях. Стоит отметить, что весьма логичной была полная поддержка Ливаном Турции во время инцидента с паромом «Мави Мармара» в мае 2010 года.

А 24 ноября 2010 года в рамках визита премьер-министра Турции Р. Т. Эрдогана в Ливан была подписана совместная политическая декларация об учреждении Совета стратегического сотрудничества и координации на высшем уровне [Горбунова, Иванова, 2018, с. 76]. Были проведены встречи Р. Т. Эрдогана с президентом Ливана М. Сулейманом, премьер-министром С. Харири. Особо примечателен план по созданию аналога шенгенской зоны на Ближнем Востоке. К тому моменту Турция подписала соглашения о безвизовом режиме с Сирией, Ливаном, Ливией и Иорданией⁵.

Однако в это время в Ливане разгорался очередной кризис власти. Он был спровоцирован действиями Хезболлы, которая получила мощную поддержку от Ирана в ходе визита президента М. Ахмадинежада в Бейрут в октябре 2010 года. Помимо нападений, которые совершило боевое крыло Хезболлы в 2010–2011 годах, в январе 2011 года они вывели 11 министров, представлявших организацию, из состава правительства. Это привело к отставке правительства. При попытке созыва нового правительства во главе с выдвиженцем Хезболлы Н. Микати страна фактически раскололась на два лагеря [Горбунова, 2023, с. 287–288].

В январе 2012 года в Бейруте прошло заседание политических советов Турции и Ливана, в ходе которого министры иностранных дел двух стран обсудили как двусторонние отношения, так и ситуацию в регионе [Горбунова, Иванова, 2018, с. 74]. Также в это время в столице Ливана прошла международная конференция, посвященная политическим последствиям «арабской весны». В конференции принял участие Генеральный секретарь ООН П. Г. Мун. В ходе своей речи он призвал разоружить милицию Хезболлы [Горбунова, 2023, с. 288–289].

Конечно, данный политический кризис негативно отразился на турецко-ливанских отношениях. Раскол в ливанском обществе вылился и в различные позиции по сирийскому вопросу. Так, Хезболла, которая стояла во главе правительства, поддерживала режим Б. Асада в Сирии, а сторонники С. Харири, наоборот, были за сирийскую оппозицию. Изменение риторики турецкого руководства и принятие антиправительственного курса по Сирии снизили темпы турецкого проникновения в Ливан. Более того, проиранская шиитская Хезболла негативно откликнулась на турецкое сближение с суннитским блоком. По мнению А. Г. Гаджиева, на тот момента Ливан

⁵ Эрдоган завершает свой визит в Ливан. ИА IslamNews. 26.11.2010. URL: <https://islamnews.ru/Jerdogan-zavershaet-svoj-vizit-v-Livan> (дата обращения: 25.08.2025).

был заинтересован в Турции как в посреднике, но не как в «лидере мусульманских стран с преимущественно суннитским населением» [Гаджиев, 2012].

Вообще эксперты отмечают, что укрепление Хезболлы способствует усилению роли Ирана в регионе. В частности, есть предположение о попытках создания «шиитской дуги», которая предполагает распространение «военно-политического влияния Ирана от Ирака до Сирии и Ливана» [Савичева, Ахмедова, Ганем, 2021, с. 42]. В таком контексте Турция и Иран являются конкурентами за влияние в регионе, и в том числе в Ливане.

Для того чтобы продолжать поддерживать позитивный образ Турции в глазах населения Ливана, институт Юнуса Эмре, ТІКА и общество турецкого Красного Креста проводили активную работу на территории страны. Были осуществлены проекты в области здравоохранения, образования, а также восстановление зданий и оказание гуманитарной помощи населению [Горбунова, Иванова, 2020, с. 142].

Несмотря на разногласия, 30 января 2013 года состоялся визит ливанского премьер-министра Н. Микати в Турцию. Переговоры с Р. Т. Эрдоганом стали следующим важным моментом двусторонней повестки дня. После этого визита наблюдалось трехлетнее затишье дипломатической активности.

Пока в мае 2016 года на пост премьер-министра Турции не заступил Б. Йылдырым. Эта смена отмечена как знаковое событие, поскольку ознаменовала собой существенную корректировку внешнеполитического курса. Вскоре в августе 2016 года Турция начала проводить военную операцию на территории Сирии «Щит Евфрата», которая была направлена против курдских формирований. Вообще, по мнению турецкой стороны, все иностранные группировки должны были покинуть территорию Сирии. Поэтому операция также была нацелена на вытеснение отрядов Хезболлы [Горбунова, Иванова, 2020, с. 142].

При этом уже в декабре 2016 года в Ливан с визитом по случаю избрания М. Ауна президентом прибыл министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу. В ходе визита он высказал благодарность за поддержку Ливана во время попытки государственного переворота в Турции [Горбунова, Иванова, 2020, с. 142].

В 2019 году на территории Ливана положение было крайне сложное. Правительство С. Харири было вынуждено ввести режим чрезвычайного финансово-экономического положения [Воробьев, 2020]. Одним из способов улучшения экономического положения в стране стало введение налога на пользование WhatsApp (*Meta и WhatsApp запрещены в России*). Выбранные правительством меры были крайне непопулярны в обществе, что вызвало протестное движение. В итоге 29 октября 2019 года правительство было вынуждено уйти в отставку. При этом примечательно, что во время кризиса Хезболла заняла проправительственную позицию [Бочаров, 2019].

Формирование нового правительства шло с трудом, в итоге новый премьер-министр Х. Диаба лишь в начале 2020 года смог это сделать. Но протестные движения продолжались. В марте 2020 года в стране был объявлен дефолт. Более того, появились сообщения о том, что С. Харири якобы вернулся в страну для продолжения антиправительственных выступлений [Воробьев, 2020]. Плюс ко всему пандемия COVID-19 усложнила ситуацию внутри страны.

На фоне этих событий 4 августа 2020 года случилась мощная техногенная катастрофа. В порту Бейрута произошел взрыв селитры, который нанес повреждения большей части города. Во время взрыва погибло 130 человек, около 4000 получили ранения и порядка 130 000 остались без крова [Беленькая, Коваленко, Двали, 2020]. Практически сразу после взрывов 8 августа 2020 года министр иностранных дел М. Чавушоглу и вице-президент Турции Ф. Окай прибыли в Ливан,

чтобы продемонстрировать свою солидарность с его народом⁶. Посетили место взрыва, а также провели встречи с президентом М. Ауном, премьер-министром Х. Диабом и со спикером парламента Ливана Н. Берри⁷.

Турция предложила помощь в ликвидации последствий трагедии. В Ливан прибыли поисково-спасательные отряды главного управления по делам чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий (AFAD), сотрудники министерства здравоохранения Турции и представители турецкого Красного Креста [Geldi, 2020].

Возможно, именно техногенная катастрофа способствовала улучшению двусторонних отношений. Так, 15 ноября 2021 года начался двухдневный визит министра иностранных дел Турции М. Чавушоглу в Бейрут. В ходе насыщенной программы визита М. Чавушоглу провел встречи со своим ливанским коллегой А. Бухабибом, главой ливанского парламента Н. Берри, министром экономики и торговли А. Саламом, премьер-министром Н. Микати, а также с президентом Ливана М. Ауном⁸.

1 февраля 2022 года в Турцию с официальным визитом по приглашению Р. Т. Эрдогана прибыл премьер-министра Ливана Н. Микати. В ходе переговоров стороны обсудили углубление двусторонних отношений, а также обстановку в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке [Кагаса, 2022].

12 марта 2022 года министр иностранных дел Ливана А. Бухабиб и министр экономики и торговли Ливана А. Салам приняли участие в Анатолийском дипломатическом форуме⁹.

В середине октября 2023 года министр иностранных дел Турции Х. Фидан прибыл с визитом в Бейрут, где провел переговоры со своим ливанским коллегой, а также был принят премьер-министром Ливана Н. Микати. Главной темой обсуждения стали события в Палестине. Стороны призвали к установлению устойчивого мира в регионе.

18 декабря 2024 года премьер-министра Ливана Н. Микати прибыл в Анкару, где провел переговоры с президентом Турции Р. Т. Эрдоганом. В ходе встречи стороны обсудили действия Израиля в Ливане и Палестине ситуацию в Сирии. Р. Т. Эрдоган заверил, что Турция готова и дальше оказывать всестороннюю поддержку Ливану в борьбе с израильской агрессией¹⁰.

Вывод

В начале XXI века изменение региональной конъюнктуры и улучшение отношений Турции с Сирией и Израилем благоприятствовали попыткам наладить двусторонние отношения Турции и Ливана. Однако внутренняя раздробленность Ливана усложняет процесс нормализации отношений. Турция сохраняла сдержанность в оценках событий, происходящих на территории Ливана и, в частности, действий Хезболлы. Таким образом Турция стремилась закрепить за собой роль «главного архитектора разрешения кризисов» и создать основу для двусторонних отношений,

⁶ Türkiye — Lübnan Siyasi İlişkileri. T. C. Dışişleri Bakanlığı. URL: https://www.mfa.gov.tr/turkiye-lubnan-siyasi_iliskileri.tr.mfa (дата обращения: 26.08.2025).

⁷ Lübnanlı uzmanlar korkunç patlama sonrası ziyaretleri değerlendirdi: Türkiye'nin desteğine övgü. Takvim.com.tr. 13.08.2020. URL: <https://www.takvim.com.tr/guncel/2020/08/13/lubnanli-uzmanlar-korkunc-patlama-sonrasi-ziyaretleri-degerlendirdi-turkiyenin-destegine-ovgu> (дата обращения: 28.10.2025).

⁸ В Бейруте обсудили перспективы сотрудничества Турции и Ливана. RU.Haberler.com. 16.11.2021. URL: <https://ru.haberler.com/russian-news-1664978/> (дата обращения: 26.08.2025).

⁹ Türkiye — Lübnan Siyasi İlişkileri. T. C. Dışişleri Bakanlığı. URL: https://www.mfa.gov.tr/turkiye-lubnan-siyasi_iliskileri.tr.mfa (дата обращения: 26.08.2025).

¹⁰ Turkish President Erdoğan hosts Lebanese PM Mikati in Ankara to discuss regional issues, instability. Euronews. 29.12.2024. URL: <https://www.yahoo.com/news/turkish-president-erdo-hosts-lebanese-230700747.html> (дата обращения: 26.08.2025).

несмотря на череду внутривосточных кризисов в Ливане. В это время был создан двусторонний Совет стратегического сотрудничества и координации на высшем уровне и предложено соглашение о безвизовом режиме с Сирией, Ливаном, Ливией и Иорданией.

Однако события «арабской весны» в Сирии замедлили развитие двусторонних отношений, особенно после того, как Турция заняла антиправительственную позицию, поскольку Хезболла оказывала поддержку режиму Б. Асада. Ливан больше был заинтересован в Турции как в посреднике, а не борце за лидерство среди мусульманских стран. Это негативно отразилось на турецко-ливанских отношениях: двусторонние контакты стали более редкими, а процесс нормализации отношений замедлился. Но с момента техногенной катастрофы в Бейруте в 2020 году наблюдаются активные попытки наладить двусторонние отношения, о чем свидетельствует большое количество контактов на различных уровнях.

Турецко-ливанские отношения имеют под собой зыбкую основу, что не дает возможности сделать прогноз касательно их дальнейшего развития, но делает их интересным предметом для дальнейшего изучения.

Литература / References

Горбунова Н.М. Ливанское движение «Хизбалла»: лозунги и практика. *Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран*. 2023. № 19. С. 271–298 [Gorbunova N.M. Hezbollah Movement in Lebanon: Slogans and Practice. *Economic, socio-political, and ethno-religious problems of African and Asian countries*. 2023. No. 19. Pp. 271–298 (in Russian)].

Горбунова Н.М., Иванова И.И. Вклад Турции и Ливана в стабилизацию региональных отношений на современном этапе. *Нестабильность геостратегического пространства в странах Ближнего, Среднего и Дальнего Востока: актуальные проблемы*. Вып. 4. М.: ИВ РАН, 2018. С. 73–86 [Gorbunova N.M., Ivanova I.I. The Contribution of Turkey and Lebanon to the Stabilization of Regional Relations at the Present Stage. *Instability of the Geostrategic Space in the Countries of the Near, Middle, and Far East: Current Issues*. Issue 4. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2018. Pp. 73–86 (in Russian)].

Горбунова Н.М., Иванова И.И. Турция и Ливан в системе региональных противоречий и конфликтов на Ближнем Востоке. *Восточная аналитика*. 2020. № 4. С. 134–153 [Gorbunova N.M., Ivanova I.I. Turkey and Lebanon in the System of Regional Contradictions and Conflicts in the Middle East. *Eastern Analytics*. 2020. No. 4. Pp. 134–153 (in Russian)].

Горбунова Н.М., Иванова И.И. Ближневосточный вектор внешней политики Турции при президенте Р.Т. Эрдогане. *Вопросы политологии*. 2022. Т. 12. № 6 (82). С. 1976–1986 [Gorbunova N.M., Ivanova I.I. The Middle East Vector of Turkey's Foreign Policy under the Administration of President R.T. Erdogan. *Political Science Issues*. 2022. Vol. 12. No. 6 (82). Pp. 1976–1986 (in Russian)].

Примаков Е.М. *Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века)*. М.: ИИК «Российская газета», 2006 [Primakov E.M. *Confidential: The Middle East on Stage and Behind the Scenes (Second Half of the 20th – Early 21st Century)*. Moscow: Rossiyskaya Gazeta International Research Institute, 2006 (in Russian)].

Савичева Е.М. Ливан и Турция: конструктивный диалог в сложной региональной обстановке. *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2008. № 4. С. 52–62 [Savicheva E.M. Lebanon and Turkey: Constructive Dialogue in a Complicated Regional Situation. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2008. No. 4. Pp. 52–62 (in Russian)].

Савичева Е.М., Ахмедова Н.С., Ганем С.Х. Этноконфессиональный фактор в арабских странах Восточного Средиземноморья. *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 1. С. 37–48 [Savicheva E.M., Akhmedova N.S., Ghanem S.H. Ethnic and Confessional Factor in The Arab Countries of The Eastern Mediterranean. *RUDN Journal of World History*. 2021. Vol. 13. No. 1. Pp. 37–48 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Online resources

Беленькая М., Коваленко М., Двали Г. Селитра замедленного действия. *Газета «Коммерсантъ»*. №139. 06.08.2020 [Belenkaya M., Kovalenko M., Dvali G. Slow-Acting Ammonium Nitrate. *Kommersant Newspaper*. No. 139. 06.08.2020]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4443124> (дата обращения: 28.08.2025).

Бочаров И. Ливан может стать новой «пороховой бочкой» Ближнего Востока. *РСМД*. 18.12.2019 [Bocharov I. Lebanon Could Become the Middle East's New Powder Keg. *Russian International Affairs Council*. 18.12.2019]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/livan-mozhet-stat-novoy-porokhovoy-bochkoy-blizhnego-vostok/> (дата обращения: 28.08.2025).

В Бейруте обсудили перспективы сотрудничества Турции и Ливана. *RU.Haberler.com*. 16.11.2021 [Prospects for cooperation between Turkey and Lebanon discussed in Beirut. *RU.Haberler.com*. 16.11.2021]. URL: <https://ru.haberler.com/russian-news-1664978/> (дата обращения: 26.08.2025).

Воробьев С.А. Кризисы в Ливане: история и современность. *Международная жизнь*. 2020. № 6 [Vorobyov S.A. Crises in Lebanon: History and Modernity. *International Affairs*. 2020. No. 6]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2363> (дата обращения: 26.08.2025).

Гаджиев А.Г. Ливанская политика Турции в условиях роста регионального суннитско-шиитского противостояния. *Институт Ближнего Востока*. 27.05.2012 [Gadzhiev, A.G. "Turkey's Lebanese Policy in the Context of Growing Regional Sunni-Shiite Confrontation". *Middle East Institute*. 27.05.2012]. URL: <https://www.iimes.ru/?p=14813> (дата обращения: 26.08.2025).

Резолюция 1559 (2004), принятая Советом Безопасности ООН на его 5028-м заседании 02.09.2004 [Resolution 1559 (2004), adopted by the UN Security Council at its 5028th meeting, on 2 September 2004]. URL: <https://www.mid.ru/upload/archive/f55b0dd742dd8b0c4d0806ae4fa7cba0.pdf> (дата обращения: 26.08.2025).

Резолюция 1701 (2006), принятая Советом Безопасности ООН на его 5511-м заседании 11.08.2006 [Resolution 1701 (2006), adopted by the UN Security Council at its 5511th meeting, on 11 August 2006]. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n06/465/05/pdf/n0646505.pdf> (дата обращения: 26.08.2025).

Салех М.М. Основные направления и особенности внешней политики Ливана в 1989–2010 гг. *Журнал международного права и международных отношений*. 2013. № 2 [Saleh M.M. Main Directions and Features of Lebanon's Foreign Policy in 1989-2010. *Journal of International Law and International Relations*. 2013. No. 2]. URL: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2013-2/2013-2-mohamad> (дата обращения: 25.08.2025).

Эрдоган завершает свой визит в Ливан. ИА IslamNews. 26.11.2010 [Erdogan Concludes His Visit to Lebanon. IslamNews News Agency. 26.11.2010]. URL: <https://islamnews.ru/Jerdogan-zavershaet-svoj-vizit-v-Livan> (дата обращения: 25.08.2025).

Geldi M. Türk Kızılay yardımlarıyla Lübnanlıların gönüllerini fethetmeye devam ediyor. *AA*. 16.08.2020 [The Turkish Red Crescent continues to win the hearts of the Lebanese people with its aid. *AA*. 16.08.2020]. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/turk-kizilay-yardimlariyla-lubnanlilarin-gonullerini-fethetmeye-devam-ediyor/1943848> (in Turkish) (дата обращения: 28.10.2025).

Karaca E. Lübnan Başbakanı Necip Mikati Ankara'ya geldi. *AA*. 01.02.2022 [Karaca E. Lebanese Prime Minister Najib Mikati arrived in Ankara. *AA*. 01.02.2022]. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/gundem/lubnan-basbakani-necip-mikati-ankaraya-geldi/2490883> (in Turkish)] (дата обращения: 06.11.2025).

Lübnanlı uzmanlar korkunç patlama sonrası ziyaretleri değerlendirdi: Türkiye'nin desteğine övgü. *Takvim.com.tr*. 13.08.2020 [Lebanese experts evaluate visits following the horrific explosion: Praise for Türkiye's support. *Takvim.com.tr*. 13.08.2020]. URL: <https://www.takvim.com.tr/guncel/2020/08/13/lubnanli-uzmanlar-korkunc-patlama-sonrasi-ziyaretleri-degerlendirdi-turkiyenin-destegine-ovgu> (in Turkish) (дата обращения: 28.10.2025).

Turkish President Erdoğan hosts Lebanese PM Mikati in Ankara to discuss regional issues, instability. *Euronews*. 29.12.2024. URL: <https://www.yahoo.com/news/turkish-president-erdo-hosts-lebanese-230700747.html> (дата обращения: 26.08.2025).

Türkiye – Lübnan Siyasi İlişkileri. *T.C. Dışişleri Bakanlığı* [Turkish-Lebanese Political Relations. *Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Türkiye*]. URL: https://www.mfa.gov.tr/turkiye-lubnan-siyasi_iliskileri.tr.mfa (in Turkish) (дата обращения: 26.08.2025).

ОТНОШЕНИЯ ТУРЦИИ С СОВЕТОМ СОТРУДНИЧЕСТВА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

© 2026

И. И. Иванова¹

В статье рассматриваются отношения Турции со странами Персидского залива в период правления Партии справедливости и развития. Представлены основные этапы отношений. В ходе визита президента Турецкой Республики Эрдогана в 2023 г. в страны Персидского залива была создана многосторонняя прочная инфраструктура сотрудничества во многих сферах. В контексте исследований отношений Турции и стран Персидского залива обозначено взаимодействие сторон по сирийскому вопросу.

Ключевые слова: Турция, страны Персидского залива, Партия справедливости и развития, Сирия

Для цитирования: Иванова И. И. Отношения Турции с Советом сотрудничества арабских государств Персидского залива. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 2. С. 282–293. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-282-293

TÜRKIYE'S RELATIONS WITH THE GULF ARAB STATES COOPERATION COUNCIL

Inessa I. Ivanova

The article examines Türkiye's relations with the Persian Gulf countries during the rule of the Justice and Development Party. The main stages of the relationship are presented. During the visit of the President of the Republic of Türkiye, Erdogan, to the Persian Gulf countries in 2023, a multilateral solid infrastructure of cooperation in many areas was established. In the context of studies of relations between Türkiye and the Persian Gulf countries, the interaction of the parties on the Syrian issue is significant.

Keywords: Türkiye, Persian Gulf countries, Justice and Development Party, Syria

For citation: Ivanova I. I. Türkiye's Relations with the Gulf Arab States Cooperation Council. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 2. Pp. 282–293. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-2-282-293

О тношения Турции со странами Персидского залива представляют собой один из наиболее многоаспектных компонентов Анкары в период правления Партии справедливости и развития (ПСР). Эволюция этих отношений характеризуется периодизацией, отражающей как концептуальные трансформации внешнеполитического курса Турции, так и изменения в региональной ситуации. Можно выделить несколько этапов формирования отношений Турции со странами Персидского залива.

¹ Иванова Инесса Ильинична, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; iniv2016@gmail.com

Inessa I. Ivanova, PhD (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; iniv2016@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3696-2290

Первый этап (2002–2011) характеризовался преимущественно экономической ориентацией. Второй (2011–2016) был инициирован событиями «арабской весны» и характеризовался прогрессирующей политизацией. Третий (2016–2020) был отмечен открытым противостоянием между «блоком» Турции и Катара, с одной стороны, и «блоком» Саудовской Аравии, ОАЭ — с другой. И, наконец, четвертый этап (с 2021 г. по настоящее время) детерминирован экономическим вектором и развитием отношений Турции со странами Залива во всех областях.

Рассматривая первый этап отношений Турции со странами Персидского залива после прихода к власти Партии справедливости и развития в 2002 г., можно утверждать, что в этот период основной акцент был сделан на развитие экономических отношений. Важным документом в этой связи стало «Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве Турции с Советом сотрудничества Залива», подписанное в Бахрейне в 2005 г. Соглашение предусматривало всеобъемлющее сотрудничество в экономической, торговой и технической сферах, в первую очередь в области энергетики, транспорта, инфраструктуры, капиталовложений и продовольственных товаров. Для расширения торговых отношений были созданы также деловые советы Турции с Саудовской Аравией в 2003 г., с Бахрейном и ОАЭ в 2005 г., с Катаром, Кувейтом и Оманом в 2006 г. Объем торговли Турции со странами Залива возрос с 2,1 млн долларов в 2002 г. до 13,4 млн долларов в 2012 г. [Oran, 2013, s. 435].

Таким образом, отношения Турции со странами Залива с начала 2000-х годов переживали бурный расцвет, наблюдался рост товарооборота и инвестиций. В свою очередь Турция, одна из ведущих стран региона, представлялась для стран Залива в качестве очень привлекательного партнера.

В сентябре 2008 г. Совет сотрудничества стран Залива на проведенном в Джидде совещании объявил Турцию «стратегическим партнером», и после подписания соглашения о развитии сотрудничества во всех областях общих интересов был создан механизм «Стратегического диалога на высшем уровне между Турцией и странами Залива» [Oran, 2013, s. 436]. Данный документ предусматривал развитие сотрудничества между сторонами и по политическим вопросам.

Бывший в тот период министром иностранных дел Турции Али Бабаджан на встрече в Джидде подчеркнул: «Учрежденный стратегический диалог усиливает узы дружбы и братства между нами. Сегодня на Ближнем Востоке имеется кризисная зона. Турция и страны Залива для разрешения кризиса внесут свой вклад в стабилизацию региона. Мы верим, что механизм политического диалога, который мы начали, внесет большой вклад в развитие стратегических отношений между Турцией и странами — членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива»².

В данный период наблюдались согласованность и совместное участие Турции и Саудовской Аравии в региональных проблемах таких стран как Ирак, Ливан и Палестина. Визиты Эрдогана в Саудовскую Аравию в январе и марте 2010 года подтвердили это соучастие [Oran, 2013, s. 437].

Второй этап отношений (2011–2016), инициированный началом «арабской весны», ознаменовался коррективами во внешнеполитическом курсе Турции. Руководство ПСР поддержало смены режимов в Тунисе, Египте, Ливии, выступления оппозиции в Сирии, а также протестные движения и аффилированные с ними исламистские силы, прежде всего «Братьев-мусульман». Эта позиция вызвала неоднозначную реакцию со стороны монархий Залива. Если Катар в целом разделял турецкий подход, то Саудовская Аравия и особенно Объединенные Арабские Эмираты рассматривали поддержку Турцией исламистских движений как угрозу стабильности консервативных монархических режимов.

² Körfez İşbirliği Konseyi ile Mutabakat Muhtırası. NTV Haber. Arşiv. URL: <https://arsiv.ntvmsnbc.com/search/Redirect.asp?id=458162> (дата обращения: 20.07.2023).

Военный переворот в Египте в 2013 г., свергнувший поддерживаемое Турцией и Катаром правительство «Братьев-мусульман», ни к каким дипломатическим конфликтам между Анкарой и странами Залива не привел, но стал началом разлома в их отношениях [Erkan, 2024].

В Сирии Турция и страны Залива вначале занимали одинаковые позиции. Обе стороны объявили Башара Асада вне закона. Лига арабских государств исключила Сирию из своих рядов, а Р. Эрдоган заявил о необходимости скорейшей отставки Асада. Саудовцы и катарцы активно финансировали сирийскую вооруженную оппозицию. Однако с 2015 г., когда на помощь сирийскому правительству пришли ВКС России, начались бои за Алеппо и оппозиция была вытеснена оттуда, а также из Хамин, Хомса, монархии отошли от своей деятельности в отношении Залива после четырех военных операций Турции («Щит Евфрата», «Оливковая ветвь», «Источник мира», «Весенний щит»), вооруженная оппозиция перешла полностью под кураторство Анкары.

События «арабской весны» способствовали консолидации турецко-катарского партнерства. Оба государства поддержали протестные движения и ассоциированные с ними исламские силы, прежде всего «Братьев-мусульман». Военный переворот в Египте в 2013 г., свергнувший поддерживаемое Турцией и Катаром правительство «Братьев-мусульман», и последующее ухудшение отношений обоих государств с Саудовской Аравией и ОАЭ еще более сблизили позиции Анкары и Дохи.

В декабре 2014 г. был создан Высший стратегический совет под председательством лидеров Турции и Катара. Формат предполагал развитие диалога не только по вопросам двусторонней повестки, но и региональной проблематики. Кроме того, в 2014 г. между Анкарой и Дохой было достигнуто соглашение о создании на территории Катара турецкой военной базы.

Стратегическое партнерство между Турцией и Катаром нашло свое отражение в региональном масштабе и реализовывалось в различных формах: от финансирования партий и движений до дипломатического покровительства и прямого участия в организации выборных процессов. Можно говорить о Египте, где в 2012 г. при поддержке Турции и Катара к власти пришла Партия свободы и справедливости, представляющая интересы движения «Братьев-мусульман» во главе с М. Мурси [Ketchley, 2017, p. 218].

Претензии турецко-катарского альянса на лидерство в рамках подкомplexа в Персидском заливе, а также пособничество радикальным исламистским движениям вызвали резкую реакцию со стороны оси арабских монархий во главе с Саудовской Аравией. В ответ на консолидацию усилий Турции и Катара по борьбе за региональное лидерство Саудовская Аравия и ОАЭ предприняли цикл мер, направленных на ослабление влияния катарско-турецкого альянса. В 2013–2014 гг. был организован успешный «контрнаступательный этап», в результате которого «Братья-мусульмане» были фактически вытеснены из ряда ключевых стран. В Египте в результате мобилизации влиятельных представителей египетских деловых кругов, простимулированных саудовским руководством, произошел государственный переворот, следствием которого стало свержение режима М. Мурси. В Тунисе и Иордании аналогичные действия привели к ослаблению позиций исламистских движений [Maziad, 2019, p. 114].

Кульминация противостояния стран ССАГПЗ турецкому альянсу выразилась в так называемом «катарском дипломатическом кризисе», в результате которого начался третий этап взаимоотношений Турции и стран Персидского залива (2016–2020).

5 июня 2017 г. правительства Саудовской Аравии, ОАЭ, Бахрейна и Египта разорвали дипломатические отношения с Катаром и ввели транспортную блокаду эмирата. Коалиция арабских государств обвиняла Доху в поддержке терроризма и нарушении Эр-Риядских соглашений. Для урегулирования кризиса Катару были поставлены 13 условий, которые включали закрытие средства массовой информации «Аль-Джазира», разрыв дипломатических отношений с Ираном,

а также прекращение военного сотрудничества с Турцией и ликвидацию турецкой военной базы на территории Катар.

Данный кризис стал настоящим испытанием для турецко-катарского стратегического партнерства. Турция уже в первые 48 часов экономической блокады направила в Катар грузовые самолеты с продовольствием и другими товарами. В дополнение к этому был увеличен размер расположенного там турецкого военного контингента.

Расширение присутствия турецкого военного контингента в Персидском заливе было с благодарностью воспринято руководством Катар, однако вызвало серьезные опасения у соседей, в частности, у Саудовской Аравии и ОАЭ. Глава МИД ОАЭ А. Гаргаш заявил, что «турецкая армия в Катаре дестабилизирует регион Залива и способствует его негативной поляризации». Министр подчеркнул: «Военное присутствие Турции в Арабском заливе является чрезвычайно ситуацией. Оно усиливает поляризацию, а также не учитывает суверенитет государств и интересы стран Залива и его народов» [Шмелева, 2020].

Вопреки давлению других членов ССАГПЗ на Катар проекция турецко-катарского альянса на региональную динамику безопасности наблюдалась в Ливии, что вызывало обеспокоенность арабских монархий под руководством Саудовской Аравии, а также Египта. Известно, что в Ливии Турция поддерживает Правительство национального согласия (ПНС) во главе с Ф. Сараджем в его борьбе с командующим Ливийской национальной армией (ЛНА) генералом Х. Хафтаром. Турецкие власти (при финансовой и военной поддержке Катар) поставляли ПНС оружие и перебрасывали в Триполи сирийских наемников из Идлиба, а ОАЭ, Саудовская Аравия и Египет выступали на стороне ЛНА. Для Анкары очень важно выживание ПНС, которое рассматривается ею как краеугольный камень в вопросе прочности турецкой позиции в конфликте вокруг морских границ в Восточном Средиземноморье.

В ноябре 2019 г. Анкара подписала меморандум морских границ с ПНС Ливии во главе с Ф. Сараджем. Это соглашение фактически разделило значительную часть Восточного Средиземноморья между двумя странами. Линия разграничения огибает Кипр и фактически упирается в Крит, по сути лишая часть греческих островов собственной экономической зоны. Греция и Египет назвали эти турецко-ливийские соглашения «дестабилизирующими», поскольку этот меморандум, как считает греческий МИД, «нарушает международное морское право и не имеет юридической силы». Союзники Египта, прежде всего Саудовская Аравия и ОАЭ, также критиковали Турцию [Шмелева, 2020].

Анализируя все события катарского кризиса, можно констатировать, что союз между Турцией и Катаром сохранил свою актуальность.

В 2018 г. Катар оказал Турции ответную услугу, направив в переживающую тяжелые последствия экономического кризиса Турцию прямые инвестиции на сумму 15 млрд долларов. В 2020 г. центральные банки двух стран договорились о взаимных контрактах в национальных валютах в размере 20 млрд долларов США, при этом за пять лет стратегического партнерства торговый оборот между Турцией и Катаром увеличился почти в 3 раза — с 800 млн долл. США в 2014 г. до 2,2 млрд долл. США в 2019 г. [Dilek, 2020].

5 января 2021 г. в саудовском городе Эль-Ула между Катаром и блоком, выступавшим против него под руководством Саудовской Аравии и ОАЭ, была подписана «Декларация о солидарности и стабильности», которая знаменовала окончание катарского кризиса и снятие блокады. На основе декларации были открыты границы между странами, переживавшими кризис, и восстановлены дипломатические отношения. Все усилия по нормализации отношений с Катаром стали своего рода «катализатором нормализации отношений Турции с Саудовской Аравией, Египтом,

ОАЭ [Erkan, 2024]. И, таким образом, можно говорить о четвертом этапе отношений Турции со странами Персидского залива. «Холодная война» Турции и арабских стран длилась более шести лет. Пандемия коронавируса 2020 г. пошатнула экономику Турции. Министр финансов Б. Албайрак предупредил, что ВВП страны не сможет достичь целевого показателя в +5%. Осенью 2022 г. инфляция достигла 80%, экономика нуждалась в стимулировании. Сохранение конфликта с соседями в условиях ограниченных ресурсов ставило под риск достижения Анкары в Ливии, Сирии и Катаре. Именно тогда администрация Эрдогана дала старт нормализации отношений с арабскими странами [Гасанов, 2022].

В мае 2021 г. для политических консультаций в Каир отправилась делегация турецкого МИД. В качестве жеста доброй воли в Турции остановили деятельность египетских СМИ, связанных с «Братьями-мусульманами». Прибывший в конце ноября 2022 г. на церемонию открытия Чемпионата мира по футболу в Катаре Р. Эрдоган впервые встретился и пожал руку Ас-Сиси. Разногласия по поводу смерти Мурси, в котором Анкара винила власти Египта, и поддержка «Братьев-мусульман» остались в прошлом. Глава турецкого МИД заявил, что Анкара и Каир могут в ближайшее время обоюдно назначить послов.

Улучшение связей с Эмиратами пришлось на момент обострения кризиса лиры. В ноябре 2021 г. по приглашению Эрдогана в Анкару прибыл наследный принц ОАЭ Мохаммед бен Заид Аль Нахайян. Стороны подписали соглашение о взаимодействии в девяти областях с привлечением инвестиций из ОАЭ на сумму в 10 млрд долларов. Через шесть месяцев в Турцию приехал наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед бен Салман.

Турция и Саудовская Аравия «подчеркнули решимость начать новую эру сотрудничества в двусторонних отношениях, в том числе в политической, экономической, военной сфере и в области безопасности». Анкара поддержала Эр-Рияд в проведении ЕХРО-2030, а Саудовская Аравия анонсировала размещение 15 млрд долларов в Центробанке Турции [Гасанов, 2022].

Важным событием стал тур Эрдогана по странам Персидского залива 17–20 июля 2023 г., в который вошли ОАЭ, Саудовская Аравия и Катар. Этот тур знаменует собой начало нового этапа в отношениях между Турцией и странами Залива после ряда кризисов и бойкота.

Поездка Эрдогана проходила в разгар экономического кризиса в Турции, поэтому и сам Эрдоган заявил, что главная цель поездки — расширение инвестиционного сотрудничества и торговых связей. В поездке Эрдогана сопровождали 200 представителей деловой элиты. Руководитель Совета по внешнеэкономическим связям Наиль Олпак незадолго до начала турне сообщал, что Анкара рассчитывает на заключение крупных контрактов в строительно-подрядном секторе, а также в сферах здравоохранения, энергетики, транспорта, финансов, туризма и сельского хозяйства. В свою очередь вице-премьер Турции Джевдет Йылмаз обращал внимание на то, что речь идет о «долгосрочных проектах как в двух странах, так и на территории третьих» [Субботин, 2023].

В ходе визита Эрдогана в Джидду, где он встретился с королем Салманом Аль Саудом и наследным принцем Мухаммедом бен Салманом, было подписано пять соглашений по расширению сотрудничества в инвестиционной, экономической, оборонной и энергетической сферах. Как наследный принц Мухаммед, так и его коллеги в Дохе и Абу Даби получили в подарок первый национальный электромобиль TOGG, призванный продемонстрировать первенство Турции в передовых отраслях производства [Григорьев, 2023].

В союзе Катаре, где имеется турецкая военная база, Эрдоган и эмир Тамим бен Аль Тани договорились активизировать изучение инвестиционных возможностей в сфере экспортного финансирования туризма и других областях, предоставляющих взаимный интерес. В подписанной министрами иностранных дел Х. Фиданом и Абдулрахманом Аль Тани декларации

говорится об укреплении связей по всем направлениям двустороннего сотрудничества. Как напоминает информационное агентство Катара, эта страна является одним из крупнейших инвесторов в турецкую экономику. В 2022 г. торговый оборот между двумя странами увеличился на 18% — примерно до 2,2 млрд долларов [Григорьев, 2023].

Переговоры в Абу-Даби принесли инвестиционные соглашения в космической, оборонной, энергетической и ресурсной сферах между Турцией и ОАЭ общей стоимостью 50,7 млрд долларов [Григорьев, 2023].

Следует подчеркнуть, что в ходе визита Эрдогана в страны Персидского залива была создана многосторонняя прочная инфраструктура сотрудничества, одной из сфер которого стали стратегические соглашения. В этой связи министры обороны Турции и Саудовской Аравии подписали соглашение «План действий в отношении сотрудничества в оборонной промышленности, в сферах исследований и развития». Министерство обороны Саудовской Аравии и турецкая фирма Байкар (Baykar) подписали соглашение под названием «Сотрудничество о поощрении прямых капиталовложений». Оно охватило такие стратегические сферы, как энергетика и связь [Tosun, 2023].

В ОАЭ были подписаны и 13 документов, охватывающих оборонные сферы, а также было достигнуто соглашение о создании «Стратегического Совета высшего уровня». В ходе визита в Катар в рамках «Высшего стратегического комитета» были заключены новые соглашения, расширяющие существующие сферы сотрудничества. Таким образом, особый акцент в ходе визита Эрдогана был сделан на расширении связей в оборонной промышленности.

Итоги визита Р. Эрдогана в 2023 г. в три страны Персидского залива получили очень высокие оценки арабских экспертов. Так, сотрудник Катарского университета Али Бакыр указал, что визит включал всеобъемлющие соглашения и внес очень важный вклад в развитие взаимодействия, особенно на фоне нормализации отношений за последние два года. «Результаты визита показывают, что Турция и страны Совета сотрудничества Залива, прежде всего Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), перешли от уровня нормализации к уровню стратегического партнерства, учитывая, что Турция уже построила стратегический союз с Катаром», — сказал арабский эксперт. Далее А. Бакыр заметил: «Договоренности, достигнутые во время турне президента Эрдогана по странам Залива, отражают важность визитов. Наряду с соглашениями в сфере экономики и инвестиций заключены важные соглашения в области оборонной промышленности и энергетики. Наиболее заметным является соглашение, подписанное между Турцией и Саудовской Аравией. Потому что это крупнейшая сделка в сфере беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в истории турецкой оборонной промышленности» [Biçeroğlu, 2023].

Другой арабский исследователь — Низар Кырикиш, комментируя визит Эрдогана, подчеркнул: «Взаимодействие в военной и оборонной областях нельзя рассматривать только как экономическое сотрудничество. Это стратегическое сотрудничество, направленное на установление долгосрочных партнерских отношений. Потому что это часть стратегической безопасности региона» [Biçeroğlu, 2023].

По словам арабского политолога Хассан эт-Темими, визиты Эрдогана стали важной вехой с точки зрения региональной дипломатии и продемонстрировали усилия по углублению связи между Турцией и странами Залива. Далее эксперт подчеркнул, что визиты свидетельствуют о том, что «отношения перешли от стадии нормализации к потенциальному стратегическому партнерству. Продолжающееся взаимодействие, углубление сотрудничества в оборонной сфере и урегулировании проблем очень важны с точки зрения того, как отношения будут формироваться в будущем» [Biçeroğlu, 2023].

Важным фактором развития отношений Турции и стран Залива стали встречи и договоренности на уровне различных созданных организаций. Так, важным событием на пути укрепления отношений стал состоявшийся в Дохе в декабре 2023 г. 44-й саммит Высшего совета Сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Саммит явился первой встречей, в которой принимал участие Катар с момента подписания Алульской декларации в январе 2021 г., положив конец дипломатическому расколу. Эмир Катара шейх Тамим бен Хамад Аль Тани подчеркнул, что страны Залива могут и должны сыграть свою роль в решении основных проблем, стоящих перед регионом. Этот саммит был примечателен и тем, что на нем в качестве гостя присутствовал президент Турции Р. Т. Эрдоган. Дискуссии Эрдогана с лидерами стран Персидского залива имели два аспекта. Первым был их взаимный интерес к региональным темам, в частности к палестинской проблеме и агрессии Израиля в секторе Газа. Лидеры стран ССАГПЗ высоко оценили роль Эрдогана и турецкого руководства в плане поддержки палестинского дела и народа. Во-вторых, была подчеркнута важность расширения сотрудничества в рамках стратегического диалога между ССАГПЗ и Турцией, в том числе реализации совместных планов действий и укрепления партнерства Турции со странами Персидского залива [Михин, 2023].

В июне 2024 г. В Дохе состоялась шестая встреча министров иностранных дел организации «Стратегический диалог на высшем уровне» между Советом сотрудничества стран Залива и Турцией. Министр иностранных дел Катара шейх Мухаммед бин эс Сани подчеркнул, что в ходе встречи ожидается обеспечить большую координацию действий и продолжить усилия с тем, чтобы продлить план совместных действий до 2029 г. [El-Huveylidi, 2024]. Выступивший на встрече министр иностранных дел Турции Хакан Фидан заявил: «Турция придает большое значение своим отношениям со странами Залива, эти отношения достигли новой ступени и постоянно развиваются в различных сферах [El-Huveylidi, 2024]. Х. Фидан также отметил, что товарооборот между Турцией и странами Залива в 2023 г. возрос по сравнению с 2022 г. на 40% и достиг 31 млрд долларов, а количество туристов в Турцию из стран Залива превысило 5 млн человек. Далее Х. Фидан заявил: «Израиль совершает преступление в секторе Газа, и этому надо положить конец. Надо также обратить внимание на события вокруг мечети Аль-Акса, Иерусалима и Западного берега» [El-Huveylidi, 2024].

С другой стороны, генеральный секретарь ССАГПЗ, подводя итоги встречи министров иностранных дел организации «Стратегический диалог на высшем уровне между Турцией и странами Залива», отметил, что стороны смогли провести консультации по международным и региональным вопросам, затрагивающим общие интересы, обеспечить благоприятные условия «для углубления и расширения мостов сотрудничества», а также достичь соглашения о продлении плана совместных действий до 2029 г.» [El-Huveylidi, 2024].

В 2025 г. состоялся ряд переговоров по достижению соглашения о свободной торговле (ССТ) между Турцией и ССАГПЗ. Учитывая, что общий объем торговли Турции и стран-членов ССАГПЗ с миром составляет около 2,4 триллиона долларов, прогнозируется, что со вступлением в силу ССТ будет реализована одна из крупнейших зон свободной торговли в мировом масштабе. Соглашение создаст основу для дальнейшего углубления взаимных инвестиций в сфере услуг в секторах туризма, образования, логистики и информатики, а также сотрудничества в области оформления контрактов. Вместе с тем при всем прагматизме турецкого руководства в плане наращивания роли Турции на Ближнем Востоке Турция имеет ряд ограничений, которые не позволили ей выступать в роли силы, полностью определяющей региональный характер. Нельзя не согласиться с утверждением известного российского востоковеда П. Шлыкова о том, что ограниченные возможности Анкары проявились даже в рамках борьбы за дипломатическое урегулирование ситуации в Газе. С самого начала обострения конфликта Турция старалась в определенной степени

поддерживать и дополнять роли ключевых арабских государств, в частности, Катара, Египта и Саудовской Аравии, а не затмевать их или конкурировать с ними, оставаясь в фарватере начавшегося в 2020-е годы процесса нормализации отношений со странами Персидского залива. Далее российский ученый указывает следующее: «Иначе бы Эрдоган более публично критиковал сравнительно сдержанную дипломатию ОАЭ и Саудовской Аравии в отношении войны, а также очевидное желание ОАЭ сохранить отношения с Израилем. Новый виток обострения ситуации в регионе и война в Газе не подорвали, а даже укрепили тренд на поиск Анкарой возможностей кооперации с региональными игроками» [Шлыков, 2024].

Таким образом, подчеркивает П. Шлыков, «растущие амбиции к усилению своей региональной роли, с одной стороны, и ограниченность ресурсов и возможностей вкупе с уязвимостью перед лицом роста региональной нестабильности — с другой формируют причудливую картину турецкой внешней политики. Турция становится еще одним игроком, который усиливает, а не сглаживает конкурентный характер многополярности на Ближнем Востоке, извлекая при этом максимум возможного из ситуативных региональных коалиций, сменяющих друг друга с поразительной скоростью» [Шлыков, 2024].

В контексте исследования отношений Турции и стран Персидского залива необходимо обозначить ситуацию вокруг Сирии и показать, как Турция и страны Персидского залива взаимодействуют по этому вопросу.

Режим Башара Асада в Сирии пал в декабре 2024 г. Правившая более 60 лет партия Баас лишилась власти менее чем за две недели. Наступление, начатое Хайят Тахрир аш-Шам (ХТШ, группировка признана террористической) в Алеппо 27 ноября 2024 г., застало многих врасплох, как и скорость и масштабы падения режима. Силы оппозиции вошли в Дамаск всего через 11 дней.

Корни гражданского конфликта в Сирии уходят в 2011 г., когда началась «Арабская весна». Волнения против Асада переросли в гражданскую войну. Глубинные процессы этих событий лежат за пределами данного исследования, можно лишь констатировать, что конфликт случился в результате сложного религиозного состава населения Сирии, геополитического положения страны на стыке интересов крупных держав, а также ошибок и просчетов режима, который не смог вывести страну из серьезного кризиса. Таким образом, Сирия после ухода Асада в конце 2024 г. вошла в новый политический цикл. Этот неожиданный ход событий кардинально изменил балансы в политической, общественной и экономической сферах. Временное правительство Ахмета Шара (Абу Мухаммед аль-Джулани) сосредоточилось на устранении разрушительных последствий гражданской войны и восстановлении страны. Как подчеркивает турецкий исследователь Мехмет Ракипоглу, Сирия столкнулась с такими глубокими трудноразрешимыми проблемами, как обеспечение мира в стране, установление конституционного строя и начало экономического возрождения [Rakipoğlu, 2025].

Для Турции с падением режима Башара Асада открылись новые перспективы, и перед Анкарой стоят следующие задачи: «надлежащее функционирование переходного процесса в Сирии и строительство новой Сирии», борьба с Рабочей партией Курдистана и Силами самообороны сирийских курдов (YPG), а также возвращение сирийских беженцев в свою страну [Rakipoğlu, 2025].

Турция стала первой страной, направившей министра иностранных дел в Дамаск после падения режима Башара Асада: в декабре 2024 г. Хакан Фидан провел переговоры с аш-Шараа, который стал президентом Сирии на переходный период, и с возглавляющим группировку Хайят Тахрир аш-Шамом (ХТШ). Основной темой переговоров было сотрудничество в борьбе с ИГ, активизировавшимся на востоке Сирии после падения Асада, а также с курдскими формированиями «Союза демократических сил» (СДС), которые при поддержке США контролируют северо-восточные районы Сирии. Турция рассматривает СДС как «филиал» Рабочей партии Курдистана,

которую она считает террористической организацией [Велиев, 2025]. Турция призвала страны Персидского залива принять участие в финансировании восстановления Сирии.

Арабские страны Персидского залива стали ключевым элементом взаимодействия переходного сирийского правительства с зарубежными партнерами. Рассматривая позицию стран Залива в отношении Сирии, становится очевидно: когда в марте 2011 года в Сирии начались демонстрации против Асада, они происходили на фоне восстаний «арабской весны». Различные повстанческие группировки в Сирии получали поддержку от Катара и Саудовской Аравии в критические дни начала восстания. Хотя после 2013 года между саудовскими и катарскими чиновниками существовала определенная координация, другие внешние интересы Турции и Ирана, а после 2015 г. и России закрепились в статус-кво в Сирии. Взятие Алеппо силами режима в конце 2016 г., казалось, положило конец восстанию и привело к нормализации ситуации в Сирии.

Официальные лица в странах Персидского залива, за исключением Катара, восстановили отношения с режимом Асада после 2018 года. ОАЭ и Бахрейн вновь открыли свои посольства в Дамаске. Оман стал первым государством Персидского залива, отправившим посла в Сирию в 2020 г. В 2023 г. Асад посетил Оман и ОАЭ и отметил свое возвращение в лоно арабского мира, приняв участие в саммите Лиги арабских государств в Эр-Рияде. Решения о взаимодействии с Сирией Асада объяснялись различными причинами, включая мнение о том, что восстание закончилось, что Асад — меньшее зло по сравнению с «Исламским государством» и другими группировками боевиков [Ашауи, 2025].

Можно утверждать, что реакция стран Залива на события в Сирии была гораздо менее конфронтационной, чем в начале конфликта в 2011 г. После примирения в Аль-Уле в январе 2021 г. быстро восстановились политические и экономические связи между Саудовской Аравией и Катаром, что проявилось в их сотрудничестве с временным руководством Сирии, возглавляемым Ахмедом аш-Шараа, главой ХТШ, который был назначен переходным президентом 29 января 2025 г.

Министр иностранных дел Катара Мухаммед аль-Хулайфи стал первым высокопоставленным лицом из стран Персидского залива, посетившим постасадовский Дамаск в декабре 2024 г., а новый министр иностранных дел Сирии Асаад аш-Шайбани 2 января 2025 г. совершил свой первый зарубежный визит в Саудовскую Аравию, после чего посетил Катар и ОАЭ.

11 января 2025 г. Саудовская Аравия выступила организатором и председателем встречи министров иностранных дел арабских стран по Сирии, в которой приняли участие все шесть министров иностранных дел стран ССАГПЗ, а также коллеги и высокопоставленные чиновники из ключевых региональных государств, включая Турцию, Иорданию, Ирак, Ливан, Францию, Германию, Италию, Великобританию, США и Европейский союз.

В заявлении МИД Саудовской Аравии по итогам встречи подчеркивается: «Участники обсудили поддержку политического переходного процесса в Сирии, в котором будут представлены сирийские политические и общественные силы при соблюдении всех прав сирийцев». В документе также отмечается, что «будущее Сирии — это дело самих сирийцев». Участники встречи обсудили способы оказания помощи сирийскому народу и пути содействия восстановлению страны как единого и независимого государства, безопасного для всех граждан³.

На сирийско-саудовской инвестиционной конференции в Дамаске в июле 2025 г. сирийская сторона сообщила, что заключила с Саудовской Аравией 44 соглашения об инвестициях на сумму более 5 млрд долларов.

³ Участники встречи по Сирии обсудили поддержку политического процесса в стране. ТАСС. 12.01.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22860267> (дата обращения: 12.01.2025).

Эр-Рияд является ключевым сторонником переходного правительства президента Ахмеда аш-Шараа. Он пришел к власти после свержения Башара Асада в декабре. Новые сирийские власти теперь прилагают усилия для восстановления страны после 13-летней гражданской войны.

Другие страны Персидского залива и Турция также проявили интерес к участию в восстановлении экономики Сирии. В частности, недавно Сирия заключила энергетическое соглашение с Катаром на 7 млрд долл. и соглашение с портовым оператором DP World из ОАЭ на сумму более 800 млн долл. Кроме того, несколько корпораций из США намерены разработать генеральный план восстановления энергоснабжения Сирии, о чем на прошлой неделе писало Reuters. План должен охватить нефтяную, газовую и электроэнергетическую отрасли.

Предпосылкой для инвестиций является недавняя отмена санкций США и Европы в отношении Сирии. СМИ отмечают, что наследный принц Саудовской Аравии Мохаммед бин Салман добивался этого решения от администрации Дональда Трампа. Трамп согласился в июне на снятие санкций, чтобы страна смогла восстановиться после долгой войны [Май, 2025].

Турецкий политолог М. Ракипоглу следующим образом дает характеристику роли стран Залива в деле восстановления Сирии и Турции: «Сирия в результате разрушений, которые принесла продолжавшаяся 20 лет диктатура семьи Асада и 13-летняя гражданская война, переживает серьезный экономический, социальный, организационный упадок. В то время как инфраструктура страны разрушена, миллионы людей вынуждены были покинуть страну. Промышленность и сельское хозяйство в состоянии застоя. Эта тяжелая картина показывает, что страна нуждается в долгосрочном и всеобъемлющем возрождении. Самые важные акторы, которые могут помочь действовать в этом направлении, — это страны Залива и Турция» [Rakipoğlu, 2025]. Далее турецкий ученый подчеркивает, что имеющие «гигантские» доходы за счет нефти и газа страны Залива могут оказать Сирии финансовую помощь. В свою очередь Турция может продемонстрировать собственный опыт в таких областях, как инфраструктура, военная сила и государственное устройство.

Далее турецкий политолог подчеркивает: «Необходимы многие миллиарды долларов для инфраструктурных проектов, возрождения системы образования и здравоохранения, возрождения промышленности и решения проблемы предоставления крова для беженцев». Переходное правительство в Сирии в рамках пакетов возрождения ведет переговоры со странами Залива и готовится к заключению соглашений в таких областях, как совместные государственные и частные компании, капиталовложения в энергетику и сельскохозяйственные проекты. В то время, когда Катар, опираясь на свой многолетний опыт, оказывает гуманитарную помощь в области логистики, Саудовская Аравия и ОАЭ специализируются на «мега проектах» и инфраструктуре. Другие страны Залива, также как Кувейт и Бахрейн, могут сыграть свою роль в таких областях, как помощь в образовании и интеграция «сирийской диаспоры». Далее М. Ракипоглу указывает, что в центре всех этих процессов главное место занимает Турция, потому что сотрудничество с Турцией, учитывая ее опыт, просто необходимо» [Rakipoğlu, 2025].

Таковы основные тренды в расстановке сил Турция — страны Залива — Сирия, и они нуждаются в дальнейшем развитии.

Литература / References

- Субботин И. Эрдоган просит помощи у стран Персидского залива. *Независимая газета*. 17.07.2023 [Subbotin I. Erdogan asks for help from the Persian Gulf countries. *Nezavisimaya Gazeta*. 17.07.2023 (in Russian)].
- Dilek Ş. Katar Yatırımları ve Türkiye'nen Yeri. *Analiz*. Rapor. Aralık 2020. Sayı 341 [Dilek Ş. Qatar Investments and Turkey's Place. *Analysis*. Report. December 2020. Issue 341 (in Turkish)].
- Ketchley N. Egypt in a Time of Revolution. Cambridge University Press, 2017.
- Maziad M. The Turkish Burden. The Cost of the Turkey-Qatar Alliance and Hard Power Projection into Qatar Foreign Policy. L.: Routledge, 2019.
- Oran B. Türk Dış Politikası. Cilt III. 2001–2012. İstanbul, 2013 [Turkish Foreign Policy. Vol. III. 2001–2012. İstanbul, 2013 (in Turkish)].
- Tosun M. Cumhurbaşkanı Erdoğan'ın Körfez turunda 3 ülkeyle işbirliğini güçlendiren anlaşmalar imzalandı. *Anadolu Ajansı*. 20.07.2023 [Tosun M. President Erdoğan signed agreements strengthening cooperation with three countries during his Gulf tour. *Anadolu Agency*. 20.07.2023 (in Turkish)].

Электронные ресурсы / Online resources

- Ашауи Х. Страны Персидского залива и новая Сирия. *ANF News*. 02.02.2025 [Ashawi Kh. The Persian Gulf and the New Syria. *ANF News*. 02.02.2025]. URL: <https://russian.anf-news.com/%D0%92-%D0%9C%D0%B8%D1%80%D0%B5/Strany-Persidskogo-zaliva-i-novaa-Siria-62938> (дата обращения: 02.02.2025).
- Велиев Э. Ситуация вокруг Сирии: Как Турция и Саудовская Аравия определяют будущее страны. *REPORT*. 08.02.2025 [Veliev E. The situation around Syria: How Türkiye and Saudi Arabia are determining the country's future. *REPORT*. 08.02.2025]. URL: <https://report.az/ru/analitika/situaciya-vokrug-sirii-kak-turciya-i-saudovskaya-araviya-opredelyayut-budushee-stran> (дата обращения: 08.02.2025).
- Гасанов К. Мирный план Эрдогана по Ближнему Востоку и интересы России. РСМД. 07.12.2022 [Gasanov K. Erdogan's Peace Plan for the Middle East and Russia's Interests. RIAC. 07.12.2022]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mirnyy-plan-erdogana-po-blizhnemu-vostoku-i-interesy-rossii/> (дата обращения: 07.12.2022).
- Григорьев А. Реджеп Эрдоган в государствах Персидского залива: в поисках денег и контрактов. *Военно-политическая аналитика*. 21.07.2023 [Grigoriev A. Recep Erdogan in the Persian Gulf States: In Search of Money and Contracts. *Military-political analysis*. 21.07.2023]. URL: <https://vpoanalytics.com/sobytiya-i-komentarii/redzhep-erdogan-v-gosudarstvah-persidskogo-zaliva-v-poiskah-deneg-i-kontraktov/> (дата обращения: 21.07.2023).
- Май Г. В Сирию потянулись инвестиции из стран Персидского залива. *НОВОСТНОЕ АГЕНТСТВО АННА*. 24.07.2025 [Investments from the Persian Gulf countries are flowing into Syria. *ANNA NEWS AGENCY*. 24.07.2025]. URL: <https://anna-news.info/v-siriyu-potyanulis-investitsii-iz-stran-persidskogo-zaliva/> (дата обращения: 24.07.2025).
- Михин В. Персидский залив — Турция: пока только начало. *Новое восточное обозрение*. 23.12.2023 [Mikhin V. Persian Gulf — Türkiye: Only the Beginning. *New Eastern Outlook*. 23.12.2023]. URL: <https://journal-neo.su/ru/2023/12/23/persidskij-zaliv-turcziya-poka-tolko-nachalo/> (дата обращения: 23.12.2023).
- Участники встречи по Сирии обсудили поддержку политического процесса в стране. *ТАСС*. 12.01.2025 [Participants in the meeting on Syria discussed support for the political process in the country. *TASS*. 12.01.2025]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22860267> (дата обращения: 12.01.2025).
- Шлыков П. Конкурентная многополярность на Ближнем Востоке и роль Турции. *Валдай*. 15.02.2024 [Shlykov P. Competitive multipolarity in the Middle East and the role of Türkiye. *Valdai*. 15.02.2024]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/konkurentnaya-mnogopolyarnost-na-blizhnem-vostoke/> (дата обращения: 15.02.2024).

Шмелева Т. Турция для государств Ближнего Востока: друг, враг или союзник? РСМД. 16.10.2020 [Shmeleva T. Türkiye for the Middle East: Friend, Foe, or Ally? RIAC. 16.10.2020]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/turtsiya-dlya-gosudarstv-blizhnego-vostoka-drug-vrag-ili-soyuznik/> (дата обращения: 16.10.2020).

Biçeroğlu E. Uzmanlara göre Cumhurbaşkanı Erdoğan'ın Körfez ülkelerine yaptığı ziyaret ilişkileri “stratejik ortaklığa” taşıdı. AA. 20.07.2023 [Biçeroğlu E. According to experts, President Erdoğan's visit to the Gulf countries has elevated relations to a “strategic partnership”. AA. 20.07.2023]. URL: <https://aa.com.tr/gundem/uzmanlara-gore-cumburbaskani-erdoganin-korfez-ulkelerine-yaptigi-ziyaret/> (дата обращения: 20.07.2023).

El-Huveylidi M. Körfez ülkeleri ile Türkiye arasındaki ortak eylem planı 2029'a kadar uzatılıyor. Şarkul Avsat. 10.06.2024 [El-Huveylidi M. The joint action plan between the Gulf countries and Türkiye is being extended until 2029. Sharq al-Awsat. 10.06.2024]. URL: <https://turkish.aawsat.com/korfez-ulkeleri-ile-turkiye-arasindaki-ortak-eylem-planı-2029a-kadar-uzatiliyor> (дата обращения: 10.06.2024).

Erkan Ç. Türkiye-Körfez Ülkeleri İlişkilerinde Kazan-Kazan Dönemi. TASAM (Türk Asya Stratejik Araştırmalar Merkezi). 07.02.2024 [Erkan Ç. A Win-Win Era in Türkiye-Gulf Countries Relations. TASAM (Turkish Asian Strategic Research Center). 07.02.2024]. URL: https://tasam.org/tr-TR/Icerik/72508/turkiye-korfez_ulkeleri_iliskilerinde_kazan-kazan_donemi (дата обращения: 07.02.2024).

Körfez İşbirliği Konseyi ile Mutabakat Muhtırası. NTV Haber. Arşiv. [Memorandum of Understanding with the Gulf Cooperation Council. NTV News. Archive]. URL: <https://arsiv.ntvmsnbc.com/search/Redirect.asp?id=458162> (дата обращения: 20.07.2023).

Rakipoğlu M. Suriye'nin yeniden inşası: Körfez ülkeleri beklentileri karşılayacak mı? Fikir Turu. 28.01.2025 [Rakipoğlu M. Reconstruction of Syria: Will the Gulf states meet expectations? Idea Tour. 28.01.2025]. URL: <https://fikirturu.com/jeo-politika/suriyenin-yeniden-insas-korfez-ulkeleri/> (дата обращения: 28.01.2025).

Подписано в печать 29.05.2026. Формат 84x108/16
Бумага офсетная 80 г/м²
Тираж 500 экз.
Усл.-печ. л. 30,87. Уч.-изд. л. 23,3
Заказ №

Редактор и корректор
Н. А. Сидоркина
Верстка текста и дизайн обложки номера
И. В. Федулов

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский центр
Зав. центром *А. О. Захаров*

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский пр-т, 42, корп. 5
тел.: +7 (499) 322-38-31
e-mail: www.t8print.ru